Гуго Мюнстерберг.

Профессоръ Гарвардскаго университета.

Американцы.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Политическая и экономическая жизнь.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. А. Гроибаха.

Складъ изданій: Москва, Моховая, д. Венкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова
1906.

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.

Гуго Мюнстербергъ.

Американцы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Къ русскому изданію. VII
Предисловіе. IX
Введеніе. Американцы и нѣмцы 1

Первая часть.

Политическая жизнь.

I глава. Духъ самоопредѣленія 44
II глава. Партіи 79
III глава. Президентъ 113
IV глава. Конгрессъ 135
V глава. Юстиція 151
VI глава. Штатъ и городъ. 166
VII глава. Общественное мнѣніе 191
VIII глава. Вопросы народонаселенія. 212
IX глава. Вопросы внутренней политики 243
X глава. Вопросы внѣшней политики 260

Вторая часть.

Экономическая жизнь.

XI глава. Духъ самодѣятельности. 288
XII глава. Экономическій расцвѣтъ 315
XIII глава. Вопросъ о серебряной валютѣ 346
XIV глава. Вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ. . . . 359
XV глава. Вопросъ о трестахъ. 374
XVI глава. Рабочій вопросъ. 393

Второй (послѣдній) томъ посвященъ духовной и соціальной жизни.

Предметный указатель для обоихъ томовъ будетъ помѣщенъ въ концѣ второго тома.

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Америку у насъ знаютъ такъ же мало, какъ въ Германіи, или, пожалуй, даже еще гораздо меньше, но судитъ на этомъ основаніи русская публика объ Америкѣ, конечно, нисколько не менѣе рѣшительно, чѣмъ нѣмецкая. Америку у насъ обыкновенно представляютъ себѣ, какъ страну машинъ, страну наживы, страну политическихъ новшествъ и экспериментовъ, и не одинъ читатель, конечно, будетъ искренно удивленъ, когда въ этой книгѣ встрѣтится съ категорическимъ заявленіемъ автора, что американцы—народъ сантиментальный, что въ своей массѣ они, въ сущности, консервативны, и что ихъ «погоня за долларомъ» имѣетъ глубокія нравственныя основы.

Авторъ настоящей книги поставилъ себѣ цѣлью разсѣять предубѣжденія, существующія у его соотечественниковъ по отношенію къ Америкѣ и ея жителямъ. Можно думать, что это въ значительной степени ему удастся, и его работа послужитъ къ тому, что нѣсколько уменьшится треніе между различными частями человѣчества, нѣсколько ослабнетъ антагонизмъ между народами, который постоянно существуетъ въ скрытомъ видѣ, какъ пережитокъ варварскихъ временъ, что нѣсколько смягчится вѣчная угроза, висящая надъ народами въ видѣ возможныхъ столкновеній. Но почему не распространить вліяніе этой книги и на другой сосѣдній народъ, почему не увеличить тѣ результаты, которые она можетъ дать, вдвое или, если за мѣрку брать количественный составъ народа, даже втрое? Одного этого соображенія могло бы быть достаточно для оправданія того факта, что настоящая книга предлагается вниманію русскаго читателя. Надо, однако, сказать, что значеніе ея для русскаго и нѣмецкаго читателя должно быть очень различно. Тому и другому она прежде всего дастъ извѣстныя положительныя знанія, у того и другого она уничтожитъ нѣкоторыя невѣрныя представленія, но, далѣе, для нѣмецкаго читателя значеніе ея будетъ болѣе или менѣе утилитарное, между тѣмъ какъ отношеніе къ ней русскаго читателя будетъ чисто платоническое: изъ истины объ Америкѣ для перваго вытечетъ вопросъ о выгодѣ для Германіи, для второго же изъ истины объ Америкѣ вытечетъ вопросъ объ истинѣ для Россіи. И эта роль настоящей книги, роль сильнаго возбудителя критической мысли въ тѣхъ областяхъ, гдѣ у насъ часто господствуетъ рутина и доктринерство, быть можетъ, еще гораздо важнѣе, нежели ея, такъ сказать, международная роль.

При чтеніи книги Мюнстерберга нельзя не замѣтить, что здѣсь публицистъ говоритъ мѣстами языкомъ дипломата, что, высказывая нѣкоторыя непріятныя для американцевъ истины, авторъ всегда старается позолотить пилюлю, и что своихъ соотечественниковъ онъ не просто просвѣщаетъ, а пытается также навести на практически полезные пути. Со стороны искренняго патріота все это и не удивительно. Между Германіей и Соединенными Штатами существуетъ такъ много нитей, матеріальныхъ и духовныхъ, интересы обѣихъ странъ въ столь многихъ областяхъ сталкиваются или переплетаются, что вполнѣ естественнымъ для человѣка, который одинаково хорошо знаетъ и цѣнитъ обѣ стороны, является желаніе устранить всякіе поводы къ возможнымъ недоразумѣніямъ, расчистить путь для все большаго и большаго сближенія между обоими народами. Въ Америкѣ живутъ милліоны нѣмцевъ, участь которыхъ не можетъ не быть интересна для ихъ соотечественниковъ; американцы еще продолжаютъ пользоваться плодами европейской науки, и ихъ молодежь въ большомъ количествѣ посѣщаетъ европейскіе, главнымъ образомъ, германскіе университеты; непосредственныя торговыя сношенія между Германіей и Соединенными Штатами достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ, а кромѣ того обѣ стороны все въ большей мѣрѣ начинаютъ конкурировать другъ съ другомъ на міровомъ рынкѣ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, описывая американскую жизнь съ разныхъ сторонъ, авторъ, естественно, долженъ былъ касаться многихъ пунктовъ, которые въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ его читателей, имѣютъ большое практическое значеніе. Быть можетъ, ярче всего этотъ скрытый практическій элементъ обнаруживается въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ говоритъ объ иностранной политикѣ Соединенныхъ Штатовъ и критикуетъ доктрину Монроэ. При всемъ его дипломатическомъ искусствѣ, при всей объективности, которую онъ старается выдержать съ самыхъ первыхъ страницъ своей книги, здѣсь ему не удается избѣгнуть даже нѣсколько раздраженнаго тона, и въ его критикѣ за ученымъ публицистомъ ясно чувствуется политикъ. И это понятно: доктрина Монроэ служитъ важнѣйшимъ тормозомъ для свободной нѣмецкой колонизаціи въ Южной Америкѣ, между тѣмъ какъ эта колонизація сдѣлала бы ненужными безплодныя завоеванія Германіи въ Африкѣ и, несомнѣнно, дала бы гораздо лучшіе результаты.

Для русскаго читателя подобныя точки зрѣнія почти не существуютъ. О торговомъ соперничествѣ между Россіей и Америкой на міровомъ рынкѣ еще долго не будетъ рѣчи, въ области политики нигдѣ не сталкиваются насущные интересы обѣихъ державъ, а милліоны русскихъ эмигрантовъ, поселяющихся въ Америкѣ, по многимъ и сложнымъ причинамъ не могутъ создать никакой связи между своей старой и новой родиной. Ознакомленіе съ Америкой, вполнѣ безкорыстное со стороны русскаго читателя, будетъ, однако, какъ сказано, очень полезно въ совершенно иномъ отношеніи. Россія находится въ

періодѣ созиданія, и если не питать фаталистической вѣры въ то, что «сознаніе опредѣляется бытіемъ», если признавать, что и бытіе въ извѣстной степени опредѣляется сознаніемъ, то нельзя не цѣнить всего, что помогаетъ разобраться въ желательныхъ формахъ «бытія», что вноситъ тѣ или другія поправки въ установившіяся, ходячія воззрѣнія. И именно Америка, антиподъ Россіи, даетъ намъ для этого особенно обильный матеріалъ. Страна полной свободы, она показываетъ намъ, еще только приближающимся къ свободѣ, на-ряду съ ея прелестями также ея вредныхъ спутниковъ; всеобщее равенство, послѣдовательное проведеніе демократическаго принципа имѣетъ далеко не однѣ положительныя стороны, и если опять-таки не вѣрить фаталистически въ непреложно предопредѣленный ходъ исторіи, то именно отрицательныя стороны демократіи должны привлечь къ себѣ наше вниманіе, чтобы, отдавъ себѣ въ нихъ ясный отчетъ, мы могли хотя бы попытаться избѣжать ихъ. Страна, гдѣ на-ряду съ процвѣтающей промышленностью существуетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ земледѣльческое производство, можетъ многому научить насъ, у которыхъ сельское хозяйство находится въ полномъ упадкѣ, а промышленность въ одно и то же время искусственно развивалась подъ охраною начальства и тормозилась искусственно же поддерживаемымъ народнымъ невѣжествомъ и нищетой. Америка показываетъ намъ капиталистическую промышленность въ высшей изъ достигнутыхъ ею донынѣ стадій развитія,—объединенную въ рукахъ огромныхъ трестовъ, и при этомъ рабочее движеніе, кореннымъ образомъ отличающееся отъ того, какое мы видимъ на европейскомъ континентѣ. Особенности американской жизни, оттѣняемыя авторомъ посредствомъ сопоставленія съ европейской жизнью, должны показать всякому, что исторія не знаетъ шаблоновъ, что и при сходствѣ экономическихъ условій результаты могутъ получаться очень различные, и что основою этихъ различій, заложенныхъ глубже экономическихъ условій, является самъ человѣкъ со своей сознательной волей.

Надо замѣтить, что Мюнстербергъ находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для выполненія своей задачи. Оставаясь иностранцемъ въ Америкѣ и, слѣдовательно, оставаясь свободнымъ отъ чувства прозелитскаго патріотизма, онъ въ то же время имѣлъ возможность вблизи присматриваться къ американской жизни въ различныхъ ея сферахъ. Изъ того, что онъ говоритъ въ своемъ предисловіи, и изъ намековъ, разбросанныхъ въ самой книгѣ, можно видѣть, что ему приходилось вращаться не только въ академическихъ кругахъ, но и въ дипломатическихъ, и въ коммерческихъ, а связи съ соотечественниками-эмигрантами, конечно, открывали ему доступъ и къ низшимъ слоямъ населенія. Но гораздо важнѣе этихъ внѣшнихъ условій были, безъ сомнѣнія, условія иного рода, вытекающія изъ научной дѣятельности автора. Мюнстербергъ—психологъ, занимающій въ своей наукѣ одно изъ первыхъ мѣстъ на-ряду съ такими величи-

пами, какъ Вундтъ, Геффдингъ, Джэмсъ, и это обстоятельство придало его книгѣ ея главныя достоинства. Въ качествѣ человѣка, привыкшаго къ философскому мышленію, онъ обладаетъ широкимъ кругозоромъ, онъ свободенъ отъ предвзятыхъ мнѣній и выше предразсудковъ, національныхъ, партійныхъ и иныхъ. Указывая на нѣкоторыя отрицательныя стороны въ характерѣ американцевъ, онъ дѣлаетъ это безъ всякой нетерпимости, а вполнѣ объективно, какъ и своихъ соотечественниковъ высмѣиваетъ безпощадно въ томъ, что заслуживаетъ осмѣянія. Описывая политическія партіи и ихъ борьбу, онъ и здѣсь старается сохранить полное безпристрастіе, отдавая справедливость каждой и нисколько не затушевывая ихъ слабыхъ сторонъ. Онъ говоритъ одинаковымъ тономъ и объ организаціяхъ предпринимателей, и объ организаціяхъ рабочихъ, и одинаковость тона выражается въ томъ, что онъ не судитъ, а описываетъ и пытается объяснить описываемое. Главное же, въ своихъ объясненіяхъ онъ всюду исходитъ отъ одного и того же отправного пункта,—отъ конкретнаго живого человѣка, желающаго и страдающаго, не только создаваемаго жизнью, но и создающаго ее. Въ качествѣ психолога Мюнстербергъ всегда видитъ передъ собою человѣческую личность, и масса для него—именно собраніе единицъ, а не какая-то собирательная, почти отвлеченная величина. Благодаря этому его книга является соціологическимъ этюдомъ лучшаго типа. Какъ въ описаніяхъ, дававшихъ авторомъ, такъ и въ его объясненіяхъ мы видимъ отраженіе живой жизни, а не схемы и формулы, и именно потому книга блестяще достигаетъ обѣихъ указанныхъ выше цѣлей: она знакомитъ насъ детально съ жизнью чужой страны и невольно вызываетъ на сопоставленія съ нашей, такъ близко знакомой намъ дѣйствительностью.

А. Г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ будетъ говориться о нынѣшнемъ жителѣ Америки, о томъ, чего онъ хочетъ и что можетъ, о его воззрѣніяхъ и идеалахъ, объ его жизненныхъ формахъ и о результатахъ его трудовъ. Даже тамъ, гдѣ взоры обращаются назадъ, это дѣлается только для того, чтобы на основаніи прошлаго понять нынѣшнія учрежденія и нынѣшнія противорѣчія. Книга такого рода будетъ написана исчерпывающимъ образомъ лишь тогда, когда найдется знающій страну человѣкъ, который въ одно и то же время будетъ историкомъ и политикомъ, политико-экономомъ и юристомъ, соціологомъ и техникомъ.

Ни на одно изъ всѣхъ этихъ званій я не могу претендовать. Моя наука—философія, и лишь въ качествѣ легкой каникулярной работы я выпускаю эту книгу объ Америкѣ въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ томомъ моей «Психологіи». И если я все-таки рѣшился на этотъ, по необходимости несовершенный опытъ, то смѣлость мнѣ придавало только то обстоятельство, что случайно я пришелъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ внутренней жизнью націи и ея движущими силами, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, кто описывалъ Новый Свѣтъ для нѣмецкаго народа.

Сама книга ничѣмъ не выдаетъ этихъ элементовъ личнаго опыта, пріобрѣтеннаго въ странѣ. Ни однимъ словомъ не упоминаются въ ней событія изъ моей собственной жизни; покуда я начну писать свои воспоминанія и разбираться въ своихъ наброскахъ, эта книга давно окажется устарѣвшею. Но если, такимъ образомъ, на протяженіи двадцати шести главъ совершенно отсутствуетъ личный элементъ, то здѣсь, въ предисловіи, онъ является необходимымъ: я долженъ доказать, что имѣю право говорить, и долженъ указать ту точку зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на вещи. Подобный личный отчетъ автора является вѣдь, собственно, самой важной частью въ книгѣ, которая даетъ гораздо больше сужденій, чѣмъ цифровыхъ данныхъ. Одно и то же сужденіе носитъ различный характеръ, если его высказываетъ туристъ, объѣхавшій всю страну въ два-три мѣсяца, или если оно является продуктомъ долголѣтней совмѣстной работы съ жителями страны; и одна и та же критика или одна и та же похвала имѣетъ разное значеніе, когда ее приходится слышать отъ поклонника Америки, которому опостылѣла Европа, или отъ нѣмца, который и въ Новомъ Свѣтѣ остался членомъ Германской имперіи.

Скоро исполнится десять лѣтъ моего пребыванія въ Америкѣ. Я не сдѣлался американскимъ гражданиномъ, и ужъ конечно не потому, что мнѣ опостылѣла Германія, я отправился за океанъ. Я былъ профессоромъ въ Фрейбургскомъ университетѣ (въ Брейсгау), и мнѣ не было еще тридцати лѣтъ, когда Гарвардскій университетъ въ Бостонѣ предложилъ мнѣ мѣсто руководителя психологической лабораторіи. Я ни въ какомъ случаѣ не принялъ бы этого предложенія, если бы отсюда вытекала необходимость отказатся отъ своего мѣста на родинѣ. Но правительство дало мнѣ отпускъ на три года — достаточный срокъ для того, чтобы организовать новый институтъ и познакомиться съ интересной частью свѣта, и тогда я охотно отправился въ путь, такъ какъ зналъ, что мнѣ не приходится жечь мостовъ за собой. Я отправился въ путь, проникнутый предразсудками средняго нѣмца и, сверхъ того, еще особыми предразсудками нѣмецкаго профессора, который покровительственно-пренебрежительно смотритъ на науку Новаго Свѣта. Но я нашелъ все совсѣмъ инымъ, чѣмъ представлялъ себѣ. Несравненное поле дѣятельности въ Гарвардскомъ университетѣ, соціальная привлекательность Бостона, научная жизнь страны, внутренняя полнота этого новаго для меня міра—все это съ каждымъ днемъ сильнѣе привлекало меня, и спустя немного лѣтъ я рѣшилъ все же не воспользоваться сохранившимися за мною мостами и въ ближайшее время продолжать работу на чужой почвѣ, хотя на долгіе лѣтніе каникулы я постоянно возвращался на родину.

Однако было еще одно обстоятельство, которое укрѣпило меня въ этомъ рѣшеніи, и оно-то, быть можетъ, сыграло среди сокровеннѣйшихъ душевныхъ мотивовъ главную роль. Профессорская дѣятельность въ крупнѣйшемъ университетѣ страны съ самаго начала дала мнѣ возможность хорошо приглядѣться къ внутренней жизни націи; при этомъ я много разъ ѣздилъ изъ Бостона въ Калифорнію и обратно, и, что важнѣе всего, скоро сблизился съ научными и политическими, экономическими и соціальными кругами, съ которыми иностранецъ рѣдко приходитъ въ соприкосновеніе. И тогда я живо почувствовалъ, какъ превратно представляетъ себѣ нѣмецъ американскую культуру и какъ это незнакомство съ настоящею Америкой— я говорю о времени, которое уже отдѣлено отъ насъ цѣлыми годами, какъ эта легкомысленно-низкая оцѣнка ея истинныхъ силъ должна стать опасна для нѣмецкаго народа. На ряду съ этимъ мнѣ больно было видѣть также, что и съ другой стороны, у американцевъ, непониманіе лучшихъ нѣмецкихъ чертъ создавало неправильное сужденіе не только у массы, но и въ руководящихъ кругахъ. Меня все сильнѣе захватывала мысль о томъ, какъ много выиграли бы эти два великихъ центра культурныхъ силъ, если бы они больше могли вліять другъ на друга, если бы обѣ націи не отличались такимъ взаимнымъ непониманіемъ. Принять участіе здѣсь въ посреднической работѣ,

поспособствовать плодотворному взаимному обмѣну идеаловъ—это казалось мнѣ какъ бы обязанностью, и эта задача сильнѣе всего прочаго удерживала меня въ чужой землѣ.

* * *

Много было путей, ведущихъ къ этой цѣли. Одно обстоятельство прежде всего меня особенно интересовало. Я ясно видѣлъ, какъ американскія условія ведутъ къ тому, что лучшія силы страны не направляются въ политику, что источникомъ дѣйствительно руководящихъ силъ съ каждымъ годомъ болѣе становится академическая среда, и такимъ образомъ дѣло заключалось въ томъ, чтобы вызвать симпатію къ политическимъ сферамъ Германіи не только среди профессіональныхъ политическихъ дѣятелей, но и въ тѣхъ кругахъ, которые группируются вокругъ большихъ университетовъ. Въ этомъ я и видѣлъ свою ближайшую задачу. Надо было привести въ соприкосновеніе политическія сферы Германіи съ академическими сферами Америки.

Официальный представитель Германской имперіи съ тонкимъ тактомъ соглашался принимать участіе въ рискованныхъ планахъ. Мы дѣйствовали не только въ восточной части страны. Вскорѣ главная духовная сила Запада, Чикагскій университетъ устроилъ германско-американское празднество, въ которомъ центромъ торжества былъ германскій посланникъ; а когда на востокѣ Гарвардскій университетъ поднесъ господину Голлебену почетный докторскій дипломъ, и тысячи бывшихъ студентовъ во главѣ съ престарѣлымъ сенаторомъ Гоэромъ праздновали этотъ день, причемъ главною темою рѣчей служила прочная дружба съ Германіей, когда самый великолѣпный изъ бывшихъ гарвардскихъ студентовъ, Теодоръ Рузвельтъ, съ воодушевленіемъ сказалъ свое слово,—тогда дружественныя чувства къ Германіи проявились въ такой теплой формѣ, въ какой они никогда еще не обнаруживались въ штатахъ Новой Англіи. Вскорѣ на этомъ же пути послѣдовали другіе университеты, и все это оказывало и еще теперь продолжаетъ оказывать самое благотворное вліяніе во многихъ направленіяхъ.

Другимъ средствомъ, ведущимъ къ моей цѣли, было съ помощью свободнаго слова и пера устранять тѣ недоразумѣнія, которыя возникали по разнымъ поводамъ, и выяснять для англосаксонцевъ основныя германскія черты. Въ эту сторону мои усилія направлялись постоянно. Въ этихъ видахъ я написалъ и свою книгу American Traits, въ которой подвергалъ рѣзкой критикѣ слабыя стороны американской культуры и противопоставлялъ имъ то, что есть глубокаго и прекраснаго въ культурѣ германской. И это слово, сказанное въ защиту нѣмецкаго взгляда на государство и нѣмецкихъ формъ жизни, получило неожиданно быстрое распространеніе въ кругу англосаксонскихъ читателей.

Но не менѣе важна была для меня и другая сторона. Необходимо было дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, чтобы создалось болѣе живое общеніе между руководящими кругами Германіи и новою Америкой. И это желаніе выполнялось само собою съ каждымъ годомъ въ большей мѣрѣ. Каждый день къ намъ прибывали новые гости, а въ настоящій моментъ [1]) уже готовится въ путь за океанъ посольство, которое будетъ встрѣчено самымъ радушнымъ образомъ. Нѣмецкій ученый міръ посылаетъ цѣлый рядъ блестящихъ представителей всѣхъ наукъ на интернаціональный конгрессъ, который состоится въ связи съ всемірной выставкой и планъ котораго мною составленъ именно съ указанной точки зрѣнія. Я стремился къ тому, чтобы конгрессъ въ равной мѣрѣ способствовалъ какъ объединенію разрозненныхъ наукъ, такъ и объединенію націй, отдѣленныхъ другъ отъ друга океаномъ. Всѣ народы будутъ въ долинѣ Миссисипи представлены своими выдающимися учеными, но германскимъ университетамъ я имѣлъ возможность послать наибольшую часть приглашеній.

Тѣмъ не менѣе, при каждомъ посѣщеніи Германіи я все снова чувствовалъ, что американскій характеръ тамъ все еще совершенно ложно истолковывается, прежде всего—что неправильно понимаются мотивы американцевъ и ихъ цѣли. Свѣдѣнія сообщаются гораздо болѣе достовѣрныя, и обѣ страны узнаютъ другъ о другѣ въ настоящее время больше, чѣмъ узнавали десять лѣтъ тому назадъ; но человѣкъ съ его внутренней жизнью все еще плохо понимается, а вѣдь это—главное, разъ желательно предотвратить столкновенія и установить дружественное сотрудничество ради обоюдныхъ интересовъ. И мнѣ казалось необходимымъ изложить американскіе мотивы и идеалы такъ, какъ они представляются самимъ американцамъ и какъ можетъ ихъ понимать только тотъ, кто вмѣстѣ съ американцами живетъ и работаетъ. Руководимый этимъ убѣжденіемъ, я написалъ настоящую книгу. Съ тѣхъ поръ какъ я приступилъ къ этой работѣ, на нѣмецкомъ языкѣ появилось не мало сочиненій, вѣрно рисующихъ нынѣшнюю Америку; особенно удачны работы Поленца и Гольдбергера, перваго о соціальной, второго объ экономической жизни страны. Цѣль же настоящей книги—изобразить жителя Америки со всей совокупностью его душевныхъ движеній.

Сообразно этой цѣли, настоящая книга, предназначаемая для широкихъ круговъ, написана въ легкой формѣ. Хотя я всюду охотно прибѣгалъ къ источникамъ, но при этомъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду запросовъ ученаго изслѣдователя-спеціалиста. Въ источникахъ для справокъ по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи развитія Америки, конечно, нѣтъ недостатка; но здѣсь цѣлью было—сдѣлать внутренне-понятнымъ

[1]) Писано весною 1904 года, когда еще только готовилась всемірная выставка въ С.-Луи. *Примѣч. перев.*

своеобразныя черты цивилизаціи Новаго Свѣта и такимъ образомъ подготовить почву для правильныхъ сужденій. Поэтому главное значеніе безусловно выпадаетъ на долю тѣхъ четырехъ главъ, въ которыхъ подвергается анализу житель Америки; это — главы о духѣ самоопредѣленія, самодѣятельности, самоусовершенствованія и самостоятельности.

* * *

Будить въ людяхъ пониманіе другихъ людей не значитъ постоянно оправдывать или даже пріукрашивать дѣйствія этихъ другихъ. Отъ такой задачи я очень далекъ. Безспорно, я подчеркиваю цѣнныя стороны американской культуры, потому что обращаюсь къ читателямъ, которые вооружены всѣми предразсудками Европы; но это не мѣшаетъ мнѣ безпощадно раскрывать также слабыя и опасныя стороны, потому что только истинное знаніе, а не прикрашиваніе, можетъ быть полезно для того, надъ созданіемъ чего я работаю въ теченіе десяти лѣтъ,—для дружбы между двумя самыми могучими культурными націями міра.

И если бы теперь, когда книга эта покидаетъ мой столъ, я захотѣлъ снабдить ее эпиграфомъ, то я выбралъ бы слова, которыя здѣсь были сказаны. Здѣсь, въ моемъ рабочемъ кабинетѣ, стоялъ братъ императора, окруженный своею свитою, и передавалъ президенту Гарвардскаго университета императорскій даръ для Германскаго музея. И когда офиціальныя рѣчи были уже сказаны и торжество согласно церемоніалу окончено, тогда принцъ Генрихъ, возбужденный, вдругъ снова выступилъ впередъ и воскликнулъ: «Пусть же все способствуетъ прочной и искренней дружбѣ между Соединенными Штатами и Германіей».

А сейчасъ передо мной лежитъ письмо, въ которомъ президентъ Рузвельтъ, спустя три дня послѣ того, какъ онъ принялъ бразды правленія въ Вашингтонѣ, писалъ мнѣ: «Будьте увѣрены, что существуетъ немного вещей, которыя составляютъ предметъ такихъ задушевныхъ моихъ желаній, какъ искренняя дружба между Германіей и Соединенными Штатами».

Слова президента и слова Гогенцоллернскаго принца вполнѣ созвучны; они дали основной тонъ моей книгѣ, и лучшая задача этой книги заключается въ томъ, чтобы заставить дальше звучать эхо этихъ дружественныхъ словъ.

Кембриджъ близъ Бостона. Апрѣль 1904 года.

Гуго Мюнстербергъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Американцы и нѣмцы.

Когда нѣмцу случается выслушивать разсказы о какихъ нибудь явленіяхъ американской культурной жизни, то онъ легко впадаетъ въ заблужденіе благодаря поспѣшнымъ обобщеніямъ: онъ невольно сравниваетъ Соединенные Штаты съ какой нибудь европейской страною, напримѣръ, съ Германіей, всѣ части которой, въ общемъ, находятся на одинаковомъ уровнѣ культурнаго развитія. Онъ думаетъ, что и тамъ, за океаномъ, случаи, происходящіе въ одной части страны, возможны также и въ другой, и когда въ газетѣ онъ читаетъ «чисто-американскія исторіи», сообщаемыя изъ Техаса или Аризоны, то впечатлѣніе у него обобщается и окрашиваетъ собою также и его сужденія о восточныхъ штатахъ. А между тѣмъ культурный Востокъ отличается отъ иныхъ дикихъ мѣстностей Запада гораздо больше, чѣмъ Германія отличается отъ Сербіи или Болгаріи.

Правильное мѣрило для сравненія образованія, нравовъ и внутреннихъ цѣнностей будетъ взято лишь тогда, когда Соединенные Штаты сравниваются не съ какой нибудь одной европейской страною, а съ разъединенными государствами всей Европы. Если сама природа страны представляетъ тамъ разительные контрасты—отъ вѣчнаго снѣга до тропическихъ пальмъ, то не менѣе велики различія жизненныхъ условій и жизненныхъ потребностей въ отдѣльныхъ штатахъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, и нѣтъ другой страны въ мірѣ, которая такъ приковывала бы къ себѣ вниманіе изслѣдователя культуры, давая возможность наблюдать въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ всѣ тѣ культурныя формы, которыя въ Старомъ Свѣтѣ исторія медленно и тщательно наслаивала одну поверхъ другой.

Но замѣчательнѣе всего, удивительнѣе и важнѣе всего то, что среди этого хаоса культуры житель Америки всюду одинъ и тотъ же—отъ Атлантическаго до Великаго океана. Различіе культуры тамъ гораздо больше, чѣмъ въ странахъ, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь; разница же между людьми гораздо меньше, чѣмъ даже въ предѣлахъ собственно Германіи. Мекленбуржецъ и баварецъ, силезецъ и обитатель береговъ

Рейна желаютъ, въ сущности, различныхъ вещей; сокровеннѣйшія влеченія и характерныя черты едва ли менѣе разнятся у нихъ, чѣмъ у представителей различныхъ народностей. Восемьдесятъ же милліоновъ людей, объединенныхъ подъ звѣзднымъ знаменемъ, по своимъ хотѣніямъ и по своей натурѣ представляютъ собою, въ сущности одинъ и тотъ же типъ. Однѣ и тѣ же силы всюду движутъ ими, одни и тѣ же желанія ихъ возвышаютъ, одни и тѣ же недостатки мѣшаютъ ихъ успѣхамъ, одинаковыми глазами смотрятъ они на міръ, съ одинаковымъ чувствомъ вступаютъ они въ него, и пестрыя различія культуры внезапно оказываются только чѣмъ-то вродѣ накинутой одежды,—у однихъ грубый крестьянскій плащъ, у другихъ украшенное брилліантами бальное платье. Въ своей некультурности и въ утонченной культурѣ здѣсь психическою единицей вездѣ является одинъ и тотъ же человѣкъ, новый человѣкъ во всемірной исторіи—американецъ.

Надъ духовнымъ сходствомъ этихъ новыхъ людей должны бы задуматься тѣ, кто хочетъ объяснить всю исторію ученіемъ о расахъ, а духовный міръ и дѣйствія народовъ свести къ естественно-историческимъ причинамъ. Эти попытки, конечно, всегда принадлежали къ основнымъ стремленіямъ позитивизма, но лишь послѣ того какъ великое естественно-научное движеніе девятнадцатаго вѣка въ своемъ побѣдномъ шествіи перешло отъ мертвой матеріи къ живой, отъ физики къ дарвиновой біологіи, затѣмъ отъ естественной исторіи тѣла къ естественной исторіи духа, къ психологіи, а отсюда, сдѣлавъ послѣдній шагъ въ области реалистическаго пониманія, къ соціологіи,—лишь послѣ этого понятіе расы могло вполнѣ выступить на первый планъ. Гобино снова воскресъ, Чемберлэнъ сталъ господствовать надъ многими умами, и люди забыли, что все это ученіе о расахъ, выдающее себя за исторію, и вся наука о складкахъ мозговой коры, желающая предписывать намъ, какъ намъ поступать, представляютъ собою лишь разновидность матеріализма — жалкій суррогатъ міросозерцанія, послѣднее слово антифилософской эпохи.

Но періодъ господства этой ложной философіи приходитъ къ концу. Огромная реалистическая волна опускается, и снова поднимается волна идеализма. Мы начинаемъ трезво смотрѣть на техническую культуру, принесенную намъ реализмомъ, начинаемъ чувствовать, что весь этотъ реалистическій прогрессъ не дѣлаетъ жизни ни лучшею, ни болѣе цѣнною, болѣе стоящею того, чтобы жить. Снова настало время, когда нагроможденіе сухихъ фактовъ перестаетъ быть для насъ интереснымъ и когда все снова побуждаетъ искать цѣльнаго міросозерцанія. И подобно тому, какъ шестьюдесятью годами раньше долженъ

былъ явиться позитивизмъ, потому что предшествовавшій ему идеализмъ произвольно переступилъ свои границы, — такъ теперь сотни признаковъ указываютъ, что снова предстоитъ смѣна реализма идеализмомъ, составляющая условіе прогресса въ міровой исторіи. Реализмъ исполнилъ свое назначеніе, и его «разумъ становится безуміемъ», если въ него не будетъ привнесена идеалистическая истина.

Одна вещь прежде всего начинаетъ чувствоваться все сильнѣе съ каждымъ днемъ,—именно, что дѣйствительныя цѣнности исторической жизни улетучиваются, когда событія въ жизни народовъ объясняются, на основаніи естественно-историческихъ законовъ, данными расовой физіологіи, когда вообще принципіально заявляется, что разсматривать вещи, надо только для того, чтобы ихъ «объяснить». Вѣдь историческая дѣйствительность, въ которой мы живемъ, непосредственно вовсе не занимаетъ насъ въ качествѣ цѣпи процессовъ, которые мы желаемъ объяснить; это — міръ дѣйствій, которыя мы хотимъ понимать. Вѣдь и сами мы составляемъ часть историческаго цѣлаго только благодаря тому, что мы — личности, надѣленныя волею, желающія или не желающія того, чего желаютъ другіе, подражающія или борющіяся, — безразлично, направлена ли наша воля на государство или право, на науку или искусство, на нравственность или религію. Разумѣется, въ соціальномъ мірѣ нѣтъ такого уголка, все содержаніе котораго не могло бы быть разсматриваемо просто какъ объектъ, какъ явленіе, и въ этомъ случаѣ описаніе и объясненіе вполнѣ умѣстны; но подлинный смыслъ человѣческой жизни можетъ быть уловленъ лишь тогда, когда берется совсѣмъ иная точка зрѣнія, когда эта жизнь разсматривается не какъ явленіе, доступное органамъ нашихъ чувствъ, а какъ совокупность рѣшеній, сознательно принимаемыхъ, когда, такимъ образомъ, мы стараемся понять человѣческія дѣйствія не по ихъ причинамъ, а по ихъ цѣлямъ. Лишь тогда на ряду съ фактомъ бытія снова получаетъ значеніе смыслъ жизни, на ряду съ реальной дѣйствительностью, которая сама по себѣ не имѣетъ цѣнности, важною становится цѣнность, на ряду съ причинною зависимостью—идеалъ, на ряду съ подновленнымъ расовымъ матеріализмомъ—этическій идеализмъ Канта и Фихте.

Ничтожны и недѣйствительны тѣ результаты, которые мы получили бы, если бы захотѣли приложить къ американскому народу схему понятій естественно-научной соціологіи. Объясненія, которыя здѣсь можетъ дать соціологъ, безспорно, совершенно правильны. Онъ можетъ намъ разсказать, какимъ образомъ на протяженіи трехъ вѣковъ всѣ народы Европы высылали толпы людей въ обширныя американскія пространства,

какимъ образомъ сюда присоединились африканцы, какъ различныя расы перемѣшивались другъ съ другомъ и все же оставались достаточно раздѣленными для того, чтобы сохранять всѣ свои расовые признаки; онъ пояснитъ, что даже тамъ, гдѣ происходило скрещиваніе, оно продолжалось слишкомъ недолго и не успѣло еще создать новой расы. Соціологъ разскажетъ намъ, какъ различія климата, занятій, питанія и всѣхъ экономическихъ условій создавали все новыя и новыя различія. И если онъ разскажетъ намъ все это и даже больше, то незамѣченнымъ останется все-таки самое главное, именно—что всѣ эти люди въ существѣ своемъ одинаковы. Всѣ эти англійскіе американцы и шведскіе американцы, ирландскіе американцы и русскіе американцы, французскіе американцы и нѣмецкіе американцы, — всѣ они вѣдь истинные американцы, соединенные между собою тысячью общихъ ощущеній и отдѣленные цѣлымъ океаномъ чувства отъ европейскихъ англичанъ и шведовъ, ирландцевъ и нѣмцевъ.

Несомнѣнно, въ концѣ-концовъ и это единство и эта общность могли бы получить біологическое объясненіе, если бы мы были всевѣдущи въ области причинъ и слѣдствій. Но въ мірѣ біологической закономѣрности эти факторы общности не обращаютъ на себя вниманія и остаются незамѣченными; естествознаніе и не имѣетъ основанія ихъ отыскивать. Лишь въ томъ случаѣ, если мы измѣнимъ точку зрѣнія, если захотимъ не объяснять, а понимать, уразумѣть новаго человѣка не по расовому строенію его мозга, а по тѣмъ цѣлямъ, которыя онъ себѣ ставитъ, — лишь въ этомъ случаѣ единство рѣзко бросится намъ въ глаза. Когда миссіонеръ отправляется къ какимъ нибудь племенамъ проповѣдывать евангеліе, онъ силенъ своею вѣрой, потому что считается только съ желаніями этихъ людей и видитъ въ нихъ личности, надѣленныя волею, а не думаетъ о томъ, чего можно, согласно формуламъ біологической соціологіи, ожидать отъ мозговыхъ извилинъ дикарей; такъ и насъ въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія поразительное сходство всѣхъ американцевъ приводитъ къ мысли, что сущность этого типа людей мы поймемъ только въ томъ случаѣ, если подойдемъ къ нимъ не съ слабыми, односторонними попытками объяснять ихъ свойства ихъ происхожденіемъ, а постараемся понять ихъ желанія и идеи.

Мы должны понять, какія побужденія руководятъ американцемъ, чего онъ хочетъ и какъ въ теченіе процесса его историческаго развитія свободно выработались эти хотѣнія; и для этого намъ не надо дожидаться того времени, когда ученіе о расахъ и физіологическая психологія, наконецъ, будутъ въ состояніи намъ объяснить, что собственно измѣняется въ нервныхъ центрахъ европейца въ тотъ моментъ, когда онъ проѣзжаетъ мимо

статуи Свободы въ гавани Нью-Іорка и, при вступленіи въ Новый Свѣтъ, сразу становится «американцемъ». Безспорно, вѣрна пословица, которая въ согласіи съ ученіемъ о расахъ гласитъ, что кровь не вода; но американскій народъ въ его духовномъ единствѣ можетъ попять только тотъ, кто сознаетъ, что типографская краска значитъ еще больше, нежели кровь.

Этимъ-то новымъ людямъ будутъ посвящены нижеслѣдующіе очерки. Кто знаетъ этихъ людей, тотъ легко разберется въ сложныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ ихъ культуры, кто же ихъ не понимаетъ, тотъ напрасно будетъ, какъ это дѣлаютъ многіе, колесить отъ Новой Англіи до Калифорніи, отъ канадской границы до мексиканской. Изъ окна гостиницы и изъ вагона желѣзной дороги онъ увидитъ много новаго и необычнаго, много уродливаго и много интереснаго, много такого, что заслуживаетъ осужденія, и много такого, что достойно подражанія,—но настоящей Америки онъ не увидитъ. Германія, какъ и вообще Европа, дѣйствительно, слишкомъ мало знаютъ Америку именно потому, что, разсматривая Новый Свѣтъ, слишкомъ мало имѣютъ въ виду новаго человѣка и судятъ по внѣшности вмѣсто того, чтобы смотрѣть на существо дѣла.

Давно уже раздавалась жалоба на то, что представленія Европы о странахъ, расположенныхъ по ту сторону океана, слагаются главнымъ образомъ изъ поверхностныхъ сужденій и недоразумѣній, изъ наблюденій надъ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ неважно, и изъ предразсудковъ.

Въ 1765 году Веніаминъ Франклинъ написалъ открытое письмо къ лондонской печати. Въ этомъ письмѣ говорилось «Я хотѣлъ бы особенно обратить ваше вниманіе на то, что газетныя новости, сообщаемыя изъ Америки и на первый взглядъ кажущіяся неправдоподобными, совсѣмъ не должны на этомъ основаніи признаваться за вымыслы. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ газетахъ за послѣднюю недѣлю сообщается, что жители Канады готовятся будущимъ лѣтомъ предпринять большую ловлю трески и китовъ въ Верхнихъ озерахъ. Несвѣдущіе люди могутъ по этому поводу замѣтить, что Верхнія озера прѣсноводны, а треска и киты живутъ въ соленой водѣ. Но вѣдь надо принять во вниманіе, что треска, разъ ее преслѣдуютъ, вѣроятно готова будетъ бѣжать въ любую воду, и что киты, твердо рѣшившись полакомиться треской, несомнѣнно послѣдуютъ за нею. И необходимый для этого скачекъ, который киты дѣлаютъ вверхъ противъ теченія Ніагары, является въ глазахъ всѣхъ, кто его видѣлъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ зрѣлищъ въ природѣ».

Стали ли наши свѣдѣнія съ тѣхъ поръ болѣе основательны? Развѣ не должны въ нашихъ газетахъ киты все еще

прыгать вверхъ противъ теченія Ніагары? И если въ нашъ вѣкъ телеграфа фактическія свѣдѣнія и стали болѣе достовѣрны, то непониманіе людей все же не можетъ быть исправлено никакими телеграфными сообщеніями. Но въ этомъ, по обыкновенію, читатели болѣе виновны, чѣмъ писатели. Газета должна довольствоваться извращеннымъ отраженіемъ дѣйствительности, разъ публика настаиваетъ на томъ, что для Америки только самое неправдоподобное правдоподобно, и что здѣсь даже симпатичныя явленія должны объясняться несимпатичными мотивами.

Что касается, въ частности, Америки и Германіи, то надо признаться, что въ этомъ, такъ долго царившемъ непониманіи обѣ страны пользовались полной взаимностью. И въ американскихъ газетахъ можно было ежедневно встрѣтить случаи такого ошибочнаго толкованія явленій нѣмецкой жизни, какого намѣренно не могла бы создать самая пылкая фантазія. Здѣсь также слишкомъ часто обнаруживалось прежде всего стремленіе объяснять даже самыя простыя дѣйствія такими психическими мотивами, которые у американцевъ считаются непріятными или даже достойными презрѣнія. При этомъ надо замѣтить, что такое обоюдное очерненіе національныхъ характеровъ явилось лишь продуктомъ послѣднихъ десятилѣтій. Въ прежнія времена нѣмцы и американцы немного знали другъ о другѣ,— американцы потому, что они вообще немного знали, а нѣмцы потому, что объ американцахъ еще почти нечего было знать. Въ общемъ Америка представлялась нѣмцамъ страною, гдѣ золото лежитъ на улицахъ, и гдѣ никакіе законы не стѣсняютъ людей, а американцы считали Германію страною поэтовъ и мыслителей. Но именно поэтому каждой изъ обѣихъ этихъ странъ другая казалась настолько отличною, что не было никакихъ поводовъ для сравненія ихъ между собою. Оба народа чувствовали, что они движутся въ совершенно различныхъ плоскостяхъ. Однако въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій все это рѣшительно измѣнилось. Германія стала могущественна и богата, промышленность и міровая торговля ея окрѣпли, экономическіе интересы выдвинулись на передній планъ. Напротивъ, въ Америкѣ піонерская культура сдѣлалась болѣе утонченной и одухотворенной; какъ только страна достигла извѣстнаго экономическаго расцвѣта, въ нее стали все въ большей мѣрѣ проникать высшіе интересы. Формы жизни и внѣшнія задачи у обоихъ народовъ сдѣлались благодаря этому болѣе сходны, и теперь эти народы—сотрудники на поприщѣ культуры, соперники на міровомъ рынкѣ и въ міровой политикѣ; теперь все побуждаетъ ихъ сравнивать себя другъ съ другомъ, оцѣнивать другъ друга, судить другъ о другѣ по внутреннимъ мотивамъ и, такимъ

образомъ, составить себѣ общее представленіе о среднемъ человѣкѣ другой страны.

Этотъ образъ, сложившійся въ народномъ сознаніи, и по ту и по другую сторону океана представлялъ собою мало симпатичную карикатуру, которая благодаря англійской ретушировкѣ, конечно, не сдѣлалась привлекательнѣе. Въ результатѣ почти исчезла граница между сознательными насмѣшками юмористическихъ листковъ и ненамѣренно извращеннымъ представленіемъ въ сознаніи массъ.

Американцу нѣмецъ представлялся плохо одѣтымъ, нечистоплотнымъ, неуклюжимъ филистеромъ, тяжелымъ и ограниченнымъ педантомъ, который наслаждается только трубкою, пивомъ и игрою въ скатъ, который упражняется въ искусствѣ церемоніальнаго марша, застываетъ въ бюрократическихъ порядкахъ, женится ради денегъ, пользуется женщинами какъ прислугою или игрушкой, который рабски угодливъ по отношенію къ высшимъ и грубъ по отношенію къ низшимъ, который боится полицейскаго, постоянно ссорится со своими близкими и ненавидитъ всякій прогрессъ. Въ глазахъ же нѣмца янки рисовался какъ мужиковатый малый, готовый одобрять всякіе нечистые пріемы въ общественной жизни и всякое мошенничество въ экономическихъ отношеніяхъ, всецѣло поглощенный погонею за долларомъ и за сенсаціей, какъ варваръ въ искусствѣ и наукѣ, какъ лицемѣрный ханжа, который жуетъ табакъ и главное удовольствіе находитъ въ судѣ Линча. Въ общемъ итогѣ обѣ стороны приходили къ одному и тому же. Въ тупоумномъ грубомъ трусѣ Стараго Свѣта и въ невѣжественномъ развратномъ грубіянѣ Новаго Свѣта—въ томъ и другомъ народное сознаніе создало отвратительный образъ, прямо противоположный тому, что въ этомъ сознаніи представлялось образомъ достойнаго человѣка; у той и другой стороны преобладало такое чувство, — разумѣется, съ сотнями различныхъ оттѣнковъ,—что представители противной стороны—не джентльмэны.

Однако, кто ясно представляетъ себѣ, какъ многое въ политикѣ зависитъ отъ тона, и въ какой сильной степени тонъ опредѣляется резонаторомъ,—тотъ понимаетъ и скрытую опасность, заключающуюся въ подобныхъ карикатурахъ на цѣлый народъ. Намъ слишкомъ много говорили о томъ, что въ политическихъ комбинаціяхъ рѣшающую роль играютъ экономическія потребности: въ нашъ вѣкъ газетныхъ телеграммъ настроеніе важнѣе, чѣмъ рыночныя цѣны. Между двумя народами, которые въ своихъ массахъ пользуются взаимнымъ уваженіемъ, даже самый тяжелый конфликтъ можетъ притти къ мирному и почетному для обѣихъ сторонъ разрѣшенію; у народовъ же,

массы которыхъ относятся одна къ другой съ презрѣніемъ, малѣйшій поводъ можетъ повести къ жестокой борьбѣ, и даже безъ помощи оружія обѣимъ сторонамъ могутъ быть нанесены глубокія раны. Страсти могутъ разгорѣться благодаря самому ничтожному случаю, разъ существуетъ скрытая увѣренность въ томъ, что у противной стороны можно предполагать только низкіе мотивы.

Страннымъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ къ широкимъ кругамъ людей, враждебно настроенныхъ по своему невѣдѣнію, присоединялись еще люди также несвѣдущіе, но настроенные дружелюбно; эти люди благосклонно смотрѣли на то, что дѣлается по другую сторону океана, но въ конечномъ счетѣ сильно мѣшали взаимному пониманію народовъ. Въ мирномъ разговорѣ, у камина, въ Америкѣ можно часто услышать добродушный, любезный отзывъ о нѣмцахъ въ родѣ слѣдующаго: разумѣется, культура ихъ совершенно устарѣла, но все же эти современные пережитки средневѣковья представляютъ чрезвычайно живописную и пикантную картину; эти отсталые люди такъ забавны въ своемъ старомодномъ разнообразіи, такъ нарядны, когда драпируются въ свой кастовый духъ, такъ милы въ своихъ разноцвѣтныхъ мундирахъ, что едва ли существуетъ болѣе привлекательная страна, въ которой можно было бы съ удовольствіемъ провести нѣсколько недѣль на каникулахъ. Этому отзыву съ другой стороны отвѣчаетъ сытое благорасположеніе нѣмцевъ. Конечно, говорятъ они, тамъ, по ту сторону океана, все находится еще въ хаотическомъ состояніи, невыносимомъ для деликатныхъ нервовъ, но все же въ высшей степени занятно изъ окна нашей зрѣлой культуры смотрѣть на эту бѣшеную сутолоку и видѣть, какъ свѣжая, хотя и незрѣлая энергія на свѣжей почвѣ даетъ такіе результаты, которыхъ съ внѣшней стороны нельзя не признать изумительными.

На ряду съ этими дружелюбными и недружелюбными выразителями невѣдѣнія съ обѣихъ сторонъ имѣется, конечно, и небольшое число знающихъ людей. Нельзя отрицать, что и въ нихъ иногда говоритъ честное чувство ненависти. Образованный американецъ, хорошо знакомый съ Германіей, можетъ въ нѣмецкомъ классовомъ духѣ и въ нѣмецкой дисциплинѣ, въ нѣмецкой бюрократіи и въ нѣмецкой аристократіи, въ положеніи нѣмецкой женщины, въ нравахъ изъ области половыхъ отношеній и въ нѣмецкихъ взглядахъ на пьянство видѣть такія угрозы своему культурному идеалу, которыя вызываютъ его на гнѣвное сопротивленіе. Точно такъ же и нѣмецъ, вполнѣ понимая великія и хорошія черты Новаго Свѣта, можетъ, основываясь на глубокомъ убѣжденіи, возставать противъ слѣпого господства большинства, противъ непризнаванія

никакихъ авторитетовъ, противъ вредныхъ сторонъ экономической свободы и противъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ явленій, вытекающихъ изъ демократическихъ принциповъ.

И тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что съ обѣихъ сторонъ у дѣйствительно знающихъ людей преобладаетъ искреннее уваженіе — разумѣется, не заставляющее закрывать глаза на чужія слабости и недостатки и не мѣшающее любить свое и стоять за свое. Американецъ восторгается глубокою, одухотворенной культурою старой страны, обиліемъ въ ней красоты, богатствомъ накопленнаго въ ней знанія, ея творческой силою и оригинальнымъ дарованіемъ. Съ своей стороны, и нѣмецъ получаетъ глубокое впечатлѣніе отъ той серьезности и силы, съ которою Новый Свѣтъ строитъ свои циклопическія стѣны, отъ творческой фантазіи и оптимистическаго энтузіазма, которые при строгой нравственной дисциплинѣ создаютъ новую народную культуру, съ новыми, почти не подозрѣвавшимися до сихъ поръ человѣческими цѣнностями.

Однако ни тотъ, ни другой не зайдетъ въ своемъ удивленіи такъ далеко, чтобы у себя дома проповѣдывать слѣпое подражаніе чужому; они знаютъ, что каждая культура должна органически расти, что волевые моменты — цѣли — не могутъ быть произвольно переносимы съ мѣста на мѣсто; но ихъ никогда не покидаетъ и вѣра въ то, что незнаніе чужого есть несправедливость по отношенію къ собственной странѣ, что ясное пониманіе природы другихъ людей будетъ огромнымъ выигрышемъ для собственныхъ соотечественниковъ. Тотъ же, кто серьезно понялъ, чего хотятъ и что могутъ обѣ страны, тотъ знаетъ, что онѣ и безъ всякаго внѣшняго подражанія могутъ и должны чрезвычайно многое заимствовать другъ у друга; тотъ охотно вѣритъ, что онѣ все болѣе становятся образцомъ другъ для друга, внутренно сближаясь и дополняя одна другую; ибо тотъ въ глубинѣ души знаетъ, что въ рукахъ этого двойственнаго союза будущее всего міра.

Чѣмъ объяснить, однако, что число такихъ знающихъ людей съ обѣихъ сторонъ такъ долго оставалось столь незначительнымъ, между тѣмъ какъ пароходы между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ постоянно ходятъ переполненными? Но кто же не знаетъ, что путешественникъ, въ сущности, вездѣ видитъ только то, что ожидаетъ увидѣть. Американецъ можетъ исколесить всю Германію,—но если онъ пріѣхалъ съ готовымъ убѣжденіемъ, что нѣмцы стонутъ подъ гнетомъ начальственнаго терроризма, то впослѣдствіи онъ скоро забудетъ тысячи случаевъ, гдѣ онъ видѣлъ или могъ видѣть вещи, которыя не были бы дозволены въ его пуританской родинѣ; нѣсколько же такихъ случаевъ, когда нѣмецкая бюрократія непривычнымъ для

него образомъ его потревожила, неизгладимо запечатлѣваются въ его памяти. Въ то время какъ толстая палка въ рукѣ американскаго полицейскаго ему всегда казалась чѣмъ-то совершенно безобиднымъ, вполнѣ естественнымъ, — каска нѣмецкаго шуцмана на каждомъ углу представляется ему символомъ страха. Точно такъ же нѣмецъ, высаживающійся въ гавани Нью-Іорка съ традиціонной увѣренностью, что американцы всегда куда-то спѣшатъ, не замѣтитъ тѣхъ тысячъ людей, которые размѣреннымъ шагомъ идутъ по улицѣ, но ему, бросятся въ глаза и запомнятся только тѣ немногіе, которые дѣйствительно почему нибудь торопятся.

Однако, не одними только предубѣжденіями напередъ опредѣляется впечатлѣніе; есть очень много людей, которые просто не въ состояніи освоиться съ внутренней стороною чужеземной культуры. Американецъ благодаря своему оптимизму всегда считалъ, что все непривычное для него должно быть нѣсколько хуже чѣмъ то, къ чему онъ у себя дома привыкъ. Нѣмца въ прежнее время не безъ основанія подозрѣвали въ противоположной склонности: онъ слишкомъ наивно, безъ всякой критики, преклонялся передъ всѣмъ чужимъ. Съ ростомъ же національнаго сознанія этотъ недостатокъ перешелъ въ другую крайность, и необычное напередъ признается худшимъ.

Къ этому присоединяются еще недоразумѣнія: единичныя явленія оцѣниваются внѣ ихъ естественной связи со всѣми дѣйствующими факторами. Вѣдь первое впечатлѣніе всегда касается единичныхъ явленій, искусственно выдѣляемыхъ наблюдателемъ: прежде всего мы видимъ только средства, а не цѣли. Лишь тотъ, кто дѣятельно участвуетъ въ общей жизни, можетъ понять внутреннюю связь всего совершающагося передъ его глазами, можетъ увидѣть, что одинъ и тотъ же вопросъ въ различныхъ странахъ разрѣшается совершенно различнымъ образомъ и что, слѣдовательно, различіе въ образѣ дѣйствій еще совсѣмъ не свидѣтельствуетъ и о различіи цѣлей.

Но какъ рѣдко посѣщеніе чужой страны даетъ нѣчто большее, чѣмъ чисто поверхностныя свѣдѣнія, какъ рѣдко при этомъ случается войти въ дѣйствительное соприкосновеніе съ типичными представителями этой чужой страны! Американецъ, черпающій объясненія нѣмецкой культуры изъ словъ швейцаровъ при гостиницахъ, изъ разговоровъ съ хозяйками пансіоновъ и съ собственными соотечественниками, встрѣченными во время путешествія, рѣдко возвращается домой съ чувствами друга Германіи, хотя бы онъ искренно восторгался Нюрнбергомъ и Байрейтомъ, Гейдельбергомъ и Веймаромъ. Съ другой стороны, какъ можетъ и нѣмецъ понять и полюбить страну Новаго Свѣта, когда привезенныя имъ рекомендательныя письма

вводятъ его только въ кружки нѣмецкихъ американцевъ, гдѣ нѣтъ, быть можетъ, ни одного человѣка, переступившаго когда либо порогъ англо-американскаго салона. Недоразумѣнія начинаются, конечно, уже на самой низшей ступени общежитія, въ области мелкихъ привычекъ, техническихъ условій, манеръ и обычаевъ, принятыхъ въ обществѣ; но очень поучительно бываетъ прослѣдить характеръ взаимныхъ наблюденій именно въ этой сферѣ пошлости, такъ какъ основы скороспѣлыхъ, ложныхъ и несправедливыхъ заключеній, въ концѣ-концовъ, въ крупныхъ вопросахъ тѣ же, что и въ мелкихъ, а процессъ ихъ образованія здѣсь обнаруживается скорѣе всего.

Нашъ пріятель-нѣмецъ, готовясь къ долгому путешествію, устроился такъ, чтобы наибольшую часть своихъ вещей везти съ собою, а не сдавать въ багажъ и не платить за это слишкомъ много при огромныхъ переѣздахъ по Америкѣ. Въ Нью-Іоркѣ онъ отправляется съ полдюжиной чемодановъ и сундучковъ на желѣзную дорогу, и послѣ двухъ-трехъ дней пути у него уже сложилось твердое убѣжденіе, что условія путешествія въ отношеніи багажа въ Америкѣ безобразны и что самое путешествіе — сплошная мука. Нигдѣ онъ не находилъ въ вагонѣ сѣтокъ для своихъ чемодановъ, на станціяхъ не оказывалось услужливыхъ носильщиковъ, къ чему онъ привыкъ у себя дома; при пересадкахъ онъ самъ долженъ былъ перетаскивать всѣ свои вещи,—и сужденіе его готово. Но вотъ какой нибудь пріятель совѣтуетъ ему пріобрѣсти большой обитый металломъ сундукъ, въ которомъ могъ бы помѣститься весь его ручной багажъ, всѣ сумки и чемоданы. И съ этого дня нашъ путешественникъ сіяетъ отъ счастья. Онъ ѣздитъ по всей странѣ, не платя ни одного цента за свой багажъ; уже въ гостиницѣ онъ сдаетъ свой сундукъ для отправки на желѣзную дорогу и въ вагонѣ дѣлаетъ распоряженіе о доставкѣ его въ такую-то гостиницу, при себѣ онъ везетъ только маленькую сумочку съ парою книгъ для чтенія въ пути, и тутъ онъ начинаетъ понимать, что американская система несравненно удобнѣе и пріятнѣе нѣмецкой. Но прежде всего онъ начинаетъ понимать, что всѣ явленія связаны между собою и что сужденіе о какомъ нибудь отдѣльномъ факторѣ не имѣетъ смысла. Въ странѣ, гдѣ путешественнику предоставляется сдавать безплатно багажъ почти въ неограниченномъ количествѣ, было бы смѣшно возить много вещей на рукахъ, а гдѣ нѣтъ ручного багажа, тамъ, въ свою очередь, и носильщики на вокзалахъ были бы совершенно лишнимъ изобрѣтеніемъ. Точно такъ же, какъ объ этомъ пустякѣ, судитъ путешественникъ и о самыхъ важныхъ явленіяхъ, объ американскомъ чиновничествѣ и о жизни партій, о судѣ и законодательствѣ, о школѣ и церкви. Отдѣльное

явленіе постоянно сравнивается съ соотвѣтствующими явленіями родной страны, прежде чѣмъ понято его значеніе во всемъ ряду мѣстныхъ условій. Именно эту связь мы всегда будемъ имѣть въ виду, когда будемъ говорить о политической и экономической, о духовной и соціальной жизни Америки.

Нашъ путешественникъ, конечно, выставитъ въ первый вечеръ свои запыленные сапоги за дверь, и такъ какъ на слѣдующее утро онъ найдетъ ихъ въ томъ же видѣ, то у него сложится убѣжденіе, что прислуга въ Америкѣ никуда не годится. Правда, сойдя потомъ къ завтраку въ общій залъ, онъ можетъ сдѣлать открытіе, что прислуживаютъ ему здѣсь гораздо больше, чѣмъ у него дома. Въ передней негръ принимаетъ отъ него шляпу, которую затѣмъ, при выходѣ, уже несетъ ему навстрѣчу. Едва онъ вошелъ въ залъ, особый адъютантъ ведетъ его къ лучшему мѣсту; когда онъ хочетъ сѣсть, какой-то услужливый духъ пододвигаетъ ему стулъ подъ колѣни, а стоящій передъ нимъ лакей настаиваетъ на разрѣшеніи торжественно положить щипцами сахаръ въ его чашку. Но, несмотря на этотъ избытокъ услужливости, путешественникъ не можетъ забыть того, что его сапоги все-таки въ пыли. Что у американцевъ этотъ вопросъ разрѣшается другимъ способомъ, этого онъ еще не уразумѣлъ, а теперь его ожидаетъ новое разочарованіе. Яйца въ смятку подаются за завтракомъ безъ бокальчиковъ, такъ какъ американецъ привыкъ выливать ихъ содержимое въ особый стаканъ. Подобнаго же рода жестокости, разумѣется, грозятъ и американцу, когда онъ путешествуетъ по Германіи. Онъ считаетъ, что попалъ къ варварамъ, когда въ гостиницѣ ему нельзя взять номеръ съ ванною комнатой; онъ привыкъ у себя дома, что даже въ скромной гостиницѣ каждый жилецъ, по желанію, можетъ получить собственную ванную комнату. Когда же онъ садится за завтракъ и, по обыкновенію, хочетъ начать его съ апельсиновъ, то оказывается, что лакей подноситъ ему ихъ безъ чайной ложечки. А между тѣмъ какой же американецъ въ состояніи ѣсть апельсины безъ ложечки? Изумленіе, недовольство, осужденіе, которыя такъ эффектны при подобныхъ пустякахъ, принимаютъ только болѣе патетическій характеръ, когда рѣчь заходитъ не о чисткѣ сапогъ, а объ очисткѣ городовъ и государствъ, или когда оказывается, что въ какой нибудь интеллектуальной или художественной или этической сферѣ бокальчики для яицъ и ложечки для апельсиновъ тоже не приняты,—хотя и при другой манерѣ ѣды апельсины не менѣе вкусны, а яйца не менѣе питательны.

Трагикомическій элементъ бываетъ сильнѣе всего въ тѣхъ случаяхъ, когда взаимное незнаніе обычаевъ ведетъ къ невѣрному пониманію намѣреній. Нашъ другъ, отправляющійся въ

Новомъ Свѣтѣ съ первымъ визитомъ, запасся великолѣпными визитными карточками, на которыхъ напечатаны всѣ его титулы и званія на самомъ изысканномъ англійскомъ языкѣ; чтобы оказать честь дамѣ, которую онъ навѣстилъ, онъ надѣлъ прекраснѣйшія тонкія перчатки, а затѣмъ, когда ему вмѣстѣ съ дамою пришлось пройти по улицѣ, онъ при каждомъ поворотѣ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы она находилась отъ него съ правой стороны. Онъ и не подозрѣвалъ, что его визитная карточка, пожалуй, будетъ вставлена въ рамку подъ стекло въ качествѣ курьезной вещи, такъ какъ въ американскомъ хорошемъ обществѣ не принято, чтобы на карточкахъ стояло что нибудь кромѣ одного только имени и фамиліи, безъ всякихъ титуловъ и указаній на занимаемую должность. Онъ не подозрѣвалъ также, что молодая дама была возмущена его невоспитанностью, когда онъ подалъ ей руку, не снявши предварительно перчатки, и когда онъ на улицѣ шелъ слѣва отъ нея вмѣсто того, чтобы—какъ это сдѣлалъ бы всякій образованный американецъ—всегда дать ей итти вдоль домовъ, а не около мостовой.

Дѣло въ томъ, что и хорошія манеры имѣютъ свою длинную національную исторію. Случается, что когда сидишь въ ресторанѣ съ пріѣзжимъ нѣмцемъ, послѣдній, не понимая различныхъ явленій американской жизни, начинаетъ горячо доказывать, что американцы плохо воспитаны, и пока онъ горячится, у сосѣднихъ столиковъ замолкаютъ разговоры, и всѣ съ недоумѣніемъ глядятъ на невоспитаннаго иностранца, который своимъ шумомъ нарушаетъ общій тонъ спокойной, мирной бесѣды. Американецъ и считаетъ, что гдѣ происходитъ шумъ, тамъ навѣрное есть нѣмцы. И не надо думать, что иной характеръ носятъ подобныя недоразумѣнія, вытекающія изъ непониманія намѣреній другой стороны, когда дѣло происходитъ не въ простой домашней обстановкѣ, а въ сферѣ высшихъ политическихъ отношеній. Дипломаты, государи и даже цѣлые народы могутъ при самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ производить своими визитными карточками комическое впечатлѣніе и вызывать, сами того не подозрѣвая, раздраженіе своими тончайшими перчатками.

Но и въ сужденіяхъ дѣйствительно знающихъ людей на той и другой сторонѣ часто отсутствуетъ правильный масштабъ. Американцамъ лучше всего удавались изображенія нѣмецкой духовной культуры; гораздо меньше пониманія обнаруживали они въ отношеніи политической жизни Германіи. Лишь въ недавнее время въ верхнихъ слояхъ стали понимать не только Веймаръ, но и Берлинъ, и при этомъ переходъ совершается непосредственно отъ Гёте къ Вильгельму II; напротивъ, Бис-

маркъ и его время никогда не были поняты какъ слѣдуетъ, и если о новомъ міровомъ могуществѣ Германіи было высказано много оригинальныхъ и вѣрныхъ мыслей, то, съ другой стороны, фигура нынѣшняго нѣмца ни разу не была нарисована американцемъ со всѣми ея характерными особенностями.

Въ нѣмецкой литературѣ объ Америкѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ рядъ выдающихся монографій по отдѣльнымъ политико-экономическимъ вопросамъ. Далѣе, въ душу новаго народа заглянули географъ Ратцель, историкъ Гольстъ, политико-экономъ Галле, политикъ Бартъ, фабрикантъ Гольдбергеръ, этнологъ А. Б. Мейеръ и, прежде всего, незабвенный, глядѣвшій ясными глазами поэта Поленцъ. Всѣ они, на ряду съ нѣкоторыми другими, какъ напр. Вентигъ, Пааше, Гетцшъ, Саломонсонъ, Альберти, Диркъ, графъ Мольтке, высказали много тонкихъ и глубокихъ замѣчаній относительно американской культуры, хотя надо признать, что ни одна нѣмецкая работа не можетъ быть поставлена такъ высоко, какъ книга англичанина Брайса. И все-таки даже въ лучшей изъ этихъ работъ есть кое-что произвольное: во всѣхъ мы слышимъ посторонняго зрителя, стоящаго снаружи и потому видящаго вещи въ такой перспективѣ, которая не существуетъ для самихъ дѣйствующихъ лицъ. Такая критика, идущая извнѣ, имѣетъ величайшую цѣнность; но на ряду съ нею можно съ полнымъ основаніемъ поставить и другую задачу — изображеніе натуры американца и его дѣятельности въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется его собственному сознанію.

* * *

Если нѣмецъ, пріѣхавшій изъ Германіи и быстро переѣзжающій въ Новомъ Свѣтѣ изъ одного мѣста въ другое, не много видитъ подлинной Америки, и если янки, проводящій какія нибудь каникулы въ Германіи, вывозитъ не особенно вѣрныя представленія о настоящемъ нѣмецкомъ характерѣ, то это еще не значитъ, что они не приносятъ другимъ способомъ пользы для взаимнаго ознакомленія народовъ между собою. Американецъ можетъ въ Германіи, а нѣмецъ въ Америкѣ содѣйствовать пониманію своего народа.

Можетъ показаться страннымъ, что сотни тысячъ американцевъ ежегодно блуждаютъ по Европѣ и въ то же время такъ мало стараются вызвать симпатію къ своей странѣ не у однихъ только ресторанныхъ лакеевъ. Но кто же отправляется на каникулахъ въ путешествіе съ цѣлью пропаганды? Именно американецъ лучшаго типа не взбирается на площадки, откуда любуются видами, чтобы тамъ обратиться къ обитателямъ гос-

тиницы съ агитаціонною рѣчью о культурныхъ преимуществахъ своей родины. Онъ незамѣтно идетъ своей дорогою и, пожалуй, видитъ часть каникулярнаго развлеченія въ томъ, чтобы продѣлывать все то, что дѣлаютъ другіе. Онъ пьетъ мюнхенское пиво, хотя оно кажется ему невкуснымъ, посылаетъ открытыя письма съ видами, хотя, собственно, считаетъ невѣжливымъ писать на открытыхъ письмахъ что либо кромѣ дѣловыхъ сообщеній, онъ въ курительной комнатѣ со смѣхомъ выслушиваетъ пикантные анекдоты, которые въ Америкѣ вызвали бы презрѣніе къ разказчику. Вообще онъ не бросается въ глаза. Но вотъ является какой нибудь чванный проходимецъ изъ дикихъ степныхъ штатовъ, который въ Америкѣ и не пытался бы проникнуть въ хорошее общество; онъ жуетъ табакъ, кладетъ ноги на стулья, и всѣ обращаютъ вниманіе на «американца» и по его безобразному поведенію составляютъ себѣ общее превратное мнѣніе.

Часто намѣренія, не понимаемыя другой стороною, приводятъ почти къ игрѣ въ прятки. Американецъ старается приладиться къ нѣмецкимъ обычаямъ и именно благодаря этому впадаетъ въ ошибки. Такъ, напримѣръ, еще недавно ему было незнакомо даваніе «на чай»; такія подачки совершенно противорѣчатъ экономическимъ представленіямъ американца. Но когда онъ пріѣзжаетъ въ Германію, то хочетъ подчиниться этому дурному обычаю, и чтобы не сдѣлать какого нибудь упущенія, онъ раздаетъ «на чай» такъ щедро, что всюду разносится молва о спесивцахъ, швыряющихъ несообразно большія подачки. Еще болѣе комично бываетъ, когда ясно выраженное намѣреніе понимается прямо противоположнымъ образомъ. Сколько насмѣхается, напримѣръ, европейская дипломатія надъ тѣмъ, что американскіе дипломаты не знаютъ французскаго языка и потому вынуждены, вопреки международнымъ обычаямъ, даже самое коротенькое сообщеніе излагать по англійски. Въ дѣйствительности Америка видитъ основаніе для гордости въ томъ, что она навязываетъ міру свой языкъ и строго запрещаетъ своимъ чиновникамъ употреблять какую нибудь другую рѣчь, кромѣ англійской; такимъ образомъ, американскій дипломатъ, хотя бы онъ прекрасно говорилъ по французски, можетъ на письмѣ пользоваться только англійскимъ языкомъ. Пониманію настоящаго американскаго характера въ Германіи больше всего способствовали многочисленные американскіе студенты нѣмецкихъ университетовъ. Но кругъ, въ которомъ они вращаются, большей частью очень тѣсенъ, ихъ знаніе свѣта и языка обыкновенно такъ недостаточно, а положеніе такъ зависимо, что они рѣдко позволяютъ себѣ откровенно возражать своимъ профессорамъ, которые съ видомъ знатоковъ повторяютъ старые

предразсудки объ Америкѣ, особенно сильно распространенные въ академическихъ сферахъ Германіи.

Совершенно иначе, казалось бы, должно обстоять дѣло у другой стороны. Вѣдь нѣмцы, переселяющіеся въ Америку, какъ по своему количеству, такъ и по продолжительности пребыванія не могутъ быть сравниваемы со студентами и лицами, пріѣзжающими на каникулы изъ Америки въ Германію. Съ каждымъ годомъ сотни тысячъ нѣмцевъ притекали въ Новый Свѣтъ, и не для поверхностныхъ наблюденій надъ его жителями, а для долгой совмѣстной съ ними работы, не для того, чтобы ближайшей осенью снова уѣхать, а для того, чтобы здѣсь вырастить дѣтей и внуковъ: пятая часть нынѣшняго населенія Соединенныхъ Штатовъ—германскаго происхожденія, въ большихъ американскихъ городахъ насчитывается больше нѣмцевъ, чѣмъ въ среднихъ городахъ Германской имперіи. Развѣ не было естественнымъ дѣйствіемъ и, въ то же время, первѣйшею задачею этихъ милліоновъ нѣмецкихъ американцевъ—показать, что такое германскій духъ и германское отечество? Развѣ здѣсь не было въ почти подавляющемъ изобиліи лучшихъ посредниковъ между обоими народами, развѣ они не должны были на каждомъ шагу пробуждать въ своей новой родинѣ пониманіе всего нѣмецкаго и, наоборотъ, черезъ посредство своихъ безчисленныхъ родственныхъ связей съ старой родиной вызвать въ Германіи правильное пониманіе настоящей Америки? Стоитъ труда нѣсколько подробнѣе вглядѣться въ этотъ нѣмецко-американскій міръ.

Само собою разумѣется, что исторію нѣмецкихъ американцевъ надо строго отличать отъ исторіи германско-американскихъ отношеній. Германія и Америка могутъ находиться въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ нѣмецкимъ американцамъ живется очень плохо, и въ дѣйствительности было такъ, что высшаго расцвѣта нѣмецкіе американцы достигли въ то время, когда взаимная связь между обоими народами еще была очень слаба. Въ Германіи недостаточно различаютъ эти два рода вопросовъ и часто смѣшиваютъ ихъ другъ съ другомъ. Съ чисто политической точки зрѣнія, отношенія между Германіей и Америкой не имѣютъ ничего общаго съ положеніемъ нѣмцевъ въ Америкѣ, и политической дѣйствительности не соотвѣтствуетъ смутное чувство, подсказывающее Германской имперіи необходимость дружественной политики по отношенію къ Америкѣ для того, чтобы нѣмцамъ хорошо жилось по ту сторону океана. Въ чувствахъ американскаго народа, когда онъ обращается къ Германіи, какъ бы нѣтъ отдѣльнаго мѣста для нѣмецкихъ американцевъ, и то же самое происходитъ, съ другой стороны, въ реальныхъ элемен-

тахъ германской политики. Эти непосредственныя отношенія между обоими народами на протяженіи ихъ исторіи были большею частью дружественными, да и вообще въ своихъ взаимныхъ чувствахъ они рѣдко выходили изъ равновѣсія. Разумѣется, въ торжественныхъ рѣчахъ часто приходится слышать красивыя слова о томъ, какъ твердо помнитъ американскій народъ свое общее происхожденіе съ германскимъ народомъ, какъ Америка чтитъ въ Англіи свою мать, а въ Германіи мать своей матери, какъ тевтонское происхожденіе сказывается въ народныхъ обычаяхъ и политическихъ учрежденіяхъ, какъ раздѣленіе страны напоминаетъ древне-германскія марки, и какъ представительство въ городахъ Новой Англіи похоже на древне-германскія собранія «свободныхъ людей». Неизбѣжно въ торжественныхъ случаяхъ на сцену является и старый Фрицъ, ставшій во время революціонной войны безъ оговорокъ на сторону колонистовъ,—хотя въ памяти у улыбающихся слушателей при этомъ всегда встаетъ другая картина, съ которою они познакомились еще изъ школьныхъ учебниковъ, картина гессенскихъ наемниковъ, проданныхъ Англіи однимъ нѣмецкимъ государемъ для борьбы противъ колоній.

Столѣтіе, послѣдовавшее за этой борьбою, было періодомъ хорошихъ отношеній, безъ особенной дружбы, но и безъ враждыі политическіе договоры и экономическія соглашенія, заключенные въ это время, были для Америки не безвыгодны. Германія по своей политической слабости имѣла для вновь образовавшагося союза американскихъ штатовъ очень малое значеніе въ качествѣ возможнаго союзника или противника, но въ духовномъ отношеніи связь между обѣими странами безпрерывно укрѣплялась. Начиная съ тридцатыхъ годовъ, лучшіе представители американской молодежи стали посѣщать германскіе университеты и въ Геттингенѣ, Гейдельбергѣ и Гиссенѣ, затѣмъ также въ Лейпцигѣ и Берлинѣ научились понимать и цѣнить духовную работу нѣмцевъ. Нѣмецкая музыка проникла въ Новый Свѣтъ, нѣмецкая поэзія и нѣмецкая философія начали оказывать вліяніе на американскія чувства. Лонгфелло ведетъ свое происхожденіе отъ Гёте, Эмерсонъ—отъ Фихте.

Затѣмъ возгорѣлась междоусобная война, и въ то время какъ вся Европа сомнѣвалась и колебалась, общественное мнѣніе Германіи, руководимое правильнымъ нравственнымъ инстинктомъ, стояло на сторонѣ побѣдителей-борцовъ, поставившихъ себѣ цѣлью освобожденіе невольниковъ. Вскорѣ наступилъ и день, когда изъ разрозненныхъ нѣмецкихъ государствъ образовалась единая Германская имперія,—а американецъ всегда искренно радуется, когда видитъ, что разорванное соединяется, что осколки сливаются въ одно цѣлое, что здоровая сила проявляется въ

крупныхъ дѣйствіяхъ и создастъ нѣчто новое, чего раньше не было. Не все то, что слѣдовало затѣмъ, было привлекательно; но нѣмецкая торговля и промышленность окрѣпли, и такъ какъ американецъ привыкъ въ личныхъ сношеніяхъ относиться дружелюбно къ тѣмъ, съ кѣмъ въ дѣлахъ онъ конкуррируетъ, потому что изъ всѣхъ душевныхъ состояній человѣка зависть ему наиболѣе чужда,—то и въ этой области прежде всего почувствовались съ радостью общіе элементы. Съ новою силой нѣмецкая школа и нѣмецкая наука стали проникать въ Америку, Вагнеръ началъ здѣсь свое тріумфальное шествіе и пробудилъ пониманіе для прошлаго германской націи, а молодой императоръ обнаружилъ тѣ черты, которыя американецъ такъ любитъ въ самомъ себѣ, — быструю иниціативу, дерзкую самостоятельность, многосторонность и смѣлость, оптимистическую самонадѣянность и широкій размахъ; онъ сдѣлался для американцевъ единственнымъ лицомъ на европейской сценѣ, производившимъ чарующее впечатлѣніе; затѣмъ наступила испанская война, и съ этимъ мы переходимъ въ періодъ настоящаго.

Что общественное мнѣніе Германіи дало себя тогда натравить на Америку и, въ силу обиднаго невѣдѣнія, ложно истолковывало мотивы американцевъ, — это вызвало у послѣднихъ глубокое недовольство; но радость побѣды заставила скоро его позабыть, и когда Германія затѣмъ быстро приспособилась къ новому международному положенію и многозначительными выраженіями почета признала вступленіе Америки въ число великихъ державъ, когда американская культура и техника, страна и люди получили совершенно открыто львиную долю при урегулированіи новыхъ внѣшнихъ интересовъ Германіи, то офиціальныя отношенія между обоими государствами легко могли получить снова дружественный характеръ, несмотря на нѣкоторыя таможенныя столкновенія и недоразумѣнія съ флотомъ, вносившія иногда въ эту дружбу ноту диссонанса. Нельзя допустить, что въ этомъ процессѣ развитія германско-американскихъ отношеній многое произошло бы иначе, если бы среди населенія Америки совсѣмъ не было нѣмцевъ.

Нѣмецъ не можетъ слѣдить за ходомъ исторіи нѣмецкихъ американцевъ, не испытывая при этомъ горькаго чувства отъ сознанія того, какую огромную потерю здоровой силы понесло здѣсь его отечество. На протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій въ среднемъ сто тысячъ нѣмцевъ ежегодно покидали свою родину, чтобы переселиться въ Новый Свѣтъ, и въ настоящее время число этихъ переселенцевъ и ихъ потомковъ въ Америкѣ составляетъ шестнадцать милліоновъ; между тѣмъ населеніе самой Германіи въ отношеніи къ населенію британскихъ, русскихъ и американскихъ владѣній за послѣднія сто лѣтъ непрерывно

уменьшалось, а обширная площадь британскихъ, русскихъ и американскихъ владѣній должна въ будущемъ сдѣлать это отношеніе еще болѣе неблагопріятнымъ для Германіи. Въ то же время все сильнѣе распространяются поляки, и нѣмецъ съ горечью чувствуетъ, насколько все могло бы сложиться иначе, если бы Германія сумѣла удержать всѣхъ этихъ своихъ дѣтей на своей землѣ. Вѣдь это были не худшіе изъ ея дѣтей, а въ смыслѣ характера и энергіи, предпріимчивости и сознательности, пожалуй, даже лучшіе, самые сильные, которыхъ естественный отборъ безпрерывно увлекалъ за океанъ. Нѣсколько блудныхъ сыновей, предпочитающихъ, чтобы широкое море отдѣляло ихъ отъ нѣмецкаго правосудія, въ сравненіи съ этими милліонами могутъ совсѣмъ не приниматься въ расчетъ.

Германія и показываетъ въ послѣднее время, что въ этомъ отношеніи у нея на совѣсти лежитъ грѣхъ противъ культуры, но въ величайшее заблужденіе впадаютъ тѣ, кого это непріятное чувство приводитъ къ несообразной мысли, будто возможно вернуть организму хотя бы каплю легкомысленно растраченной крови. Правда, невѣжественные люди забавлялись мыслью о томъ, что нѣкоторые западные штаты, въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточились нѣмецкіе переселенцы, могутъ постепенно развиться въ самостоятельныя нѣмецкія государства, и что эти государства могутъ затѣмъ, слѣдуя собственному влеченію, выйти изъ союза остальныхъ штатовъ и присоединиться къ Германской имперіи. Американскіе агитаторы подавали иногда соотвѣтственныя реплики, инсинуируя на счетъ сепаратистскихъ чувствъ, будто-бы лелѣемыхъ нѣмцами въ Америкѣ.

Но эти инсинуаціи и надежды въ одинаковой степени безсмысленны. Какъ бы мы ни судили о нѣмецкихъ американцахъ, — ихъ американскій патріотизмъ не можетъ подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію, и хотя бы сантиментальная привязанность къ воспоминаніямъ дѣтства, вывезеннымъ изъ Германіи, была и очень сильна, — ихъ преданность Америкѣ, какъ политическому цѣлому, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія: нѣмецкій американецъ — американецъ всѣмъ сердцемъ и всей душою, и если бы когда нибудь дѣло дошло до кроваваго столкновенія, то онъ скрѣпя сердце пошелъ бы подъ звѣзднымъ знаменемъ даже противъ германскаго орла. Слишкомъ многіе покинули нѣмецкое отечество для того, чтобы уйти изъ подъ невыносимаго гнета, отъ религіозной нетерпимости и экономическихъ стѣсненій, отъ военной службы, классового духа и политическихъ преслѣдованій. Ихъ отечество тамъ, гдѣ они нашли свободу и уваженіе, средства къ жизни и признаніе своего достоинства. Но важнѣе всего то, что изъ нѣмецкой земли они вывезли съ собой нѣмецкую вѣрность, побуждающую въ счастьѣ

и въ несчастьѣ соблюдать непоколебимую преданность новому господину. Здѣсь, какъ и вездѣ, прозелиты,—лучшіе католики чѣмъ самъ папа. Иногда почти кажется, что нѣмецкіе американцы, особенно во второмъ поколѣніи, чувствуютъ потребность подчеркивать свой патріотизмъ, хотя серьезно ихъ никто не подозрѣваетъ въ противоположномъ. Такъ, нѣмецкіе американцы, состоящіе консулами въ германскихъ городахъ, пользуются славой наиболѣе энергичныхъ поборниковъ американскихъ интересовъ при ихъ столкновеніяхъ съ интересами германской торговли; морскіе офицеры изъ нѣмецкихъ американцевъ считаются въ американскомъ флотѣ элементомъ наиболѣе недружелюбно настроеннымъ противъ Германіи, и, конечно, нѣтъ болѣе отвратительнаго типа людей, презирающихъ Германію, чѣмъ тѣ сынки разжившихся нѣмецкихъ переселенцевъ, которые стыдятся родины своихъ отцовъ, которые послѣ каждаго посѣщенія Германіи изливаются, благодаря полному непониманію нѣмецкой культуры, въ преувеличенныхъ жалобахъ на нѣмецкую мелочность и отсталость, на обиліе опеки, и которые снова начинаютъ чувствовать себя въ достойной человѣка обстановкѣ лишь тогда, когда на обратномъ пути сидятъ въ курительной комнатѣ за пуншемъ и картами.

Нѣмецкая эмиграція совершается такъ же давно, какъ и заселеніе Америки. Уже на кораблѣ викинга, который въ древности направлялся «въ страну вина», по преданію, находился любитель вина — обитатель рейнскихъ береговъ, а въ потокѣ голландцевъ и англичанъ, заселявшихъ вновь открытую страну, всегда находились единичные представители нѣмецкаго народа. Въ 1626 году нѣмецъ купилъ у индѣйцевъ островъ Мангаттанъ. Если же нѣмцы, начиная съ 1883 года, во всей странѣ празднуютъ 6-е октября, какъ «нѣмецкій день», въ память о крефельдцахъ, высадившихся 200 годами раньше въ Филадельфіи, то именно этому переселенію съ полнымъ основаніемъ придается такое значеніе. Это былъ первый опытъ организованной нѣмецкой колонизаціи. Нѣмцы, прибывавшіе въ Америку до 1683 года, представляли собой единичныхъ работниковъ, ремесленниковъ и купцовъ, которые не имѣли никакого вліянія и безслѣдно растворялись въ существующихъ уже поселеніяхъ; съ названнаго же дня нѣмецкій элементъ начинаетъ играть самостоятельную, хотя на первыхъ порахъ и скромную роль. Эту первую высадку нѣмецкаго отряда подъ предводительствомъ Пасторіуса въ колоніи Вилліяма Пенна не разъ сравнивали съ высадкой англійскихъ пуританъ на берега Новой Англіи.

Съ конца XVII до конца XVIII вѣка иммиграція носитъ сравнительно однообразный характеръ. На первомъ планѣ стоятъ религіозные мотивы; все новыя и новыя толпы

покидали родину для того, чтобы имѣть возможность исповѣдывать свою вѣру. Это было время образованія многочисленныхъ сектъ. Вилліямъ Пеннъ былъ миссіонеромъ квакеровъ, и крефельдскія семьи, которыя пошли за нимъ, скоро нашли многочисленныхъ послѣдователей. Сюда присоединились меннониты, мистики и многіе другіе, и непосредственнымъ результатомъ всякаго религіознаго гоненія въ нѣмецкихъ странахъ былъ приливъ людей въ новыя колоніи. Но къ религіознымъ побужденіямъ постоянно присоединялись экономическіе мотивы; тяжелыя времена побуждали цѣлыя семьи изъ Пфальца, Швабіи и другихъ мѣстъ рѣшиться на тяжелое путешествіе за океанъ. Уже тогда часто возникали преувеличенныя надежды у тѣхъ, кто дома жилъ въ безпросвѣтной бѣдности на своемъ клочкѣ земли. Отъ Каролины на югѣ до штатовъ Новой Англіи на сѣверѣ возникли разбросанныя поселенія самаго разнообразнаго размѣра, но нигдѣ они не достигли такого значенія, какъ въ «странѣ Пенна»—Пенсильваніи.

Въ теченіе тревожныхъ десятилѣтій, послѣдовавшихъ за французской революціей, иммиграція почти прекратилась; но въ 1780 году уже въ одной Пенсильваніи жило около 100 тысячъ нѣмцевъ, имѣвшихъ нѣмецкія церкви, школы и типографіи, и нѣмецкій элементъ въ Америкѣ уже достаточно окрѣпъ для того, чтобы отстоять себя въ теченіе сорока лѣтъ безъ притока новыхъ силъ: около 1817 года, когда снова началось нѣмецкое переселеніе, новые нѣмецкіе пришельцы могли тотчасъ же примыкать къ старымъ, уже осѣвшимъ, и непрерывность этой иммиграціи была такимъ образомъ сохранена.

Теперь, однако, играли роль уже не религіозные, а главнымъ образомъ политическіе мотивы, которые присоединились къ экономическимъ, и эта политическая эмиграція снова наполняетъ собою цѣлыя десятилѣтія. При этомъ можно различать отдѣльныя послѣдовательныя наслоенія. Оглядываясь назадъ, мы обыкновенно придаемъ главное значеніе тѣмъ, кто покинулъ отечество послѣ борьбы сорокъ восьмого года. Профессора и журналисты, врачи и адвокаты были вожаками, а обширныя толпы народа, особенно изъ южной и западной Германіи, послѣдовали за ними и тотчасъ въ качествѣ ревностныхъ піонеровъ проникли въ безграничныя равнины и богатыя долины западной Америки. И этотъ могучій потокъ продолжалъ течь даже тогда, когда время политическихъ гоненій давно уже миновало; все новыя массы покидали родную землю даже тогда, когда за ними оставалось уже не растерзанное отечество, а когда они могли съ гордостью взирать на объединенную имперію. Экономическія условія Новаго Свѣта были слишкомъ соблазнительны, соціальныя отношенія откры-

вали слишкомъ широкія перспективы. Уже возникли въ С.-Луи и Чикаго, въ Мильвоке и Цинцинати огромные нѣмецкіе центры, и цѣлые штаты заселились, главнымъ образомъ, нѣмецкими земледѣльцами.

Лишь въ восьмидесятыхъ годахъ нѣмецкая эмиграція достигла своего апогея. Затѣмъ, въ то время какъ въ Германіи торговля и промышленность быстро расцвѣтали, въ Новомъ Свѣтѣ пригодной для обработки и еще незанятой земли становилось все [меньше, и такимъ образомъ эмиграція постепенно стала ослабѣвать, а въ настоящее время она совсѣмъ незначительна. Изъ тѣхъ сотенъ тысячъ людей, которые теперь отправляются изъ нѣмецкихъ гаваней за океанъ, подавляющее большинство только проѣхало черезъ Германію: они идутъ изъ Австріи, Россіи, Турціи. Заключать отсюда, что исторія нѣмецкой иммиграціи уже закончена, было бы, пожалуй, преждевременно, хотя едва ли можно допустить, что религіозный или политическій, соціальный или экономическій гнетъ еще возобновится въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ это бывало раньше.

Если бы кто нибудь спросилъ, хорошо ли жилось нѣмцамъ въ ихъ новомъ отечествѣ, то на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить односложнымъ да или нѣтъ. Восемнадцатое столѣтіе, собственно, было для нихъ очень тяжелымъ періодомъ: угнетаемые и эксплуатируемые во многихъ мѣстахъ, они влачили довольно незавидное существованіе, и часто ихъ разбросанныя поселенія снова исчезали въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ минувшемъ столѣтіи, напротивъ, средній уровень ихъ благосостоянія повысился, и они достигли извѣстнаго матеріальнаго благополучія, показателями котораго могутъ служить различныя пѣвческія и гимнастическія общества, спортивные и литературные кружки. Безспорно, и теперь еще часто стоило огромнаго труда пробиться въ Новомъ Свѣтѣ. Безъ знанія языка, безъ привычки къ напряженному труду, безъ знакомства съ обычаями новой страны многіе готовы были считать вначалѣ, что, переселившись въ Америку, сдѣлали свою участь еще тяжелѣе; нѣкоторые даже съ разочарованіемъ возвращались домой. Не мало людей достигло сноснаго существованія лишь послѣ того, какъ безплодно испробовали различные пути и прилагали свои силы къ самымъ разнообразнымъ занятіямъ. Сами вожаки этого поколѣнія политическихъ эмигрантовъ часто несли съ собой слишкомъ тяжелый школьный балластъ для того, чтобы имъ легко было преуспѣвать въ новой обстановкѣ; свобода часто должна была покупаться цѣною невѣроятныхъ страданій. Но въ общемъ всякій, кто хотѣлъ работать, могъ быть увѣренъ, что создастъ для себя и для своей семьи прочный домашній

очагъ. Очень быстро росло и число лицъ, достигавшихъ благосостоянія, а затѣмъ и богатства,—правда, не милліардовъ, какими обладаютъ крупнѣйшіе американскіе богачи, но все же гораздо большаго, чѣмъ то, на какое они могли надѣяться у себя дома. Почти во всѣхъ большихъ городахъ нѣмецкіе американцы въ настоящее время занимаютъ много отвѣтственныхъ мѣстъ въ банкахъ, въ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, а также и въ адвокатскомъ мірѣ.

Такимъ образомъ, нѣмцы въ общемъ довольны своимъ положеніемъ въ Америкѣ. Разумѣется, не все, что они тамъ находятъ, приходится имъ по душѣ. Борьба противъ пуританскихъ тенденцій, которыя противорѣчатъ ихъ жизнерадостному настроенію и любви къ вину и кажутся имъ слишкомъ педантичными, доставляла имъ не мало огорченій; но что въ странѣ, гдѣ верховной инстанціей служитъ большинство голосовъ, надо подчиняться рѣшенію большинства, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ собственнымъ взглядомъ на святость воскресенья и на необходимость воздержанія,—противъ этого нѣмецъ принципіально никогда не станетъ возражать. Не можетъ быть рѣчи также о томъ, чтобы нѣмецъ изъ-за своего происхожденія подвергался какимъ либо ограниченіямъ. Но не только нѣмецкій американецъ доволенъ Америкой,—точно такъ же и Америка довольна имъ: онъ всегда охотно приспособлялся къ задачамъ американскаго народа, работалъ общую съ нимъ работу, а въ трудныя времена не останавливался и передъ жертвами, которыя требовались борьбою. Въ Америкѣ не помнятъ ни о тѣхъ политическихъ педантахъ, которые нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ хотѣли все перестроить на новый ладъ, ни о немногихъ анархистскихъ вспышкахъ, но за то по справедливости цѣнятъ неуклонное сотрудничество нѣмецкихъ согражданъ.

Никто не забудетъ блестящей дѣятельности генерала Штейбена, который во время войны за освобожденіе превратилъ милицію въ настоящее войско. Никто не забудетъ горячей борьбы, которую нѣмцы вели за сохраненіе Союза въ самый разгаръ междоусобной войны. Сѣверъ и Югъ ополчились другъ на друга, и рѣшеніе спора зависѣло отъ того, на чью сторону станетъ могущественный Западъ. Западъ былъ связанъ съ Югомъ самыми многообразными отношеніями. Но нѣмецкіе элементы возстали, германскій гнѣвъ и германская ненависть ко всякому рабству заставили Западъ вступить въ борьбу противъ Юга, и нѣмцы бились тамъ, гдѣ бой былъ особенно жестокъ. Иллинойсъ, Висконсинъ и Миссури вошли благодаря рѣшающему голосу нѣмцевъ въ число сторонниковъ той партіи, которая ставила себѣ цѣлью единство Союза; нѣмцы не для того покинули свою растерзанную родину, чтобы дробить на части и свое

новое отечество. Они сражались и умирали за цѣлость и за чистоту страны, и имена фонъ-Зигеля и Шурца, фонъ-Каппа, Сталло, Кернера и многихъ другихъ нѣмцевъ занимаютъ почетное мѣсто на страницахъ американской исторіи.

Но тяжелыя времена борьбы рѣдко выпадали на долю счастливой страны; общій тонъ даетъ ея исторіи повѣствованіе о мирномъ трудѣ, неустанно открывавшемъ и покорявшемъ все новыя области невѣдомой до того земли. И опять-таки, американецъ хорошо знаетъ, что эту незамѣтную работу піонеровъ неутомимо и добросовѣстно дѣлали нѣмцы,—нѣмецкіе рабочіе и нѣмецкіе ремесленники, нѣмецкіе мѣщане и нѣмецкіе учителя, но прежде всего—нѣмецкіе крестьяне. Съ чисто нѣмецкимъ терпѣніемъ они превращали лѣсъ въ пашню, съ чисто нѣмецкой любовью къ обработанному клочку земли они содѣйствовали поднятію экономическаго благосостоянія своей новой родины, и много отраслей промышленности въ Новомъ Свѣтѣ обязаны своимъ возникновеніемъ исключительно нѣмецкой иниціативѣ и техническимъ знаніямъ, принесеннымъ въ Америку нѣмцами. Вмѣстѣ съ нѣмцами въ Америку пришло книгопечатаніе и рѣзьба по дереву, они же первые основали химическія фабрики и желѣзные заводы, оружейные и литейные заводы, фортепіанныя фабрики и пивоварни; инженеры изъ нѣмецкихъ американцевъ много способствовали созданію чудесъ техники въ Новомъ Свѣтѣ; они строили гигантскіе мосты и туннели, а богатства нѣмецкихъ американцевъ сыграли не малую роль въ образованіи огромныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

На ряду съ этимъ развивали свою незамѣтную дѣятельность нѣмецкіе педагоги. Нѣмцы принесли съ собою дѣтскій садъ, съ ними же впервые перешла въ Америку домашняя музыка, ораторія и симфонія. Нѣмцы принесли съ собой веселую жизнерадостность, свободную форму общенія и другія свои черты — какъ тонкія, такъ и глубокія. Нѣмецъ принесъ съ собой рождественскую елку, нѣмецъ любилъ цвѣты, — и еще въ настоящее время музыкантами и садовниками почти во всей странѣ являются нѣмцы. Важнѣе же всего то, что нѣмцы въ своей массѣ всегда осуждали продажность, которая царила въ городскомъ управленіи и казалась неотдѣлимою отъ политическаго вліянія иммигрантовъ-ирландцевъ. Нѣмцы сочувствовали всѣмъ стремленіямъ, направленнымъ къ реформѣ управленія и къ общественному преуспѣянію. Безпристрастный американецъ долженъ признать—и это часто заявлялось руководящими сферами,—что нѣмецкая иммиграція постоянно приносила американскому народу здоровые, въ лучшемъ смыслѣ слова, національные элементы.

Именно теперь Америка начинаетъ ясно сознавать, какое большое значеніе имѣло это обстоятельство: и теперь, какъ двадцать лѣтъ назадъ, въ Новый Свѣтъ течетъ широкій потокъ европейскихъ переселенцевъ. Потокъ этотъ, пожалуй, даже сталъ теперь шире, чѣмъ былъ раньше, но раньше онъ былъ чистъ, теперь же онъ несетъ съ собою грязь и нечисть, и всякому приходится опасаться его міазмовъ. Въ прежнія времена эмигрантами были почти исключительно нѣмцы, шведы, ирландцы, шотландцы; теперь Сѣверная Европа даетъ незначительное число переселенцевъ, между тѣмъ какъ изъ Южной и Восточной Европы безработные и нищіе притекаютъ толпами. Такъ, въ іюлѣ 1903 года въ Америку прибыло изъ Европы 67,000 переселенцевъ; но изъ этого числа ирландцевъ было всего около двухъ тысячъ, англичанъ и шведовъ по три тысячи, нѣмцевъ менѣе четырехъ тысячъ. За то здѣсь было свыше десяти тысячъ итальянцевъ, почти четырнадцать тысячъ русскихъ и свыше тридцати тысячъ жителей Австро-Венгріи. Что эти русскія, сицилійскія и галиційскія массы придаютъ иммиграціи новый, несравненно худшій характеръ,—это для всѣхъ совершенно очевидно. Всѣмъ извѣстно, что эти массы не только совершенно некультурны при своемъ прибытіи, но и неспособны сдѣлаться культурными въ продолженіе долгаго времени; всѣмъ извѣстно, что если прежде на переселеніе отваживались самые сильные люди, наиболѣе смѣлые и предпріимчивые, то теперь, наоборотъ, переселяются слабѣйшіе, отбросы общества, доведеные дома до отчаянія. По контрасту съ этимъ ухудшеніемъ иммиграціоннаго потока въ сознаніи массъ получили бо́льшую цѣнность здоровые нѣмецкіе элементы. Въ прежнее время нѣмцы представляли собою, благодаря незнанію языка, низшій классъ по сравненію съ англійскими переселенцами; теперь же, по сравненію съ некультурными выходцами изъ Южной Европы, они являются высшимъ слоемъ иммиграціи. Словомъ, во всѣ времена, а теперь больше, чѣмъ когда-либо, люди нѣмецкаго происхожденія считались и считаются желанными и надежными элементами американскаго народа.

Если бы нашей задачею было защитить нѣмецкихъ американцевъ противъ безсмысленныхъ нападокъ тѣхъ нативистовъ, которые стараются доказать, что все не-англійское не можетъ быть названо американскимъ, то наша защитительная рѣчь могла бы быть здѣсь окончена. Но когда нѣмецъ, обращающійся къ нѣмцамъ, хочетъ безпристрастно уяснить себѣ культурную роль нѣмецкихъ американцевъ, то передъ нимъ встаютъ еще нѣкоторые вопросы, и въ концѣ-концовъ у него возникаютъ еще нѣкоторыя сомнѣнія: сдѣлали ли нѣмцы дѣйствительно все то, что могли сдѣлать, исполнили ли они свою

высшую культурную задачу, заслуживаютъ ли они такой же полной похвалы, если приложить къ нимъ болѣе высокій масштабъ, если ихъ сравнить не только съ небрезгливыми ирландцами и грубыми галиційцами, но и съ ихъ собственными соотечественниками, живущими въ Германіи?

На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдовало бы, пожалуй, поставить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ сохранили они родной языкъ? Еще въ настоящее время въ Америкѣ издается около 800 нѣмецкихъ журналовъ и газетъ; большинство переселенцевъ говорятъ по-нѣмецки, нѣмецкія школы разсѣяны по всей странѣ, въ очень многихъ крупныхъ городахъ существуютъ нѣмецкіе театры, на нѣмецкомъ языкѣ говорится лютеранская проповѣдь, во время каждой предвыборной кампаніи устраиваются нѣмецкія политическія собранія и нѣмецкими словами поется нѣмецкая пѣсня.

Такъ оно останется еще на нѣкоторое время, хотя бы нѣмецкая иммиграція уже больше не возростала. И тѣмъ не менѣе здѣсь не можетъ быть мѣста для самообольщенія: нѣмецкій языкъ на американской почвѣ не способенъ давать никакихъ плодовъ, онъ умираетъ вмѣстѣ съ тѣми, кто принесъ его въ страну, и для потомковъ нѣмецкихъ переселенцевъ скоро получаетъ то же значеніе, что и для переселенцевъ англичанъ,— значеніе чужого языка, который можно изучать изъ самыхъ разнообразныхъ побужденій, но который все же остается чужимъ. Родители еще предпочитаютъ въ повседневномъ обиходѣ нѣмецкую рѣчь англійской, для дѣтей уже оказывается труднымъ пользоваться одинаково обоими языками, внуки говорятъ только по-англійски. Самою вѣрною хранительницей языка остается церковь, побѣдоносной противницей его является политика. Безчисленные переселенцы, посѣщавшіе школу еще въ Германіи, могутъ обсуждать политическія злобы дня только на англійскомъ языкѣ, который даетъ имъ для этого необходимыя техническія выраженія и крылатыя ходячія слова,—хотя богослуженіе они предпочитаютъ слышать на родномъ языкѣ. Поэтому нѣмецкой печати приходится бороться съ большими затрудненіями, и очень близоруки тѣ жители Германіи, которые, съ одной стороны, жалуются на исчезновеніе нѣмецкаго языка въ Соединенныхъ Штатахъ, а съ другой—вопятъ о несправедливости американскихъ постановленій, касающихся литературной собственности иностранцевъ и не представляющихъ почти никакой охраны для нѣмецкихъ авторовъ.

Только эти постановленія и даютъ возможность нѣсколько дольше поддержать существованіе нѣмецкаго языка среди американцевъ нѣмецкаго происхожденія. Если бы упомянутыя сотни нѣмецкихъ газетъ не могли наполнять своихъ столбцовъ

безплатнымъ матеріаломъ, въ видѣ нѣмецкихъ статей и нѣмецкихъ романовъ, то онѣ совсѣмъ не могли бы существовать, и огромное большинство ихъ должно было бы перестать сѣять сѣмена нѣмецкаго языка. Издатели, живущіе въ Германіи, первые понесли бы убытки отъ этого, потому что если нѣмецкій американецъ отвыкнетъ читать нѣмецкую газету, то онъ вскорѣ будетъ еще менѣе склоненъ пріобрѣтать нѣмецкія книги, а послѣднія въ настоящее время еще ввозятся въ Америку въ большомъ количествѣ. Въ общемъ надо сказать, что нѣмецкая печать въ Америкѣ заслуживаетъ лучшаго мнѣнія, чѣмъ то, какимъ она пользуется, и что она, при данныхъ тяжелыхъ условіяхъ, удовлетворительно исполняетъ свою миссію, поддерживаемая и нѣмецкимъ театромъ, который въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, далъ тонъ всей постановкѣ театральнаго дѣла.

Но все это не можетъ задержать исчезновенія нѣмецкаго разговорнаго языка, который даже въ сравнительно образованныхъ семьяхъ подвергается самымъ безобразнымъ извращеніямъ. Нѣмецкая рѣчь не только уснащается англійскими словами и искусственными поддѣлками подъ англійскіе обороты, но и нѣмецкія слова англизируются, а англійскія снабжаются нѣмецкими суффиксами и приставками. И тѣмъ не менѣе упреки, которые такъ склоненъ дѣлать по этому поводу коренной нѣмецъ, любящій свой родной языкъ, все же несправедливы и неосновательны. Несправедливы они потому, что человѣкъ, не бывшій самъ въ этомъ положеніи, не представляетъ себѣ, какъ трудно воспитать у подростающаго поколѣнія способность вполнѣ владѣть дѣдовскимъ языкомъ, въ то время, какъ сверстники говорятъ по-англійски и вся окружающая общественная жизнь имѣетъ также только англійскія формы выраженія. При такихъ условіяхъ поддержаніе нѣмецкаго языка является роскошью, которую могутъ себѣ позволить только состоятельные люди.

Но упрекъ также и неосновательнъ, потому что здѣсь вѣдь не можетъ быть рѣчи объ обязанности, о задачѣ нѣмцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Нѣмецъ, сдѣлавшійся американскимъ гражданиномъ, не хочетъ и не долженъ создавать государства въ государствѣ; онъ хочетъ и долженъ прежде всего быть американцемъ, и одинъ только вредъ ему можетъ принести все то, что возбуждаетъ подозрѣніе, будто онъ желаетъ отдѣлиться и противопоставить общимъ національнымъ задачамъ свои особыя сепаратистскія стремленія.

На одномъ политическомъ собраніи нѣмецкихъ американцевъ извѣстный ораторъ началъ свою рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, но какой-то молодой человѣкъ перебилъ его возгласомъ: «Speak United States», и ораторъ при всеобщемъ одо-

бреніи долженъ былъ перейти на англійскую рѣчь. Здѣсь дѣло было, собственно, не въ нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ, а просто здѣсь выразилась инстинктивная потребность имѣть для всего населенія Соединенныхъ Штатовъ, какъ для одного политическаго цѣлаго, одну общую форму выраженія. Нечего и думать о томъ, чтобы нѣмецкій языкъ сталъ господствующимъ въ какомъ либо изъ американскихъ штатовъ, хотя когда-то это для Пенсильваніи и не казалось невозможнымъ. Такимъ образомъ, если нѣмецъ хочетъ быть вполнѣ американцемъ, то онъ долженъ прочно владѣть и увѣренно пользоваться этимъ орудіемъ политической работы. Какой нибудь компромиссъ между нѣмецкимъ и англійскимъ нарѣчіемъ не принесъ бы пользы ни той, ни другой сторонѣ. Нельзя видѣть назначенія нѣмецкаго элемента въ Соединенныхъ Штатахъ въ томъ, чтобы поддерживалось существованіе нѣмецкаго языка и чтобы онъ становился въ боевую позицію по отношенію къ языку большинства, къ англійскому.

Существуетъ гораздо болѣе высокая точка зрѣнія, съ которой открывается иная перспектива. Можно утверждать, что американскій народъ имѣетъ не нѣмецкій, не шведскій, но также и совсѣмъ не англійскій характеръ. Всѣ германскія народности сообща создали совершенно новый народъ, вначалѣ объединенный только общими надеждами и стремленіями, а теперь слитый въ одно неразрывное цѣлое также благодаря своимъ воспоминаніямъ, благодаря своей гордости и благодаря упованію на собственныя силы. Что этотъ единый народъ долженъ говорить на одномъ языкѣ, ясно само собою, и что этимъ языкомъ можетъ быть только тотъ, который принесенъ по основному руслу начальной иммиграціи англичанами, шотландцами и ирландцами, — это является просто результатомъ исторической необходимости. Особое нѣмецкое честолюбіе здѣсь, въ области языка, не имѣло бы никакого смысла; именно нѣмцы должны желать, чтобы новый народъ, къ которому они принадлежатъ, чувствовалъ себя вполнѣ однимъ цѣлымъ, потому что, разъ признано было бы различіе происхожденія, нѣмцы оказались бы въ меньшинствѣ по сравненію съ британцами и въ силу этого неизбѣжно были бы низведены на степень гражданъ второго ранга.

Если же разсматривать возникшій изъ всѣхъ народовъ новый народъ, какъ нѣчто единое, то не остается мѣста для меньшинства и большинства; тогда не оказывается господствующихъ англійскихъ и угнетенныхъ нѣмецкихъ элементовъ, а есть одни только американцы, въ средѣ которыхъ человѣкъ нѣмецкаго происхожденія является такимъ же полноправнымъ, какъ и тотъ, въ комъ течетъ англійская кровь. Поэтому на-

стоящая культурная миссія нѣмцевъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы передать этому новому американскому народу лучшія черты нѣмецкаго характера, чтобы присоединить подлинный нѣмецкій духъ къ американской культурѣ. Въ то время какъ въ сферѣ языка невозможенъ никакой компромиссъ, и у новаго народа можетъ быть только одна конституція, одно публичное право и одинъ общественный языкъ,—въ душѣ новаго народа, желающаго быть народомъ будущаго, могутъ и должны соединиться лучшія силы и стремленія самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Внести въ это возникающее великое цѣлое нѣчто прекрасное, важное, чисто-нѣмецкое—вотъ истинная культурная задача, достойная высшаго честолюбія. Нѣмецъ былъ бы униженъ, если бы отказался отъ родного языка для того, чтобы начать говорить по-англійски, но онъ можетъ высоко держать голову, когда сознательно отказывается отъ своего языка для того, чтобы говорить по-американски,—на языкѣ новаго народа, которому онъ принесъ обѣтъ вѣрности и созданію котораго онъ самъ способствуетъ, прилагая свои лучшія силы для его преуспѣянія.

Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то надо сказать, что нѣмецкіе американцы имѣютъ меньше основанія быть довольными собою, чѣмъ они сами иногда думаютъ. Принявъ во вниманіе число людей нѣмецкаго происхожденія и размѣры сосредоточеннаго въ ихъ рукахъ богатства, нельзя не поражаться тѣмъ, какъ не велико, сравнительно, оказалось вліяніе нѣмецкаго элемента на національный характеръ новаго народа, какъ поверхностно, въ сущности, запечатлѣлись характерныя нѣмецкія черты въ этомъ новомъ національномъ сознаніи. И разочарованіе еще увеличивается, когда мы узнаемъ, какъ многое въ области науки и философіи, педагогики и религіи, литературы и искусства получено американскимъ народомъ непосредственно изъ Германіи, почти безъ всякаго участія нѣмецкихъ американцевъ.

Славу Германіи всегда составляло высокое достоинство создававшихся въ ней произведеній человѣческаго духа; во всѣхъ областяхъ духовной жизни она выдвинула много именъ, носителями которыхъ были сильныя личности. Теперь уже и американская нація имѣетъ за собой крупныя заслуги въ области науки, литературы и въ прочихъ областяхъ духовной жизни, но какъ скудна здѣсь доля нѣмецкихъ американцевъ! Они должны были бы сдѣлаться духовнымъ бродиломъ для этого новаго народа, но они имъ не сдѣлались. Имъ бы слѣдовало направить всѣ свои силы въ сторону духовныхъ благъ, а они вмѣсто того успокоились на добываніи благъ матеріальныхъ; если у нихъ и есть духовныя произведенія, то произведенія эти

лишь въ самомъ ничтожномъ числѣ случаевъ выходятъ изъ уровня посредственности. Ихъ литература на нѣмецкомъ языкѣ, въ сущности говоря, пошла. Они не создали даже пѣсни, въ которой выражалось бы въ сильной формѣ воспоминаніе о старой родинѣ или радостное чувство новой свободы; у нихъ нѣтъ ни одного крупнаго поэтическаго или музыкальнаго произведенія. Не лучше обстоитъ дѣло и съ ихъ научными трудами, написанными какъ на нѣмецкомъ, такъ и на англійскомъ языкѣ.

Это, разумѣется, не значитъ, что на протяженіи своей двухсотлѣтней исторіи нѣмецкіе американцы не создали ничего достойнаго вниманія. Мы знаемъ романы Сильсфильда, Меллен-гаузена и Герштекера, стихотворенія Сольгера, Кнорца, Ниса, Кастельгуна, Креца и другихъ, разсказы Карла Шурца, Мюнха, Сталло, научные труды астронома Риттенгауза или этнолога Гатшета, юристовъ Роселіуса и Либера; цѣлый рядъ дѣльныхъ нѣмецкихъ ученыхъ и въ настоящее время работаетъ въ американскихъ университетахъ.

Однако изъ числа этихъ лицъ лишь очень немногіе принадлежатъ собственно къ нѣмецкимъ американцамъ, такъ какъ къ послѣднимъ нельзя причислять тѣхъ, которые переселились въ Америку уже будучи сложившимися людьми; если же выдѣлить только лицъ, родившихся въ Новомъ Свѣтѣ, то окажется, что ихъ дѣятельность въ сферѣ духовной жизни почти равна нулю. Вмѣсто того, чтобы служить образцомъ, германскіе переселенцы прежде всего усвоили чужіе недостатки и довели ихъ до крайности: мечтательный нѣмецъ вдругъ оказался падкимъ только на наживу.

Нельзя возражать на это, что нѣмецкіе переселенцы въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ принадлежали къ низшимъ слоямъ народа. Въ Германіи люди этихъ низшихъ слоевъ почти никогда не достигаютъ благосостоянія, но въ духовномъ отношеніи они усиленно стремятся кверху, заставляютъ своихъ сыновей учиться больше, чѣмъ сами учились, а сыновья этихъ сыновей часто уже занимаютъ первыя мѣста.

Наоборотъ, нѣмецкій американецъ очень часто достигаетъ благосостоянія, но своего сына онъ тогда заставляетъ какъ можно раньше вступить въ какое нибудь торговое дѣло. Число нѣмцевъ-студентовъ въ лучшихъ американскихъ университетахъ, сравнительно, очень не велико, среди профессоровъ оно еще меньше. Въ самой Германіи это могло бы объясняться тѣмъ, что дѣтямъ изъ низшихъ слоевъ мѣшаетъ подняться господствующій еще кастовый духъ, но удивительно то, что въ странѣ, гдѣ выборъ занятія ничѣмъ не ограниченъ, они почти всегда вступаютъ только на такіе пути, которые ведутъ къ на-

живѣ. Изъ этого круга вышло лишь очень немного независимыхъ характеровъ, а великихъ людей не вышло совсѣмъ. Высшіе духовные запросы, составляющіе вѣчное достоинство нѣмецкой культуры, не принесены новому народу нѣмецкими американцами, а скорѣе найдены ими у него: эти запросы исходили изъ Массачузетса и Коннектикута, а не изъ Висконсина.

Немногимъ болѣе отрадную картину представляютъ нѣмецкіе американцы и въ областъ политики: здѣсь—безцвѣтная посредственность, лишенная сильныхъ импульсовъ, отсутствіе выдающихся вождей, отсутствіе увлеченія и энтузіазма, ничтожная роль въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ на протяженіи многихъ лѣтъ. Разумѣется, среди милліоновъ нѣмецкихъ американцевъ всегда было много такихъ, которые интересовались политикой, были и видные политическіе дѣятели; но число нѣмцевъ, засѣдающихъ въ конгрессѣ и занимающихъ важнѣйшія политическія должности, всегда было совершенно ничтожно, и у маленькой группы вождей сорокъ восьмого года, бывшихъ нѣмцами въ истинномъ смыслѣ этого слова, не оказалось потомковъ; когда возвышался самый выдающійся изъ нихъ, Карлъ Шурцъ, то именно нѣмцы больше всего старались ему помѣшать. Каждому отдѣльному нѣмцу здѣсь, конечно, нечего поставить въ упрекъ: онъ не дѣлаетъ ничего дурного, добросовѣстно подаетъ свой голосъ во время выборовъ и часто голосуетъ вполнѣ правильно; а что въ остальномъ онъ такъ же мало интересуется политикой, какъ и высшей духовною культурой, — это его личное дѣло. Но если сложить всѣ эти единицы, и если при этомъ въ общемъ итогѣ оказывается, что въ политикѣ они создали такъ же мало, какъ и въ области духовнаго творчества,—тогда нельзя не сказать имъ съ укоромъ, что міровая исторія имѣла право требовать отъ нихъ бо́льшаго. Ораторы нѣмецко-американскихъ собраній любятъ горячо говорить о томъ, что нѣмцы никогда не одобряли продажности въ городскомъ управленіи и политической системы захвата должностей, что они всегда сочувствовали реформамъ. Но эта похвала немногаго стоитъ, если нельзя къ ней прибавить, что это неодобреніе переходило въ настоящій гнѣвъ, а гнѣвъ велъ къ рѣшительнымъ, благотворнымъ дѣйствіямъ, что сочувствіе реформѣ заставляло соглашаться и на тяжелыя жертвы. Неодобреніе злоупотребленій и сочувствіе реформамъ обнаруживалось въ американской политикѣ всякою партіей и всякою группой, которая не стояла у власти и, слѣдовательно, не имѣла возможности злоупотреблять властью.

Для того, чтобы проявить нѣмецкій идеализмъ, нѣмцы должны были прежде всего съ непреклонной энергіей добиться участія въ управленіи, а не быть простыми зрителями, которые

изъ отвращенія къ неблаговиднымъ пріемамъ ирландскихъ выходцевъ только со стороны смотрятъ, какъ послѣдніе терроризируютъ весь американскій народъ, не исключая и чисто нѣмецкихъ его частей. Если въ какомъ нибудь маленькомъ городкѣ Западной Америки девять десятыхъ населенія составляютъ нѣмцы, а одну десятую ирландцы, то нѣмецкія предпріятія, правда, процвѣтаютъ, но всѣ должности въ городскомъ управленіи, отъ должности городскаго головы до должности послѣдняго полицейскаго, находятся въ рукахъ ирландцевъ.

Кто ближе присмотрится къ положенію дѣлъ, тотъ долженъ будетъ признать, что даже традиціонная нѣмецкая честность имѣетъ въ значительной степени миѳическій характеръ. Въ національной политикѣ нѣмецкой энергіи рѣдко удавалось проявить себя, но въ сферѣ мѣстной политики нѣмецкіе американцы, разъ имъ удавалось достигнуть вліянія, часто оказывались участниками обычныхъ злоупотребленій. Въ нечистыхъ дѣлахъ Таммани-Голля нѣмцамъ принадлежитъ не малая доля, и когда случается вмѣшаться прокурору, какъ это было недавно при скандалахъ въ С. Луи, то рядомъ съ ирландцами на скамьѣ подсудимыхъ обыкновенно сидятъ и нѣмцы.

Но преступленія, являющіяся въ концѣ-концовъ все же только единичными исключеніями, даютъ гораздо меньше основаній осуждать политическую дѣятельность нѣмцевъ, чѣмъ это равнодушіе массъ къ политическимъ вопросамъ. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій нѣмцы проявляли энергію своего національнаго характера только въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась возможность бороться противъ пуританскихъ требованій, направленныхъ къ водворенію трезвости. Можно, конечно, находить эту борьбу законною, можно смотрѣть на это насажденіе воздержанія, какъ на недопустимое вмѣшательство общества въ частную жизнь широкихъ круговъ населенія, — но все же нельзя сказать, чтобы для поддержанія традиціонной вѣры въ нѣмецкій идеализмъ полезно было это зрѣлище: — нѣмцы, обнаруживающіе политическое мужество только тогда, когда приходится отстаивать воскресную выпивку. Еще менѣе вяжется съ нѣмецкимъ идеализмомъ тотъ фактъ, что нѣмецкая оппозиція парализуетъ въ городскомъ управленіи работу тѣхъ партій, которыя изъ желанія противодѣйствовать пьянству требуютъ точнаго соблюденія изданныхъ противъ алкоголизма предписаній.

Болѣе здоровый характеръ носило массовое движеніе нѣмцевъ во время войны съ Испаніей, когда нѣмцы западныхъ штатовъ возставали противъ сближенія Америки съ Англіей. Основная мысль ихъ, что Америка не должна вступать ни въ какіе союзы, налагающіе на нее извѣстныя обязательства, была въ политическомъ отношеніи совершенно правильна. Но и это

движеніе не могло вызвать большого сочувствія у того, кто желалъ бы, чтобы нѣмецкіе элементы въ Америкѣ возвысились до настоящей государственной дѣятельности, а не до политики, вращающейся вокругъ собственной колокольни. Во всемъ движеніи ясно чувствовалось, что главную роль здѣсь играютъ, собственно, не политическія соображенія, а соціальный страхъ передъ усиленіемъ дружественныхъ чувствъ къ Англіи, результатомъ чего могло бы быть ухудшеніе положенія нѣмцевъ въ странѣ. Болѣе дальновидно было бы постараться о томъ, чтобы двойственный союзъ превратился въ тройственный, и привлечь также Германію, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть Англію. Во всякомъ случаѣ американцы и въ этомъ массовомъ нѣмецкомъ движеніи, единственномъ за всѣ послѣдніе годы, не видѣли проявленія политическаго идеализма, и потому оно не имѣло того нравственнаго вѣса, который могъ бы помочь нѣмцамъ пріобрѣсти большее политическое вліяніе въ странѣ. Они остаются просто массою, почти лишенною руководителей, — массою, спокойствіе и уравновѣшенность которой очень цѣнятся главными дѣятелями страны, которая въ сущности и желаетъ того, что надо, но которая равнодушно относится къ событіямъ, даетъ себя вести то въ одномъ, то въ другомъ направленіи и потому оказывается неспособною наложить печать своей національности на политику новаго народа.

И въ политическомъ отношеніи нѣмецкій идеализмъ, нѣмецкая глубина и основательность, нѣмецкая вѣрность и готовность къ жертвамъ должны были бы сыграть роль закваски въ возникшемъ послѣ междоусобной войны новомъ единомъ государствѣ. На дѣлѣ же новая жизнь складывалась подъ вліяніемъ англійскихъ и ирландскихъ добродѣтелей и недостатковъ, а нѣмцы просто подчинялись или оставались совершенно безучастными. Немногое мѣняется въ этой картинѣ отъ того, что въ рядахъ какъ республиканской, такъ и демократической партіи они выставили нѣсколько способныхъ политическихъ дѣятелей и блестящихъ юристовъ. Единственный нѣмецкій американецъ, который былъ бы призванъ занять положеніе настоящаго вождя и который, какъ нѣкогда Карлъ Шурцъ, служилъ бы гордостью всего нѣмецкаго элемента въ Америкѣ, умеръ въ расцвѣтѣ силъ. Это былъ Фридрихъ Вильгельмъ Гольсъ — человѣкъ, который больше всѣхъ другихъ придалъ жизнеспособность гаагскому третейскому суду и который больше всѣхъ другихъ за кулисами способствовалъ развитію дружественныхъ отношеній между Германіей и Америкой въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

То, что сказано о духовномъ творчествѣ и о политической роли нѣмцевъ въ Америкѣ, то можно повторить и отно-

сительно вліянія ихъ на соціальную жизнь. И въ обществѣ нѣмецъ является посредственнымъ элементомъ, не особенно хорошимъ и не особенно плохимъ и во всякомъ случаѣ не придающимъ ничего своего духовной физіономіи новаго народа. Тяжеловѣсное филистерство, выражающееся въ созданіи десятка тысячъ пѣвческихъ, гимнастическихъ и игорныхъ ферейновъ, даетъ основной тонъ общественному настроенію, а интересы не возвышаются надъ уровнемъ тѣхъ, которые господствуютъ у завсегдатаевъ пивныхъ въ маленькихъ нѣмецкихъ городкахъ. Чисто-нѣмецкія черты почти не находятъ доступа въ высшіе соціальные слои Америки, и для того, чтобы быть не просто зажиточнымъ человѣкомъ, но и занимать дѣйствительно видное положеніе въ обществѣ, надо прежде всего вполнѣ освоиться съ специфически-англосаксонскими общественными формами и имъ слѣдовать. Конечно, въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи, въ Чикаго, С. Луи и въ другихъ мѣстахъ можно найти много роскошныхъ нѣмецкихъ жилищъ, но кто много вращался какъ въ англійскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ кругахъ, тотъ всегда чувствуетъ, что англичане съ несравненно большею увѣренностью владѣютъ этими формами: они даютъ свое, между тѣмъ какъ нѣмцы подражаютъ и, надо сказать, не всегда съ достаточнымъ изяществомъ и естественностью.

Хотя экономическая жизнь вполнѣ перемѣшиваетъ между собой людей англосаксонскаго и нѣмецкаго происхожденія, однако въ соціальной жизни они, въ общемъ, все же отдѣляются другъ отъ друга, и нѣмцамъ при этомъ, безспорно, принадлежитъ вторая роль, подобная той, которую играетъ въ какомъ нибудь маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ бюргерскій кругъ на ряду съ дворянскимъ. Многіе нѣмцы въ Нью-Іоркѣ давно уже достигли значительнаго благосостоянія, но немногимъ изъ нихъ случалось сидѣть за гостепріимнымъ столомъ англійскаго американца, и тонкая прелесть, какую имѣетъ соціальное общеніе въ лучшихъ американскихъ кругахъ, — къ этимъ кругамъ, конечно, не причисляются щеголяющіе безумными тратами ньюпортскіе проходимцы,—отражается лишь въ ничтожномъ числѣ нѣмецкихъ домовъ. Въ широкихъ массахъ американскаго народа привились нѣкоторыя хорошія черты нѣмецкой народной жизни, напримѣръ разведеніе садиковъ за городомъ, какого мы совсѣмъ не видимъ въ чисто англійскихъ городахъ, и которое очень распространено въ городахъ съ нѣмецкимъ населеніемъ; отъ нѣмцевъ же заимствованы домашняя музыка и рождественская елка. Но выработку болѣе тонкихъ формъ соціальной жизни, настоящую общественную культуру нѣмецъ предоставилъ выходцамъ изъ Соединеннаго Королевства. И въ этомъ также не содержится упрека ни для кого въ отдѣльности, но съ

точки зрѣнія цѣлаго надо сказать, что и здѣсь нѣмцы не выполнили всей своей миссіи.

Въ общемъ характеристика нѣмца въ Америкѣ сводится къ тому, что онъ оказался честнымъ, добросовѣстнымъ, здоровымъ и прилежнымъ; ему хорошо жилось, онъ самъ чувствовалъ себя хорошо, и другіе имѣли полное основаніе видѣть въ немъ хорошаго сотрудника и согражданина. Съ сожалѣніемъ надо однако прибавить, что его добродѣтели внѣ экономической сферы обнаруживались преимущественно пассивнымъ образомъ; онъ не проявилъ ни настоящей духовной дѣятельности, ни сильной нравственной энергіи, ни политической активности и твердости, ни высшихъ соціальныхъ и эстетическихъ интересовъ, и потому онъ до сихъ поръ лишь немного могъ сдѣлать для того, чтобы къ англосаксонскимъ чертамъ вновь образующагося народа присоединить лучшія черты нѣмецкаго характера. Благодаря этимъ отрицательнымъ качествамъ онъ и въ духовномъ отношеніи могъ лишь въ малой мѣрѣ выполнить посредническую роль между нѣмецкой и американской націей. Американецъ узналъ черезъ него только средняго нѣмецкаго бюргера со всѣми его цѣнными качествами, но настоящій благородный нѣмецкій характеръ, проявлявшійся въ единичныхъ личностяхъ и создавшій великую нѣмецкую культуру, не сталъ отъ этого ближе американцу.

Нѣкоторые результаты дало и естественное обратное вліяніе американскихъ нѣмцевъ на Германію. Соціальное разграниченіе и малое участіе ихъ въ духовной жизни страны должны были повести къ тому, что нѣмцы познакомились, въ извѣстномъ смыслѣ, только съ поверхностными и матеріальными свойствами страны; а такъ какъ это полузнаніе черезъ посредство милліоновъ писемъ и ресторанныхъ разговоровъ должно было передаться въ Германію, то въ общемъ итогѣ оказывается, что нѣмецкіе американцы мало способствовали и ознакомленію своего отечества съ лучшими, наиболѣе сокровенными чертами новаго американскаго народа. Нѣмецъ, которому плохо жилось на старой родинѣ и который достигъ благосостоянія по ту сторону океана, естественно смотритъ съ восторгомъ на блестящую матеріальную культуру, въ остальномъ же бранитъ непривычные для него вначалѣ порядки; онъ восхищается американскими постройками и желѣзными дорогами, мостами и гостиницами, жизнь же университетовъ и библіотекъ ему чужда, и настоящіе обычаи лучшихъ американскихъ круговъ ему неизвѣстны. Такимъ образомъ создается общее сужденіе о будто бы чисто-матеріалистической бездушной культурѣ, — сужденіе совершенно неправильное и несправедливое, одинаково мало привлекательное какъ по тому, что́ оно хвалитъ, такъ и потому, что́ оно порицаетъ.

Въ высшемъ смыслѣ, нѣмецкіе американцы, слѣдовательно, не вполнѣ исполнили свою посредническую роль, но можетъ ли кто нибудь поэтому отрицать, что ихъ посредничество все же имѣло извѣстную цѣнность? Чего они не выполнили въ высшемъ смыслѣ, то въ будничномъ смыслѣ сдѣлано ими въ болѣе чѣмъ достаточныхъ размѣрахъ; для массоваго сознанія американскаго народа они создали милліоны точекъ соприкосновенія съ нѣмецкими обычаями, нѣмецкими воспоминаніями и нѣмецкимъ языкомъ. И что важнѣе всего—ихъ существованіе само по себѣ способствовало поддержанію мира между обоими народами. Тамъ, гдѣ разрывъ между двумя націями долженъ былъ бы непосредственно отразиться на сотняхъ тысячъ семействъ, тамъ передъ нимъ всегда остановится народное возбужденіе, покуда вообще возможно сохраненіе мира; и въ минуту такой опасности, покуда война еще не объявлена, лучшіе нѣмецкіе элементы въ Америкѣ единодушно и съ величайшей энергіей возстанутъ противъ недруговъ Германской имперіи,— это чувствуется несмотря на все ихъ теперешнее безучастіе. Но если бы когда нибудь возгорѣлась война, то нѣмецкіе американцы всѣ до единаго составили бы самое надежное войско противъ Германіи; это знаютъ въ Вашингтонѣ, и насчетъ этого никому не слѣдовало бы заблуждаться и въ Берлинѣ.

* * *

Если теперь мы снова вернемся къ вопросу объ отношеніяхъ между Германіей и Америкой, оставляя въ сторонѣ значеніе нѣмецкихъ американцевъ, то должны будемъ признать, что официальныя отношенія обѣихъ странъ всегда были корректными,—не особенно близкими, но въ общемъ все же дружественными; дѣйствительно знающіе люди вполнѣ понимали цѣнность взаимныхъ услугъ, но въ сознаніи массъ всегда господствовало скрытое взаимное нерасположеніе, въ которомъ играли роль соціальные, политическіе, этическіе и эстетическіе факторы. Эта легкая взаимная антипатія не измѣнялась, ни въ лучшую, ни въ худшую сторону, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ американцевъ, и она могла сдѣлаться опасной во время неизбѣжныхъ мелкихъ политическихъ осложненій. Въ такихъ осложненіяхъ за послѣдніе годы и не было недостатка. Желтая американская пресса находила обильный матеріалъ для зажигательныхъ статей, когда телеграфъ принесъ извѣстіе объ угрожающихъ дѣйствіяхъ Германіи у Маниллы, когда сбытъ американскихъ овощей и американскаго мяса благодаря германской таможенной политикѣ былъ затрудненъ, когда нѣмецкія пушки

гремѣли передъ Венецуэлой; нѣмецкія газеты, съ своей стороны, находили тоже немало подобныхъ поводовъ къ жалобамъ. Тѣмъ не менѣе именно за послѣдніе годы отношенія между обѣими націями стали нѣсколько болѣе сердечными; непріятныя недоразумѣнія быстро улаживались, проявленія дружественной связи участились, недружелюбное настроеніе массъ съ обѣихъ сторонъ значительно смягчилось и такимъ образомъ въ народномъ сознаніи могло развиться взаимное пониманіе тѣхъ силъ, которыя болѣе глубоко заложены и менѣе осязательны въ своихъ проявленіяхъ. Въ новѣйшее время внутреннее сближеніе, безусловно, все увеличивалось, и хотя во время испанской войны оно на нѣсколько мѣсяцевъ было внезапно прервано, но затѣмъ оно снова возобновилось съ большею силой и въ настоящее время продолжается, открывая собою самыя лучшія перспективы.

Именно новое положеніе міровой державы, явившееся для Соединенныхъ Штатовъ результатомъ кратковременной войны, заставило американскій народъ болѣе, чѣмъ прежде, обращать взоры въ сторону европейскихъ народовъ: теперь постоянно приходится имѣть съ ними дѣло, и надо занять по отношенію къ нимъ то или иное положеніе. Правда, если слушать только громкія слова, то можно подумать, что пользу изъ этого новаго оборота извлекли только англичане,—но это не вѣрно. Разумѣется, когда во время испанской войны общественное мнѣніе Германіи по близорукости и невѣдѣнію обвиняло Америку въ дурныхъ умыслахъ и желало успѣха Испаніи, между тѣмъ какъ Англія искренно стояла на сторонѣ американцевъ—не изъ сантиментальности, но и не изъ расчета, а изъ правильныхъ государственныхъ соображеній,—тогда въ чувствахъ Америки по отношенію къ англичанамъ произошла большая перемѣна. Вѣковая непріязнь, которая до тѣхъ поръ воспитывалась въ каждомъ школьникѣ, исчезла, много тостовъ произносилось въ честь прочныхъ кровныхъ узъ, и двоюродные братья шли объ руку другъ съ другомъ. Но по слишкомъ повышенному тону дружественныхъ увѣреній съ самаго начала можно было догадаться, что эти увѣренія должны успокоить нѣкоторый внутренній голосъ. Это была дружба послѣ борьбы, и обѣ стороны смутно чувствовали, что борьба можетъ возобновиться по первому же поводу. Выдающееся дипломатическое искусство дружественно настроеннаго къ Англіи американскаго статсъ-секретаря сдѣлало все для того, чтобы разъ навсегда устранить англо-американскіе конфликты. Но никакое дипломатическое искусство не можетъ удалить англійскаго колосса отъ границъ Америки: канадскій вопросъ стоитъ въ видѣ вѣчной угрозы между обоими народами и съ каждымъ годомъ

болѣе будетъ приковывать къ себѣ общественный интересъ. Экономическія перемѣны, происшедшія въ Канадѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, говорятъ очень краснорѣчивымъ языкомъ. Но и вообще нельзя сказать, чтобы англичане и американцы, при всемъ своемъ желаніи, были вполнѣ дружественно настроены другъ къ другу; какъ на одну изъ причинъ этого можно указать, что экономическій подъемъ Америки въ гораздо большей степени угрожаетъ англійской торговлѣ, чѣмъ нѣмецкой. Важнѣе же всего то, что сами люди, несмотря на общность своего происхожденія, во многомъ очень различны, и, пожалуй, даже именно въ томъ, чему американецъ придаетъ наибольшее значеніе. Спокойный, нѣсколько неуклюжій Джонъ-Буллъ уже не похожъ больше на жизнерадостнаго предпріимчиваго англичанина временъ королевы Елизаветы, а между тѣмъ именно эти старыя черты сохранились и развились въ новомъ американцѣ. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій для янки является высмѣиваніе тяжеловѣсности англичанъ, и въ сотняхъ другихъ чертъ характера представители обоихъ народовъ стали совершенно непонятны другъ для друга. Кромѣ того, американецъ отлично сознаетъ, что при всей демократичности своего политическаго строя Англія своимъ соціальнымъ аристократизмомъ гораздо болѣе противорѣчитъ воззрѣніямъ Новаго Свѣта, чѣмъ любая другая страна, особенно же Германія. Что отношенія между Англіей и Америкой улучшились въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, это не подлежитъ сомнѣнію и этому можетъ радоваться всякій сторонникъ всеобщаго мира; однако о близости между ними, исключающей возможность присоединенія какого либо третьяго, не можетъ быть и рѣчи.

Еще менѣе возможно дѣйствительное сближеніе между Франціей и Соединенными Штатами. Отношенія между ними ничѣмъ не омрачаются, французское искусство вызываетъ въ Америкѣ искреннее поклоненіе. Но французская литература совсѣмъ не можетъ пріобрѣсти правъ гражданства, благодаря своему тону, не соотвѣтствующему американскимъ нравственнымъ понятіямъ; вліяніе французскаго вкуса и французской моды все болѣе убываетъ съ тѣхъ поръ, какъ американка знаетъ, что ей уже нечему учиться у француженки; робкія попытки къ сближенію американской и французской науки, несмотря на очень искусную инсценировку, также не дали прочныхъ результатовъ. Американецъ ясно чувствуетъ, что французъ составляетъ его полную противоположность. Американская энергія и французское господство настроенія, американская дисциплина и французскій капризъ, американскій оптимизмъ и французскій скептицизмъ, американское пуританство и французская фривольность — все это элементы, которые не могутъ быть соединены.

Французъ и самъ знаетъ, что онъ не подходитъ для вѣка машинъ, а американецъ чувствуетъ, что ему лучше жить при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, чѣмъ въ нѣжныхъ французскихъ сумеркахъ. Съ французомъ американецъ никакъ не можетъ сойтись, и то же въ еще большей мѣрѣ надо сказать о представителяхъ народовъ Южной Европы.

Напротивъ, къ Россіи американецъ питаетъ серьезное почтеніе, онъ инстинктивно чувствуетъ величіе славянской расы; ему чудится, что здѣсь возстанетъ для него противникъ въ двадцать первомъ столѣтіи. Но знакомство съ Россіей въ Америкѣ не выходитъ за предѣлы голаго инстинкта; это—чуждый, далекій міръ, о которомъ чрезвычайно мало знаютъ, и въ этомъ инстинктѣ съ смутнымъ чувствомъ почтенія смѣшивается невыразимое презрѣніе къ абсолютизму съ вытекающимъ изъ него безправіемъ, еврейскими погромами и ужасами Сибири. Американецъ удивляется этой увѣренной силѣ, съ которою совершается поступательное движеніе русской державы, но ея форма правленія кажется ему настолько противною всякой культурѣ, что пониманіе ея затрудняется, а о внутренней связи не можетъ быть и рѣчи. Англійская аристократія есть соціальная противоположность Америки, французская литература—ея духовная противоположность, русское самодержавіе—политическая.

Съ одной только германской націей у Америки воможно взаимное внутреннее пониманіе, какъ въ соціальной, такъ и въ духовной и политической сферѣ; только ея отличія кажутся не противоположностями, а лишь разновидностями той же воли. И американецъ ясно чувствуетъ, что внутренее сходство національной структуры у обоихъ народовъ постоянно увеличивается. Мы можемъ радоваться этому или сожалѣть объ этомъ, — но должны сказать, что Америка становится похожей на Европу, а Германія—на Америку. Въ Германіи все большее значеніе пріобрѣтаютъ всѣ виды экономической дѣятельности; дѣло не только въ томъ, что при этомъ процвѣтаютъ торговля и промышленность: вмѣстѣ съ ними возрастаетъ вѣсъ и соціальное вліяніе экономическихъ силъ, а это, въ свою очередь, уменьшаетъ напряженность кастоваго духа. Съ другой стороны, въ Америкѣ духовныя стремленія съ нежданною силою начинаютъ выдвигаться на первый планъ, академическіе круги пріобрѣтаютъ мирное господство надъ страной, экономическое развитіе въ первой своей стадіи закончено, и національная энергія сосредоточивается на самой высшей культурной работѣ, — работѣ, вмѣстѣ съ которой неизбѣжно начинается аристократическій соціальный отборъ. Германія становится демократичнѣе, Америка—аристократичнѣе; въ различныхъ исторически создавшихся формахъ обѣ все болѣе сближаются въ томъ, къ чему стремятся.

Все болѣе сходными становятся и внѣшніе интересы, и этимъ создается болѣе широкое поле для взаимнаго сочувственнаго пониманія. Америка энергично вступила на путь международной міровой политики, она интересуется Китаемъ и Турціей, развиваетъ колоніальную дѣятельность, участвуетъ въ политическихъ визитахъ, — словомъ, все въ большей степени дѣлаетъ то же самое, что и европейскій концертъ. Германія, напротивъ, ищетъ своей будущности на океанѣ, и заморская политика заставляетъ ее усиленно заниматься развитіемъ флота, что не можетъ не вызывать симпатіи въ американцахъ, которые любятъ море и сами склонны расширять свои владѣнія; и въ то время какъ обѣ страны становились все болѣе похожими одна на другую, онѣ получали возможность, благодаря развитію техники, и лучше узнавать другъ друга. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ телеграфные кабели непосредственно соединяютъ оба государства между собою, газетные интересы на обѣихъ сторонахъ стали болѣе глубокими, количество сообщеній изъ-за океана въ теченіе послѣдняго десятилѣтія на обѣихъ сторонахъ по меньшей мѣрѣ удесятерилось. Большія газеты имѣютъ какъ въ Америкѣ, такъ и въ Германіи опытныхъ корреспондентовъ, разсказы о необычайныхъ выходкахъ американцевъ начинаютъ исчезать со столбцовъ нѣмецкихъ газетъ, какъ анекдоты о нѣмецкихъ простакахъ—изъ американскихъ; и если и теперь еще нѣмецкія газеты, пожалуй, слишкомъ часто печатаютъ извѣстія о судѣ Линча, а съ другой стороны слишкомъ много говорится о жестокомъ обращеніи съ нѣмецкими солдатами, то теперь все же всякій, кто этимъ интересуется, можетъ получить вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ другой странѣ.

Если, такимъ образомъ, обѣ благородныхъ націи, идя увѣренно по пути культурнаго прогресса, становятся похожими другъ на друга и научаются другъ друга понимать, то этому вполнѣ соотвѣтствуютъ и сознательныя старанія обоихъ правительствъ съ ихъ сильными руководителями во главѣ.

Принимая бразды правленія въ Вашингтонѣ, президентъ Рузвельтъ тотчасъ же настойчиво указалъ на необходимость искренно-дружественныхъ отношеній между Соединенными Штатами и Германіей. Годы прошли съ тѣхъ поръ, но каждый день приносилъ съ собою новыя доказательства того, какъ искренно было слово президента и какая сила за нимъ скрывалась. При Рузвельтѣ развилось настоящее пониманіе нѣмецкой культуры; самъ онъ любитъ Пѣснь о Нибелунгахъ и нѣмецкихъ поэтовъ, онъ охотно читаетъ нѣмецкихъ историковъ, и всѣ лучшія стороны нѣмецкой культуры находятъ откликъ въ его душѣ. Съ какой энергіей и съ какимъ тактомъ онъ неустанно работалъ въ Бѣ-

ломъ Домѣ надъ тѣмъ, чтобы создать сердечныя отношенія между обоими родственными народами, — объ этомъ будущій историкъ будетъ въ состояніи лучше судить, чѣмъ нынѣшній читатель газетъ. Быть можетъ, слишкомъ часто президента Соединенныхъ Штатовъ сравнивали съ германскимъ императоромъ, и говорятъ, будто оба они не безъ удовольствія слышатъ объ этихъ сравненіяхъ. Что они вполнѣ сходятся въ своей вѣрѣ въ германско-американскую дружбу, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Подобно тому какъ президентъ стоитъ впереди большинства своихъ соотечественниковъ въ своей оцѣнкѣ нѣмецкаго духовнаго творчества, такъ и императоръ всегда показывалъ путь къ пониманію и правильной оцѣнкѣ американской культуры; міру извѣстны тѣ гордые символы, въ которыхъ выражалась его дружба къ Америкѣ.

Несмотря на все это, робкія души съ той и съ другой стороны видятъ все-таки какія-то темныя тучи, будто бы собирающіяся на горизонтѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ часто строятся планы на счетъ того, будто нѣмцы желаютъ создать въ Южной Америкѣ нѣмецкое государство и этимъ нарушить доктрину Монроэ,—а это неизбѣжно приведетъ къ столкновенію. Нѣмцы же высказываютъ самыя несообразныя опасенія о томъ, чѣмъ грозитъ для Германіи гигантскій ростъ американской промышленности. Въ дѣйствительности не существуетъ ни экономической «американской опасности», ни политической «германской опасности». Столкновенія въ Южной Америкѣ не будетъ, и не только потому, что Германія вовсе не думаетъ о политическихъ захватахъ тамъ, но и прежде всего потому, что для доктрины Монроэ скоро наступитъ послѣдній часъ.

Знаменитая доктрина падетъ не вслѣдствіе сопротивленія какой нибудь европейской націи, а потому, что уже въ ближайшемъ будущемъ она явится тягостнымъ стѣсненіемъ для самого американскаго народа. Совершенно правильно утверждали, что требованіе Монроэ лишь за послѣдніе годы изъ односторонней американской доктрины превратилось въ признанный всѣми державами международный актъ. Но недостаточно было принято во вниманіе, что въ тотъ часъ, когда она наконецъ была безусловно признана Европой, она начала становиться внутренно ненужной и стѣснительной.

Съ тѣхъ поръ, какъ Америка занимается міровою политикой и принимаетъ участіе въ дѣлахъ другихъ державъ, съ тѣхъ поръ, какъ она отказалась отъ противорѣчащаго исторіи юношескаго заблужденія, будто для всякаго народа республиканская форма правленія является наилучшею, для нея стало безразлично, кто правитъ Южною Америкою. Важно для нея только то, чтобы повысился культурный уровень Южной Аме-

рики, чтобы экономическія условія въ ней были упорядочены, чтобы волненія прекратились и развилась торговля, чтобы романскій безпорядокъ былъ тамъ замѣненъ германскимъ трудолюбіемъ, энергіей и порядкомъ. Въ отношеніи къ Южной Америкѣ американецъ, обладающій чутьемъ государственнаго человѣка, можетъ желать только одного,—чтобы доктрина Монроэ наконецъ была забыта, и чтобы Германіи удалось помочь нѣмецкимъ элементамъ все прочнѣе и надежнѣе укореняться въ этой части свѣта.

Точно такъ же неосновательны и экономическія опасенія Германіи. Здоровый ростъ американской промышленности представляетъ только выгоду для Германіи, хотя бы по временамъ онъ и причинялъ ей нѣкоторыя неудобства. Успѣхи американцевъ заставляютъ и ихъ нѣмецкихъ конкуррентовъ прибѣгать къ новымъ, лучшимъ методамъ. На нѣмецкой промышленности еще въ очень многомъ лежалъ гнетъ прошлаго: неполноправность рабочихъ, взаимная зависть и мелочная конкурренція предпринимателей, капризы и предразсудки, которыми руководствовалась каждая фабрика, заказывая машины для себя, отсутствіе готовности вступить въ объединяющую организацію, ложная мелочная экономія, низкая соціальная оцѣнка коммерческой дѣятельности, нежеланіе насаждать промышленность въ тѣхъ провиціяхъ, которыя привыкли къ земледѣлію, бюрократическое веденіе желѣзно-дорожнаго хозяйства—все это и еще многое другое служило сильными тормозами, которые въ настоящее время уничтожаются подъ вліяніемъ заражающаго примѣра американскаго промышленнаго генія. Переходъ часто бываетъ труденъ, но онъ въ сущности представляетъ собою то же, что и переходъ отъ парусныхъ судовъ къ паровымъ, отъ ремесленной работы къ фабричной, а этотъ переходъ вначалѣ вѣдь тоже причинялъ одни только неудобства.

Разъ нѣмецкая промышленность выпесла переходъ къ новой организаціи, т. е., собственно, къ новой организаціи участвующихъ въ промышленности людей, — условія для ея процвѣтанія складываются гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ можно было бы подумать на основаніи поверхностнаго сравненія съ созданіями американскихъ милліардеровъ. Нѣмецкій трудъ настолько дешевле американскаго, что этимъ уравновѣшиваются многія другія условія, и различіе это еще будетъ возрастать, потому что соціальный строй Америки въ гораздо большей мѣрѣ, нежели германскій, ведетъ къ тому, что вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности увеличиваются и требованія рабочихъ. И если американская почва богаче германской, то нѣмецкій народъ за то вѣковымъ воспитаніемъ пріученъ къ бережливости въ расходованіи экономическихъ силъ, и эта бережливость въ будущемъ станетъ приносить еще больше вы-

годы, чѣмъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ беззаботная расточительность американцевъ въ будущемъ должна принести болѣе горькіе плоды, чѣмъ до сихъ поръ. Нѣмецкія плотины приводятъ колеса въ движеніе не хуже, чѣмъ американскіе водопады, а техническая наука, составляющая опору промышленности, въ Германіи стоитъ на такой высотѣ, какая не достигнута ни въ какой другой странѣ. Во всякомъ случаѣ, строя предположенія относительно будущаго развитія американской промышленности, нельзя основываться на ея исключительно благопріятномъ положеніи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія: здѣсь налицо были такія условія, которыя не могутъ повториться.

Намъ еще придется подробно говорить о переселенческомъ вопросѣ, о доктринѣ Монроэ и о вопросахъ промышленности; здѣсь же мы хотѣли только съ самаго начала показать, что три важнѣйшихъ вопроса американской политики складываются вполнѣ благопріятно для будущихъ отношеній между Германіей и Америкой. Единственное, что требуется, это—чтобы къ объективнымъ хорошимъ отношеніямъ присоединялась постоянно субъективная добрая воля, чтобы возникло то настроеніе, при которомъ неизбѣжныя мелкія недоразумѣнія легко переносятся той и другой стороною. Но кто знакомъ съ обѣими странами, тотъ знаетъ, что для этой цѣли нѣтъ нужды рисовать все въ розовомъ свѣтѣ, что надо только способствовать торжеству правды и, прежде всего, заботиться о томъ, чтобы событія были не просто замѣчаемы, но чтобы понимались и вызвавшіе ихъ мотивы: надо, чтобы каждой сторонѣ были понятнѣе чувства и желанія людей другой стороны. Именно эту цѣль и преслѣдуютъ нижеслѣдующіе очерки. Когда въ нихъ описывается политическая, экономическая, соціальная и, прежде всего, духовная жизнь американцевъ, то задача ихъ постоянно одна: объяснить, какимъ образомъ всѣ разнородныя, часто непонятныя явленія американской жизни вытекаютъ изъ основного существа этихъ людей новаго типа. Только судя по мотивамъ, можно понимать дѣйствія, и только тотъ, кто понимаетъ дѣйствующаго, — безразлично, согласенъ ли онъ съ нимъ или нѣтъ,— можетъ правильно цѣнить его и чувствовать съ нимъ за-одно. Поэтому указанныя четыре жизненныхъ направленія приведутъ насъ къ четыремъ основнымъ свойствамъ американской души: въ политической жизни Америки это— духъ самоопредѣленія, въ экономической—духъ самодѣятельности, въ соціальной — духъ самостоятельности, въ умственной — духъ самоусовершенствованія. И человѣкъ, который серьезно вдумается въ эти основныя индивидуалистическія черты, легко будетъ въ состояніи понять переливы американской культуры и разобраться въ хаосѣ чуждыхъ ему явленій.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Политическая жизнь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Духъ самоопредѣленія.

Кто задается цѣлью изобразить политическую жизнь американцевъ съ внѣшней стороны, тотъ можетъ принять очень много различныхъ точекъ отправленія. Быть можетъ, проще всего ему будетъ начать съ объясненія первоначальнаго проекта конституціи, который придалъ американскимъ колоніямъ прочную государственную форму; или же онъ станетъ на историческую почву и покажетъ, какимъ образомъ изъ этихъ маленькихъ колоній постепенно выростала міровая держава; наконецъ, онъ можетъ изобразить тѣ многообразныя явленія, на которыхъ въ настоящее время сосредоточивается общественный интересъ—партійную борьбу и выборы президента, засѣданія конгресса и судебные процессы, злободневныя горести и радости отдѣльныхъ городовъ. Но тотъ, кто хочетъ понять внутренній смыслъ этой сложной дѣйствительности, кто хочетъ отыскать движущую живую силу, которою опредѣляются всѣ силы, дѣйствующія въ американской исторіи и политикѣ,—тотъ можетъ принять только одинъ отправной пунктъ: это—потребность въ самоопредѣленіи. Отсюда можно понять все остальное.

При личномъ общеніи американецъ охотно готовъ подчиниться волѣ другого; съ прирожденной любезностью онъ, быть можетъ, слишкомъ легко подчиняется даже неудобнымъ требованіямъ, которыя предъявляются къ нему общежитіемъ, и гость скоро можетъ почувствовать себя господиномъ въ его домѣ, такъ какъ воля хозяина всецѣло приспособляется къ желаніямъ гостя. Наоборотъ, общественная жизнь—это сфера, въ которой отдѣльное лицо, или группа, или союзъ—безразлично, великъ ли онъ или малъ,—безусловно должны сами рѣшать и опредѣлять свою волю. Въ противномъ случаѣ дѣло теряетъ для американца всякую цѣну и всякое значеніе. Такое самоопре-

дѣленіе не можетъ быть замѣнено никакимъ инымъ душевнымъ движеніемъ—ни преданностью и благодарностью, заставляющими жертвовать собственною волей, ни эстетическимъ преклоненіемъ передъ героемъ—преклоненіемъ, благодаря которому забывается собственная воля, ни даже сознаніемъ, что для успѣшнаго достиженія преслѣдуемой цѣли выгоднѣе, чтобы другіе взяли на себя рѣшеніе и, слѣдовательно, приняли на себя и отвѣтственность. Въ Россіи, сказалъ мнѣ однажды знакомый американецъ, крѣпостное право могло быть уничтожено царемъ при помощи одного почерка пера; безъ всякаго имущественнаго ущерба и безъ кровопролитія милліоны русскихъ были освобождены отъ рабства. Мы, американцы, должны были пожертвовать полмилліона человѣческихъ жизней и много милліардовъ деньгами, чтобы освободить своихъ рабовъ, и все же у насъ не могло быть и рѣчи о какомъ нибудь другомъ пути къ этой цѣли: мы сами должны были побѣдить зло; собственными усиліями мы должны были дойти до цѣли, и никакая сила въ мірѣ не могла избавить насъ отъ этихъ страданій,—потому именно, что мы американцы, а не русскіе.

Когда у какого нибудь народа потребность въ самоопредѣленіи преобладаетъ надъ всѣми остальными душевными движеніями, то форма государственнаго устройства его непремѣнно должна быть республиканской,—хотя это не значитъ, что каждая республика проникнута этимъ духомъ самоопредѣленія. Республика Соединенныхъ Штатовъ рѣшительно отличается отъ всѣхъ прочихъ республикъ, потому что ни у какого другого народа потребность въ самоопредѣленіи не служитъ движущей силой въ такой полной мѣрѣ. Существованіе республикъ Центральной и Южной Америки или французской опредѣляется совершенно инымъ душевнымъ строемъ; изъ новыхъ же республикъ тѣ, которыя по своимъ основамъ нѣсколько напоминаютъ Соединенные Штаты, напримѣръ Швейцарія, не могутъ быть сравниваемы съ ними уже въ силу разницы масштабовъ во всѣхъ отношеніяхъ. У французской республики основа раціоналистическая; философія восемнадцатаго столѣтія, критически анализируя существующее, дала необходимые аргументы, и на почвѣ разсужденій выросли и продолжаютъ теперь выростать практическія требованія. Общественная жизнь Соединенныхъ Штатовъ возникла не изъ аргументовъ, а изъ требованій; она—результатъ не разсудка, а воли, ея основа—не логическая, а этическая, и въ то время какъ во Франціи принципы государственнаго устройства выводятся изъ теоріи,—теоретическіе аргументы декларацiи независимости, аргументы довольно сомнительнаго достоинства, составляютъ лишь несущественный прида-

токъ къ системѣ этическихъ требованій, которая необходимо дана вмѣстѣ съ американскимъ характеромъ.

Мы не задаемся здѣсь вопросомъ, является ли этотъ характеръ только причиной, и не есть ли онъ также и слѣдствіе американской системы,—но несомнѣнно то, что система жизненныхъ отношеній, вытекающая изъ этого этическаго требованія, составляетъ самую сущность политическаго строя Америки. Это—та Америка, которая принимаетъ въ себя иммигранта и настолько передѣлываетъ его, что потребность въ самоопредѣленіи становится основнымъ элементомъ и его душевной жизни. Это—та Америка, которая служитъ предметомъ серьезнаго и гордаго патріотизма американцевъ. У американца мало сантиментальной любви къ той почвѣ, на которой построено его огромное государство; прогрессъ Америки вѣдь прежде всего выражался въ перемѣщеніи границъ, въ безпрерывномъ расширеніи территоріи на все новыя и новыя области. Отношеніе къ опредѣленному участку земли здѣсь имѣетъ только личную цѣнность, но не національный характеръ: патріотизмъ не связанъ почвою. Точно такъ же привязанность къ отечеству не можетъ здѣсь быть привязанностью къ народу. Народъ, воспринимающій въ теченіе каждаго десятилѣтія милліоны чуждыхъ по происхожденію элементовъ, народъ, историческое прошлое котораго во всѣхъ направленіяхъ ведетъ къ исторіи другихъ народовъ,—такой народъ, представляющій собою пеструю смѣсь всевозможныхъ расъ, не можетъ вызывать въ своихъ представителяхъ глубокаго чувства неразрывной связи. И тѣмъ не менѣе это чувство у американцевъ не только существуетъ, но обладаетъ такою силой, какой оно не имѣетъ, напримѣръ, въ германскихъ странахъ. Американскій патріотизмъ направленъ не на землю и не на людей, а на систему идей, касающихся общественной жизни, на систему, проникнутую потребностью въ самоопредѣленіи. Быть американцемъ, значитъ быть носителемъ этой системы. Не общность происхожденія и исторіи, вообще, собственно, не прошедшее связываетъ американцевъ между собою, а будущее, надъ которымъ они сообща работаютъ; это—общность воль, дѣйствующая сильнѣе всякаго воспоминанія, потому что она цѣликомъ захватываетъ человѣка въ его сокровеннѣйшей сущности. Объединяетъ народъ общая задача, но это не такая задача, которая имѣетъ въ виду опредѣленную внѣшнюю цѣль и которая ведетъ къ опредѣленнымъ внѣшнимъ успѣхамъ и тріумфамъ; нѣтъ, это задача, выполняемая ежечасно, задача, смыслъ которой не въ наградѣ, а въ самомъ выполненіи, задача, которой поэтому не могутъ разрѣшить никакія внѣшнія случайности, а которую можетъ разрѣшить только направленная на нее воля. Быть американцемъ

значитъ участвовать въ общей работѣ для того, чтобы весь общественный организмъ проникся духомъ самоопредѣленія, и кто этого не чувствуетъ, тотъ можетъ сдѣлаться натурализованнымъ гражданиномъ страны, но все же навсегда останется въ ней чужакомъ.

Если переселенецъ въ большинствѣ случаевъ довольно легко растворяется въ этомъ общественномъ цѣломъ, то нельзя упускать изъ виду, что эмигранты, отправляющіеся за океанъ, набираются не случайно. Именно люди съ сильною волей ищутъ себѣ новаго поля дѣятельности; именно тѣ, кому бремя мелочныхъ условій и зависимости отравляло радость существованія, — именно тѣ всегда чувствовали тяготѣніе къ Новому Свѣту. Внутренняя борьба, которую пережилъ каждый, надолго отрывавшійся отъ родины, служила подготовительною школою для воспріятія духа Новаго Свѣта; только тотъ, въ комъ живетъ стремленіе къ самоопредѣленію, имѣлъ силу порвать со всѣмъ, къ чему привыкъ. Поэтому и переселенцы германскаго происхожденія гораздо скорѣе и увѣреннѣе осваиваются съ духомъ общественности, чѣмъ ихъ романскіе товарищи. Романскіе народы въ большей степени поддаются внушенію; легко возбуждаясь, они склонны къ подражанію и потому въ лицѣ отдѣльныхъ индивидумовъ не самостоятельны. Французъ, итальянецъ, испанецъ часто являются въ Америкѣ желанными членами общества, но въ общественную жизнь они вносятъ фальшивую ноту; ихъ республиканизмъ не американскаго характера, духъ самоопредѣленія въ качествѣ этическаго требованія ихъ не интересуетъ.

Конечно, нельзя утверждать, будто американскій строй общественной жизни есть строй идеальный, который надлежало бы ввести повсюду; онъ есть выраженіе опредѣленнаго характера, необходимая форма жизни для людей опредѣленнаго душевнаго склада, которыхъ свелъ исторически понятный естественный отборъ и у которыхъ, въ свою очередь, благодаря внѣшнимъ жизненнымъ условіямъ постоянно укрѣпляется опредѣленная общая душевная черта. Другіе народы, у которыхъ преобладающую роль играютъ иные, не менѣе важные, не менѣе плодотворные и не менѣе цѣнные факторы душевной жизни, должны по необходимости создать и другія формы общежитія; внѣшнее подражаніе здѣсь никогда не могло бы принести пользы, такъ какъ результатомъ его было бы только уменьшеніе и извращеніе тѣхъ естественныхъ видовъ энергіи, которые прирождены данному народу.

И образованный американецъ въ настоящее время чувствуетъ это инстинктивно. Разумѣется, въ массахъ еще раздается отъ времени до времени старая пѣсня о превосходствѣ аме-

риканскихъ идеаловъ надъ всѣми прочими, и въ народныхъ собраніяхъ всегда будетъ принадлежать къ арсеналу необходимыхъ доводовъ утвержденіе, что долгъ американца—способствовать распространенію американскаго государственнаго строя на весь земной шаръ; съ этой точки зрѣнія всѣ народы располагаются по ступенямъ въ зависимости отъ того, насколько они созрѣли для принятія этого строя, и вся исторія является процессомъ воспитанія человѣчества, возводящимъ его на высоту американской конституціи. Такое преувеличеніе неизбѣжно и заслуживаетъ полнаго уваженія; оно въ американскомъ гражданинѣ болѣе естественно, чѣмъ въ представителяхъ другихъ государствъ, такъ какъ въ его странѣ всего важнѣе, чтобы каждый всѣми силами участвовалъ въ общей работѣ, а эта работа будетъ итти наиболѣе успѣшно тогда, когда ею руководитъ слѣпая, не пускающаяся въ критику вѣра. Но вмѣстѣ съ вѣрою пробуждается и ревностный духъ миссіонерства, стремящійся принести просвѣтленное государственное право всѣмъ политическимъ язычникамъ. Иностранецъ легко готовъ придать этимъ голосамъ преувеличенное значеніе; образованный американецъ слушаетъ ихъ съ усмѣшкою. Онъ отлично понимаетъ, что разнообразныя жизненныя формы различныхъ народовъ не подлежатъ простой оцѣнкѣ, какъ хорошія и дурныя, или даже какъ лучшія и худшія, и что американская система такъ же мало пригодна для Германіи, какъ германская для Америки.

Прошли уже тѣ времена, когда люди философствовали о наилучшей формѣ государственнаго устройства. Правда, въ борьбѣ противоположныхъ народныхъ силъ, реалистическихъ и идеалистическихъ, демократическихъ и аристократическихъ видовъ соціальной энергіи постоянно воскресаетъ вновь старый антагонизмъ, но на очередь выдвигаются все новые и новые вопросы, достигается извѣстное равновѣсіе между противоположностями, данный вопросъ получаетъ историческое разрѣшеніе, а враждебныя силы начинаютъ готовиться къ борьбѣ на новой аренѣ. Политическія противорѣчія, вызвавшія французскую революцію, въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія были внутренно разрѣшены посредствомъ компромисса: центръ тяжести въ борьбѣ перенесенъ на соціальныя проблемы, и никто не обсуждаетъ теперь серьезно вопроса о томъ, является ли республика или монархія лучшею формою государственнаго устройства. Духовная физіономія народа и его исторія должны рѣшить, въ какую внѣшнюю форму отольется его общественный строй, и при этомъ молчаливо признается, что и свѣтъ, и тѣни въ каждомъ случаѣ будутъ на-лицо.

Темныя стороны демократіи, какъ всякой системы, по-

строенной на абсолютномъ самоопредѣленіи, не могутъ остаться скрытыми ни отъ кого, и человѣкъ, даже любящій Америку и удивляющійся ей, былъ бы глупцомъ, если бы захотѣлъ отрицать, что и у нея есть достаточно слабыхъ и опасныхъ пунктовъ, источниковъ какъ явнаго, такъ и тайнаго зла. Разумѣется, соображенія, основанныя не столько на знакомствѣ съ дѣйствіемъ демократическихъ силъ, сколько на извѣстныхъ соціальныхъ предразсудкахъ эстетическаго характера, легко могутъ повести къ тому, что опасность будетъ усмотрѣна совсѣмъ не тамъ, гдѣ она есть въ дѣйствительности; такъ, нѣмецъ сейчасъ подумаетъ о господствѣ черни, о демагогіи, о разнузданной массѣ и объ ораторахъ, раздувающихъ пожаръ, о неистовствѣ и грубости. Но въ истинной демократіи для подобныхъ явленій нѣтъ мѣста: народъ, который превращается въ чернь, который позволяетъ руководить собою людямъ, лишеннымъ чувства отвѣтственности,—такой народъ дѣйствительно не способенъ самъ опредѣлять свои рѣшенія. Для самоопредѣленія требуется національное воспитаніе народа, и тамъ, гдѣ оно есть, тамъ демагогъ чистой воды совершенно безсиленъ, тамъ масса сама собою дисциплинируется и держитъ себя въ образцовомъ порядкѣ.

Органическимъ недостаткомъ такой демократіи является преобладаніе посредственностей, проникнутыхъ пошлостью какъ въ хорошихъ, такъ и въ дурныхъ своихъ начинаніяхъ, не способныхъ цѣнить того, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, самодовольныхъ въ своемъ диллетантизмѣ и привязанныхъ ко всякимъ духовнымъ шаблонамъ. Это утвержденіе, разумѣется, въ очень слабой степени примѣнимо къ такой демократіи, какъ напримѣръ французская, полной ума и скептицизма и строящей свое зданіе на той почвѣ, гдѣ раньше была имперія; но здѣсь и всѣ духовныя условія совершенно иныя. Въ этической же демократіи, у которой самоопредѣленіе играетъ важную роль, господство массоваго сознанія на первыхъ порахъ неизбѣжно. Для истинно великихъ людей здѣсь нѣтъ мѣста, и великимъ кажется тотъ, кто умѣетъ вполнѣ использовать данное положеніе вещей. Что же касается до такихъ дѣлъ, которыя интересны лишь немногимъ, то для нихъ нѣтъ крупныхъ рѣшающихъ премій, побуждающихъ лучшія силы создать самое большее, на что онѣ способны. Честолюбіе по необходимости направляется прежде всего на такія вещи, которыя понятны всякому и въ которыхъ всякій можетъ вступить въ состязаніе съ другими: это — богатство и физическія способности. Поэтому духъ спорта и экономической культуры будетъ для такого населенія болѣе близкимъ, будетъ его сильнѣе захватывать, чѣмъ, напримѣръ, духъ науки и искусства, и даже въ области политики безраздѣльное господство большинства легко закроетъ поле

дѣятельности тѣмъ, чьи достоинства не соотвѣтствуютъ вкусу средняго человѣка. Но чѣмъ болѣе будутъ удаляться отъ общественной жизни лучшіе и наиболѣе зрѣлые элементы, тѣмъ легче ловкіе профессіональные политики, дѣйствующіе изъ личныхъ интересовъ, поведутъ довѣрчивую толпу по ложному пути, и общественная жизнь будетъ приноровляться къ низменнымъ инстинктамъ. Словомъ, надо сказать, что опасность заключается не въ грубой черни, а въ пошлой филистерской массѣ, не въ демагогѣ, который возбуждаетъ народъ, аппеллируя къ страстямъ, а въ скромномъ политическомъ режиссерѣ, эксплуатирующемъ равнодушіе средняго человѣка и его склонность къ комфорту, не въ низкомъ образѣ мыслей, а въ дилетантизмѣ, не въ безпокойныхъ умахъ, а въ той разсудочности, которая сама себя славитъ подъ именемъ «здраваго смысла».

Однако нельзя спорить и противъ того, что если бы обѣ стороны начали недовѣрчиво сравнивать другъ съ другомъ свои слабыя мѣста и теоретически-опасные недочеты, то американецъ могъ бы безъ труда составить довольно длинный перечень грѣховъ своихъ противниковъ. Онъ знаетъ симптомы классоваго духа и, еще преувеличивая ихъ, питаетъ къ нимъ рѣшительное отвращеніе; точно такъ же онъ относится и къ тѣмъ перегородкамъ, построеннымъ на несправедливыхъ предразсудкахъ, которыя одному мѣшаютъ свободно проявить всѣ свои способности, а другого надѣляютъ незаслуженными преимуществами, но прежде всего такъ онъ относится къ бюрократизму и милитаризму. Мысль о томъ, что высшая власть находится въ рукахъ человѣка, который не избранъ ради своихъ личныхъ качествъ,—эта мысль противорѣчитъ всему строю понятій американца; для его нравственнаго чувства не существуетъ болѣе презрѣнной породы людей, чѣмъ лишенные собственнаго достоинства карьеристы, рабски угодливые по отношенію къ высшимъ, грубые по отношенію къ низшимъ, — а между тѣмъ именно этотъ типъ въ его глазахъ характеренъ для европейскихъ системъ. Если въ противовѣсъ указать ему на историческія преимущества монархіи, аристократіи, классоваго духа, если говорить ему о возможномъ значеніи вождя, стоящаго надъ борьбою партій, о системѣ символовъ, въ которыхъ продолжаетъ жить и дѣйствовать историческое прошлое народа, объ охраненіи тѣхъ идеальныхъ силъ, которыя недоступны пониманію массы, о высокой продуктивности работы, которая является результатомъ твердыхъ нормъ государственной жизни и ея стройной организаціи,—то противъ этого возмущается гордость американскаго гражданина. Что значитъ для него все это въ сравненіи съ однимъ неизмѣримымъ и неисчерпаемымъ

источникомъ выгоды, который заключается въ томъ, что каждый членъ государства самостоятельно принимаетъ участіе въ общей работѣ, сознаетъ свою отвѣтственность и стремится къ самому высшему. Чего стоитъ въ его глазахъ плавность въ теченіи дѣлъ по сравненію съ нравственной цѣнностью совмѣстной работы, иниціативы, внутренней дисциплины каждаго и отвѣтственности, несомой даже бѣднѣйшимъ и низшимъ представителемъ народа. Чтобы по воскресеньямъ у каждаго человѣка въ горшкѣ варилась курица, объ этомъ, правда, могутъ заботиться и просвѣщенные, преданные народу монархи; но чтобы каждый и въ будни, и въ воскресенье чувствовалъ себя, отвѣтственнымъ за свою деревню, за свой округъ, за свое государство и за все человѣчество, чтобы каждый по собственной иниціативѣ принималъ участіе въ работѣ на общее благо—для этого Богъ поставилъ Соединенные Штаты въ качествѣ образца предъ всѣми странами. Лучше выносить борьбу партій, чѣмъ видѣть, что хотя бы одинъ человѣкъ относится безразлично къ благоденствію своей страны: лучше отказаться отъ аристократической роскоши, чѣмъ допустить, чтобы хотя одному человѣку помѣшали стремиться къ самому высшему, чего онъ можетъ достигнуть.

Такая отвлеченная сравнительная оцѣнка различныхъ формъ государственнаго устройства не можетъ привести ни къ какому рѣшенію до тѣхъ поръ, пока не принимается во вниманіе конкретная историческая дѣйствительность: преимущества и недостатки есть на каждой сторонѣ. И подобныя разсужденія даютъ тѣмъ меньше цѣнныхъ результатовъ, что здѣсь по необходимости долженъ остаться невыясненнымъ вопросъ о томъ, были ли преимущества въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительно использованы, и не найдено ли было какого нибудь средства для устраненія недостатковъ. Для нынѣшнихъ движеній въ Америкѣ, напримѣръ, въ высшей степени характерно побочное аристократическое теченіе, благодаря которому уничтожаются нѣкоторыя опасныя стороны демократіи. Официальная республика, разумѣется, должна сохранять демократическіе принципы, такъ какъ иначе она подписала бы собственный смертный приговоръ, но мы увидимъ, что развитіе жизни общества совсѣмъ не слѣдуетъ просто за ходомъ государственной жизни, а во многихъ отношеніяхъ прямо противоположно ему. То же самое можно сказать и о Германіи. Официальная Германія насквозь проникнута аристократическимъ и монархическимъ духомъ; а между тѣмъ внутренняя жизнь Германіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе демократизуется, и такимъ образомъ, благодаря неудержимымъ встрѣчнымъ движеніямъ въ области соціальной жизни, уравновѣшиваются естественные недостатки

аристократіи. Сыграли ли здѣсь роль возрастающее экономическое благосостояніе Германіи, повысившее житейскій уровень среднихъ сословій, или быстрый ростъ промышленности, благодаря которому получили большее значеніе фабрикантъ и купецъ, или развитіе міровыхъ сношеній, расширившее горизонтъ, освободившее связанныя силы и разрушившее старые предразсудки, или же источникомъ движенія послужилъ усиленный натискъ тѣхъ, кто чувствовалъ свое угнетенное положеніе, именно рабочихъ и, что́ еще важнѣе, женщинъ,—каково бы ни было происхожденіе этой демократической волны, но фактъ тотъ, что она заливаетъ страну и что политическая аристократія получаетъ коррективъ извнутри, благодаря демократическому прогрессу.

Наоборотъ, въ Америкѣ, какъ намъ не разъ еще придется указывать, уже не можетъ быть дѣйствительно подавлена аристократія; вліяніе духовныхъ вождей все усиливается, наука и искусство, идеалы высшихъ классовъ, составляютъ содержаніе новѣйшаго времени, соціальное расчлененіе и общественная группировка становятся все болѣе ощутительными, имперіалистически-милитаристскія увлеченія пріобрѣтаютъ господство надъ душою народа, и если нѣкогда американцы стремились разбить оковы рабовъ, то теперь считается «тяжкой обязанностью бѣлаго человѣка» покорить себѣ низшія племена, и даже переселенцамъ ставятся все новыя и новыя преграды. При этомъ политической демократіи не наносится никакого ущерба: все движеніе служитъ лишь внутренней аристократическою поправкою къ господствующей системѣ.

Существованіе и даже простая возможность такихъ побочныхъ теченій дѣлаетъ еще болѣе очевиднымъ, насколько безцѣльна теоретическая оцѣнка государственнаго права, взятаго въ изолированномъ видѣ, внѣ связи со всѣми остальными факторами народной жизни. Образованный американецъ въ настоящее время самъ видитъ, что американская форма демократіи не есть абсолютно совершенная система, которую нѣмецъ, напримѣръ, могъ бы только хвалить, если бы онъ самъ сдѣлался республиканцемъ; это — только наилучшая форма для даннаго вида людей при данныхъ условіяхъ. Не на отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а на уразумѣніи хода исторіи можетъ основываться сужденіе о томъ, что пригодно для той или другой страны, и если даже исторія выноситъ для двухъ народовъ настолько различныя рѣшенія, какъ это мы видимъ для Германіи и Америки, то отмѣченныя нами побочныя теченія показываютъ, что это вовсе не значитъ, будто основныя черты народовъ должны дѣлаться отличными другъ отъ друга. Америка и Германія вну-

тренно все болѣе сближаются, хотя въ первой республика, а во второй монархія пускаютъ все болѣе глубокіе корни.

Рѣшеніе исторіи для Америки не оставляло мѣста сомнѣнію: ея языкъ былъ простъ, ясенъ и не допускалъ возраженій. Правительство американскаго народа должно, по выраженію Линкольна, быть правительствомъ «народа для народа черезъ посредство народа». Когда американская конституція впервые вступала въ дѣйствіе, тогда, конечно, никому и во снѣ не видѣлось, что нѣкогда она своей основною демократической формулой будетъ служить связующимъ элементомъ для міровой державы, простирающейся отъ Мэна до Калифорніи; и дѣйствительно, территоріальное расширеніе необходимо должно было бы повести къ разрушенію единства конституціи, если бы тѣмъ временемъ путь отъ Бостона до Санъ-Франциско не сталъ короче, чѣмъ первоначально былъ путь отъ Бостона до Виргиніи. Если же конституція постоянно была способна внутренно приспособляться къ колоссальному росту, происходившему во всѣхъ направленіяхъ, если она продолжала служить прочною опорою для страны, во много разъ увеличивавшей свои первоначальные размѣры посредствомъ покупки и обмѣна, завоеванія и договора, и если во всѣхъ буряхъ и невзгодахъ ни разу не появлялось партіи или даже отдѣльнаго авантюриста, которые посягнули бы на верховныя права народа, то это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что форма государственнаго устройства здѣсь не искусственно придумана, а есть необходимый продуктъ данныхъ историческихъ условій.

* * *

Дѣйствительно, духъ этого государственнаго строя совсѣмъ не возникъ лишь въ 1787 году; онъ окрѣпъ и созрѣлъ еще задолго до того, какъ делегаты различныхъ штатовъ собрались подъ предсѣдательствомъ Вашингтона въ Залѣ Независимости въ Филадельфіи.

Исторія колоній, образовавшихся на берегу Атлантическаго океана, съ первыхъ дней ихъ существованія указываетъ на права и обязанности, связанныя съ самоопредѣленіемъ, а слѣдовательно и на необходимый, вытекающій отсюда заключительный актъ — на отторженіе отъ метрополіи и окончательное провозглашеніе независимости. Постараемся возстановить въ памяти различныя формы того процесса развитія, который начался здѣсь съ наступленіемъ семнадцатаго столѣтія. Слабыя попытки къ колонизаціи со стороны англичанъ, французовъ и испанцевъ во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія были неудачны и не оставили никакихъ соціальныхъ слѣдовъ. Нѣко-

торый успѣхъ французы имѣли лишь послѣ 1605 года, но они ограничивались тогда почти исключительно Канадою и Новою Шотландіей. Послѣ 1609 года началось переселеніе голландцевъ, но ихъ колонія на рѣкѣ Гудзонъ, нынѣшній Нью-Іоркъ, вскорѣ перешла во владѣніе англичанъ. Развитіе испанскихъ колоній по берегамъ Мексиканскаго залива совершалось внѣ той сферы, въ которой происходило образованіе Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, исторія однѣхъ только англійскихъ колоній составляетъ содержаніе короткаго ученическаго періода нынѣшней Америки.

Первые шаги въ жизни каждой колоніи были очень различны, но съ теченіемъ времени колоніи должны были дѣлаться все болѣе сходными между собою. Едва ли можно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ, съ одной стороны, между поселеніемъ своевольныхъ людей, которые покинули отечество для того, чтобы въ полной свободѣ исповѣдывать свою пуританскую вѣру и которые для веденія дѣлъ своей маленькой общины ищутъ простѣйшихъ формъ самоуправленія, и съ другой—между поселеніемъ, которое основано какой нибудь богатой торговой компаніей и, снабженное королевскою грамотой, управляется предписаніями изъ Англіи, или же между коронною колоніей, состоящею въ вѣдѣніи англійскаго правительства. Но противоположности должны были сгладиться: мелкія независимыя государственныя единицы должны были при усложняющихся условіяхъ искать защиты у какой нибудь одной, болѣе сильной, а такою охраняющей державою могла быть только Англія. Напротивъ, болѣе сильныя, крупныя колоніи скоро должны были почувствовать, что ихъ истинные интересы не выигрываютъ отъ проволочки, вызываемой необходимостью посылать каждый вопросъ мѣстнаго управленія съ тихоходными парусными судами на разрѣшеніе за океанъ. Они чувствовали, что для ихъ внутренняго роста имъ необходимо, не взирая на официальное руководительство со стороны Англіи, взять разрѣшеніе своихъ внутреннихъ дѣлъ въ собственныя руки. Такимъ образомъ, одинаковымъ результатомъ для всѣхъ явилась, съ одной стороны, внѣшняя зависимость отъ англійской короны, съ другой — внутреннее самоопредѣленіе, сопровождавшееся развитіемъ зрѣлаго чувства гражданственности.

Во всемъ этомъ процессѣ всюду легко прослѣдить роль стремленія съ самоуправленію; труднѣе разрѣшить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ процессъ этотъ опредѣлялся утилитарными и въ какой—этическими импульсами. Впереди всѣхъ шла Виргинія. Первое поселеніе, возникшее здѣсь въ 1606 году, оставалось въ полной зависимости отъ короля, который предоставилъ поселенцамъ мѣсто жительства, но за собою сохранилъ

всѣ права. Эта колонія была слабымъ, нежизнеспособнымъ предпріятіемъ до 1609 года, когда измѣнилась форма управленія и когда веденіе дѣлъ колоніи было поручено лицамъ, заинтересованнымъ въ матеріальномъ успѣхѣ предпріятія. Теперь она получила характеръ торговаго предпріятія, которое съ полнымъ основаніемъ могло ожидать самаго лучшаго будущаго. Во главѣ предпріятія стояла лондонская компанія, во владѣніе которой за небольшую плату перешла полоса земли шириною въ 400 англійскихъ миль, длиною—во внутрь материка — неограниченная. Страна заключала въ себѣ неисчислимыя естественныя богатства, и требовались только рабочія силы для того, чтобы ихъ использовать. Всякій могъ пріобрѣсти себѣ здѣсь свою долю путемъ покупки или посредствомъ службы. Экономическій гнетъ, испытываемый низшими классами на родинѣ, и экономическія выгоды, которыя компанія могла сулить каждому переселенцу,— все это вмѣстѣ взятое обезпечивало быстрый ростъ колоніи.

Внѣшняя организація колоніи напоминала военную деспотію, при чемъ резиденція деспота находилась въ трехъ тысячахъ миляхъ. Поэтому блюстителями интересовъ компаніи, въ противовѣсъ интересамъ поселенцевъ, должны были быть чиновники. И когда недобросовѣстные чиновники злоупотребляли своимъ положеніемъ, то естественнымъ результатомъ этого было то, что колонія собственно процвѣтала, между тѣмъ какъ компанія находилась на краю гибели. Отсюда возможенъ былъ только одинъ выходъ: надо было уступить настойчивымъ требованіямъ поселенцевъ, привести ихъ интересы въ согласіе съ интересами компаніи и затѣмъ предоставить самимъ жителямъ страны управленіе ихъ собственными дѣлами. Рѣшено было, чтобы каждая деревня и каждый городокъ считались самостоятельными единицами, и чтобы отъ каждой изъ нихъ отправлялось по два депутата въ собраніе, которому принадлежало право обсуждать общія дѣла. Это собраніе въ первый разъ засѣдало въ 1619 году. Но скоро случилось то, что должно было случиться: мѣстное представительство почувствовало себя сильнѣе далекой компаніи, возникли разногласія, и уже спустя пять лѣтъ дѣло лондонской компаніи оказалось проиграннымъ: Виргинія сдѣлалась королевской провинціей. Однако самымъ важнымъ здѣсь остается тотъ фактъ, что такимъ образомъ въ 1619 году впервые на американской почвѣ собрались народные представители, избранные народнымъ голосованіемъ; это былъ первый шагъ на пути къ вашингтонскому Капитолію, первый шагъ на пути къ свободѣ. И всемірная исторія съ присущею ей тонкою иронією позаботилась, чтобы въ томъ же году голландскій корабль привезъ къ берегамъ той же колоніи первый транспортъ африканскихъ негровъ въ качествѣ рабовъ.

Другая форма государственнаго развитія, вытекшая изъ свободнаго соглашенія независимыхъ людей, нашла свое первое выраженіе въ договорѣ ста двухъ пуританъ, отправившихся въ 1620 году изъ Плимута, чтобы въ Новомъ Свѣтѣ искать той свободы совѣсти, въ которой имъ отказывала Англія. Буря прибила ихъ къ мысу Кодъ, и здѣсь они, живя въ лишеніяхъ, основали свое маленькое поселеніе. Ни одна изъ остальныхъ колоній не представляла собою такого источника моральной силы, и для лучшихъ людей страны еще и теперь служитъ опорою нравственная смѣлость этихъ «паломниковъ» и ихъ серьезное отношеніе къ жизни.

Еще до своей высадки они подписали актъ, въ которомъ говорилось, что они отправились въ путь «во славу Божію и ради блага христіанской вѣры, въ честь короля и родной страны», что теперь, передъ лицомъ Бога, они «соединяются въ гражданскую политическую общину для бо́льшаго порядка, охраны и споспѣшествованія указаннымъ цѣлямъ» и что, поэтому, они «отъ времени до времени будутъ принимать и приводить въ исполненіе такіе разумные и справедливые законы, указы, рѣшенія, постановленія и назначенія, которые окажутся наиболѣе полезными для общаго блага колоніи». Управленіе поручалось ежегодно избираемому колонистами изъ своей среды губернатору и его помощникамъ, законодательная же власть должна была принадлежать всему собранію прихожанъ мужского пола. Такой порядокъ сохранялся въ теченіе восемнадцати лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока расширеніе колоніи не сдѣлало затруднительнымъ собираніе въ одно мѣсто всѣхъ ея членовъ; тогда была введена простѣйшая система народнаго представительства, осуществлявшагося посредствомъ выборовъ. Впослѣдствіи поселеніе пуританъ слилось съ другимъ цвѣтущимъ поселеніемъ, принадлежавшимъ одной торговой компаніи города Салема, и вмѣстѣ они образовали колонію Массачузетсъ, въ которой около 1640 года населенія насчитывалось уже двадцать тысячъ душъ.

Подписанный пуританами на кораблѣ договоръ можно разсматривать какъ первое добровольное соглашеніе, заключенное независимыми американцами съ цѣлью упорядочить управленіе; но первая писанная конституція создалась въ колоніи Коннектикутъ. Возникновеніе поселенія здѣсь было, въ сущности, повтореніемъ удачнаго опыта, произведеннаго въ Новомъ Плимутѣ; земледѣльческіе поселки и маленькія станціи для торговли съ индѣйцами въ Виндзорѣ, Гартфордѣ и другихъ мѣстахъ долины Коннектикута послужили исходными точками, изъ которыхъ выросла новая колонія. Соединенные общими интересами, эти поселки въ 1638 году приняли формальную конституцію, во введеніи къ которой говорится: «Мы

знаемъ, что тамъ, гдѣ собираются люди, слово Божіе требуетъ для поддержанія мира и единенія, чтобы было установлено соотвѣтствующее правиламъ порядка и нравственности правительство».

Значительную роль игралъ еще и другой типъ поселенческаго права; этотъ типъ носитъ чисто аристократическій, вполнѣ англійскій характеръ, и все же онъ внутренно вскорѣ преобразуется на американскій ладъ. Король предоставляетъ знатнымъ людямъ за небольшую подать почти неограниченную власть надъ огромными пространствами земли. Первымъ изъ такихъ людей былъ лордъ Балтиморъ, который въ 1632 году получилъ господство и обширнѣйшія полномочія надъ Мерилэндомъ, областью у залива Чезапикъ, и взамѣнъ этого обязанъ былъ только отдавать коронѣ пятую часть добываемаго въ его странѣ золота и серебра. Въ 1664 году Карлъ II отдалъ своему брату, герцогу Іоркскому, огромную территорію, которая вскорѣ затѣмъ распалась; въ нее входили области, извѣстныя вспослѣдствіи подъ именемъ Вермона, Нью-Джерсея и Делавара. Обширныя области Георгіи и Каролины—послѣдняя затѣмъ распалась на Сѣверную и Южную Каролину—были тѣмъ же королемъ отданы въ видѣ платы за услуги, оказанныя ему нѣкоторыми изъ его сторониковъ, а въ 1680 году, когда умеръ адмиралъ Вилліамъ Пеннъ, и сынъ его потребовалъ возврата шестнадцати тысячъ фунтовъ, которыми отецъ ссудилъ короля,—послѣдній былъ радъ, что Пеннъ согласился взамѣнъ уплаты получить право собственности на береговую полосу земли между сороковымъ и сорокъ третьимъ градусами сѣверной широты.

Такимъ образомъ, обширныя пространства были отданы въ полную власть немногимъ кавалерамъ, но всюду тотчасъ же пустилъ корни духъ самоопредѣленія, и даже больше — всюду въ области соціальной политики тотчасъ же обнаружился энтузіазмъ, готовый организовать страну на образцовыхъ началахъ соотвѣтственно новымъ идеаламъ. Каролина спрашивала совѣта для своего эксперимента у философа Локка; въ Мерилэндѣ, гдѣ поселилось двѣсти богатыхъ и знатныхъ людей, преимущественно католиковъ, сопровождаемыхъ большимъ числомъ другихъ лицъ, дѣло началось съ общихъ народныхъ собраній, но вскорѣ введено было представительное правленіе; наконецъ, созданіе Пенна, квакерскій штатъ Пенсильванія, съ самаго начала разсматривался какъ «святой экспериментъ». Самъ Пеннъ заявилъ, что посредствомъ постановленій, устанавливаемыхъ для колоніи, онъ хочетъ достигнуть того, «чтобы ни онъ, ни его преемники не имѣли возможности причинить какой либо вредъ». «Народы должны наконецъ увидѣть образецъ истинно-

справедливаго правительства, — и если здѣсь нельзя произвести этого святого эксперимента, то по ту сторону океана это возможно». Во введеніи же къ плану управленія говорится: «Я знаю доводы тѣхъ, кто поклоняется монархіи, аристократіи или демократіи. Истина въ томъ, что народъ свободенъ при всякой формѣ правленія, если только господствуетъ законъ и если самъ народъ участвуетъ въ законодательствѣ; все же остальное есть тираннія, олигархія и смута. Свобода безъ повиновенія — это безпорядокъ, повиновеніе безъ свободы — рабство». Энтузіазмъ Пенна вызвалъ откликъ даже на европейскомъ материкѣ. Пеннъ самъ основалъ въ 1683 году городъ братской любви, Филадельфію; Францъ Даніэль Пасторіусъ привелъ въ его колонію первую группу нѣмецкихъ поселенцевъ, меннонитовъ, которые основались въ Джерментаунѣ.

Такимъ образомъ, при самыхъ различныхъ условіяхъ всюду развился одинъ и тотъ же духъ самоуправленія, самостоятельности и увѣренности въ собственныхъ силахъ. Но стимуломъ, побудившимъ колоніи соединиться, послужили не одинаковыя чувства и стремленія, а борьба съ общимъ врагомъ, страхъ передъ общими опасностями. Несмотря на сходство политическаго строя, между колоніями существовали и глубокія внутреннія различія; цѣлая пропасть отдѣляла другъ отъ друга южныя колоніи съ ихъ разслабляющимъ климатомъ, гдѣ плантаторы сваливали всю работу на рабовъ, и средними и сѣверными колоніями, граждане которыхъ именно въ работѣ находили смыслъ жизни. Врагами, которые связали воедино всѣ эти разнородные элементы, были индѣйцы, французы, испанцы и, наконецъ, родной англійскій народъ.

Индѣйцамъ принадлежало господство надъ всей страной, пока не появились колонисты, оттѣснившіе ихъ изъ постоянныхъ мѣстъ охоты. Воинственныя племена безпрерывно пытались уничтожить бѣлыхъ пришельцевъ. Это была постоянная опасность, для борьбы съ которою каждое отдѣльное поселеніе было недостаточно сильно. Уже вскорѣ послѣ перваго серьезнаго столкновенія съ индѣйцами въ 1636 году маленькая возникшая изъ случайныхъ поселеній колонія Родъ-Айслэндъ предложила своимъ болѣе крупнымъ сосѣдямъ заключить оборонительный союзъ; въ послѣдній вступили Массачузетсъ, Плимутъ, Нью-Гэвенъ и Коннектикутъ, образовавшіе «Соединенныя колоніи Новой Англіи». Практическое значеніе этого союза было не велико, но онъ впервые показалъ колоніямъ ревниво оберегавшимъ свою независимость, что для опредѣленныхъ внѣшнихъ цѣлей возможно болѣе или менѣе тѣсное единеніе и что соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій

нисколько не нарушаетъ полной самостоятельности каждаго изъ членовъ союза.

Болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ были войны съ французскими колоніями. Французъ являлся естественнымъ непріятелемъ всѣхъ англійскихъ поселеній. Первоначально поселенія французовъ существовали только на дальнемъ сѣверѣ; въ 1608 году былъ основанъ Квебекъ. Но въ теченіе тѣхъ десятилѣтій, когда англійскіе выходцы стали селиться вдоль побережья Атлантическаго океана, французы начали двигаться съ сѣвера долиною рѣки Св. Лаврентія, мимо Великихъ Озеръ къ Миссисипи и далѣе до самаго устья этой рѣки, объявляя необъятныя пройденныя ими пространства владѣніями французской короны. По имени Людовика XIV они назвали страну Луизіаной. Они явились сюда не въ качествѣ колонистовъ; ихъ привлекали коммерческіе планы, они имѣли въ виду использовать обиліе дичи въ интересахъ канадской мѣховой торговли,— а вслѣдъ за купцомъ немедленно явился католическій священникъ. Такимъ образомъ, вся страна позади англійскихъ колоній оказывалась въ рукахъ французовъ, а между тѣмъ при дарованіи земель англійскою короною всегда предполагалась, что ихъ западной границей долженъ быть только Великій океанъ. Отсюда неизбѣжно должно было возникнуть столкновеніе, несмотря на то, что горы и дѣвственные лѣса отдѣляли населенную прибрежную полосу земли отъ тѣхъ внутреннихъ областей, расположенныхъ по рѣкѣ Миссисипи, надъ которыми французы господствовали при помощи укрѣпленныхъ торговыхъ станцій.

Въ 1689 году, когда возгорѣлась война въ Европѣ между Англіей и Франціей, безпощадная борьба началась между противниками и въ Новомъ Свѣтѣ. Теперь общій врагъ грозилъ уже не нѣсколькимъ колоніямъ Новой Англіи, какъ во время войны съ индѣйцами, а всѣмъ колоніямъ, расположеннымъ вдоль побережья океана. Въ апрѣлѣ 1690 года въ Нью-Іоркѣ собрался конгрессъ делегатовъ, на который впервые были приглашены представители отъ всѣхъ колоній. Затѣмъ съ перемѣннымъ успѣхомъ велись три долгихъ войны. Важнѣйшимъ преимуществомъ французовъ было то, что они съ самаго начала установили хорошія отношенія съ индѣйцами, и что послѣдніе поэтому сражались на ихъ сторонѣ; важнѣйшимъ изъ отрицательныхъ условій для французовъ была ихъ малая численность, такъ какъ изъ отечества къ нимъ прибывало мало подмоги. Когда въ 1756 году началась послѣдняя великая борьба, населеніе англійскихъ колоній насчитывало милліонъ съ четвертью душъ, французскія же колоніи располагали вдесятеро меньшими силами. Но важнѣе всего было то, что

англійскія колоніи выставляли борцовъ, которые сражались за свои насиженныя мѣста, которые воспитались и закалились въ школѣ самоуправленія, — во французскихъ же колоніяхъ сидѣли торговцы и наемники. Духъ самоуправленія долженъ былъ побѣдить на этомъ материкѣ. Юный Вашингтонъ былъ вождемъ въ борьбѣ, Вилліамъ Питтъ, англійскій статсъ-секретарь, напрягъ всѣ свои силы, и торжество англичанъ оказалось безусловнымъ. По миру 1763 года всѣ владѣнія Франціи къ востоку отъ Миссисипи перешли къ Англіи, за исключеніемъ Новаго Орлеана, который былъ отданъ Испаніи; въ то же время Испанія, съ своей стороны, уступила Англіи Флориду. Всѣ французскія владѣнія къ западу отъ Миссисипи отошли къ Испаніи, и такимъ образомъ весь материкъ былъ подѣленъ между Испаніей и Англіей.

Но семилѣтняя война измѣнила не только карту политическихъ владѣній; не меньшій переворотъ она произвела и въ сознаніи колонистовъ. Она многому ихъ научила. Прежде всего они узнали, что составляютъ одно цѣлое; во-вторыхъ, они узнали, что ихъ собственные войска и полководцы нисколько не хуже тѣхъ, которыхъ могла прислать имъ изъ-за океана Англія; въ третьихъ,—что метрополія, въ сущности, разсматриваетъ событія, совершающіяся въ колоніяхъ, только съ эгоистической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ Англіи. Къ этому для колонистовъ присоединились еще новые виды на будущее: французской опасности для нихъ больше не существовало, вся страна, вплоть до Миссисипи, со своими неизмѣримыми богатствами, была для нихъ открыта. Къ чему имъ теперь еще нужна была поддержка англійской короны? Духъ самоопредѣленія желалъ вполнѣ послѣдовательно сказать свое заключительное слово.

Разумѣется, колонисты еще были вѣрными англійскими подданными; какъ ни полно было ихъ самоуправленіе, имъ все же казалось вполнѣ естественнымъ, что внѣшнюю политику ведетъ Англія, что Англія можетъ противопоставить ихъ законамъ свое veto, что офиціальная власть находится въ рукахъ англійскихъ губернаторовъ, и что все должно такъ оставаться и на будущее время. Первый поводъ къ столкновеніямъ былъ поданъ таможенными проектами англійскаго парламента. Тринадцать колоній, населеніе которыхъ тѣмъ временемъ возросло до двухъ милліоновъ, своими щедрыми военными издержками показали запутавшимся въ дѣлахъ британцамъ, какъ процвѣтаетъ въ Америкѣ торговля, какъ велико тамъ общее благосостояніе; отсюда естественно должно было возникнуть поползновеніе переложить на американцевъ часть общественныхъ налоговъ.

Требованіе, чтобы колоніи взяли на себя часть общественной тяготы, само по себѣ не было несправедливымъ, такъ какъ

многіе виды расходовъ шли имъ же на пользу, но все же это требованіе должно было показаться чудовищнымъ для людей, воспитанныхъ въ школѣ самоуправленія и считавшихъ догматъ самоопредѣленія неприкосновеннымъ. Парламентъ, въ которомъ они сами не имѣли представителей, не смѣлъ налагать на нихъ никакихъ податей: обложеніе налогомъ при отсутствіи представительства—это тираннія,—таковъ былъ боевой кличъ даннаго момента. Созданный для Америки законъ, требовавшій оплаты каждаго договора и каждой газеты гербовыми марками, былъ принятъ съ негодованіемъ; по всей странѣ образовались союзы «сыновъ свободы», ставившіе себѣ цѣлью поддерживать возбужденіе посредствамъ агитаціи; конгрессъ о гербовыхъ маркахъ, собравшійся въ Нью-Іоркѣ въ 1765 году, отвергъ этотъ законъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ.

И дѣло не ограничивалось одними только заявленіями: духъ самоопредѣленія не могъ быть безнаказанно оскорбляемъ. За рѣшеніемъ—не считаться съ новымъ закономъ—послѣдовало другое, именно—соглашеніе не пріобрѣтать англійскихъ продуктовъ. Англія вынуждена была уступить въ одномъ пунктѣ, но за этимъ послѣдовалъ съ ея стороны непрерывный рядъ мелкихъ придирокъ и непріятностей, благодаря которымъ раздраженіе еще возросло. Обѣ стороны быстро приближались къ военной развязкѣ. Въ 1770 году Англія издаетъ предписанія, согласно которымъ ввозимый въ колоніи чай подлежитъ оплатѣ пошлиною. Разсерженные бостонцы выбрасываютъ въ воду грузъ чаю, привезенный англійскимъ кораблемъ. Англія приходитъ въ негодованіе и устанавливаетъ такія карательныя мѣры, которыя должны повести къ уничтоженію торговли Бостона и всего Массачузетса. Тринадцать колоній вступаются за дѣло Массачузетса, какъ за собственное дѣло. Въ воздухѣ чувствуется гроза. Сѣверныя колоніи начинаютъ тайно запасать оружіе и боевые припасы и готовить крестьянъ къ борьбѣ. Королевскій губернаторъ, генералъ Гэджъ, дѣлаетъ попытки овладѣть военными запасами, которые хранятся въ окрестностяхъ Бостона; 19 апрѣля 1775 года раздается первый выстрѣлъ; при Лексингтонѣ и Бункеръ-Гиллѣ повстанцы одерживаютъ побѣду, Вашингтонъ вступаетъ въ командованіе соединенными военными силами, и въ то время какъ Англія негодуетъ на бунтовщиковъ, запрещаетъ торговыя сношенія со всѣми колоніями и вербуетъ войска въ Германіи,—колоніи разрываютъ свои оковы. 1 января 1776 года въ Вашингтонѣ былъ поднятъ флагъ, на которомъ въ качествѣ символа самоопредѣленія тринадцати колоній развѣвалось тринадцать бѣлыхъ и красныхъ полосъ,—а 4 іюля провозглашена независимость: отнынѣ не существуетъ болѣе колоній, а существуютъ тринадцать свободныхъ штатовъ,

и надъ той палатою въ Филадельфіи, гдѣ засѣдаетъ конгрессъ народныхъ представителей, звучитъ колоколъ съ надписью «Провозглашай свободу по всѣмъ странамъ».

Замѣчательнымъ документомъ была эта декларація независимости, составленная Джефферсономъ изъ Виргиніи. Она начиналась слѣдующими словами: «Когда по ходу человѣческихъ дѣлъ для какого нибудь народа становится необходимымъ порвать политическія узы, связывающія его съ другимъ народомъ, и, такимъ образомъ, среди земныхъ державъ занять особое и равноправное положеніе, на какое даютъ право законы міра и Создатель міра,—то нравственное уваженіе къ понятіямъ другихъ людей требуетъ, чтобы были изложены тѣ причины, по которымъ отдѣленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Мы считаемъ за истину, не нуждающуюся въ доказательствахъ, что всѣ люди отъ природы равны, что они получили отъ Творца извѣстныя неотъемлемыя права, и что къ послѣднимъ принадлежатъ жизнь, свобода и стремленіе къ счастью; что для обезпеченія этихъ правъ среди людей учреждены правительства, справедливая власть которыхъ покоится на согласіи управляемыхъ, и что какъ только форма правленія начинаетъ противорѣчить указаннымъ цѣлямъ, народу принадлежитъ право измѣнить или уничтожить эту форму и установить новое правительство». За этимъ слѣдуетъ длинный перечень грѣховъ англійской короны и англійскаго народа, и въ заключеніе торжественными словами провозглашается независимость и свобода Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,—на будущее время для англичанъ, «какъ и для остального человѣчества, враговъ во время войны, друзей во время мира».

Англійскихъ губернаторовъ болѣе не существовало, они были замѣнены собственными, выборными. Духъ самоопредѣленія побѣдилъ, но опасность еще не была устранена. Англія потерпѣла неудачу, но она еще не намѣрена была признать свое дѣло проиграннымъ. И снова начались колебанія счастья. Въ продолженіе пяти лѣтъ исходъ борьбы казался неопредѣленнымъ, пока въ 1781 году Корнваллисъ не сдался со своимъ войскомъ: тогда только Англія поняла, что все кончено. Король желалъ еще продолжать войну, но народъ уже былъ утомленъ войною; министерство должно было выйти въ отставку, и въ апрѣлѣ 1783 года миръ, наконецъ, былъ заключенъ. Но и этимъ еще не было обезпечено будущее. Едва ослабъ гнетъ со стороны общаго врага, какъ внутри союза начали обнаруживаться раздоры и соперничество. Союзъ, какъ цѣлое, не имѣлъ законной власти надъ отдѣльными штатами, и послѣ разорительной войны у него не было средствъ, съ по-

мощью которыхъ онъ могъ бы руководить внѣшнею торговлей и взимать пошлины.

Нельзя видѣть чего-то противнаго духу самоопредѣленія въ томъ, что широкіе круги, казалось, были не склонны укрѣпить новый Союзъ. Самоопредѣленіе начинается въ самомъ тѣсномъ кругу. Истинное самоопредѣленіе большого общественнаго организма не должно итти въ ущербъ самоопредѣленію отдѣльныхъ его частей, а опасностей ожидали именно съ этой стороны. Отдѣльные штаты, имѣвшіе собственныя желанія и собственные пути къ ихъ осуществленію, не хотѣли поступиться своимъ правомъ на самоопредѣленіе въ пользу отвлеченной центральной власти, которая слишкомъ легко могла снова превратиться по отношенію къ нимъ въ тираническую власть, подобную власти ненавистной англійской короны. Но лучшіе люди страны все же становились съ каждымъ днемъ болѣе убѣжденными сторонниками противоположнаго направленія; сильная центральная власть, въ которой внутренно завершалось бы самоопредѣленіе всей совокупности отдѣльныхъ штатовъ,—такая власть должна была возникнуть въ силу исторической необходимости. Снова собрались на конгрессъ въ Залѣ Независимости въ Филадельфіи представители всѣхъ штатовъ. Это было собраніе чрезвычайно выдающихся людей, и оно въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ искало средствъ для того, чтобы примирить въ единой союзной конституціи противоположныя требованія какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ федераціи.

Было очевидно, что необходимы компромиссы, и обѣ стороны пошли на уступки. Каждый штатъ, даже самый маленькій, получилъ право, какъ и самый большой, посылать въ сенатъ двухъ представителей; въ разрѣзъ съ федералистическими принципами шло и обиліе правъ, сохраненныхъ за каждымъ отдѣльнымъ штатомъ. Съ другой стороны, несомнѣннымъ считалось и то, что во главѣ управленія должна стоять одна твердая воля, долженъ стоять одинъ человѣкъ, и что этотъ человѣкъ долженъ постоянно быть избираемъ всѣмъ народомъ. Нѣкоторые люди пытались пустить въ обращеніе мысль о провозглашеніи Вашингтона королемъ; онъ самъ съ негодованіемъ отвергъ эту мысль. Республиканская форма правленія была здѣсь не разсудочно построенной системою, и предпочтеніе ей было отдано не ради ея теоретическихъ достоинствъ: она была продуктомъ исторической необходимости, естественнымъ завершеніемъ всего движенія, такимъ же послѣдовательнымъ и неизбѣжнымъ, какимъ было совершившееся спустя восемьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ соединеніе нѣмецкихъ государствъ въ одно цѣлое подъ верховной властью императорской короны. Проектъ

конституціи, выработанный конгрессомъ, былъ предложенъ на разсмотрѣніе законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ, которыя должны были либо принять, либо отвергнуть его. Противники федераціи еще разъ напрягли свои силы, но федералисты одержали побѣду по всей линіи: конституція была принята, и въ 1789 году Георгъ Вашингтонъ былъ избранъ первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Только увлекающіеся люди могли, какъ это часто случалось, прославлять американскую конституцію въ качествѣ величайшаго созданія человѣческаго духа; однако и строгими критиками признано, что въ ней сказалась истинная государственная мудрость. Въ эпоху, когда люди упивались высокопарными рѣчами, эта конституція съ изумительной ясностью и простотой начертила основныя линіи новой государственной жизни. «Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, принимаемъ и постановляемъ нижеслѣдующую конституцію, чтобы этимъ вызвать болѣе полное единеніе, установить справедливость, обезпечить внутреннее спокойствіе, заботиться о совмѣстной защитѣ, способствовать общему благополучію и обезпечить себѣ и своему потомству блага свободы».

Вотъ и все введеніе. Содержаніе постановленій расчленено на семь пунктовъ. Въ первомъ говорится о законодательной власти, которая должна принадлежать конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, о составѣ конгресса, въ который входятъ сенатъ и палата депутатовъ, о его задачахъ и дѣлопроизводствѣ, о его правахъ и обязанностяхъ. Второй пунктъ посвященъ исполнительной власти, принадлежащей избираемому на четыре года президенту, въ третьемъ говорится о судебной власти, въ четвертомъ — о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными штатами, въ остальныхъ трехъ кратко указаны способы пополненія и введенія конституціи.

Введеніе въ конституцію дополненій и измѣненій было предусмотрѣно и сдѣлано не труднымъ. Насколько глубоко первоначальнымъ проектомъ былъ уловленъ и выраженъ духъ американскаго народа, это ясно видно изъ того факта, что на протяженіи цѣлаго столѣтія, когда совершался безпримѣрный ростъ страны и когда происходили самыя неожиданныя перемѣны во внѣшнихъ условіяхъ ея существованія,—не пришлось измѣнить ни одного изъ основныхъ принциповъ конституціи. Только одно положеніе было прибавлено семьдесятъ семь лѣтъ спустя: въ Соединенныхъ Штатахъ не должно существовать рабства,—и присоединеніе этого пункта стоило цѣлыхъ потоковъ крови. Остальныя немногочисленныя прибавки содержали частью маловажныя указанія техническаго характера, преимущественно же болѣе точную формулировку того, что въ американскомъ сознаніи

являлось естественными правами личности. Если первоначально въ конституціи отсутствовали статьи, торжественно провозглашавшія свободу совѣсти и свободу слова, свободу печати и свободу собраній, право на правильное судопроизводство и т. п., то произошло это не потому, что составители конституціи держались другихъ взглядовъ, а потому, что они не хотѣли сдѣлать изъ конституціи Союза ни учебника этики, ни свода законовъ. Но уже въ 1789 году отдѣльные штаты настояли на томъ, чтобы были включены всѣ эти пункты относительно принадлежащихъ каждому, согласно національнымъ воззрѣніямъ, человѣческихъ правъ. Въ 1870 году, наконецъ,въ ряду человѣческихъ правъ заняло подобающее ему мѣсто еще одно запоздалое право: никто не долженъ быть стѣсняемъ въ пользованіи избирательнымъ правомъ изъ-за принадлежности къ той или иной расѣ, изъ-за цвѣта своей кожи или изъ-за прежняго своего рабскаго состоянія.

Одновременно съ провозглашеніемъ перечисленныхъ формъ свободы въ первомъ году республики было принято и десятое добавленіе: всѣ виды власти, которые конституціей не переданы въ ясныхъ выраженіяхъ Соединеннымъ Штатамъ или въ ясныхъ же выраженіяхъ не отняты у отдѣльныхъ штатовъ, — предоставляются отдѣльнымъ штатамъ или народу. И это положеніе, конечно, не шло въ разрѣзъ со всѣмъ духомъ первоначальнаго проекта. Главная сила конституціи, благодаря которой она могла обнаружить такую жизнеспособность, и заключалась именно въ томъ, что она нигдѣ не уничтожала центробѣжныхъ силъ съ помощью центростремительныхъ, что она создавала между стремленіями къ объединенію и партикуляристскими стремленіями такое равновѣсіе, при которомъ возможно было наиболѣе полное развитіе могущества цѣлаго на-ряду съ проявленіемъ вполнѣ свободной и живой иниціативы всѣхъ частей. Во всѣхъ отношеніяхъ усиленіе какой нибудь одной стороны въ конечномъ счетѣ дало бы отрицательные результаты: ни внѣшній ростъ, ни преодолѣніе внутреннихъ противорѣчій не были бы возможны, если бы болѣе сильною центральной властью была ослаблена внутренняя подвижность отдѣльныхъ частей или если бы благодаря болѣе слабому правительству уменьшилась связь между отдѣльными частями. Безпрерывное возстановленіе равновѣсія между старыми силами и безпрерывное возбужденіе къ дѣятельности новыхъ силъ—вотъ въ чемъ заключалась тайна могущества, воплотившагося въ писанной конституціи. Это было самое полное выраженіе духа самоопредѣленія, который постоянно требуетъ, чтобы цѣлое само опредѣляло себя, не лишая свободы никакую часть, и чтобы каж-

дая часть опредѣляла сама себя, не отнимая у цѣлаго его самоопредѣляющейся воли.

Подъ охраною этой конституціи страна росла. Уже къ 1803 году территорія страны была удвоена благодаря покупкѣ у Наполена за 15 милліоновъ долларовъ обширныхъ пространствъ Луизіаны, которыя были уступлены Франціи Испаніей. Это—событіе величайшей важности, и къ столѣтней годовщинѣ его С. Луи съ законною гордостью пригласилъ на всемірную выставку народы всего земного шара.

Въ 1845 году въ составъ Соединенныхъ Штатовъ вошелъ Техасъ, незадолго передъ тѣмъ отдѣлившійся отъ Мексики и организовавшійся въ видѣ независимаго штата. Въ 1846 году къ Соединеннымъ Штатамъ, по договору съ Англіей, отошла обширная область Орегонъ, въ 1848 году, послѣ войны съ Мексикой, были присоединены Новая Мексика и Калифорнія, наконецъ, въ 1867 году Россіей была уступлена Аляска,—и территорія Соединенныхъ Штатовъ обнимала уже не 324.000 квадратныхъ миль, какъ было первоначально, а 3.600.000; вмѣсто тринадцати штатовъ ихъ насчитывалось сорокъ пять, такъ какъ вновь пріобрѣтаемыя обширныя области приходилось дѣлить. Но этотъ колоссальный ростъ не поколебалъ и не измѣнилъ конституціи; именно проникавшій ее духъ самоопредѣленія придавалъ всему могучему процессу развитія удивительную ровность и увѣренность, всепобѣждающую силу и спокойствіе. Воспитываясь подъ вліяніемъ этой конституціи, возростало и населеніе страны. Милліоны людей устремлялись сюда, чтобы на новыхъ неистощимыхъ земляхъ искать и находить свое счастье. На увеличившейся вдесятеро территоріи страны населеніе увеличилось въ двадцать разъ, и всякій человѣкъ здѣсь подвергался дисциплинѣ самоопредѣляющейся общины, воспитывался къ тому, чтобы быть американскимъ гражданиномъ.

* * *

Постараемся ясно представить себѣ тотъ духовный типъ, который должна была создавать эта школа. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ нибудь шаблонѣ, приложимомъ ко всѣмъ безъ разбору: прирожденный янки и переселившійся въ Америку европеецъ, ирландецъ и нѣмецкій американецъ, фермеръ и горожанинъ, житель Новой Англіи и житель Виргиніи, представитель Востока и представитель Запада—всѣ они остаются безусловно отличными другъ отъ друга, и безконечные индивидуальные оттѣнки характера, способностей, темперамента, которыми надѣляетъ людей природа, конечно, здѣсь не изглаживаются. Но американцы въ антропологическомъ отношеніи

уже начинаютъ представлять собою особый типъ, на которомъ очевидно, сказывается вліяніе общаго климата, такъ какъ не мало признаковъ этого новаго типа сходны съ признаками туземцевъ-индѣйцевъ, — и точно такъ же подъ вліяніемъ нравственнаго общаго климата здѣсь создается новый видъ людей съ совершенно особымъ духовнымъ складомъ. И общія черты этого типа настолько сильны, что въ сравненіи съ ними изумительно мало замѣтны на американскихъ гражданахъ, носителяхъ общественной жизни, другія различія соціальной жизни — будь то различія между богатымъ и бѣднымъ, школьникомъ и академикомъ, вновь прибывшимъ переселенцемъ и кореннымъ жителемъ страны, работникомъ, который живетъ трудомъ своихъ рукъ, и человѣкомъ, который занимается только умственнымъ трудомъ.

Только объ общественной жизни мы здѣсь и будемъ говорить; какъ создаются все новыя и новыя расчлененія въ области экономической и духовной жизни и въ сферѣ личнаго общенія,—этими вопросами мы займемся въ другихъ мѣстахъ. Если взять отдѣльную личность, то, пожалуй, не всегда легко будетъ отчетливо различать отдѣльныя нити въ сложной ткани психическихъ движеній; въ отвлеченномъ же и схематическомъ типичномъ образѣ это не трудно сдѣлать.

Итакъ, чему научила американца эта дисциплина? Въ школѣ самоопредѣленія преподается много какъ-будто независимыхъ другъ отъ друга предметовъ, и среди нихъ, быть можетъ, нѣтъ ни одного, который не заключалъ бы въ себѣ извѣстной опасности. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ не о теоретическихъ свѣдѣніяхъ, которыя могутъ быть усвоены или забыты, могутъ быть хорошо или плохо подобраны, но которыя не могутъ различаться по степени и, слѣдовательно, не требуютъ расположенія по степенямъ и какихъ либо ограниченій; теоретическія свѣдѣнія не могутъ, какъ бы они ни увеличивались, перейти въ нѣчто ложное. Здѣсь же рѣчь идетъ объ усвоеніи правилъ практической дѣятельности, о пріобрѣтеніи навыка къ такимъ дѣйствіямъ, которыя принимаются за образецъ, а съ этимъ по необходимости сопряжена извѣстная опасность, заключающаяся не только въ томъ, что предметъ обученія можетъ быть плохо выбранъ или можетъ быть забытъ; опасность прежде всего заключается въ томъ, что изученное будетъ на практикѣ слишкомъ сильно примѣняться, что оно получитъ незаконный перевѣсъ надъ цѣнными противоположными тенденціями, что, потерявъ мѣру, оно будетъ приносить ущербъ самому себѣ. Въ этомъ смыслѣ нельзя оспаривать, что наука американской демократіи повинна въ серьезныхъ ошибкахъ, и что американскій гражданинъ именно въ качествѣ гражданина, не свободенъ отъ тѣхъ недо-

статковъ, которые связаны съ его достоинствами. Попытаемся бѣглыми штрихами набросать главнѣйшія черты и понять, какимъ образомъ добродѣтели, составляющія цѣль стремленій, могутъ на самомъ дѣлѣ вести къ порокамъ.

Первая группа тѣсно связанныхъ между собою импульсовъ возникаетъ изъ живой вѣры въ собственныя силы. Какъ исходнымъ пунктомъ, такъ и конечнымъ выводомъ всѣхъ догматовъ самоопредѣленія должно, конечно, служить правило: не ожидай, чтобы другіе о тебѣ заботились, тебя опекали и преслѣдовали твои интересы, а полагайся на собственное сужденіе и на собственныя силы; ты можешь все сдѣлать не хуже другихъ, если постараешься, и нѣтъ такой цѣли, которая для тебя была бы слишкомъ высока. Этимъ духомъ въ большей или меньшей степени проникнутъ всякій американецъ. Съ самаго ранняго дѣтства это направленіе каждый день ему внушалось, и каждое учрежденіе страны его укрѣпляло.

Ближайшимъ результатомъ этого является такое развитіе духа инициативы, какого нѣтъ ни у одного изъ остальныхъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—оптимизмъ, вѣра въ свои силы, чувство спокойной увѣренности, въ которомъ уже заключается бо́льшая половина успѣха. Робость — этого слова нѣтъ въ лексиконѣ американца. Отдѣльный человѣкъ, или группа лицъ, или вся страна можетъ спорить и сомнѣваться въ томъ, желательно ли достиженіе извѣстной цѣли и есть ли извѣстный путь наилучшій изъ числа ведущихъ къ ней, но вопросъ о томъ, хватитъ ли силъ пройти этотъ путь и достигнуть цѣли,—этотъ вопросъ никогда не входитъ въ сферу сомнѣнія и, такимъ образомъ, никогда не парализуетъ дѣла. Въ то же время благодаря этому силы напрягаются до высшей степени. Здѣсь духъ самоопредѣленія соприкасается съ стремленіемъ къ самодѣятельности, которое составляетъ основу всей экономической жизни Америки. Но инициатива и оптимистическія стремленія въ области общественной жизни гораздо больше поражаютъ иностранца, чѣмъ въ сферѣ экономической дѣятельности. Эти черты сказываются уже въ томъ увлеченіи, съ которымъ даже самый незамѣтный человѣкъ читаетъ свою газету, благодаря чему сбытъ газетъ и политическихъ журналовъ доводится до такихъ размѣровъ, какіе нѣмцу кажутся почти неправдоподобными. Эти черты сказываются въ культивированіи ораторскихъ способностей, благодаря которымъ всякій можетъ всего вѣрнѣе достигнуть замѣтнаго вліянія. Эти черты сказываются въ непоколебимомъ требованіи, чтобы всякое общественное положеніе было доступно всякому человѣку безъ исключенія. Эти черты сказываются въ той смѣлости, съ которою тысячи людей, не обладающихъ спеціальной подготовкой и техниче-

скими значеніями, рѣшались занять труднѣйшія административныя мѣста — почтмейстеровъ и городскихъ головъ, министровъ и посланниковъ—и при этомъ не отступали ни передъ какой отвѣтственностью. Эти черты сказываются прежде всего во всей системѣ учрежденій, которая всюду — въ крупныхъ, какъ и мелкихъ своихъ частяхъ — построена на принципѣ постепенныхъ переходовъ, безъ рѣзкихъ дѣленій и разграниченій, и которая поэтому дѣлаетъ возможнымъ равномѣрное постепенное движеніе впередъ.

Эту особенность мы еще будемъ повсюду встрѣчать, такъ какъ система постепенныхъ переходовъ есть система специфически-американская. Все должно имѣть возможность развиваться собственными силами; ни одинъ здоровый ростокъ не долженъ встрѣчать препятствій къ тому, чтобы развиться насколько можетъ. Никакой импульсъ не долженъ быть потерянъ, всякому движенію — хотя бы оно возникло на крайней периферіи—долженъ быть открытъ свободный путь къ самому центру круга. На периферіи лежитъ истинная сила націи: американское правительство не могло бы съ такой увѣренностью переходить отъ одного успѣха къ другому, если бы не было въ каждомъ деревенскомъ парнѣ и городскомъ мальчишкѣ гордаго сознанія, что только отъ него самого зависитъ, сдѣлается ли онъ когда нибудь президентомъ Соединенныхъ Штатовъ или нѣтъ.

Однако незамѣтенъ и постепененъ также переходъ отъ этой силы къ чрезвычайно опасной формѣ слабости, отъ духа иниціативы и оптимизма къ непростительной переоцѣнкѣ собственныхъ способностей, къ пренебреженію спеціальною подготовкой. Диллетантизмъ большей частью бываетъ привлекателенъ, часто онъ сопровождается успѣхомъ, иногда заслуживаетъ удивленія, но онъ всегда опасенъ, и если отличные ремесленники сидятъ въ училищныхъ совѣтахъ, а дѣльные коммерсанты принимаютъ на себя руководство почтовою частью въ своемъ городѣ, если банкиры вступаютъ въ должность губернаторовъ, а журналисты пересаживаются въ другое кресло и становятся министрами, то во всемъ этомъ плохимъ утѣшеніемъ можетъ служить мысль, что такіе чиновники не утрачиваютъ связи съ практической жизнью и не способны окостенѣть въ юридическихъ формахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Америкѣ въ настоящее время прилагаются всѣ усилія къ устраненію зла, вытекающаго изъ этого любительскаго отношенія къ дѣлу, и что людямъ со спеціальною подготовкою стараются придать возможно большее значеніе. Но здѣсь насъ интересуютъ ближайшимъ образомъ психологическія особенности американца, и въ этомъ смыслѣ нельзя отрицать, что въ

его душѣ съ чудесной, полной оптимизма самонадѣянностью и съ духомъ иниціативы сочетаются легкомысленная переоцѣнка собственныхъ силъ и склонность къ диллетантизму.

Неизбѣжнымъ представляется еще одно психологическое слѣдствіе. Если каждый представитель даннаго народа чувствуетъ себя призваннымъ судить обо всемъ, то народъ этотъ можетъ достигнуть того, что сужденія его массъ будутъ стоять на необычайно высокомъ уровнѣ, но онъ въ то же время будетъ осужденъ низводить своихъ величайшихъ людей на уровень массы. Геній, который на первыхъ порахъ всегда долженъ быть непонятенъ массѣ, здѣсь неизбѣжно заглохнетъ; кто стремится къ цѣлямъ, лежащимъ по ту сторону привычнаго горизонта, тотъ останется одинокимъ; крупные успѣхи выпадутъ на долю только тому, чьи дѣйствія импонируютъ милліонамъ, и естественнымъ результатомъ этого должно быть, что и въ душѣ людей, стремящихся вверхъ, каждое движеніе безсознательно будетъ приспособляться ко вкусу многихъ, а не ко вкусу лучшихъ. Гдѣ духъ иниціативы одинаково владѣетъ всѣми, тамъ не можетъ быть терпима истинно великая личность; великій прогрессъ долженъ быть тамъ результатомъ общей дѣятельности, лучшія силы тираннически используются массою. Не случайностью надо объяснять, что Америка еще не произвела настоящаго мірового генія. Это — только оборотная сторона того не менѣе безспорнаго факта, что при общественномъ обсужденіи какого нибудь вопроса въ любомъ городѣ Новой Англіи число лицъ, принимающихъ участіе въ оживленныхъ, серьезныхъ, правильныхъ и вполнѣ осмысленныхъ дебатахъ,—что это число въ отношеніи ко всему числу жителей даннаго города будетъ больше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было городѣ Европы.

Это приводитъ насъ къ другой категоріи слѣдствій, вытекающихъ изъ духа самоопредѣленія. Благодаря послѣднему усиливаются не только иниціатива и склонность полагаться на самого себя, но усиливается прежде всего и сознаніе собственныхъ обязанностей. Кто серьезно желаетъ, чтобы управляемый въ то же время былъ и правителемъ, тотъ не можетъ перелагать отвѣтственность ни на кого, тотъ долженъ самъ дѣйствовать и, прежде всего, долженъ наложить узду на самого себя. Если передъ клубомъ или общиной, передъ деревней или городомъ, передъ штатомъ или всѣмъ государствомъ стоитъ какая либо задача, то американецъ не дожидается, чтобы вмѣсто него позаботилось высшее начальство: онъ самъ начальство, его избирательный голосъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому надлежитъ принять участіе въ разрѣшеніи задачи. Въ результатѣ

вся эта система принуждаетъ каждаго серьезно, не щадя труда, поработать надъ очередными вопросами.

Это—не поверхностная политика за пивнымъ столомъ, политика людей, которые только говорятъ «да» или «нѣтъ». Министръ Лонгъ высказалъ недавно, что во время совѣщанія министровъ въ Вашингтонѣ каждый изъ нихъ, конечно, гораздо больше знаетъ о положеніи дѣлъ, чѣмъ можетъ знать средній гражданинъ, но что когда въ какомъ нибудь городкѣ сѣвернаго Мэна десятокъ гражданъ собираются и подъ вліяніемъ своихъ нью-іоркскихъ или бостонскихъ газетъ обсуждаютъ вопросы дня, то тамъ обнаруживается не меньше пониманія и способности уловить сущность дѣла, чѣмъ въ любомъ засѣданіи кабинета министровъ. Въ этомъ не заключалось насмѣшки надъ товарищами-министрами, это было только открытое признаніе той черты, свойственной американской жизни, которая постоянно поражаетъ всякаго иностранца. Стоитъ только припомнить тѣ дебаты, которые предшествовали послѣднимъ, а еще болѣе — предпослѣднимъ президентскимъ выборамъ. На очереди стоялъ вопросъ о серебряной валютѣ, и каждый вечеръ сотни тысячъ людей выслушивали такіе рефераты по техническимъ вопросамъ финансоваго дѣла, съ какими ни одинъ нѣмецкій ораторъ не рѣшился бы выступить въ народномъ собраніи. Огромныя аудиторіи въ теченіе цѣлыхъ часовъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали докладчиковъ, разъяснявшихъ труднѣйшіе политико-экономическіе пункты вопроса о валютѣ. И этой умственной серьезности соотвѣтствуетъ чувство отвѣтственности въ личномъ поведеніи каждаго. Нѣмецъ постоянно поражается тѣмъ, какъ образцово ведетъ себя американская толпа, какъ при самыхъ большихъ скопленіяхъ народа не требуется сколько нибудь замѣтнаго воздѣйствія со стороны полиціи, какъ желѣзныя дороги обходятся почти безъ всякаго контроля, который становится не нужнымъ благодаря увѣренности, что каждый исполнитъ свою обязанность, какъ вообще вся совмѣстная жизнь основана на такомъ взаимномъ довѣріи, какого не знаетъ ни одна европейская страна. Этимъ чувствомъ, что правители и управляемые представляютъ собою одно и то же, проникнуты всѣ отношенія между людьми, и слѣдствія его ощущаются далеко не въ одной только политической сферѣ. Онъ дѣлаетъ низшіе классы свободными и въ области соціальной жизни; они охотно подчиняются дисциплинѣ, потому что въ то же время чувствуютъ себя господами, и ихъ зрѣлость служитъ самымъ надежнымъ средствомъ для поддержанія порядка.

Учителя, которымъ приходилось преподавать въ нѣмецкихъ и американскихъ школахъ, часто увѣряютъ, что уже у

школьниковъ замѣчается аналогичная разница въ поведеніи. Нѣмецкій школьникъ, утверждаютъ они, чувствуетъ извѣстный антагонизмъ по отношенію къ учителю и составляетъ вмѣстѣ съ товарищами какъ бы партію, враждебную учителю; американскій же школьникъ не знаетъ различія между правительствомъ и управляемыми. Онъ чувствуетъ, что самъ онъ есть такая же необходимая часть школы, какъ и учитель, они работаютъ вмѣстѣ, а не другъ противъ друга, а аппеллированіе къ чувству чести здѣсь оказывается достаточнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Германіи къ нему должно еще присоединиться воздѣйствіе съ помощью чувства страха.

Однако и здѣсь прекрасная черта должна принести нѣкоторые совершенно нежелательные результаты. Когда въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ такъ живо сознаніе тожества политической власти и того, что̀ ей подвластно, тогда чувство почтенія къ какой либо опредѣленной личности съ трудомъ можетъ пустить болѣе или менѣе глубокіе корни. Чувство равенства будетъ выдвигаться на передній планъ и тамъ, гдѣ природа не создавала равенства, — прежде всего въ отношеніяхъ между старыми и молодыми. Въ семьѣ будетъ недоставать элемента уваженія, и эта черта останется безнаказанной, потому что по внѣшности она какъ будто соотвѣтствуетъ господствующей въ странѣ политической системѣ; сами родители возведутъ на степень теоріи разсужденія о томъ, что дѣтей надо просить и уговаривать, что принуждать или наказывать ихъ—неправильно, и что въ этомъ же духѣ должна дѣйствовать и школа. И такимъ образомъ возрастетъ молодое поколѣніе, никогда не испытавшее благодѣтельныхъ послѣдствій внѣшняго принужденія и строгой, наказующей дисциплины.

До сихъ поръ мы говорили только о тѣхъ психическихъ моментахъ, вытекающихъ изъ духа самоопредѣленія, которые отражаются на оцѣнкѣ собственныхъ силъ, на сознаніи собственныхъ правъ и собственныхъ обязанностей; но эти моменты неотдѣлимы отъ другихъ душевныхъ движеній, содержаніемъ которыхъ служатъ чужія права и притязанія. Отмѣтимъ здѣсь только нѣсколько главныхъ пунктовъ.

Такъ же глубоко, какъ сознаніе собственныхъ правъ, въ душѣ каждаго американца коренится чувство, говорящее, что и сосѣдъ не долженъ быть стѣсняемъ въ своихъ правахъ, что и ему долженъ быть открытъ полный просторъ для развитія и для отстаиванія своихъ интересовъ, что и ему должна быть предоставлена возможность самому устраивать свои дѣла, что въ общественныхъ вопросахъ его голосъ долженъ имѣть ровно столько же значенія, сколько и свой собственный, и, наконецъ, что въ другомъ прежде всего надо

предполагать такое же сознательное и честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, какъ и въ самомъ себѣ. Въ практической жизни все это, разумѣется, облекается въ самыя разнообразныя формы. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ безусловное подчиненіе большинству. Дисциплина голосованія у американцевъ положительно достойна удивленія: разъ большинство съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ сдѣлало извѣстное постановленіе, недовольство и споры прекращаются, — безразлично, происходитъ ли дѣло въ игрѣ мальчиковъ или въ самой серьезной борьбѣ взрослыхъ людей. Самообладаніе и бодрость духа, съ которыми побѣжденное меньшинство готово тотчасъ же приступить къ совмѣстной работѣ, принадлежатъ къ числу непосредственныхъ результатовъ американской системы и къ лучшимъ чертамъ американскаго характера.

На ряду съ этимъ надо поставить и еще одну черту, которая придаетъ американской жизни столько внутренняго благородства, именно неуклонную потребность, чтобы въ спорѣ обѣ борющіяся стороны были поставлены въ равныя условія. Требованіе «свободной игры» господствуетъ во всемъ американскомъ народѣ и налагаетъ печать на общественное мнѣніе какъ въ самыхъ крупныхъ, такъ и въ самыхъ мелкихъ общественныхъ вопросахъ.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ предыдущими чертами находится еще вѣра въ наличность полнаго чувства чести у другихъ. Американцу кажется въ высшей степени страннымъ, что нѣмцы, напримѣръ, такъ часто подкрѣпляютъ свои увѣренія честнымъ словомъ, какъ будто ихъ рѣчи должны прежде всего встрѣтить недовѣріе. Американскія дѣти часто удивляются, видя, какъ европейскія дѣти во время игры ссорятся и подозрѣваютъ другъ друга; у первыхъ слово даже самаго маленькаго мальчугана стоитъ для товарищей по игрѣ выше всякихъ подозрѣній. Американская система не дожидается со своимъ вліяніемъ того возраста, когда человѣкъ получаетъ избирательное право; она начинаетъ дѣйствовать уже въ дѣтской.

Однако, и здѣсь также вмѣстѣ съ свѣтомъ даны и тѣни, — этого въ настоящее время не оспариваютъ и разумные американцы. Американецъ понимаетъ, что постановленія большинства представляютъ собою только внѣшнее, но не внутреннее рѣшеніе вопросовъ, а что вѣра въ большинство становится безсмыслицей, когда рѣчь идетъ о разрѣшеніи теоретическихъ вопросовъ, — это онъ чувствуетъ чаще, чѣмъ соглашается въ томъ признаться; здѣсь—система, которая принуждаетъ его въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы нуженъ былъ геній, учреждать комиссію и подчиняться ея большинству.

Даже теорія свободной борьбы для обѣихъ сторонъ заклю-

чаетъ въ себѣ явную опасность, которая здѣсь, какъ и вездѣ, вытекаетъ изъ того, что принципъ доводится до крайности, что чувство теряетъ мѣру. Признаніе чужого права превращается прежде всего въ симпатію къ слабѣйшему, — симпатію, которая часто сама по себѣ бываетъ неосновательна, — затѣмъ легко переходитъ въ сантиментальность, нерѣдко даже почти въ истеричность, и эта особенность общественнаго мнѣнія составляетъ поразительный контрастъ съ бьющей черезъ край силою страны. Но еще опаснѣе другое вытекающее отсюда слѣдствіе. Кто чрезмѣрно опасается нарушить права другого, тотъ легко можетъ дойти до того, что предоставитъ другому дѣлать все, что угодно, и будетъ закрывать глаза на дурные поступки другого, а этимъ путемъ могутъ создаться такія общественныя условія, которыя прямо-таки являются приманкою для безчестнаго человѣка, желающаго обогащаться.

Самымъ позорнымъ пятномъ на американской жизни издавна являлся, особенно въ глазахъ судей-нѣмцевъ, тотъ фактъ, что управленіе вообще и городское управленіе въ частности пропитано взяточничествомъ. Самый фактъ насъ здѣсь еще не будетъ занимать; но мы должны уже здѣсь замѣтить, что сравненіе американскихъ условій, напримѣръ, съ германскими приводитъ къ совершенно неправильнымъ выводамъ, если желаютъ такимъ путемъ дать оцѣнку нравственному характеру американцевъ. Безчестные люди, стремящіеся къ обогащенію всѣми средствами, существуютъ всюду; но условія, среди которыхъ развивается и пополняетъ свои кадры нѣмецкое профессіональное чиновничество, дѣлаютъ почти невозможнымъ проникновеніе сюда подобныхъ темныхъ людей, и если бы въ нечистыхъ дѣлахъ былъ уличенъ нѣмецкій чиновникъ, то это дѣйствительно было бы позоромъ для души народа.

Въ Америкѣ условія почти обратныя. Обстоятельства, при которыхъ низшіе служащіе, особенно служащіе въ городскомъ управленіи, получаютъ свои мѣста сообразно съ американской системою, разнообразные случаи беззаконно, но въ то же время безъ всякихъ уликъ, обогащаться, занимая эти мѣста, съ другой стороны — слишкомъ маленькое законное вознагражденіе и, прежде всего, незначительность соціальнаго положенія, связаннаго съ этими мѣстами, — все это должно отталкивать лучшіе элементы и, наоборотъ, привлекать элементы сомнительные. Поэтому обвиненіе противъ американцевъ должно заключаться не въ томъ, что ихъ чиновники незаконно обогащаются, а въ томъ, что людямъ, желающимъ незаконно обогащаться, дается возможность занять тѣ или другія служебныя мѣста. Разумѣется, и это очень тяжелый укоръ, но обвиненіе теперь уже говоритъ не о низкомъ преступленіи, а только о непростительномъ легко-

мысліи, а послѣднее въ немалой степени обусловлено отмѣченной нами преувеличенной снисходительностью къ другимъ, т. е. тѣмъ національнымъ порокомъ, который находится въ самой тѣсной связи съ основной демократической добродѣтелью. Кромѣ того, никто не могъ бы отрицать, что вся нація серьезно работаетъ надъ устраненіемъ этого зла, и работаетъ успѣшно. Не слѣдуетъ только брать за критерій доносы разнузданной печати, которая въ каждомъ не провѣренномъ еще подозрѣніи находитъ поводъ къ сенсаціоннымъ обвиненіямъ. Кто въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сравнивалъ отчеты о правильныхъ судебныхъ процессахъ съ тѣми обвиненіями, о которыхъ первоначально говорилось въ газетахъ, тотъ долженъ очень скептически относиться ко всему этому шуму; даже городскія управленія на самомъ дѣлѣ гораздо лучше, чѣмъ гласитъ о нихъ молва.

Кратчайшій путь къ устраненію всего зла, заключающійся въ огражденіи чиновничества отъ вліянія массъ и партій,—этотъ путь, разумѣется, не можетъ быть принятъ безъ оговорокъ, если при этомъ не желаютъ подвергнуть опасности самыя цѣнныя блага, вытекающія изъ самоопредѣленія. Но американецъ, съ другой стороны, именно потому-то и спокоенъ, что вѣритъ въ силу непосредственнаго воздѣйствія всего народа и знаетъ, что въ этой силѣ заключается самое надежное средство уничтожить зло съ корнемъ, когда оно станетъ дѣйствительно опаснымъ. Онъ обнаруживаетъ слишкомъ много снисходительности и терпѣнія; но какъ только его терпѣніе истощится, именно его система дастъ ему въ руки сильнѣйшее средство для того, чтобы совершенно разрушить существующія формы управленія и на другой день установить новыя, коренным образомъ отличныя. До сихъ поръ, если дѣло гдѣ нибудь заходило слишкомъ далеко, «воспитательная кампанія» всегда еще начиналась своевременно. Лучшій среди европейцевъ знатокъ американской партійной жизни, Джемсъ Брайсъ, даетъ слѣдующее общее заключеніе по этому вопросу: «Въ среднемъ гражданскіе чиновники американскаго государства стоятъ, въ смыслѣ неподкупности, на такомъ же высокомъ уровнѣ, какъ и англійскіе и германскіе чиновники», — а американецъ еще прибавилъ бы, что въ отношеніи добродушія, любезности и услужливости они оставляютъ своихъ европейскихъ коллегъ за собой.

Но положеніе осложняется еще одной чертою, которая также затрудняетъ борьбу противъ использованія политики въ эгоистическихъ цѣляхъ. Духъ самоопредѣленія ведетъ къ индивидуалистической философіи. Смыслъ всего общежитія составляютъ права каждой отдѣльной личности, и всякое дѣйствіе оцѣнивается въ зависимости отъ того, какое значеніе оно имѣетъ

для отдѣльныхъ личностей. Такимъ образомъ, и государство является совокупностью отдѣльныхъ людей, а законъ—взаимнымъ обязательствомъ безчисленныхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Поэтому и въ понятіяхъ о чести государства, о величіи закона субстратомъ служитъ не сверхъ-индивидуальная, общая воля особаго рода; такая воля представляется индивидуалисту пустою абстракціей: государство и законъ существуютъ, по его мнѣнію, только въ правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ ихъ носителей. Изъ этого—болѣе или менѣе сознательнаго—взгляда на общественную жизнь, въ свою очередь, вытекаютъ извѣстныя преимущества и опасности. Преимущества очевидны: для такого положенія, когда «разумъ становится безуміемъ, благодѣяніе—мукой», здѣсь нѣтъ мѣста, отвлеченныя понятія постоянно провѣряются жизненными интересами конкретныхъ личностей, и все противорѣчащее здравому смыслу, всякая явная несправедливость могутъ быть устранены, потому что надъ общимъ стоитъ совокупность единицъ, которыми и для которыхъ созданы государство и законъ.

Но и отрицательныя стороны не заставляютъ долго себя искать. Разъ государство и законъ существуютъ только благодаря взаимной связи между отдѣльными индивидуумами, то и чувство связанности будетъ болѣе сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается конкретныхъ, единичныхъ личностей, и наоборотъ, оно будетъ блѣдно, когда обязательство касается неизвѣстнаго, неосязаемаго множества личностей. Поэтому чувство законности достигнетъ своего высшаго уровня въ отношеніи отдѣльныхъ людей, напримѣръ, въ смыслѣ соблюденія договора, но оно упадетъ до минимума въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ обязательство относится къ государству.

Ни у одного изъ европейскихъ народовъ индивидуальное правосознаніе не проникаетъ въ такой мѣрѣ всѣ слои населенія, какъ у американцевъ, и съ этимъ нисколько не стоитъ въ противорѣчіи ихъ склонность легко относиться къ обязательствамъ, объектомъ которыхъ служитъ городъ или государство. Люди, которые въ интересахъ своей корпораціи пытаются оказать вліяніе на засѣдающихъ въ законодательномъ собраніи политиковъ даже при помощи сомнительныхъ средствъ,—эти же люди въ своей частной жизни обнаруживаютъ самое твердое и неуклонное правосознаніе, и многія лица, которымъ всѣ вдовы и сироты родного города безъ колебаній довѣрили бы все свое имущество, показываютъ неправильно свои доходы въ городскихъ податныхъ листахъ.

Аналогичную черту мы находимъ и въ области уголовнаго права. Въ отрицательной оцѣнкѣ Америки цивилизованнымъ міромъ, быть можетъ, еще большую роль играютъ преступленія,

совершенныя судомъ Линча, чѣмъ грѣхи городского самоуправленія. Подкупность и судъ Линча—вотъ два позорныхъ пятна, которыя, по мнѣнію европейцевъ, лежатъ на американскомъ народѣ, и ссылка именно на нихъ постоянно приводитъ мало свѣдущихъ лицъ къ рѣшительному сужденію объ отсутствіи правосознанія у американцевъ. Мы признали это сужденіе неправильнымъ въ отношеніи подкупности, въ отношеніи же суда Линча оно, пожалуй, еще менѣе соотвѣтствуетъ истинѣ.

Разумѣется, оправдывать здѣсь нечего: преступленіе остается преступленіемъ, и интересъ человѣка, занимающагося соціальною психологіей, направляется только на вопросъ о томъ, къ какой категоріи долженъ быть причисленъ самый фактъ.

Но все развитіе суда Линча показываетъ, что здѣсь дѣло совсѣмъ не въ насильственныхъ актахъ со стороны людей, лишенныхъ чувства законности, а въ безумномъ преувеличеніи того, что мы назвали индивидуалистическимъ правосознаніемъ. Типическій случай, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что въ южныхъ штатахъ съ густымъ негритянскимъ населеніемъ бѣлыя женщины становятся жертвами животной страсти негровъ, и что мужчины вырываютъ виновнаго изъ рукъ правосудія и по приговору хаотическаго народнаго суда вѣшаютъ,—такъ какъ они убѣждены, что благодаря покровительству своихъ соплеменниковъ онъ не будетъ приговоренъ къ тому наказанію, котораго заслуживаетъ, и что даже это наказаніе недостаточно для того, чтобы устрашить другихъ. Но этими людьми движетъ вовсе не низкая страсть къ убійству, ищущая себѣ жертвы. Надо прочитать описанія того, какъ они, когда ужасное преступленіе самымъ ужаснымъ образомъ наказано, безмолвно, почти торжественно протягиваютъ другъ другу руки, какъ бы исполнивъ важный, священный долгъ гражданъ, и затѣмъ въ полномъ спокойствіи и порядкѣ расходятся. Эти люди, проникнутые индивидуалистическимъ міросозерцаніемъ, чувствуютъ, что право не есть нѣчто стоящее надъ ними, что они сами, по свободному самоопредѣленію, создали его себѣ и, слѣдовательно, могутъ—даже должны отмѣнить и игнорировать его, разъ отсутствуютъ необходимыя для него условія. Что подобное самоуправство во всѣхъ цивилизованныхъ штатахъ, и даже среди лучшихъ элементовъ южныхъ штатовъ осуждается и вызываетъ отвращеніе,—это само собою разумѣется, и участникъ суда Линча, конечно, долженъ считаться убійцею; но съ психологической точки зрѣнія его дѣйствія, безспорно, не могутъ объясняться недостаточностью правосознанія. Въ его душѣ только слишкомъ живы и необузданы отвращеніе къ нарушенію личнаго права и вѣра въ необходимую связь между преступленіемъ и наказаніемъ.

Мы остановились на этихъ двухъ чрезмѣрныхъ проявленіяхъ индивидуальнаго правового чувства, потому что ими постоянно пользуются для того, чтобы извратить истинное представленіе объ американскомъ характерѣ. Если психологически правильно понять ихъ, то они сводятся только къ отдѣльнымъ безобразнымъ явленіямъ, которыя имѣютъ очень мало общаго съ чувствомъ чести и права, присущимъ національному характеру; они оказываются печальными побочными результатами чрезмѣрнаго индивидуализма, который, въ свою очередь, органически возникаетъ изъ духа самоопредѣленія. Всякій американецъ знаетъ, что борьба противъ этихъ золъ принадлежитъ къ самымъ священнымъ задачамъ его страны, но и посторонній долженъ признать, что уже теперь—хотя ежегодно и подвергается еще повѣшенію извѣстное число негровъ, а политическіе дѣятели въ Филадельфіи и Чикаго ежегодно набиваютъ себѣ карманы, не опасаясь преслѣдованія со стороны закона,—американецъ вполнѣ проникнутъ истиннымъ правосознаніемъ. Онъ не напрасно прошелъ школу, созданную системою самоопредѣленія, и нѣмецъ, который судитъ о духѣ американской общественной жизни на основаніи газетныхъ сплетень о подкупахъ и линчеваніи, стоитъ на такой же почвѣ, какъ и американецъ, оцѣнивающій—что не рѣдко случается—духъ нѣмецкаго войска по соціалъ-демократическимъ рѣчамъ объ истязаніи солдатъ или по скандальнымъ процессамъ, имѣющимъ мѣсто въ маленькихъ гарнизонахъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну черту, которая характерна для всякаго самоопредѣляющагося общественнаго цѣлаго и которая, будучи привита американскою системою каждой отдѣльной личности, въ свою очередь, много способствовала развитію самой системы. Американскій народъ обладаетъ поразительной способностью къ быстрой организаціи. Подобно тому какъ его крупнѣйшіе таланты прежде всего являются талантами организаторскими, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ есть твердый инстинктъ, подсказывающій ему, какое мѣсто въ организаціи ему слѣдуетъ занять.

Это надо сказать какъ о самыхъ крупныхъ дѣлахъ, такъ и о самыхъ мелкихъ. При всякихъ, даже случайныхъ, обстоятельствахъ, при совмѣстной работѣ, во время несчастнаго случая или при скопленіи народа это можно ясно наблюдать. Стоитъ замѣтить, какъ быстро и увѣренно передъ какой нибудь кассой, напримѣръ, сама собою устанавливается и начинаетъ правильно двигаться цѣпь изъ публики. Этотъ твердый организаторскій инстинктъ, служащій прекраснымъ дополненіемъ къ духу иниціативы, инстинктъ, котораго такъ недостаетъ нѣмцамъ и который у нихъ только внѣшнимъ образомъ можетъ быть

замѣненъ строгою дисциплиною, инстинктъ, благодаря которому американскій рабочій стоитъ настолько выше европейскаго,—этотъ инстинктъ полнѣе всего обнаруживается въ политической сферѣ. Это—тотъ инстинктъ, который образуетъ партіи, придаетъ реальную силу парламенту, а всей государственной жизни—прочную внутреннюю дисциплину, въ которомъ сильнѣе всего проявляется духъ самоопредѣленія. Но мы видѣли, что въ системѣ самоопредѣленія нѣтъ такой добродѣтели, которой не сопутствовалъ бы и какой нибудь порокъ. Организаторскій инстинктъ также не свободенъ отъ опасныхъ сторонъ: онъ создаетъ партіи, но благодаря ему партія можетъ превратиться въ машину, а вождь партіи—въ «мастера». Здѣсь мы подходимъ однако къ вопросамъ о политическихъ учрежденіяхъ, и этими вопросами мы теперь и займемся болѣе подробно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Партіи.

Самою высшей точкою въ области общественныхъ учрежденій, отовсюду видимою, является должность президента; и потому естественнымъ казалось бы именно на нее прежде всего обратить взоры. Но во главѣ Соединенныхъ Штатовъ находятся три одинаково важныхъ фактора: законодательная власть и верховный судъ стоятъ въ качествѣ равноправныхъ элементовъ рядомъ съ властью исполнительной. Поэтому проще всего было бы, начавъ съ президента и его кабинета, перейти затѣмъ къ конгрессу и юстиціи. Но съ не меньшимъ правомъ можно было бы принять и совсѣмъ другую послѣдовательность. Президентъ стоитъ во главѣ союза всѣхъ штатовъ; но вся красота архитектоники американскаго управленія основана на томъ, что строй цѣлаго повторяется въ каждой изъ его частей, а строй каждой части снова повторяется во всѣхъ ея частяхъ. Правительственный механизмъ, управляющій союзомъ всѣхъ штатовъ, существуетъ—только въ меньшемъ масштабѣ—въ каждомъ изъ сорока пяти штатовъ, и внутри этихъ штатовъ въ каждомъ отдѣльномъ округѣ. Губернаторъ каждаго штата выполняетъ—только въ меньшемъ кругу—функціи президента, а въ самомъ маленькомъ кругу тѣ же функціи исполняетъ мэръ каждаго города; законодательныя собранія, стоящія рядомъ съ исполнительной властью, выборное начало, судъ—все это повторяется въ меньшихъ размѣрахъ. И такимъ образомъ мы могли бы отъ одного президента перейти къ многимъ меньшимъ президентамъ, стоящимъ во главѣ отдѣльныхъ штатовъ, и въ концѣ-

концовъ—къ президентамъ въ миніатюрѣ, управляющимъ городскими округами.

Но и здѣсь мы еще не подошли бы къ главному пункту, который объяснилъ бы намъ внутреннюю связь явленій. Можно понять роль президента, не принимая въ соображеніе руководителей отдѣльныхъ штатовъ, не принимая во вниманіе даже конгрессъ, но это невозможно, если не считаться съ значеніемъ партій. Партія намѣчаетъ кандидата, партія его избираетъ, и партія ожидаетъ отъ избраннаго президента поддержки для себя и проведенія партійной программы. То же самое надо сказать и о конгрессѣ и обо всей государственной политикѣ; и тамъ также партійная жизнь является естественною основой, на которой строится все; и всякое описаніе, гдѣ говорится о президентѣ, конгрессѣ и судѣ, но не упоминается о партіяхъ,—какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ американской конституціи,—въ настоящее время страдаетъ несоотвѣтствіемъ реальной дѣйствительности и отсутствіемъ исторической перспективы. Поэтому мы не станемъ пытаться произвести подобное раздѣленіе и ранѣе официальнаго правительства опишемъ неофиціальное устройство партій; обѣ эти стороны другъ друга дополняютъ, отъ одной все время путь ведетъ къ другой, и каждая изъ нихъ придаетъ другой смыслъ и значеніе. На общемъ фонѣ партійной жизни мы затѣмъ легче поймемъ роль президента и конгресса, судъ, союзъ, государство и государственную политику.

И при этомъ мы все же постоянно должны помнить, что оперируемъ искусственно созданными отвлеченными понятіями когда говоримъ о какомъ нибудь одномъ изъ перечисленныхъ факторовъ, отдѣляя его отъ остальныхъ. При такомъ описаніи все время приходится игнорировать различные виды связи и разрывать нити, ведущія отъ одной стороны къ другой. Такъ, напримѣръ, исторія президентства въ Соединенныхъ Штатахъ на каждомъ шагу оказывается связанною съ исторіей всѣхъ прочихъ факторовъ. Президентъ можетъ дѣйствовать, какъ Макъ-Кинли, за-одно съ партіей или, подобно его предшественнику Клевеленду, противъ партіи, но въ томъ и въ другомъ случаѣ неестественно было бы разсматривать его дѣятельность, не принимая во вниманіе партійныхъ политиковъ. Ни одинъ договоръ, ни какое нибудь назначеніе, сдѣланное президентомъ, не дѣйствительны безъ согласія сената, а съ другой стороны—всякому закону, установленному сенатомъ, президентъ можетъ противопоставить свое veto. Даже верховный судъ едва ли можетъ быть отдѣляемъ отъ президента: если финансовая политика эпохи Клевеленда завершается закономъ о подоходномъ налогѣ—закономъ, который по приговору верховнаго суда объ-

является противнымъ конституціи и, слѣдовательно, отмѣняется, или если колоніальная политика Макъ-Кинли одерживаетъ побѣду благодаря рѣшенію того же верховнаго суда, то связь между этими факторами государственной жизни здѣсь вполнѣ очевидна.

Въ не меньшей степени связана съ центральнымъ правительствомъ и президентомъ и партійная политика въ отдѣльныхъ штатахъ и городахъ. И здѣсь нити также идутъ въ обоихъ направленіяхъ. Мѣстная политика подготовляетъ людей къ политикѣ національной, національная же даетъ основной тонъ мѣстной. Такой человѣкъ, какъ Клевелендъ не игралъ вообще никакой роли въ національной политикѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлался главою націи. Въ сферѣ городского управленія онъ, будучи бургомистромъ города Буффало, обратилъ на себя вниманіе всего штата Нью-Іоркъ въ такой мѣрѣ, что былъ избранъ губернаторомъ этого штата, а въ мѣстной политикѣ штата онъ, въ качествѣ губернатора, пріобрѣлъ такое довѣріе партіи, что былъ избранъ кандидатомъ на высшую національную должность и на выборахъ побѣдилъ. Наоборотъ, Макъ-Кинли, хотя и былъ тоже губернаторомъ штата Огіо, но довѣріе партіи пріобрѣлъ во время своей долголѣтней дѣятельности въ конгрессѣ.

Но какъ о должности президента, такъ и относительно всякой другой національной должности, относительно всякаго сенаторскаго или депутатскаго мѣста можно сказать то же самое,—именно, что мѣстная политика естественнымъ путемъ ведетъ къ національной. И наоборотъ, крупные вопросы государственной политики оказываютъ рѣшающее вліяніе на всю политику отдѣльныхъ штатовъ, хотя въ послѣдней они не только не могутъ быть практически разрѣшены, но часто даже почти не могутъ быть и затронуты. Различныя теченія, существующія въ политикѣ всего союза, господствуютъ надъ законодательной дѣятельностью самаго маленькаго городка, играютъ важную роль даже при городскихъ выборахъ. Какъ ни безсмысленно это можетъ показаться, въ дѣйствительности голоса раздѣляются въ зависимости отъ крупнѣйшихъ національныхъ вопросовъ — о завоевательной политикѣ, о покровительственныхъ пошлинахъ, о золотой валютѣ и т. д.—даже тогда, когда рѣчь идетъ только о томъ, кто въ данномъ городкѣ или мѣстечкѣ долженъ завѣдывать очисткою улицъ, полиціей и освѣщеніемъ. Такимъ образомъ здѣсь мы никогда не видимъ механической координаціи различныхъ частей, а видимъ органическую связь, и на всякой части союза полностью отражается какъ вліяніе единаго союзнаго правительства, такъ и вліяніе общей партійной жизни.

Кому нравится обычное сравненіе политическихъ организацій съ живымъ организмомъ, тотъ здѣсь найдетъ больше почвы для аналогіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Союзное правительство можно уподобить нервной системѣ, а партіи—кровеносной системѣ; обѣ онѣ проникаютъ въ самыя мельчайшія части организма и создаютъ взаимную связь между членами, сами же члены — отдѣльные штаты — независимы другъ отъ друга, какъ отдѣльныя группы мышцъ въ тѣлѣ. Въ этой соціальной нервной системѣ президентъ играетъ роль большого мозга, сенатъ — роль продолговатаго мозга, палата народныхъ представителей — спинного, верховный судъ—роль мозжечка, а безчисленные чиновники — роль периферической нервной системы. Въ кровообращеніи же, которое создается партійною жизнью, господствующая партія представляетъ собою артеріальную систему, оппозиціонная партія—венозную; обѣ онѣ одинаково необходимы, обѣ равномѣрно распредѣлены въ каждой части тѣла, обѣ необходимы для функціонированія нервной системы.

Партіи существуютъ въ политической жизни каждой страны, но американскія партіи рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ. Даже съ англійской политической организаціей, въ которой также существуютъ двѣ партіи и которая поэтому кажется наиболѣе близкой къ американской,—у послѣдней сходство только внѣшнее, и въ очень важныхъ пунктахъ сравненіе между ними невозможно. И при сравненіи Америки съ Германіей главное различіе заключается не въ многочисленности нѣмецкихъ партій. Для нѣмца партія въ тѣсномъ смыслѣ слова—это группа парламентскихъ дѣятелей, а въ болѣе широкомъ смыслѣ — эта же группа вмѣстѣ съ аморфною массой ея избирателей. Реально партія существуетъ только при выполненіи ею двухъ функцій: при осуществленіи избирательнаго права и при отстаиваніи опредѣленныхъ принциповъ въ парламентѣ. Разумѣется, и въ Германіи между парламентскою группою и широкою массой избирателей стоитъ извѣстная организація. Совѣты партій, въ большей или меньшей мѣрѣ совпадающіе по личному составу съ представительствомъ данной партіи въ парламентѣ, центральные комитеты и мѣстные совѣты, окружные союзы и партійныя собранія, — все это необходимо для того, чтобы подготовить извѣстныя формальныя дѣйствія и расшевелить избирателей; но никто въ Германіи и не мечтаетъ о кадрахъ профессіональныхъ политиковъ, которые не засѣдаютъ въ парламентѣ, о вождяхъ партій, которые играютъ бо́льшую роль, нежели народные представители, объ организаціяхъ, которыя сильнѣе парламентскихъ группъ, о партіяхъ, которыя обладаютъ большимъ могуществомъ, чѣмъ самъ народъ. Аме-

риканская партія — это, прежде всего, прочная организація съ колоссальнымъ аппаратомъ и самой строгой дисциплиною; представительство въ парламентѣ является лишь одною изъ многочисленныхъ ея задачъ.

Все это сложилось не случайно. Надо ясно представить себѣ нѣсколько необходимыхъ факторовъ американской партійной жизни, чтобы понять, какимъ образомъ создалось изумительное строеніе партій и ихъ несокрушимая сила и могущество. На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ обширность той области, въ которой поданная каждымъ гражданиномъ избирательная записка прямо или косвенно имѣетъ рѣшающее значеніе. Если бы дѣло заключалось только въ парламентскихъ выборахъ, какъ мы видимъ это въ Германіи, то партійная организація никогда не сдѣлалась бы тѣмъ, что она представляетъ собою въ настоящее время. Но къ выборамъ въ конгрессъ, въ законодательное собраніе штата и въ мѣстное представительное собраніе здѣсь присоединяется еще прямое избраніе президента и вице-президента, губернатора и высшихъ чиновниковъ даннаго штата, членовъ апелляціоннаго суда, старшихъ прокуроровъ, бургомистра, высшихъ городскихъ чиновниковъ и много другихъ. При этомъ вся отвѣтственность постоянно падаетъ на избирающій народъ, такъ какъ духъ самоопредѣленія требуетъ, чтобы за чиновниковъ штата несло отвѣтственность только населеніе штата, за городскихъ чиновниковъ — только населеніе даннаго города. Губернаторъ въ Америкѣ не назначается центральнымъ правительствомъ, подобно нѣмецкому оберъ-президенту, а бургомистръ не получаетъ утвержденія сверху: съ избирателя никто не можетъ снять лежащаго на немъ политическаго бремени, — рѣшаетъ только его собственный голосъ. Но всѣ эти выборы представляютъ собою только часть всей сферы его вліянія. Почти всякій избранный долженъ, въ свою очередь, участвовать въ другихъ выборахъ и назначеніяхъ. Члены законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ избираютъ сенаторовъ въ союзный сенатъ, губернаторы и бургомистры назначаютъ чиновниковъ, отъ президента же зависитъ назначеніе на всевозможныя должности—отъ посланника и министра до деревенскаго почтмейстера и смотрителя маяка, и такимъ образомъ открывается новое широкое поприще, гдѣ надо проводить на вліятельныя мѣста людей, являющихся сторонниками принциповъ данной партіи. Благодаря всему этому функціи первичнаго избирателя получаютъ такое значеніе, съ которымъ не можетъ быть сравниваемо вліяніе нѣмецкихъ выборовъ.

Но и этимъ еще далеко не исчерпывается политическая задача американскаго гражданина, всецѣло опредѣляемая пар-

тійнымъ духомъ. Духъ самоопредѣленія требуетъ, чтобы неуклонно проводился принципъ, неизвѣстный нѣмецкимъ политикамъ: избраніе и назначеніе кандидатовъ должно происходить при помощи голосованія со стороны избирателей точно такъ же, какъ и самые выборы; здѣсь также должно происходить правильное парламентское обсужденіе и должно быть принято рѣшеніе по большинству голосовъ. Теоретически здѣсь не существуетъ центральныхъ совѣтовъ, которые по-домашнему распредѣляютъ роли, не считаясь съ самими избирателями, не существуетъ комитетовъ, облегчающихъ работу гражданъ, и если внутри партіи оказывается разногласіе, то въ свою пользу не могутъ дѣйствовать нѣсколько кандидатовъ отъ одной и той же партіи: подобно тому какъ въ странѣ можетъ быть избранъ только одинъ президентъ, въ штатѣ — только одинъ губернаторъ, въ городѣ—только одинъ бургомистръ, такъ въ результатѣ предварительныхъ голосованій отъ партіи можетъ быть выставленъ только одинъ офиціальный кандидатъ на опредѣленную должность. Сколько предстоитъ выборовъ, столько предварительныхъ актовъ для назначенія кандидатовъ должно быть произведено внутри партіи. Каждый гражданинъ здѣсь долженъ, выслушавъ различныя предложенія, подать голосъ для назначенія отъ партіи кандидата на должность бургомистра, или прокурора, или городского казначея, и борьба отдѣльныхъ группъ внутри партіи при этомъ бываетъ болѣе оживленной, чѣмъ заключительная борьба между самими партіями въ цѣломъ.

Для болѣе или менѣе крупныхъ областей такое непосредственное обсужденіе вопросовъ и прямые выборы становятся невозможными. Если, напримѣръ, надо намѣтить подходящаго кандидата на должность губернатора, то всѣ граждане даннаго штата, конечно, не могутъ собраться для этой цѣли въ одномъ мѣсто. Поэтому и здѣсь должны быть предварительно избраны, опять-таки путемъ строгаго голосованія, выборщики, которые затѣмъ соберутся и въ концѣ - концовъ изберутъ одного кандидата на данную должность. Когда же предстоятъ выборы президента, то первичные избиратели выбираютъ только первыхъ выборщиковъ, собраніе этихъ выборщиковъ избираетъ другихъ — выборщиковъ высшаго порядка, послѣдніе же, представляющіе собою, такимъ образомъ, результатъ двойного просѣиванія, собираются въ національный конвентъ и здѣсь намѣчаютъ для предстоящей партійной борьбы кандидата на должность президента. Благодаря этому строгому порядку назначенія кандидатовъ обязанности, налагаемыя на избирателя партійною политикой, увеличиваются ровно вдвое. Разобраться въ непрерывной цѣпи избирательныхъ процессовъ становится

такимъ искусствомъ, къ которому средній гражданинъ не способенъ безъ помощи и указаній со стороны. Только прочная, всюду имѣющая свои развѣтвленія организація, подготовляющая собранія, руководящая ими и вносящая точно взвѣшенныя предложенія,—только такая организація можетъ поддерживать въ порядкѣ эту безконечно сложную, но все же неизбѣжную систему.

Наконецъ, сюда присоединяется еще одинъ моментъ, который, собственно, также чуждъ общественному духу Германіи. Всякіе выборы въ Америкѣ должны носить строго мѣстный характеръ, и кандидатъ долженъ быть выбранъ изъ среды самихъ избирателей. Когда въ Германіи какой нибудь провинціальный городъ долженъ послать отъ себя представителя въ рейхстагъ, то господствующая партія испытываетъ особенное удовлетвореніе и особенно надѣется на побѣду, если въ числѣ ея кандидатовъ фигурируютъ не обыкновенные граждане даннаго города,—они въ качествѣ пророковъ въ своемъ отечествѣ не имѣютъ никакого вѣса,—а какія нибудь свѣтила партіи, хотя бы и не имѣющія ничего общаго съ городомъ. И когда Берлину, напримѣръ, требуется избрать себѣ бургомистра, то кандидата на этотъ постъ охотно ищутъ въ Бреславлѣ или Кенигсбергѣ.

Для американца такой порядокъ представляется немыслимымъ. Духъ самоопредѣленія безусловно требуетъ, чтобы всякая политическая группа,—будь это деревня или городъ, избирая куда нибудь отъ себя представителя, не только сама производила выборы и не только сама намѣчала кандидата, но чтобы она непремѣнно намѣчала его изъ собственной среды. Американецъ почти не въ состояніи понять, какъ это можетъ быть иначе.

Но изъ этого само собою вытекаетъ, что въ каждомъ уголкѣ государства у партіи должна быть своя организація; здѣсь немыслимъ центральный органъ, который любезно снабжалъ бы провинцію кандидатами. Партійная организація всюду должна быть жива и дѣятельна, должна искать подходящихъ людей, а наличныхъ оцѣнивать съ партійной точки зрѣнія. Само собою очевидно и то, что только сильная и искусно построенная организація способна справиться съ такой огромной и сложной задачею. Если бы организація была слаба, шатка, сантиментальна, не подчинена строгой дисциплинѣ, то ее разрушили бы столкновенія какъ на личной почвѣ, такъ и на почвѣ дѣла, неизбѣжныя въ ея собственной средѣ; если бы она не имѣла столько развѣтвленій и не обладала такимъ, почти механически дѣйствующимъ, безконечно сложнымъ аппаратомъ, то несмотря на всѣ высокіе принципы не могъ бы соблюдаться должный порядокъ въ не прекращающейся будничной работѣ, въ избраніи кандидатовъ, въ выборахъ на периферіи, въ под-

готовкѣ первичныхъ избирателей, избраніи довѣренныхъ,—словомъ, во всей дѣятельности на мѣстахъ, и, слѣдовательно, организація была бы осуждена терпѣть пораженія. Поэтому сущность американской партіи заключается, собственно, въ ея самостоятельной организаціи.

Такая твердость партійныхъ организацій неизбѣжно должна вести къ вреднымъ послѣдствіямъ двоякаго рода. Эти послѣдствія въ обѣихъ своихъ формахъ своеобразны, онѣ требуютъ, безпорно, себѣ жертвъ въ Соединенныхъ Штатахъ и потому бросаются въ глаза даже поверхностному наблюдателю, особенно иностранцу; но въ дѣйствительности, если ближе къ нимъ присмотрѣться, они оказываются все же гораздо менѣе важными, чѣмъ можетъ показаться европейцу. Политическая партія создается и организуется для того, чтобы отстаивать извѣстные принципы общественной жизни, чтобы ихъ защищать и распространять; но если самая организація окрѣпла неестественнымъ образомъ, то въ результатѣ легко возникаетъ опасность, что она перестанетъ служить только средствомъ для опредѣленной цѣли и сама сдѣлается собственной цѣлью. Тогда задача заключается уже въ томъ, чтобы укрѣпить партію и доставить ей побѣду, хотя бы она и отреклась отъ своихъ принциповъ или выбросила ихъ за бортъ. Съ другой стороны, подобная организація потребуетъ огромнаго количества работы, которая должна быть оплачена или въ какой нибудь формѣ вознаграждена посредствомъ почестей; кромѣ того партія будетъ оказывать на государственный механизмъ, между прочимъ въ вопросѣ о замѣщеніи должностей, такое вліяніе, которое само по себѣ, независимо отъ всякихъ партійныхъ идеаловъ, можетъ служить приманкою. И результатъ всего этого будетъ тотъ, что ради этихъ почестей, матеріальныхъ выгодъ и вліянія на службу къ партіи неизбѣжно пойдутъ люди, для которыхъ мало значенія имѣютъ идеи, а важно вознагражденіе. Такимъ образомъ возникаютъ сразу обѣ формы зла: партіи теряютъ свои принципы, а на службу къ нимъ поступаютъ профессіональные политики, которымъ вообще нечего терять въ области принциповъ. Намъ слѣдуетъ подробнѣе остановиться на обоихъ этихъ факторахъ—на идеяхъ партій и на профессіональныхъ политикахъ.

Въ Америкѣ существуютъ двѣ крупныхъ партіи: республиканская, находящаяся въ настоящее время у власти, и демократическая. При выборахъ президента съ другими партіями не приходится серьезно считаться. Въ качествѣ мѣстной представительницы въ конгрессѣ на нѣкоторое время можетъ выдвинуться какая нибудь мѣстная группа съ особою партійною окраской, какъ это мы видимъ на маленькой партіи популистовъ;

но при выборахъ президента такая особая, дѣйствующая въ тѣсныхъ предѣлахъ организація не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Это не мѣшаетъ всякимъ фантастическимъ группамъ, напримѣръ, защитникамъ земельной реформы или поборникамъ трезвости, пользоваться выборами президента для того, чтобы при этомъ случаѣ, довольно мало подходящемъ съ точки зрѣнія практической политики, выставить своего особаго кандидата и такимъ образомъ подсчитать голоса своихъ сторонниковъ. Иногда выступаетъ на сцену съ нѣсколькими друзьями и политическій диллетантъ, который не находитъ себѣ мѣста въ официальныхъ партіяхъ и подъ новымъ знаменемъ желаетъ создать новую свободную партію для президентскихъ выборовъ; но такой мыльный пузырь лопается черезъ нѣсколько же дней. И даже когда въ этой роли выступилъ адмиралъ Дэви, поднявшій въ качествѣ партійнаго знамени тотъ флагъ, подъ которымъ онъ совершилъ уничтоженіе непріятельскаго флота,—и тогда это не могло вызвать ничего, кромѣ веселости. Въ серьезной политикѣ значеніе имѣютъ только организованныя партіи.

Если же за нѣсколько мѣсяцевъ до избранія кандидатовъ на постъ президента собирается группа лицъ, играющихъ видную политическую и экономическую роль и желающихъ обсудить вопросъ объ образованіи третьей партіи, то практическая цѣль и здѣсь заключается въ созданіи небольшой организаціи, поддержка которой была бы цѣнна для каждой изъ обѣихъ партій; такимъ путемъ можно вынудить по меньшей мѣрѣ у одной, а можетъ быть и у обѣихъ партій значительныя уступки принципамъ этой группы. Надо замѣтить, что республиканцы и демократы обладаютъ приблизительно равными силами,—это есть существенное обстоятельство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—и такимъ образомъ небольшое приращеніе на одной сторонѣ можетъ доставить ей перевѣсъ.

При выборахъ за послѣдніе годы республиканецъ Макъ-Кинли и демократъ Клевелендъ были, каждый по два раза, избраны большинствомъ голосовъ первичныхъ избирателей на постъ главы государства, и никто не въ состояніи съ увѣренностью предсказать, окажется ли въ слѣдующій разъ большинство республиканскимъ или демократическимъ. Когда во второй разъ былъ избранъ Клевелендъ, демократы насчитывали 5.556.918 голосовъ, республиканцы — 5.176.108; милліонъ голосовъ было подано за демонстрацію народной партіи; но уже спустя четыре года картина измѣнилась, и республиканецъ Макъ-Кинли получилъ 7.106.199 голосовъ противъ 6.502.685, поданныхъ за демократа Брайана. Отсюда ясно, что ни одной изъ обѣихъ этихъ партій нечего опасаться побѣды какой ни-

будь третьей партіи, которая выставила бы своего кандидата; но въ то же время ни одна изъ нихъ не можетъ быть увѣрена въ собственной побѣдѣ, не можетъ относиться небрежно или легкомысленно къ своей задачѣ, потому что въ этомъ случаѣ обезпечена побѣда противной партіи. И всякая третья партія, собственно, опасна только тѣмъ, что можетъ отколоть извѣстную часть отъ главной партіи и, слѣдовательно, ослабить одну изъ обѣихъ, почти уравновѣшивающихъ другъ друга, организацій.

Чего же хотятъ республиканцы и чего — демократы? Названія партій, конечно, не могутъ служить указаніемъ на ихъ программу, потому что ни одинъ республиканецъ не желаетъ поколебать демократическій строй Америки, и ни одинъ демократъ не желаетъ уничтожить республиканскую форму правленія. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія нынѣшніе демократы называли себя «демократическими республиканцами», и это давно оставленное имя могло бы съ полнымъ правомъ быть дано всѣмъ остальнымъ партіямъ. Аристократія, или монархія, или, пожалуй, плутократія, или анархія — ни одинъ изъ этихъ лозунговъ никогда не появлялся въ партійныхъ программахъ, и какъ бы горяча ни была борьба между демократами и республиканцами, — можно всегда быть увѣреннымъ, что обѣ стороны въ сущности являются и демократами, и республиканцами. Что же раздѣляетъ эти два противныхъ лагеря?

Настоящій партійный дѣятель въ Америкѣ не любитъ философствовать относительно сущности партій; для него достаточно знать, что одна партія займетъ или уже заняла такое-то положеніе въ данныхъ вопросахъ дня, другая — другое, и все его вниманіе поглощается самыми вопросами. Онъ очень неохотно берется за болѣе щекотливую задачу — опредѣлить, въ какое положеніе по отношенію къ данному практическому вопросу должна стать его партія на основаніи основныхъ своихъ принциповъ; скорѣе его привлекаетъ противоположная задача — доказать, что противная партія, занявъ то, а не иное положеніе, отреклась отъ своихъ священнѣйшихъ завѣтовъ. Философствуютъ на эти темы обыкновенно лица постороннія, являющіяся гостями въ странѣ, или прирожденные критики партій, — критики, которые болѣе воспріимчивы къ темнымъ, чѣмъ къ свѣтлымъ сторонамъ партійной жизни и которые громятъ ее независимо отъ того, стоятъ ли они надъ партіями, подъ ними или между ними.

Со стороны такихъ противниковъ партій и иностранцевъ постоянно приходится встрѣчать высказываемое устно и въ печати утвержденіе, что у американскихъ партій въ настоящее время, собственно, совсѣмъ нѣтъ общихъ принциповъ, что ихъ обособ-

леніе другъ отъ друга потеряло настоящій политическій смыслъ, что теперь онѣ представляютъ собою двѣ чисто-внѣшнихъ организаціи, изъ которыхъ каждая занимаетъ по отношенію къ вопросамъ дня то положеніе, въ какомъ она разсчитываетъ получить наибольшее количество голосовъ и, такимъ образомъ, обезпечить плоды побѣды своимъ сторонникамъ. Намъ говорятъ, что нынѣшнія партіи сложились во время той борьбы умовъ, которая царила въ политической жизни Америки въ третьей четверти минувшаго столѣтія: это была борьба, вызвавшая ужасную междоусобную войну,—борьба изъ-за рабовладѣнія. Республиканская партія была представлена сѣверными штатами, возставшими противъ рабства, демократическую партію составляли южные, рабовладѣльческіе штаты, и это противопоставленіе сохраняло политическій смыслъ до тѣхъ поръ, пока, несмотря на окончаніе войны, еще чувствовалось вліяніе минувшей борьбы, пока передъ страною стояла опредѣленная задача—ввести побѣжденный Югъ на новыхъ началахъ въ составъ единаго, цѣльнаго государства. Но все это уже давно сдѣлалось достояніемъ прошлаго. Гаррисонъ и Клевеландъ, Блэнъ и Брайанъ, Макъ-Кинли и Рузвельтъ подняли знамя своихъ партій въ такое время, когда раны, нанесенныя войною, давно уже зажили. Если теперь рабовладѣльческая партія, отстаивая свободу торговли и серебряную валюту, и возстаетъ противъ завоевательной политики, а партія противниковъ рабства выступаетъ на защиту золотой валюты, покровительственныхъ пошлинъ и политики завоеваній,—то во всемъ этомъ нѣтъ ничего общаго съ принципами, которые нѣкогда вызвали раздѣленіе людей на партіи.

Можетъ даже показаться, что обѣ партіи помѣнялись принципами. Партія, ратовавшая противъ рабства, тѣмъ самымъ выступала на защиту личной свободы; какимъ же образомъ она теперь ожесточенно борется противъ свободы торговли, и какимъ образомъ сторонники рабства теперь не только включаютъ въ свою программу свободу торговли, но и страстно возстаютъ противъ притѣсненій, которымъ подвергается населеніе Филиппинскихъ острововъ? И что общаго между этими вопросами и вопросомъ о валютѣ? Если судить по внѣшности, то можно сказать, что организація сдѣлалась тѣломъ безъ души. Благодаря историческимъ традиціямъ она имѣетъ извѣстное число сторонниковъ и при всѣхъ вновь возникающихъ вопросахъ старается, по мѣрѣ силъ, приспособиться къ интересамъ и предразсудкамъ своихъ постоянныхъ избирателей; или же она пытается посредствомъ популярныхъ нападокъ на существующія злоупотребленія и недостатки одолѣть другую партію, или для этой же цѣли пускаетъ въ ходъ новые лозунги и планы,—но о

какомъ нибудь цѣльномъ идейномъ содержаніи здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи. Отсутствіе органическаго роста въ партійныхъ программахъ сказывается уже въ томъ фактѣ, что почти по каждому вопросу внутри партіи на первыхъ порахъ происходитъ расколъ и что только благодаря желѣзной дисциплинѣ мнѣніе меньшинства въ концѣ-концовъ подавляется, а мнѣніе большинства принимается за пароль партіи. Республиканцы одержали побѣду подъ знаменемъ имперіализма, но среди противниковъ имперіализма никто не былъ рѣшительнѣе, чѣмъ республиканецъ Горъ; демократы восторженно принимали планы Брайана относительно серебряной валюты, но въ сущности въ числѣ демократовъ, стоявшихъ за золотую валюту, были лучшіе люди партіи.

Въ иныхъ важнѣйшихъ вопросахъ обѣ партіи стремятся къ одному и тому же, если видятъ, что массы дѣйствительно этого желаютъ. Такъ, напримѣръ, ни одна изъ партій не рѣшается вступиться за тресты, и обѣ вмѣняютъ себѣ въ заслугу борьбу съ ними; обѣ партіи—по крайней мѣрѣ, по внѣшности—стоятъ за реформу гражданской службы. Часто замѣчали даже, что программы борющихся между собою партій въ значительной своей части, собственно, вовсе не противорѣчатъ другъ другу. Одна партія прославляетъ то, чего и другая вовсе не порицаетъ, и только благодаря чрезмѣрному восхваленію, которое при этомъ еще преподносится въ боевомъ тонѣ, кажется, будто противная сторона что-то возражаетъ. Съ такимъ же азартомъ другая партія обрушивается на что нибудь, что первая и не собирается защищать. Общій выводъ отсюда тотъ, что въ настоящее время въ Америкѣ совсѣмъ не существуетъ партій, а есть огромныя организаціи, созданныя для выборовъ и ставящія себѣ только одну цѣль — во что бы то ни стало захватить власть и удержать ее въ своихъ рукахъ. Поэтому, казалось бы, самое лучшее — совершенно отказаться отъ стараго противопоставленія и имѣть дѣло съ независимыми избирателями, которые безъ всякаго партійнаго гнета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ группироваться сообразно своему отношенію къ даннымъ, стоящимъ на очереди, вопросамъ.

Но если, такимъ образомъ, мы уже высказали все дурное, что можно сказать о партійной жизни Америки, то мы все же еще не пошли дальше одной внѣшности. Быть можетъ, каждое отдѣльное утвержденіе здѣсь и правильно, а общій выводъ все же невѣренъ и несправедливъ, — хотя бы иной дѣятель партіи и расписался подъ нимъ и призналъ, что партія должна принимать отдѣльное рѣшеніе по каждому данному вопросу и что неуклонное проведеніе принциповъ есть самый вредный видъ политики. Несмотря на все это, подобные принципы су-

ществуютъ и всегда существовали, и они-то съ неодолимою силой опредѣляютъ ходъ гигантской борьбы между партіями. Подобно тому, какъ всегда были люди, объяснявшіе всѣ великія историческія событія въ Европѣ придворными интригами, любовными шашнями и мелкими страстями государей, такъ и въ Америкѣ всегда найдутся люди, которые все лучше знаютъ, которые считаютъ, что имъ извѣстна вся подноготная въ партійныхъ дѣлахъ и которые все сведутъ на биржевыя спекуляціи нѣсколькихъ банковъ или на личныя желанія сахарныхъ королей и владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ. Такъ какъ въ человѣчествѣ очень широко распространена потребность въ разоблаченіи низости, то для подобныхъ объясненій за границей никогда не будетъ недостатка въ благодарной аудиторіи. Сказано, что для лакея нѣтъ великаго человѣка. И народы также имѣютъ своихъ лакеевъ, и здѣсь также дѣло не въ томъ, что великіе люди — не велики, а въ томъ, что лакеи не умѣютъ смотрѣть иначе, какъ только лакейскими глазами.

Совершенно вѣрно, что нынѣшнее дѣленіе партій въ Америкѣ возникло изъ той противоположности интересовъ, которая имѣла мѣсто во время войны за освобожденіе негровъ. Но принципіальное недоразумѣніе, мѣшающее понять истинное положеніе вещей, начнется уже здѣсь, если мы станемъ разсматривать противниковъ рабства, какъ партію, заботившуюся объ индивидуальной участи негровъ и боровшуюся за личную свободу каждаго отдѣльнаго человѣка. Надо припомнить факты, сообщаемые исторіей. Вѣдь вопросъ о рабовладѣніи возникъ не въ 1860 году, когда образовалась республиканская партія. Противоположность между плантаторскимъ хозяйствомъ Юга, которое какъ будто требовало труда невольниковъ, и торгово-промышленной жизнью Сѣвера, гдѣ для этого труда не было примѣненія, — эта противоположность существовала въ продолженіе всего столѣтія, а между тѣмъ она сама по себѣ не давала повода къ образованію политическихъ партій. Это былъ экономическій вопросъ, который, въ связи съ разными другими факторами, создалъ крупную рознь между штатами Новой Англіи съ одной стороны и южными — съ другой; безспорно, этическія воззрѣнія, господствовавшія на пуританскомъ Сѣверѣ, способствовали обостренію этого вопроса, но первоначальное дѣленіе партій совсѣмъ не соотвѣтствовало разграниченію между Сѣверомъ и Югомъ, да и среди самихъ южанъ вовсе не было недостатка въ людяхъ, сочувствовавшихъ неграмъ и нравственно къ нимъ относившихся. Въ область политики этотъ вопросъ проникъ лишь окольными путями. Это совершилось въ теченіе тѣхъ десятилѣтій, когда союзъ, первоначально очень небольшой, сталъ распространяться по направленію на востокъ, когда онъ пріоб-

рѣталъ все новыя и новыя территоріи и на основаніи постановленій конгресса образовывалъ изъ нихъ новые штаты. Въ 1819 году Миссури долженъ былъ войти въ качествѣ штата въ союзъ, и здѣсь впервые передъ конгрессомъ возникъ вопросъ о томъ, должно ли рабовладѣніе быть дозволено въ новомъ штатѣ; Югъ высказывался за положительное рѣшеніе вопроса, Сѣверъ — за отрицательное. Примиреніе было достигнуто съ помощью компромисса: конгрессъ постановилъ, чтобы Миссури былъ принятъ въ Союзъ въ качествѣ рабовладѣльческаго штата, но чтобы во всѣхъ штатахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ опредѣленной черты, рабовладѣніе было запрещено. Такимъ образомъ было признано, что вопросъ о невольничествѣ входитъ въ компетенцію союзнаго конгресса. И если бы въ конгрессѣ противъ рабовладѣнія было значительное большинство, то конгрессъ могъ бы запретить рабовладѣніе и во всѣхъ южныхъ штатахъ, а для послѣднихъ это означало бы полное разореніе.

Въ интересахъ южныхъ штатовъ, еще располагавшихъ большинствомъ, было заботиться о томъ, чтобы на будущее время, когда въ союзъ принимается новый свободный отъ рабовладѣнія штатъ, одновременно съ нимъ принимался и штатъ рабовладѣльческій, и чтобы такимъ образомъ за ними сохранялось большинство въ конгрессѣ. Но съ теченіемъ времени становилось все яснѣе, что новые штаты, могущіе образоваться въ будущемъ, всѣ лежатъ къ сѣверу отъ условленной черты, и что, такимъ образомъ, надо ожидать перехода большинства къ противникамъ невольничества. Тогда среди рабовладѣльцевъ въ южныхъ штатахъ создалась теорія, согласно которой подобные вопросы вообще не входятъ въ компетенцію конгресса; говорилось, что этимъ путемъ конгрессъ вторгается въ сферу права отдѣльныхъ штатовъ, и въ 1857 году верховный судъ въ знаменитомъ своемъ рѣшеніи высказался въ пользу этой новой теоріи. Конгрессъ, т.-е. союзное правительство, не имѣетъ права запрещать гдѣ либо рабовладѣніе; этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ для себя каждымъ отдѣльнымъ штатомъ. Здѣсь была дана почва для политической борьбы. Теперь стали собираться воедино силы, ратовавшія за права союзнаго правительства въ противовѣсъ правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ, — люди, стоящіе за централизмъ, съ одной стороны, и поборники партикуляристскихъ стремленій — съ другой. Тѣ, кто предвидѣлъ, что предоставленіе отдѣльнымъ штатамъ свободы въ такихъ широкихъ размѣрахъ повлечетъ за собою опасность для всего союза,—тѣ составили республиканскую партію. Она возникла для того, чтобы рѣшительно отстаивать силу и право государства, чтобы не допустить такого положенія, при которомъ одинъ изъ важнѣйшихъ со-

ціально-экономическихъ вопросовъ отнимается у центральнаго правительства и передается на разрѣшеніе правительствамъ мѣстнымъ. Что поводомъ для раздѣленія послужилъ вопросъ о невольничествѣ,—это совсѣмъ не было случайностью; но настоящимъ вопросомъ, по которому произошло раздѣленіе, былъ политическій вопросъ о размѣрахъ власти союзнаго правительства.

И централистская партія побѣдила, предводительствуемая человѣкомъ, который, безспорно, долженъ быть причисленъ къ величайшимъ государственнымъ дѣятелямъ девятнадцатаго столѣтія,—предводительствуемая Авраамомъ Линкольномъ. Избраніе его послужило сигналомъ для отложенія рабовладѣльческихъ штатовъ. Южная Каролина сдѣлала первый шагъ, за нею послѣдовали другіе штаты, въ февралѣ 1861 года они соединились въ союзъ конфедератовъ, — и государство было разорвано. Въ своей вступительной рѣчи, сказанной въ мартѣ мѣсяцѣ, Линкольнъ твердо заявилъ о необходимости во что бы то ни стало сохранить единство Союза, а въ апрѣлѣ началась война, и результатомъ кровопролитнѣйшихъ сраженій было то, что отложившіеся были вынуждены снова вступить въ Союзъ, что невольничество было уничтожено, и южные штаты перестроены соотвѣтственно принципамъ республиканской партіи. Противоположная, демократическая партія являлась, такимъ образомъ, представительницей центробѣжныхъ силъ, организаціей партикуляристскихъ элементовъ; въ основѣ ея программы лежала свобода отдѣльныхъ штатовъ, а вовсе не порабощеніе личности.

Если разсматривать противорѣчія между партіями съ этой точки зрѣнія, то окажется, что республиканцы совсѣмъ не являются поборниками свободы, а демократы — поборниками рабства; республиканцы стояли за подчиненіе отдѣльныхъ штатовъ единой государственной власти, демократы — за свободу отдѣльныхъ штатовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, мѣняется вся перспектива, и многое, что раньше и позднѣе казалось почти несовмѣстимымъ съ тѣмъ положеніемъ, которое занимали партіи въ вопросѣ о рабствѣ, становится понятнымъ, какъ нѣчто исторически необходимое.

Обратимся прежде всего къ прошлому. Съ самого момента возникновенія республики едва ли былъ такой, хотя бы короткій, промежутокъ времени, когда обѣ эти силы, центробѣжная и центростремительная, не находились въ дѣйствіи. Въ натурѣ всѣхъ тевтонскихъ народовъ глубоко заложено центробѣжное стремленіе къ разъединенію, но, съ другой стороны, въ силу законовъ борьбы за историческое существованіе побѣда всегда принадлежитъ болѣе прочной, объединенной

организаціи. И отъ этой борьбы противоположныхъ стремленій не былъ избавленъ ни одинъ тевтонскій народъ. Самое возникновеніе американской конституціи можно понять, только принимая во вниманіе борьбу этихъ враждебныхъ силъ. Послѣ провозглашенія независимости положеніе страны подъ управленіемъ союзнаго совѣта сдѣлалось настолько тяжелымъ благодаря внутренней разрозненности и слабости по отношенію къ другимъ государствамъ, что чувствовалась потребность выйти изъ этого положенія; было желаніе достигнуть силы, которая дается объединеніемъ, но въ то время каждый штатъ ревниво оберегалъ свои права, не довѣрялъ другимъ и требовалъ гарантіи противъ злоупотребленій сильной центральной власти.

Такимъ путемъ и создалась конституція со всѣми своими сложными оговорками, которыми должно было обезпечиваться равновѣсіе силъ. И въ первомъ же кабинетѣ Вашингтона оба направленія были представлены самымъ отчетливымъ и, надо сказать, самымъ блестящимъ образомъ. Рядомъ съ геніальнымъ Гамильтономъ, министромъ финансовъ, творцомъ конституціи и ревностнымъ поборникомъ централистской идеи здѣсь сидѣлъ статсъ-секретарь Джефферсонъ, который охотно ограничилъ бы дѣятельность союзнаго правительства одной иностранною политикой и который вообще полагалъ, что народу живется тѣмъ лучше, чѣмъ меньше имъ управляютъ. Сторонники политики Гамильтона образовали партію «федералистовъ», партію же Джефферсона составляли «демократическіе республиканцы». Названія мѣнялись, отдѣльныя требованія приспособлялись въ разное время къ даннымъ условіямъ, внѣшнимъ образомъ централистская партія даже дважды совсѣмъ исчезала съ политической арены, но въ сущности централистская партія, предводимая Линкольномъ, была все тою же федералистскою партіей; правда, въ качествѣ опредѣленной организаціи она рано, уже въ 1815 году, уничтожилась благодаря своимъ недостаткамъ, но затѣмъ около 1830 года снова ожила съ тѣми же стремленіями, подъ именемъ партіи виговъ; въ серединѣ столѣтія она скомпромметировала себя различными компромиссами и въ концѣ-концовъ совсѣмъ себя погубила, но при первыхъ признакахъ надвигающейся междоусобной войны вновь возникла въ качествѣ республиканской партіи. Напротивъ, партія Джефферсона, хотя и измѣняла названіе, никогда не переставала существовать, какъ опредѣленная организація; демократы, желавшіе въ 1860 году предоставить каждому отдѣльному штату рѣшеніе вопроса о невольничествѣ, были непосредственными наслѣдниками тѣхъ анти-федералистовъ, которые въ 1800 году впервые одержали побѣду на президентскихъ выборахъ.

Только помня постоянно объ этой основной чертѣ объ

ихъ партій, объ ихъ центробѣжной и центростремительной тенденціи, можно понять и ходъ ихъ дальнѣйшаго развитія до нынѣшняго дня. Что развитіе это совершалось скачками, что въ немъ не было внутренней связи и было много противорѣчій,—такъ можетъ казаться, если за центральный пунктъ принимается вопросъ о рабствѣ, если республиканцы разсматриваются какъ поборники свободы, а демократы какъ сторонники рабовладѣнія. Даже Брайсъ, давшій безспорно лучшее описаніе американской партійной жизни, въ этомъ отношеніи, кажется, впадаетъ въ ошибку и не указываетъ на непрерывность внутренняго развитія партій. И онъ также думаетъ, что сущность задачи, которую ставила себѣ республиканская партія, заключалась въ уничтоженіи рабства и преобразованіи южныхъ штатовъ, и что въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, когда эта задача была выполнена, слѣдовало образоваться новымъ партіямъ. А такъ какъ вмѣсто этого просто сохранились старыя организаціи, то въ обѣихъ партіяхъ одинаково, по его мнѣнію, чувствуется «нѣкоторое несоотвѣтствіе дѣйствительности и недостатокъ настоящей жизненной силы». Но при такомъ взглядѣ надо бы считать чѣмъ-то худшимъ, чѣмъ несоотвѣтствіе дѣйствительности, тотъ фактъ, что партія, ратовавшая за уничтоженіе рабства, въ настоящее время стремится поработить филиппинскія племена и препятствуетъ бѣднымъ людямъ покупать товары тамъ, гдѣ ихъ можно купить дешевле всего.

Мы разсматривали демократовъ, какъ партію, которая, слѣдуя принципамъ Джефферсона, требовала для отдѣльныхъ штатовъ права свободно разрѣшать свои дѣла и которая поэтому боролась съ поборниками власти конгресса; республиканцами мы считали тѣхъ, кто желалъ выше всего поставить авторитетъ единаго, общаго правительства. При президентскихъ выборахъ 1901 года на первомъ планѣ стояло три главныхъ партійныхъ вопроса: вопросъ о пошлинахъ, вопросъ о валютѣ и вопросъ о завоевательной политикѣ. Во всѣхъ трехъ вопросахъ партіи заняли положеніе, соотвѣтствующее ихъ старымъ принципамъ. Прежде всего надо отмѣтить, что вопросъ о свободѣ торговли и о покровительственныхъ пошлинахъ былъ далеко не новымъ. Партія Джефферсона еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія включила въ свою программу требованіе свободы торговли со всѣми народами земного шара; кто въ политикѣ является представителемъ центробѣжныхъ стремленій, кто желаетъ, чтобы людьми какъ можно меньше сверху управляли и руководили, тотъ хочетъ предоставить каждому свободу пріобрѣтать жизненные припасы тамъ, гдѣ они дешевле всего стоятъ. Демократы не спорили противъ ввозныхъ пошлинъ, которыми должны были покрываться общественные расходы,

но сверхъ этого все, что налагалось на товары ради повышенія мѣстныхъ цѣнъ и, слѣдовательно, въ цѣляхъ охраны мѣстной промышленности, — должно было казаться имъ принципіально непріемлемымъ. Наоборотъ, централисты, виги, республиканцы должны были, благодаря своей вѣрѣ во всемогущество государства, притти къ мысли о необходимости сознательной охраны національныхъ продуктовъ со стороны государства, о необходимости съ его стороны регулирующаго вмѣшательства въ экономическую борьбу за существованіе. Покровительственныя пошлины уже въ первой трети прошедшаго столѣтія фигурировали въ ряду ихъ главныхъ требованій.

Ясно и то, что противникъ централизма долженъ питать естественное и непосредственное сочувствіе къ интересамъ «маленькихъ людей», экономически слабыхъ и обездоленныхъ; всякій членъ общества долженъ имѣть одинаковое право и одинаковую возможность создать свое счастье. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что демократы являлись защитниками рабовладѣнія; благодаря привычкѣ, создававшейся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, въ южныхъ штатахъ люди дошли до того, что стали смотрѣть на негра, какъ на собственность, какъ на вещь, въ отношеніи которой на сцену выступала и совсѣмъ особая точка зрѣнія; личныя отношенія къ неграмъ, забота объ ихъ пропитаніи носили чисто-патріархальный характеръ, а не государственно-правовой. Собственно демократическимъ элементомъ здѣсь является потребность въ томъ, чтобы разрѣшеніе вопроса было предоставлено каждому отдѣльному штату. И когда рѣчь шла о согражданахъ, то партія, враждебная централизму, всегда оставалась вѣрна своему принципу и отстаивала интересы тѣхъ членовъ государства, которые расположены на периферіи. Именно потому эта партія требовала введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, и если гдѣ нибудь возникалъ и находилъ себѣ сторонниковъ какой нибудь проектъ, направленный къ защитѣ рабочихъ противъ капитала, пользующагося покровительствомъ государства, или къ защитѣ крестьянина противъ владычества биржи, то демократическая партія неизбѣжно включала этотъ проектъ въ свою программу.

Такъ, напримѣръ, крайнія идеи по поводу серебряной валюты первоначально выработались не въ средѣ демократической партіи, и сами по себѣ онѣ съ демократіей не имѣютъ ничего общаго. Когда же все большая часть населенія — безразлично, въ силу какихъ вліяній, — стала вѣрить, что только въ случаѣ осуществленія этихъ идей будетъ облегчено тяжелое положеніе низшихъ классовъ и крестьянства, тогда для партіи центробѣжныхъ силъ сдѣлалось внутренно - необходимымъ принять въ свою программу и эту панацею, — какъ бы безсмыс-

ленна она ни казалась болѣе разумнымъ элементамъ партіи. Не менѣе необходимо, съ другой стороны, было и то, что партія, отстаивающая сильную государственную власть, не могла идти здѣсь ни на какія уступки и боролась противъ всего, что могло нанести ущербъ валютѣ и кредиту государства. Введеніе золотой валюты само по себѣ также не есть именно республиканскій актъ, но въ качествѣ пріема для устраненія всякихъ биметаллистическихъ экспериментовъ оно носитъ ясно выраженный республиканскій характеръ.

Напротивъ, въ новѣйшемъ имперіалистскомъ движеніи роль сопротивляющихся выпала на долю демократовъ. Кто держится партикуляристскаго образа мыслей, тотъ долженъ чувствовать инстинктивную антипатію къ милитаризму, усиливающему центральную власть, къ насильственному присоединенію новыхъ территорій, лишающему побѣжденныхъ естественнаго права самимъ устраивать собственныя дѣла, къ вмѣшательству въ міровую политику, которое неизбѣжно ведетъ къ предоставленію центральному правительству болѣе широкихъ полномочій. Демократы также желаютъ содѣйствовать величію отечества, но шовинизмъ, идущій въ разрѣзъ съ традиціями страны и старающійся порабощать другіе народы, кажется имъ недостойнымъ. Поэтому на долю централистовъ выпадаетъ задача — прямо взглянуть на новыя цѣли, принять на себя новыя формы отвѣтственности и убѣдить страну, что государство уже достаточно зрѣло и сильно для того, чтобы играть рѣшающую роль въ крупныхъ вопросахъ міровой политики. Такимъ образомъ, обѣ большія партіи вовсе не являются обломками безъ руля, которые со времени междоусобной войны уносятся теченіемъ то въ одну, то въ другую сторону; онѣ — прочныя суда, слѣдующія опредѣленнымъ, заранѣе намѣченнымъ курсомъ.

Иногда обѣ партіи различаются еще, какъ консервативная и либеральная, и въ этомъ опредѣленіи, вѣроятно, играетъ роль воспоминаніе о европейскомъ разграниченіи; но такое разграниченіе въ Америкѣ отвѣчаетъ не основному тону партій, а лишь слабо звучащему обертону. Въ сущности, консервативны обѣ партіи: это объясняется какъ натурою американца, такъ и природою всякой партійной организаціи. Даже въ самомъ радикальномъ демократическомъ собраніи рѣшающимъ моментомъ всегда является не то, что опредѣленная позиція, занятая партіей, поведетъ къ большому успѣху или блестящему нововведенію, а то, что при этой позиціи партія останется вѣрна своимъ старымъ, испытаннымъ, почти освященнымъ принципамъ. И несомнѣнно, политика республиканской партіи, которая считается консервативной, въ настоящее время больше уклоняется отъ прошлаго, чѣмъ политика противоположной партіи.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь есть крупица правды. Централисты, слѣдуя своему принципу, должны зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы установленный авторитетъ сохранялъ свое значеніе, между тѣмъ, какъ демократическая партія будетъ болѣе благосклонно относиться къ безпокойнымъ умамъ, къ геніальнымъ новаторамъ и реформаторамъ-фантазерамъ, такъ какъ она заботится, чтобы ни одна центробѣжная сила не была заглушена. Благодаря этому основнымъ тономъ республиканской партіи служитъ спокойное довольство существующимъ, между тѣмъ какъ демократія, даже находясь у власти, никогда не имѣетъ внутренняго спокойствія. Это — не противоположность между богатствомъ и бѣдностью: демократическая партія имѣетъ, между прочимъ, и крыло милліонеровъ, а республиканская находитъ, напримѣръ, благодаря участію въ ней негровъ, сторонниковъ и среди бѣднѣйшаго населенія страны. Но республиканская партія, какъ партія, проникнута сознаніемъ своего успѣха, могущества, сытости, между тѣмъ какъ демократы постоянно сравниваютъ существующее съ теоретическимъ идеаломъ, который никогда не можетъ быть достигнутъ. Поэтому республиканцы, какъ и всякіе централисты, въ сущности являются оппортюнистами и практическими политиками, демократы же, какъ всѣ поборники центростремительной политики, — идеалистами и мечтателями. И съ полнымъ основаніемъ говорится, что демократическій комитетъ напоминаетъ клубъ, гдѣ происходятъ горячія пренія, республиканскій же больше напоминаетъ собраніе акціонеровъ.

Все это указываетъ, что принадлежность къ той или другой партіи опредѣляется въ извѣстной степени нѣкоторымъ личнымъ факторомъ. Разумѣется, можно и ошибаться, но въ общемъ, когда во время путешествія встрѣчаешь незнакомаго человѣка, то довольно скоро составляешь себѣ представленіе о томъ, къ какой партіи онъ принадлежитъ, хотя бы о политикѣ не было сказано ни слова. Но большее значеніе, чѣмъ личныя склонности, имѣетъ группировка цѣлыхъ классовъ и областей, создавшаяся подъ вліяніемъ историческихъ условій. Высшій классъ населенія на Сѣверѣ и Западѣ принадлежитъ преимущественно къ республиканской партіи, на Югѣ же преимущественно къ демократической, между тѣмъ какъ негритянское населеніе на Югѣ примыкаетъ къ освободителямъ рабовъ, — чѣмъ еще сильнѣе толкаетъ мѣстныхъ бѣлыхъ людей въ ряды домократіи. Низшіе классы группируются подъ вліяніемъ очень сложныхъ и перекрещивающихся моментовъ. Крестьянинъ склоняется больше въ сторону республиканцевъ, городской рабочій — въ сторону демократовъ. Протестанты стоятъ ближе къ республиканской партіи, католики — къ демо-

кратической, и въ этомъ дѣленіи, очевидно, первичнымъ моментомъ была историческая связь между республиканской партіей и пуританскимъ духовенствомъ штатовъ Новой Англіи, союзъ же католицизма съ демократіей является лишь фактомъ производнымъ. Съ этимъ связано еще и другое важное дѣленіе, которое имѣетъ рѣшающее значеніе въ городской политикѣ: ирландцы, католики по религіи, принадлежатъ большею частью къ демократической партіи; нѣмцы и шведы, особенно на Западѣ, являются по большей части республиканцами. Такимъ образомъ возникаютъ чрезвычайно сложныя комбинаціи, и въ силу вліянія всѣхъ этихъ разнообразныхъ моментовъ никогда невозможно предугадать, что скажутъ крупные центральные штаты. Въ штатѣ Нью-Іоркъ при президентскихъ выборахъ почти съ полною правильностью смѣнялось республиканское и демократическое большинство. Съ другой стороны, и внутри самого штата можетъ произойти раздѣленіе между городомъ и деревней. Напримѣръ, ни въ одномъ штатѣ республиканцы не могутъ быть такъ увѣрены въ побѣдѣ, какъ въ Массачузетсѣ, но его главный городъ, Бостонъ, всегда даетъ благодаря ирландскимъ массамъ демократическое большинство.

* * *

Разсмотрѣвъ группировку тѣхъ, изъ кого составляются партіи, мы непосредственно приходимъ ко второму своему вопросу: кто же политическіе дѣятели партіи? Первое утвержденіе, будто у самихъ партій нѣтъ принциповъ, мы пытались опровергнуть; лучше ли обстоитъ дѣло съ другимъ утвержденіемъ, согласно которому политическія дѣятели—люди безъ принциповъ? Кто ставитъ себѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли политика находится въ рукахъ сомнительныхъ личностей, тотъ долженъ прежде всего выяснить, существуетъ ли недостатокъ въ честныхъ мотивахъ, побуждающихъ поддерживать партійную политику. И надо сказать, что, наоборотъ, нигдѣ нѣтъ столько сильныхъ стимуловъ къ честной партійной работѣ, какъ въ Америкѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, самый чистый и лучшій мотивъ, именно—желаніе, чтобы отечество управлялось согласно съ воззрѣніями даннаго лица на прогрессъ и право, желаніе работать, такимъ образомъ, для упроченія чести, безопасности и счастія націи. Кто былъ въ Америкѣ хотя бы одинъ или два раза во время президентскихъ выборовъ, тотъ не можетъ сомнѣваться, что подавляющее большинство избирателей именно съ этимъ, болѣе или менѣе ясно сознаваемымъ, чувствомъ соціально-этическаго долга подходитъ къ избирательной урнѣ. Что нравственное возбужденіе

бываетъ иногда болѣе, иногда менѣе глубоко, это разумѣется само собою. Если на очереди стоятъ вопросы преимущественно техническаго характера, и рѣшеніе должно заключаться только въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ, то, конечно, для возбужденія живого интереса къ побѣдѣ партіи необходимо создать здѣсь еще и другіе мотивы; когда же приходится рѣшать вопросы національной чести и національнаго единства, вопросы права и свободы, — тогда самый чистый нравственный подъемъ господствуетъ надъ всѣмъ, и всѣ остальные политическіе мотивы становятся излишними. Можно сказать даже больше: американецъ — настолько человѣкъ партіи, что способенъ воспылать нравственнымъ негодованіемъ противъ противной партіи даже тогда, когда дѣло, въ сущности, касается только техническихъ вопросовъ; противная партія даже въ самыхъ простыхъ практическихъ дѣлахъ кажется ему поступающею легкомысленно, зловредно, преступно,—и такимъ образомъ нравственное теченіе всегда оказывается достаточно сильнымъ для того, чтобы поддерживать въ движеніи политическое колесо.

Къ политическому энтузіазму присоединяются затѣмъ и экономическіе и соціальные интересы. Видѣть въ нихъ политическіе мотивы сомнительнаго свойства въ настоящее время, вѣроятно, не приходитъ въ голову и самому мечтательному идеалисту. Что каждая группа населенія, каждое сословіе, каждая профессія, каждая часть страны заставляетъ принимать во вниманіе въ политикѣ свои частные интересы,—это не только справедливо, но это есть и одна изъ главныхъ цѣлей политики. Равновѣсіе всѣхъ силъ можетъ быть достигнуто только тогда, когда всякій въ равной мѣрѣ имѣетъ возможность добиваться удовлетворенія своихъ нуждъ. Едва ли что нибудь было бы выиграно, если бы сельское хозяйство захотѣло возвыситься до того, чтобы представлять политическіе интересы промышленности, и наоборотъ; нормальное, свободное отъ преувеличеній отстаиваніе интересовъ отдѣльной группы всегда будетъ честнымъ и полезнымъ для общаго блага стимуломъ въ политической дѣятельности. Безспорно, американская политика именно этимъ путемъ всегда привлекала милліоны людей къ самому живому участію въ работѣ. Мы видѣли, что свобода торговли и покровительственныя пошлины вытекали, какъ слѣдствія, изъ принципіальныхъ требованій обѣихъ партій; но этимъ не исключается и другая сторона дѣла, именно, что принципіальное разногласіе въ то же время соотвѣтствуетъ различнымъ, подчасъ прямо противоположнымъ интересамъ сѣверныхъ промышленныхъ штатовъ и южныхъ, плантаторскихъ. Такимъ образомъ, партійная работа оживляется и непосредственнымъ интересомъ участвующихъ въ ней лицъ. Точно

такъ же биметаллистическіе планы связаны съ практическими интересами Запада, между тѣмъ какъ золотая валюта является вопросомъ жизни для Востока. Законодательство о трестахъ, банковая политика, даже расширеніе владѣній — все это затрогиваетъ самые основные экономическіе вопросы и побуждаетъ всѣхъ заинтересованныхъ принять участіе въ ихъ разрѣшеніи. То же самое можно сказать и о соціальныхъ интересахъ. Негръ, возстающій противъ исключительныхъ законовъ, будетъ въ соціальномъ отношеніи искать защиты у республиканской партіи, и точно такъ же, только въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, будутъ отстаивать свои особые соціальные интересы при помощи политики ирландцы, нѣмцы, шведы, русскіе.

Къ нравственному энтузіазму и соціально-экономическимъ интересамъ,—мотивамъ, которые во всякой странѣ побуждаютъ гражданъ заниматься политикой,—въ Америкѣ присоединяются еще и другіе мотивы, имѣющіе въ Германіи, напримѣръ, гораздо меньшее значеніе, но поэтому не менѣе достойные. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ вѣрность той партіи, къ которой принадлежишь. Сынъ вступаетъ въ партію отца и остается ей вѣренъ въ теченіе всей жизни. Благодаря этому въ рядахъ партіи удерживаются и тѣ люди, которые, быть можетъ, и несогласны съ рѣшеніями партіи по тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Если въ странѣ существуетъ много партій съ небольшими различіями въ программахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ національ-либералы недалеко отстоятъ, съ одной стороны, отъ свободо-мыслящихъ, съ другой — отъ свободныхъ консерваторовъ, то тамъ при всякихъ новыхъ выборахъ можно ожидать отъ избирателя болѣе или менѣе новаго, свободнаго рѣшенія. Тамъ же, гдѣ имѣются всего два лагеря, тамъ должна развиться такая партійная лояльность, которая оставляетъ меньше мѣста личному усмотрѣнію и дѣлаетъ возможною строгую партійную дисциплину. И какъ объ отечествѣ, такъ говорится тогда о партіи: она можетъ быть права или не права, но она—моя партія. Такой человѣкъ, какъ Горъ, можетъ пускать въ ходъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы бороться противъ имперіализма и объявлять его преступленіемъ, можетъ прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, чтобы побудить свою, республиканскую партію отказаться отъ имперіалистской политики; но разъ партія посредствомъ правильнаго голосованія высказалась противъ него, онъ начинаетъ неустанно агитировать въ пользу оффиціальнаго кандидата своей партіи, сторонника имперіализма, и противъ кандидата демократической партіи, выставляющаго своимъ девизомъ борьбу съ имперіализмомъ. Настоящій американецъ считаетъ, что устраненіе признаннаго имъ зла можетъ быть совершено только его партіей,— хотя бы противная партія давно уже

включила соотвѣтственную реформу въ свою программу, а его собственная партія боролась противъ этой реформы.

Конечно, есть не мало и такихъ людей, которые считаютъ подобную точку зрѣнія узкою, поверхностною и даже преступною, которые требуютъ себѣ права во всемъ самостоятельно разбираться, свободно сравнивать программы обѣихъ партій и примыкать то къ одной изъ нихъ, то къ другой. Такъ, напримѣръ, многимъ памятна дѣятельность Карла Шурца, который въ 1896 году выступалъ съ блестящими рѣчами въ пользу Макъ Кинли противъ Брайана, а въ 1900 году — въ пользу Брайана противъ Макъ Кинли. Въ первомъ случаѣ онъ поддерживалъ республиканцевъ, потому что тогда на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о валютѣ, и онъ считалъ самымъ важнымъ дѣломъ обезпеченіе золотой валюты; во второмъ случаѣ онъ обратился противъ республиканцевъ, такъ какъ теперь вопросъ о завоевательныхъ тенденціяхъ казался ему важнѣе вопроса о серебрѣ и золотѣ, и онъ предпочиталъ примириться скорѣе съ близорукою политикой въ области финансовъ, чѣмъ съ преступною политикой порабощенія чужихъ народовъ.

Такихъ независимыхъ политическихъ дѣятелей существуетъ не мало, и въ числѣ ихъ находятся многіе благороднѣйшіе люди страны; за ними стоятъ значительныя массы тѣхъ, кто можетъ еще примкнуть къ той или другой партіи подъ вліяніемъ стоящихъ на очереди экономическихъ вопросовъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія или народнаго возбужденія, агитаціи и публичныхъ преній, или въ силу недовольства господствующею системою, или въ силу личныхъ симпатій и антипатій. Если бы значительная часть населенія не колебалась такимъ образомъ между двумя партіями, то выборы ежегодно давали бы почти одинъ и тотъ же результатъ; этотъ результатъ былъ бы напередъ извѣстенъ, бдительность партій, ихъ энергія и честолюбіе ослабѣли бы и политическая жизнь страны сдѣлалась бы вялою. Безпартійные люди, рѣшающіе по каждому отдѣльному вопросу, примкнуть ли имъ къ той или другой партіи, могутъ, такимъ образомъ, на практикѣ пріобрѣсти большое вліяніе и въ извѣстномъ смыслѣ представлять собою совѣсть народа, но девяти десятымъ всего населенія ихъ основной взглядъ покажется не совсѣмъ чистымъ, а многимъ даже положительно низкимъ. Большинство будетъ стоять за то, что американская система требуетъ существованія сильныхъ большихъ партій, и что партіи не могутъ практически дѣйствовать, если въ ихъ организаціи нѣтъ дисциплины, если у меньшинства нѣтъ готовности безропотно подчиниться большинству. Кто желаетъ улучшеній, тотъ долженъ употребить всѣ свои силы на улучшеніе своей партіи; тотъ же, кто при всякомъ разногласіи переходитъ въ

противный лагерь, тотъ ослабляетъ уваженіе къ постановленію большинства и, такимъ образомъ, разрушаетъ основу демократіи; оставаясь послѣдовательною, побѣжденная партія должна бы сочувствовать и революціи, а между тѣмъ гордостью американца является спокойствіе, съ которымъ народъ при президентскихъ выборахъ принимаетъ рѣшеніе большинства. Вѣрность партіи въ глазахъ американца служитъ признакомъ политической зрѣлости, и люди, желающіе стоять выше партій, получаютъ, правда, рѣшающее значеніе, но только благодаря избирательнымъ голосамъ, а не благодаря своимъ доводамъ: народное сознаніе имъ не довѣряетъ.

Ко всему этому присоединяется еще то, что американецъ—прирожденный политикъ. Съ одной стороны, самая техника политической работы имѣетъ для него какую-то привлекательность; каждый мальчуганъ вполнѣ знакомъ съ парламентарными формами, и вносить поправки, участвовать въ голосованіяхъ—это для него такое удовольствіе, пристрастіе къ которому онъ получаетъ по наслѣдству. Съ другой стороны, участіе въ политической партіи даетъ ему всестороннее развитіе въ общественномъ смыслѣ. Крестьянинъ и принадлежащій къ низшимъ классамъ городской житель находитъ, кромѣ церкви, почти только въ партіи соціальные импульсы и общеніе съ единомышленниками, и только политическія собранія, въ которыхъ онъ участвуетъ, даютъ ему ясно сознать, что онъ—равноправная часть этого огромнаго цѣлаго. Кромѣ того, мѣстныхъ интересовъ нельзя отдѣлить отъ интересовъ даннаго штата, а политика штата неотдѣлима отъ политики всего государства; партійная группировка, проникающая даже въ мельчайшія общественныя организаціи, окрашиваетъ собою общественное обсужденіе вопросовъ какъ въ самомъ тѣсномъ, такъ и въ самомъ широкомъ кругу. И благодаря этому даже тотъ, кто не интересуется національными вопросами, а занятъ только улучшеніями въ мѣстныхъ дѣлахъ и заботится, напримѣръ, о школьной части, или о санитаріи, или о полицейскомъ дѣлѣ въ своемъ городѣ,—и тотъ втягивается въ круговоротъ большихъ національныхъ партій.

Есть еще одинъ мотивъ, который не можетъ ускользнуть даже отъ поверхностнаго наблюдателя; онъ не заключаетъ въ себѣ ничего возвышеннаго, но и ничего постыднаго. Партійная политика принимаетъ у многихъ почти характеръ спорта, и это легко понять, если принять во вниманіе, съ одной стороны, общее пристрастіе англосаксовъ къ состязаніямъ, а съ другой—почти равныя силы обѣихъ партій. Мы имѣемъ здѣсь всѣ, самыя странныя, послѣдствія спортивнаго возбужденія,—ежедневные разсчеты, безумныя пари, а кромѣ всего—популярное желаніе

оказаться сторонникомъ побѣдителя; только этимъ объясняются всевозможные парады, факельныя шествія и прочія торжества, которыя должны увлечь равнодушнаго, а на колеблющагося произвести такое впечатлѣніе, что только въ этой партіи возможно найти большинство и достигнуть побѣды. Итакъ, у американца нѣтъ недостатка въ разнообразныхъ мотивахъ къ участію въ партійной жизни,—начиная съ высшаго нравственнаго энтузіазма и кончая почти спортсменскимъ возбужденіемъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что именно эти мотивы поддерживаютъ въ движеніи огромный партійный аппаратъ и вливаютъ неизмѣримое, неистощимое количество энергіи въ политическую жизнь страны. Только благодаря имъ прилагаются старанія къ тому, чтобы массы неустанно участвовали въ политической работѣ и достигали такого высокаго политическаго развитія, какого нѣтъ ни въ одной изъ остальныхъ странъ.

Но вести политическую работу въ партіи—это, какъ мы видѣли, не значитъ только добросовѣстно участвовать въ преніяхъ, обсуждать, голосовать, участвовать въ комитетахъ или дѣлать взносы въ партійный фондъ. Начиная съ выборовъ городскихъ гласныхъ и кончая выборами президента, ежедневно и ежечасно все въ каждомъ уголкѣ страны должно быть разработано и подготовлено партійною организаціей. Особенное значеніе имѣетъ здѣсь избраніе членами партіи кандидатовъ для всѣхъ предстоящихъ выборовъ, и благодаря этой функціи организаціонная и агитаціонная часть становится почти особою наукою, которая требуетъ детальной спеціализаціи и не допускаетъ уже простой диллетантской работы.

Надо помнить, что тамъ, гдѣ дѣло касается голосованія, добродушіе американца исчезаетъ. Подготовительныя партійныя собранія и выборы кандидатовъ ведутся такъ искусно, согласно правиламъ парламентаризма, что даже при самыхъ бурныхъ преніяхъ соблюдаются всѣ сложнѣйшія формальности въ порядкѣ засѣданія. Если при этомъ различные интересы не будутъ отстаиваться такъ умѣло, какъ отстаиваетъ, напримѣръ, адвокатъ въ судѣ интересы своего довѣрителя, тогда противной сторонѣ обезпеченъ вѣрный успѣхъ; здѣсь требуется знаніе предмета во всѣхъ деталяхъ, обстоятельнѣйшее знакомство съ личными и мѣстными условіями, здѣсь должны быть строго приняты во вниманіе отношенія къ печати, къ чиновникамъ, къ руководителямъ партіи. А тѣ члены организаціи, которые стоятъ во главѣ болѣе крупныхъ отдѣловъ партіи и, слѣдовательно, должны считаться не только съ чисто-мѣстными условіями,—тѣ обязаны совмѣщать адвоката и финансиста, генерала и дипломата въ одномъ лицѣ. Имъ приходится искусно придумывать и энергично проводить въ жизнь сложныя комбина-

ціи съ отдаленными послѣдствіями, гдѣ самымъ тѣснымъ образомъ переплетаются интересы города, штата и націи, гдѣ перекрещиваются партійные, личные и правовые вопросы,—а все это требуетъ такого количества труда, что эта работа должна сдѣлаться главною работой для тѣхъ, кто желаетъ успѣшно ее выполнять. Агитація и организація въ крупныхъ, какъ и въ мелкихъ размѣрахъ при американскихъ условіяхъ требуетъ такой затраты силы, на какую ни въ одной странѣ нельзя разсчитывать въ спокойное время при нормальныхъ условіяхъ, если ко всѣмъ безкорыстнымъ мотивамъ не будутъ присоединены стимулы чисто-личнаго свойства: вознагражденіе и почести, выпадающія на долю тѣхъ, кто принимаетъ на себя необходимую работу.

Среди приманокъ этого рода на первомъ мѣстѣ могутъ стоять почести. Личныя почести, которыя могутъ быть пріобрѣтены въ Америкѣ путемъ политической дѣятельности, не совсѣмъ легко поддаются оцѣнкѣ при помощи нѣмецкихъ масштабовъ. Въ балансѣ здѣсь есть такія статьи актива—правда и пассива,— которыя нѣмцамъ неизвѣстны. Къ первымъ прежде всего надо отнести то обстоятельство, что высшихъ должностей можно достигнуть только путемъ политической дѣятельности въ партіи; и къ нимъ, дѣйствительно, стремятся ради почета. Съ должностями президента, посланника, сенатора, министра и т. д., правда, связано полученіе извѣстнаго вознагражденія, но вознагражденіе это такъ незначительно, даже больше—такъ недостаточно и такъ мало соотвѣтствуетъ обычному при этихъ должностяхъ образу жизни, что никто, конечно, не добивается и не принимаетъ ихъ ради жалованья; наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ эти должности требуютъ извѣстныхъ матеріальныхъ жертвъ, такъ какъ онѣ никогда не служатъ началомъ обезпеченной на всю жизнь карьеры, а являются перерывомъ, быть можетъ даже короткимъ, въ частной дѣятельности даннаго лица; надо принять во вниманіе также и то, что эти должности не даютъ никакихъ правъ на пенсію.

Поэтому въ Америкѣ не рѣдко можно видѣть, что человѣкъ отказывается отъ политической карьеры потому, что средства не позволяютъ ему продолжать ее, или потому, что онъ считаетъ долгомъ матеріально обезпечить свое существованіе. Такъ, напримѣръ, Ридъ, бывшій въ извѣстномъ отношеніи самымъ выдающимся вождемъ республиканцевъ, оставилъ мѣсто предсѣдателя палаты депутатовъ и совершенно устранился отъ политической дѣятельности, поступивъ въ частную контору. Гаррисонъ, переставъ быть президентомъ, снова принялся за адвокатскую практику, а Дэй оставилъ мѣсто статсъ-секретаря, потому что обстоятельства принудили его къ этому. Какой ни-

будь посланникъ едва ли разсчитываетъ покрывать своимъ жалованіемъ больше, чѣмъ извѣстную часть своихъ расходовъ.

Разумѣется, все это вовсе не должно возбуждать сожалѣнія: въ богатыхъ людяхъ въ Америкѣ нѣтъ недостатка, и сенатъ уже давно получилъ прозвище клуба милліонеровъ. Но отсюда ясно, что къ общественной дѣятельности здѣсь, дѣйствительно, влекутъ людей почетъ, слава и вліяніе, а не «всемогущій долларъ», какъ любятъ говорить недовѣрчивые, презирающіе Америку иностранцы. Безспорно, существуютъ и такіе люди, у которыхъ есть деньги потому, что они участвуютъ въ политикѣ, но гораздо большее значеніе имѣютъ тѣ, которые участвуютъ въ политикѣ потому, что у нихъ есть деньги. Во всякомъ случаѣ, важнѣйшіе виды почета, даваемые политической дѣятельностью, въ Америкѣ болѣе многочисленны и болѣе значительны, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ чиновничья карьера не зависитъ отъ политической дѣятельности, гдѣ правительство подчиняется господству наслѣдственной монархіи и сильному вліянію наслѣдственной аристократіи, гдѣ бургомистръ или членъ управы даже самаго маленькаго городка нуждается въ утвержденіи со стороны правительства.

При такомъ количествѣ и такомъ значеніи соціальныхъ преимуществъ, доставляемыхъ политическою дѣятельностью, можетъ показаться страннымъ, что къ этой дѣятельности не привлекаются самыя лучшія силы націи, что, наоборотъ, партіи все время страдаютъ отъ недостатка людей крупнаго калибра. Главныя причины этого, повидимому, заключаются въ слѣдующемъ. Прежде всего, въ демократической странѣ почетъ, доставляемый видною должностью, вообще не выдѣляетъ такъ человѣка изъ ряда другихъ людей, не даетъ ему такого исключительнаго положенія, какъ въ странахъ аристократическихъ. Чувство соціальнаго равенства тамъ все же гораздо сильнѣе; уваженіе, сознаніе разницы, изумленіе — въ это относится только къ качествамъ самого человѣка, а не къ его должности. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ дворянства, гдѣ нѣтъ никакихъ чиновъ и орденовъ, не можетъ развиться и такое искусственное раздѣленіе людей. Всякій желаетъ видѣть въ своемъ сосѣдѣ джентльмена и мало интересуется тѣмъ, какое мѣсто занимаетъ этотъ сосѣдъ во время своихъ служебныхъ часовъ. Это не значитъ, что соціальныхъ различій не существуетъ, но они несравненно слабѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи.

Въ сравненіи съ почетомъ, доставляемымъ должностью, гораздо большее значеніе имѣетъ и гораздо сильнѣе чувствуется пріобрѣтаемое политической дѣятельностью вліяніе и слава. Но здѣсь на сцену выступаетъ другой задерживающій факторъ: организація американской политической жизни очень

мало способствуетъ пріобрѣтенію славы. Въ Германіи вожди партій постоянно находятся передъ глазами у публики. Они произносятъ большія рѣчи въ рейхстагѣ или ландтагѣ, и эти рѣчи прочитываются затѣмъ въ каждомъ домѣ. Въ Америкѣ же дебатамъ, происходящимъ въ конгрессѣ, удѣляется очень мало вниманія, а пренія въ законодательныхъ собраніяхъ штатовъ проходятъ почти совсѣмъ незамѣченными: вся парламентская работа совершается въ комитетахъ. Нѣкоторое вниманіе къ себѣ возбуждаютъ, пожалуй, рѣчи, произносимыя въ сенатѣ, но въ Америкѣ никто не дѣлается знаменитымъ благодаря парламентскимъ рѣчамъ, и на общественное мнѣніе рѣдко оказываютъ вліяніе ораторскіе парады, производимые въ Вашингтонѣ.

Въ третьихъ, здѣсь надо отмѣтить, что американская политика требуетъ отъ каждаго партійнаго дѣятеля, такъ сказать, службы съ самыхъ низшихъ чиновъ. А между тѣмъ не всякій способенъ заниматься скучной мелочной работой въ мѣстныхъ партійныхъ организаціяхъ, и тотъ, кто даже не уклонился бы отъ такой работы, можетъ уклониться отъ общества, съ которымъ ему надо совмѣстно работать въ низшихъ сферахъ политической дѣятельности. Это приводитъ насъ къ четвертому, быть можетъ, самому главному пункту: политическая дѣятельность въ низшихъ сферахъ можетъ доставлять и денежныя выгоды и этимъ часто привлекаетъ къ себѣ непріятные, иногда даже нечистоплотные элементы; присутствіе этихъ элементовъ можетъ оттолкнуть лучшихъ людей, и благодаря этимъ же элементамъ политическая карьера не ставится обществомъ такъ высоко, какъ этого можно было бы ожидать въ обществѣ, насквозь проникнутомъ политическими интересами.

Какъ же обстоитъ дѣло съ денежными выгодами въ низшихъ сферахъ политической жизни? Этотъ вопросъ, кажется, рѣдко разсматривается и самими американцами подъ правильнымъ угломъ. Здѣсь возможны три формы выгоды. Во-первыхъ, народные представители по должности получаютъ вознагражденіе. Во-вторыхъ, политическій дѣятель можетъ получить платное мѣсто на службѣ у государства, штата или города, и, въ-третьихъ, онъ можетъ преступно пользоваться своимъ политическимъ вліяніемъ или полученнымъ благодаря политической дѣятельности мѣстомъ для собственнаго незаконнаго обогащенія. Хотя это и печально, но нельзя отрицать, что первая форма выгоды многихъ привлекаетъ къ политикѣ. О членахъ конгресса въ этомъ отношеніи не приходится говорить, но въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ засѣдаетъ не мало людей, для которыхъ все дѣло—только въ полученіи депутатскаго жалованья. При установленіи этого жалованья, очевидно, имѣлось въ виду, что никто не долженъ быть ли-

шенъ возможности служить народнымъ представителемъ изъ-за недостатка средствъ; въ дѣйствительности же результатъ получается тотъ, что къ политикѣ привлекаются люди, для которыхъ сама политика совершенно безразлична. Съ другой стороны, такъ какъ депутатское вознагражденіе не велико, то оно не привлекаетъ такихъ людей, которые способны съ помощью иной работы получать бо́льшіе доходы; и такимъ образомъ въ мѣстной политической жизни начинаютъ орудовать темные люди, неудачники или потерпѣвшіе крушеніе въ другихъ областяхъ, а это, въ свою очередь, способствуетъ поддержанію отрицательнаго взгляда на политическую карьеру. Но все это относится, однако, къ такой незначительной части политическихъ дѣятелей, которая едва ли заслуживаетъ большого вниманія; во всякомъ случаѣ отмѣна депутатскаго вознагражденія была бы всѣми признана за большее зло.

Доходы третьяго рода, преступные, также нерѣдко поступаютъ въ карманы политическихъ дѣятелей. Объ этомъ не можетъ быть спора, и случаи къ обману, воровству и взяточничеству, конечно, представляются самые разнообразные. Какой-нибудь членъ училищнаго комитета легко можетъ, напримѣръ, пріобрѣсти для вновь открываемой школы такой участокъ земли, покупка котораго принесетъ ему самому извѣстную выгоду; или бургомистръ можетъ дать согласіе на устройство такихъ линій городской желѣзной дороги, которыя создадутъ богатство предпринимателямъ—его тайнымъ компаніонамъ; начальникъ полиціи можетъ вымогать у содержателей запрещенныхъ игорныхъ домовъ деньги за молчаніе, а депутатъ можетъ вносить въ парламентъ такія предложенія, которыя грозятъ нанести ущербъ извѣстной отрасли промышленности, чтобы, затѣмъ, получивъ нѣкоторую мзду отъ фабрикантовъ, брать свои предложенія обратно, или же онъ можетъ пользоваться для биржевыхъ спекуляцій секретными свѣдѣніями, которыя онъ получаетъ въ качествѣ оффиціальнаго лица. Всякій знаетъ, что все это возможно, что сравнительно трудно раскрыть подобные факты, но что и это иногда удается, и что тогда виновные попадаютъ въ смирительный домъ. Но все это не входитъ въ программу описанія политической организаціи. Если кто нибудь задается цѣлью дать описаніе банковскаго дѣла, то онъ не станетъ прежде всего считаться съ тѣмъ, что иногда кассиры производятъ подчистки въ книгахъ или крадутъ деньги изъ кассы. Если бы даже всякое недоказанное подозрѣніе, высказываемое печатью враждебной партіи, соотвѣтствовало дѣйствительнымъ фактамъ,—и тогда по поводу этой третьей формы доходовъ, какъ и по поводу первой, рѣчь все же могла бы идти только объ единичныхъ, исключительныхъ

случаяхъ. Ниже мы еще будемъ говорить объ этихъ отрицательныхъ явленіяхъ.

Такимъ образомъ, передъ нами остается вопросъ только о второмъ источникѣ политическихъ доходовъ: награжденіе политическихъ дѣятелей платными общественными должностями. Это—самый большой, самый вѣрный, никогда не изсякающій источникъ, который даетъ партійной организаціи необходимое количество работниковъ и удерживаетъ ихъ въ ней. И здѣсь мы сталкиваемся съ очень распространеннымъ несправедливымъ утвержденіемъ, которое въ Германіи слишкомъ часто повторяется. Американецъ, сторонникъ реформъ, въ своей критикѣ существующихъ партійныхъ условій смѣшиваетъ воедино вторую и третью форму матеріальныхъ выгодъ: надѣленіе мѣстами профессіональныхъ политическихъ дѣятелей онъ почти не отдѣляетъ отъ взяточничества, и какъ только такой дѣятель начинаетъ получать какой нибудь доходъ изъ общественныхъ средствъ,—раздается крикъ: держите вора! Ниже мы займемся такъ называемой системой «дѣлежа добычи», согласно которой мѣста, раздаваемыя президентомъ, должны прежде всего предоставляться тѣмъ, кто оказалъ существенныя услуги партіи побѣдителя. Когда мы дойдемъ, при разсмотрѣніи политическихъ вопросовъ настоящаго времени, до вопроса о реформѣ гражданской службы, тогда будетъ умѣстно указать и выяснить преимущества и недостатки этой системы, указать, какъ развивался ея основной принципъ и какъ примѣненіе его въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій все болѣе и болѣе сокращалось. Но уже здѣсь необходимо сказать: какъ бы цѣнны ни были во всѣхъ отношеніяхъ эти стремленія къ реформамъ, какъ бы много ни выиграло чиновничество въ своей практической дѣятельности, если бы оно не зависѣло отъ случайностей политики,—самая система «дѣлежа добычи» не заключаетъ въ себѣ ничего безчестнаго или позорнаго, и никто не имѣетъ права называть профессіональныхъ политическихъ дѣятелей безхарактерными и безпринципными людьми потому, что они готовы принять отъ партіи, для которой работали, выгодныя государственныя должности.

Съ взяточничествомъ и злоупотребленіями все это не имѣетъ ничего общаго, и нѣмецъ, на основаніи описанныхъ условій изрекающій обычный строгій приговоръ надъ общественной жизью Соединенныхъ Штатовъ, заблуждается, если думаетъ, что такимъ образомъ онъ остается послѣдовательнымъ сторонникомъ духа нѣмецкаго чиновничества. Наоборотъ, вопервыхъ и въ Германіи никто не ожидаетъ, что правительство станетъ раздавать должности, чины и ордена представителямъ политической оппозиціи, что свободомыслящій можетъ быть

сдѣланъ ландратомъ, а соціалъ-демократъ—утвержденъ хотя бы въ качествѣ члена городской управы, и, съ другой стороны, что поддерживаніе правительственной политики не встрѣтитъ признательности. Кромѣ того, нѣмецъ никогда не разсматриваетъ казеннаго жалованья, какъ нѣкотораго рода подарокъ изъ общественныхъ суммъ, а видитъ въ немъ естественный эквивалентъ своей работы.

У американцевъ къ этому вопросу выработалось своеобразное отношеніе, которое нѣмцу совершенно чуждо, и на которомъ, собственно, построено все это моральное презрѣніе къ системѣ «дѣлежа добычи». Поясникъ это опредѣленнымъ примѣромъ. Одинъ прокуроръ, многократно избиравшійся народомъ на эту должность, недавно долженъ былъ снова выступить кандидатомъ на нее. Но онъ отказался, публично мотивируя свой отказъ тѣмъ, что уже двадцать лѣтъ онъ живетъ на общественныя средства и что дольше такъ жить онъ считаетъ себя не въ правѣ; поэтому онъ находитъ, что ему слѣдуетъ теперь заняться адвокатскою практикой и самому зарабатывать себѣ хлѣбъ. Нѣмецъ едва ли въ состояніи усвоить эту точку зрѣнія, хотя она, конечно имѣетъ, свои историческія основанія. Но ясно, во всякомъ случаѣ, что человѣкъ, такъ смотрящій на общественныя средства, легко можетъ видѣть способъ къ нечестному обогащенію въ томъ, что партія, достигшая политической власти, раздаетъ лучшія государственныя должности своимъ приверженцамъ.

Если бы упрекъ заключался въ томъ, что политическіе дѣятели, получающіе эти должности, ни технически, ни по существу дѣла къ нимъ не подготовлены, тогда вопросъ стоялъ бы иначе, но это, собственно, не затрогиваетъ самого принципа. Нѣмецъ въ настоящее время уже привыкъ къ тому, что генералъ или купецъ можетъ сдѣлаться министромъ, а американцу это всегда казалось понятнымъ; дѣльный человѣкъ можетъ справиться со всякой должностью и при помощи опытныхъ подчиненныхъ легко освоится со всякой работой. А что политическіе дѣятели въ общемъ работаютъ усердно,—этого не отрицаютъ и ихъ противники. Все дѣло всегда сводится, въ концѣ концовъ, къ удивительному утвержденію, что человѣкъ, получающій должность, тѣмъ самымъ принимаетъ подарокъ за счетъ общественныхъ средствъ.

Всѣмъ сказаннымъ вовсе не умаляется значеніе новѣйшихъ попытокъ къ реформамъ,—попытокъ, за которыя стоятъ лучшіе люди въ обѣихъ партіяхъ, но которымъ, конечно, не сочувствуютъ ревностные фанатики партій; здѣсь опровергается только поверхностное утвержденіе, будто система «дѣлежа добычи» служитъ признакомъ безпринципности и безхарактерности, царящихъ въ партійной политикѣ. Безспорно, многіе посвящаютъ

себя утомительной и во многихъ отношеніяхъ непріятной партійной работѣ, вызываемой агитаціей и сложною подготовкою выборовъ, имѣя въ виду такимъ образомъ добиться выгоднаго мѣста на государственной службѣ; но кто посмотритъ на это безъ предразсудковъ, тотъ не увидитъ здѣсь ни малѣйшаго нравственнаго дефекта. Иначе упрекъ въ безхарактерности съ такимъ же основаніемъ могъ бы быть обращенъ, съ точки зрѣнія американскихъ предразсудковъ, и къ нѣмецкимъ чиновникамъ, дѣлающимъ карьеру на службѣ у правительства.

Клевеленд, который во время пребыванія своего на посту президента больше всякаго другого сдѣлалъ для реформированія чиновничества, относится къ системѣ «дѣлежа добычи» съ полною справедливостью. Въ прекрасной статьѣ о независимости исполнительной власти онъ говоритъ: «Благодаря своей службѣ я стою внѣ подозрѣній, будто я поощряю поголовное изгнаніе чиновниковъ въ партійныхъ цѣляхъ; но, съ другой стороны, я не питаю никакой симпатіи и къ тѣмъ нетерпимымъ критикамъ, которые, совершенно не понимая смысла партійной работы и службы въ партіи, считаютъ долгомъ призирать всякаго партійнаго дѣятеля, стремящагося получить мѣсто, какъ уличеннаго преступника. Разумѣется, счастливый будетъ день, когда побѣда принциповъ партіи будетъ считаться достаточной наградой для каждаго ея работника, и уже теперь не мало сдѣлано для того, чтобы работа въ партіи не служила путемъ къ общественнымъ должностямъ..., но развѣ есть дѣйствительное основаніе до наступленія того времени ненавидѣть всѣхъ, кто добивается какого нибудь мѣста? Конечно, эти люди еще не вполнѣ освободились отъ мысли, что чиновничьи должности принадлежатъ побѣдившей партіи, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они не менѣе честны, не менѣе способны и не менѣе интеллигентны, чѣмъ каждый изъ насъ».

Въ пользу отдѣленія чиновничьей дѣятельности отъ партійной работы говорятъ настолько важные доводы, что можно извинить сторонниковъ подобной реформы, если они въ своемъ кругу называютъ существующій порядокъ дурнымъ, а въ цѣляхъ агитаціи даже клеймятъ его именемъ преступнаго и смѣшиваютъ съ подкупомъ; кто же и для посторонняхъ рисуетъ такую картину, будто профессіональные политическіе дѣятели—негодные безхарактерные люди, потому что они ожидаютъ для себя, въ случаѣ побѣды своей партіи, преимущества въ замѣщеніи общественныхъ должностей, какъ награды за свою партійную работу,—тотъ полагается на ханжескіе и неправильные аргументы. Это, разумѣется, не значитъ, что правильнѣе было бы патетически восклицать: существующее хорошо и ничто не можетъ быть лучше. Безспорно, все положеніе вещей

приводитъ къ тому, что къ политикѣ привлекается множество личностей невысокаго достоинства. Вѣдь, въ сущности, въ высшихъ сферахъ профессіональной политической дѣятельности требуется большею частью не столько крупный государственный умъ, сколько умѣнье разсчитывать и придумывать компромиссы, умѣнье искусно пользоваться слабыми мѣстами противника, способность апеллировать къ капризамъ и предразсудкамъ народа; кто привыкъ къ мелочной работѣ, тотъ часто будетъ имѣть здѣсь больше успѣха, чѣмъ человѣкъ широкаго размаха, и у ловкихъ людей здѣсь больше надежды на удачу, чѣмъ у благородныхъ. Въ низшихъ же сферахъ, гдѣ вопросъ идетъ о томъ, чтобы привлечь на сторону партіи городской пролетаріатъ, неизбѣжно приходится принимать и вознаграждать даже услуги сомнительнаго свойства. И все же въ связи между чиновничьей дѣятельностью и партійною работой нѣтъ ничего безнравственнаго.

Къ той же категоріи несправедливыхъ упрековъ относятся, наконецъ, и рѣчи о сборѣ денегъ въ пользу партій. Что выборы, какъ большіе, такъ и маленькіе, поглощаютъ огромныя суммы денегъ,—это безспорно. Горы агитаціонной литературы, экстренные поѣзда для кандидатовъ, переѣзжающихъ съ мѣста на мѣсто и на каждой станціи съ балкона своего вагона просвѣщающихъ толпу—говорятъ, будто рѣчи Рузвельта во время предпослѣднихъ выборовъ слушало три милліона людей,—банкеты, оркестры и все прочее, что необходимо для побѣды,—все это требуетъ денегъ. Члены партіи дѣлаютъ извѣстные взносы въ ея пользу, особенно тѣ, которые отъ ея побѣды ожидаютъ матеріальной выгоды для себя; такъ, напримѣръ, крупные промышленники поддерживаютъ партію, стоящую за покровительственныя пошлины, въ ея агитаціи, владѣльцы серебряныхъ рудниковъ щедро помогаютъ биметаллистамъ, а владѣльцы пивоваренныхъ заводовъ охотно даютъ деньги, когда рѣчь идетъ о борьбѣ со сторонниками умѣренности. Все это кажется вполнѣ естественнымъ и превращается въ поводъ для обвиненій только благодаря стараніямъ каждой партіи нанести вредъ другой. Кто разбирается въ этомъ дѣйствительно безъ предубѣжденія, тотъ не только знаетъ, что американская партійная политика необходима, но знаетъ также и то, что она безконечно лучше и чище, чѣмъ думаетъ о ней нѣмецъ на основаніи своихъ газетныхъ свѣдѣній.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Президентъ.

Президентъ избирается всѣмъ народомъ на четыре года; онъ можетъ избираться вновь, и конституція не указываетъ никакого предѣла, т. е. не запрещаетъ, чтобы онъ по четырехлѣтіямъ до конца жизни оставался во главѣ націи. Но основанный на традиціи неписанный законъ запрещаетъ третье избраніе. Вторично были избраны Георгъ Вашингтонъ, Томасъ Джефферсонъ, Джемсъ Мадисонъ, Джемсъ Монроэ, Андрью Джэксонъ, Авраамъ Линкольнъ, Улиссъ Грантъ, Гроверъ Клевелендъ и Вильямъ Макъ Кинли, т. е. девять президентовъ изъ двадцати; въ третій разъ еще никто не былъ избранъ. Съ тѣхъ поръ какъ Вашингтонъ отказался въ третій разъ выставить свою кандидатуру, для консервативнаго ума американцевъ является догматомъ, что никто не долженъ дольше восьми лѣтъ стоять во главѣ страны.

Съ различныхъ сторонъ въ настоящее время вносятся предложенія объ измѣненіи относящихся сюда статей конституціи. Указываютъ, что такое частое повтореніе президентскихъ выборовъ съ сопровождающимъ ихъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ возбужденіемъ вноситъ слишкомъ чувствительное разстройство въ экономическую жизнь, что традиціонная возможность вторичнаго избранія легко можетъ вести къ тому, что президентъ во время перваго срока своей службы станетъ считаться съ условіями для своего переизбранія. Поэтому предлагаютъ, чтобы президентъ избирался на шесть лѣтъ, но чтобы вторичное избраніе было запрещено конституціей. Однако историческій опытъ, кажется, говоритъ не въ пользу этой теоріи; различные президенты несомнѣнно въ различной мѣрѣ были склонны подчиняться явлінію партіи и народнаго настроенія, но эта склонность, въ среднемъ, не измѣнялась значительно во время перваго и второго срока службы. Важнѣе же всего то, что вредъ отъ предвыборнаго возбужденія больше чѣмъ уравновѣшивается той нравственною выгодой, которую выборы, несмотря на нѣкоторыя свои отрицательныя стороны, приносятъ народу. Президентскіе выборы — это великій актъ, когда народъ оглядывается на себя и себя провѣряетъ, когда приходятъ въ движеніе всѣ умы; чѣмъ быстрѣе мчится время, выдвигая все новые и новые вопросы, тѣмъ менѣе слѣдовало бы стараться создавать между главными общественными выборами, вызывающими продолжительное обсужденіе вопросовъ, еще большіе промежутки.

Важнѣйшія права и обязанности президента касаются какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ, причемъ во внутреннихъ дѣлахъ ему принадлежитъ главное участіе въ управленіи и меньшее, хотя далеко не незначительное, въ законодательствѣ. Онъ—главный начальникъ войска и флота, онъ съ согласія большинства сената назначаетъ посланниковъ, консуловъ, членовъ верховнаго суда и всѣхъ высшихъ чиновниковъ центральнаго правительства; съ согласія сената, при большинствѣ въ двѣ трети голосовъ, онъ заключаетъ договоры съ иностранными державами и онъ же принимаетъ ихъ представителей. Онъ имѣетъ право въ теченіе десяти дней отослать обратно со своимъ veto законъ, принятый конгрессомъ; въ этомъ случаѣ законъ можетъ получить силу только при томъ условіи, если онъ, несмотря на veto, будетъ принятъ въ каждой изъ обѣихъ палатахъ конгресса, т. е. и въ сенатѣ, и въ палатѣ народныхъ представителей двумя третями голосовъ. Президентъ можетъ назначать экстренныя засѣданія обѣихъ палатъ и обязанъ каждой изъ нихъ представлять посланія, въ которыхъ характеризуется политическое положеніе страны и предлагаются новыя мѣропріятія. Къ этому присоединяется еще право помилованія и рѣдко примѣняемое на практикѣ право оказывать помощь отдѣльнымъ штатамъ при такихъ безпорядкахъ, съ которыми они сами не въ состояніи справиться.

Перечисленіе этихъ важнѣйшихъ особенностей должности президента ясно показываетъ, что здѣсь, какъ и повсюду въ американскомъ государственномъ правѣ, отразился тотъ духъ осторожности, который старается напередъ ограничить возможность какихъ либо злоупотребленій. Президентъ является главнымъ начальникомъ войскъ во время войны, но объявлять войну онъ самъ не имѣетъ права: это можетъ сдѣлать только конгрессъ. Президентъ ведетъ сношенія съ иностранными представителями и заключаетъ договоры; но для того, чтобы послѣдніе вступили въ силу, они должны быть одобрены сенатомъ, и при томъ большинствомъ въ двѣ трети голосовъ. Президентъ назначаетъ людей на извѣстныя должности, но его предположенія нуждаются въ поддержкѣ со стороны большинства сената. Президентъ созываетъ конгрессъ и предлагаетъ ему различныя мѣропріятія, но президентъ не можетъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, нѣмецкія правительства, представлять на разсмотрѣніе палаты готовые законы. Президентъ обращается къ конгрессу съ посланіями, но его министры не имѣютъ мѣста въ парламентѣ и, слѣдовательно, во время преній не могутъ отстаивать правительственную политику. Президентъ можетъ на каждый законъ, принятый палатою, наложить свое veto, но одно его veto не въ состояніи уничтожить законъ: при очень боль-

шомъ единодушіи у конгресса остается возможность сдѣлать veto недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ, совершенно устранена опасность, что президентъ—пока онъ остается вѣренъ своему долгу—можетъ вести капризную, своевольную, абсолютистскую политику; если же онъ оказывается не вѣренъ своему долгу, то его ожидаетъ «impeachment»—заимствованная изъ древняго англійскаго права жалоба на чиновника. Палата народныхъ представителей можетъ во всякое время возбудить эту жалобу по отношенію къ президенту, разъ возникаетъ подозрѣніе въ измѣнѣ, подкупѣ или въ другихъ преступленіяхъ; въ этомъ случаѣ сенатъ подъ предсѣдательствомъ верховнаго судьи превращается въ судъ, который можетъ постановить приговоръ объ отрѣшеніи отъ должности. Правда, до сихъ поръ этому суду былъ преданъ всего одинъ президентъ, Андрью Джонсонъ, и тотъ былъ судомъ оправданъ. Для честолюбивыхъ бунтовщиковъ, которые желаютъ государственныхъ переворотовъ, которые стремятся уничтожить конституцію, стать во главѣ войска, или народа, или, что всего соблазнительнѣе, во главѣ милліонеровъ, чтобы провозгласить учрежденіе монархіи,—для такихъ людей здѣсь нѣтъ поприща: ни Наполеонъ, ни Буланже не нашли бы себѣ сторонниковъ.

Несмотря, однако, на всѣ ограниченія, какая огромная власть дана этому одному человѣку! Тысячи чиновниковъ, назначенныхъ его предшественникомъ, онъ можетъ удалить однимъ почеркомъ пера, и на ихъ мѣста никто не можетъ вступить, кого онъ не изберетъ. Для каждаго закона онъ можетъ создавать такія препятствія, которыя конгрессъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ оказывается способнымъ преодолѣть; такъ, напримѣръ, Клевелендъ—правда, единственный въ этомъ отношеніи человѣкъ—воспользовался своимъ правомъ veto болѣе трехсотъ разъ, и только два раза конгрессъ оказался сильнѣе, чѣмъ veto президента. Переговоры съ иностранными державами онъ можетъ довести до такого пункта, когда у патріотически настроеннаго парламента уже не остается никакого выбора; такимъ путемъ президентъ можетъ почти принудить конгрессъ къ объявленію войны. Если въ какомъ нибудь штатѣ возникаетъ вооруженная борьба, то онъ можетъ по собственному усмотрѣнію употребить силу всего государства въ пользу одной изъ борющихся сторонъ. Во время же войны его власть возрастаетъ съ каждымъ часомъ. Войска и флотъ состоятъ подъ его начальствомъ, и такъ какъ конституція требуетъ отъ него, чтобы онъ заботился о сохраненіи законнаго порядка въ общественныхъ дѣлахъ, то при внутреннихъ волненіяхъ, принимающихъ боевой характеръ, онъ становится диктаторомъ. Брайсъ совершенно правильно говоритъ, что Авраамъ Линкольнъ поль-

зовался большею властью, чѣмъ какой бы то ни было человѣкъ въ Англіи послѣ Кромвелля, а въ анти-имперіалистской печати постоянно повторяется утвержденіе, что въ филиппинской политикѣ Макъ Кинли и Рузвельтъ присвоили себѣ большія полномочія, чѣмъ тѣ, какими располагаютъ въ Европѣ всѣ монархи, за исключеніемъ русскаго.

Въ двухъ отношеніяхъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ даже въ мирное время стоитъ въ дѣлахъ съ народнымъ представительствомъ на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ, напримѣръ, англійскій король или французскій президентъ. Во-первыхъ, его министерство совершенно независимо отъ настроенія парламента. Большинство въ конгрессѣ можетъ находиться въ рѣшительной оппозиціи къ той партіи, къ которой принадлежитъ президентъ, и это нерѣдко такъ бывало, но это не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на составъ кабинета. Министры являются проводниками политики президента; они лично даже не участвуютъ въ засѣданіяхъ парламента: правительственнаго стола не имѣется ни въ сенатѣ, ни въ палатѣ народныхъ представителей.

Во-вторыхъ, президентъ является не въ меньшей, а въ еще большей мѣрѣ представителемъ народа, нежели конгрессъ. Монархъ, у котораго возникаютъ раздоры съ парламентомъ, вступаетъ въ конфликтъ со своимъ народомъ; французскій президентъ, правда, является избранникомъ народа, но во второй степени,—онъ избранъ при посредничествѣ народныхъ представителей: его избираютъ палаты, и онъ, слѣдовательно, не представляетъ собою воплощенія непосредственной, независимой власти. Напротивъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ является символомъ всей народной воли, взятой въ цѣломъ, по сравненію съ представительствомъ конгресса, раздробленнымъ и находящимся подъ вліяніемъ различныхъ частныхъ интересовъ; поэтому моральная сила находится на его сторонѣ, въ немъ воплощена истинная воля народа, и въ его veto сказывается совѣсть страны. Можетъ показаться удивительнымъ, что республиканская демократія рѣшилась отдать такую огромную власть въ руки одного человѣка; и это можетъ казаться тѣмъ болѣе страннымъ, что въ деклараціи независимости приведенъ полный перечень грѣховъ англійскихъ королей. Но надо принять во вниманіе, что люди, вырабатывавшіе конституцію, стояли передъ новымъ опаснымъ экспериментомъ, въ которомъ они болѣе боялись неизвѣстнаго, еще не испробованнаго фактора—господства массъ, нежели власти одного человѣка; о послѣднемъ же факторѣ, объ административной роли единичныхъ лицъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, позволяла судить—и въ общемъ благопріятно—дѣятельность губернаторовъ отдѣльныхъ штатовъ за время существованія колоній. Важнѣе же всего было то, что

преніями во время обсужденія конституціи руководилъ Георгъ Вашингтонъ, единственный, ни съ кѣмъ несравнимый человѣкъ, который своей смѣлостью и спокойствіемъ, благородствомъ и очаровательностью заставлялъ каждаго представить себѣ, каковъ долженъ быть идеальный президентъ.

Облеченный громаднѣйшею властью, стоитъ, такимъ образомъ, президентъ во главѣ народа. Кто избралъ именно его на это мѣсто изъ тѣхъ сотенъ тысячъ людей, которыхъ ревнивое честолюбіе заставляетъ мечтать о званіи президента, кто его выбралъ и назначилъ на эту выборную должность, высшую изъ всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ? Относительно избранія кандидатовъ конституція не содержитъ никакихъ указаній за исключеніемъ того, что они должны быть уроженцами страны, должны быть не моложе тридцати пяти лѣтъ и должны прожить въ Соединенныхъ Штатахъ не менѣе четырнадцати лѣтъ. Выборъ же самого президента, по конституціи, обставленъ очень сложными формальностями,—гораздо болѣе сложными, чѣмъ того требуютъ дѣйствительныя условія; и въ то время какъ избирательный процессъ неуклонно совершается по буквѣ конституціи, дѣйствительныя условія со времени учрежденія союза настолько измѣнились и усложнились, что созданный тогда механизмъ выборовъ не только оказывается теперь въ извѣстныхъ своихъ частяхъ излишнимъ, но даже иногда противорѣчитъ первоначальнымъ намѣреніямъ и самъ содержитъ внутреннія противорѣчія. Укажемъ хотя бы на главнѣйшіе пункты. Законъ требуетъ, чтобы каждый штатъ посредствомъ народнаго голосованія избралъ извѣстное число выборщиковъ, электоровъ, послѣдніе же большинствомъ голосовъ должны избрать президента. Число электоровъ для каждаго штата равно числу депутатовъ, посылаемыхъ этимъ штатомъ въ обѣ палаты конгресса, т.-е. оно зависитъ отъ количества населенія даннаго штата. Изъ 447 выборщиковъ 36 приходятся на штатъ Нью-Іоркъ, 32 на Пенсильванію, 24 на Иллинойсъ, 23 на Огіо, 15 на Массачузетсъ, и всего по 4 на Колорадо, Флориду и Нью-Гэмпширъ, всего по 3 на Делаваръ, Идаго, Сѣверную Дакоту, Ута и др. Въ случаѣ, если никто изъ кандидатовъ не получаетъ абсолютнаго большинства, палата депутатовъ избираетъ президентомъ одного изъ тѣхъ трехъ кандидатовъ, за которыхъ подано наибольшее количество голосовъ.

Совершенно ясно, какую цѣль преслѣдовали составители конституціи, когда создавали эту сложную процедуру косвенныхъ выборовъ. Выборы не должны были непосредственно совершаться народомъ. Когда при обсужденіи конституціи указывалось на возможность непосредственнаго избранія президента народомъ, одни называли этотъ проектъ химерическимъ,

другіе—непрактичнымъ; третьи сомнѣвались, будетъ ли народъ способенъ избирать даже выборщиковъ, такъ какъ о характерахъ отдѣльныхъ личностей народъ слишкомъ мало освѣдомленъ, а кромѣ того его можно вводить и въ заблужденіе. Недовѣріе доходило до того, что было заявлено: предоставить народу избраніе высшаго должностного лица было бы такъ же мало естественно, какъ поручить слѣпому изслѣдованіе цвѣтовъ. Первопачальный планъ, одобренный собраніемъ, заключается поэтому въ томъ, чтобы избраніе президента было ввѣрено конгрессу, и лишь потомъ принята была система выборовъ посредствомъ электоровъ. При этомъ предполагалось, что народъ изберетъ выборщиками лучшихъ, наиболѣе опытныхъ и осторожныхъ людей страны, а послѣдніе затѣмъ, по личному свободному своему усмотрѣнію, дѣйствуя по совѣсти и крайнему разумѣнію, изберутъ главу государства. Такъ оно и было въ дѣйствительности, когда въ первый разъ были избраны выборщики, подавшіе единодушно голосъ за Вашингтона.

Но какъ обстоитъ дѣло теперь? Точно такъ же, какъ и столѣтъ тому назадъ. Выборщики, благодаря твердо укоренившейся традиціи, абсолютно лишены возможности принимать какое либо самостоятельное рѣшеніе; они такъ же мало активны, какъ записки, на которыхъ напечатаны имена кандидатовъ; они избираются не для того, чтобы рѣшать, а для того, чтобы подать голосъ за опредѣленныхъ лицъ, и въ теченіе ста лѣтъ еще ни одинъ выборщикъ ни разу не злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ. Такимъ образомъ, выборы президента фактически совершаются въ ноябрѣ, въ тотъ день, когда избираются выборщики; Макъ Кинли побѣдилъ, а Брайанъ потерпѣлъ пораженіе 9 ноября 1900 года, хотя въ этотъ день оффиціально ни одинъ избиратель не подалъ голосъ за Брайана или Макъ Кинли, а избирались только не имѣющіе сами по себѣ значенія выборщики, которые лишь въ январѣ продѣлали механическую процедуру оффиціальной подачи голосовъ въ пользу того или другого кандидата на самый постъ президента.

Итакъ, косвенные выборы, предписываемые конституціей, по своему духу давно сдѣлались прямыми, и весь избирательный аппаратъ оказывается излишнимъ. Но мы шли дальше и утверждали, что этотъ аппаратъ сдѣлался не только безцѣльнымъ, но и противнымъ здравому смыслу.

Съ тѣхъ поръ, какъ первоначальное намѣреніе законодателя—создать въ лицѣ электоровъ выборную коллегію изъ лучшихъ людей—оказалось неосуществленнымъ благодаря потребности всего народа въ самоопредѣленіи, избирательный аппаратъ, очевидно, можетъ имѣть только одинъ смыслъ: онъ долженъ служить для выраженія воли большинства народа.

Между тѣмъ достиженію именно этой цѣли можетъ помѣшать система назначенія выборщиковъ. Предположимъ, что на лицо имѣются всего два кандидата. При прямыхъ выборахъ побѣду въ этомъ случаѣ, разумѣется, одержалъ бы тотъ, за котораго подано большее число голосовъ. При системѣ же назначенія выборщиковъ это можетъ быть и не такъ. Дѣло въ томъ, что число выборщиковъ, голосующихъ за каждаго изъ обоихъ кандидатовъ, нисколько не соотвѣтствуетъ числу голосовъ, поданныхъ за ту или другую сторону. Если, напримѣръ, въ штатѣ Нью-Іоркъ три пятыхъ голосовъ подано за одного кандидата, а двѣ пятыхъ за другого, то благодаря перевѣсу первой группы всѣ 36 электоровъ будутъ голосовать въ пользу ея кандидата, противная же сторона не проведетъ ни одного своего выборщика. При этомъ можетъ случиться, что кандидатъ, имѣющій на своей сторонѣ всѣхъ выборщиковъ извѣстныхъ штатовъ, получилъ въ этихъ штатахъ лишь незначительное большинство голосовъ, противникъ же въ тѣхъ штатахъ, которые голосовали за него, избранъ подавляющимъ большинствомъ, и тогда въ результатѣ оказывается, что большинство электоровъ голосуютъ за того, за кого подало голосъ меньшинство избирателей. И дѣйствительно, Гайесъ въ 1877 году и Гаррисонъ въ 1889 году были на точномъ основаніи конституціи избраны въ президенты меньшинствомъ голосовъ.

Если, такимъ образомъ, избиратели формально и избираютъ только выборщиковъ отъ своего штата, то фактически ихъ голоса все же подаются за того или другого кандидата на постъ президента. Во время выборовъ 1901 года 292 электора подали голосъ за Макъ Кинли и 155 за Брайана; за электоровъ, стоявшихъ на сторонѣ Макъ Кинли было подано на 832.280 голосовъ больше, чѣмъ за сторонниковъ Брайана. Здѣсь возможны вопросы: почему теперь не избирается, какъ во времена Вашингтона, лучшій человѣкъ единогласно, всѣмъ народомъ? или: чѣмъ объяснить, что хотя со времени ухода Вашингтона ни разу не было принято народомъ единогласнаго рѣшенія, однако практически никогда не приходится считаться болѣе, чѣмъ съ двумя кандидатами?—но на эти вопросы отвѣтъ намъ давно извѣстенъ. Для этого-то мы прежде всего и говорили подробно о партіяхъ, чтобы сразу освѣтить задній планъ. Именно партіи дѣлаютъ невозможнымъ избраніе президента безъ борьбы, и онѣ уже въ 1797 году, когда предстояло назначить преемника Вашингтону, разбили народъ на сторонниковъ Джефферсона и сторонниковъ Адамса. Но, съ другой стороны, именно партіи стараются о томъ, чтобы не было дробленія, чтобы при президентскихъ выборахъ все многомилліонное населеніе сгруппировалось подъ двумя знаменами и чтобы, такимъ образомъ, на аренѣ никогда

не выступало менѣе двухъ серьезныхъ кандидатовъ, но за то, чтобы ихъ никогда не было и болѣе двухъ.

День президентскихъ выборовъ является важнымъ моментомъ для обѣихъ большихъ партій съ ихъ центральными и мѣстными комитетами, съ ихъ дѣятелями—профессіональными и работающими изъ чести, съ ихъ вожаками и ихъ массами,—для всѣхъ, кто въ политикѣ находитъ интересъ или выгоду, приближеніе къ идеалу или спортсменское наслажденіе. Въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ руководители партій напередъ строили комбинаціи, интриговали, разсчитывали. Въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ сторонники предполагаемыхъ кандидатовъ старались создать посредствомъ газетъ благопріятное для нихъ настроеніе въ публикѣ. Однако, и здѣсь, разумѣется, народомъ совершается не только самое избраніе, но и назначеніе кандидатовъ. Въ ноябрѣ происходятъ выборы, а въ іюнѣ, приблизительно, собираются національные конвенты, избирающіе кандидатовъ отъ партіи. Каждый штатъ посылаетъ отъ себя делегацію, число членовъ которой должно быть вдвое больше, чѣмъ число депутатовъ отъ того же штата въ конгрессѣ. Каждая делегація бываетъ избрана собраніемъ уполномоченныхъ, которые, въ свою очередь, предварительно избираются на мѣстахъ занесенными въ партійные списки членами партіи. Въ этихъ національныхъ конвентахъ происходитъ рѣшительная борьба внутри партіи, и здѣсь опредѣляется направленіе національной политики: это—часъ испытанія для партіи и для ея героевъ. Во время выборной борьбы 1901 года стояли другъ противъ друга Макъ Кинли и Брайанъ. На ихъ избраніи конвентами интересно прослѣдить два типичныхъ пути, какими партіи приходятъ къ своимъ рѣшеніямъ.

Макъ Кинли постепенно завоевалъ свое положеніе въ партіи. Онъ былъ искуснымъ политикомъ, интереснымъ руководителемъ конгрессовъ, симпатичнымъ человѣкомъ, не имѣющимъ враговъ. Въ 1888 году, когда республиканскій національный конвентъ засѣдалъ въ Чикаго, онъ былъ членомъ делегаціи отъ Огіо, которая должна была отстаивать кандидатуру Джона Шермана. Пять разъ происходило голосованіе, и ни одному кандидату не удавалось получить большинства. При шестомъ голосованіи одинъ голосъ былъ поданъ за Макъ Кинли, и заявленіе объ этомъ было встрѣчено съ восторгомъ. Казалось, что сейчасъ наступитъ неожиданный поворотъ, делегаціи съ громкими выраженіями восторга переходили на его сторону; тогда онъ вскочилъ на стулъ и закричалъ, что никто не долженъ подавать голосъ за него, если не желаетъ его обидѣть, такъ какъ для него долгъ чести—стоять за Шермана. Въ концѣ концовъ произошло соглашеніе и избранъ былъ Веньяминъ Гаррисонъ. Спустя четыре года на конвентѣ въ Миннеаполисѣ

Макъ Кинли былъ предсѣдателемъ собранія, и снова наступило искушеніе; противники Гаррисона хотѣли помѣшать новому его избранію тѣмъ, что рѣшили голосовать за депутата отъ Огіо, но и здѣсь опять самъ Макъ Кинли употребилъ свое вліяніе для того, чтобы настроить собраніе въ пользу Гаррисона. Лишь въ 1896 году насталъ и его часъ; въ національномъ конвентѣ въ С. Луи уже при первомъ голосованіи 661 голосъ былъ поданъ за Макъ Кинли, и всего 84 за Томаса Рида, 61 за Кея, 58 за Мартона и 35 за Аллисона, а въ 1900 году, въ національномъ конвентѣ въ Филадельфіи сразу всѣ голоса были поданы за него, и ни одного—противъ него. Это было постепенное, увѣренное и заслуженное повышеніе со ступеньки на ступеньку, достигнутое неустанною работою на пользу партіи и страны.

Брайанъ былъ неизвѣстнымъ молодымъ адвокатомъ, который нѣсколько лѣтъ въ качествѣ заурядnаго депутата засѣдалъ въ палатѣ народныхъ представителей и былъ горячимъ сторонникомъ биметаллизма. Въ 1896 году, когда національный конвентъ демократовъ собрался въ Чикаго, его знали очень немногіе. Но это было замѣчательное время для демократіи. Четырьмя годами раньше она торжествовала побѣду, Клевелендъ одержалъ верхъ надъ Гаррисономъ, но сама партія не получила удовлетворенія отъ этой побѣды. Упрямый, своевольный Клевелендъ, систематически наносившій удары конгрессу, утратилъ живую связь съ партіей; нигдѣ на горизонтѣ не видно было новаго вождя и казалось, что послѣ ухода Клевеленда, обладавшаго способностями истиннаго государственнаго дѣятеля, все дѣло перейдетъ въ руки мелкихъ политиковъ-интригановъ, не имѣющихъ ни опредѣленныхъ идей, ни программы. Партія чувствовала потребность въ сильной личности. Въ этотъ моментъ выступилъ Брайанъ, желавшій привлечь партію на сторону своей программы въ пользу серебряной валюты. Его доводы были не новы, его крылатыя слова были заучены, но—въ немъ найдена была, наконецъ, обаятельная личность, налѣленная страстью, которая, казалось, можетъ все испепелить, надѣленная голосомъ, который звучалъ какъ органъ, и когда онъ воскликнулъ: — «Нельзя пригвождать человѣчество къ золотому кресту» — всѣ были потрясены, какъ будто произошло событіе огромной важности; онъ былъ избранъ кандидатомъ, и спустя шесть мѣсяцевъ, шесть съ половиною милліоновъ избирателей голосовали за Брайана противъ семи милліоновъ, подавшихъ голосъ за Макъ-Кинли. И увлеченіе серебряной валютою не прошло и послѣ перваго пораженія. Когда демократы снова засѣдали въ 1900 году, всѣ старанія той группы ихъ, которая стояла за золотую валюту, были напрасны; краснорѣчивый защитникъ серебра снова былъ поднятъ на щитъ, и лишь послѣ второго по-

раженія произошло пробужденіе демократическихъ массъ; игра Брайана была окончена, и для слѣдующихъ президентскихъ выборовъ демократіи предстояло радикально измѣнить свою программу.

Такимъ путемъ президенты націи являются органическимъ продуктомъ партійнаго строя, а партіи, съ своей стороны, исполненіе высшей своей задачи находятъ въ томъ, чтобы на постъ президента провести своего сторонника. Организованный въ партіи народъ и единый глава націи представляютъ двѣ стороны одного цѣлаго: это—широкое основаніе и вершина пирамиды. Только смерть можетъ нарушить рѣшеніе народа, и она уничтожила, спустя немного мѣсяцевъ, результаты выборовъ 1901 года. Уже въ сентябрѣ этого года гнусное злодѣяніе польскаго анархиста Чолгоша положило конецъ правленію Макъ-Кинли, и въ Бѣлый домъ, во дворецъ президента, переселился, согласно конституціи, человѣкъ, избранный народомъ на мало замѣтную вторую должность—должность вице-президента.

Вице-президентская должность является, съ точки зрѣнія политической логики, самою слабою частью американской политической системы. Въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ замѣщеніе ея уже рано стало создавать различныя затрудненія, и уже рано относящіяся къ ней статьи конституціи подверглись полной переработкѣ. Въ первоначальной своей формѣ конституція требовала, чтобы должность вице-президента доставалась тому, кто на президентскихъ выборахъ окажется вторымъ по количеству поданныхъ голосовъ. Это вполнѣ отвѣчало духу того времени, когда ничего еще не знали о системѣ двухъ партій, и когда предполагалось, что выборщики, не имѣющіе никакихъ инструкцій отъ избирателей, просто будутъ стараться выбирать самыхъ лучшихъ людей. Но какъ только создалось дѣленіе на партіи, это постановленіе неизбѣжно стало вести къ тому, что вице-президентомъ долженъ всегда быть кандидатъ, выставленный побѣжденною партіей на постъ президента, и что, слѣдовательно, президентъ и вице-президентъ всегда должны являться представителями различныхъ партій съ ихъ противоположными направленіями. Этотъ политическій абсурдъ былъ устраненъ посредствомъ измѣненія конституціи: постановлено, чтобы каждый выборщикъ подавалъ отдѣльно голосъ за президента и вице-президента, и избраннымъ на должность вице-президента считался тотъ, за кого именно для этой должности подано большинство голосовъ. Съ тѣхъ поръ какъ внесено это измѣненіе, объ должности неизмѣнно замѣщались кандидатами одной и той же партіи.

Тѣмъ не менѣе положеніе оставалось неудовлетворительнымъ, и причины этого ясны. Пока президентъ исполняетъ

свою должность, вице-президентъ осужденъ конституціей на бездѣятельную, чисто-декоративную роль. Его назначеніе—предсѣдательствовать въ сенатѣ, и эта обязанность выполняется молча; благодаря особымъ условіямъ, господствующимъ въ сенатѣ, политическое значеніе предсѣдателя сената нисколько не похоже на то значеніе, которое имѣетъ, напримѣръ, спикеръ въ палатѣ народныхъ представителей. Такъ какъ, съ другой стороны, на должность президента почти всегда избираются люди въ расцвѣтѣ силъ, то совершенно не приходится считаться и съ возможностью, что президентъ умретъ до истеченія срока его полномочій. Результатомъ всего этого является то, что для незначительной, пассивной роли вице-президента охотно выбираютъ второразрядныхъ дѣятелей, много потрудившихся на пользу партіи, которымъ это избраніе должно послужить почетомъ и утѣшеніемъ, или кандидатура которыхъ въ силу какихъ либо побочныхъ соображеній усиливаетъ шансы партіи на побѣду. Не случайностью объясняется тотъ фактъ, что въ то время какъ въ отдѣльныхъ штатахъ вице-губернаторъ при слѣдующихъ выборахъ часто становится губернаторомъ, ни одинъ вице-президентъ до сихъ поръ не сдѣлался президентомъ посредствомъ избранія.

И если наступаетъ непредусмотрѣнный случай — смерть президента, то у кормила правленія оказывается человѣкъ, котораго, собственно, никто не желалъ видѣть на этой должности. Пять разъ случалось, что умиралъ глава націи, притомъ четыре раза даже вскорѣ послѣ вступленія въ должность, такъ что вице-президентамъ приходилось почти по четыре года управлять судьбами страны. Въ 1841 году, какъ только Тайлеръ вступилъ на мѣсто Гаррисона, у него тотчасъ начались недостойные конфликты съ избравшею его партіей виговъ; послѣ убіенія Линкольна, въ 1865 году, когда бразды правленія принялъ Джонсонъ, его собственной, республиканской партіи приходилось сожалѣть, что она сдѣлала этого вспыльчиваго человѣка вице-президентомъ; преемникъ Гарфильда, убитаго въ 1881 году, Артуръ, въ концѣ-концовъ удовлетворительно справился со своею задачею, но вся страна первоначально испытала чувство испуга, когда увидѣла, что заурядный профессіональный политикъ сталъ на мѣсто Гарфильда, съ избраніемъ котораго было связано столько надеждъ.

Послѣ смерти Макъ Кинли на его мѣсто сталъ вице-президентъ, съ которымъ дѣло въ одномъ отношеніи обстояло совсѣмъ иначе: если существовалъ когда нибудь человѣкъ, рожденный для должности президента, такъ это Теодоръ Рузвельтъ. Однако и при его избраніи рѣшительно не имѣлось въ виду, что онъ можетъ занять постъ президента, и когда этотъ моментъ наступилъ, то вся страна вначалѣ снова испытала такое чувство,

какъ будто совершилось нѣчто, чего абсолютно нельзя было предвидѣть. Друзья Рузвельта требовали отъ него въ качествѣ жертвы, чтобы онъ принялъ неблагодарную должность замѣстителя, потому что они знали, что его имя, покрытое свѣжею военною славой предводителя иррегулярной кавалеріи, будучи выставлено республиканскою партіей, вѣрнѣе всего поможетъ партіи Макъ Кинли одержать побѣду. Съ другой стороны, его противники, несмотря на его упорное сопротивленіе, принудили этого энергичнаго, своевольнаго человѣка выступить кандидатомъ; они пустили въ ходъ для этой цѣли всѣ средства, которыми располагаетъ аппаратъ партіи, потому что, во-первыхъ, хотѣли избавиться отъ него въ штатѣ Нью-Іоркъ, гдѣ онъ въ качествѣ губернатора мѣшалъ жить шаблоннымъ политикамъ, и во-вторыхъ потому, что въ разсчетѣ на традицію, которая разъ навсегда обрѣзаетъ крылья вице-президенту, надѣялись такимъ образомъ сдѣлать невозможною его кандидатуру на постъ президента въ 1904 году. О смерти Макъ Кинли не думали при этомъ ни друзья, ни враги. Друзья разсчитали правильно: герой Санъ Жуана доставилъ партіи побѣду. Противники же оказались обманутыми не только въ конечномъ результатѣ, но и съ самаго начала. Губернаторомъ Нью-Іорка сдѣлался Оделль, который, неожиданно для всѣхъ, вступилъ въ еще болѣе рѣшительную борьбу съ интригами политическихъ дѣятелей, а съ другой стороны импульсивная натура Рузвельта скоро подсказала ему пути для того, чтобы и въ качествѣ вице-президента нарушить традиціонное молчаніе и всегда играть видную роль. Вопреки всѣмъ традиціямъ, на этотъ разъ вице-президентъ, безъ сомнѣнія, оказался бы при слѣдующихъ выборахъ кандидатомъ въ президенты. И если преступленіе, совершенное въ Буффало, опрокинуло всѣ разсчеты политическихъ дѣятелей, то и на почитателей Рузвельта оно произвело впечатлѣніе чего-то трагическаго, рокового: онъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы собственными силами достигнуть президентскаго мѣста, и вдругъ оно досталось ему почти какъ подарокъ, по прихоти случая. Только слѣдующіе выборы могутъ вознаградить его за эту несправедливость. *)

Біографія его въ общихъ чертахъ всѣмъ извѣстна. Рузвельтъ родился въ Нью-Іоркѣ въ 1858 году; его отецъ, состоятельный коммерсантъ, былъ извѣстенъ въ качествѣ филантропа; семья происходила отъ стараго голландскаго рода. Получивъ первоначальное образованіе въ частныхъ школахъ, Рузвельтъ изучалъ затѣмъ въ Гарвардѣ главнымъ образомъ политическую экономію и исторію, путешествовалъ по Европѣ и, едва достигнувъ двадцати-

*) Какъ извѣстно, въ 1905 году Рузвельтъ и былъ снова избранъ президентомъ.

Прим. перев.

четырехлѣтняго возраста, отдался политической дѣятельности. Вскорѣ онъ завоевалъ себѣ мѣсто среди республиканской партіи въ законодательномъ собраніи штата Нью-Іоркъ и здѣсь началъ свою неустанную борьбу за реформы въ управленіи города и штата. Въ 1889 г. президентъ Гаррисонъ назначилъ его комиссаромъ національной гражданской службы, а въ 1895 году онъ отказался отъ этой должности ради мѣста директора полиціи въ Нью-Іоркѣ; но уже спустя два года онъ снова былъ призванъ изъ сферы городской дѣятельности къ національной работѣ; онъ былъ назначенъ младшимъ статсъ-секретаремъ флота. Административная дѣятельность его всегда сопровождалась литературною и научною работою въ области исторіи. Свою карьеру писателя онъ началъ этюдами по исторіи флота и выдающимися біографіями американскихъ государственныхъ дѣятелей. Въ 30 лѣтъ онъ написалъ первую часть своего главнаго труда о завоеваніи Запада, а въ промежуткахъ между научными работами онъ не разъ выпускалъ сборники живыхъ разсказовъ, посвященныхъ его охотамъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Впослѣдствіи къ этимъ сборникамъ присоединились еще томы, въ которыхъ собраны его статьи по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ.

Наступила испанская война, и младшій статсъ-секретарь не пожелалъ оставаться за письменнымъ столомъ въ то время, когда другіе ведутъ борьбу на полѣ сраженія. Вокругъ него образовался конный полкъ добровольцевъ, въ который вошли самые смѣлые наѣздники изъ отчаянной крестьянской молодежи прерій и въ то же время сыновья самыхъ знатныхъ семействъ Нью-Іорка и Бостона. Другъ Рузвельта, Вудъ, состоявшій на дѣйствительной военной службѣ, сдѣлался полковникомъ этого скоро прославившагося полка, а самъ Рузвельтъ—подполковникомъ. При Санъ Жуанѣ они взяли приступомъ холмы, и черезъ нѣсколько дней Вудъ былъ генераломъ, а Рузвельтъ полковникомъ.

Родной городъ Нью-Іоркъ встрѣтилъ его при возвращеніи съ восторгомъ, и спустя немного мѣсяцевъ онъ, въ качествѣ губернатора штата, поселился въ Альбани. Съ безстрашною энергіей проводилъ онъ здѣсь непопулярныя реформы и боролся противъ захватовъ, совершаемыхъ промышленными и торговыми компаніями. Его личнымъ желаніемъ было сохранить за собою мѣсто губернатора еще на два года; но благодаря искусной игрѣ его восточныхъ противниковъ и западныхъ поклонниковъ ему на національномъ конвентѣ въ Филадельфіи въ іюнѣ 1900 г. была навязана кандидатура на постъ вице-президента. 14 сентября 1901 г. онъ принесъ въ Буффало присягу въ качествѣ президента.

Къ искренней печали, охватившей всю страну послѣ смерти Макъ Кипли, примѣшивалось молчаливое безпокойство о будущемъ. Нація наслаждалась достигнутымъ миромъ, и вдругъ во главѣ ея оказывается импульсивный предводитель конницы, съ боевымъ знаменемъ въ рукѣ. Нація переживала такой періодъ экономическихъ движеній, когда прежде всего требовалось одно,—чтобы въ роли вождя и примирителя явился зрѣлый, спокойный человѣкъ, лично пользующійся довѣріемъ и уваженіемъ всѣхъ круговъ; и вдругъ на мѣстѣ консервативнѣйшаго государственнаго дѣятеля оказывается человѣкъ съ юношескою, горячей головой, стоящій вдали отъ экономической жизни, человѣкъ, который уже давно заслужилъ нелюбовь партійныхъ дѣятелей, и отъ котораго, казалось, даже поклонники считали возможнымъ ожидать всякихъ поспѣшныхъ, своевольныхъ, необдуманныхъ дѣйствій. Фантазія массъ слишкомъ привыкла благодаря газетнымъ иллюстраціямъ представлять себѣ Рузвельта въ военной формѣ, штурмующимъ непріятельскіе холмы. Люди забывали о томъ, какъ долго онъ выполнялъ тихую, упорную работу директора полиціи въ самомъ большомъ городѣ страны; забывали, что начиная съ перваго семестра въ Гарвардѣ каждый день его жизни служилъ подготовкой къ общественной работѣ и былъ посвященъ глубокому изученію политическаго, соціальнаго и экономическаго положенія его страны; забывали, что оружіе онъ держалъ въ рукахъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, а перо историка — въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ. Въ первомъ же своемъ торжественномъ словѣ Рузвельтъ далъ обѣтъ неизмѣнно продолжать политику своего предшественника, направленную къ миру, благоденствію и чести для націи, но люди слишкомъ живо чувствовали, что опытностью Макъ Кинли, его зрѣлостью и вліяніемъ въ партіи не можетъ располагать никакой его преемникъ.

Безъ борьбы дѣло не обошлось. Все снова и снова раздавались обвиненія и упреки изъ среды собственной партіи; это не могло быть иначе, да и не должно было быть иначе. Но кто смотритъ не на частности, а на все взятое въ цѣломъ, тотъ знаетъ, что Рузвельтъ въ первые годы своего управленія одержалъ такую побѣду, которая была гораздо болѣе трудною, а потому и гораздо болѣе блестящею, чѣмъ побѣда надъ испанскими войсками. Что бы ни думали о немъ партіи, онъ добился довѣрія всего народа и сохранилъ его.

Три главныхъ качества играли здѣсь важную роль и уничтожили всякое мелочное сопротивленіе. Народъ чувствовалъ, что здѣсь имѣется на лицо нравственная сила, которая болѣе могущественно пролагала себѣ путь, чѣмъ всѣ политическія хитрости и дипломатическія уловки. Здѣсь дѣйствовало непо-

средственное этическое начало, для котораго идеалъ важнѣе партіи, для котораго внутренняя цѣнность значитъ больше, чѣмъ внѣшняя побѣда. Къ этому присоединяется, въ качествѣ второго элемента, смѣлость Рузвельта. Чисто-нравственное начало, стоящее выше всякихъ противорѣчій, составляло для него не только сущность личной вѣры, но служило и побужденіемъ къ дѣйствію, при томъ такъ, что собственная опасность совершенно не принималась во вниманіе. Недостаточно еще чтить правое дѣло; не менѣе необходимо и вступаться за правое дѣло безъ страха и сомнѣнія,—таковъ былъ основной тонъ его рѣчей. Въ этомъ смыслѣ онъ всегда шелъ впереди, и если политическія условія вынуждали часто президента идти на уступки, чтобы обезпечить достижимые результаты, то народъ все же все съ большею вѣрою чувствовалъ, что въ серьезныя минуты онъ ни на волосъ не отступалъ отъ основныхъ своихъ убѣжденій и имѣлъ мужество рѣшительно отстаивать свои взгляды.

Хотѣлъ того, что надо, и Макъ Кинли. Обнаруживать большое мужество ему почти не представлялось случая, потому что, будучи чрезвычайно искуснымъ политикомъ, онъ умѣлъ избѣжать всякаго конфликта со своими сторонниками и всегда являлся вождемъ на такихъ путяхъ, на которые и безъ того устремлялись массы; поэтому массы и не чувствовали, что онъ, въ сущности, совсѣмъ не былъ мужественнымъ и всегда перелагалъ отвѣтственность на другихъ. А что умныя, гладкія рѣчи Макъ Кинли не всегда были искренни,—это массы чувствовали инстинктивно; слова здѣсь служили завѣсою, скрывавшею то, что совершалось за наполеоновскимъ лбомъ. И вдругъ на смѣну является энтузіастъ, который откровенно говоритъ все, что думаетъ, слова котораго такъ убѣдительны своей искренностью, такъ ясны и свободны отъ заднихъ мыслей, что всякій человѣкъ испытывалъ такое чувство, какъ будто президентъ лично ему оказалъ особое довѣріе.

Но къ нравственной строгости, смѣлости и искренности присоединялось еще много другихъ чертъ, которыя помогли Рузвельту одержать побѣду по всей линіи. Его свобода отъ предразсудковъ привлекла къ нему низшіе слои народа, аристократическое образованіе притягивало высшіе, а любовь къ спорту завоевала ему симпатіи среднихъ. Дѣйствительно, ни одинъ президентъ не былъ болѣе свободенъ отъ предразсудковъ и болѣе демократиченъ: съ горнорабочимъ онъ обращался точно такъ же, какъ съ владѣльцемъ рудниковъ, негра онъ приглашалъ въ Бѣлый домъ, съ погонщиками коровъ онъ садился за одинъ столъ, а во время своихъ путешествій онъ по прибытіи всегда прежде пожималъ измазанную сажей руку машиниста, а затѣмъ уже обращался къ ожидавшимъ его господамъ въ

цилиндрахъ. И тѣмъ не менѣе за цѣлыя десятилѣтія онъ былъ первымъ дѣйствительнымъ аристократомъ, занимавшимъ президентское мѣсто. Даже самыя перемѣны, произведенныя имъ въ Бѣломъ домѣ, казались типичными. Постоянное жилище президентовъ до вступленія въ должность Рузвельта представляло по своему внутреннему устройству скучное сочетаніе голаго присутственнаго мѣста, частной квартиры средняго буржуа и холодныхъ залъ для пріемовъ; въ настоящее время это—красивый дворецъ, дающій много чисто-художественныхъ впечатлѣній, и въ погонѣ за мѣстами уже нельзя болѣе проникать во внутреннія его помѣщенія. Честными филистерами были, собственно, предшественники Рузвельта,—эти Макъ Кинли, Гаррисоны и Клевеленды. Они принадлежали ко второму слою населенія, совершенно отличному отъ перваго, въ которомъ до новѣйшаго времени мало интересовались практической политикой и больше удѣляли вниманія внутренней культурѣ и критикѣ, литературѣ и искусству, экономическому развитію въ крупномъ масштабѣ и утонченному общенію. Лишь недавно и въ этихъ кругахъ, наконецъ, начали чувствовать, что недостаточно относиться съ презрѣніемъ къ политическимъ злоупотребленіямъ и подальше сторониться отъ нихъ, но что надо и самимъ вступить съ ними въ борьбу: благородные слишкомъ долго вѣрили въ наемное политическое войско.

Первымъ изъ этихъ рядовъ, кто достигъ положенія вождя, былъ Рузвельтъ. Не только благородство характера, но и благородство традиціонной культурности проникаетъ всю его натуру, и никогда еще онъ въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ не ссылался на нивеллирующую декларацію независимости. И если его рѣчи въ болѣе тѣсномъ кругу, на банкетахъ или серьезныхъ засѣданіяхъ, производятъ такое чарующее впечатлѣніе—гораздо болѣе чарующее, чѣмъ сильныя рѣчи, обращенныя съ трибуны къ массамъ избирателей,—то здѣсь часто играетъ роль не столько оригинальность мысли и даже не горячность единственной въ своемъ родѣ манеры говорить, сколько общая культурная точка зрѣнія, которая господствуетъ надъ политическимъ мышленіемъ. Поэтому онъ тѣмъ болѣе выигрываетъ, чѣмъ болѣе тѣсенъ кругъ, въ которомъ онъ говоритъ, и кому случалось вести съ нимъ серьезную бесѣду наединѣ, тотъ чувствуетъ, что здѣсь благородный образъ мыслей, широта историческаго кругозора и увѣренность, даваемая силой, соединились для того, чтобы создать личность крупнаго калибра.

Такое же глубокое впечатлѣніе, какъ на собственный народъ, произвела эта личность и на другіе народы. Въ тотъ моментъ, когда Соединенные Штаты, благодаря территоріальному и экономическому росту, заняли положеніе міровой державы, во главѣ

ихъ всталъ президентъ, личность котораго впервые за цѣлые десятки лѣтъ могла импонировать европейскимъ народамъ и приковать къ себѣ ихъ вниманіе. И для того, чтобы этотъ моментъ былъ полностью использованъ, недостаточно было вождю возбуждающе дѣйствовать на газетныхъ читателей и привлечь на себя взоры массъ своею импульсивностью и своеволіемъ, своими красивыми жестами и увлекательными рѣчами; для этого надо было, чтобы онъ вызвалъ симпатію самыхъ высшихъ избранныхъ людей, чтобы равнымъ себѣ его почувствовали и монархи. Этого чувства не вызвалъ бы и второй Линкольнъ, а между тѣмъ именно это и было то новое, что было необходимо. Интернаціональное политическое положеніе должно было найти и соотвѣтственное соціальное выраженіе; надо было, чтобы народы привѣтствовали новаго товарища не только въ канцеляріи, но и въ гостиной. И здѣсь молодой президентъ оказался самымъ подходящимъ человѣкомъ; изящное слово, тактъ и изобрѣтательность, благородное гостепріимство—всѣмъ этимъ онъ располагалъ въ полной мѣрѣ.

Кто приступаетъ къ дѣлу такъ энергично, тотъ долженъ многихъ задѣть; кто интересуется столь многимъ, тотъ долженъ многое нарушить, что хотѣло бы остаться въ покоѣ; кто всегда искрененъ, тотъ долженъ имѣть противниковъ. Что у Рузвельта есть недостатки, составляющіе оборотную сторону его достоинствъ, этого никто не можетъ отрицать, и недостатки эти не остались безъ результатовъ. Правда, демократическіе обычаи страны уменьшаютъ сами собою ту опасность, которой легко подвергаются люди такого типа, какъ Рузвельтъ. Такъ, напримѣръ, онъ живетъ въ средѣ, которая, конечно, не побоится сказать ему полную правду; всякая критика достигаетъ его уха. Не менѣе важно и другое обстоятельство: демократія принуждаетъ всякаго оставаться въ предѣлахъ тѣхъ полномочій, для которыхъ онъ избранъ націей. Такой чрезмѣрно живой умъ, какъ умъ Рузвельта, рѣшаетъ по своему самые различные вопросы, и исключительное положеніе, достигнутое имъ въ политическомъ мірѣ, первоначально ввело его въ искушеніе и заставило придавать и въ другихъ областяхъ исключительную цѣну своимъ сужденіямъ. Но здѣсь традиція страны оказалась непобѣдимой; эта традиція не знаетъ президента въ качествѣ авторитета во всѣхъ вопросахъ культуры, а знаетъ только политическаго руководителя, взгляды котораго внѣ области политики остаются частнымъ мнѣніемъ, не имѣющимъ никакого особеннаго вліянія. Въ другихъ отношеніяхъ его научилъ кое-чему опытъ. Безспорно, онъ слишкомъ низко цѣнилъ значеніе вождей партій и сенаторовъ, когда поселялся въ Бѣломъ домѣ, и безмолвное сопротивленіе, встрѣченное имъ за кулисами, дало

ему не одинъ чувствительный урокъ. При выполненіи многихъ завѣтныхъ его желаній ему искусственно создавали оппозицію только для того, чтобы дать почувствовать своевольному господину, что и ему могутъ ставить препятствія, если онъ не согласится пойти на значительныя уступки, и эти предостереженія, въ сущности, не принесли вреда; Рузвельтъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы благодаря имъ попасть въ зависимость отъ партіи—зависимость, съ какою мирился, напримѣръ, Макъ Кинли; зависимость отъ партіи не мѣшала проявленію въ немъ того прямолинейнаго самовластія, чуждаго американскому партійному духу, которое принесло столько вреда въ послѣдніе годы управленія Клевеленда. Можно почти сказать, что результатомъ было идеальное сочетаніе послѣдовательности Клевеленда и приспособляемости Макъ Кинли.

Такимъ образомъ, для партійныхъ фанатиковъ Рузвельтъ оказывался слишкомъ самостоятельнымъ, для противниковъ партій—слишкомъ податливымъ. И нападки крайнихъ элементовъ повторялись съ обѣихъ сторонъ во всѣхъ прочихъ областяхъ, потому что всюду онъ состоялъ не на вышкѣ партіи, а выше ея. Если въ борьбѣ капитала и труда онъ серьезно считался съ справедливыми жалобами рабочихъ, то ему придавали кличку соціалиста, а если онъ не соглашался содѣйствовать немедленному уничтоженію трестовъ, то о немъ говорили, что онъ идетъ на помочахъ у биржи. Если на Югѣ онъ назначалъ на государственную службу людей независимо отъ принадлежности ихъ къ той или другой партіи, то негодовали республиканцы; когда же онъ не хотѣлъ участвовать въ несправедливостяхъ, творимыхъ на Югѣ по отношенію къ неграмъ, то въ неистовство приходили демократы. Но въ общемъ итогѣ все же оправдалось слово президента Гайеса: лучше всего служитъ партіи тотъ, кто лучше всего служитъ странѣ. При Рузвельтѣ его собственная, республиканская партія стала глубже вникать въ свои задачи, сдѣлалась выше и нравственнѣе, чѣмъ была раньше — и именно благодаря тому, что онъ не потакалъ ей безразсудно во всемъ; а вся страна еще никогда не имѣла болѣе способныхъ чиновниковъ, болѣе преданныхъ своему долгу и болѣе подготовленныхъ къ его выполненію.

Здѣсь игралъ существенную роль еще одинъ моментъ. Рузвельтъ, пожалуй, не обладалъ въ вопросахъ законодательства такимъ обширнымъ опытомъ, какъ Макъ Кинли; мели и подводныя скалы въ фарватерѣ конгресса были ему незнакомы. Но для исполнительной власти, для управленія гражданскимъ вѣдомствомъ, арміей и флотомъ, для разрѣшенія вопросовъ, касающихся отдѣльныхъ штатовъ, города и деревни, у него была подготовка, идеальною школой которой послужили его годы

ученія и путешествій; а позади практическихъ навыковъ стояли твердыя знанія историка. Америкѣ благопріятствовало ея постоянное счастье, когда мефистофели республиканской партіи принудили нью-іоркскаго губернатора, котораго боялись, принять неблагодарную должность вице-президента; если бы исполнились желанія лучшихъ людей, то у кормила правленія послѣ смерти Макъ Кинли оказался бы какой нибудь шаблонный политикъ, а не лучшій изъ всѣхъ президентовъ, какихъ страна въ теченіе многихъ лѣтъ видѣла въ Бѣломъ домѣ.

Непосредственно вокругъ президента группируется кабинетъ; въ выборѣ своихъ совѣтниковъ президентъ онъ пользуется полною свободой. О вліяніи большинства палаты на составъ министерства, какъ это мы видимъ въ Англіи или Франціи, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Клевелендъ, напримѣръ, послѣ вторичнаго своего избранія самымъ подборомъ своихъ министровъ какъ бы возвѣстилъ, что будетъ идти собственнымъ путемъ, не считаясь съ мнѣніемъ главарей и вожаковъ партіи. Портфель военнаго министра онъ отдалъ своему бывшему личному секретарю, министромъ почтъ назначилъ своего товарища, съ которымъ раньше сообща владѣлъ адвокатской конторой; министерство юстиціи поручилъ юристу, который никогда не интересовался политикой; министерство земледѣлія—своему личному другу, а министерство иностранныхъ дѣлъ—человѣку, который лишь незадолго передъ тѣмъ перешелъ изъ рядовъ республиканцевъ къ демократамъ, сторонникамъ Клевеленда. Морское министерство и министерство финансовъ—вотъ единственныя вѣдомства, которыя были поручены извѣстнымъ дѣятелямъ партіи. Отъ Макъ Кинли, сообразно его натурѣ, надо было ожидать противоположнаго образа дѣйствій: находясь во главѣ страны, онъ все же оставался первымъ слугою партіи, и какъ своимъ успѣхомъ онъ въ значительной степени былъ обязанъ хорошимъ отношеніямъ со всѣми руководящими элементами конгресса, такъ и успѣхъ его кабинета былъ обусловленъ тѣмъ, что въ него вошли только люди, давно уже пользовавшіеся довѣріемъ партіи. Рузвельтъ прежде всего исполнилъ актъ благочестія въ политикѣ, оставивъ на первыхъ порахъ министерство неизмѣненнымъ; въ то же время этимъ онъ сдѣлалъ и важный шагъ для успокоенія общественнаго мнѣнія, которое отъ его темперамента ожидало самыхъ невозможныхъ вещей. Однако постепенно совершились характерныя перемѣны въ кабинетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ управленіе Рузвельта создалось новое министерство, министерство торговли и труда; оно было поручено Кортлью, который въ качествѣ секретаря двухъ президентовъ своей ловкостью, осторожностью и трудолюбіемъ не мало способствовалъ успѣхамъ

Бѣлаго дома. По всей вѣроятности, скоро представится необходимость и въ учрежденіи министерства колоній.

Старшимъ по порядку министромъ считается статсъ-секретарь, министръ иностранныхъ дѣлъ, къ которому переходятъ полномочія президента въ случаѣ, если самъ президентъ и вице-президентъ не въ состояніи почему либо выполнять свои обязанности. Онъ несетъ отвѣтственность за дипломатическое и консульское представительство Соединенныхъ Штатовъ, и онъ одинъ ведетъ сношенія съ представителями другихъ державъ въ Вашингтонѣ. Черезъ его же посредство ведутся сношенія между президентомъ и правительствами отдѣльныхъ штатовъ, входящихъ въ Союзъ. Онъ опубликовываетъ законы, устанавливаемые конгрессомъ, и долженъ скрѣплять своей подписью распоряженія президента. Онъ является, послѣ президента, главнымъ руководителемъ дѣятельности правительства — въ такой мѣрѣ, что мы едва ли ошибемся, если сравнимъ его положеніе съ положеніемъ имперскаго канцлера въ Германіи. И, быть можетъ, сравненіе будетъ еще ближе къ истинѣ, если нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, Джона Гэя, *) сопоставить съ графомъ Бюловымъ. И тотъ и другой въ прежніе годы были близки къ національнымъ героямъ минувшаго столѣтія, оба пріобрѣли свой опытъ на разнообразныхъ дипломатическихъ постахъ, оба являются искусными, привѣтливыми и блестящими государственными дѣятелями, и оба носятъ вполнѣ современный колоритъ: они остроумны и свободны отъ шаблонности, имѣютъ независимое міросозерцаніе, владѣютъ словомъ и обладаютъ тонкимъ литературнымъ чутьемъ. Гэй былъ помощникомъ секретаря у Линкольна во время его президентства и до самой его смерти, затѣмъ былъ секретаремъ посольства во Франціи, Австріи и Испаніи, принималъ видное участіе въ партійной политикѣ, сдѣлался младшимъ статсъ-секретаремъ, наконецъ посломъ въ Англіи, а съ 1898 года министромъ иностранныхъ дѣлъ. Его «Баллады», «Кастильскіе дни» и «Жизнь Линкольна» обезпечиваютъ ему литературную славу.

Въ какой мѣрѣ руководство внѣшнею политикой въ дѣйствительности принадлежитъ статсъ-секретарю, и въ какой — президенту, объ этомъ, конечно, трудно судить. Во всякомъ случаѣ представители другихъ державъ оффиціально ведутъ сношенія только съ министромъ, у котораго происходятъ регулярныя дипломатическія засѣданія; отношенія же ихъ къ президенту, послѣ оффиціальнаго представленія, носятъ чисто-общественный характеръ. Однако, болѣе или менѣе важные

*) Умеръ въ 1905 году.

Прим. перев.

шаги предпринимаются министромъ по соглашенію съ президентомъ, а для рѣшенія крупнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики собирается весь кабинетъ. Въ сознаніи народа личное вліяніе Гэя яснѣе всего чувствовалось при переговорахъ о прорытіи канала въ Центральной Америкѣ и при разрѣшеніи вопросовъ, касавшихся Россіи и Азіи; послѣ китайскихъ волненій его особенно прославляли, какъ искуснѣйшаго и наиболѣе успѣвающаго государственнаго дѣятеля нашего времени. Въ общемъ, едва ли будетъ ошибочно предположить, что дружелюбная политика Америки по отношенію къ Англіи должна быть приписана, главнымъ образомъ, его вліянію; напротивъ, къ Германіи онъ, вѣроятно, не питалъ особенно глубокихъ симпатій.

Слѣдующимъ по порядку является министръ финансовъ, начальникъ казначейства, который управляетъ финансами Союза, въ сущности, какъ крупный банкиръ; онъ является какъ бы директоромъ банка, въ которомъ конгрессъ играетъ роль наблюдательнаго совѣта. Такъ какъ пошлины и внутренніе налоги могутъ быть устанавливаемы только Союзомъ, а не отдѣльными штатами, и такъ какъ, съ другой стороны, расходы на войско и флотъ, на содержаніе почты и управленія Союза оплачиваются союзною кассою, а государственный долгъ и чеканка монеты находятся въ вѣдѣніи центральнаго правительства, то министру приходится вести такія финансовыя операціи, которыя по своимъ размѣрамъ оказываютъ рѣшающее вліяніе на все банковое дѣло страны.

Третьимъ по порядку является военный министръ, между тѣмъ какъ морской стоитъ лишь на шестомъ мѣстѣ; промежуточныя мѣста между ними занимаютъ министръ юстиціи и министръ почтъ. Организованный лишь въ 1903 году генеральный штабъ военнаго министерства состоитъ изъ высшихъ офицеровъ, но во главѣ военнаго департамента находится лицо не-военнаго званія. При этомъ функціи американскаго министра, какъ въ военномъ, такъ и въ морскомъ вѣдомствѣ, гораздо шире, чѣмъ функціи, напримѣръ, прусскихъ министровъ; министры не только управляютъ своими вѣдомствами, но во время войны имѣютъ рѣшающее вліяніе на передвиженіе вооруженныхъ силъ, такъ какъ черезъ нихъ дѣйствуетъ президентъ въ качествѣ главнаго военачальника. Въ продолженіе почти пяти лѣтъ во главѣ военнаго министерства стоялъ Эліу Рутъ, при уходѣ котораго, въ январѣ 1904 года, Рузвельтъ заявилъ: «Рутъ—величайшій человѣкъ изъ всѣхъ, выступавшихъ въ наше время на поприщѣ общественной жизни въ любой изъ странъ Новаго или Стараго Свѣта».

Положеніе министра юстиціи еще менѣе можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ его коллегъ въ германскихъ госу-

дарствахъ. На назначеніе судей и на управленіе судомъ министерство не имѣетъ вліянія; оффиціальный представитель юстиціи въ кабинетѣ президента,, въ сущности, является верховнымъ прокуроромъ и въ то же время юрисконсультомъ, дающимъ совѣты президенту во всѣхъ политическихъ актахъ. Точно такъ же и министръ почтъ на практикѣ, собственно, не имѣетъ большого вліянія въ своемъ вѣдомствѣ, поскольку дѣло касается замѣщенія должностей; для назначенія на всѣ важныя мѣста въ огромномъ штатѣ почтовыхъ чиновниковъ требуется утвержденіе сената, и такимъ образомъ замѣщеніе должностей фактически перешло въ руки сенаторовъ. Напротивъ, всей работою почтоваго вѣдомства руководитъ министръ; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ Америкѣ не только желѣзныя дороги, но и телеграфъ не составляетъ собственности государства.

Министерство внутреннихъ дѣлъ—это общее названіе для многихъ разнообразныхъ и не связанныхъ между собою правительственныхъ учрежденій. Въ длинномъ перечнѣ задачъ, которыя преслѣдуются этими учрежденіями, находятся, между прочимъ, и воспитаніе и обученіе, но эта, казалось бы, обширнѣйшая область въ дѣйствительности довольно мала, такъ какъ вопросы народнаго образованія подлежатъ вѣдѣнію отдѣльныхъ штатовъ, и центральному правительству не остается ничего болѣе, какъ только распространять статистическія свѣдѣнія, собирать матеріалы и давать совѣты; вводить какія либо практическія измѣненія національное бюро воспитанія не имѣетъ полномочія. Гораздо болѣе важными въ практическомъ смыслѣ отдѣлами министерства внутреннихъ дѣлъ являются пенсіонное бюро—Америка ежегодно выплачиваетъ военныхъ пенсій около 138 милліоновъ долларовъ,— патентное бюро, выдающее въ годъ почти 30000 патентовъ, затѣмъ желѣзнодорожное бюро, бюро по дѣламъ индѣйцевъ, отдѣленіе геологическихъ съемокъ и т. д. Министерство земледѣлія такъ же заключаетъ въ себѣ не только чисто-сельскохозяйственныя отдѣленія, но и метеорологическое бюро, зоологическіе и ботаническіе институты, химическія лабораторіи,—вообще много научныхъ учрежденій, которыя косвенно приносятъ пользу земледѣлію. Послѣднимъ по порядку является юное министерство торговли и труда, къ которóму принадлежатъ корпораціонное бюро, рабочее бюро, цензовое бюро, статистическое бюрю, переселенческое бюро, бюро рыболовства и другія.

Этимъ министерствамъ подчинено около 240.000 чиновниковъ; всѣ они, начиная съ посланника и кончая почтальономъ, состоятъ на государственной службѣ подъ непосредственною властью президента и совершенно независимы отъ правительствъ тѣхъ штатовъ, въ которыхъ они несутъ свои обязанности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конгрессъ.

Отъ Бѣлаго дома прямая, какъ стрѣла, улица ведетъ къ Капитолію, господствующему въ архитектоническомъ смыслѣ надъ всѣмъ городомъ. Взойдя наверхъ по широкимъ террасамъ, вы прежде всего попадаете въ огромный центральный залъ, надъ которымъ возвышается куполъ. Если отсюда вы пойдете направо, то, пройдя «Залъ Славы», достигнете подавляющей по своимъ размѣрамъ залы парламента, гдѣ засѣдаютъ 386 депутатовъ въ качествѣ прямыхъ представителей народа. Если же отъ центральной залы вы направитесь налѣво, то, миновавъ помѣщеніе верховнаго союзнаго суда, попадете въ красивый залъ, въ которомъ происходятъ засѣданія 90 представителей отдѣльныхъ штатовъ. Справа засѣдаетъ «палата», слѣва «сенатъ», оба вмѣстѣ составляютъ конгрессъ—законодательное собраніе націи.

Когда первые тринадцать соединенныхъ штатовъ въ 1778 году составили свой союзный договоръ, то конгрессъ предполагался въ видѣ одной палаты, въ которой каждый штатъ, правда, могъ быть представленъ различнымъ числомъ депутатовъ, но долженъ былъ располагать, независимо отъ этого числа, всего однимъ голосомъ. И если конституція въ окончательномъ своемъ видѣ, какъ она была установлена девять лѣтъ спустя, уничтожила одно-палатную систему и разбила конгрессъ на сенатъ и палату депутатовъ, то въ этомъ она просто слѣдовала традиціи отдѣльныхъ штатовъ. Только Пенсильванія довольствовалась одной палатою; всѣ же остальные штаты заимствовали у Англіи систему двойного представительства и провели англійскую традицію, хотя, конечно, они меньше всего заботились о томъ, чтобы отдѣлить лордовъ отъ людей простого званія.

Для Соединенныхъ Штатовъ въ цѣломъ система двухъ палатъ должна была быть признана самымъ вѣрнымъ средствомъ къ установленію равновѣсія между антагонирующими силами. Съ одной стороны, всѣ штаты, до самыхъ маленькихъ включительно, должны были пользоваться одинаковыми правами и одинаковымъ вліяніемъ; съ другой стороны, равноправными должны были считаться всѣ граждане, и, слѣдовательно, число представителей должно было соотвѣтствовать количеству населенія каждаго штата. Отсюда вытекала необходимость создать одну палату, въ которой каждый штатъ представленъ одина-

ковымъ числомъ депутатовъ, и другую, гдѣ каждый депутатъ является представителемъ одинаковаго числа избирателей. Далѣе, въ одной изъ палатъ должна создаться прочная консервативная традиція, между тѣмъ какъ въ другой должно отражаться мѣняющееся настроеніе народа. Въ этихъ видахъ необходимо было устранить массы отъ выбора депутатовъ въ одну изъ палатъ и представить избраніе ихъ законодательнымъ собраніямъ отдѣльныхъ штатовъ; кромѣ того, надо было поставить условіемъ избранія болѣе высокій возрастъ, сдѣлать срокъ избранія болѣе продолжительнымъ и, наконецъ, установить такой порядокъ, чтобы смѣнялась постоянно лишь часть палаты, а большинство ея могло продолжать работу, не нарушаемую выборами. За то другая палата должна часто полностью обновляться посредствомъ прямыхъ всенародныхъ выборовъ. Такимъ образомъ создались обѣ части конгресса, которыя во всемъ, начиная съ важнѣйшихъ дѣлъ и кончая послѣдними мелочами, обнаруживаютъ противоположность своего характера. Разумѣется, легко является желаніе сравнивать эту систему двухъ палатъ съ европейскими системами, но сенатъ не похожъ ни на германскій союзный совѣтъ, ни на прусскую палату господъ, ни на англійскую палату лордовъ, а палата народныхъ представителей кореннымъ образомъ разнится отъ германскаго рейхстага. Кто желаетъ понять американскую систему, тотъ долженъ прежде всего отрѣшиться отъ воспоминаній объ европейскихъ системахъ, и только подчеркивая различія съ послѣдними, можно лучше уяснить положеніе дѣла въ Вашингтонѣ.

Итакъ, сенаторы являются представителями отдѣльныхъ штатовъ; каждый штатъ посылаетъ двоихъ: штатъ Нью-Іоркъ съ семью милліонами населенія имѣетъ въ сенатѣ столько же представителей, сколько штатъ Вайомингъ, насчитывающій менѣе ста тысячъ жителей. Каждый сенаторъ избирается на шесть лѣтъ законодательнымъ собраніемъ своего штата. Черезъ каждые два года выбываетъ одна треть сенаторовъ; поэтому сенатъ существовалъ непрерывно со времени учрежденія союза. Странѣымъ образомъ, однако, голоса подаются отдѣльно каждымъ сенаторомъ за себя, а не отъ имени штата, и потому нерѣдко случается, что представители одного и того же штата голосуютъ различно. Право быть избраннымъ въ сенатъ получается по достиженіи тридцатилѣтняго возраста.

Члены «палаты депутатовъ» всѣ избираются черезъ каждые два года, и при томъ посредствомъ прямого всенароднаго голосованія. Число депутатовъ не опредѣлено конституціей; оно устанавливается каждый разъ сызнова, и на основаніи данныхъ совершаемой черезъ каждые десять лѣтъ переписи каждому штату предоставляется послать столько депутатовъ, сколько со-

отвѣтствуетъ количеству его населенія. Пока существовало рабство, невольники, конечно, не могли принимать участія въ выборахъ; но рабовладѣльческіе штаты протестовали противъ уменьшенія числа представителей отъ нихъ, обусловленнаго тѣмъ, что негры не принимались въ разсчетъ при опредѣленіи количества населенія, и поэтому въ концѣ-концовъ постановлено было считать раба равнымъ тремъ пятымъ человѣка. Въ настоящее время цвѣтъ кожи и принадлежность къ той или другой расѣ не имѣютъ уже вліянія на избирательныя права. Съ другой стороны, нація въ цѣломъ не интересуется тѣмъ, кому предоставляется или не предоставляется избирательное право, и этотъ вопросъ она оставляетъ всецѣло на усмотрѣніе отдѣльныхъ штатовъ; нація требуетъ только, чтобы національные выборы въ каждомъ штатѣ совершались на тѣхъ же основаніяхъ, какія установлены для выборовъ въ мѣстное законодательное собраніе. Въ остальномъ каждый отдѣльный штатъ пользуется полною свободою при назначеніи требуемаго отъ него числа депутатовъ въ Вашингтонъ. Такъ, напримѣръ, въ четырехъ западныхъ штатахъ, гдѣ женщины имѣютъ право голоса при выборахъ въ мѣстныя законодательныя собранія, онѣ пользуются этимъ правомъ и при выборахъ въ конгрессѣ. Что депутатъ, по мѣсту жительства, долженъ принадлежать не только къ штату, но и къ избирательному округу, который его выбираетъ, это обыкновенно подразумѣвается само собою; впрочемъ, надо замѣтить, что здѣсь даетъ самые пышные плоды культивируемая губернаторами избирательная геометрія. Первая палата народныхъ представителей насчитывая 65 членовъ, въ 1902 году ихъ было 357, и политическій центръ тяжести страны настолько перемѣстился, что изъ этого числа только 137 членовъ принадлежали къ тѣмъ штатамъ, которые имѣли своихъ представителей въ первомъ конгрессѣ. Въ настоящее время число членовъ конгресса возросло до 386. Право избранія въ палату депутатовъ получается съ достиженіемъ двадцатилѣтняго возраста, и въ то время, какъ отъ сенатора требуется, чтобы онъ прожилъ въ странѣ не менѣе девяти лѣтъ, для депутата считается достаточнымъ и семи.

Уже одни эти различія въ условіяхъ избранія ведутъ къ тому, что личный составъ обѣихъ палатъ, какъ и соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя, производитъ совершенно различное впечатлѣніе. Званіе сенатора, даваемое лишь немногимъ, при томъ даваемое на продолжительный срокъ и отъ лица законодателей отдѣльныхъ штатовъ,—это званіе должно считаться въ политическомъ отношеніи самымъ почетнымъ, и къ нему стремятся самые выдающіеся общественные дѣятели, самые почтенные люди въ отдѣльныхъ штатахъ. Правда, идеалу здѣсь нѣ-

сколько вредитъ то обстоятельство, что членамъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній при самомъ избраніи ихъ дается большей частью инструкція — поддерживать того или другого кандидата при выборахъ въ сенатъ, и такимъ образомъ масса избирателей оказываетъ довольно непосредственное вліяніе на назначеніе сенаторовъ; кромѣ того надо сказать, что въ западныхъ и особенно въ рѣдко населенныхъ штатахъ почетъ нерѣдко достигается однимъ только необыкновеннымъ богатствомъ. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ здѣсь рѣчь идетъ о богатствѣ, созданномъ съ помощью выдающейся энергіи и фантазіи, то и этимъ путемъ въ Вашингтонъ все же попадаютъ люди, стоящіе выше средняго уровня избирателей и представляющіе лучшія силы американскаго народа съ полноій серьезностью, съ достоинствомъ и знаніемъ дѣла.

Въ послѣднемъ составѣ сената средній возрастъ девяноста сенаторовъ равнялся шестидесяти годамъ; семнадцати сенаторамъ было болѣе, чѣмъ по семидесяти лѣтъ. Изъ всего числа сенаторовъ шестьдесятъ одинъ были по профессіи юристы, восемнадцать—купцы, три—сельскіе хозяева, два—бывшіе журналисты. Но подъ юристами нельзя подразумѣвать людей, которые и сейчасъ еще выполняютъ адвокатскія или судейскія функціи; большею частью это — люди, которые рано перешли отъ адвокатской дѣятельности къ политической и живутъ одноій только политикой. Многіе изъ этихъ юристовъ, создающихъ законы, давно уже играютъ видную роль и въ экономической жизни въ качествѣ руководителей большихъ промышленныхъ предпріятій, желѣзнодорожныхъ компаній и т. п., такъ что наличность въ сенатѣ большинства изъ юристовъ совсѣмъ не должна вызывать мысли о юридическомъ застоѣ и рутинѣ. Здѣсь представлены всѣ стороны американской жизни, и сюда почти не могутъ попасть только университетскіе дѣятели и священники, такъ какъ обстоятельства неуклонно требуютъ, чтобы сенаторъ провелъ шесть зимъ въ Вашингтонѣ. Что для большинства политическая дѣятельность сдѣлалась занятіемъ всей жизни, это видно изъ того, сколько сенаторовъ избрано уже въ четвертый или пятый разъ. Изъ числа самыхъ извѣстныхъ сенаторовъ, напримѣръ, Аллисонъ, Горъ, Кокрелль, Платтъ, Морганъ, Теллеръ и другіе засѣдаютъ въ сенатѣ уже болѣе двадцати пяти лѣтъ. Благодаря этимъ частымъ переизбраніямъ консервативная традиція, разумѣется, упрочивается сильнѣе, чѣмъ благодаря какимъ бы то ни было внѣшнимъ установленіямъ.

Характерно для состава сената и то, что, за исключеніемъ одного, никто изъ сенаторовъ не родился на европейскомъ материкѣ; только Нельсонъ, сенаторъ отъ Миннесоты, родился въ Норвегіи, но и онъ переселился въ Америку еще маленькимъ мальчи-

комъ. О представительствѣ иммигрирующихъ милліоповъ въ этомъ консервативномъ кругу не можетъ быть и рѣчи. Въ написанныхъ сенаторами автобіографіяхъ двое указываютъ, что хотя они и родились въ Америкѣ, но на самомъ дѣлѣ они—нѣмецкаго происхожденія; это Веллингтонъ, сенаторъ отъ Мериленда, и Дитрихъ, сенаторъ отъ Небраски. Большимъ распространеніемъ пользуется прозвище сената—«клубъ милліонеровъ». Что большинство сенаторовъ—богатые люди, это естественно; но при этомъ не слѣдуетъ представлять себѣ колоссальныя богатства экономическихъ магнатовъ. Сенаторъ Кларкъ, представитель Монтаны, состояніе котораго опредѣляется приблизительно въ сто милліоновъ долларовъ, есть единственный дѣйствительно богатый, по американскимъ понятіямъ, человѣкъ въ сенатѣ, у большинства же остальныхъ имѣется всего по нѣсколько милліоновъ; за то отъ иныхъ дороговизна жизни въ Вашингтонѣ требуетъ довольно значительныхъ жертвъ. Однако не можетъ быть спору, что наибольшимъ почетомъ и наибольшимъ вліяніемъ пользуются именно не богатые сенаторы. Самымъ высокообразованнымъ человѣкомъ въ сенатѣ, вѣроятно, является младшій представитель Массачузетса, историкъ Лоджъ, ближайшій другъ президента; а какъ на самую почтенную фигуру среди сенаторовъ надо указать на старшаго представителя, посланнаго тѣмъ же Массачузетсомъ, на могучаго оратора Гора.

Само собою разумѣется, что средній уровень палаты депутатовъ значительно ниже. Въ ней долженъ отражаться народъ, со всѣми своими разнообразными интересами и желаніями. Правда, и здѣсь двѣ трети собранія составляютъ юристы: изъ 357 членовъ въ послѣднемъ составѣ палаты было 236 юристовъ, 63 купца, 17 сельскихъ хозяевъ. Палата депутатовъ напоминаетъ сенатъ и въ томъ отношеніи, что несмотря на полные новые выборы она въ значительной степени сохраняетъ свой составъ: въ нынѣшнемъ, пятьдесятъ восьмомъ, конгрессѣ находится 250 членовъ, которые уже засѣдали въ пятьдесятъ седьмомъ. Около десятой части всѣхъ депутатовъ работаютъ уже десять лѣтъ. Но общая физіономія палаты иная, чѣмъ у сената: въ ней больше молодости и меньше важности, она болѣе безпокойна и болѣе дѣловита. Средній возрастъ здѣсь равенъ 48 годамъ; есть люди и моложе тридцати лѣтъ, и общее впечатлѣніе говоритъ, что все это, несмотря на многочисленныя исключенія, люди изъ среднихъ соціальныхъ слоевъ. Но именно изъ этихъ слоевъ выходятъ въ Америкѣ поразительно цѣльныя личности; число характерныхъ, обращающихъ на себя вниманіе лицъ въ палатѣ депутатовъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, въ германскомъ рейхстагѣ. Народные представители, какъ и

сенаторы, получаютъ годовое вознагражденіе въ размѣрѣ 5000 долларовъ и пользуются безплатнымъ проѣздомъ.

Каковы внѣшнія формы, въ которыя отливается работа обѣихъ частей конгресса, и что собственно является сферою ихъ дѣятельности? Разумѣется, здѣсь невозможно совершенно отдѣлить форму отъ содержанія. Самую сущность характерной для нихъ задачи и ихъ своеобразнаго метода работы можно, пожалуй, опредѣлить такъ: конгрессъ постановляетъ рѣшенія на основаніи сужденія комитетовъ о принятіи тѣхъ или другихъ законовъ, предложенныхъ членами конгресса. Этимъ, дѣйствительно, сказано все существенное. Конгрессъ постановляетъ рѣшенія относительно законопроектовъ; его функціи, слѣдовательно, чисто-законодательныя, но не исполнительныя. Съ другой стороны, законы должны быть предложены членами конгресса; они не могутъ исходить отъ членовъ кабинета или отъ президента; такимъ образомъ, исполнительная власть не имѣетъ вліянія на законодательное собраніе. Методъ же работы состоитъ въ томъ, что центръ тяжести падаетъ на обсужденіе въ комитетахъ, и что, по существу, въ комитетахъ рѣшается участь каждаго законопроекта; отъ комитета прежде всего зависитъ и то, будетъ ли законопроектъ вообще представленъ общему собранію палаты. Конгрессъ, взятый въ цѣломъ, т.-е. и палата депутатовъ и сенатъ, окончательно рѣшаетъ вопросъ о принятіи или непринятіи законопроекта. Каждый изъ этихъ пунктовъ требуетъ поясненія.

Что касается, прежде всего, отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной, то было бы явнымъ преувеличеніемъ утверждать, какъ это обыкновенно дѣлается при поверхностномъ разсмотрѣніи, будто отдѣленіе это проведено въ самой полной мѣрѣ. Безспорно, оно въ Америкѣ проведено сильнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ проекты, предлагаемые правительствомъ, служатъ главнымъ объектомъ законодательной дѣятельности. Однако и въ Соединенныхъ Штатахъ участь всякаго законопроекта зависитъ отъ того, какъ къ нему относится президентъ. Мы видѣли, что президентъ можетъ наложить свое veto на всякій законопроектъ, принятый конгрессомъ, и что въ этомъ случаѣ законопроектъ можетъ сдѣлаться закономъ лишь тогда, когда при новомъ голосованіи въ каждой изъ обѣихъ палатъ за него будетъ подано двѣ трети голосовъ. Поэтому законъ, за который въ одной изъ палатъ высказывается лишь незначительное большинство, легко можетъ быть уничтоженъ главою исполнительной власти.

Съ другой стороны, и конгрессу въ лицѣ одной его части, именно—сената, принадлежитъ очень значительная доля исполнительной власти, такъ какъ для замѣщенія всѣхъ должностей

на государственной службѣ и для заключенія международныхъ договоровъ требуется согласіе сената. Поэтому внѣшняя политика создаетъ для президента необходимость поддерживать по меньшей мѣрѣ тѣсную связь съ сенатомъ, а въ вопросахъ о замѣщеніи должностей голосъ сенаторовъ имѣетъ настолько рѣшающее значеніе, что фактически выборъ кандидатовъ на многія мѣста въ отдѣльныхъ штатахъ всецѣло предоставленъ депутатамъ, засѣдающимъ отъ этихъ штатовъ въ сенатѣ. Конституція надѣляетъ конгрессъ даже и судейскими функціями, именно—въ случаяхъ совершенія кѣмъ либо изъ высшихъ чиновниковъ Союза преступленія по должности. Если возникаетъ подозрѣніе такого рода, то палата народныхъ представителей обязана возбудить обвиненіе, а сенатъ долженъ тогда играть роль суда. Въ послѣдній разъ этотъ огромный механизмъ былъ приведенъ въ движеніе въ 1876 году, когда обвинялся военный министръ Белькнапъ; судъ оправдалъ его. Въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, очевидно, ни на кого изъ высшихъ чиновниковъ не падало подозрѣнія.

Отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной рѣзче всего выражается въ томъ, что для членовъ кабинета нѣтъ мѣста въ конгрессѣ. Къ началу сессіи президентъ отправляетъ въ конгрессъ посланіе, въ которомъ можетъ высказать всѣ свои политическіе взгляды и пожеланія, но и здѣсь онъ имѣетъ право только выражать надежду, а не предлагать какіе либо проекты. Министры же вообще отвѣтственны только передъ президентомъ, а не передъ парламентомъ. Въ конгрессѣ имъ нечего ни защищать, ни обсуждать, ни обвинять; съ нимъ у нихъ нѣтъ даже точекъ соприкосновенія. Это—какъ бы полная противоположность англійской системѣ, по которой министры являются вождями парламентскихъ партій. Американецъ въ этомъ видитъ сильную сторону своего политическаго строя, и даже такой человѣкъ, какъ бывшій посланникъ Андрью Д. Уайтъ, который очень многое одобряетъ въ Германіи, считаетъ безусловно ошибочнымъ, что въ германскомъ или французскомъ парламентѣ, согласно принятой на европейскомъ континентѣ системѣ, имѣется министерская скамья. Результатомъ этого, по его мнѣнію, являются препирательства между народными представителями и министрами, лишающія парламентскихъ дѣятелей необходимаго для дѣла спокойствія и объективности. Законодательная работа, говоритъ онъ, должна быть совершенно самостоятельна; народные представители должны считаться только другъ съ другомъ.

Однако сказаннаго нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто на практикѣ не существуетъ никакихъ отношеній между конгрессомъ и министрами. Значительную часть подлежащихъ

обсужденію законовъ составляютъ, разумѣется, денежныя ассигнованія на расходы, производимые за счетъ всего Союза, а не отдѣльныхъ штатовъ. Въ числѣ этихъ ассигнованій при послѣднемъ обсужденіи бюджета было 139 милліоновъ долларовъ на пенсіи, 138 милліоновъ на содержаніе почты, 91 милліонъ на армію, 78 милліоновъ на флотъ, 26 милліоновъ на регулированіе рѣкъ и устройство гаваней и т. д., всего около 800 милліоновъ; къ этому надо еще присоединить 253 милліона, ассигнованныхъ на уплату по обязательствамъ государства. Такимъ образомъ общая сумма ассигнованій, сдѣланныхъ въ теченіе одной сессіи конгресса, превысила тысячу милліоновъ долларовъ,—число, которое, между прочимъ, въ Америкѣ называется не милліардомъ, а билліономъ. Эти законодательныя ассигнованія должны быть сдѣланы на основаніи предложеній, внесенныхъ членами конгресса, но само собою разумѣется, что каждое число въ смѣтѣ должно исходить отъ казначействъ военнаго, морского, почтоваго, министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства внутреннихъ дѣлъ и т. д., такъ какъ въ противномъ случаѣ эти числа не могли бы служить настоящей основою для обсужденія дѣлъ. Такимъ образомъ, правительство хотя и не вноситъ въ конгрессъ проекта смѣты, но представляетъ въ распоряженіе уполномоченныхъ на это членовъ конгресса всѣ относящіеся къ смѣтѣ матеріалы,—а эта система едва ли существенно разнится отъ системы, принятой въ Европѣ. Только при самомъ обсужденіи бюджета совершенно отсутствуетъ представительство отъ правительства. Члены конгресса, получающіе черезъ посредство казначейства министерскіе проекты, должны принадлежать къ палатѣ народныхъ представителей; одно изъ немногихъ преимуществъ этой палаты передъ сенатомъ заключается въ томъ, что всѣ денежныя ассигнованія должны исходить отъ нея. Здѣсь мы видимъ проявленіе старой основной идеи, по которой всякое предложеніе въ вопросахъ объ общественныхъ расходахъ должно исходить отъ самихъ плательщиковъ налоговъ, и согласно которой палата, избранная непосредственно народомъ, имѣетъ на такую инициативу больше права, чѣмъ палата, составленная посредствомъ косвенныхъ выборовъ. Правда, и это единственное преимущество значительно умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что сенатъ можетъ по своему усмотрѣнію измѣнить всякое сдѣланное палатой ассигнованіе.

Итакъ, всякій проектъ, которому надлежитъ когда нибудь сдѣлаться закономъ, долженъ исходить отъ кого либо изъ членовъ конгресса. Какъ широко пользуются члены конгресса этимъ своимъ правомъ, видно уже изъ одного того, что въ каждую сессію вносится около пятнадцати тысячъ законопро-

ектовъ. Необходимо поэтому прежде всего уяснить себѣ, какъ работаетъ палата народныхъ представителей. Само собою очевидно, что если передъ собраніемъ изъ болѣе чѣмъ трехсотъ искусныхъ ораторовъ стоитъ задача—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разсмотрѣть пятнадцать тысячъ законовъ, включая сюда и всѣ части смѣты, то надо ожидать такого хаотическаго потока рѣчей, при которомъ невозможна никакая плодотворная работа; здѣсь необходимы строгія правила, прочная традиція, твердая дисциплина и неограниченная власть, которыя придали бы хаосу отчетливыя формы. И американецъ своимъ организаторскимъ инстинктомъ давно это понялъ и ввелъ всѣ эти вспомогательныя средства для сохраненія порядка. Здѣсь мы встрѣчаемся съ той организаціей, которую опредѣлили названіемъ системы комитетовъ и дополненіемъ къ которой въ палатѣ народныхъ представителей является единственная въ своемъ родѣ должность«спикера.» При этомъ надо еще постоянно имѣть въ виду тотъ фактъ, что заднимъ фономъ всей работы американскаго конгресса служитъ существованіе двухъ партій. Если бы въ палатѣ народныхъ представителей или въ сенатѣ царила та пестрота партій, какую мы видимъ, напримѣръ, въ германскомъ рейхстагѣ, то никакая система комитетовъ и никакой спикеръ не могли бы справиться съ этимъ подавляющимъ количествомъ матеріала. Въ сущности, именно партія большинства обезпечиваетъ конгрессу порядокъ, дѣлаетъ комитеты дѣйствительно работоспособными аппаратами и даетъ спикеру его неограниченную власть.

Въ общее собраніе конгресса всякій законопроектъ вносится только послѣ того, какъ онъ подвергся обсужденію въ какомъ нибудь комитетѣ, и при томъ вносится представителемъ комитета. Но на этотъ процессъ имѣетъ троякое вліяніе такъ называемый спикеръ, предсѣдатель палаты народныхъ представителей. Во-первыхъ, имъ назначаются члены всѣхъ комитетовъ; въ послѣднемъ конгрессѣ ихъ было тридцать шесть. Важнѣйшими изъ нихъ, и потому наиболѣе обширными по своему составу, являются комитеты: бюджетный, сельско-хозяйственный, банковскій, монетный, комитетъ иностранныхъ дѣлъ, комитетъ по дѣламъ индѣйцевъ, по внѣшней и внутренней торговлѣ, пенсіонный, почтовый, морской, желѣзнодорожный, рѣчной, патентный, финансовый. Въ каждомъ комитетѣ представлена партія какъ большинства, такъ и меньшинства; въ каждомъ предсѣдатель пользуется въ веденіи дѣлъ почти неограниченною властью, и только самые опытные члены, вполнѣ освоившіеся съ традиціями палаты, попадаютъ въ наиболѣе важные комитеты. Во-вторыхъ, спикеру принадлежитъ и рѣшеніе вопроса о передачѣ каждаго доклада въ тотъ или другой комитетъ. Во многихъ слу-

чаяхъ этотъ вопросъ ясенъ самъ собою, но нерѣдко бываетъ и такъ, что онъ можетъ быть рѣшенъ различнымъ образомъ, а отъ этого рѣшенія часто зависитъ и самая судьба проекта. Въ-третьихъ, спикеръ же въ качествѣ предсѣдателя распорядительнаго комитета опредѣляетъ, какіе изъ внесенныхъ комитетами докладовъ будутъ обсуждаться на каждомъ данномъ засѣданіи. Дѣло въ томъ, что всякій проектъ, разсмотрѣнный уже комитетомъ, вносится въ извѣстный списокъ; но будетъ ли онъ тотчасъ же представленъ и на разсмотрѣніе палаты, это зависитъ еще отъ очень многихъ условій. Прежде всего, многіе доклады по необходимости имѣютъ безусловное преимущество; такъ, напримѣръ, предсѣдателю бюджетнаго комитета слово должно быть дано во всякое время. Въ системѣ движенія, существующей въ конгрессѣ, имѣются скорые поѣзда, которые пропускаются передъ поѣздами мѣстнаго сообщенія, и есть экстренные поѣзда, для которыхъ всегда должны быть свободны всѣ пути. Но когда исключительно важныя дѣла исчерпаны, то между остальными остается еще обширный выборъ.

И здѣсь-то мы встрѣчаемся съ положительно неограниченной властью спикера. Спикеръ нисколько не обязанъ давать въ первую очередь слово тому, кто первый объ этомъ просилъ. Слово принадлежитъ тому, кого спикеръ первымъ вызываетъ; кого же спикеръ «не замѣтитъ», тотъ остается совершенно безпомощнымъ. Разумѣется, это «замѣчаніе» или «незамѣчаніе» происходитъ въ силу опредѣленныхъ, заранѣе заключенныхъ соглашеній. Когда же какой нибудь законопроектъ, наконецъ, вносится на обсужденіе палаты, то имъ не можетъ быть вызванъ безконечный потокъ рѣчей; и здѣсь опять-таки спикеру принадлежитъ право опредѣлить время окончанія преній, а этимъ устраняется возможность всякой обструкціи. Если при этомъ меньшинство хочетъ затормозить дѣло, поднимая вопросъ о томъ, имѣется ли на лицо законное число депутатовъ, то при подсчетѣ принимаются во вниманіе не только депутаты, подавшіе голоса, но вообще всѣ присутствующіе въ палатѣ; а если и ихъ оказывается недостаточно, то отсутствующіе могутъ быть доставлены принудительнымъ путемъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ палатѣ совсѣмъ не происходитъ преній, и заключенія комитетовъ принимаются безъ шума. Только при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ особенно важныхъ вопросовъ объ ассигнованіяхъ или налогахъ вся палата засѣдаетъ въ качествѣ соединеннаго комитета; тогда избирается особый предсѣдатель, и пренія ведутся какъ въ настоящемъ засѣданіи комитета. Но и въ этомъ случаѣ не принято говорить длинныя рѣчи; ораторъ часто довольствуется тѣмъ, что вкратцѣ приводитъ важнѣйшіе изъ своихъ доводовъ, и затѣмъ проситъ разрѣшенія напеча-

тать болѣе подробную ихъ мотивировку въ отчетахъ конгресса; эти никогда не произнесенныя рѣчи, будучи напечатаны, въ неограниченномъ количествѣ распространяются въ избирательномъ округѣ оратора, а также и въ другихъ.

Итакъ, если какой нибудь заурядный депутатъ является въ Вашингтонъ съ проектомъ, выражающимъ пожеланія его избирателей, то онъ долженъ прежде всего передать черезъ секретаря этотъ проектъ спикеру. Послѣдній направляетъ проектъ въ какой нибудь комитетъ, и въ то же время, въ напечатанномъ видѣ, онъ разсылается всѣмъ депутатамъ. Комитетъ рѣшаетъ, есть ли смыслъ вообще разсматривать этотъ проектъ. И если проекту посчастливилось подвергнуться обсужденію въ комитетѣ, то въ него тамъ можетъ быть внесено столько поправокъ, что отъ первоначальнаго его содержанія очень немного останется. Если судьба и здѣсь ему благопріятствуетъ, такъ что онъ оказывается припятымъ, то онъ попадаетъ въ списокъ докладовъ, подлежащихъ внесенію въ палату, и дожидается, пока распорядительный комитетъ поставитъ его на очередь. Если проектъ имѣетъ такое исключительное счастье, что дѣйствительно вносится на разсмотрѣніе палаты, то у него есть нѣкоторые шансы быть принятымъ и здѣсь.

Но на этомъ, разумѣется, еще не кончаются мытарства законопроекта: теперь онъ переходитъ въ сенатъ, и здѣсь въ другихъ формахъ начинается снова та же процедура — сперва комитетъ, затѣмъ общее собраніе. Если проектъ не будетъ внесенъ въ общее собраніе сената, то онъ погибъ несмотря на всѣ предшествующія удачи. Если же здѣсь ему удастся миновать всѣ препятствія, то спрашивается еще, не внесетъ ли сенатъ въ него новыхъ поправокъ. И если это случится—что очень вѣроятно,—то обсужденіе начинается сызнова; смѣшанный комитетъ изъ членовъ обѣихъ палатъ разсматриваетъ предложенныя поправки, и если въ немъ не достигается соглашенія, то судьба проекта опять-таки рѣшена. Если же комитетъ приходитъ къ соглашенію, и проектъ во всѣхъ своихъ частяхъ признается удовлетворительнымъ, то до окончательнаго принятія его палатою можетъ наступить окончаніе сессіи; тогда въ слѣдующемъ конгрессѣ все опять начинается съ начала. Если же и эта опасность миновала, и проектъ принятъ обѣими палатами, тогда наступаетъ моментъ, когда президентъ можетъ наложить на него свое veto.

Благодаря именно всей этой процедурѣ едва десятая часть вносимыхъ ежегодно законопроектовъ получаетъ въ концѣ-концовъ силу закона, и благодаря ей же этотъ отборъ и передѣлка совершаются съ необыкновенной увѣренностью и быстротой. Да едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что зна-

чительная часть пятнадцати тысячъ биллей вносится депутатами изъ личныхъ соображеній, въ угоду избирателямъ или по еще менѣе ввзвышеннымъ мотивамъ, завѣдомо безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. На этомъ основаніи народные трибуны въ палатѣ допускаютъ много чрезмѣрной экономіи, такъ какъ навѣрное знаютъ, что сенатъ внесетъ измѣненія въ ихъ проекты, а сенатъ въ высшей степени любезно соглашается на всякія ассигнованія, потому что увѣренъ, что палата сама сдѣлала сокращенія всюду, гдѣ возможно.

Работа сената производится, въ сущности, по той же схемѣ. Если сенаторъ вноситъ какое либо предложеніе, то оно такъ же передается сперва въ соотвѣтственный комитетъ, затѣмъ вносится въ общее собраніе и отсюда переходитъ въ другую палату. И тѣмъ не менѣе здѣсь все носитъ совсѣмъ иной характеръ. Палата депутатовъ производитъ впечатлѣніе безпокойнаго народнаго собранія, сенатъ—впечатлѣніе дипломатической конференціи. Первая—это огромное помѣщеніе, гдѣ даже лучшихъ ораторовъ трудно слышать и гдѣ сотни членовъ пишутъ или читаютъ газеты, не обращая вниманія на ораторовъ; сенатъ же похожъ на парламентскій салонъ, гдѣ царитъ изысканная и, пожалуй, слишкомъ многорѣчивая любезность. Въ конгрессѣ должна господствовать строгая дисциплина для того, чтобы поддерживался порядокъ въ массѣ; въ сенатѣ внѣшняя дисциплина можетъ отсутствовать, такъ какъ небольшая группа пожилыхъ людей мирно разрѣшитъ всѣ вопросы. Сенатъ не можетъ терпѣть надъ собой никакого спикера, никакого предсѣдателя съ неограниченными полномочіями. Поэтому въ сенатѣ обѣимъ партіямъ принадлежитъ право назначать членовъ въ комитеты. Въ сенатѣ предсѣдатель не можетъ оставлять незамѣченнымъ никого, кто проситъ слова; всякій, кто желаетъ говорить, имѣетъ, такимъ образомъ, къ этому полную возможность, и эта свобода требуетъ, конечно, чтобы предсѣдатель не имѣлъ права самъ прекращать преніи: окончаніе преній можетъ быть рѣшено только посредствомъ единогласнаго постановленія собранія. Такимъ образомъ, власть предсѣдателя сената является только тѣнью той власти, которою пользуется спикеръ. И такъ какъ предсѣдатель здѣсь избирается не самимъ сенатомъ, а народомъ—въ лицѣ вице-президента Соединенныхъ Штатовъ, то можетъ случиться, что онъ принадлежитъ къ партіи меньшинства, и тогда онъ практически не имѣетъ никакого вліянія. Этой политикѣ взаимной вѣжливости въ внѣшнихъ формахъ соотвѣтствуетъ и то, что вопросъ о законности собранія разрѣшается на основаніи подсчета поданныхъ голосовъ, а не путемъ подсчета всѣхъ присутствующихъ членовъ, какъ въ палатѣ народныхъ представителей. Впрочемъ, какъ въ той, такъ и въ

другой палатѣ допускается слѣдующій пріемъ: два депутата, изъ которыхъ одинъ стоитъ за данный проектъ, а другой противъ, могутъ сообща заявить объ этомъ передъ своимъ уходомъ, и тогда ихъ голоса считаются при баллотировкѣ.

Само собою ясно, какіе результаты должна давать эта преувеличенная вѣжливость: любезность внѣшнихъ формъ должна непосредственно вести къ постояннымъ компромиссамъ и уступкамъ по существу. Надо представить себѣ, какое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что для прекращенія дебатовъ требуется единогласное постановленіе сената. Одинъ упрямый сенаторъ можетъ затормозить работу всего законодательнаго механизма. Небольшая оппозиціонная группа можетъ завладѣть ораторской трибуной на цѣлыя недѣли и свести къ нулю значеніе всего сената. Возможность подобной обструкціи должна быть устранена какою бы то ни было цѣною, и потому на каждой сторонѣ и въ каждомъ уголкѣ должно быть поддерживаемо хорошее настроеніе. Партійныя противорѣчія, разумѣется, не могутъ быть устранены; тѣмъ болѣе надо, чтобы благодаря взаимнымъ личнымъ одолженіямъ между всѣми установилась тѣсная связь и чтобы у каждаго было твердое сознаніе того, что въ сферѣ своихъ особыхъ интересовъ онъ ничѣмъ не связанъ, если только предоставляетъ свободу дѣйствія остальнымъ, каждому въ его сферѣ. И изъ одной лишь потребности въ поддержаніи такихъ взаимно-благожелательныхъ отношеній въ сенатѣ слишкомъ часто смотрятъ сквозь пальцы на то, какъ черезъ посредство какого-нибудь услужливаго сенатора въ формѣ законопроекта проводятся частныя желанія какой-нибудь мѣстной группы, или корыстолюбивой промышленной компаніи, или представителей какой-нибудь маловажной профессіи, или даже отдѣльнаго честолюбиваго лица.

Кульминаціоннаго пункта эта «сенаторская вѣжливость» достигаетъ въ вопросѣ о замѣщеніи должностей; здѣсь все проходитъ чрезвычайно гладко, такъ какъ дѣло дошло уже до того, что по каждому штату даже не вносится такихъ предложеній, которымъ не обезпечено напередъ сочувствіе сенаторовъ отъ этого штата. Каждый знаетъ, что если сегодня отвергнуть предложеніе одного сенатора, то завтра этой участи можетъ подвергнуться предложеніе другого, и въ результатѣ различныя сомнительныя назначенія по протекціи, — въ уплату за какія-нибудь политическія услуги не особенно высокаго достоинства,—съ внутреннимъ скрежетомъ принимаются вѣжливыми коллегами—только ради спасенія принципа индивидуальнаго всемогущества. Безспорно, благодаря всему этому личность каждаго отдѣльнаго сенатора имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ личность члена палаты депутатовъ. Послѣдній является

только членомъ партіи и почти не имѣетъ возможности болѣе или менѣе настойчиво проводить свои личныя желанія; сенаторъ же со своими личными воззрѣніями является дѣйствительно самостоятельной величиной.

Если фактически сенатъ въ настоящее время, вопреки прежнимъ ожиданіямъ, играетъ въ общественной жизни гораздо болѣе важную роль, чѣмъ палата народныхъ представителей, то причина этого заключается, пожалуй, не въ томъ, что ему принадлежатъ болѣе важныя функціи, а въ томъ, что онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ въ общемъ политическомъ положеніи даннаго момента самостоятельное значеніе, между тѣмъ какъ конгрессъ представляетъ собою только массу, руководимую нѣсколькими вожаками. Большее уваженіе, которымъ пользуются у народа сенаторы, оказываетъ возвратное дѣйствіе на ихъ собственное сознаніе, и естественнымъ результатомъ этого является постоянный ростъ сенаторскихъ притязаній и постоянное расширеніе ихъ правъ. Быть можетъ, отчетливѣе всего видна эта общая перемѣна на роли сената въ заключеніи международныхъ договоровъ. Конституція требуетъ для нихъ согласія сената, и первоначально это понималось въ томъ смыслѣ, что правительство должно вносить готовый договоръ, который разсматривается въ сенатѣ при закрытыхъ дверяхъ и здѣсь принимается или отвергается. Но сенатъ все больше требовалъ себѣ права вносить и поправки въ договоры; скоро дѣло дошло до того, что сенатъ вообще не сталъ принимать ни одного договора, не прибавивъ къ нему нѣсколькихъ капель собственной государственной мудрости, хотя бы только въ видѣ какихъ нибудь редакціонныхъ измѣненій. Цѣль этого—дать почувствовать президенту власть сената, и конечнымъ результатомъ является то, что, по нынѣшней терминологіи, въ сенатъ вносятся уже не договоры, а только «проекты договоровъ».

Если заглянуть за кулисы, то нельзя, конечно, не увидѣть, что и въ сенатѣ, собственно, лишь очень немногіе имѣютъ сказать что нибудь важное. Сенаторы, еще не долго состоящіе въ этомъ званіи, работаютъ въ комитетахъ, которые не имѣютъ большого значенія, а если даже потомъ они и переходятъ въ болѣе важные комитеты, то традиція принуждаетъ ихъ занять мѣсто позади кого нибудь изъ старѣйшихъ членовъ. Въ палатѣ депутатовъ насчитывается полдюжины, въ сенатѣ быть можетъ дюжина людей, которые сообразно собственнымъ желаніямъ направляютъ политику страны. Здѣсь, какъ и во всѣхъ сферахъ практической жизни, американецъ охотно подчиняется олигархической системѣ, покуда знаетъ, что власть немногимъ вручена самоопредѣленіемъ всѣхъ; только олигархія можетъ

вполнѣ удовлетворить глубокое консервативное чувство американца. Но за кулисами скоро можно убѣдиться и въ томъ, что хотя сенаторская вѣжливость и смягчаетъ партійный фанатизмъ, что хотя благодаря ей компромиссы и растутъ какъ грибы послѣ дождя, но козни и интриги на почвѣ этой елейной вѣжливости лучше процвѣтаютъ, чѣмъ въ болѣе грубыхъ условіяхъ нижней палаты. Старики, принадлежащіе къ окруженному ореоломъ святости кружку, какъ Аллисонъ, Фрай, Плеттъ, Альдрихъ, Гэль, умѣютъ нажать всевозможныя пружины для того, чтобы устранить всякое противорѣчіе. Правда, Ганна, другъ Макъ Кинли, величайшій мастеръ въ области республиканской партійной техники, могъ бороться противъ этой сѣти политическихъ интригъ, но даже Лоджъ, другъ Рузвельта, не разъ долженъ былъ убѣдиться, что произвольно толкуемыя традиціи стариковъ имѣютъ больше значенія чѣмъ, самые вѣскіе доводы молодыхъ.

Нравственный уровень конгресса, по словамъ лучшихъ знатоковъ его, очень высокъ. Надо помнить, что судьба каждаго изъ многочисленныхъ законопроектовъ рѣшается по существу въ какомъ нибудь небольшомъ комитетѣ, и что такимъ образомъ интересы цѣлыхъ областей, или цѣлыхъ отраслей промышленности, или отдѣльныхъ группъ населенія зависятъ отъ одного или двухъ голосовъ въ комитетѣ; при такихъ условіяхъ для обвиненій въ различныхъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ американскій конгрессъ представляетъ неизмѣримо большую уязвимую поверхность, чѣмъ любой другой парламентъ, такъ какъ нигдѣ система комитетовъ не проведена съ такой неуклонной послѣдовательностью. Въ прежніе годы въ кулуарахъ Капитолія и въ вашингтонскихъ ресторанахъ, дѣйствительно, можно было встрѣтить массы политическихъ сутенеровъ, которые пускали въ ходъ все, чтобы посредствомъ подкупа повліять на результаты голосованія. Разумѣется въ сферѣ скрытыхъ грѣховъ трудно доказать отсутствіе приступленія, но по глубокому убѣжденію наиболѣе близко стоящихъ къ дѣлу людей, въ настоящее время обо всемъ этомъ уже не можетъ быть рѣчи. Конечно, и теперь еще есть въ конгрессѣ дѣятели передней, профессія которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы агитировать въ пользу опредѣленныхъ законопроектовъ или противъ нихъ, но здѣсь уже нѣтъ мѣста прямому подкупу. Если возникаетъ хотя бы самое легкое подозрѣніе, то палата сама наряжаетъ слѣдствіе и учреждаетъ для этого комиссію, которая имѣетъ право требовать показаній подъ присягою; но всякія подозрѣнія подобнаго рода до сихъ поръ постоянно оказывались неосновательными.

Намъ пришлось бы разумѣется вынести совсѣмъ другой приговоръ, если бы чистымъ, въ нравственномъ смыслѣ, моти-

вомъ для народнаго представителя мы согласились считать только мысль о благѣ всей націи, если бы требовали, чтобы только этой мыслью онъ руководствовался при разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ. Тогда, надо признаться, чистота конгресса далеко не оказалась бы внѣ сомнѣнія. Но ни одинъ американецъ не призналъ бы правильнымъ приложеніе подобнаго мѣрила къ политическимъ мотивамъ конгресса. Во всѣхъ случаяхъ, когда на очереди стояли крупные національные вопросы, конгрессъ оказывался на высотѣ положенія; когда дѣло касается національной части, то въ Вашингтонѣ, какъ показала испанская война, не существуетъ различныхъ партій. Когда же приходится дѣлать повседневную политическую работу, тогда наилучшими результаты ея окажутся въ томъ случаѣ, если каждый станетъ какъ можно болѣе упорно отстаивать тѣ частные интересы, ради защиты которыхъ его избирательный округъ и послалъ его въ столицу. Такимъ образомъ, прежде всего приходится считаться съ интересами партій. Безспорно, если смотрѣть съ болѣе высокой точки зрѣнія, то надо признать, что въ этомъ отношеніи много грѣшатъ. Одна партія часто мѣшаетъ принятію какихъ-либо проектовъ не потому, что она, дѣйствительно, по существу противъ нихъ, а потому, что хочетъ причинить непріятность другой, хочетъ поставить ея администрацію въ невыгодное положеніе и тѣмъ уменьшить для противной партіи шансы на побѣду при слѣдующихъ выборахъ. Тактическія соображенія у обѣихъ партій за послѣдніе годы не разъ брали перевѣсъ надъ интересами дѣла. Особенно отличается этимъ нынѣшняя партія меньшинства, демократическая, которая подъ руководствомъ своего вождя въ сенатѣ, Гормана, прибѣгаетъ къ тактикѣ отчаянія и возстаетъ противъ самыхъ разумныхъ предложеній республиканцевъ только потому, что они увеличили бы кредитъ республиканской партіи въ странѣ.

Съ другой стороны, партійныя границы постоянно нарушаются другими, въ особенности мѣстными интересами, и кто слѣдитъ за голосованіями, особенно въ палатѣ народныхъ представителей, тотъ ясно видитъ, такъ часто партійная группировка исчезаетъ, и возникаетъ группировка по мѣстностямъ. Когда рѣшается вопросъ о маргаринѣ, то представители степныхъ округовъ сообща голосуютъ въ одномъ смыслѣ, представители промышленныхъ—въ другомъ; когда надо добиться отъ конгресса согласія на производство большихъ оросительныхъ работъ, то демократы забываютъ, что передача подобнаго предпріятія въ руки всего государства, а не въ руки отдѣльныхъ штатовъ, является измѣною демократическимъ принципамъ; представители всѣхъ тѣхъ демократическихъ штатовъ, которымъ выгодно производство этихъ оросительныхъ работъ, голосуютъ

безъ запинки сообща съ республиканцами. Такимъ образомъ постоянно исчезаютъ партійныя противорѣчія, и это ослабленіе партійныхъ узъ повидимому идетъ все дальше и дальше. Отстаивая партійные принципы, каждый депутатъ способствуетъ побѣдѣ своей партіи при слѣдующей борьбѣ, отстаивая же мѣстные интересы, онъ обезпечиваетъ самому себѣ дальнѣйшее избраніе. То обстоятельство, что избираемый долженъ имѣть мѣсто жительства въ округѣ своихъ избирателей, заставляетъ его, конечно, еще больше считаться съ ихъ желаніями. Такимъ образомъ, только въ важныя минуты народный представитель оказывается выше партій, во время же обычной работы онъ стоитъ въ рядахъ партіи, а когда на него оказываютъ давленіе избиратели, тогда онъ опускается въ область, лежащую ниже партій.

Но кто окинетъ взглядомъ все взятое въ цѣломъ, тотъ прежде всего выноситъ впечатлѣніе, что здѣсь производится огромная работа при помощи разумныхъ, спокойныхъ, дѣловыхъ пріемовъ, и что объ американскомъ конгрессѣ это можно сказать съ большимъ основаніемъ, чѣмъ о любомъ изъ остальныхъ парламентовъ въ мірѣ. Здѣсь меньше говорится громкихъ рѣчей, здѣсь вообще меньше говорится, а благодаря полному отсутствію представителей правительства здѣсь меньше ведется и борьбы. Результаты поэтому менѣе возбуждающи, каждый отдѣльный депутатъ имѣетъ меньше надежды достигнуть личной извѣстности, но все же ни одинъ американецъ не пожелалъ бы, чтобы въ Капитоліи были устроены министерскія скамьи и чтобы въ слѣдующей сессіи въ конгрессѣ была введена французская, или англійская, или австрійская, или германская система.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Юстиція.

Если изъ центральной залы Капитолія, покрытой куполомъ направиться налѣво къ помѣщенію сената, то по пути приходится пройти чрезъ своеобразную залу, къ которой обыкновенно стремится толпа. Здѣсь, въ промежуткахъ между греческими колоннами, сидятъ въ черныхъ мантіяхъ девять членовъ верховнаго союзнаго суда, высшаго судебнаго учрежденія Соединенныхъ Штатовъ. Американецъ гордится своимъ президентомъ и кабинетомъ, сенатомъ и палатой депутатовъ, но повсюду къ чувству удовлетворенія примѣшивается сомнѣніе въ полезности тѣхъ или другихъ деталей, а партійное чувство можетъ вызывать и положительное неудовольствіе. На высшій же судъ вся-

кій образованный американецъ смотритъ съ самымъ возвышеннымъ, ничѣмъ не нарушимымъ чувствомъ; онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что никакая другая сила не способствовала больше обезпеченію мира, благоденствія и могущества Соединенныхъ Штатовъ. Въ качествѣ третьей составной части конституціоннаго союзнаго правительства высшій судъ стоитъ на ряду съ законодательной и исполнительной властью.

Правовая жизнь націи представляетъ собой единое цѣлое, и потому невозможно говорить о дѣятельности девяти судей въ Капитоліи, не окинувъ бѣглымъ взглядомъ всю судебную организацію колоссальнаго государства. Немногое приводитъ европейцевъ въ Америкѣ въ такое полное замѣшательство, какъ американскій судъ, и если англичане находятъ здѣсь много знакомаго, то нѣмецъ, напримѣръ, большею частью останавливается передъ нимъ въ совершенномъ недоумѣніи; и смущаетъ его здѣсь не только безконечное разнообразіе явленій, а главнымъ образомъ полная необычность метода. Набросать здѣсь общую картину хотя бы самыми поверхностными штрихами абсолютно невозможно. Приходится ограничиться нѣсколькими указаніями, а о многомъ мы еще будемъ подробно говорить въ другихъ мѣстахъ, преимущественно при разсмотрѣніи соціальныхъ вопросовъ.

Право, господствующее въ Соединенныхъ Штатахъ, происходитъ изъ трехъ не одинаковыхъ источниковъ. Если спросить у средняго американца, какое право дѣйствуетъ въ странѣ, то въ отвѣтъ вы почти всегда услышите: «Обычное право». Если оставить въ сторонѣ штатъ Луизіану, въ которомъ еще находится въ силѣ кодексъ Наполеона, то этого отвѣта, дѣйствительно, будетъ достаточно для первой оріентировки. Нѣмецъ, вспоминая гражданское и уголовное уложеніе, которыя могутъ съ удобствомъ умѣститься въ карманѣ, быть можетъ, попроситъ показать ему сводъ этого обычнаго права; въ отвѣтъ адвокатъ укажетъ ему на нѣсколько огромныхъ шкафовъ, гдѣ стоятъ сотни толстыхъ томовъ. Дѣло въ томъ, что «обычное право» не есть сводъ законовъ, не есть система отвлеченныхъ формулъ или кодификація существующихъ правовыхъ идей. Это, въ сущности, сумма прежнихъ судебныхъ рѣшеній. Господство обычнаго права означаетъ, что каждый новый случай долженъ быть разсматриваемъ сообразно рѣшенію, раньше поставленному по поводу аналогичнаго случая. Прежнее рѣшеніе можетъ быть дурно, оно можетъ оскорблять правосознаніе, но если его не отмѣнила никакая высшая инстанція, то оно является историческимъ правомъ—единственнымъ, имѣющимъ рѣшающее значеніе. Корни этого американскаго права лежатъ въ англійской почвѣ. Первоначально англійскіе колонисты при-

везли съ собою изъ-за океана рѣшенія англійскихъ судей, а затѣмъ вновь образовавшіеся американскіе штаты, въ свою очередь, переняли ихъ у первыхъ тринадцати колоній. Если въ настоящее время кто нибудь найдетъ на улицахъ Бостона или Санъ-Франциско какую нибудь цѣнную вещь, а другой ее у него уворуетъ, то нашедшій имѣетъ право привлечь вора къ суду, хотя найденная вещь и не принадлежитъ ему. Судья вынесетъ приговоръ, что право собственности на найденную вещь принадлежитъ ему до тѣхъ поръ, пока не будетъ отысканъ настоящій владѣлецъ. Почему судья вынесетъ такой приговоръ? Потому что въ 1722 году какой-то трубочистъ на лондонской улицѣ нашелъ драгоцѣнную вещь, и когда ювелиръ похитилъ изъ нея одинъ камень, лондонскій судья постановилъ рѣшеніе въ пользу трубочиста.

Кажущаяся безсмысленность этой системы всякому бросается въ глаза. Вмѣсто свода законовъ, выражающаго волю націи, рѣшающее значеніе должны имѣть произвольныя постановленія отдѣльныхъ, неизвѣстныхъ, разсѣянныхъ по всему свѣту судей,—постановленія, принятыя, быть можетъ, даже при совсѣмъ другихъ условіяхъ культуры. Судьѣ часто приходится подчиняться старымъ рѣшеніямъ, противъ которыхъ въ нравственномъ смыслѣ протестуетъ его правосознаніе. Но не менѣе ясенъ и глубокій нравственный смыслъ этой системы. Что такое право—скажетъ англосаксонецъ,—этого нельзя теоретически установить. Единственнымъ источникомъ его являются нравственныя отвѣтственныя рѣшенія, постановленныя призванными къ тому выразителями общественной воли въ конкретныхъ случаяхъ дѣйствительныхъ волевыхъ конфликтовъ. Онъ сказалъ бы: не существуетъ никакого права до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ столкновенія между двумя субъектами, надѣленными волею, и пока они не обратятся къ третьему за рѣшеніемъ. Судья, постановляющій рѣшеніе, такимъ образомъ первый создаетъ право на основаніи сокровеннѣйшихъ велѣній своей совѣсти; но какъ только рѣшеніе имъ постановлено и разъ оно не отвергнуто никакой высшею инстанціей, оно становится въ качествѣ принципіальнаго постановленія дѣйствующимъ правомъ на всѣ времена. Каждый день создаетъ новое право, потому что постоянно новые волевые конфликты требуютъ разрѣшенія, до момента же разрѣшенія въ данной сферѣ новыхъ интересовъ могутъ существовать только противоположныя желанія, но не право.

На первый взглядъ можетъ показаться, что право, основанное на прежнихъ рѣшеніяхъ, должно постоянно оказываться устарѣлымъ и окостенѣвшимъ; но англосаксонецъ съ полнымъ убѣжденіемъ будетъ доказывать, наоборотъ, что только такое право соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности, потому

что оно возникло не изъ раціоналистическихъ построеній, а изъ событій дѣйствительной жизни. Вся правовая жизнь англосаксонцевъ обладаетъ исторической наглядностью, можно почти сказать—художественной реальностью. Это—право, выросшее органически, и оно, сказалъ бы англосаксонецъ, настолько выше всякаго свода законовъ, насколько любой живой языкъ, несмотря на всѣ свои историческія несообразности, выше какого нибудь искусственно созданнаго волапюка. Онъ охотно сказалъ бы еще многое по этому поводу. Ясно, сказалъ бы онъ, что только при такомъ правовомъ порядкѣ у каждаго судьи должно явиться полное сознаніе своей отвѣтственности, такъ какъ онъ знаетъ, что, постановляя рѣшеніе, онъ не только рѣшаетъ участь стоящихъ передъ нимъ Ивана и Петра, но своимъ постановленіемъ на всѣ времена вноситъ новый элементъ въ правосознаніе всей націи. Онъ чувствуетъ, прежде всего, что обязательная сила прежнихъ рѣшеній придаетъ всему правосознанію такую твердость и такую устойчивость, какихъ не могутъ дать общія отвлеченныя построенія, выраженныя въ параграфахъ закона.

Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство. Судебное рѣшеніе, которое такъ же мало долговѣчно, какъ звукъ голоса судьи, никогда не можетъ производить на народное сознаніе такого глубокаго впечатлѣнія, какъ рѣшеніе, которымъ заново создается право. Разумѣется, и о нѣмецкомъ судьѣ иногда говорится, что онъ участвуетъ въ созиданіи права. Если, напримѣръ, уголовнымъ уложеніемъ опредѣлены разныя степени наказанія за какое либо преступленіе, то судья, выбирая одну изъ нихъ, создаетъ въ извѣстномъ смыслѣ право для даннаго частнаго случая. Но если даже согласиться съ этимъ взглядомъ, то все же надо принять во вниманіе, что это рѣшеніе судьи нисколько не обязательно ни для одного изъ остальныхъ судей Германской имперіи при разсмотрѣніи аналогичныхъ случаевъ. Нѣмецкій судья стоитъ лицомъ къ лицу съ готовымъ правомъ и является его слугою; американскій судья создаетъ право и является его господиномъ. Это даетъ судебнымъ рѣшеніямъ такую историческую силу и такое долговѣчное значеніе, благодаря которымъ правовая жизнь занимаетъ мѣсто въ фокусѣ общественнаго сознанія.

Тотъ же результатъ достигается и другимъ путемъ. Если рѣшеніе судьи обусловлено прежними рѣшеніями, то участь тяжущихся сторонъ во время процесса зависитъ отъ того, будутъ ли онѣ въ состояніи сослаться на говорящіе въ ихъ пользу прецеденты. Это, конечно, недоступно для непосвященнаго; это—дѣло адвоката. Такимъ образомъ, передъ американскимъ адвокатомъ открывается несравненно болѣе обширная сфера, нежe-

ли та, въ которой дѣйствуетъ, напримѣръ, нѣмецкій адвокатъ. Ему совсѣмъ не приходится заниматься только даннымъ частнымъ случаемъ, а надо привести данное случайное единичное явленіе въ связь со всѣмъ историческимъ прошлымъ. Благодаря этому профессія адвоката получаетъ такое внутреннее значеніе, которое нѣмцу совсѣмъ неизвѣстно и которое во многихъ случаяхъ, по необходимости, должно быть выше значенія судьи, такъ какъ послѣдній обязанъ руководиться тѣми прежними рѣшеніями, на которыя ссылаются повѣренные обѣихъ сторонъ. Съ другой стороны, судьи избираются изъ среды адвокатовъ,—слѣдовательно, и сами они вполнѣ проникнуты тѣмъ взглядомъ, что право заключается въ прежнихъ рѣшеніяхъ и что новыя судебныя рѣшенія имѣютъ цѣну только въ томъ случаѣ, если ихъ внутренно уважаютъ адвокаты. Судьи являются выразителями какъ исторически создавшагося, такъ и ежедневно вновь создающагося правосознанія, которое изъ этого вѣчно-живого источника съ поразительной свѣжестью и непосредственностью проникаетъ въ массы.

Съ своей стороны, и сами массы вполнѣ подготовлены къ тому, чтобы развить въ себѣ живое правосознаніе. Это—естественное послѣдствіе индивидуалистическаго міросозерцанія; охрана индивидуальныхъ правъ, неприкосновенность личности вмѣстѣ со всѣмъ, что внутреннимъ или внѣшнимъ образомъ къ ней принадлежитъ,—вотъ въ чемъ жизненный нервъ этихъ людей. Многія внѣшнія явленія американской жизни какъ будто этому противорѣчатъ. Но кто посмотритъ вглубь, тотъ вездѣ увидитъ, что потребность въ справедливости составляетъ основную сущность какъ всей націи, такъ и каждаго отдѣльнаго ея члена; общественное сознаніе здѣсь скорѣе примирится съ самой явною безсмыслицей и съ самыми вредными явленіями общественной жизни, чѣмъ потерпитъ малѣйшее сознательное нарушеніе правосудія. Результаты огромныхъ процессовъ очень часто сводятся къ нулю изъ за мелкихъ формальныхъ погрѣшностей, на которыя американецъ не способенъ закрыть глаза. Общество всегда охотнѣе готово нести ущербъ, чѣмъ терпѣть что нибудь отрицательное въ сферѣ своей правовой жизни.

На самой красивой площади Бостона стоитъ огромный домъ, похожій на дворецъ и построенный крупными капиталистами. Строительный уставъ требуетъ, чтобы на этой площади жилыя помѣщенія въ домахъ находились не выше опредѣленнаго предѣла; выше его могутъ находиться только архитектурныя украшенія. Строители же дома желали обойти уставъ; они устроили жилыя помѣщенія на десять футовъ выше нормы, но снаружи такъ художественно ихъ украсили, что эстетическое значеніе вершины дома само собою выдвигалось на первый

планъ. Всѣ были согласны въ томъ, что это правонарушеніе повело къ украшенію города; но какъ ни старались капиталисты пустить въ ходъ всѣ адвокатскія средства, общественное правосознаніе требовало, чтобы верхній этажъ былъ снятъ, и на основаніи судебнаго рѣшенія въ высшей инстанціи вся верхняя часть дома, до установленнаго предѣла, была уничтожена съ большими издержками. Зданіе сдѣлалось отъ этого невѣроятно безобразнымъ; лучшая площадь города потеряла всю свою красоту,—и все же бостонецъ проходитъ здѣсь съ высоко поднятою головой: пусть будутъ разрушены каріатиды, но правосознаніе побѣдило, а этимъ правосознаніемъ держится жизнь націи.

Здѣсь надо замѣтить, что очень многіе вопросы, являющіеся для нѣмца вопросами права, согласно американскимъ воззрѣніямъ трактуются совсѣмъ иначе,—напримѣръ, какъ вопросы политическіе, и благодаря этому нѣмецъ часто можетъ увидѣть нарушеніе права тамъ, гдѣ въ дѣйствительности рѣчь идетъ только о политическихъ злоупотребленіяхъ. Это надо, собственно, сказать о взаимной оцѣнкѣ всѣхъ націй между собою. Американецъ въ Германіи постоянно наталкивается на такія явленія, которыя онъ готовъ считать правонарушеніями, между тѣмъ какъ нѣмецъ видитъ въ нихъ только исторически создавшіяся отрицательныя стороны соціальной или политической жизни.

Итакъ, американское право, сказали мы, основано на прежнихъ рѣшеніяхъ, принятыхъ во время предшествующихъ судебныхъ разбирательствъ. Но, въ концѣ концовъ, это только одинъ изъ трехъ источниковъ. Въ Америкѣ признана и та форма созданія права, которая является единственною на европейскомъ материкѣ, именно — установленіе правовыхъ нормъ народными представителями. Мы видѣли, что конгрессъ устанавливаетъ ежегодно сотни законовъ. Правда, большинство изъ нихъ — постановленія по единичнымъ частнымъ случаямъ, не имѣющія общаго значенія, но значительная часть ихъ представляетъ собою и такія формулы, которыя обнимаютъ неограниченное число возможныхъ частныхъ случаевъ. И не только конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, но и законодательное собраніе каждаго штата можетъ издавать для своей территоріи общія предписанія. Законы, установленные этими законодательными собраніями, носятъ названіе «статутовъ». Законы вносятся въ книгу статутовъ даннаго штата, и ими уничтожается сила всѣхъ прежнихъ, противорѣчащихъ имъ судебныхъ рѣшеній. Судья, состоящій на службѣ какъ у Союза, такъ и у отдѣльнаго штата, связанъ поэтому прежними рѣшеніями лишь постольку, поскольку они не отмѣнены статутами въ той области, гдѣ онъ работаетъ.

Здѣсь для насъ сейчасъ же станетъ понятною одна изъ главныхъ причинъ, которыми объясняется чрезвычайное разнообразіе американскаго права. Сорокъ пять законодательныхъ собраній могутъ устанавливать законы отдѣльныхъ штатовъ, и въ этихъ законахъ, конечно, будетъ отражаться различіе мѣстныхъ потребностей и различіе культурнаго уровня. Въ то же время и здѣсь опять-таки принципъ слѣдованія прежнимъ рѣшеніямъ будетъ соединяться съ принципомъ соблюденія статутовъ. Живую силу законы, установленные какъ конгрессомъ, такъ и законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ, получатъ лишь при томъ или иномъ истолкованіи ихъ какимъ нибудь опредѣленнымъ судьей въ какомъ нибудь опредѣленномъ частномъ случаѣ, и толкованіе, принятое судьей въ первомъ изъ представившихся случаевъ опять-таки будетъ обязательно для всѣхъ остальныхъ, возможныхъ въ будущемъ, аналогичныхъ случаевъ. При этомъ какъ въ отдѣльномъ штатѣ, такъ и въ цѣломъ Союзѣ процессъ можетъ вестись во всѣхъ инстанціяхъ, отъ низшей до высшей, и заключительное рѣшеніе верховнаго суда получаетъ обязательную силу закона. Такимъ образомъ, разнообразіе сорока пяти оттѣнковъ можетъ встрѣчаться не только въ самихъ статутахъ, установленныхъ въ отдѣльныхъ штатахъ, но и въ толкованіяхъ, которыя даются этимъ статутамъ верховными судами отдѣльныхъ штатовъ.

Къ этому присоединяется еще третій источникъ права, дающій абсолютно однородное право для всего государства: это конституція Соединенныхъ Штатовъ. Конституцію нельзя разсматривать какъ продуктъ конгресса; наоборотъ, конгрессъ есть продуктъ конституціи. Всякое опредѣленіе, содержащееся въ конституціи, является, слѣдовательно, высшимъ, безусловно высшимъ правомъ, чѣмъ любое право, вытекающее изъ закона, установленнаго конгрессомъ, подобно тому какъ послѣднее выше права, основаннаго на прежнемъ судебномъ рѣшеніи. Никакой конгрессъ не можетъ отмѣнить поставленія конституціи. Для пересмотра конституціи требуется, чтобы рѣшеніе было принято всѣмъ народомъ, какъ онъ организованъ по отдѣльнымъ штатамъ. Правда, конгрессу можетъ принадлежать иниціатива пересмотра—въ томъ случаѣ, если за него выскажутся двумя третями голосовъ и сенатъ, и палата народныхъ представителей; но они могутъ только предложить внести какія либо измѣненія въ конституцію, рѣшеніе же должно быть постановлено законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ, и для дѣйствительности его необходимо согласіе трехъ четвертыхъ всего числа штатовъ, входящихъ въ Союзъ.

На первый взглядъ должно показаться, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою слишкомъ сложный правовой механизмъ,

который не можетъ гладко работать. Можетъ получиться даже такое впечатлѣніе, какъ будто здѣсь конфликты почти вызываются искусственно, какъ будто здѣсь неизбѣжны постоянныя столкновенія между различными правовыми факторами и различными системами. Съ одной стороны, конфликты, казалось бы, должны происходить между судебнымъ вѣдомствомъ, руководствующимся законами Союза, и судебными вѣдомствами отдѣльныхъ штатовъ; съ другой стороны, сложная система составленныхъ сто лѣтъ тому назадъ предписаній конституціи должна создавать съ прогрессивнымъ законодательствомъ Союза и отдѣльныхъ штатовъ такіе диссонансы, благодаря которымъ правовая жизнь теряетъ свою устойчивость. Въ этомъ, дѣйствительно, заключаются юридическія затрудненія. Все же остальное, напримѣръ, многочисленность и разнообразіе законовъ отдѣльныхъ штатовъ, можетъ, правда, создавать извѣстныя неудобства, но не можетъ вести къ принципіальнымъ юридическимъ конфликтамъ.

Ничего подобнаго не встрѣчается въ Германской имперіи. Ни въ одномъ прусскомъ городѣ германскій судъ не стоитъ на ряду съ прусскимъ, имперскій судья, представляющій низшую инстанцію, на ряду съ судьей, поставленнымъ Пруссіей; точно такъ же въ Германской имперіи не можетъ возникнуть конфликта между составителями имперскихъ законовъ и законодателями, создавшими конституцію. Но для американской системы именно эта двойственность состава судей въ каждой части Союза является характерной и необходимой. Изумительное равновѣсіе между центробѣжными и центростремительными силами, характеризующее всю американскую конституцію, совершенно не допускаетъ, чтобы судъ находился всецѣло въ рукахъ Союза, или, наоборотъ, чтобы судопроизводство, основанное на законахъ Союза, было предоставлено отдѣльнымъ штатамъ. Разумѣется, здѣсь необходимо было строгое разграниченіе сферъ компетенціи того и другого суда, и въ конституціи содержатся всѣ относящіяся сюда указанія. Сущность этихъ указаній вытекаетъ изъ представленія объ объединительной роли Союза. Военное и морское право, торговая политика и политическія сношенія съ другими государствами, установленіе мѣръ и монетъ, организація почты и экономическихъ сношеній между отдѣльными штатами, законодательство объ авторскихъ правахъ и патентахъ, конкурсное право, право натурализаціи, право, регулирующее пользованіе рѣками и гаванями, законы о государственной измѣнѣ и т. д., — все это должно входить въ функціи Союза. Если эти функціи сами собою вытекаютъ изъ внутренняго содержанія права, то не менѣе очевидно, что и извѣстныя категоріи лицъ должны подлежать только суду союз-

ныхъ учрежденій; таковы, напримѣръ, дипломатическіе представители и консулы, затѣмъ реальныя или юридическія лица, принадлежащія къ различнымъ штатамъ и тяжущіяся между собою. Но прежде всего сюда относятся сами штаты въ качествѣ юридическихъ лицъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда одною изъ тяжущихся сторонъ является какой-нибудь штатъ, разбирательство должно происходить въ союзномъ судѣ и при томъ въ высшей инстанціи. За то конституція категорически заявляетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вполнѣ опредѣленно не оговорена подсудность дѣла союзнымъ учрежденіямъ, право суда принадлежитъ отдѣльнымъ штатамъ. Поэтому въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ остается въ наибольшей своей части уголовное законодательство, законодательство о наслѣдствахъ и брачныхъ дѣлахъ, о долговыхъ обязательствахъ, о недвижимой собственности и т. д.

Для организаціи суда въ сферѣ компетенціи Союза все государство раздѣлено на двадцать семь округовъ, границы которыхъ частью совпадаютъ съ границами отдѣльныхъ штатовъ; въ каждомъ округѣ въ качествѣ низшей инстанціи находится окружный судъ. Нѣсколько округовъ образуютъ область, и въ каждой области имѣется, во-первыхъ, областной судъ, которому подсудны болѣе крупныя дѣла, преимущественно гражданскія, гдѣ предметомъ тяжбы служатъ значительныя цѣнности, во вторыхъ, аппелляціонный судъ, стоящій надъ низшими судами. Границы этихъ округовъ и областей нисколько не соотвѣтствуютъ границамъ тѣхъ территорій, на которыя распространяется судебная власть отдѣльныхъ штатовъ. Въ ведсніи процесса суды держатся вполнѣ однородныхъ методовъ. Особенно это надо сказать о разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ, гдѣ основныя черты совершенно тожественны, такъ какъ здѣсь главные пункты установлены самой конституціей. Суды, находящіеся какъ въ вѣдѣніи Союза, такъ и въ вѣдѣніи отдѣльнаго штата, одинаково связаны чрезвычайно строгими постановленіями конституціи, которыя имѣютъ цѣлью защитить невиннаго отъ строгости законовъ.

Ни одинъ преступникъ не можетъ быть осужденъ безъ участія присяжныхъ; но еще до того, какъ онъ предстанетъ передъ судомъ присяжныхъ, обвиненіе противъ него должно быть возбуждено подготовительнымъ жюри. Это значитъ, что одинъ судъ присяжныхъ долженъ прійти къ убѣжденію въ основательности подозрѣнія, прежде чѣмъ другой судъ присяжныхъ будетъ собственно произносить приговоръ. Никто не можетъ дважды быть обвиненъ въ одномъ и томъ же преступленіи; никто не можетъ быть принуждаемъ давать показанія противъ самого себя; всякій имѣетъ право предстать передъ «жюри»

того округа, въ которомъ совершено преступленіе, имѣетъ право требовать очной ставки съ показывающими противъ него свидѣтелями и выбирать для своей защиты адвоката; свидѣтели, показанія которыхъ обвиняемый считаетъ наиболѣе важными для себя, могутъ быть, по его требованію, доставляемы въ судъ принудительнымъ путемъ. Не должно быть назначаемо жестокихъ или необычайныхъ наказаній. Никто не можетъ быть стѣсняемъ въ пользованіи своимъ имуществомъ и свободою безъ законнаго постановленія суда.

Всѣ эти предписанія и еще многія другія содержатся въ конституціи, которая, такимъ образомъ, придаетъ извѣстную однородность постановкѣ судебнаго дѣла. Но на-ряду съ этимъ остаются и существенныя различія, между прочимъ, различія внутреннія, не проявляющіяся во внѣшнихъ формахъ судопроизводства; сюда относится, напримѣръ, то обстоятельство, что судьи, состоящіе на службѣ у Союза, занимаютъ свои мѣста пожизненно, между тѣмъ какъ судьи отдѣльныхъ штатовъ избираются на короткіе сроки,—въ однихъ штатахъ на четыре года, въ другихъ—на семь. Для судовъ, учреждаемыхъ отдѣльными штатами, также существуютъ различныя инстанціи, и такимъ образомъ каждая деревня, каждый гражданинъ фактически подчинены двоякой юрисдикціи; въ томъ случаѣ, когда гражданинъ одного штата вступаетъ въ тяжбу съ гражданиномъ другого, ему даже предоставляется на выборъ вести дѣло въ судѣ того штата, къ которому принадлежитъ обвиняемый, или же обратиться къ суду, дѣйствующему отъ имени Союза.

Пожалуй, еще болѣе сложными могутъ показаться взаимныя отношенія между законами, установленными конституціей, и тѣми, которые издаются законодательными собраніями. И здѣсь до извѣстной степени на одну и ту же область распространяется двоякое законодательство: мертвая буква конституціи противопоставляется живому постановленію, принятому большинствомъ голосовъ въ конгрессѣ или въ законодательномъ собраніи какого либо штата. Что никакое законодательное собраніе не можетъ пробивать бреши въ конституціи, это не подлежитъ спору. Если бы въ какомъ нибудь юридическомъ построеніи обнаружилось противорѣчіе между обѣими системами права, то отсюда должно вытекать такое разногласіе, которое сдѣлаетъ шаткими самыя основы правовой жизни.

И если мы спросимъ, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что всѣ конфликты подобнаго рода сами собою разрѣшались всегда безъ малѣйшаго ущерба для правосознанія націи, что нигдѣ не замѣчается этого тренія, возможнаго, казалось бы, въ столь многихъ мѣстахъ, что, наконецъ, въ странѣ, долго выносившей тяжелую борьбу, правовая жизнь, несмотря на все свое многообразіе

и на свои многочисленные явные дефекты, оставалась всегда незыблемой,—то отвѣтъ на это можетъ быть данъ только одинъ: объ этомъ заботился верховный союзный судъ. Верховный союзный судъ служилъ великимъ примиряющимъ факторомъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, и въ исторіи этого суда одна почетная страница слѣдуетъ за другой. Самымъ замѣчательнымъ вождемъ его былъ Джонъ Маршалль, занимавшій въ немъ предсѣдательское мѣсто съ 1801 г. по 1835 г.; это былъ величайшій юристъ Америки, который больше всего способствовалъ тому чтобы все государство прониклось духомъ своей конституціи.

Съ названіемъ верховнаго союзнаго суда нельзя связывать представленія о высшей инстанціи для судовъ, учрежденныхъ отдѣльными штатами. Дѣло, подсудное судамъ послѣдняго рода, окончательно разрѣшается и въ высшихъ апелляціонныхъ судахъ отдѣльныхъ штатовъ. Верховный судъ въ Вашингтонѣ является высшею инстанціей только для судовъ, дѣйствующихъ отъ имени Союза. Для того, чтобы не обременять чрезмѣрно вашингтонскихъ девять судей, существуетъ правило, по которому даже извѣстныя категоріи дѣлъ могутъ переходить отъ судей, состоящихъ на службѣ у Союза, только въ союзные областные апелляціонные суды, рѣшенія которыхъ по этимъ дѣламъ считаются окончательными. Но болѣе важными, чѣмъ тѣ случаи, гдѣ верховный судъ выступаетъ только въ качествѣ высшей инстанціи надъ остальными союзными судами, являются случаи, въ которыхъ онъ является первою и послѣднею инстанціей, случаи, разрѣшеніе которыхъ самою конституціей предоставлено только верховному суду. Сюда относятся, прежде всего, процессы, въ которыхъ одною изъ сторонъ является какой нибудь штатъ или Соединенные Штаты, такъ какъ въ этихъ случаяхъ одинъ лишь верховный судъ можетъ сдѣлать постановленіе о томъ, какъ должны быть разрѣшены конфликты между отдѣльными штатами, и можетъ установить, существуетъ ли противорѣчіе между законодательствомъ Союза или отдѣльнаго штата и конституціей. Въ этомъ смыслѣ верховный судъ стоитъ надъ президентомъ и конгрессомъ. Если онъ рѣшитъ, что договоръ, заключенный исполнительною властью, или законъ, установленный законодательнымъ собраніемъ, противорѣчитъ конституціи, то этимъ самымъ теряютъ силу дѣйствія президента и конгресса. И одна только инстанція можетъ, въ свою очередь, отмѣнить постановленіе верховнаго суда: это—большинство въ три четверти всѣхъ штатовъ, которому предоставлено право измѣнять и самую конституцію. Такого рода случаи и бывали, дѣйствительно, въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Но въ сущности постановленія девяти вашингтонскихъ судей представляютъ собою высшее право.

Двадцать одинъ разъ верховный судъ призналъ недѣйствительными законы, изданные конгрессомъ, и свыше двухсотъ разъ—законы, изданные въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ какъ законы эти противорѣчили конституціи. При этомъ дѣло часто шло о важнѣйшихъ политическихъ актахъ, принятію которыхъ предшествовали долгія и возбужденныя пренія въ законодательныхъ собраніяхъ и къ которымъ очень горячо относилось общественное мнѣніе; часто во взглядахъ на данный юридическій вопросъ вся страна распадалась на двѣ части, часто и постановленіе девяти судей дѣлалось лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ,—и тѣмъ не менѣе на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій страна постоянно подчинялась безпрекословно верховному суду и считала вопросъ покончennымъ.

Всего сказаннаго не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто верховный судъ занимается оцѣнкою отвлеченныхъ законовъ и какъ бы налагаетъ свое veto въ тѣхъ случаяхъ, когда конгрессъ или какое нибудь законодательное собраніе отдѣльнаго штата нарушаетъ конституцію. Объ этомъ нѣтъ и рѣчи, такъ какъ, теоретически, судъ стоитъ рядомъ съ конгрессомъ, а не надъ нимъ. И онъ, прежде всего, является именно судомъ, а не законодательнымъ учрежденіемъ. Вопросъ о законности или незаконности какого либо акта возникаетъ поэтому для верховнаго суда не ранѣе, чѣмъ приходится рѣшать опредѣленное судебное дѣло. Судъ рѣшительно отклонялъ всякія попытки, которыя дѣлались для того, чтобы получить съ его стороны напередъ теоретическое разрѣшеніе вопроса, и еще въ восемнадцатомъ столѣтіи президенту Вашингтону не удалось добиться отъ него отвѣта на вопросъ, выраженный въ формѣ предположенія. Даже тогда, когда приходится разрѣшать конкретное судебное дѣло, верховный судъ не говоритъ, что опредѣленный законъ недѣйствителенъ, а только выноситъ рѣшеніе по данному дѣлу и указываетъ, на какихъ статьяхъ закона основано это рѣшеніе; если между двумя законами оказывается противорѣчіе, то судъ долженъ на практикѣ отдать одному изъ нихъ предпочтеніе. Этимъ какъ будто бы разрѣшается только одинъ данный случай. Но здѣсь снова вступаетъ въ силу «обычное право»: постановленное судомъ рѣшеніе само становится дѣйствующимъ правомъ, и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ этотъ судъ, какъ и всѣ остальные суды низшихъ инстанцій, обязанъ имъ руководствоваться. Будучи отвергнутъ такимъ способомъ, законъ, изданный какимъ либо законодательнымъ собраніемъ, на практикѣ становится недѣйствительнымъ и какъ бы отмѣненнымъ. Устойчивость правовой жизни націи, поскольку она обезпечивается верховнымъ судомъ, здѣсь, больше всего обусловлена обязательною силою прежнихъ рѣшеній.

Достаточно указать на два интересныхъ рѣшенія, постановленныхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и привлекавшихъ къ себѣ вниманіе всей страны. Въ 1894 году конгрессъ установилъ новые законы о налогахъ для всего государства. Въ силу одного изъ параграфовъ этихъ законовъ налогомъ облагается всякій доходъ, начиная съ опредѣленныхъ, довольно значительныхъ размѣровъ: это было обложеніе богатыхъ людей. Поскольку дѣло касалось доходовъ, получаемыхъ отъ работы, обложеніе, безспорно, было законно. Но нью-іоркскіе адвокаты оспаривали законность налога, который предполагалось взимать съ ренты и съ доходовъ, приносимыхъ личною собственностью. Въ конституціи сказано, что прямые налоги въ пользу государства должны взиматься не самимъ центральнымъ правительствомъ, а отдѣльными штатами; при этомъ вся сумма, подлежащая полученію, должна быть распредѣлена между штатами соотвѣтственно количеству ихъ народонаселенія. Адвокаты богатыхъ жителей Нью-Іорка утверждали, что въ данномъ случаѣ должна быть примѣнена эта статья конституціи, и для очень богатыхъ людей въ густо населенныхъ штатахъ это было очень существенно. Если бы налогъ былъ распредѣленъ между штатами сообразно количеству ихъ народонаселенія, то извѣстная доля его пала бы и на бѣдные штаты; если же обложенію подверглись непосредственно отдѣльныя лица, то большая часть тяжести новаго налога ложилась на милліонеровъ, сосредоточенныхъ въ нѣсколькихъ штатахъ. Покуда вопросъ дебатировался теоретически, верховному суду нечего было говорить; но затѣмъ наступило и для него время высказатьея. Когда адвокаты достаточно подготовились, одинъ гражданинъ отказался платить налогъ и довелъ дѣло до суда. Съ той и другой стороны выступили самые выдающіеся адвокаты страны. Въ верховномъ судѣ мнѣнія разошлись. Большинство высказалось въ пользу отвѣтчика, отказавшагося платить налогъ, такъ какъ, по мнѣнію этого большинства, рѣчь идетъ о прямомъ налогѣ, и здѣсь, слѣдовательно, должна быть примѣнена статья конституціи о прямыхъ налогахъ. Этимъ постановленіемъ по поводу одного частнаго случая налогъ на доходы былъ устраненъ, и вмѣсто того, чтобы вести десятки тысячъ процессовъ, исходъ которыхъ заранѣе былъ предопредѣленъ, правительство вернуло деньги тѣмъ, кто уже внесъ этотъ налогъ. Въ сущности, это была побѣда одного геніальнаго адвоката, въ настоящее время состоящаго посланникомъ въ Англіи, надъ конгрессомъ и президентомъ.

Еще болѣе важно рѣшеніе суда по «дѣлу объ островахъ», такъ какъ это рѣшеніе имѣетъ политическое значеніе для всей будущности Соединенныхъ Штатовъ. Островъ Порто-Рико, по договору съ Испаніей, перешелъ во владѣніе Соединенныхъ

Штатовъ. Такимъ образомъ, на него распространялось и законодательство Соединенныхъ Штатовъ. Конгрессъ обложилъ пошлиною извѣстные товары, которые ввозились съ острова на американскій материкъ. Здѣсь возможны были два воззрѣнія. Можно было ссылаться на то, что конституція запрещаетъ устанавливать въ какой бы ты ни было формѣ таможенныя границы между штатами, образующими союзъ; Порто-Рико является частью союза, и остальная Америка, слѣдовательно, не должна облагать пошлиною ввозимые съ острова товары. Другая же сторона указывала, что конституціей предоставлено конгрессу безусловное право устанавливать по своему усмотрѣнію правила для тѣхъ территорій, которыя находятся во владѣніи Соединенныхъ Штатовъ, но которыя сами не признаны за равноправные съ другими штаты; такимъ образомъ, въ отношеніи этихъ областей нельзя руководствоваться непосредственно положеніями конституціи. Этотъ вопросъ никогда раньше не приходилось разрѣшать; территоріи, отнятыя у индѣйцевъ, области Новой Мексики, Аляска никогда не подавали повода къ разногласіямъ; конгрессъ обыкновенно безмолвно распространялъ на нихъ дѣйствіе конституціи. Но новая имперіалистская политика создала совершенно новое положеніе, и теперь вопросъ надо было разрѣшить.

И здѣсь также не было рѣчи о томъ, чтобы верховный судъ, собравшись, теоретически обсудилъ теоретическій вопросъ, волновавшій всю страну. Въ судъ поступило дѣло «Доунса съ Бидвеллемъ», простая жалоба, въ которой изложены были претензіи торговой фирмы къ нью-іоркскимъ таможеннымъ чиновникамъ. Если бы судъ призналъ, что опредѣленія конституціи дѣйствительны на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, то пошлины, установленныя конгрессомъ, оказались бы незаконными; если же конституція имѣетъ силу только въ штатахъ, а надъ территоріями, не образующими штата, верховная власть принадлежитъ конгрессу, то пошлины законны. Пятью голосами противъ четырехъ верховный судъ высказался въ пользу послѣдняго взгляда, и фирма должна была внести пошлину. Принципъ этотъ установленъ на вѣчныя времена, и если бы теперь Соединенные Штаты завоевали всю Африку и Азію, то напередъ рѣшено, что новыя владѣнія будутъ находиться не подъ дѣйствіемъ конституціи, а подъ неограниченной властью конгресса,—только потому, что Доунсъ проигралъ процессъ противъ таможеннаго инспектора Бидвелля и долженъ былъ заплатить за свои апельсины 600 долларовъ пошлины.

Послѣдній случай показываетъ, что рѣшенія верховнаго суда совсѣмъ не отдаютъ предпочтенія конституціи передъ по-

становленіями законодательныхъ собраній, и изъ статистическихъ данныхъ видно, что противъ двухсотъ случаевъ, гдѣ дѣйствія законодательныхъ собраній признаны были неправильными, стоитъ гораздо большее число такихъ случаевъ, въ которыхъ судъ высказался въ пользу взглядовъ законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Вся исторія верховнаго суда свидѣтельствуетъ, что онъ, оставаясь строго консервативнымъ, всегда относился справедливо къ обѣимъ тенденціямъ, какъ къ централистской, такъ и къ партикуляристской. Это примирительное вліяніе онъ обезпечилъ за собою, прежде всего, той твердостью и увѣренностью, съ которою разрѣшалъ споры между отдѣльными штатами, въ особенности опасные споры о границахъ; этимъ спорамъ верховный судъ дѣйствительно полагалъ конецъ разъ на всегда, и здѣсь онъ на протяженіи цѣлаго столѣтія являлся прекраснымъ образцомъ стоящаго надъ государствами третейскаго суда.

Верховный судъ не могъ бы достигнуть такого полнаго господства надъ національною жизнью, если бы онъ не оставался все время выше борьбы политическихъ партій. Это утвержденіе можетъ показаться страннымъ, если принять во вниманіе, какимъ образомъ происходитъ назначеніе судей. Они избираются президентомъ и утверждаются сенатомъ, когда вслѣдствіе смерти или ухода кого либо изъ девяти судей открывается свободная вакансія. Такимъ образомъ, при назначеніи судей играютъ извѣстную роль соображенія партійной политики, и дѣйствительно, президенты-демократы всегда избирали судей-демократовъ, а президенты, принадлежавшіе къ республиканской партіи, избирали на должность судей членовъ той же партіи. Результатомъ этого является то, что въ верховномъ судѣ представлены обѣ партіи. Конечно, при разрѣшеніи политическихъ вопросовъ, каковы, напримѣръ, указанный выше вопросъ о Порто-Рико, группировка голосовъ въ извѣстной степени зависитъ отъ партійныхъ взглядовъ судей, но это надо понимать лишь въ томъ смыслѣ, что принадлежность къ той или другой партіи свидѣтельствуетъ о наличности опредѣленныхъ основныхъ воззрѣній, которыя должны, между прочимъ, сказываться и въ судейскихъ рѣшеніяхъ. Но за то, съ другой стороны, никогда не возникаетъ ни малѣйшаго подозрѣнія, будто судьи занимаются политикою, будто своими рѣшеніями они хотятъ оказать поддержку какой нибудь политической партіи. Это безусловное довѣріе объясняется тѣмъ, что обѣ партіи считаютъ дѣломъ чести отдавать высшія судейскія мѣста дѣйствительно самымъ выдающимся юристамъ, которые навсегда составятъ славу администраціи. Почти всегда въ верховномъ судѣ засѣдали только люди, никогда не занимавшіеся много практической политикой,

люди, которые состояли судьями въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ или пріобрѣли репутацію знаменитыхъ адвокатовъ и которые, со дня назначенія ихъ въ верховный судъ, остаются только юристами. Должность члена верховнаго суда считается самой почетною, и едва ли какой-нибудь юристъ отклонилъ бы предложеніе занять ее; при этомъ вознагражденіе здѣсь, какъ и для всѣхъ должностей американской государственной службы, совсѣмъ незначительно: оно составляетъ десять тысячъ долларовъ, между тѣмъ, какъ доходъ всякаго выдающагося адвоката обыкновенно бываетъ во много разъ больше. И въ настоящее время верховный судъ составляютъ люди, изъ которыхъ каждый является представителемъ лучшаго американскаго типа. Быть можетъ, самымъ одареннымъ и интереснымъ надо признать младшаго изъ нихъ, лишь недавно избраннаго Рузвельтомъ въ члены верховнаго суда; это геніальный сынъ самаго привлекательнаго американскаго поэта, Оливеръ Вендель Гольмсъ. Шумъ, царящій въ правомъ и лѣвомъ крылѣ Капитолія, не проникаетъ въ залу, гдѣ засѣдаютъ девять судей: они символизируютъ совѣсть и спокойный разсудокъ американскаго народа.

Намъ придется еще въ другихъ главахъ разсматривать правовую жизнь американскаго народа съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; иныя черты вновь воскресятъ то впечатлѣніе, которое производитъ духовная физіономія верховнаго суда, другія, быть можетъ, покажутся проникнутыми въ меньшей степени элементами совѣсти и, главное, элементами спокойнаго разсудка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Штатъ и городъ.

Конституція, президентъ, кабинетъ, сенатъ, палата народныхъ представителей, верховный судъ,—словомъ, всѣ эти факторы, очерченные нами до сихъ поръ, составляютъ принадлежность Соединенныхъ Штатовъ. Европеецъ, который старается представить себѣ жизнь американца, невольно предполагаетъ, что эти же факторы оказываютъ главное вліяніе и на политическую жизнь каждаго гражданина; но въ дѣйствительности это не такъ. Въ повседневной жизни американецъ прежде всего является гражданиномъ своего отдѣльнаго штата. Организація союза штатовъ гораздо сильнѣе бросается въ глаза, чѣмъ организація отдѣльныхъ штатовъ, но послѣдняя гораздо сильнѣе даетъ себя чувствовать.

Понять характеръ американскаго штата нѣмцу гораздо легче, нежели англичанину, французу или русскому. Саксонецъ и баварецъ знаютъ, что можно питать одновременно патріотизмъ двоякаго рода—по отношенію къ своему государству и ко всей имперіи, и что возможно группировать свои права и обязанности вокругъ двухъ центральныхъ пунктовъ. И тѣмъ не менѣе, характеръ американскаго штата не будетъ понятъ и нѣмцемъ, если послѣдній станетъ при этомъ исходить только изъ представленія объ отношеніяхъ между отдѣльными германскими государствами и Германскою имперіей. Безспорно, при такомъ сравненіи значеніе американскаго штата окажется меньше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Въ своихъ отношеніяхъ къ Союзу онъ пользуется еще большею самостоятельностью, еще большимъ суверенитетомъ. Что онъ обладаетъ собственнымъ законодательствомъ и собственнымъ верховнымъ судомъ, объ этомъ мы сейчасъ говорили, и это лишь одинъ изъ многихъ признаковъ его принципіальной независимости. Но огромное конституціонное значеніе отдѣльнаго штата будетъ еще яснѣе, если разсматривать его отношеніе не къ стоящему надъ нимъ союзу, а къ зависимому отъ него городу. Въ то время, какъ отдѣльное германское государство въ большей мѣрѣ зависитъ отъ имперіи, чѣмъ американскій штатъ отъ союза, нѣмецкій городъ зависитъ отъ государства гораздо меньше, чѣмъ любой изъ городовъ Новаго Свѣта. Политическая жизнь города находится въ полной зависимости отъ законодательнаго собранія штата. Такимъ образомъ, въ отношеніи конституціоннаго права и административнаго права весь союзъ и вся жизнь городовъ зависятъ отъ отдѣльныхъ штатовъ.

Этого нисколько нельзя считать лишь за историческій пережитокъ той эпохи, когда первые тринадцать штатовъ соединились въ союзъ, когда эти штаты лишь очень неохотно уступали союзу свои особыя права, и когда, съ другой стороны, существовало всего шесть городовъ съ населеніемъ свыше 8000 человѣкъ. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось. Еще и въ настоящее время отдѣльный штатъ—и не только въ лицѣ представителей демократической партіи—ревниво оберегаетъ свои особыя права, и еще въ настоящее время онъ слишкомъ любитъ давить большіе города своею опекой. Есть признаки, указывающіе, что отстаиваніе отдѣльными штатами своихъ правъ становится даже все рѣшительнѣе,—быть можетъ, въ видѣ реакціи противъ того, что фактически, подъ вліяніемъ болѣе оживленныхъ сношеній, штаты все болѣе и болѣе сливаются въ одно цѣлое, несмотря на всѣ опредѣленія, заключающіяся въ конституціи.

Кто приметъ во вниманіе ту необычайную энергію, съ ко-

торою какъ общій законъ, такъ и мѣстный патріотизмъ отдѣльной личности отстаиваютъ независимость каждаго изъ сорока пяти штатовъ, тотъ долженъ невольно предположить, что здѣсь имѣются на-лицо очень глубокія различія въ обычаяхъ и міросозерцаніи населенія, въ его темпераментѣ и интересахъ но, собственно говоря, все это не такъ. Разумѣется, отдѣльные штаты сильно разнятся между собою, прежде всего—по величинѣ. Техасъ и Родъ-Исландъ относятся другъ къ другу такъ, какъ Пруссія и герцогство Рейсъ, и еще большія различія представляетъ густота населенія. Отдѣльныя части государства имѣютъ, конечно, очень различную физіономію. Югъ носитъ опредѣленный отпечатокъ благодаря своей плантаторской культурѣ, на сѣверо-востокѣ мы видимъ болѣе утонченную культуру высшихъ духовныхъ интересовъ, на западѣ обширныя сельско-хозяйственныя области отдѣляются отъ горнопромышленныхъ округовъ; но все это не имѣетъ ничего общаго съ границами отдѣльныхъ штатовъ: нѣкоторыя части страны съ одинаковымъ характеромъ обнимаютъ цѣлый рядъ штатовъ, и наоборотъ, часто между отдѣльными частями одного и того же штата существуютъ гораздо большія различія, чѣмъ между нѣсколькими сосѣдними штатами. Сама природа здѣсь создала мало рѣзкихъ границъ, и пограничная черта часто проводилась на картѣ съ помощью линейки; кромѣ того, въ одномъ и томъ же штатѣ перемѣшаны между собою люди, по происхожденію принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ національностямъ. Не безъ основанія указываютъ и на то, что въ теченіе всего послѣдняго столѣтія народъ непрерывно совершалъ піонерскую работу; потокъ направлялся на западъ, и во многихъ штатахъ число мѣстныхъ уроженцевъ гораздо меньше, чѣмъ число лицъ, переселившихся изъ другихъ частей страны. Такимъ образомъ, нельзя объяснять этого упорнаго охраненія правъ отдѣльныхъ штатовъ приверженностью къ старымъ мѣстнымъ обычаямъ. Надо также принять во вниманіе и тѣ безчисленные факторы, которые въ нашъ вѣкъ телеграфа сближаютъ между собою живущихъ здѣсь пятьдесятъ милліоновъ людей. Особенно важную роль здѣсь играютъ оживленныя экономическія сношенія и колоссальная экономическая организація, которая покрываетъ своими сѣтями всю страну и какъ бы смѣется надъ всѣми границами отдѣльныхъ штатовъ.

Далѣе, нивеллирующее вліяніе оказываютъ мода, газеты и журналы, распространенные въ огромномъ количествѣ, и, прежде всего, общая партійная политика и глубокій патріотизмъ, направленный на государство въ цѣломъ. Именно благодаря всему этому американецъ всюду, отъ Мэна до Калифорніи, является однимъ и тѣмъ же американцемъ и чувствуетъ себя, въ сво-

ихъ отношеніяхъ къ лицамъ другихъ національностей, только американцемъ; и тѣмъ не менѣе мы видимъ упорныя притязанія со стороны отдѣльныхъ штатовъ на самостоятельныя права. Здѣсь проявляется тотъ же принципъ, который обнаружился передъ нами, когда мы разсматривали личность американца. Чѣмъ болѣе сходны между собою по содержанію индивидуумы и государственныя организаціи, тѣмъ сильнѣе они испытываютъ потребность въ огражденіи своей самостоятельности. Чѣмъ болѣе однородно ихъ содержаніе, тѣмъ сильнѣе они подчеркиваютъ свою формальную обособленность.

Что штаты внутренно почти не отличаются другъ отъ друга, это видно уже изъ того, что хотя каждый изъ нихъ обладаетъ собственною конституціей, и хотя въ каждомъ мѣстный верховный судъ самымъ ревнивымъ образомъ оберегаетъ ненарушимость именно данной конституціи, однако, въ сущности, всѣ сорокъ пять конституцій скроены по одному и тому же образцу. Это совсѣмъ не вытекаетъ изъ требованій конституціи Соединенныхъ Штатовъ; послѣдняя требуетъ только, чтобы конституція отдѣльныхъ штатовъ была основана на республиканскихъ принципахъ; но ни одинъ изъ штатовъ не воспользовался предоставленной имъ свободою. Конституціи старѣйшихъ штатовъ были составлены отчасти по англійскому образцу, отчасти же въ соотвѣтствіи съ учрежденіями колоніальнаго періода, а послѣ того какъ всѣ ихъ черты получили окончательное выраженіе въ одной союзной конституціи, послѣдняя стала оказывать возвратное вліяніе на выработку конституцій отдѣльныхъ штатовъ. Напротивъ, новые штаты просто заимствовали основныя черты конституціи у старыхъ, а также изъ союзной конституціи, и, не обнаруживая особой творческой фантазіи въ области государственнаго права, кое въ чемъ приспособили ихъ къ мѣстнымъ условіямъ. Правда, во внѣшнихъ различіяхъ, при томъ самаго причудливаго свойства, нѣтъ недостатка, и такъ какъ конституціи отдѣльныхъ штатовъ, въ противоположность союзной, довольно часто перекраивались народомъ, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно встрѣтить и совершенно реакціонную мысль, и скороспѣлую идею какого нибудь рѣшительнаго эксперимента, и чрезвычайно радикальное, хотя не слишкомъ осмысленное постановленіе.

Въ основѣ, такимъ образомъ, всюду лежитъ одна и та же схема. Конституція отдѣльнаго штата является точною уменьшенною копіей союзной конституціи, и здѣсь же можно прибавить, что такой же, но еще разъ уменьшенный сколокъ съ этой уменьшенной копіи представляетъ собою конституція американскихъ городовъ. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что хотя съ точки зрѣнія государственнаго права пере-

ходъ отъ штата къ городу есть переходъ отъ большаго къ меньшему, однако фактически, напримѣръ, городъ Нью-Іоркъ имѣетъ въ восемьдесятъ разъ большее населеніе, чѣмъ весь штатъ Невада со своими 42.000 жителей, или что бюджетъ штата Массачузетсъ составляетъ едва четвертую часть бюджета Бостона, главнаго города этого штата.

Итакъ, каждый штатъ и каждый городъ имѣетъ, какъ и Союзъ, свою конституцію, свою исполнительную власть, свое законодательное собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ, свой судъ,—и всюду въ уменьшенномъ видѣ повторяются основныя черты союзной конституціи. Правда, конституція городовъ принципіально отличается отъ конституціи штатовъ, такъ какъ она устанавливается не гражданами города, а, какъ уже сказано, законодательнымъ собраніемъ штата. Главою исполнительной власти, чѣмъ-то въ родѣ маленькаго президента, въ штатѣ является губернаторъ, избираемый прямымъ народнымъ голосованіемъ, большею частью на два года. Ему въ городскомъ управленіи соотвѣтствуетъ мэръ, также избираемый народомъ и, въ важнѣйшихъ городахъ, также на два года. Вокругъ губернатора, какъ и вокругъ мэра, группируются затѣмъ всѣ чиновники, представляющіе собою органы исполнительной власти.

Въ городскомъ управленіи мэръ большею частью самостоятельно назначаетъ начальниковъ различныхъ отдѣленій. Въ городскомъ управленіи Нью-Іорка, напримѣръ, такихъ отдѣленій насчитывается восемнадцать: финансовое, податное, отдѣленіе законовъ, полиціи, санитарное, пожарное, строительное, отдѣленіе, завѣдующее улицами, завѣдующее водоснабженіемъ, завѣдующее мостами, завѣдующее воспитаніемъ, благотворительностью, исправительными заведеніями, парками, общественными зданіями и т. д. Въ штатѣ важнѣйшими чиновниками, подчиненными губернатору, всюду являются статсъ-секретарь, генеральный прокуроръ и завѣдующій казначействомъ. Рядомъ съ губернаторомъ стоитъ вице-губернаторъ, которому, какъ и по союзной конституціи, принадлежитъ предсѣдательское мѣсто въ верхней палатѣ законодательнаго собранія. Губернаторъ имѣетъ право созывать парламентъ своего штата, имъ долженъ быть подписанъ всякій законъ, издаваемый въ штатѣ, при чемъ онъ можетъ наложить на законъ свое veto; ему принадлежитъ право помилованія въ отношеніи преступниковъ, онъ назначаетъ чиновниковъ на многія низшія должности—хотя для этого большею частью требуется согласіе верхней палаты законодательнаго собранія — и вездѣ является главнымъ командиромъ милиціи штата.

Законодательное собраніе во всѣхъ штатахъ и въ большинствѣ городовъ распадается на двѣ палаты. И здѣсь также

верхняя палата менѣе многочисленна по своему составу, и избраніе въ нее обставлено болѣе строгими условіями. Законодательныя собранія каждаго штата, подобно союзному, засѣдаютъ не въ крупнѣйшихъ центрахъ, а создаютъ себѣ обыкновенно убѣжище въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ. Сессіи законодательныхъ собраній почти всюду бываютъ двухгодичными и всюду съ полной строгостью проводится тотъ же принципъ, который палагаетъ свою печать на законодательный аппаратъ въ Вашингтонѣ, именно—принципъ работы въ комитетахъ. Законопроекты могутъ вноситься только членами собранія, и каждый проектъ немедленно передается въ какой-нибудь комитетъ, гдѣ онъ будетъ обсужденъ и, можетъ быть, погребенъ. Только отъ лица комитета проектъ можетъ быть затѣмъ представленъ палатѣ. И пріемы парламентской работы скопированы съ тѣхъ, которые приняты въ Вашингтонѣ, и при томъ иногда скопированы самымъ наивнымъ образомъ. Однако область, въ которой можетъ оперировать законодательное собраніе отдѣльнаго штата, въ большинствѣ случаевъ бываетъ, конечно, нѣсколько уже, чѣмъ сфера, поставленная союзною конституціей для дѣятельности конгресса.

Составители конституціи хорошо знали свою публику и потому напередъ позаботились о томъ, чтобы въ опредѣленныхъ вопросахъ не могли проявляться эгоистическія наклонности законодательныхъ собраній. Съ другой стороны, послѣднія, въ свою очередь передаютъ многія изъ своихъ правъ подчиненнымъ организаціямъ—окружнымъ собраніямъ, мѣстнымъ представительнымъ учрежденіямъ и городскимъ управленіямъ; характерно здѣсь то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ совершается дѣйствительная передача правъ, которыя принадлежатъ штату по своему существу и которыя, поэтому, законодательнымъ собраніемъ штата могутъ быть снова отняты. Въ компетенцію законодательнаго собранія штата входитъ все административное право, т.-е. изданіе постановленій относительно учебнаго дѣла, мѣстнаго управленія, общественныхъ работъ, налоговъ, общественныхъ долговъ, исправительныхъ заведеній, надзоръ за желѣзными дорогами, за различными союзами, фабриками, торговыми предпріятіями и т. п.; далѣе, все гражданское и уголовное право за исключеніемъ тѣхъ областей его, которыя сохранила за собою союзная конституція, и, наконецъ, предоставленіе различныхъ правъ и монополій общественнымъ организаціямъ и экономическимъ союзамъ. Изъ компетенціи отдѣльныхъ штатовъ, разумѣется, совершенно исключено все, что касается отношеній различныхъ штатовъ между собою или съ иностранными государствами, какъ напримѣръ таможенныя пошлины; всѣ вопросы подобнаго рода единообразно разрѣша-

ются для всѣхъ штатовъ союзною конституціей. Напротивъ, каждый штатъ имѣетъ право опредѣлять условія, на которыхъ могутъ въ немъ натурализоваться переселенцы. Чтобы сдѣлаться американцемъ, иностранецъ долженъ пріобрѣсти права гражданства въ одномъ изъ сорока пяти штатовъ на установленныхъ тамъ условіяхъ. Такимъ образомъ, сфера дѣятельности законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ въ дѣйствительности чрезвычайно обширна, и надо удивляться, тому, что различія между штатами при этомъ все же положительно ничтожны по сравненію съ крупными чертами сходства.

Въ законодательныхъ собраніяхъ городовъ число членовъ бываетъ очень различно, самыя же собранія, по крайней мѣрѣ въ крупнѣйшихъ городахъ, также распадаются на двѣ палаты. Однако, этого раздѣленія нельзя представлять себѣ по аналогіи съ существующимъ въ нѣмецкихъ городахъ раздѣленіемъ органовъ городского управленія на думу и магистратъ; въ Америкѣ, благодаря строгому отдѣленію законодательной власти отъ исполнительной, начальники отдѣленій городского управленія, т.-е. члены управы, не имѣютъ мѣста въ законодательномъ собраніи. Двойная палата является, такимъ образомъ, какъ бы верхнею и нижнею думой, въ которыя выборы большею частью производятся различнымъ способомъ, и которыя по своимъ функціямъ такъ же различны, какъ обѣ палаты конгресса. Такъ, напримѣръ, и здѣсь предложенія относительно денежныхъ ассигнованій должны исходить изъ среды нижней палаты. Страннымъ образомъ, управленіе школьнымъ дѣломъ обыкновенно исключается изъ числа функцій городского законодательнаго собранія и поручается особой школьной коллегіи, которая самостоятельно избирается посредствомъ прямого народнаго голосованія.

Кто ознакомится съ духовной атмосферою среднихъ муниципальныхъ дѣятелей, тотъ, конечно, не найдетъ этого выдѣленія школьнаго дѣла страннымъ, а, наоборотъ, признаетъ его очень разумнымъ и благотворнымъ. Въ общемъ можно сказать, что въ городскомъ управленіи мэръ со штатомъ своихъ чиновниковъ имѣетъ больше вліянія, чѣмъ все собраніе городскихъ представителей; здѣсь мы видимъ полную противоположность условіямъ штата, гдѣ значеніе губернатора безусловно мало по сравненію съ ролью законодательнаго собранія. Важнѣйшая функція губернатора носитъ, собственно, отрицательный характеръ и заключается въ томъ, чтобы отъ времени до времени посредствомъ наложенія veto помѣшать какому нибудь слишкомъ рѣшительному закону перейти въ жизнь. Наоборотъ, мэръ можетъ проявить творческую энергію и наложить на городъ тпечатокъ своей личности. Впрочемъ, какъ въ штатѣ, такъ и

въ городѣ далеко не рѣдко бываетъ, что глава исполнительной власти и большинство законодательнаго собранія принадлежатъ къ противоположнымъ политическимъ партіямъ, и это происходитъ не потому, что принадлежность къ той или другой партіи не принимается во вниманіе при провинціальныхъ и мѣстныхъ выборахъ, а потому, что при различныхъ выборахъ примѣняются различныя системы. На ряду съ администраціей и законодательнымъ собраніемъ, въ качествѣ третьяго фактора, стоитъ и здѣсь опять судъ со всѣми своими инстанціями. Городскіе суды по своему существу являются судами полицейскими.

Кромѣ общественныхъ дѣлъ, раздѣляемыхъ на дѣла штата и города, остается, конечно, еще третья обширная категорія дѣлъ, относящихся къ внѣгородскому мѣстному управленію. Власть мѣстныхъ управленій этого рода имѣетъ своимъ единственнымъ источникомъ волю законодательнаго собранія штата, но всѣ штаты предоставляютъ этимъ мелкимъ политическимъ единицамъ въ широкихъ размѣрахъ право самоопредѣленія. И въ этихъ внѣгородскихъ мѣстныхъ управленіяхъ исторически сложившіяся различія отдѣльныхъ областей отражаются гораздо яснѣе, чѣмъ въ жизни штата или города. Большіе города, въ общемъ, вездѣ создавались по одному и тому же шаблону: сходныя потребности вели къ образованію сходныхъ формъ жизни. Стеченіе большихъ массъ создавало всюду одинаковыя экономическія условія. Напротивъ, разсѣянное населеніе должно было на Югѣ, Сѣверѣ и Западѣ расчлениться въ соціальномъ отношеніи при очень различныхъ экономическихъ условіяхъ, и это несходство повело очень рано, когда вопросы большихъ городовъ еще совсѣмъ не были извѣстны, къ образованію различныхъ типовъ, которые затѣмъ сохранили свое историческое существованіе.

Въ періодъ развитія англійскихъ колоній противоположность, напримѣръ, между штатами Новой Англіи и Виргиніей въ этомъ отношеніи доходила до крайней степени. Въ колоніяхъ, расположенныхъ на сѣверномъ берегу съ его холмистою поверхностью, многочисленными бухтами и заливами и обширными лѣсами, населеніе не могло быстро распространяться, и здѣсь условія благопріятствовали образованію значительныхъ поселеній; этому же способствовали и пуританскіе взгляды населенія, требовавшіе, чтобы всѣ принимали близкое участіе въ церковной жизни. Здѣсь естественно развилось, такимъ образомъ, мѣстное самоуправленіе въ видѣ общинныхъ собраній, соотвѣтствовавшее старымъ англійскимъ традиціямъ. Граждане собирались въ общинномъ помѣщеніи, обсуждали общественныя дѣла и рѣшали, какіе налоги надо взимать, какія дороги построить, а прежде всего—что надлежитъ сдѣлать для церкви,

для школы и для бѣдныхъ. Напротивъ, въ Виргиніи, гдѣ развивались обширныя плантаціи, не могло возникнуть подобныхъ поселеній. Населеніе было разбросано по всей странѣ, и рѣшеніе общественныхъ дѣлъ по необходимости должно было отдаваться въ руки особыхъ представителей, которые частью избирались маленькими церковными общинами, частью же назначались губернаторомъ. Здѣсь единицей являлось не поселеніе, а округъ.

Различіе этихъ двухъ типовъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что именно оно дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ Сѣверъ и Югъ давали столь различные и все же равноцѣнные факторы для крупнѣйшихъ событій американской исторіи. Новая Англія и Виргинія были двумя главными центрами вліянія въ эпоху революціи и образованія Союза, но вліяніе той и другой проявлялось въ совершенно несходной формѣ. Новая Англія господствовала надъ страной, благодаря необычайно высокому уровню политическаго развитія массъ, прошедшихъ долгую школу мѣстнаго представительства; здѣсь каждый отдѣльный человѣкъ былъ вынужденъ обдумывать совокупность всѣхъ общественныхъ условій. Напротивъ, Виргинія дала странѣ крупныхъ, блестящихъ вождей. Масса осталась тупою, но представители округовъ привыкли къ роли руководителей государственной жизни и пріобрѣли опытъ въ этой области. Между этими двумя крайними пунктами лежали вдоль побережья Атлантическаго океана средніе штаты, въ которыхъ соціальныя условія необходимо должны были создать смѣшанную форму представительства и по селеніямъ и по округамъ. Эти три типа—сѣверный, южный и смѣшанный—немедленно проникали въ теченіе девятнадцатаго столѣтія съ восточнаго берега Америки на западъ. Поселенцы новыхъ штатовъ приносили привычныя имъ формы мѣстнаго управленія въ свою новую родину, и такимъ образомъ еще въ настоящее время возможно, собственно, во всей странѣ различить описанные три типа. Въ настоящее время заботу этихъ мѣстныхъ группъ составляютъ прежде всего народное образованіе, попеченіе о бѣдныхъ, сооруженіе дорогъ и т. п. Церковное управленіе теперь здѣсь, какъ и въ городѣ, штатѣ и Союзѣ, совершенно отдѣлено отъ политической организаціи. Замѣчательно, что полицейскія функціи мѣстныхъ управленій въ поселеніяхъ и округахъ находятся въ совершенно зачаточномъ состояніи. Въ то время, какъ полиція представляетъ едва ли не самую трудную часть въ городскомъ управленіи Америки, внѣ-городскія мѣстности, собственно, всегда обходились почти совсѣмъ безъ полиціи. Въ этомъ сказывается нравственное здоровье американскаго сельскаго населенія. Всюду люди спятъ съ открытыми дверьми,

всюду ожидаютъ другъ отъ друга готовности помочь въ случаѣ нужды, и лишь благодаря скопленію массъ въ городахъ возникаютъ различные виды соціальнаго зла, среди которыхъ, безспорно, не послѣднее мѣсто занимаетъ созданная для борьбы съ ними полицейская система.

Кто окинетъ взглядомъ все это поприще общественныхъ силъ, тотъ замѣтитъ, что всюду, въ Союзѣ и штатѣ, въ городѣ и округѣ, эти силы дѣйствуютъ совсѣмъ не въ точно очерченномъ для нихъ кругѣ, но что имъ свойственна тенденція къ расширенію своей сферы, прежде всего—къ тому, чтобы покрыть собою меньшіе круги; и именно это вполнѣ отвѣчаетъ здѣсь естественнымъ потребностямъ. Но точно такъ же естественно и нормально и противоположное движеніе—движеніе въ сторону расширенія самыхъ маленькихъ круговъ. Приведемъ два-три примѣра. Такъ, Союзъ имѣетъ естественное желаніе присвоить себѣ законодательныя функціи въ тѣхъ сферахъ, гдѣ разнообразіе взглядовъ, обнаруживающееся въ различныхъ штатахъ, становится опаснымъ для всего государства. Законодательство о расторженіи браковъ, напримѣръ, находится въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ, и здѣсь разнообразіе постановленій такъ велико, различія ихъ такъ невѣроятны—человѣкъ, который развелся съ женой въ Дакотѣ сообразно мѣстнымъ законамъ и затѣмъ снова женился, можетъ въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, подвергнуться наказанію, какъ двоеженецъ,— что необходимость одного общаго законодательства по брачнымъ дѣламъ ощущается все живѣе.

То же самое надо сказать о нѣкоторыхъ отдѣлахъ торговаго права, гдѣ разнообразіе постановленій чрезвычайно неудобно; и нѣкоторые противники трестовъ требуютъ даже измѣненія союзной конституціи для того, чтобы можно было изъять эти колоссальныя экономическія организаціи изъ вѣдѣнія законодательныхъ собраній ихъ слишкомъ терпимыхъ штатовъ. Гораздо легче осуществимо стремленіе штатовъ къ вмѣшательству въ управленіе городовъ. Для того, чтобы Союзъ могъ издать новыя предписанія для штатовъ, необходимо измѣненіе конституціи; если же штатъ желаетъ наложить узду на городское управленіе, то для этого совсѣмъ не требуется никакихъ измѣненій, потому что, какъ мы подчеркнули, согласно конституціи каждаго штата, всѣ права города вытекаютъ изъ воли законодательнаго собранія штата. Въ стараніяхъ направлять эту волю все болѣе и болѣе противъ города, безспорно, нѣтъ недостатка, и многое въ этомъ движеніи должно быть признано безусловно здоровымъ,— прежде всего тамъ, гдѣ воля штата обращается противъ явныхъ злоупотребленій, практикуемыхъ въ большихъ городахъ. Въ общемъ усиливается тенденція

предоставлять штату обширныя полномочія по надзору за мѣстными мѣропріятіями въ области общественной санитаріи, въ отношеніи промышленности, въ содержаніи исправительныхъ заведеній, благотворительныхъ учрежденій и т. п. Особенно указываютъ на преимущества единообразія, достигаемаго этимъ путемъ, и на выгоду, которая безспорно получается отъ того, что вопросы гигіены, техники, педагогики передаются на разрѣшеніе самыхъ дѣльныхъ спеціалистовъ, вознаграждаемыхъ изъ средствъ штата, а не предоставляются диллетантамъ, имѣющимся въ маленькихъ округахъ и поселеніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ смыслѣ функціи штата медленно и неуклонно расширяются.

Съ другой стороны, однако, и самъ городъ или поселеніе обнаруживаютъ тенденцію все болѣе и болѣе поглощать подчиненныя имъ силы и, такимъ образомъ, расширять функціи муниципалитета. Принципы, которыми направлялась экономическая жизнь Соединенныхъ Штатовъ и которые придали ей ея крѣпость, оставляютъ частной иниціативѣ возможно большій просторъ. Поэтому до недавняго времени вполнѣ естественнымъ казалось, что такія предпріятія, какъ водопроводы, освѣщеніе улицъ, конно-желѣзныя и другія городскія дороги, всегда находились въ рукахъ частныхъ компаній. Теперь здѣсь медленно наступаетъ перемѣна. Теперь ясно, что предпріятія этого рода существенно отличаются отъ обыкновенныхъ торговыхъ предпріятій, во-первыхъ потому, что должны пользоваться принадлежащими обществу улицами; во-вторыхъ потому, что они неизбѣжно ведутъ къ монополіи, при наличности которой трудно оградить публику отъ переборовъ. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ руки городскихъ управленій все чаще переходили преимущественно водопроводныя предпріятія, и безспорно существуетъ тенденція ограничить дѣятельность для частныхъ компаній и въ сферѣ остальныхъ предпріятій этого рода, напримѣръ, въ дѣлѣ освѣщенія улицъ. Съ этимъ связывается тотчасъ же другая родственная тенденція—самому городу или поселенію приниматься за такія дѣла, которыя не приносятъ экономической выгоды и ранѣе были предоставлены иниціативѣ частныхъ лицъ. Городъ начинаетъ создавать общественныя бани и прачечныя, устраиваетъ мѣста для игръ и гимнастическихъ упражненій, а прежде всего—общественныя библіотеки и музеи, концерты и празднества, крытые рынки и справочныя конторы для лицъ, ищущихъ труда; словомъ, всюду современныя задачи начинаютъ выполняться при помощи общественныхъ средствъ.

Но если существуетъ эта всеобщая тенденція чтобы задачи мелкой единицы выполнялись болѣе крупною, задачи слабѣйшаго—

болѣе сильнымъ, чтобы вмѣсто частныхъ лицъ брался за дѣло городъ, вмѣсто города штатъ, вмѣсто штата Союзъ, то этой тенденціи очень энергично противодѣйствуетъ другая, противоположная. Эта противоположность обнаруживается уже въ самомъ маленькомъ кругу и затѣмъ развивается все выше въ томъ же антицентралистскомъ направленіи. Поселеніе или городъ, говорятъ сторонники этого направленія, не имѣетъ права употреблять деньги, собираемыя съ плательщиковъ налоговъ, на такія дѣла, которыя не приносятъ пользы всѣмъ или которыя въ лучшемъ случаѣ являются только роскошью для всѣхъ. О музеяхъ и библіотекахъ, о баняхъ и гимнастическихъ залахъ могутъ заботиться великодушные жертвователи и частные союзы, а не городъ, средства котораго берутся изъ кармановъ рабочихъ. О субсидированіи городомъ театра—что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предлагается оптимистами,—безспорно еще долго не придется думать, и характерно, что великодушныя предложенія Карнеги относительно устройства народныхъ библіотекъ все чаще отвергаются различными поселеніями, такъ какъ по плану Карнеги требуются значительныя ассигнованія и изъ общественныхъ средствъ. Когда же рѣчь идетъ о необходимыхъ предпріятіяхъ, напримѣръ, объ освѣщеніи улицъ или о городскихъ желѣзныхъ дорогахъ, то большинство обыкновенно говоритъ, что выгоднѣе удовлетворять жажду наживы какой нибудь частной компаніи, чѣмъ затѣвать грандіозныя предпріятія на общественный счетъ. По мнѣнію американца, частныя компаніи бываютъ иногда слишкомъ экономны, общественныя же учрежденія всегда слишкомъ расточительны.

Городъ покупаетъ все слишкомъ дорого, платитъ слишкомъ большое жалованье, словомъ, ведетъ дѣло, не подвергаясь внѣшнему давленію со стороны акціонеровъ, ожидающихъ дивиденда. Важнѣе же всего то, что предпріятіе, переходящее въ руки города, тѣмъ самымъ отдается въ распоряженіе политиковъ. Вмѣсто лучшихъ спеціалистовъ на мѣста съ высшими окладами теперь могутъ попадать излюбленные люди господствующей политической партіи, и если сознательно не утаивается даже самая ничтожная сумма, то постепенно все же устанавливается такое небрежное отношеніе къ дѣлу, при которомъ оно идетъ хуже, чѣмъ у любой частной компаніи, обязанной считаться съ возможностью конкурренціи. Потому-то американецъ и возстаетъ такъ рѣшительно противъ перехода желѣзныхъ дорогъ или телеграфовъ въ руки государства. Когда телеграфная компанія недостаточно примѣнялась къ желаніямъ публики, то возникла другая, покрывшая страну такою же густою сѣтью проволоки, и съ тѣхъ поръ, какъ «Western Union» и «Postal Telegraph» конкуррируютъ другъ съ другомъ, потребности

публики удовлетворяются наилучшимъ образомъ; а кто могъ бы помочь, если бы телеграфъ составлялъ монополію государства и если бы политическіе дѣятели не желали удовлетворять самыя справедливыя желанія? Желаніе устраивать дѣло дешево, устранять политику отъ торговаго предпріятія, сохранить возможность конкурренціи,—все это ведетъ къ тому, что желаемое многими расширеніе муниципальныхъ функцій совершается лишь очень медленно. И дѣйствительно, не безъ основанія указываютъ, что если злоупотребленія создаются частными компаніями, то у общины, конечно, нѣтъ недостатка въ средствахъ къ тому, чтобы съ помощью надзора, а главное — путемъ выставленія своихъ требованій при выдачѣ разрѣшенія энергически отстаивать общественные интересы. Если частная компанія желаетъ воспользоваться городскими улицами для того, чтобы проложить газовыя трубы, или рельсы желѣзной дороги, или электрическіе провода, или водопроводныя трубы, то община должна давать разрѣшеніе лишь на ограниченный срокъ, при чемъ должна оставить за собою право выкупа, выговорить себѣ значительное вознагражденіе и извѣстное участіе въ прибыляхъ и настоять на установленіи общественнаго контроля и на регулярномъ опубликованіи отчетовъ предпріятія. Можно смѣло утверждать, что движеніе въ настоящее время совершается преимущественно въ этомъ направленіи.

Подобно тому, какъ частныя предпріятія борются противъ поглощенія ихъ общиною, точно такъ же община, въ свою очередь, борется противъ этой участи, грозящей ей со стороны штата. Поскольку вопросъ касается округовъ и сельскихъ поселеній, никто не споритъ, что состоящіе на службѣ у штата спеціалисты могутъ лучше вести дѣла, чѣмъ мѣстные комитеты съ ихъ диллетантскимъ характеромъ. Но, во-первыхъ, люди все же чувствуютъ, что въ концѣ-концовъ каждое мѣсто лучше знаетъ свои особыя потребности. Самое точное приспособленіе всего созидаемаго къ желаніямъ мѣстнаго населенія, напримѣръ, въ вопросахъ народной школы и постройки дорогъ—таковъ былъ исторически-необходимый основной принципъ американцевъ. Правда, этотъ принципъ первоначально явился только слѣдствіемъ особыхъ условій, въ которыхъ находились отдѣленныя другъ отъ друга колоніи, и вытекалъ изъ потребностей піонеровъ, но фактически онъ повелъ къ такому неуклонному прогрессу въ исторіи страны, что ни одинъ американецъ не согласился бы отказаться отъ него, если бы даже большее единообразіе и нивеллировка доставляли совершенно явную выгоду. Но здѣсь есть еще другая, болѣе важная сторона. Только эта возможность управлять въ тѣсномъ кругу собственными дѣлами воспитываетъ каждое мѣстечко, даже

каждый крестьянскій дворъ къ выполненію общественныхъ задачъ, лежащихъ на каждомъ американскомъ гражданинѣ; если отнять у него заботу о собственномъ тѣсномъ кругѣ, то въ немъ не можетъ развиваться тотъ духъ самоопредѣленія, отъ силы котораго зависитъ успѣхъ демократическаго эксперимента. Политическая педагогика требуетъ, чтобы штатъ поддерживалъ самостоятельность общины въ наибольшей возможной степени.

Совершенно иной характеръ носятъ отношенія между штатомъ и городомъ. Никто не станетъ требовать сдержанности отъ членовъ законодательнаго собранія какого нибудь штата для того, чтобы въ населеніи большихъ городовъ поддерживались политическіе интересы и духъ самоопредѣленія. Именно тамъ, на улицахъ большого города, этотъ духъ — у себя дома; тамъ онъ не только живъ, но назойливо-громко и вызывающе даетъ о себѣ знать. Если же городское населеніе въ своей борьбѣ противъ опеки со стороны штата часто все же пользуется сочувствіемъ разсудительныхъ людей, то объясняется это тѣмъ простымъ фактомъ, что городъ, въ которомъ сконцентрированы всѣ культурные интересы, большею частью будетъ разсматривать вещи съ болѣе высокой точки зрѣнія, чѣмъ представительное собраніе всего штата, гдѣ преобладаніе принадлежитъ простодушному отсталому сельскому населенію. Если, напримѣръ, депутаты отъ лѣсныхъ мѣстностей штата Нью-Іоркъ, засѣдая въ Альбани и имѣя большинство въ собраніи, издаютъ постановленія для трехмилліоннаго населенія города Нью-Іорка, то постановленія эти, быть можетъ, продиктованы самыми лучшими въ патріархальномъ смыслѣ намѣреніями, но, можетъ быть, въ нихъ выражается только мелочное негодованіе и недовольство грѣховной суетою большого города, и результатъ во всякомъ случаѣ не можетъ не быть нелѣпымъ. И все же законы предоставляютъ къ этому полную возможность.

Въ конституціяхъ въ этомъ отношеніи отражается еще то положеніе, когда городъ самъ по себѣ не имѣлъ никакого значенія. Къ началу девятнадцатаго столѣтія въ Америкѣ было шесть городовъ съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ восемь тысячъ человѣкъ, а къ концу этого столѣтія такихъ городовъ насчитывалось 545; при этомъ, что важнѣе всего, въ первыхъ шести городахъ находилось менѣе четырехъ процентовъ всего населенія Америки 1800 года, а 545 городовъ 1900 года сосредоточиваютъ въ себѣ болѣе тридцати трехъ процентовъ. Когда городское населеніе представляло собою всего одну двадцать пятую часть націи, тогда господство разсѣянныхъ по штатамъ массъ казалось вполнѣ естественнымъ; когда же жительство въ городѣ избираетъ для себя цѣлая треть населенія, и при томъ его

наиболѣе интеллигентная, подвижная, образованная и состоятельная треть,—тогда ограниченность правъ города оказывается явленіемъ вреднымъ для культурнаго развитія.

Штаты, въ свою очередь, борются противъ притязаній Союза, и въ ихъ пользу говорятъ тѣ же доводы, которыми отстаивается самостоятельность общины въ отношеніи штата; но къ этимъ доводамъ здѣсь присоединяются и еще нѣкоторые другіе. Собственно, историческое чувство подсказываетъ американцамъ, что колоссальный прогрессъ ихъ націи совершался не столько подъ вліяніемъ центральной власти, сколько благодаря энергіи, проявленной въ отдѣльныхъ частяхъ, и что энергію эту не только слѣдуетъ вознаграждать дарованіемъ правъ, но, прежде всего, надо поддерживать возложеніемъ обязанностей. Чѣмъ болѣе одинъ штатъ похожъ на другой, тѣмъ рѣшительнѣе онъ возстаетъ противъ вмѣшательства этого другого въ его дѣла, и чѣмъ болѣе онъ похожъ на цѣлое, тѣмъ сильнѣе онъ противится перспективѣ безслѣднаго растворенія въ цѣломъ. Но къ нравственнымъ стимуламъ этого индивидуализма отдѣльныхъ штатовъ присоединяется еще ихъ экономическій эгоизмъ, который для большинства штатовъ долженъ дѣлать выгодными партикуляристскія стремленія. Позади же всего стоитъ еще страхъ передъ чисто-политическими опасностями, вытекающими изъ чрезмѣрной централизаціи. Въ этомъ, какъ мы видѣли, заключается основная тенденція демократической партіи.

Такимъ образомъ, на каждой ступени политической организаціи—въ Союзѣ, въ штатѣ, въ округѣ, въ городѣ—центробѣжныя и центростремительныя силы стоятъ другъ противъ друга, и споры въ защиту тѣхъ и другихъ составляютъ содержаніе общественной жизни. Каждый день приноситъ съ собою успѣхи въ движеніи въ томъ или другомъ направленіи: застоя нигдѣ не существуетъ. При всѣхъ этихъ спорахъ рѣчь идетъ о противоположности вполнѣ обоснованныхъ принциповъ; но существуетъ еще другой противоположный элементъ, именно—безпринципность. Въ Союзѣ, штатѣ и городѣ централисты борются съ антицентралистами изъ-за вопросовъ законодательства, и въ каждомъ изъ этихъ круговъ существуютъ группы, которыя борются противъ самого закона,—борются тѣмъ, что обходятъ его. Въ спорахъ дѣло идетъ объ истинномъ и ложномъ, здѣсь же возникаетъ противоположность между нравственнымъ и безнравственнымъ, и здѣсь уже нѣтъ мѣста доводамъ, а можетъ быть мѣсто только для борьбы. Кто намѣренно не закрываетъ глазъ, для того не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ общественной жизни Америки есть такія злоупотребленія, которыя противны духу конституціи и кое-гдѣ граничатъ съ преступленіемъ. Правда, возможно

здѣсь поставить вопросъ о томъ, не можетъ ли проявиться и не проявляется ли въ дѣйствительности отсутствіе честности при всякой формѣ государственнаго устройства подъ какой угодно оболочкою, и не служитъ ли самая необходимость воспитывать здоровую народную силу къ борьбѣ противъ злоупотребленій однимъ изъ важныхъ факторовъ, содѣйствующихъ побѣдѣ духа самоопредѣленія.

Тотъ, кто пожелалъ бы разсказать исторію антисоціальныхъ силъ въ общественной жизни Америки, долженъ бы меньше всего говорить о политикѣ Союза, гораздо больше—о политикѣ отдѣльныхъ штатовъ, а главнымъ образомъ—о политикѣ городовъ. Нѣкоторые виды искушенія встрѣчаются, конечно, на каждой ступени. Такое значеніе имѣетъ, прежде всего, система комитетовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ,—система, которая съ формальной стороны является одинаковою въ конгрессѣ, въ законодательномъ собраніи штата и въ городской думѣ. Всюду рѣшеніе по поводу предлагаемыхъ проектовъ въ первую очередь зависитъ отъ немногихъ лицъ, которыя пускаютъ въ ходъ свое вліяніе за закрытыми дверьми помѣщенія комитета. Что здѣсь недобросовѣстные способы воздѣйствія легче могутъ найти примѣненіе, чѣмъ при обсужденіи въ общемъ собраніи,—это ясно само собою. Если въ какомъ нибудь городскомъ комитетѣ обсуждается проектъ, принятіе котораго повлечетъ за собою стотысячные убытки или дастъ стотысячную прибыль, напримѣръ, для общества городскихъ желѣзныхъ дорогъ, то можно быть увѣреннымъ, что ни правленіе общества, ни его наблюдательный совѣтъ не сдѣлаютъ ни одного незаконнаго шага, но при этомъ непремѣнно найдется какая нибудь темная личность, которая, руководствуясь вѣрнымъ инстинктомъ, отыщетъ среди членовъ даннаго думскаго комитета какого нибудь трактирщика, или подпольнаго адвоката, или мелкаго политическаго дѣятеля, доступнаго вліянію звонкихъ аргументовъ. А если не окажется дѣльца этого рода, то найдется другой, который, правда, не возьметъ денегъ, но для котораго важно, чтобы зять его получилъ мѣсто на городской желѣзной дорогѣ или чтобы новая линія этой дороги прошла мимо его домовъ.

То же самое можно сказать, конечно, и относительно законодательнаго собранія какого нибудь штата, когда туда вносится извѣстное предложеніе и когда отъ голоса какого нибудь захолустнаго адвоката зависитъ милліонная польза или убытокъ для желѣзнодорожной компаніи, или для треста, или для горнозаводскаго предпріятія, или для промышленнаго округа. «Политика передней» пускается здѣсь въ ходъ,—и невозможное, по крайней мѣрѣ недопустимое съ точки зрѣнія законности,

становится совершившимся фактомъ. Разумѣется, различные штаты носятъ въ этомъ отношеніи совершенно неодинаковый оттѣнокъ: въ Массачузетсѣ, напримѣръ, грубыя формы подкупа не могутъ привести къ цѣли и примѣненіе ихъ сопряжено съ большою опасностью; въ Монтанѣ люди нѣсколько менѣе деликатны. Вашингтонскій конгрессъ, какъ уже раньше указано, совершенно свободенъ отъ подозрѣній этого рода.

Другой источникъ искушеній, также существующій для всѣхъ американскихъ законодательныхъ учрежденій, заключается въ томъ фактѣ, что всѣ проекты должны исходить отъ членовъ собранія, т.-е. что вопросъ объ удовлетвореніи всякой мѣстной потребности можетъ быть поднятъ только народнымъ представителемъ, и что число вносимыхъ проектовъ бываетъ поэтому чрезвычайно велико. Если въ одной только нижней палатѣ конгресса въ теченіе послѣдней сессіи возникло 17000 законопроектовъ, то въ законодательныя собранія штатовъ и въ городскія думы ихъ вносятся сотни тысячъ. Въ мотивахъ для внесенія безполезныхъ законовъ никогда не бываетъ недостатка. Такъ какъ система тайнаго обсужденія въ комитетахъ затрудняетъ для каждаго депутата возможность обнаружить свои силы въ качествѣ оратора въ общемъ собраніи палаты, то внесеніе законопроектовъ является для политическаго дѣятеля почти единственнымъ способомъ показать избирателямъ, что они не напрасно послали его въ законодательное собраніе, и что онъ тамъ энергично отстаиваетъ интересы своего избирательнаго округа. Если, такимъ образомъ, внесеніе законопроектовъ практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, то этимъ самымъ открывается возможность для величайшихъ злоупотребленій. Злоупотребленіе въ мягкой формѣ мы видимъ тогда, когда вносится какой нибудь законопроектъ въ видѣ личнаго одолженія или изъ личной вражды. То же явленіе, но въ болѣе рѣзкой формѣ, наблюдается тогда, когда дѣло идетъ уже не о личномъ одолженіи, а объ оплаченной услугѣ, не о личной враждѣ, а о систематической травлѣ съ цѣлью преступнаго вымогательства. Въ первой, болѣе мягкой формѣ, преимущественно въ видѣ законопроектовъ, вносимыхъ изъ любезности, это зло существуетъ всюду, начиная съ собранія представителей самаго маленькаго округа и кончая вашингтонскимъ Капитоліемъ, и знаменитая «сенаторская вѣжливость» придаетъ этому злу ореолъ святости.

Это зло усиливается, а въ извѣстномъ смыслѣ и становится только возможнымъ благодаря молчаливому признанію того принципа, что всякій народный представитель является прежде всего представителемъ опредѣленной мѣстности. Отъ сенатора совсѣмъ не ожидаютъ, что онъ станетъ разсматривать каждый

вопросъ, руководствуясь интересами всего государства; отъ него требуютъ, чтобы онъ прежде всего стоялъ на точкѣ зрѣнія своего штата. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что сенаторъ является преимущественно аккредитованнымъ при центральномъ правительствѣ посланникомъ отдѣльнаго штата. Отсюда слѣдуетъ, что для указанія на частные интересы какого либо штата полнымъ авторитетомъ пользуется только представитель именно этого штата, а не представители другихъ, и потому желанія перваго имѣютъ право на преимущественное вниманіе,—а отсюда уже остается всего одинъ маленькій шагъ къ существующему обычаю, въ силу котораго каждому сенатору предоставляется вносить какіе угодно проекты, если только онъ, въ обмѣнъ, не стѣсняетъ такимъ же образомъ свободу другихъ. Благодаря этому, каждый депутатъ получаетъ возможность пользоваться законодательнымъ аппаратомъ въ интересахъ тѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе поддерживаютъ его политическое положеніе въ его избирательномъ округѣ и которыя могутъ оказаться полезны ему при слѣдующихъ выборахъ. Такимъ путемъ предложенія вносятся, печатаются, служатъ предметомъ пространныхъ разсужденій въ мѣстныхъ газетахъ и представляютъ для избирателей блестящій фейерверкъ,—самъ же депутатъ ни минуты не вѣритъ въ то, что внесенный имъ проектъ можетъ благополучно пройти въ комитетѣ.

Совершенно такимъ же образомъ каждый членъ законодательнаго собранія въ отдѣльномъ штатѣ прежде всего считаетъ себя представителемъ своего округа и какъ бы заявляетъ притязаніе на то, чтобы никто другой не вмѣшивался въ дѣла его округа. Этимъ и для него обезпечивается обширное поле, гдѣ онъ можетъ оказывать законодательныя любезности, взимая за нихъ политическую мзду, или гдѣ онъ можетъ вести законодательныя интриги къ ущербу для своихъ политическихъ противниковъ. И здѣсь-то, въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, какъ и въ городскихъ думахъ, гдѣ царятъ тѣ же принципы, почва наиболѣе благопріятна для того, чтобы продавать подобныя любезности и козни по ихъ рыночной цѣнѣ.

Если, напримѣръ, какая нибудь желѣзнодорожная компанія видитъ, что въ законодательное собраніе вносится предложеніе о введеніи безсмысленныхъ въ техническомъ отношеніи и излишнихъ мѣръ для охраненія безопасности, которыя затруднятъ сношенія въ штатѣ и вызовутъ непосильные для компаніи расходы, то она, конечно, можетъ выжидать, не будетъ ли это неразумное предложеніе отвергнуто большинствомъ въ комитетѣ. Но здѣсь приходится положиться на случай. Всевозможные предразсудки могутъ случайно оказать совмѣстное дѣйствіе, и

проектъ окажется принятымъ. Такъ какъ компанія желаетъ не риска, а увѣренности, то она, быть можетъ, попытается лучше прибѣгнуть къ помощи тѣхъ аргументовъ, которые находятся въ распоряженіи однихъ лишь капиталистовъ; въ этомъ случаѣ передъ нею открытъ двоякій путь: она можетъ либо «убѣдить», какъ уже указано, самый комитетъ, либо безъ всякой двусмысленности вступить въ переговоры съ депутатомъ, внесшимъ предложеніе, — и тогда онъ беретъ свое предложеніе обратно. А разъ такая возможность въ политической сферѣ штата и города вообще дана, то нельзя избѣжать того, что безчестные люди станутъ искать этой формы преступной наживы: при этомъ нельзя сказать, что они впадаютъ въ искушеніе, оказавшись въ рядахъ народныхъ представителей, а наоборотъ—они стремятся попасть въ эти ряды для того, чтобы имъ открылась возможность такого искушенія.

Здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ факторомъ, который создаетъ на практикѣ такую рѣзкую разницу между законодательными учрежденіями отдѣльныхъ штатовъ—особенно тѣхъ, гдѣ не особенно сильна традиція, и городскими думами съ одной стороны, и союзнымъ представительствомъ, т.-е. вашингтонскимъ конгрессомъ, съ другой. Возможность злоупотреблять своимъ служебнымъ положеніемъ въ Союзѣ, штатѣ и городѣ совершенно одинакова; но люди, вступающіе на политическую арену изъ честныхъ побужденій, крайне рѣдко становятся жертвою преступнаго искушенія. Обычныя злоупотребленія совершаются почти исключительно людьми, которые именно ради этихъ возможныхъ преступленій домогаются мѣста въ народномъ представительствѣ, а лже-политикамъ этого рода проникнуть въ городское представительство легко, въ представительство штата — не особенно трудно, конгрессъ же для нихъ, можно сказать, совершенно недоступенъ. Если бы засѣдать въ законодательномъ собраніи штата или руководить общественными дѣлами въ кругу альдерменовъ было привлекательно, почетно и интересно, то на-лицо оказался бы для этого избытокъ дѣльныхъ людей, и всякій сомнительный элементъ всюду находилъ бы передъ собою закрытую дверь. Но въ дѣйствительности мы видимъ прямо противоположное.

Засѣдать въ Вашингтонѣ въ конгрессѣ—въ палатѣ депутатовъ, а ужъ тѣмъ болѣе въ сенатѣ—эта цѣль достойна честолюбія лучшихъ людей. Здѣсь каждое мѣсто на виду, въ немъ есть извѣстная красота, и на фонѣ политической жизни, главные моменты которой именно здѣсь протекаютъ каждый отдѣльный членъ конгресса чувствуетъ себя носителемъ важныхъ задачъ; и если многихъ останавливаетъ необходимость переселиться на цѣлые годы изъ мѣста постояннаго своего жительства въ сто-

лицу Союза, то все же фактъ тотъ, что не встрѣчается затрудненій въ подысканіи достаточнаго числа представителей, проникнутыхъ духомъ конституціи. Для того же, чтобы служить депутатомъ въ отдѣльномъ штатѣ, со стороны лучшихъ людей—поскольку это не профессіональные политическіе дѣятели—требуется извѣстное насиліе надъ собою. Законодательное собраніе засѣдаетъ обыкновенно въ какомъ нибудь захолустномъ мѣстечкѣ, въ теченіе каждой сессіи здѣсь надо проводить цѣлые мѣсяцы за усиленной работою въ комитетахъ, а между тѣмъ девять десятыхъ всей этой работы вѣдь представляютъ собою ничто иное, какъ пререканіе и торгъ по поводу тысячъ мелкихъ предложеній, къ которымъ вообще неприложима даже какая нибудь высшая точка зрѣнія. Это—скучное, безсмысленное дѣло, которое можетъ дѣйствительно привлекать только три рода людей: во-первыхъ, тѣхъ, которые, состоя на службѣ у партіи, стремятся сдѣлать политическую дѣятельность своей профессіей и смотрятъ на участіе въ законодательномъ собраніи штата, какъ на первую ступень, ведущую къ чему-то высшему; вторую группу составляютъ люди, которыхъ соблазняютъ небольшія суточныя, всюду очень скупо назначаемыя народнымъ представителямъ; наконецъ, третью группу составляютъ люди, скромное честолюбіе которыхъ удовлетворяется сознаніемъ, что они въ какой бы то ни было формѣ являются уполномоченными своихъ согражданъ. Поэтому средній уровень законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ всюду довольно низокъ. Люди, занимающіе выдающееся положеніе, рѣдко идутъ сюда, а если случается, что значительныя личности начинаютъ принимать энергичное участіе въ политической жизни штата, то дѣлаютъ они это какъ бы съ чувствомъ нѣкотораго самопожертвованія, и не для того, чтобы работать надъ разрѣшеніемъ вопросовъ въ законодательномъ собраніи, а для того, чтобы реформировать самое это собраніе. А разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то не приходится удивляться, что сюда проникаютъ нечистоплотные элементы, шантажисты и взяточники, вполнѣ увѣренные въ томъ, что при разныхъ закулисныхъ сдѣлкахъ обѣ стороны одинаково заинтересованы въ сохраненіи безусловной тайны.

Не слѣдуетъ забывать и того обстоятельства, что американскій принципъ мѣстнаго представительства, въ точномъ смыслѣ этого слова, также способствуетъ поддержанію низкаго уровня законодательныхъ собраній въ отдѣльныхъ штатахъ, потому что, разъ представителемъ даннаго округа непремѣнно долженъ быть житель этого округа, то тѣмъ самымъ, разумѣется, сильно ограничивается число возможныхъ кандидатовъ. Все это въ еще большей мѣрѣ надо сказать о городскомъ управленіи, такъ какъ и здѣсь принципъ локализаціи требуетъ, чтобы каждая часть

города, даже самая бѣдная и пользующаяся самой дурной славою, избирала гласныхъ только изъ числа своихъ жителей. Конечно, такой порядокъ даетъ много полезныхъ результатовъ, но онъ въ то же время неизбѣжно сводитъ сюда людей такого рода, что обсуждать сообща съ ними въ комитетахъ общественныя дѣла не всякому придется по душѣ. Вопросы же, подлежащіе обсужденію здѣсь, представляются еще болѣе мелкими, а мотивы, привлекающіе сюда не вполнѣ чистыхъ людей, оказываются здѣсь еще болѣе очевидными, такъ какъ въ большомъ, быстро растущемъ городѣ, гдѣ раздается много концессій и заключается много контрактовъ, скрытое корыстолюбіе еще сильнѣе возбуждается. А чѣмъ болѣе держатся въ сторонѣ лучшія силы, тѣмъ большій просторъ остается для сомнительныхъ элементовъ.

Еще менѣе благопріятнымъ оказывается для города сопоставленіе его съ штатомъ и Союзомъ, если разсматривать не законодательную, а исполнительную организацію. Въ то время какъ въ Вашингтонѣ, напримѣръ, во главѣ каждой отрасли управленія стоитъ одинъ человѣкъ, ведущій дѣло за полной своей отвѣтственностью, въ городскихъ управленіяхъ до недавняго времени во главѣ каждаго отдѣла стояли большей частью комитеты,—продуктъ стараго американскаго взгляда, что рѣшеніе большинства всегда заслуживаетъ предпочтенія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда веденіе дѣла поручалось отдѣльнымъ лицамъ, выборъ послѣднихъ совершался обыкновенно по соглашенію бургомистра съ городскою думою. При этомъ, поскольку дѣло касается высшихъ должностей, никогда не могло быть рѣчи объ избраніи дѣйствительныхъ спеціалистовъ, такъ какъ управленіе вѣдь зависитъ отъ результатовъ партійной борьбы при политическихъ выборахъ; съ переходомъ побѣды отъ одной партіи къ другой, мѣняется весь составъ старшихъ служащихъ, и такимъ образомъ здѣсь ни для кого нѣтъ возможности прочно устроиться на всю жизнь.

Здѣсь-то сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сказывается, какъ опасно вести дѣла при помощи комитетовъ. Отвѣтственность большинства не принимаетъ никакихъ реальныхъ формъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда бургомистръ дѣйствуетъ по соглашенію съ гласными, ни одна сторона не несетъ дѣйствительной отвѣтственности за сдѣланный выборъ. Выборъ этотъ, конечно, совершенно не можетъ быть сравниваемъ съ аналогичнымъ явленіемъ германской жизни. Если требуется замѣстить должность члена управы въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городѣ, то выборъ производится между нѣсколькими спеціалистами, обладающими приблизительно одинаковой подготовкою; для управленія же дѣломъ очистки улицъ или для управ-

ленія полиціей въ Нью-Іоркѣ или въ Чикаго не считается необходимою никакая спеціальная подготовка, и число возможныхъ кандидатовъ здѣсь, такимъ образомъ, неограничено. И не приходится удивляться, что подобные безответственные комитеты не стоятъ выше подозрѣній въ подкупности, и что иной партійный дѣятель, награжденный за политическія услуги должностью съ хорошимъ окладомъ, спѣшитъ собрать свой урожай, пока свѣтитъ солнце. Въ значительномъ числѣ отдѣловъ, конечно, не можетъ быть подобныхъ искушеній. Такъ, напримѣръ, общій единодушный отзывъ гласитъ, что во всѣхъ американскихъ городахъ дѣло борьбы съ пожарами поставлено прекрасно. Больше всего сомнѣній возбуждаетъ полиція, которая, конечно, подвергается наиболѣе сильнымъ искушеніямъ. При этомъ самыя худшія злоупотребленія могутъ совмѣщаться съ самой лучшею постановкой дѣла. Обезпеченіе безопасности въ какомъ нибудь большомъ городѣ можетъ быть превосходно организовано, преступность можетъ преслѣдоваться самымъ энергичнымъ образомъ, и при этомъ вся полиція все же можетъ отличаться взяточничествомъ. По отношенію къ ворамъ и убійцамъ она точно исполняетъ свои обязанности; и въ то же время съ трактировъ, не соблюдающихъ воскресныхъ правилъ, съ публичныхъ домовъ, нарушающихъ постановленія города, съ игорныхъ домовъ, не закрывающихся въ назначенный часъ, она, быть можетъ, и собираетъ извѣстную дань.

Правда, при этомъ всегда надо имѣть въ виду два обстоятельства. Во первыхъ, по меньшей мѣрѣ девять десятыхъ всѣхъ подобныхъ слуховъ имѣютъ своимъ источникомъ преувеличеніе и клевету. Наказанія такъ строги, способы разслѣдованія такъ энергичны, подозрѣніе всюду такъ легко возбуждается благодаря антагонизму партій, а главное — благодаря усердію бьющихъ на сенсацію газетъ, что съ психологической точки зрѣнія было бы почти непонятно, если бы преступленія въ области политики, даже въ низшихъ ея сферахъ—въ штатѣ и городѣ, не являлись дѣйствительно только исключеніями. Горы бумагъ, образующіяся во время разслѣдованій, которыя ведутся буквально съ фанатическимъ усердіемъ, — эти горы почти всегда рождали мышей, и лишь очень рѣдко прокурору удается установить наличность подкупа. Впрочемъ, англо-американецъ любитъ указывать на то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ, когда подозрѣніе слѣдствіемъ подтверждалось и виновные приговаривались къ каторжнымъ работамъ, въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали большей частью ирландцы и другіе переселенцы изъ Европы. Къ сожалѣнію, и нѣмцамъ здѣсь принадлежитъ значительная доля.

Вообще, скопленіе переселенцевъ изъ Европы въ большихъ городахъ считается однимъ изъ важныхъ факторовъ, которыми обусловленъ низкій уровень городской политики. Во-вторыхъ-же, надо постоянно остерегаться неправильнаго воззрѣнія, будто раздача хорошо оплачиваемыхъ городскихъ должностей партійнымъ дѣятелямъ сама по себѣ есть злоупотребленіе этими должностями. Если, напримѣръ, въ какомъ нибудь большомъ городѣ бургомистръ-республиканецъ смѣняется демократомъ, то послѣдній, конечно, можетъ раздать нѣсколько десятковъ мѣстъ съ большими окладами и нѣсколько сотенъ мѣстъ съ малыми окладами лицамъ, которыя способствовали побѣдѣ его партіи. Но онъ остережется назначить людей положительно недостойныхъ, такъ какъ это не только скомпрометировало бы его самого, но повредило бы и его партіи и сдѣлало бы невозможнымъ его вторичное избраніе. Если же ему удастся поставить на городскую службу людей, которые принесутъ съ собою соотвѣтствующія ихъ вознагражденію способности, умѣнье работать и усердіе, то безсмысленно говорить о предоставленіи этихъ окладовъ въ награду за партійную дѣятельность, какъ о расхищеніи городской кассы, и придавать дѣлу такой оборотъ, какъ будто раздача должностей товарищамъ по партіи является въ извѣстной мѣрѣ особой формой подкупа.

Отрицательныя явленія общественной жизни и возможность преступныхъ злоупотребленій не сосредоточиваются, однако, въ кругу законодательной и исполнительной власти. Прежде всего надо отмѣтить, что и у судебной власти есть свои темныя стороны. Надо обладать фанатической вѣрою въ народъ, чтобы абсолютно не видѣть, къ какимъ ужаснымъ юридическимъ несообразностямъ приводитъ иногда неуклонно проводимый въ Америкѣ принципъ суда присяжныхъ. Законъ требуетъ, чтобы двѣнадцать представителей народа, сидящихъ на скамьѣ присяжныхъ, пришли къ единодушному рѣшенію; они остаются запертыми въ совѣщательной комнатѣ и переходятъ отъ голосованія къ обсужденію вопроса и обратно до тѣхъ поръ, пока всѣ двѣнадцать голосовъ не будутъ поданы за виновность или за невиновность подсудимаго. Если они не приходятъ къ соглашенію, то рѣшеніе не постановляется, и весь процессъ можетъ начаться сызнова. Такимъ образомъ, одинъ упорный присяжный засѣдатель, держащійся собственныхъ взглядовъ, можетъ свести къ нулю рѣшеніе остальныхъ одиннадцати, а при этомъ надо помнить, что дѣло о каждомъ отдѣльномъ преступленіи разбирается судомъ присяжныхъ. Еще болѣе сомнѣній возбуждаетъ другой случай,—именно, когда всѣ двѣнадцать присяжныхъ согласны между собою, но согласны, собственно, въ своихъ предразсудкахъ. Главнымъ образомъ на

югѣ, но иногда и на западѣ суды присяжныхъ постановляютъ иногда такіе приговоры, которые оскорбляютъ здравый смыслъ всей страны; надо сказать, однако, что приговоры эти большею частью оправдательные.

Къ отрицательнымъ сторонамъ относятся также медленность судопроизводства и огромное значеніе, придаваемое чисто-техническимъ подробностямъ; послѣднее обстоятельство ведетъ къ тому, что никто не рѣшается въ интересахъ справедливости оставить безъ вниманія даже ничтожную формальную ошибку; но, разумѣется, и благія послѣдствія такой постановки дѣла ясны для каждаго. Больше всего сомнѣній возбуждаетъ, однако, тотъ фактъ, что избраніе судей въ такой сильной степени связано съ политикой, и что такъ много судейскихъ должностей замѣщается посредствомъ народныхъ выборовъ на ограниченный срокъ. И здѣсь также нельзя главное зло видѣть въ томъ, что мѣстомъ судьи награждается какой нибудь партійный дѣятель, такъ какъ среди юристовъ-республиканцевъ найдется, конечно, столько же подходящихъ кандидатовъ на свободную судейскую должность, сколько и среди адвокатовъ, принадлежащихъ къ демократической партіи. Отрицательная сторона дѣла заключается въ томъ, что судья въ теченіе того періода, на который онъ избранъ, невольно принимаетъ во вниманіе будущіе выборы или разсчитываетъ на полученіе высшей судебной должности. Благодаря этому къ его работѣ дѣйствительно примѣшивается политика, а политическій карьеризмъ въ формѣ угожденія партіи, слишкомъ часто находитъ поприще для себя на низшихъ судейскихъ должностяхъ. Только союзные суды, а въ отдѣльныхъ штатахъ высшія судейскія должности совершенно свободны отъ этихъ отрицательныхъ сторонъ.

Точно такъ же иногда политика безусловно примѣшивается къ дѣятельности прокурора. Онъ подчиненъ исполнительной власти штата или Союза и, слѣдовательно, зависитъ отъ нѣкоторой партійной силы, которая связана самыми разнообразными обязательствами; отсюда—не рѣдкія подозрѣнія, что прокуроръ въ томъ или другомъ случаѣ дѣйствуетъ съ меньшей энергіей, чѣмъ могло бы требовать объективное, стоящее выше партійности право. При столкновеніяхъ между капиталомъ и трудомъ особенно часто приходится слышать, что прокуратура относится къ представителямъ крупнаго капитала съ чрезмѣрной снисходительностью. Нѣкоторыя отрицательныя стороны судебнаго дѣла объясняются еще неодинаковой научной подготовкою юристовъ. Поэтому судебнымъ рѣшеніямъ слишкомъ часто недостаетъ юридической логичности и точности.

Наконецъ, остается указать еще на одинъ источникъ, изъ котораго грѣхи противъ общественнаго духа, можно сказать,

бьютъ ключемъ, именно—на всемогущество партійной организаціи. Мы обстоятельно прослѣдили, почему основою общественной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ должна служить борьба двухъ партій, почему каждая изъ обѣихъ партій можетъ разсчитывать на побѣду только при томъ условіи, если въ ея рядахъ господствуетъ желѣзная дисциплина, и почему для подобной организаціи требуется цѣлая армія политическихъ работниковъ, которые въ большей или меньшей мѣрѣ сдѣлали политику своею профессіей. Засѣдаютъ ли они въ законодательномъ собраніи или нѣтъ—свою колоссальную власть они получаютъ благодаря своему положенію въ партійной организаціи, и эта власть, не опирающаяся ни на какіе конституціонные принципы, ни на какіе законы, совершенно неуловима, а потому-то и можетъ быть слишкомъ легко употребляема во зло.

Ричардъ Крокеръ никогда не занималъ должности мэра въ Нью-Іоркѣ, и все же онъ былъ диктаторомъ этого огромнаго города при всѣхъ демократическихъ мэрахъ, и сохранялъ эту роль даже тогда, когда самъ находился въ своихъ англійскихъ помѣстьяхъ. Онъ господствовалъ надъ партійной организаціей демократовъ въ городѣ, и всѣ мэры, всѣ чиновники были поэтому только воскомъ въ его рукахъ. Изъ тысячъ невидимыхъ источниковъ, которые, однако, всѣ такъ или иначе были связаны съ городскими дѣлами, къ нему притекали милліоны, и его совѣсть была такъ же вмѣстительна, какъ его карманы. Такъ говорятъ его противники, друзья же утверждаютъ, что онъ безукоризненно честный человѣкъ, и въ дѣйствительности никогда не могло быть доказано какого нибудь грѣха за нимъ. Какъ бы то ни было, однако неоспоримымъ остается тотъ фактъ, что самымъ существованіемъ партійной организаціи и партійныхъ вождей создается возможность подобной недоказуемой подкупности. (Законодательное собраніе почти каждаго штата находится подъ давленіемъ такихъ партійныхъ царьковъ, и даже люди, которыхъ не можетъ коснуться подозрѣніе во взяточничествѣ, соблазняются и злоупотребляютъ сконцентрированной въ ихъ рукахъ властью ради собственной выгоды и славы, руководствуясь своими личными симпатіями и антипатіями и превращая господство демократіи въ автократію и терроризмъ.) Съ высшей точки зрѣнія, каждая побѣда, одержанная ими для партіи, является побѣдой Пирра, потому что нравственный вредъ ихъ эгоистическаго абсолютизма больше той выгоды, которую получаетъ партія отъ удачной баллотировки. Но, въ концѣ-концовъ, они только кажутся всемогущими: въ дѣйствительности существуетъ въ странѣ такая сила, которая сильнѣе ихъ, которая сильнѣе президента и законодательныхъ собраній, которая заботится о томъ, чтобы всѣ вредныя и опасныя явле-

нія, всѣ отмѣченные нами злоупотребленія и грѣхи все же оказывались только чѣмъ-то преходящимъ и не служили настоящимъ препятствіемъ для неуклоннаго прогресса. Эта сила— общественное мнѣніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественное мнѣніе.

Мы говорили о президентѣ и конгрессѣ, о судѣ и объ устройствѣ отдѣльныхъ штатовъ, а главное, о партіяхъ для того, чтобы ознакомиться съ формами, въ которыхъ проявляется общественный духъ американскаго народа. И можетъ показаться почти излишнимъ наряду съ этимъ въ качествѣ особаго фактора признавать еще и общественное мнѣніе, — поскольку дѣло касается политическихъ вопросовъ. Въ вопросахъ искусства и литературы, въ нравственныхъ и соціальныхъ проблемахъ возможно допустить существованіе общественнаго мнѣнія, не имѣющаго ничего общаго съ партіями и конституціями; но если народъ весь оплетенъ огромной сѣтью избирательныхъ организацій, если онъ постоянно содержитъ сотни тысячъ депутатовъ и чиновниковъ, если онъ создаетъ партіи, въ которыя вербуются цѣлыя арміи политическихъ дѣятелей, если въ его законодательныхъ собраніяхъ ежегодно разсматриваются сотни тысячъ законопроектовъ, — тогда, по крайней мѣрѣ въ области общественныхъ вопросовъ, оффиціальная политическая жизнь должна служить и исчерпывающе полнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. И все же это не такъ. Оффиціальная постановка дѣла, со всѣмъ аппаратомъ различныхъ учрежденій, начиная съ выборовъ альдермена и кончая выборами президента, образуетъ одну, замкнутую въ себѣ систему, которая вполнѣ можетъ быть отграничена отъ живого общественнаго мнѣнія.

Разумѣется, возможны различныя мнѣнія о томъ, при какихъ условіяхъ настроеніе народа можетъ яснѣе всего выражаться въ оффиціальной общественной жизни. Въ Германіи многіе принимаютъ, напримѣръ, за непреложную истину, что демократическимъ и отвѣчающимъ желаніямъ народа можетъ быть только такое правительство, которое зависитъ отъ парламентскаго большинства. Такіе люди большей частью съ изумленіемъ слышатъ, что въ наиболѣе демократической странѣ, въ Америкѣ, большинство конгресса не имѣетъ никакого вліянія на выборъ министровъ и что президентъ здѣсь имѣетъ полную возможность окружить себя такимъ кабинетомъ, который по

своему политическому направленію идетъ въ разрѣзъ съ конгрессомъ. Но ни одинъ американецъ не думаетъ, что политика служила бы лучшимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, если бы въ этомъ независимомъ положеніи кабинета, въ этой самостоятельности исполнительной власти что нибудь было измѣнено по англійскому или французскому образцу. Обстоятельства, которыми обусловлено дѣйствительное раздѣленіе народнаго мнѣнія и оффиціальной политики, вообще не укладываются въ какія нибудь особыя, предписанныя конституціей, формы.

Конституція не можетъ вѣдь напередъ опредѣлить, при помощи какихъ именно средствъ будутъ въ дѣйствительности достигаться поставленныя ею цѣли. Такъ, напримѣръ, и въ англійской конституціи нѣтъ ни слова о существовании кабинета, а между тѣмъ кабинетъ является истиннымъ центральнымъ пунктомъ англійской политики. Вполнѣ возможно представить себѣ такое положеніе, при которомъ американская политика оставалась бы вѣрною буквѣ конституціи и въ то же время являлась бы самымъ точнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія. Что положеніе въ дѣйствительности не таково, это зависитъ только отъ могущественной роли партій. Въ настоящее время онѣ существуютъ, и вся политика опредѣляется ими. Благодаря ихъ противоположнымъ тенденціямъ необходимою становится борьба; кто борется, тотъ желаетъ побѣдить; побѣда и господство партіи сами по себѣ становятся цѣлью; принципы отступаютъ на задній планъ, личные успѣхи и личныя выгоды членовъ партіи выдвигаются на передній, и даже тамъ, гдѣ не играютъ роли эгоистическіе мотивы, партійная тактика пріобрѣтаетъ большее значеніе, чѣмъ партійный идеалъ. Тамъ же, гдѣ дѣло касается тактики, дисциплина совершенно необходима. Партія, желающая побѣдить для того, чтобы отстаивать опредѣленные интересы или бороться противъ опредѣленныхъ интересовъ, — такая партія должна требовать безусловнаго подчиненія и порядка въ своей средѣ. Такимъ образомъ, рѣшающій голосъ переходитъ къ немногимъ лицамъ, стоящимъ во главѣ партійной организаціи, а положеніе этихъ лицъ, въ свою очередь, зависитъ отъ мнѣній и вліяній профессіональныхъ политическихъ дѣятелей, т. е. людей, огромное большинство которыхъ неизбѣжно стоитъ ниже лучшаго американскаго типа.

Огромныя числа поданныхъ на выборахъ голосовъ, слишкомъ легко скрываютъ фактическое положеніе дѣла. При избраніи президента милліоны людей голосуютъ за одного кандидата, милліоны за другого. Они не сознаютъ, что, быть можетъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до созванія національнаго конвента су-

ществуетъ такой періодъ времени, когда восемь или десять вождей партіи могутъ какъ-нибудь за общимъ завтракомъ рѣшить, кто будетъ на выборахъ фигурировать въ качествѣ республиканскаго кандидата. Еще менѣе замѣтна роль этого партійнаго провидѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ избраніе губернатора, или сенатора, или представителя отъ штата, или члена городской управы. Повсюду толпа думаетъ, что она рѣшаетъ, и она дѣйствительно даетъ побѣду той или другой партіи, тому или другому кандидату въ средѣ одной партіи; но она не чувствуетъ, что рѣшающій выборъ совершается за кулисами и что этотъ выборъ выдвигаетъ впередъ предлагаемыхъ кандидатовъ. Подобно тому, какъ рѣшается дѣло о лицахъ, такъ рѣшаются и всякаго рода вопросы. Собственно, вожди партій постановляютъ, какія задачи и какіе общественные вопросы должны быть поставлены на очередь и разрѣшены. А между тѣмъ сущность дѣла зависитъ именно отъ формулировки вопроса. Мы видѣли уже, что независимыя группы почти не могутъ разсчитывать на такой случай, когда имъ удалось бы пробить брешь въ прочной организаціи партій. Вопросъ, котораго вожди партіи не поставили на обсужденіе, можетъ несмотря на это обсуждаться, но его обсужденіе въ данное время не имѣетъ практическаго значенія. Отсюда и создается такое положеніе, что избирателю предстоящее рѣшеніе постоянно кажется собственно выборомъ одного изъ двухъ золъ. Того, что представляется ему наиболѣе цѣннымъ, онъ не можетъ ожидать ни отъ одного, ни отъ другого кандидата, и только чувство принадлежности къ партіи заставляетъ его принять участіе въ баллотировкѣ.

Въ сущности дѣло, слѣдовательно, обстоитъ такимъ образомъ, что народъ не ставитъ тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ онъ голосуетъ, не выставляетъ тѣхъ кандидатовъ, которыхъ онъ избираетъ, не можетъ назначать вожаковъ, которые руководятъ его партіей, и не можетъ потребовать устраненія партіи, если во время сессіи законодательнаго собранія оказывается ею недоволенъ. Въ Германіи правительство можетъ распустить парламентъ въ случаѣ возникновенія остраго разногласія по какимъ нибудь новымъ вопросамъ. Въ Англіи кабинетъ падаетъ съ перемѣною настроенія. Въ Америкѣ же господствующая партія въ конгрессѣ можетъ считать свое положеніе обезпеченнымъ до истеченія срока депутатскихъ полномочій. Словомъ, надъ всей политической жизнью страны властвуютъ тѣ силы, которыя даютъ партіямъ именно характеръ партій, и лишь постольку, поскольку надъ народомъ царитъ партійный духъ, политическая іерархія является выраженіемъ націи.

Однако природа общественнаго мнѣнія не такова, чтобы оно формулировалось въ видѣ какихъ нибудь категорическихъ

положеній. Общественное мнѣніе, поскольку имъ не заправляютъ партійные агитаторы, не знаетъ простого «да» и «нѣтъ»; оно безпристрастно разсматриваетъ данное положеніе во всей его совокупности, видитъ положительное и отрицательное на каждой сторонѣ и произноситъ свое сужденіе такъ, что въ немъ нѣтъ ни слишкомъ рѣзкаго свѣта, ни слишкомъ густыхъ тѣней. Кто знаетъ только партіи, тотъ можетъ притти къ компромиссу, но компромиссъ этотъ будетъ, въ сущности, несправедливъ по отношенію къ обѣимъ партіямъ и въ общемъ будетъ ниже ихъ; тотъ же, кто съ самаго начала станетъ на точку зрѣнія, которая выше партій, тотъ совсѣмъ и не увидитъ антагонизма, а увидитъ историческій процессъ въ его естественномъ единствѣ и, такимъ образомъ, получитъ представленіе, гораздо болѣе отвѣчающее внутреннимъ мотивамъ исторически необходимыхъ явленій. Тогда пониманія историческихъ данныхъ при взглядѣ на прошлое и нравственной серьезности при взглядѣ на будущее окажется достаточно для того, чтобы отыскать правильную перспективу. Тогда для различныхъ сталкивающихся интересовъ, которые на практикѣ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ два партійныхъ трафарета, само собою найдется надлежащее мѣсто, и отзывы свѣдущихъ людей скоро укажутъ путь для разрѣшенія стоящаго на очереди вопроса сообразно духу исторіи. Конечное рѣшеніе можетъ вполнѣ совпадать съ предложеніемъ той или другой партіи, или оно можетъ представлять собою компромиссъ, и все же дѣло носитъ теперь совсѣмъ иной характеръ.

Въ такомъ рѣшеніи еще жива непосредственная реальность исторической задачи; послѣдняя еще не расколота исскуственнымъ путемъ на-двое, и для разрѣшенія ея поэтому достаточно естественнаго чутья, которое у здороваго народа не можетъ не быть нравственнымъ, внѣ зависимости отъ тактическихъ соображеній политическихъ дѣятелей. А такое наивно-нравственное чутье нигдѣ не дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ американской массѣ. Возможно ли при этихъ условіяхъ, чтобы вся воля этой массы, поскольку она стоитъ выше партій, безплодно пропадала для общественной жизни? Не должна ли она стремиться къ тому, чтобы пріобрѣсти самостоятельное вліяніе на судьбы націи? Совокупность этой реальной политики и представляетъ собою система общественнаго мнѣнія.

Мы видѣли, что американецъ всюду въ законодательствѣ требуетъ существованія двухъ палатъ, верхней и нижней, требуетъ, чтобы онѣ постоянно охватывали свою политическую сферу, но въ то же время представляли ее различнымъ образомъ, пользовались въ работѣ различными методами и имѣли различный порядокъ въ веденіи дѣлъ и различное вліяніе. Можно сказать, что партійная жизнь, со всѣми ея программами, выбо-

рами и должностями, въ сущности, представляетъ собой только нижнюю палату націи, а общественное мнѣніе—верхнюю, руководителемъ же дѣйствительной общественной жизни націи являются обѣ палаты сообща. Обѣ онѣ служатъ представителями всей націи, но представительство ихъ разное, какъ и ихъ способъ веденія дѣлъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что въ партійной жизни воля націи находитъ себѣ количественное выраженіе, а въ общественномъ мнѣніи—качественное. Гдѣ требуется количественное опредѣленіе, тамъ по каждому вопросу необходимо строгое разграниченіе взглядовъ для того, чтобы возможно было установить численное отношеніе сторонниковъ и противниковъ различныхъ взглядовъ. Всѣ переходные оттѣнки здѣсь должны утрачиваться, внутреннее богатство вопроса разрушается ради нѣкоторой абстракціи, по которой, какъ въ физикѣ, всякое движеніе схематически разсматривается какъ равнодѣйствующая въ параллелограммѣ различно направленныхъ силъ. Здѣсь всѣ «да» и всѣ «нѣтъ» равноцѣнны между собою, и интенсивность движенія выражается только многократностью повтореній. Главнымъ преимуществомъ такой количественной нижней палаты служитъ то, что здѣсь, какъ и во всѣхъ нижнихъ палатахъ, не требуется ничѣмъ не ограниченной свободы обсужденія, но что окончаніе преній всегда можетъ быть установлено напередъ; такимъ окончаніемъ для каждаго даннаго случая и являются всякіе политическіе выборы.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ верхней палатѣ—въ области общественнаго мнѣнія. Здѣсь на очереди стоятъ не схематическія программы, а дѣйствительность во всемъ своемъ многообразіи, и здѣсь никакое голосованіе не можетъ подвинуть дѣла впередъ, окончаніемъ преній ничего не можетъ быть исчерпано, никакое увеличеніе числа сторонниковъ какого-либо взгляда не можетъ придать ему болѣе глубокую цѣнность: въ мірѣ качествъ не существуетъ противоположностей, а существуютъ только оттѣнки и переходы, здѣсь нѣтъ сторонниковъ и противниковъ, а есть только различія въ широтѣ взглядовъ, въ основательности познаній и, что важнѣе всего, въ нравственной энергіи и нравственной чистотѣ.

Здѣсь цѣль заключается, собственно, не въ самой политической дѣятельности, а въ томъ, чтобы во всѣхъ вопросахъ политической жизни оказывать реформаторское вліяніе и приводить общественное творчество въ соотвѣтствіе съ идеалами націи. Если оставить въ сторонѣ волю положительно безнравственную, т. е., иначе говоря, преступную, то всѣ остальныя, безконечно разнообразныя волевыя влеченія должны здѣсь найти мѣсто, должны расположиться по своей внутренней цѣнности и

имѣть возможность распространяться. Здѣсь даже два голоса никогда не бываютъ равноцѣнны, и одно слово, сказанное изъ глубины души, на основаніи зрѣлаго опыта, имѣетъ столько значенія, что покрываетъ шумъ тысячи голосовъ. Здѣсь на передній планъ должны выступить дѣйствительно лучшіе люди націи,—выступить не съ программами и рѣчами въ пользу партіи, а съ той скромною силой, которой вынуждены, въ концѣ концовъ, подчиниться всѣ партіи; здѣсь должно образоваться и организоваться общественное мнѣніе, которое то заставляетъ президента наложить свое veto на законъ, принятый конгрессомъ, то внезапно принуждаетъ уйти со сцены какого нибудь партійнаго вождя, то уничтожаетъ цѣлый списокъ выставленныхъ кандидатовъ, то производитъ расколъ въ средѣ партіи въ законодательномъ собраніи и при этомъ всегда заставляетъ обѣ партіи, несмотря на все ихъ сопротивленіе, поступаться партійными выгодами ради осуществленія болѣе зрѣлыхъ нравственныхъ требованій.

Нѣмцу не легко понять эту двойственность въ выраженіи народной воли, ему казалось бы болѣе естественнымъ, что партійная жизнь и общественное мнѣніе должны вполнѣ совпадать одна съ другимъ. Но и условія въ Германіи совершенно иныя. Прежде всего, въ Германіи свыше десятка различныхъ партій и взгляды разныхъ оттѣнковъ скорѣе могутъ найти здѣсь выраженіе, чѣмъ при двухъ-партійной системѣ, господствующей въ Новомъ Свѣтѣ. Но эта раздробленность партій—большихъ и малыхъ,—съ другой стороны, показываетъ, что о настоящей партійной жизни въ Германіи, собственно, не можетъ быть и рѣчи. Крупныхъ партій, которыя брали бы на себя отвѣтственное руководительство націей, здѣсь не существуетъ; до нѣкоторой степени возможно было бы видѣть признаки такого основного дѣленія въ группировкѣ буржуазныхъ партій съ одной стороны и соціалъ-демократовъ съ другой. Но развитія дѣйствительно отвѣтственныхъ партій въ Германіи вообще не приходится ожидать, потому что нѣмецкая партія лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ можетъ обнаруживать собственную инициативу. Народное представительство въ Германіи должно прежде всего принимать, отвергать или исправлять то, что предлагается правительствомъ; такимъ образомъ, правительству принадлежитъ инициатива, и на немъ лежитъ отвѣтственность. Правительство же стоитъ надъ партіями, оно не избрано народомъ и не зависитъ непосредственно отъ народа; отъ правительства исходитъ законодательная и исполнительная работа, и въ немъ, такимъ образомъ, воплощено то нравственное, стоящее выше партій, единство націи, выраженіе котораго въ Америкѣ мы видимъ въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ американское пра-

вительство есть партійная сила, имѣющая своимъ источникомъ партійные же выборы.

Все это, конечно, совсѣмъ не значитъ, что общественное мнѣніе Америки представляетъ собою квинтъ-эссенцію чистой морали; вѣдь и министерскій столъ въ германскомъ рейхстагѣ не есть церковная каѳедра. Общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ не выражало бы правильно различныя формы національной энергіи, если бы въ немъ не отражались всѣ существенныя черты типичнаго американца; но только типъ не долженъ быть устанавливаемъ посредствомъ подсчета жителей и вычисленія средняго ариѳметическаго. Такое числовое среднее ариѳметическое, какъ и всѣ количественныя величины, принадлежитъ къ области партійной политики; съ помощью этого пріема можно опредѣлить типичнаго избирателя, но не типичнаго человѣка. При отысканіи же качественнаго типа вся масса безцвѣтныхъ людей не принимается во вниманіе, и типичнымъ считается тотъ, въ комъ гармонически, безъ крайностей, совмѣщаются наиболѣе замѣтныя качества его соотечественниковъ. У большинства, пожалуй, бываетъ слишкомъ рѣзко выражена какая нибудь одна черта національнаго характера; у однихъ патріотизмъ настолько силенъ, что доходитъ до несправедливости, другіе слишкомъ прямолинейны въ своей морали, у третьихъ снисходительность граничитъ съ недостойною слабостью, четвертые въ своемъ оптимизмѣ утрачиваютъ необходимую энергію, пятые такъ заняты погоней за наживою, что попираютъ чужіе интересы, — и всякая подобная крайность извращаетъ типичный общій образъ.

Однако, если много вращаться въ американскихъ кругахъ, не только въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ и Вашингтонѣ, но и на западѣ, и даже въ небольшихъ городахъ, то нерѣдко случается встрѣтить кружокъ одинаково настроенныхъ людей, которые во время оживленной непринужденной бесѣды, напримѣръ, за сигарою послѣ обѣда, у камина, невольно вызываютъ въ васъ такое чувство, что это—типичные американцы. Ихъ рѣчь не имѣетъ ученаго характера, они не проповѣдуютъ морали, и все же вы тотчасъ почувствуете, что разговоръ внезапно не оборвется, что въ него стоитъ вслушаться, что здѣсь каждый высказываетъ собственныя мысли и видитъ вещи въ перспективѣ, съ переднимъ и заднимъ планомъ, а прежде всего,—что нравственная основа всюду сама собою подразумѣвается.

Такой типичный американецъ не особенно интересуется партійной политикой; онъ исполняетъ свои гражданскія обязанности, посѣтитъ, пожалуй, нѣсколько собраній, дѣлаетъ взносы въ партійный фондъ и голосуетъ на выборахъ, если только погода въ день выборовъ не слишкомъ дурная; но въ общемъ

онъ говоритъ о партійной политикѣ съ легкой усмѣшкой на губахъ, и мысль о томъ, чтобы самому баллотироваться, напримѣръ, въ члены законодательнаго собранія своего штата, представляется ему забавной. Онъ видитъ ошибки, которыя совершаются кругомъ, но вѣритъ, что все это исправится само собою: народъ еще молодъ, обладаетъ безграничными средствами и здоровой силою и имѣетъ впереди долгую будущность. Предразсудки толпы онъ, конечно, хорошо видитъ: онъ знаетъ, что одной рѣшительности недостаточно, что для разрѣшенія какого нибудь вопроса надо дѣйствительно вполнѣ имъ овладѣть; онъ знаетъ также, что одно только богатство, техника и роскошь еще не составляютъ истинной культуры. Отсюда то усердіе, съ которымъ онъ, щедрою рукою, жертвуетъ на библіотеки и университеты, съ которымъ онъ занимается школьными вопросами своего города. Но онъ и самъ не отрицаетъ въ себѣ склонности къ пользованію благами жизни и къ извѣстной поверхностности: если у него вечеръ свободенъ, и слѣва въ театрѣ ставится трагедія, а справа оперетка, то онъ очень охотно свернетъ направо; скряжничество чуждо его натурѣ, и все мелочное представляется ему не эстетичнымъ. На первый взглядъ поражаетъ то легкомысліе и оптимизмъ, съ которыми онъ все прощаетъ; его добродушіе и готовность помочь можно почувствовать по первому случайному поводу; можетъ даже показаться неестественною та снисходительность, съ которою онъ отдаетъ справедливость и противной сторонѣ, его способность не бранить слабости и все покрывать своимъ неистощимымъ юморомъ. Одно напоминаетъ ему одну исторію, другое—другую, и каждую исторію онъ разсказываетъ такъ весело и остроумно, что является мысль, будто настоящій гнѣвъ вовсе не можетъ заблистать въ этихъ глазахъ.

И тѣмъ не менѣе все мигомъ мѣняется, какъ только рѣчь заходитъ не о слабостяхъ и ошибкахъ людей, не объ ихъ смѣшныхъ и глупыхъ дѣйствіяхъ, а о низости, подкупности или вообще какой нибудь подлости. Здѣсь вдругъ передъ вами является совсѣмъ другой человѣкъ: все благородное и чистое въ его душѣ возмущено, и не громкими шумливыми словами, а сдержаннымъ голосомъ, полнымъ негодованія, онъ возстаетъ противъ нравственно-предосудительныхъ вещей. Вы чувствуете, что здѣсь обнаруживается самая сущность его натуры, и съ удивленіемъ наблюдаете, что теперь онъ не признаетъ никакихъ политическихъ границъ и только отчасти признаетъ нѣкоторыя классовыя различія: его ѣдкое осужденіе падаетъ на порожденія собственной партіи и на хищническія черты собственныхъ товарищей, принадлежащихъ къ его же классу. Теперь можно подмѣтить и то, насколько онъ искренно-рели-

гіозенъ, какъ смыслъ жизни, въ концѣ-концовъ, для него все же лежитъ въ области сверхчувственнаго.

Въ такомъ человѣкѣ, со всѣми его хорошими и дурными качествами, говоритъ голосъ общественнаго мнѣнія. Тысячи лучшихъ людей, которые, быть можетъ, болѣе умны и лучше образованы, менѣе легкомысленны, менѣе расточительны, менѣе падки на удовольствія,—и милліоны худшихъ могутъ въ разное время доставлять преобладаніе то однимъ, то другимъ элементамъ общественнаго сознанія, но общій типъ отъ этого не мѣняется. Онъ остается полнымъ оптимизма, полнымъ вѣры въ силу и въ будущность Америки; онъ, строго говоря, мало интересуется партійною тактикой, но одушевленъ высшимъ патріотизмомъ; онъ заботится совсѣмъ не только о благосостояніи, но прежде всего объ обученіи и нравственной дисциплинѣ, онъ добродушенъ до крайности, склоненъ къ благотворительности, готовъ всегда оказать помощь и въ то же время жизнерадостенъ и почти легкомысленъ, консервативенъ и все же безпокоенъ, легко доступенъ возбужденію; онъ не уважаетъ авторитетовъ, но при этомъ религіозенъ, онъ по темпераменту сангвиникъ, но все же справедливъ, онъ всегда старается выслушать другую сторону и извинить то, что можетъ быть понято, но онъ непреклоненъ, когда обнаруживается низость души. И дѣйствительно, если бы надо было отмѣтить самыя характерныя черты общественнаго мнѣнія, то пришлось бы указать на терпѣніе и снисходительность по отношенію къ слабостямъ и ошибкамъ и на безусловное негодованіе и презрѣніе по отношенію къ низости и безчестности. И въ томъ, и въ другомъ общественное мнѣніе является полною противоположностью партійному духу, который слишкомъ охотно изъ маленькихъ ошибокъ создаетъ большіе законопроекты, но за то отъ большихъ грѣховъ отдѣлывается маленькими фразами.

Только одной черты нельзя опустить даже при самой поверхностной характеристикѣ общественнаго мнѣнія, именно—неисчерпаемаго юмора. Юморъ—это антисептическое средство американской политики; конечно, ближе къ идеалу было бы, если бы вся работа вообще производилась асептически, но уберечься отъ нечистыхъ стремленій и грязнаго своекорыстія въ демократіи, пожалуй, труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. И юморъ общественнаго мнѣнія также стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ партійною жизнью; если внимательно присмотрѣться, то нельзя не замѣтить этого различія. Партійная тактика требуетъ, чтобы въ массу избирателей внѣдрялась вѣра, будто только въ лонѣ одной, данной, партіи хранятся священнѣйшія блага націи, на другой же сторонѣ—безвозвратная гибель. Кто дѣлаетъ изъ этого символъ вѣры, тотъ долженъ и преподно-

сить его съ самымъ серьезнымъ видомъ, а если вмѣсто того онъ съ лукавой усмѣшкою намекнетъ, что дѣло вовсе не такъ страшно, то весь гипнозъ будетъ уничтоженъ.

Но самъ избиратель относится очень серьезно къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ и потому требуетъ отъ своего кандидата именно этой сухой дѣловитости и партійнаго воодушевленія, но безъ всякаго юмора. Когда же онъ разговариваетъ о тѣхъ же вопросахъ со своими друзьями, тогда онъ уже не членъ партіи, а частица общественнаго мнѣнія, и тотчасъ же онъ подмѣчаетъ комическую сторону даннаго положенія: увѣренной насмѣшкою онъ пробиваетъ брешь въ окопахъ собственной партіи. Отсюда создается такое положеніе, что политическое населеніе болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ, одержимо юморомъ, партійные же вожди, по крайней мѣрѣ выступая публично, являются черствыми, лишенными всякаго юмора. Подобно тому какъ въ нѣкоторыхъ американскихъ штатахъ люди дома охотно пьютъ вино, но на оффиціальныхъ общественныхъ банкетахъ требуютъ себѣ только минеральную воду, такъ внѣ сферы оффиціальныхъ функцій люди наслаждаются политическимъ юморомъ, въ партіи же изображаютъ приверженцевъ воздержанія. Это — явная противоположность тому, что, какъ извѣстно, наблюдается въ Англіи: здѣсь массы сравнительно тяжеловѣсны и тупы, вожди же блещутъ умомъ и циническимъ остроуміемъ.

Америка этого не потерпѣла бы. Когда встрѣчаешь главныхъ политическихъ дѣятелей, особенно членовъ кабинета, гдѣ нибудь въ обществѣ, то часто бываешь изумленъ ихъ блестящимъ остроуміемъ и чувствуешь, что и они вполнѣ способны были бы вести себя по образцу своихъ англійскихъ коллегъ; но партійный работникъ этимъ погубилъ бы себя. Народу принадлежитъ верховная власть, и потому только общественному мнѣнію можно съ насмѣшкою, пожалуй, даже съ цинизмомъ стоять надъ партіями и улыбаться улыбкою авгура; партіи же и партійные работники обязаны серьезно относиться къ своему дѣлу. Въ Англіи кабинетъ привыкъ къ роли насмѣшливаго остроумца, въ Америкѣ эта роль принадлежитъ общественному мнѣнію; едва ли въ чемъ нибудь яснѣе сказывается различіе между аристократіей и демократіей.

Если спросятъ, кѣмъ же создается общественное мнѣніе, то прежде всего, безусловно, придется указать на тѣхъ, кто не пользуется и, по всей вѣроятности, еще долго не будетъ пользоваться правомъ голоса, именно—на женщинъ. Собственно партійная политика женщину очень мало занимаетъ, и она не интересуется этимъ не потому, что не имѣетъ правъ, а не имѣетъ правъ потому, что этимъ не интересуется. И если лучшіе люди

страны искренно желаютъ, чтобы это такъ и оставалось, чтобы рутинная жизнь партій и дальше была чужда женщинамъ, то этимъ они вовсе не говорятъ, что женщины не должны интересоваться общественными вопросами своего времени. Наоборотъ, уже въ настоящее время ихъ вліяніе на общественное мнѣніе очень велико, но здѣсь главную роль играютъ не организованные крестовые походы женщинъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ умѣренномъ употребленіи вина, а ихъ скромная дѣятельность, ихъ домашнее вліяніе, ихъ чистота чувствъ, служащая образцомъ. Всякое движеніе въ пользу какой либо реформы, апеллирующее къ нравственнымъ чувствамъ, находило поддержку въ женскомъ общественномъ мнѣніи и крѣпло благодаря ему, и не разъ безправственная партійная политика бывала парализована безшумнымъ сопротивленіемъ женщинъ.

Если въ сферѣ вліянія общественнаго мнѣнія исчезаетъ граница между полами, то въ еще большей степени исчезаетъ здѣсь граница между различными сословіями. Въ общественномъ мнѣніи нѣтъ разногласій, вытекающихъ изъ классовыхъ противорѣчій. Конечно, у каждой профессіональной группы есть свои преобладающіе интересы, и потому общественное мнѣніе, напримѣръ, въ различныхъ частяхъ страны имѣетъ очень различные оттѣнки. Для земледѣльческихъ штатовъ центральными вопросами являются не тѣ, что для штатовъ промышленныхъ; на сѣверѣ эти вопросы другіе, чѣмъ на югѣ, на востокѣ другіе, чѣмъ на западѣ, въ горнопромышленныхъ округахъ другіе, чѣмъ въ остальной странѣ. Но все это, въ сущности, не противорѣчія внутри общественнаго мнѣнія, а различные секторы одного и того же круга.

Разумѣется, неодинаковыя экономическія условія вызываютъ иногда и дѣйствительныя противорѣчія во взглядахъ, а широко распространенные предразсудки, въ свою очередь, еще увеличиваютъ это разнообразіе; но въ цѣломъ общественное мнѣніе развивается поразительно однородно. Оно—голосъ разсудка въ противоположность легкомыслію, голосъ совѣсти—въ противоположность своекорыстію, голосъ общаго блага—въ противоположность частнымъ интересамъ, голосъ будущаго—въ противоположность настоящему; но это не голосъ капитала въ противоположность труду, не голосъ университета въ противоположность народной школѣ, не голосъ города въ противоположность деревнѣ. Но меньше всего—какъ и понятно послѣ всего сказаннаго раньше—это голосъ политическихъ дѣятелей и чиновниковъ. Это не значитъ, что каждый политическій дѣятель стоитъ ниже средняго носителя общественнаго мнѣнія; но его вліяніе по необходимости должно направляться въ партійные каналы, и свободному потоку общественнаго мнѣнія оно ничего не даетъ. Только самые выдающіеся люди, участвующіе въ партійной

жизни, — нѣкоторые сенаторы и губернаторы, а прежде всего президентъ и кое-кто изъ членовъ кабинета,—пріобрѣтаютъ въ то же время непосредственное вліяніе и на общественное мнѣніе.

Общественное мнѣніе направляется на тотъ или другой предметъ въ силу толчковъ, исходящихъ отъ образованныхъ и состоятельныхъ круговъ, и нерѣдко первый толчекъ имѣетъ чисто личную окраску; но затѣмъ этотъ толчекъ быстро и безлично распространяется на все большіе и большіе круги. Всякій прохожій на улицѣ передаетъ его дальше, и если въ немъ удачно выраженъ типичный американскій духъ, то самый простой человѣкъ воспринимаетъ его съ такой же непосредственностью, какъ и самый образованный, рабочій такъ же, какъ заводчикъ, крестьянинъ такъ же, какъ банкиръ. Кто апеллируетъ къ совѣсти, къ нравственности, къ патріотизму, къ заботливости объ общемъ благѣ, къ духу прогресса и порядка, къ благородству и человѣколюбію американцевъ, тотъ не встрѣчаетъ никакихъ классовъ, никакихъ противорѣчій, а встрѣчаетъ только одно общественное мнѣніе, носители котораго различаются между собою по интенсивности своего безкорыстнаго и нравственнаго волевого начала.

Однако и для такого общественнаго мнѣнія требуется извѣстная организація и извѣстныя вспомогательныя средства. Какъ ни смѣло это покажется, но можно съ увѣренностью утверждать, что не оффиціальная политика и не партійный духъ, а именно общественное мнѣніе создало американскую газету въ качествѣ важнѣйшаго своего орудія. Что представляетъ собою газета въ литературномъ отношеніи, этимъ вопросомъ мы займемся въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же мы говоримъ только объ ея общественномъ значеніи. Американецъ, философствующій по поводу газетъ, считаетъ обыкновенно не подлежащимъ спору, что газета служитъ партійной политикѣ; и надо, конечно, признать, что партійная жизнь была бы немыслима безъ высоко развитого газетнаго дѣла. Нѣмецъ, прибывшій въ Америку, бываетъ часто склоненъ занять еще другую точку зрѣнія. У себя дома онъ привыкъ къ газетѣ, въ которой на первой страницѣ помѣщаются важныя руководящія статьи, а на послѣдней, гдѣ нибудь по сосѣдству съ объявленіями, краткія сообщенія о маловажныхъ событіяхъ текущей жизни. Въ Новомъ же Свѣтѣ онъ находитъ газеты, въ которыхъ на первой страницѣ нѣтъ никакой редакціонной замѣтки и вообще ни одного серьезнаго слова по поводу политики, но за то множество раздутыхъ злободневныхъ новостей; а такъ какъ глаза подобнаго пріѣзжаго невольно останавливаются на передней страницѣ тѣхъ газетъ, которыя привлекаютъ къ себѣ вниманіе несообразно крупнымъ шрифтомъ своихъ заголовковъ, то ему

сперва и не приходится ничего читать кромѣ описанія несчастныхъ случаевъ, преступленій и сенсаціонныхъ происшествій.

Онъ не думаетъ о томъ, что ненасытимая потребность американскаго населенія въ ежедневныхъ изданіяхъ создаетъ, по необходимости, такія газеты, которыя приноровлены къ низменному вкусу массъ и которыя уже издали говорятъ своими гигантскими заголовками образованному читателю, что онѣ писались и печатались не для него. Онъ не знаетъ поэтому, что относится несправедливо къ политической печати, оцѣнивая ее по уродливымъ ея порожденіямъ, какихъ въ Германіи не можетъ быть—не потому, что толпа тамъ болѣе образована и требуетъ чего-то лучшаго, а потому, что она чувствуетъ меньше потребности въ чтеніи. И лишь постепенно нѣмецъ начинаетъ замѣчать, что все то, чего онъ не находитъ на передней страницѣ, помѣщено на другихъ среднихъ страницахъ газеты, и ему становится ясно, что интересы розничной продажи заставляютъ на передній планъ выдвигать все сенсаціонное, а лучшія статьи помѣщать въ среднихъ, болѣе защищенныхъ частяхъ газеты. Такимъ образомъ, нѣмецъ, сперва не замѣчающій всего этого, склоненъ по первому взгляду рѣшить, что американская газета вообще вовсе не выражаетъ какихъ нибудь воззрѣній, а занимается только сообщеніемъ новостей. Но такой взглядъ не выдерживаетъ критики.

Американская газета лучшаго типа не есть, въ сущности, ни просто партійный органъ, ни одно только собраніе новостей; она—сознательный носитель и пособникъ общественнаго мнѣнія. Безспорно, на ея столбцахъ утомительно много говорится о партійной политикѣ. И конечно, въ интересы общественнаго мнѣнія входитъ, чтобы читатель былъ самымъ основательнымъ образомъ ознакомленъ со всѣми фазами партійной жизни, былъ освѣдомленъ обо всѣхъ политическихъ дѣлахъ, о преніяхъ въ конгрессѣ, о рѣчахъ кандидатовъ, о ходѣ предвыборной борьбы. Нельзя отрицать и того, что иногда какая нибудь изъ лучшихъ газетъ—правда, не изъ самыхъ лучшихъ—отдается въ полную власть вождей той или другой партіи и становится не разсуждающимъ передатчикомъ партійныхъ взглядовъ. Точно такъ же иныя газеты находятся въ рукахъ опредѣленныхъ группъ, преслѣдующихъ опредѣленные экономическіе интересы, и тогда въ нихъ на первомъ планѣ стоятъ частныя желанія капиталистовъ. Но все это должно продѣлываться очень осторожно, потому что читатель американскихъ газетъ слишкомъ развитъ и не станетъ ежедневно покупать себѣ такую газетную пищу, въ которой замѣтитъ какую нибудь фальсификацію. А при той напряженной конкурренціи, которая даже въ городахъ средней величины вызываетъ созданіе

трехъ или четырехъ большихъ газетъ, онъ никогда не бываетъ вынужденъ связать себя подпиской именно на одну изъ нихъ.

Такая преувеличенная односторонность, прежде всего, не соотвѣтствуетъ и экономическимъ интересамъ газеты, а газета въ Америкѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, является крупнымъ коммерческимъ предпріятіемъ. Существованіе газеты въ экономическомъ смыслѣ зависитъ, во-первыхъ, отъ объявленій, во-вторыхъ—отъ розничной продажи. Для отдѣла объявленій безразлично, будутъ ли читателями республиканцы или демократы; здѣсь важно только то, чтобы газета попадала въ возможно большее количество рукъ. Розничная же продажа будетъ значительна только въ томъ случаѣ, если газета своими внутренними достоинствами одержитъ побѣду надъ многочисленными конкуррентами. Газета, разсчитанная, по образцу нѣмецкихъ газетъ, на сравнительно небольшой, но прочный кругъ читателей, хотя на нѣкоторое время привязанныхъ къ ней подпискою, гораздо легче можетъ играть для нихъ роль провидѣнія и навязывать имъ опредѣленные партійные взгляды.

При господствующемъ же значеніи розничной продажи въ большихъ американскихъ городахъ въ выигрышѣ должны, конечно, остаться тѣ газеты, отъ которыхъ читатель можетъ ожидать разносторонняго освѣщенія вопросовъ и которыя высказываютъ свое сужденіе, принимая въ расчетъ всѣ относящіеся къ данному дѣлу мотивы. При этомъ, конечно, само собою разумѣется, что каждая газета имѣетъ свой особый уголъ зрѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ и свою особую манеру письма, что у каждой есть свои политическіе друзья и противники, свои коньки и свои предубѣжденія. И какъ ни часто утверждается въ нѣмецкихъ книгахъ противное,—американская газета въ общественныхъ вопросахъ необычайно безпристрастна, и если только не предстоитъ какихъ нибудь политическихъ выборовъ, то средній читатель можетъ по цѣлымъ недѣлямъ читать извѣстную газету и все же не уяснить себѣ, республиканскаго она направленія или демократическаго. Она одобряетъ или критикуетъ дѣйствія то одной, то другой партіи, и если газета даже явно становится на одну сторону, то читатель все же находитъ въ ней выдержки изъ газетъ противнаго лагеря и общее положеніе всегда изображается для него такъ, чтобы онъ могъ составить о немъ собственное сужденіе.

Если, такимъ образомъ, газета въ значительной мѣрѣ свободна отъ партійныхъ шаблоновъ, то, съ другой стороны, она безусловно входитъ въ составъ тѣхъ элементовъ, которые мы противопоставляли партійной политикѣ и которые опредѣлили какъ инстинкты общественнаго мнѣнія. Иначе говоря, газета стоитъ надъ партіями и устраняетъ отъ себя всякія схематиче-

скія программныя отвлеченности, чтобы имѣть возможность судить о дѣлахъ и людяхъ по ихъ истинной цѣнности. Съ самой ѣдкою критикой она обрушивается на представителей собственной партіи и великодушно превозноситъ противниковъ. Всюду она апеллируетъ къ лучшимъ политическимъ инстинктамъ, всегда стоитъ за прогрессъ и реформы, и если бываетъ часто и здѣсь нечистая игра, если въ качествѣ нравственной реформы рекомендуется то, что въ конечномъ итогѣ было бы безнравственно по своимъ послѣдствіямъ, то въ общемъ все же можно утверждать, что газета не становится въ положеніе выразителя партійныхъ взглядовъ, а всегда остается выразителемъ истиннаго или мнимаго нравственнаго чувства. И въ газетѣ отражаются всѣ тѣ черты, которыя свойственны общественному мнѣнію, легкомыслію и безпокойство, получающее часто почти истерическій характеръ, но въ то же время наклонность къ консерватизму и снисходительности, оптимистическая вѣра и серьезная нравственность. Прежде всего мы находимъ въ ней тотъ же юморъ и ту же ѣдкую насмѣшливость.

Американская газета, какъ извѣстно, довела политическую каррикатуру до совершенства. Юмористическая картинка въ ежедневной газетѣ производитъ, конечно, гораздо большее дѣйствіе, чѣмъ въ спеціальныхъ юмористическихъ журналахъ, и какъ ни охотно насмѣшка направляетъ свои стрѣлы въ политическихъ противниковъ, однако и здѣсь нельзя не замѣтить, что она всегда старается стоять выше партій. И этотъ перезвонъ звучитъ во всей газетѣ: нигдѣ нѣтъ ничего педантическаго, ничего сухого. Та веселость и легкая насмѣшка, которыя царятъ всюду въ общественномъ мнѣніи, замѣтны и во всякомъ уголкѣ газеты, начиная съ короткихъ злободневныхъ замѣтокъ и кончая сжатыми сильными передовицами. Благодаря этому господству свободной субъективности оказывается возможнымъ придавать просто дѣловымъ, казалось бы, сообщеніямъ и даже замѣткамъ о самыхъ безразличныхъ новостяхъ такой своеобразный оборотъ, что они теряютъ свой исключительно злободневный характеръ и, вызывая опредѣленное настроеніе, дѣйствуютъ въ извѣстномъ направленіи на общественное мнѣніе. Американская газета и создала здѣсь совсѣмъ особый стиль, — нѣчто среднее между фотографической точностью репортера и свободной фантазіей фельетониста. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что лучшія американскія газеты оказываютъ извѣстное воздѣйствіе на читателя, руководятъ, независимо отъ всякой партійной политики, общественнымъ мнѣніемъ и создаютъ настроеніе въ пользу опредѣленныхъ лицъ, законовъ и движеній или противъ нихъ даже тогда, когда онѣ какъ будто занимаются только сообщеніемъ обо всемъ совершившемся за послѣдніе двѣнадцать часовъ.

Къ этому присоединяется еще другое, чисто-американское изобрѣтеніе, именно, — «интервью». Разумѣется, интервью первоначально было изобрѣтено какъ средство для возбужденія читательскихъ нервовъ; оно вноситъ пикантный, подчасъ даже нескромный личный элементъ въ безличные газетные столбцы, и въ Европѣ, гдѣ эта форма еще совсѣмъ не разработана, рѣдкія случайныя интервью кажутся чѣмъ-то безтактнымъ и некрасивымъ. Въ Америкѣ они получили художественную форму и благодаря частому своему появленію въ печати уже давно перестали обращать на себя вниманіе: благодаря этому же они давно уже и достигли своей цѣли, сдѣлавшись въ очень большой мѣрѣ выраженіемъ общественнаго мнѣнія въ противоположность партійной политикѣ. Если интервью привлекаютъ читателя, то только въ силу чисто-человѣческаго авторитета тѣхъ, кто подвергается разспросамъ, въ силу ихъ образцовой жизни, ихъ глубокихъ познаній, ихъ дѣлъ и заслугъ. Точно такое же дѣйствіе оказываютъ и письма въ редакцію, тщательно отбираемыя и занимающія много мѣста именно въ наиболѣе серьезныхъ газетахъ.

Укажемъ здѣсь же еще на одну черту, хотя она относится, собственно, не къ политической, а къ технической и коммерческой сторонѣ дѣла; именно, надо сказать, что внѣшній видъ газетъ и особенно постановка въ нихъ отдѣла новостей достойны удивленія, а иногда и просто поразительны. Всѣмъ извѣстны безумно-смѣлыя и эксцентричныя продѣлки, на которыя въ важныхъ случаяхъ пускались американскіе корреспонденты для того, чтобы раньше всѣхъ сообщить послѣднія новости своей газетѣ. Но эти изумительные подвиги все же гораздо менѣе существенны для дѣла, чѣмъ доведенная до совершенства организація повседневнаго собиранія новостей и передачи ихъ во всѣ лучшія газеты страны.

Руководствуясь непогрѣшимымъ инстинктомъ, репортеры неуклонно слѣдятъ за самымъ ничтожнымъ движеніемъ, которое можетъ получить какой нибудь интересъ для общественнаго мнѣнія. Безспорно, сюда примѣшивается много такого, что разсчитано на сплетни и скандалъ, общественному вниманію предлагается много пошлости; но разъ установлено, что милліоны людей изъ низшихъ классовъ желаютъ приносить домой простынеобразныя газеты — а съ точки зрѣнія американской демократіи очень хорошо, что они этого желаютъ,—то надо согласиться и съ тѣмъ, что эта сильная потребность въ постоянно свѣжемъ печатномъ матеріалѣ можетъ удовлетворяться только газетами, приноровленными къ низменнымъ вкусамъ. Нью-Іоркская Evening Post, конечно, не содержитъ подобнаго матеріала, и банкиру или адвокату она нравится больше, чѣмъ World,

но приказчикъ держится по этому поводу иного мнѣнія. Здѣсь происходитъ то же, что и съ театрами: если масса населенія настолько зажиточна, что можетъ часто позволять себѣ эту роскошь—ходить въ театръ, то очень скоро на первое мѣсто должны выдвинуться для слезливой части толпы — мелодрама, для веселой—фарсъ.

Конечно, въ погонѣ за новостями часто сообщаются поверхностныя свѣдѣнія, нерѣдки и различныя недоразумѣнія, а комментаріи часто бываютъ дурного тона; но съ извѣстной степенью недостовѣрности публикѣ приходится мириться, такъ какъ общественное мнѣніе все же остается въ большомъ выигрышѣ отъ того, что этимъ путемъ немедленно бросается свѣтъ на всякую лазейку, немедленно отмѣчается всякій симптомъ угрожающей опасности, всякій признакъ перемѣны положенія, всякій предвѣстникъ новаго политическаго или соціальнаго движенія. А по поводу жалобъ на нескромность репортеровъ всегда слѣдуетъ сперва провѣрить, не лежитъ ли источникъ нескромности въ тѣхъ людяхъ, которые охотно видятъ свое имя въ газетѣ, но въ то же время любятъ притворяться, будто ихъ скромная особа навязана общественному вниманію противъ ихъ желанія.

Кто дѣйствительно знакомъ съ американскою газетною жизнью, тотъ знаетъ, что не только каждому редактору, но почти каждому репортеру онъ можетъ сказать всю правду, и ни одно сказанное слово не попадетъ на столбцы газеты, если будетъ прибавлено, что опубликованіе разговора въ данное время не желательно: американскій газетный работникъ—джентльменъ, на скромность котораго вполнѣ можно положиться. Выдающіеся журналисты, составители руководящихъ статей и главные редакторы часто принадлежатъ къ лучшимъ силамъ страны, и они нерѣдко переходятъ на самыя отвѣтственныя политическія должности, до должностей министровъ и посланниковъ включительно.

Даже чисто внѣшнимъ образомъ положеніе американскихъ газетъ, какъ членовъ великой державы, выражается въ размѣрахъ занимаемыхъ ими дворцовъ. Въ то время, какъ въ Европѣ газеты большею частью возникаютъ въ скромныхъ помѣщеніяхъ, и редакціи вліятельныхъ газетъ часто находятся въ тѣсныхъ комнатахъ съ окнами во дворъ, американскія газеты вступаютъ въ намѣренную конкурренцію съ самыми роскошными магазинами, и вообще все дѣло ведется въ грандіозномъ масштабѣ. Поразительно и то, что даютъ американскія газеты въ области иллюстраціи. Разумѣется, лучшіе органы принципіально отказываются отъ подобныхъ приложеній, разсчитанныхъ на пристрастіе публики ко всему сенсаціонному; но нѣкоторыя изъ боль-

шихъ газетъ, принимающія въ расчетъ эту любовь къ иллюстраціямъ, довели эту часть до высокой степени совершенства и спустя лишь нѣсколько часовъ послѣ того, какъ совершилось какое нибудь событіе, онѣ уже даютъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ рисунки по сдѣланнымъ на мѣстѣ происшествія фотографическимъ снимкамъ, и при томъ такіе рисунки, которыхъ не постыдился бы какой нибудь европейскій еженедѣльный журналъ.

Въ общемъ американская печать соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, величію американской націи, ея энергіи, ея стремленію къ работѣ, ея интересу къ политикѣ, ея благосостоянію и подъему; но, съ другой стороны, на американской прессѣ ясно отражается вліяніе демократіи, съ ея поспѣшностью, поверхностностью, легкомысліемъ, вульгарностью, истеричностью и особою примѣсью никогда не дремлющаго патріотизма и неисчерпаемаго юмора. Чѣмъ выше стоитъ какая нибудь газета, тѣмъ больше мѣста занимаютъ въ ней элементы критики, и наоборотъ, чѣмъ шире кругъ, къ которому она обращается, тѣмъ замѣтнѣе въ ней назойливое самодовольство и провинціализмъ, которые позволяютъ относиться къ Европѣ только съ усмѣшкою и состраданіемъ. Внутренняя цѣнность газетъ довольно равномѣрно понижается по мѣрѣ движенія съ востока на западъ, хотя надо сказать, что нѣкоторые органы нью-іоркской прессы могутъ по грубости своихъ сенсаціонныхъ пріемовъ поспорить съ самыми отвратительными газетами дикаго запада. Но лучшія газеты стоятъ на такой высотѣ, какой не достигаютъ даже самыя выдающіяся газеты Стараго Свѣта. Такая газета, какъ Boston Transcript, едва ли найдетъ себѣ равную среди нѣмецкой прессы. Рядомъ съ нею можно назвать Sun, Tribune, Times и Post въ Нью-Іоркѣ, Star въ Вашингтонѣ, Public Ledger въ Филадельфіи, Sun въ Балтиморѣ, Eagle въ Бруклинѣ, Tribune въ Чикаго, Enquirer въ Цинцинпати, Evening Wisconsin въ Мильвоки,—и списокъ этотъ могъ бы еще быть продолженъ. Даже въ такихъ маленькихъ городахъ, какъ, напримѣръ, Спрингфильдъ въ Массачузетсѣ, могутъ существовать выдающіяся большія газеты, подобныя Springfield Republican. А кто справедливъ, тотъ долженъ признать, что изъ плохихъ газетъ въ большинствѣ случаевъ можно было бы съ помощью синяго карандаша выкроить болѣе или менѣе удовлетворительный органъ, такъ какъ пороки ихъ заключаются не въ недостаткѣ доброкачественныхъ статей, а въ изобиліи замѣтокъ дурного тона. Нерѣдко случается встрѣтить газету, которая на первыхъ страницахъ даетъ массу нелѣпѣйшихъ сенсаціонныхъ новостей, сплетенъ, отчетовъ о судебныхъ процессахъ, отрывковъ изъ варварскихъ ро-

мановъ, и въ которой гдѣ нибудь на девятой или десятой страницѣ помѣщенъ рядъ очень цѣнныхъ руководящихъ статей.

Газета, разсчитанная на большое число читателей, должна каждому изъ нихъ что нибудь дать, и она едва ли ошибается, если предполагаетъ, что и у образованнаго читателя, прежде всего обращающагося къ политическимъ телеграммамъ, биржевымъ таблицамъ и руководящимъ статьямъ, все же въ какомъ-нибудь уголкѣ души сохранилось еще достаточно низменныхъ инстинктовъ, и что онъ довольно охотно услышитъ, между прочимъ, что нибудь о послѣднихъ сплетняхъ и о новѣйшей сенсаціонной исторіи. Такая газета, конечно, и не оказываетъ никакого воспитательнаго вліянія; она довольствуется тѣмъ, что никогда не надоѣдаетъ читателю, на котораго разсчитана, и увѣренно руководитъ не партійною политикой, но общественнымъ мнѣніемъ.

Все это совсѣмъ не значитъ, что въ мірѣ газетнаго писательства отсутствуютъ болѣе низменные мотивы. Одно изъ главныхъ искушеній является здѣсь плодомъ тѣснаго переплетенія газетной политики и партійной жизни. Если газета, служа общественному мнѣнію, занимаетъ критическую позицію надъ партіями, то именно ея редакторъ и можетъ злоупотреблять своей свободою отъ предвзятой точки зрѣнія и такимъ способомъ преслѣдовать свои личные интересы. Онъ можетъ оказать поддержку какой нибудь партіи съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ея побѣды получить выгодную должность,—а отсюда уже незамѣтные переходы ведутъ къ морали тѣхъ писателей, которые обрушиваются на какую нибудь политическую партію, или экономически заинтересованную группу спеціально для того, чтобы въ надлежащій моментъ ихъ при помощи векселя на надлежащую сумму могли убѣдить въ неправильности занятаго ими положенія. Точно такъ же и энергія, съ которою иныя газеты отстаиваютъ опредѣленные биржевые интересы, не свидѣтельствуетъ о полной ихъ независимости отъ нѣкоторыхъ финансовыхъ группъ.

Тѣмъ не менѣе, прямой подкупъ играетъ, вѣроятно, совершенно ничтожную роль въ жизни американскихъ газетъ, и, конечно, ни правительство, ни тѣмъ болѣе какая нибудь иностранная держава никогда не являются подкупающей стороною. Гораздо опаснѣе манія величія нѣкоторыхъ владѣльцевъ газетъ, которые изъ самыхъ различныхъ побужденій стараются направить общественное мнѣніе на ложный путь. Извѣстенъ, напримѣръ, сынъ милліонера изъ С.-Франциско, доведшій свой Journal до тиража въ милліонъ экземпляровъ для того, чтобы развивать травлю въ интересахъ собственнаго честолюбія; или спортсменъ-милліонеръ, владѣлецъ Newyork Herald'а — одной изъ худшихъ, но, къ счастью, и наименѣе вліятельныхъ нью-іоркъ-

скихъ газетъ—завѣтная мечта котораго состоитъ въ томъ, чтобы вызвать войну между Германіей и Соединенными Штатами. Въ сущности, однако, все это не представляетъ большой опасности, такъ какъ читатель американскихъ газетъ очень много читаетъ и политически слишкомъ зрѣлъ для того, чтобы принимать слова какой нибудь газеты за чистую истину. Къ настроенію, вызываемому одной газетой, присоединяется настроеніе, вызываемое другою, и если пишущій стремится доказать свою проницательность тѣмъ, что старается писать въ тонъ съ собственными мыслями читателя, то послѣдній оказывается еще хитрѣе: онъ очень охотно читаетъ и изложеніе взглядовъ, съ которыми самъ не согласенъ, чтобы путемъ критической провѣрки убѣдиться въ своей правотѣ. Газета, какъ мы сказали, стоитъ выше партій, но читатель стоитъ еще выше газеты, и именно поэтому газета является могучимъ вспомогательнымъ средствомъ общественнаго мнѣнія.

Но газетѣ совсѣмъ не принадлежитъ монополія въ этой области. На ряду съ нею дѣйствуютъ и еженедѣльные и ежемѣсячные журналы. Литературную цѣнность и этихъ изданій мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ; смыслъ же ихъ заключается въ ни съ чѣмъ несравнимомъ вліяніи на общественное мнѣніе. Еженедѣльный журналъ въ своей политической работѣ пользуется большею частью косвенными средствами; онъ занимается основательною разработкою отдѣльныхъ вопросовъ—религіозныхъ, соціальныхъ или литературныхъ, количество экземпляровъ его, доходящее иногда до колоссальныхъ размѣровъ, соотвѣтствуетъ распространенности той или другой секты, той или другой профессіи; но всюду позади вопроса, обсуждаемаго по существу, ясно замѣтенъ политическій фонъ, и искусственная окраска этого фона отражается на всемъ настроеніи.

Въ болѣе крупномъ масштабѣ и подходя непосредственно къ дѣлу занимаются политикой ежемѣсячные журналы. Здѣсь лучшіе люди націи, и притомъ совсѣмъ не одни только профессіональные политическіе дѣятели, говорятъ свое слово о серьезныхъ нуждахъ города и о національныхъ задачахъ. Объ односторонней точкѣ зрѣнія не можетъ быть и рѣчи, когда говорится о какомъ нибудь изъ наиболѣе видныхъ журналовъ. Такое изданіе, какъ North American Review, охотно предоставляетъ свои столбцы представителямъ обѣихъ партій для освѣщенія одного и того же вопроса; такое же разнообразіе мы находимъ и въ Atlantic Monthly, и въ Forum, и въ Review of Review, и въ другихъ важнѣйшихъ журналахъ, распространенность и вліяніе которыхъ трудно даже сравнить съ распространенностью и вліяніемъ мнѣецкихъ журналовъ. Ихъ общая точка зрѣнія всегда—критическая точка зрѣнія общественнаго мнѣнія; они выше чисто-

партійной политики и искренно содѣйствуютъ стремленію націи къ нравственнымъ реформамъ, отстаивая вліяніе самыхъ лучшихъ, самыхъ опытныхъ и зрѣлыхъ людей. Программа журнала не измѣняется и въ томъ случаѣ, когда въ немъ политика сочетается съ иллюстрированной литературой, какъ мы видимъ это въ Century, въ Harper's, Scribner's, Mc Clure's Magazine и многихъ другихъ. Если, напримѣръ, Mc Clure's Magazine въ цѣломъ рядѣ номеровъ даетъ полумилліону своихъ читателей иллюстрированную исторію компаніи Standard Oil Trust, гдѣ каждая страница является обличеніемъ разныхъ обходовъ закона, ненаказуемыхъ только благодаря искусному веденію дѣла, то этимъ не оказывается услуги ни одной изъ партій, но общественное мнѣніе не забудетъ этого урока.

Съ печатнымъ словомъ соперничаетъ и устное. Способность американца—а еще болѣе американки—выслушивать доклады кажется безграничною, и потому для соціальной и политической пропаганды открыты самые широкіе пути. Съ другой стороны, внѣ партійныхъ собраній рѣчь, носящая чисто-партійный характеръ, не можетъ имѣть никакой цѣнности. И остроуміе ораторовъ, какъ и ихъ пафосъ, стоятъ выше тактическихъ противорѣчій, они занимаютъ ту же позицію, какую занимаетъ въ данное время историческое чутье общественнаго мнѣнія. «Застольныя рѣчи» также служатъ виднымъ средствомъ для проявленія общественнаго мнѣнія, такъ какъ ораторы не бываютъ здѣсь вынуждены втиснуть свою рѣчь въ промежутокъ между рыбой и жаренымъ и не обязаны вести ее такъ, чтобы закончить провозглашеніемъ оффиціальнаго тоста; они говорятъ по окончаніи ѣды и могутъ дать полный просторъ своей веселости или выраженію своихъ серьезныхъ взглядовъ.

Въ томъ же смыслѣ вліяютъ, наконецъ, и безчисленные союзы, клубы, собранія, мѣстныя и національныя организаціи, преслѣдующія различныя цѣли. Каждый американецъ лучшаго типа участвуетъ въ безчисленномъ количествѣ подобныхъ организацій, и если о двухъ третяхъ изъ нихъ онъ помнитъ только потому, что онѣ требуютъ отъ него членскаго взноса, то остается все же еще одна треть, въ которой онъ серьезно работаетъ. Безспорно, и здѣсь много односторонняго, эгоистическаго, пошлаго и ненужнаго, но въ большинствѣ организацій этаго рода есть и нѣчто здоровое, заслуживающее поддержки; и каждая изъ нихъ усиливаетъ въ каждомъ изъ своихъ членовъ сознаніе, что онъ призванъ быть носителемъ общественнаго мнѣнія. Правда, подобно тому, какъ партіи жалуются на небрежность многихъ избирателей, не исполняющихъ своихъ обязанностей по отношенію къ партіи, такъ жалуются во всей странѣ и выдающіеся поборники реформъ на то, что въ

слѣдующей за ними арміи еще много неустройствъ. Но суть дѣла въ томъ, что это все-таки армія, что общественное мнѣніе въ настоящее время такъ же прочно организовано, какъ и оффиціальныя партіи; и оно съ каждымъ днемъ яснѣе сознаетъ, что его качественный строй имѣетъ по меньшей мѣрѣ столько же значенія, какъ и количественный строй партій.

Каждый отдѣльный вопросъ разрабатывается и разсматривается обѣими крупными организаціями—общественнымъ мнѣніемъ и партіей. Когда на очереди стоятъ важные выборы, особенно президентскіе, совершающіеся черезъ каждые четыре года, то партійная организація можетъ вызвать искусственное возбужденіе, которымъ общественное мнѣніе на нѣсколько мѣсяцевъ будетъ оттѣснено, — и тогда первенствующую роль играетъ партійная тактика; но и у организаціи общественнаго мнѣнія есть свои важные моменты. Она работаетъ постоянно и неуклонно толкаетъ впередъ. Предвыборное возбужденіе—только короткій періодъ, а въ промежуткахъ между выборами, за цѣлые годы, общественное мнѣніе снова крѣпнетъ и дѣлаетъ свое хорошее дѣло. Оно вліяетъ одинаково на обѣ партіи, заставляетъ принимать такіе законы, которые политикамъ неудобны, и отвергать другіе, проведеніе которыхъ политикамъ было бы очень желательно; оно поднимаетъ вопросы, которые были бы охотнѣе обойдены молчаніемъ, и снимаетъ съ очереди вопросы, въ разрѣшеніе которыхъ партіи внесли бы своекорыстные мотивы; оно заставляетъ выбирать такихъ кандидатовъ, которые совѣсти народа отвѣчаютъ больше, чѣмъ желаніямъ политиковъ, и одно изгоняетъ съ политической арены такихъ вождей, надъ которыми общественное мнѣніе произнесло свой приговоръ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вопросы народонаселенія.

Мы разсматривали общественное мнѣніе и партійную политику, какъ два отдѣльныхъ фактора, дѣйствующихъ въ американскомъ національномъ сознаніи, какъ два фактора, которые рѣдко вполнѣ солидарны, часто направлены другъ противъ друга, но всегда, подобно верхней и нижней палатѣ, должны въ концѣ-концовъ работать сообща, чтобы справиться съ вопросами, которые ставитъ имъ время. Говорить подробно объ этихъ вопросахъ здѣсь невозможно. Нашей задачей не можетъ быть обсужденіе тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которыми въ настоящее время заняты американцы. Злободневная политика не вхо-

дить въ кругъ нашего разсмотрѣнія. Для насъ важно было выяснить постоянныя черты американскаго типа—душевныя силы, дѣйствующія въ немъ, и тѣ формы, въ которыя выливается дѣйствіе этихъ силъ. Отдѣльные же вопросы, въ которыхъ эти силы находятъ приложеніе для себя, вопросы, смѣняющіеся изо дня въ день, должны быть предоставлены періодической печати. Намъ надо сдѣлать только одно—вкратцѣ указать, въ какомъ положеніи находятся наиболѣе важные изъ этихъ вопросовъ. Каждый изъ нихъ потребовалъ бы очень обширнаго изслѣдованія, если бы мы намѣрены были представить его въ сколько нибудь полномъ видѣ.

Много вопросовъ, которые въ европейскихъ странахъ стоятъ на переднемъ планѣ и представляются особенно трудными для нѣмцевъ, американцу совершенно неизвѣстны. Прежде всего, для него въ политическомъ смыслѣ не существуетъ въ настоящее время вопроса о церкви. Раздѣленіе государства и церкви настолько полно, и результаты этого раздѣленія вызываютъ въ обѣихъ сторонахъ такое чувство удовлетворенія, что не дѣлается ни малѣйшей попытки произвести въ этой области сколько нибудь существенныя перемѣны. Именно, въ наиболѣе религіозныхъ кругахъ свобода дѣйствій считается для церкви, независимой отъ государства, необходимымъ условіемъ, при которомъ только и возможенъ ростъ церковнаго вліянія. Даже отношенія между церковью и партійною политикой очень поверхностны, и движеніе противъ католической церкви, имѣвшее политическую окраску, уже начало ослабѣвать. Іезуитскаго вопроса не существуетъ, и единственною церковною группою, вызвавшею настоящую политическую борьбу, была группа мормоновъ, которая давала церковную санкцію тому, что запрещалось многамическими законами страны. Но и здѣсь все уже успокоилось благодаря уступкамъ со стороны церкви.

Само собою разумѣется, что американскій народъ избавленъ и отъ всякихъ конфликтовъ между правительствомъ и націей. Если правительство каждый разъ создается вновь посредствомъ народныхъ выборовъ, если глава государства вмѣстѣ со своимъ кабинетомъ не имѣетъ доступа въ законодательное собраніе и, въ главномъ, находится въ зависимости отъ партіи, къ которой принадлежитъ большинство народа, то для конфликтовъ вообще не остается мѣста. Разумѣется, возможны иногда столкновенія между законодательной и исполнительной властью, возможно, что и президентъ въ теченіе четырехъ лѣтъ своего управленія постепенно удалится отъ избравшей его партіи и такимъ образомъ вызоветъ извѣстную отчужденность; но это будетъ только отчужденность отъ профессіональныхъ политиковъ, такъ какъ опытъ показываетъ, что президентъ съ успѣ-

хомъ можетъ отдѣлиться отъ партіи только въ томъ случаѣ, если онъ вмѣсто того, чтобы повиноваться приказамъ профессіональныхъ политиковъ, будетъ слѣдовать указаніямъ общественнаго мнѣнія. Но именно въ этомъ случаѣ народъ будетъ на его сторонѣ. Скорѣе можно сказать, что конфликты между правительствомъ и народомъ, въ Европѣ фактически являющіеся конфликтами между правительствомъ и организованнымъ въ партіи народнымъ представительствомъ, въ Америкѣ получаютъ совсѣмъ другую форму: здѣсь столкновеніе происходитъ между общественнымъ мнѣніемъ, съ одной стороны, и правительствомъ вмѣстѣ съ парламентомъ—съ другой, такъ какъ само правительство является лишь частью народнаго представительства; общественное же мнѣніе въ качествѣ неоспоримой верховной власти составляетъ противовѣсъ всякимъ постановленіямъ большинства и меньшинства.

И еще отъ одного обстоятельства избавленъ американскій народъ: онъ не знаетъ поляковъ, эльзасъ-лотарингцевъ, датчанъ и т. д., то-есть не знаетъ такихъ національныхъ элементовъ, которые стремятся нарушить политическое единство націи и своимъ сопротивленіемъ создаютъ трудности для управленія. Безспорно, Америка стоитъ передъ трудными вопросами народонаселенія, но ни одна часть населенія не желаетъ отдѣляться отъ цѣлаго. Наоборотъ, если бы возникло подобное желаніе, то этимъ иныя трудности были бы устранены. Такимъ образомъ, американцамъ не приходится испытывать и заботъ по поводу вопроса объ эмиграціи. Наконецъ, можно, пожалуй, еще сказать, что соціалдемократія, особенно же ея интернаціональная разновидность, въ Америкѣ находитъ для себя такую скудную почву, что о вопросѣ, поставленномъ въ такомъ масштабѣ какъ въ Германіи, почти не можетъ быть рѣчи. Но при этомъ не слѣдуетъ, конечно, отожествлять соціалдемократію съ рабочимъ вопросомъ вообще. Рабочее движеніе, какъ составная часть великой экономической борьбы, занимаетъ и въ Новомъ Свѣтѣ одно изъ первыхъ мѣстъ среди экономическихъ вопросовъ, но соціалдемократическое его разрѣшеніе, носящее по преимуществу политическій характеръ, естественнымъ образомъ чуждо американскому народному сознанію. Всѣмъ этимъ мы еще займемся болѣе обстоятельно въ другихъ мѣстахъ.

Если, такимъ образомъ, разныя затрудненія, мучительныя для Европы, рѣдко получаютъ такое же значеніе и въ Америкѣ, то здѣсь есть, съ другой стороны, еще почти неисчерпаемое количество вопросовъ, отъ которыхъ, по милости судьбы, избавленъ средній европеецъ. Благодаря переходному характеру нашей эпохи, изъ этого множества вопросовъ на передній планъ выдвигаются главнымъ образомъ тѣ, которые имѣютъ чисто-

экономическое значеніе. Такъ, во время президентскихъ выборовъ за послѣднее десятилѣтіе ожесточеннѣйшая борьба дважды сосредоточивалась преимущественно вокругъ вопроса о валютѣ, и лишь теперь программа сторонниковъ серебра можетъ считаться на время устраненною. Непосредственно передъ этимъ происходила жестокая борьба изъ-за покровительственныхъ пошлинъ и свободной торговли, и всѣ признаки указываютъ на то, что эта борьба вскорѣ возобновится съ новою силой.

Между тѣмъ на первый планъ съ поразительной быстротою выдвинулся вопросъ о трестахъ; въ этомъ особенно ярко сказываются господство и права общественнаго мнѣнія въ противовѣсъ партійной политикѣ, такъ какъ каждая изъ обѣихъ партій, вѣроятно, охотнѣе оставила бы тресты въ покоѣ. Въ то же время и колоссальныя забастовки, быть можетъ, прежде всего стачка пенсильванскихъ рудокоповъ, заставили націю такъ ясно увидѣть борьбу между капиталомъ и трудомъ, что національное сознаніе съ чрезвычайно напряженнымъ вниманіемъ обратилось и къ этому вопросу. Нѣкоторые утверждаютъ, что безусловно самымъ важнымъ экономическимъ вопросомъ для Соединенныхъ Штатовъ является обводненіе вѣчно сухихъ мѣстностей: и дѣйствительно, земледѣльческой культурѣ недоступны вслѣдствіе отсутствія воды цѣлыя области, по пространству большія, чѣмъ вся Германская имперія, а техника ручается за успѣхъ искусственнаго орошенія, если только отпущены будутъ достаточныя средства. Другіе ожидаютъ всякихъ благъ отъ реформы налоговой системы; число сторонниковъ земельной реформы непрерывно увеличивается. При этомъ всѣ согласны и въ томъ, что національное банковое дѣло требуетъ значительныхъ преобразованій, что хищническому опустошенію лѣсовъ долженъ быть положенъ предѣлъ, что экономическія отношенія отдѣльныхъ штатовъ между собою должны быть урегулированы съ помощью новыхъ, болѣе отвѣчающихъ современнымъ условіямъ, законодательныхъ мѣръ. Въ одномъ мѣстѣ надежды возлагаются на проведеніе новыхъ каналовъ, въ другомъ—требуютъ поддержки для американскаго пароходства. Словомъ, передъ общественнымъ сознаніемъ стоитъ такое множество важныхъ экономическихъ вопросовъ, что вопросы чисто-политическіе какъ будто отодвигаются на задній планъ; и дѣйствительно, такіе политическіе вопросы колоссальной важности, какими были нѣкогда отдѣленіе отъ Англіи и образованіе союзной организаціи, а позднѣе освобожденіе негровъ и распаденіе Союза, — такіе вопросы въ теченіе четырехъ послѣднихъ счастливыхъ десятилѣтій болѣе не возникали.

Къ экономическимъ вопросамъ присоединяется еще множество соціальныхъ, которые возникаютъ въ организованныхъ

сферахъ общественнаго мнѣнія и отсюда все въ большей мѣрѣ проникаютъ въ область партійной политики. Сюда относится, напримѣръ, сильно развѣтвившійся женскій вопросъ, которымъ мы обстоятельно займемся ниже. Сюда относится наполовину экономическій, наполовину соціальный вопросъ о крайнихъ противоположностяхъ матеріальной жизни, какія были неизвѣстны въ Америкѣ не только во времена первыхъ поселенцевъ, но и еще совсѣмъ недавно. Невыразимая нищета опредѣленныхъ кварталовъ въ Нью-Іоркѣ и Чикаго, въ которыхъ сосредоточиваются самые жалкіе переселенцы изъ Восточной Европы и куда привлекаются всѣ отбросы коренного населенія страны,— это продуктъ лишь послѣднихъ лѣтъ, и совѣсть націи живо это чувствуетъ; на другой сторонѣ—безумная, шальная роскошь милліардеровъ, которые своимъ образомъ жизни оскорбляютъ здоровыя чувства въ широкихъ кругахъ народа.

Въ область этихъ же соціальныхъ вопросовъ входятъ прежде всего старанія лучшихъ людей, направленныя къ тому, чтобы американское искусство и американская наука не отставали въ своемъ развитіи отъ общаго колоссальнаго роста страны. Безспорно, и здѣсь успѣхъ этихъ стараній въ значительной степени обусловленъ чрезвычайной серьезностью, съ которою общественное мнѣніе отнеслось именно къ подобнымъ вопросамъ. Развитіе университетовъ, распространеніе библіотекъ и научныхъ учрежденій, созданіе музеевъ, украшеніе общественныхъ зданій и многое другое не могло бы явиться результатомъ одной лишь свободной борьбы разнообразныхъ силъ: здѣсь общественное мнѣніе добросовѣстно исполнило свою роль правителя. На периферіи же пропаганда дѣйствуетъ въ пользу разрѣшенія еще многихъ другихъ соціальныхъ проблемъ. Вопросъ объ упорядоченіи призрѣнія бѣдныхъ или объ улучшеніи исправительныхъ заведеній привлекаетъ къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ. Движеніе въ пользу умѣреннаго употребленія вина разростается съ каждымъ днемъ, и оно становится тѣмъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ болѣе удаляется отъ крайностей фанатизма.

На ряду со всѣмъ этимъ остается, однако, еще значительный кругъ чисто-политическихъ вопросовъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ вопросы народонаселенія, среди которыхъ главными являются вопросъ объ иммиграціи и негритянскій вопросъ. Къ нимъ присоединяются вопросы внутренняго управленія, изъ которыхъ наиболѣе занимаютъ общественное мнѣніе вопросъ о гражданской службѣ и реформа муниципалитетовъ. Наконецъ, существуютъ и вопросы внѣшней политики, въ которыхъ среди хаоса голосовъ яснѣе всего слышатся слова объ имперіализмѣ и о доктринѣ Монроэ. Намъ хотя надо бы бѣгло разо-

браться въ томъ, почему здѣсь возникаютъ тѣ или другіе вопросы. Всякое же обстоятельное изслѣдованіе вышло бы изъ рамокъ нашей задачи.

Вопросъ о народонаселеніи, сказали мы, является для американца прежде всего вопросомъ объ иммиграціи, и разобраться въ этомъ вопросѣ для общественнаго мнѣнія именно теперь особенно важно, такъ какъ въ послѣднемъ отчетномъ году, оканчивающемся 1-го іюня 1903 года, число иммигрантовъ оказалось выше, чѣмъ когда бы то ни было раньше; оно превысило на одну десятую число иммигрантовъ 1882 года, которое до сихъ поръ было наибольшимъ. Основные факты заключаются въ слѣдующемъ. Всего въ Соединенные Штаты переселилось около двадцати милліоновъ человѣкъ. Число лицъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но родились въ другихъ странахъ, превышаетъ десять милліоновъ, а если прибавить къ нимъ лицъ, которыя родились въ Америкѣ, но отъ родителей-иностранцевъ, то число это возрастетъ до двадцати шести милліоновъ. Иммигрантовъ въ послѣднемъ году было 857.000. Среди десяти милліоновъ человѣкъ, родившихся заграницей, было 2.669.000 нѣмецкихъ и 1.619.000 ирландскихъ уроженцевъ.

Колебанія иммиграціи, повидимому, находятся въ соотвѣтствіи, прежде всего, съ измѣненіями благосостоянія въ Америкѣ, затѣмъ—съ перемѣнами въ экономическихъ и политическихъ условіяхъ Европы. До 1810 года число переселенцевъ опредѣляется ежегодно приблизительно въ 6000 человѣкъ; затѣмъ притокъ ихъ, вслѣдствіе напряженности политическихъ отношеній между Англіей и Соединенными Штатами, на нѣсколько лѣтъ почти совершенно прекратился. Послѣ заключенія мира число переселенцевъ въ 1817 году тотчасъ же возросло до 2.0000, а въ 1840 году оно уже равнялось 84.000. Въ 1842 году впервые число иммигрантовъ превысило сто тысячъ, и съ этихъ поръ оно неуклонно возрастало, пока въ 1854 году не достигло 427.000. Затѣмъ оно стало быстро и непрерывно падать. Это было время коммерческаго упадка Соединенныхъ Штатовъ, и при томъ же вопросъ о рабствѣ тогда обострился настолько, что дѣлалъ вѣроятнымъ возникновеніе войны. Иммиграція достигла своего минимума въ 1861 году, когда число переселенцевъ равнялось 91.000. Съ 1863 года начинается новый подъемъ, и въ 1873 иммигрантовъ уже насчитывается около полумилліона. Затѣмъ—снова коммерческій упадокъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ снова ослабѣваетъ и иммиграція. Но какъ только начался подъемъ экономическихъ силъ, переселенцы снова стали притекать въ большемъ числѣ, чѣмъ когда бы то ни было раньше, и въ 1882 году ихъ насчитывается свы-

ше 750.000. Начиная съ 1883 года среднее годовое число иммигрантовъ равняется 450.000, но и здѣсь замѣтны значительныя колебанія; такъ, въ 1893 году, который для всей страны былъ годомъ коммерческаго застоя, число переселенцевъ уменьшилось на половину. Съ 1897 года оно снова непрерывно возрастаетъ.

Но одни только числа не указываютъ самой сущности дѣла, такъ какъ для общественнаго мнѣнія, по необходимости, всего важнѣе не количество переселенцевъ, а ихъ качества, зависящія отъ культурнаго уровня ихъ родины. Въ теченіе десяти лѣтъ съ 1860 до 1870 года въ Америку прибыло 2.064.000 переселенцевъ изъ Европы. Изъ этого числа было 787.000 нѣмцевъ, 568.000 англичанъ, 435.000 ирландцевъ, 109.000 норвежцевъ и шведовъ, 38 000 шотландцевъ и 35.000 французовъ. Десятилѣтіе съ 1890 по 1900 годъ дало иное распредѣленіе иммигрантовъ. Всѣхъ ихъ было 3.844.000, изъ нихъ нѣмцевъ 543.000, ирландцевъ 403.000, норвежцевъ и шведовъ 325.000, англичанъ 282.000, шотландцевъ 60.000, французовъ 36.000. Въ то же время на сценѣ внезапно являются три страны, которыя раньше не давали сколько нибудь значительнаго числа переселенцевъ, именно— Италія, Россія и Австро-Венгрія. Въ теченіе десятилѣтія, которое оканчивается 1870 годомъ, изъ Италіи переселилось въ Америку всего 11.000, изъ Австріи 7000, изъ Россіи всего 4000 человѣкъ; за десять же лѣтъ, съ 1890 по 1900 годъ, число иммигрантовъ изъ Россіи, преимущественно евреевъ и поляковъ, возросло до 588.000, Австро-Венгрія дала 597.000, а Италія 655.000, и эта пропорція продолжаетъ непрерывно возрастать. Въ теченіе одного лишь 1903 года изъ Германіи переселилось всего 40.000 человѣкъ, изъ Ирландіи 35.000, изъ Англіи 26.000, изъ Россіи же 136.000, изъ Австро-Венгріи 206.000, изъ Италіи 230 000. Въ этомъ и заключается сущность вопроса.

Однако для уясненія общей картины приведемъ сперва еще нѣсколько чиселъ. Самъ собою напрашивается, напримѣръ, вопросъ о томъ, какая часть всѣхъ переселенцевъ изъ Европы направлялась въ Америку. Округляя числа, можно сказать, что Европа съ 1870 года благодаря эмиграціи потеряла около 20.000,000 человѣкъ, и изъ нихъ около 14.000.000, т. е. болѣе двухъ третей, въ концѣ-концовъ поселились въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Изъ всего числа нѣмцевъ-эмигрантовъ Соединенные Штаты привлекли къ себѣ отъ 85 до 90%, шведовъ 97%, англичанъ всего 66%, итальянцевъ 45%. Впрочемъ, надо замѣтить, что несмотря на быстрый ростъ иммиграціи процентное отношеніе числа лицъ родившихся заграницей къ числу мѣстныхъ уроженцевъ не увеличилось; это значитъ, что и мѣстное населеніе увеличивалось въ такой же

пропорціи. Въ 1850 году лицъ, родившихся заграницей, насчитывалось нѣсколько менѣе двухъ милліоновъ, въ 1860 году ихъ было уже свыше 4 милліоновъ, въ 1870 году $5^1/_2$ милліоновъ, въ 1880 году $6^1/_2$ милліоновъ, въ 1890 году $9^1/_4$ милліоновъ, въ 1900 году $10^1/_2$ милліоновъ. Эти иностранцы въ 1850 году составляли 11% всего населенія, въ 1860 году уже 15%, но въ 1870 году 14,4%, въ 1880 году 13,3% въ 1890 году 14,8% и въ 1900 году 13,6%.

Наибольшее число жителей иностраннаго происхожденія имѣетъ штатъ Нью-Іоркъ, и въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ процентъ лицъ, родившихся заграницей, непрерывно возрасталъ здѣсь съ 21% до 26%. Второе мѣсто занимаетъ Пенсильванія, третье Иллинойсъ. Напротивъ, наибольшее процентное отношеніе иностранцевъ къ мѣстному населенію встрѣчается въ маленькихъ штатахъ: въ Сѣверной Дакотѣ родившіеся заграницей составляютъ 35%, въ Родъ-Айлэндѣ 31% всего населенія. Наиболѣе свободны отъ иностранцевъ южные штаты. Разумѣется, эти числа рѣзко измѣнятся, если принимать въ расчетъ не только людей, которые сами родились заграницей, но и такихъ, у которыхъ отцы или матери родились въ Европѣ. Въ этомъ случаѣ число иностранцевъ въ такъ называемыхъ сѣверныхъ атлантическихъ штатахъ составитъ 51% всего населенія, а для всей страны оно будетъ равно 34%. При такомъ толкованіи понятія «иностранецъ» окажется, что въ городѣ Нью-Іоркѣ, какъ и въ городѣ Чикаго, 77% всего населенія составляютъ иностранцы.

Однако, достаточно уже голыхъ цифръ. Если что нибудь возбуждаетъ въ Америкѣ умы, то это—не увеличеніе числа, а ухудшеніе качества иммигрантовъ. Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ партія людей «не желающихъ ничего знать» («мѣдныхъ лбовъ») сдѣлала ненависть къ иностранцамъ центральнымъ пунктомъ своей программы, но тогда это безразсудство «чистыхъ» американцевъ было парализовано грозно надвигавшимся вопросомъ о рабовладѣніи, и съ тѣхъ поръ это безразсудство болѣе не возрождалось въ такой звѣрской формѣ. Однако голоса, указывавшіе на безспорно-отрицательныя стороны иммиграціи, никогда не замолкали, и потребность въ болѣе строгомъ контролѣ надъ нею и въ частичномъ ея ограниченіи вызывала къ жизни все новыя и новыя законодательныя мѣропріятія. Въ нѣкоторой степени основою этого движенія служили эгоистическіе мотивы экономическаго характера. Конгрессъ 1885 года руководствовался доведенными до абсурда идеями покровительственнаго тарифа, когда воспретилъ иммиграцію «законтрактованныхъ рабочихъ», т. е. такихъ лицъ, которыя пріѣзжали съ уже подписаннымъ договоромъ о выполненіи опредѣленныхъ работъ. Этимъ же-

лали предохранить американскаго рабочаго отъ неудобной конкурренціи. Но здѣсь-то энергично вступились сторонники свободы движенія: именно законтрактованные переселенцы, говорятъ они, привозятъ съ собою новыя отрасли промышленности и способствуютъ развитію старыхъ, а свѣжія теченія въ промышленности вызываютъ усиленный спросъ на рабочія силы, такъ что въ выигрышѣ остаются именно мѣстные рабочіе. Законы продолжаютъ существовать, но дѣйствительность, повидимому, вноситъ въ нихъ очень значительныя поправки, такъ какъ, сверхъ ожиданія, оказывается чрезвычайно легко ихъ обходить.

Болѣе важныя постановленія сдѣланы, однако, не подъ вліяніемъ экономическихъ, а подъ вліяніемъ соціально-этическихъ мотивовъ. При этомъ всегда охотно пользовались статистическими данными, чтобъ показать, что въ тюрьмахъ и домахъ для бѣдныхъ процентъ лицъ родившихся заграницей гораздо выше, чѣмъ слѣдовало бы по ихъ отношенію ко всему населенію. Въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ иностранецъ, особенно не говорящій по-англійски, долженъ вести борьбу за существованіе въ своей новой родинѣ. Но именно здѣсь обнаруживается магическая сила статистики, позволяющая доказать все, что желаютъ доказать: другіе, напримѣръ, основываясь также на цифрахъ, доказываютъ, что если взять только надлежащіе виды преступленій, то родившіеся заграницей американцы должны быть признаны лучшими сынами страны. Точно такіе же споры велись по вопросамъ народнаго образованія: процентъ неграмотныхъ среди иммигрантовъ казался ужасающимъ тому, кто привлекалъ къ сравненію высококультурные сѣверо-восточные штаты, и этотъ же процентъ представлялся отрадно малымъ другому, кто при этомъ думалъ о невѣжественномъ негритянскомъ населеніи южныхъ штатовъ. Но въ общемъ, всѣ голоса все болѣе и болѣе сходились въ томъ, что необходимо не допускать въ страну такихъ элементовъ, которые должны лечь бременемъ на общество. Началось съ идіотовъ и душевно-больныхъ, съ преступниковъ и бродягъ, но постепенно понятіе «неудобныхъ» иностранцевъ все болѣе расширялось, и такъ какъ по закону пароходныя компаніи обязаны на свой счетъ доставлять обратно тѣхъ, чья высадка въ Америкѣ признана нежелательною, то отборъ переселенцевъ по существу производится уже въ европейскихъ гаваняхъ. Вмѣстѣ съ этимъ прекратились и прежнія жалобы на агентовъ европейскихъ пароходныхъ компаній, которые уговаривали всѣхъ несчастныхъ и неудачниковъ Стараго Свѣта употребить послѣднія крохи на покупку проѣзднаго билета въ Новый

Свѣтъ. Однако, еще въ теченіе послѣдняго года 5812 человѣкъ были отправлены обратно изъ-за отсутствія средствъ, 51 въ качествѣ бывшихъ каторжниковъ и 1773 вслѣдствіе заразныхъ болѣзней.

Постоянно указывается и на то, что соціальныя низины большихъ городовъ переполнены иностранцами, что этими массами поддерживаются самыя худшія стороны городского управленія, что происходящія время отъ времени вспышки анархизма создаются иностранцами, и что армія безработныхъ скорѣе всего пополняется людьми изъ этихъ же круговъ. Голоса, указывающіе на все это, быстро усиливались по мѣрѣ того, какъ происходило измѣненіе состава націи, — измѣненіе, которое мы прослѣдили съ помощью цифръ и въ которомъ легко можно убѣдиться посредствомъ прогулки по бѣднѣйшимъ частямъ большихъ городовъ. Всюду—итальянцы, русскіе евреи, галичане, румыны. Даже свободный отъ предразсудковъ американецъ съ тревогою задаетъ себѣ вопросъ, не ухудшится ли въ случаѣ продолженія этого притока качественный составъ американскаго народа. Американская нація исполняетъ свое назначеніе до тѣхъ поръ, пока въ ней господствуетъ духъ самоопредѣленія, а эта потребность въ самоопредѣленіи имѣетъ своимъ источникомъ общегерманское стремленіе къ свободѣ. Поэтому-то нѣмцы, шведы и норвежцы всегда тотчасъ же приспособлялись къ англо-саксонскому государственному строю, между тѣмъ какъ французы, въ сущности, оставались здѣсь чужими. Ихъ число, правда, было совершенно ничтожно; но что будетъ, если безпрепятственно станутъ притекать милліоны людей не германскаго происхожденія, изъ Италіи, Россіи и Турціи? Они осквернятъ, такъ говорятъ намъ, высокій духъ самоопредѣленія націи своими мелкими грязными чертами. И одни, дѣйствительно, предлагаютъ требовать отъ каждаго иммигранта знанія англійскаго языка или извѣстной обезпеченности, чтобы такимъ образомъ предупредить дурныя послѣдствія, другіе желаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время совсѣмъ запретить иммиграцію или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать болѣе тяжелыми условія натурализаціи, чтобы житель Восточной Европы, который не знаетъ даже, что такое свободная политика, не становился слишкомъ скоро гражданиномъ самаго свободнаго демократическаго государства. Наиболѣе свѣдущіе люди требуютъ, по меньшей мѣрѣ, исключенія неграмотныхъ.

Но все это противорѣчитъ убѣжденіямъ широкихъ круговъ населенія. Они съ гордостью указываютъ прежде всего на колоссальную мельницу—американскую школу, которая увѣренно и быстро размалываетъ, растираетъ и распыляетъ все чужое. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно бываетъ смотрѣть на какую нибудь

школу въ восточной части Нью-Іорка, гдѣ нѣтъ ни одного ребенка американскихъ родителей и гдѣ все-же ни одинъ ребенокъ не хочетъ признавать себя итальянцемъ, или русскимъ, или армяниномъ, или нѣмцемъ: всѣ они — страстные юные американцы, полные американскаго патріотизма и американской гордости. И ежедневно можно убѣдиться, что нація во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ имѣетъ подобныя школы и для взрослыхъ. Сѣдые люди и мальчики-подростки, которые у себя на родинѣ никогда не выбились бы изъ тягостной сферы зависимости, становятся усердными читателями газетъ и ревностными посѣтителями собраній, какъ только вступятъ на тротуары Бродвея; они дѣлаются самостоятельными мелкими предпринимателями, съ тѣмъ, чтобы, быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ попытать свои силы и въ дѣлахъ болѣе крупнаго калибра. Они какъ будто внезапно пробуждаются, и хотя бы у каждой расы духъ самоопредѣленія и принималъ свой оттѣнокъ, — извѣстная общая черта, типичная черта американца, можетъ при благопріятныхъ условіяхъ развиться въ людяхъ всякаго рода.

Далѣе, указываютъ и на то, что Америка въ экономическомъ отношеніи нуждается въ этихъ рабочихъ силахъ. Если-бы южная и восточная Европа не поставляла рабочихъ самаго низшаго разряда, то оказался бы недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, напримѣръ, при устройствѣ шоссейныхъ дорогъ, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Въ теченіе прежнихъ десятилѣтій эти работы выпадали въ извѣстной части на долю нѣмцевъ, ирландцевъ и шведовъ, и тогда борьба противъ ихъ вторженія велась такъ же энергично; но развитіе страны показало, что оно въ экономическомъ смыслѣ послужило къ ея благу. Точно такъ же будетъ и теперь. Имѣются еще огромныя, почти не населенныя пространства, гдѣ милліоны людей могутъ приложить свои силы на благо всей націи, и было бы безумiемъ отвергать усердныхъ мирныхъ работниковъ. И что важнѣе всего: развѣ не было гордостью Америки, ея славой и ея священнымъ назначеніемъ—служить страною свободы для всѣхъ угнетенныхъ, служить убѣжищемъ для всѣхъ подвергающихся гоненію? Неужели же она именно въ періодъ самаго блестящаго своего расцвѣта откажется отъ этой благородной роли? Неужели у людей, человѣческія права которыхъ попраны русскими или турецкими властелинами, итальянскими или венгерскими кровопійцами,—неужели у этихъ людей она отнимаетъ вѣру, что по крайней мѣрѣ въ Новомъ Свѣтѣ даже самый маленькій человѣкъ имѣетъ право оцѣниваться сообразно своей дѣйствительной цѣнности? Въ этихъ рамкахъ совершается борьба мнѣній; общественное мнѣніе еще не вынесло никакого рѣшенія.

Своеобразнымъ придаткомъ къ вопросу объ иммиграціи является китайскій вопросъ, который все снова возбуждаетъ умы на берегу Тихаго океана. Китаецъ приходитъ не для того, чтобы пользоваться прогрессомъ американской культуры, а для того, чтобы быстро нажить средства, при помощи которыхъ затѣмъ онъ могъ бы беззаботно жить въ своей азіатской родинѣ. Онъ не приноситъ съ собою семьи и не дѣлаетъ ни малѣйшихъ попытокъ приспособиться къ окружающей средѣ; онъ сохраняетъ свой костюмъ, держится въ сторонѣ отъ бѣлыхъ и живетъ, напримѣръ, въ китайскомъ кварталѣ С. Франциско, въ такихъ ужасныхъ помѣщеніяхъ, питается такой жалкою пищей, что для него оказывается возможнымъ дѣлать сбереженія отъ доходовъ, на которые ни одинъ американскій рабочій вообще не въ состояніи былъ бы просуществовать. И правда, осмотръ коечныхъ квартиръ китайцевъ въ Калифорніи доставляетъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, какія путешественникъ можетъ получить въ Америкѣ: на длинныхъ полкахъ, идущихъ въ нѣсколько ярусовъ вдоль всѣхъ стѣнъ, спятъ китайцы другъ надъ другомъ, и въ теченіе двадцати четырехъ часовъ здѣсь проходитъ три смѣны такихъ жильцовъ. Число переселенцевъ-китайцевъ непрерывно увеличивалось, такъ какъ крупныя торговыя компаніи ввозили этотъ товаръ—кули, все въ большемъ количествѣ. Съ 1870 по 1880 годъ китайцевъ въ Америку прибыло свыше 122 тысячъ; но затѣмъ началось противодѣйствіе конгресса, и съ 1879 года производятся эксперименты съ различными законами, которые въ настоящее время почти совершенно запрещаютъ иммиграцію китайскихъ рабочихъ и парализуютъ дѣятельность указанныхъ компаній. Согласно даннымъ послѣдней переписи во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось всего 81.000 китайцевъ.

Болѣе привлекательными, чѣмъ желтые переселенцы, являются цвѣтнокожіе, жившіе въ странѣ еще задолго до того, какъ на нее вступила нога европейца, именно—индѣйцы. Но именно потому, что ихъ жизнь служитъ благодарной пищей для фантазіи и своей живописною дикостью часто привлекала къ себѣ вниманіе поэтовъ, именно потому люди очень склонны видѣть ихъ судьбу въ ложномъ свѣтѣ. Сами американцы часто готовы разсматривать исторію индѣйцевъ, какъ обвинительный актъ противъ своей собственной націи, и готовы думать, что по существу дѣло сводилось къ безсердечному истребленію туземцевъ пришельцами. Основою этого взгляда служитъ предположеніе, что въ прежнія времена безконечные лѣса страны были населены огромными массами индѣйцевъ. Но наука уничтожила эти продукты фантазіи. Мы знаемъ теперь, что милліоновъ индѣйцевъ никогда и не существовало. Въ настоящее время въ

Соединенныхъ Штатахъ насчитывается 270,000 краснокожихъ, и очень сомнительно, было ли когда нибудь это число значительно больше. Безспорно, между Центральной Америкой и Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ существовала, по крайней мѣрѣ, сотня различныхъ индѣйскихъ нарѣчій, и иныя изъ этихъ нарѣчій, въ свою очередь распадались на 20 или 30 діалектовъ, но общины, въ которыхъ развивались эти діалекты, обнимали всего нѣсколько сотъ человѣкъ, а сосѣднія племена часто бывали отдѣлены другъ отъ друга обширными пространствами. Они жили въ деревняхъ и лишь въ опредѣленное время года отправлялись на болѣе или менѣе далекія разстоянія для охоты, для рыбной ловли и для собиранія плодовъ.

Когда затѣмъ въ странѣ развились европейскія колоніи, индѣйцы прежде всего были привлечены къ участію въ вооруженныхъ столкновеніяхъ, и во время борьбы между колоніями, въ качествѣ вспомогательныхъ отрядовъ, были снабжены оружіемъ. Но усовершенствованные военные пріемы вскорѣ должны были уничтожить миръ и въ ихъ собственной средѣ. Съ помощью новаго оружія индѣйскія племена начали вести борьбу между собою, а въ концѣ концовъ они обратили это оружіе противъ бѣлыхъ. Гораздо большее вліяніе на нихъ оказали мирныя сношенія. Одни только французы и испанцы допускали смѣшеніе расъ; смѣшанная французско-индѣйская раса встрѣчается преимущественно въ Канадѣ, а такъ называемые мексиканцы—это въ извѣстной части люди испанско-индѣйскаго происхожденія. Собственно же американское населеніе стремилось оказывать, главнымъ образомъ, мирное культурное вліяніе. Много индѣйскихъ племенъ перешло къ земледѣлію, много техническихъ пріемовъ было ими усвоено.

Съ тѣхъ поръ, какъ господство надъ материкомъ сосредоточилось въ рукахъ организованныхъ Соединенныхъ Штатовъ, по отношенію къ индѣйцамъ стала систематически проводиться опредѣленная политика, и если въ ней главную роль играли прежде всего потребности американцевъ, то все же надо сказать, что и естественныя склонности охотничьихъ племенъ очень заботливо принимались въ расчетъ. Въ различныхъ штатахъ имъ были отведены территоріи, конечно, болѣе, чѣмъ достаточныя для пропитанія. Для нихъ основывались школы, и не только начальныя, а путемъ торжественныхъ договоровъ съ предводителями различныхъ племенъ имъ предоставлялись обширныя права.

Правда, при этомъ всегда руководствовались той основною мыслью, что индѣйцы должны дѣйствительно перейти къ земледѣльческой культурѣ. Предоставить имъ и дальше существовать одною лишь охотой и сборомъ плодовъ было невоз-

можно въ такое время, когда милліоны европейцевъ устремлялись все далѣе и далѣе на западъ; и такимъ образомъ съ помощью новыхъ договоровъ индѣйскія территоріи все болѣе сокращались. Индѣйцы, которые охотнѣе продолжали бы вести свободный охотничій образъ жизни, видѣли, да и теперь еще видятъ несправедливость въ этой перемѣнѣ, и надо признать, что нѣкоторыя особенности ихъ родовыхъ традицій препятствовали точному соблюденію договоровъ, составленныхъ примѣнительно къ американскимъ правовымъ нормамъ. Такъ, напримѣръ, индѣйцамъ неизвѣстно было право личной земельной собственности,—вся земля считалась общей собственностью племени; неизвѣстно было имъ и право наслѣдованія въ его американской формѣ, такъ какъ у нихъ дѣти принадлежатъ къ роду матери, а не къ роду отца.

Если всѣ эти шероховатости и вызывали въ индѣйцахъ чувство неудовольствія, то все же надо признать, что о причиненіи имъ вреда, съ объективной точки зрѣнія, почти не можетъ быть рѣчи. Именно тѣ племена, на которыхъ больше всего отразилось вліяніе американской культуры, развились лучше другихъ, Въ теченіе послѣдняго года смертныхъ случаевъ было 4728, рожденій 4742. Такимъ образомъ, о гибели индѣйцевъ нѣтъ и рѣчи. Наиболѣе значительно скопленіе ихъ (около 86.000) въ такъ называемой индѣйской территоріи; въ Аризонѣ ихъ насчитывается 42.000. Отведенные для индѣйцевъ участки, разсѣянные въ различныхъ мѣстахъ, занимаютъ въ своей совокупности пространство въ 117.420 квадратныхъ миль.

* * *

Изъ всѣхъ вопросовъ народонаселенія, какіе возникаютъ въ Америкѣ, вопросъ объ индѣйцахъ является самымъ простымъ, наиболѣе же труднымъ является негритянскій вопросъ. Индѣйцы живутъ въ ограниченныхъ отведенныхъ для нихъ территоріяхъ, негры же—всюду, гдѣ и американцы. Такимъ образомъ и забота объ индѣйцахъ составляетъ лишь небольшой участокъ въ обширной области американскихъ вопросовъ, негритянскій же вопросъ проникаетъ всюду, во всѣ сферы американскихъ интересовъ. Едва ли существуетъ большая противоположность, чѣмъ противоположность между индѣйцемъ и негромъ. Индѣецъ гордъ и полонъ собственнаго достоинства, капризенъ и мстителенъ, страстенъ и храбръ, остроуменъ и изобрѣтателенъ; напротивъ, негръ склоненъ подчиняться и уступать, онъ добродушенъ и отличается почти ре-

бяческими чертами, онъ полонъ лѣни и чувственности, онъ лишенъ энергіи и способности преслѣдовать опредѣленную цѣль, онъ внѣшнимъ образомъ усвоиваетъ то, что̀ ему сообщаютъ, но самъ не обладаетъ ни изобрѣтательностью, ни духовною самостоятельностью. Но возможно ли свести милліоны людей къ одному типу? На югѣ, у Мексиканскаго залива, есть области, черное населеніе которыхъ почти всецѣло погрязло въ суевѣріяхъ своей африканской родины, а въ Гарвардскомъ университетѣ обучался одинъ молодой негръ, писавшій очень умно о Кантѣ и Гегелѣ. Промежуточныя ступени между этими двумя крайностями занимаетъ почти девятимилліонная негритянская масса.

Негритянское населеніе въ Америкѣ увеличивается нѣсколько медленнѣе бѣлаго, но тѣмъ не менѣе за четыре десятилѣтія оно удвоилось. Въ 1860 году, передъ освобожденіемъ рабовъ, негровъ насчитывалось 4.441.000, въ 1870 году 4.880.000, въ 1880 году уже 6.580.000, въ 1890 году 7.470.000, въ 1900 году 8.803.000. Въ виду этого увеличенія, которое выражается въ милліонахъ, нельзя предполагать, что вопросъ потеряетъ свою остроту благодаря нѣсколько болѣе быстрому росту бѣлаго населенія; при этомъ и физическія расовыя различія должны становиться все болѣе рѣзкими, такъ какъ до войны смѣшеніе расъ было довольно обычнымъ явленіемъ, въ настоящее же время о немъ почти не можетъ быть рѣчи. Негритянское населеніе Соединенныхъ Штатовъ въ скоромъ времени будетъ вдвое больше всего населенія нынѣшней Канады. Географическое распредѣленіе негровъ и въ настоящее время сохраняется прежнее, т. е. огромное большинство ихъ живетъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ до войны было признано рабовладѣніе. Правда, значительная часть переселилась въ сѣверные штаты, и въ бѣднѣйшихъ частяхъ крупныхъ городовъ особенно замѣтна примѣсь чернаго населенія; но четыре пятыхъ всѣхъ негровъ остались въ болѣе жаркихъ штатахъ. Главную роль здѣсь играли климатическія условія, такъ какъ неграмъ, безспорно, лучше живется въ теплыхъ мѣстностяхъ; но и экономическія причины дѣйствовали въ томъ же направленіи. Негръ принадлежитъ югу, и все заставляетъ думать, что онъ тамъ останется.

Это не значитъ, конечно, что негритянскій вопросъ касается одного только юга; онъ касается также и сѣвера, и все яснѣе становится, что разрѣшеніе этого вопроса въ очень значительной степени будетъ зависѣть именно отъ участія сѣвера. Сѣверъ далъ негру на югѣ то положеніе, которое онъ теперь тамъ занимаетъ, и сѣверъ же рѣшитъ, возможно ли отстранить ту большую опасность, которую многіе видятъ въ настоящее

время. Европа, въ сущности, интересовалась только однимъ вопросомъ, касавшимся негровъ въ Америкѣ, вопросомъ о томъ, будетъ ли дальше существовать рабство. Европа читала «Хижину дяди Тома», и для нея вопросъ былъ исчерпанъ, когда цѣпи рабства были сброшены, когда надсмотрщикъ уже не могъ кнутомъ выгонять раба на работу на плантаціи, когда самый бѣдный негръ получилъ возможность считать и своимъ правомъ право человѣка на свободу. Европа не сознавала, что теперь только создались болѣе крупные вопросы, что теперь открылись ужасные источники негритянской муки и нищеты. Европа не подозрѣваетъ, что никогда еще антагонизмъ между бѣлыми и черными не былъ такимъ рѣзкимъ и ожесточеннымъ, не сопровождался такою ненавистью, какъ теперь. Именно въ послѣдніе годы взаимная ненависть до того обострились, что всякій другъ Америки лишь съ тревогою можетъ думать объ ея будущемъ. «Вотъ зла достойные плоды».

Но гдѣ, собственно, начинается зло? Падаетъ ли вина на тотъ англійскій парламентъ, который допускалъ и поощрялъ торговлю живымъ товаромъ, ввозившимся въ американскія колоніи? Падаетъ ли вина на южные штаты, которые держали рабовъ въ невѣжествѣ и грозили наказаніемъ всякому, кто сталъ бы ихъ обучать? Падаетъ ли вина на сѣверные штаты, которые, руководствуясь въ значительной степени соображеніями партійной политики, тотчасъ же надѣлили только что освобожденнаго раба всѣми преимуществами полноправнаго гражданина? Падаетъ ли вина на самихъ негровъ, которые привѣтствовали освобожденіе отъ рабства, какъ переходъ къ лѣности и бездѣлью? Правда ли, что здѣсь «несправедливость должна вѣчно порождать зло»?

Въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній бѣлый человѣкъ привыкъ смотрѣть на чернаго, какъ на товаръ; изъ дикой африканской обстановки негръ силою вырывался для того, чтобы, не имѣя никакихъ правъ, не получая никакого обученія, выполнять тяжелую работу на хлопковыхъ, рисовыхъ и табачныхъ плантаціяхъ своего бѣлаго господина. И вдругъ онъ становится свободнымъ, полноправнымъ гражданиномъ государства, которое на культурной работѣ двухъ тысячелѣтій построило свою жизнь, свою науку, свое право и свою конституцію. Какъ повліяла на милліоны негровъ эта эмансипація? Первое десятилѣтіе было для нихъ періодомъ безпокойства, почти испуга отъ сознанія своей физической свободы; въ то же время сказывались и послѣдствія ужасной войны — на югѣ возникли тайныя общества, жаждавшія мести, въ южныхъ же штатахъ, потрясенныхъ войною, беззастѣнчивые политическіе дѣятели создали смуту, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ,

въ общественномъ мнѣніи сталкивались тысячи противорѣчивыхъ чувствъ, и не было никакой прочно установленной цѣли. Затѣмъ наступило время, когда всѣ надежды сразу обратились на использованіе политической власти. Негръ хотѣлъ и долженъ былъ достигнуть счастья съ помощью подачи своего голоса; но все сильнѣе чувствовалъ онъ безнадежность этого пріема. Передъ нимъ былъ и другой, лучшій путь, ведущій къ счастью,— путь ученія. Но и здѣсь онъ скоро пришелъ къ тягостнымъ тупикамъ: ему нужно было не знаніе, а умѣнье, для него требовались не книги, а ремесло.

Такъ мѣнялись программы. Никогда не изсякали надежды черныхъ, и кто хочетъ быть справедливъ, долженъ въ извѣстномъ смыслѣ прибавить, что никогда не было недостатка въ доброй волѣ бѣлыхъ. И все же четыре десятилѣтія свободы дали результаты жалкіе, вызывающіе уныніе. Съ внѣшней стороны многое какъ будто говоритъ о крупныхъ, почти блестящихъ успѣхахъ. Нынѣшніе негры имѣютъ въ Соединенныхъ Штатахъ 450 своихъ газетъ и 4 журнала; насчитывается 350 книгъ, авторами которыхъ являются негры; половина негритянскихъ дѣтей правильно посѣщаетъ школу; черныхъ учителей насчитывается 30.000, учительскихъ семинарій существуетъ 41, школьныя зданія представляютъ цѣнность свыше 10 милліоновъ долларовъ, церкви—цѣнность въ 25 милліоновъ долларовъ; у негровъ есть тысяча черныхъ врачей и сотни адвокатовъ, 4 крупныхъ банка, 130.000 крестьянскихъ хозяйствъ, 150.000 собственныхъ домовъ, а все имущество негровъ, обложенное налогами, оцѣнивается въ 650 милліоновъ долларовъ. Кто взглянетъ на эти цифры, тотъ не можетъ сказать, что за протекшія четыре десятилѣтія не произошло никакого прогресса, что освобожденные рабы не использовали этого времени. И все же никто, ознакомившись съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, не въ состояніи будетъ по совѣсти отрицать, что эти цифры производятъ обманчивое впечатлѣніе. Негритянская масса и теперь еще находится въ самомъ жалкомъ, нищенскомъ положеніи, въ состояніи полнаго невѣжества и умственнаго убожества, и по сравненію съ этою массою группа негровъ, приближающаяся къ среднему американскому классу, совершенно ничтожна. Негры-учителя, врачи, священники большею частью возвышаются надъ самымъ низшимъ слоемъ пролетаріата лишь въ томъ случаѣ, если прилагать къ нимъ до ужаса скромную мѣрку. И если существуютъ зажиточные негры, то остается еще открытымъ вопросъ, могутъ ли они дѣйствительно использовать свое благосостояніе, является ли долларъ въ ихъ рукахъ такимъ же орудіемъ, какъ въ рукахъ бѣлаго человѣка?

Нельзя не признать, что нѣкоторая часть негровъ сдѣлала

дѣйствительные успѣхи, но что большинство ихъ, просто какъ люди, стоятъ въ настоящее время ниже, чѣмъ до уничтоженія рабства. Если же смотрѣть съ утилитаристической точки зрѣнія и за мѣрку принимать чувство счастья, то придется безъ колебанія сказать, что негритянская масса была болѣе счастлива, когда несла на себѣ цѣпи рабства: время теперь бьетъ ее болѣе жестоко, чѣмъ могъ бить хозяинъ на плантаціи. Невозможно отрицать, что негры большею частью находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, и если въ теченіе четырехъ поколѣній рабства они чему нибудь научились, — а научились они дѣйствительно усердно работать,—то за четыре десятилѣтія свободы они и отъ этого въ значительной степени отучились, хотя и теперь огромный сборъ хлопчатой бумаги въ южныхъ штатахъ является почти исключительно продуктомъ ихъ труда. Для антрополога открытымъ остается вопросъ о томъ, способна ли негритянская раса вообще развиться до той высоты, какой достигла кавказская раса въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій непрерывнаго прогресса и непрерывнаго труда. Соціальный же политикъ можетъ оставить этотъ вопросъ безъ вниманія; для него важенъ тотъ фактъ, что африканскій негръ до сихъ поръ не прошелъ этой тысячелѣтней школы, и хотя бы теоретически и можно было признать за нимъ такую способность, но на практикѣ онъ въ настоящее время все-же является внутренне-неподготовленнымъ къ обязанностямъ, налагаемымъ высшею культурою. Подъ вліяніемъ суроваго режима невольничества онъ преодолѣвалъ свою склонность къ бездѣлью, научился полезной работѣ, — преимущественно полевой, но наряду съ нею и многимъ ремесламъ, какія требовались въ крупныхъ помѣстьяхъ, и такимъ образомъ являлся полезнымъ членомъ экономически организованнаго общества; во всемъ же остальномъ онъ былъ избавленъ отъ всякихъ заботъ: владѣлецъ снабжалъ его жилищемъ и пищею, заботился о немъ во время его болѣзни и оберегалъ его, какъ оберегаютъ цѣнную собственность.

Но все это сразу измѣнилось, когда настало великое время свободы. Теперь никто уже не принуждалъ его работать, онъ могъ безпрепятственно слѣдовать своему влеченію къ бездѣлью, никто не наказывалъ его, если онъ предавался чувственности и лѣни; но, съ другой стороны, теперь никто и не заботился о немъ, и, сдѣлавшись своимъ собственнымъ господиномъ, онъ въ сущности остался только своимъ собственнымъ рабомъ. Его вытолкнули на арену борьбы за существованіе, и чѣмъ менѣе онъ былъ принуждаемъ учиться, тѣмъ менѣе онъ оказывался и подготовленнымъ къ этой борьбѣ. Такимъ путемъ образовалась все увеличивающаяся жалкая негритянская масса, въ которой безнравственность и преступленіе могли найти для

себя благодарную почву. И тяжесть этой массы часто увлекала книзу также лучшіе элементы. Но что важнѣе всего, она усиливала во сто кратъ отвращеніе бѣлыхъ, и лучшіе изъ негровъ должны были расплачиваться за развращенность и безчестность всей массы.

И все же истинный трагизмъ заключается не въ жизни этихъ жалкихъ массъ; отъ рѣзкаго диссонанса страдаютъ верхніе слои, — тѣ, которые хотятъ подняться, которые чувствуютъ несправедливое отношеніе къ себѣ и со стороны своихъ соплеменниковъ, и со стороны противниковъ своего племени, которые желаютъ подражать всему высшему и лучшему въ окружающей ихъ культурѣ и все же вынуждены сознавать, что они остаются ей внутренно-чужими. Представители массы по своей тупости позволяютъ себя гонять, они проводятъ время въ грубыхъ, чувственныхъ наслажденіяхъ, и нѣсколько арбузовъ, немного пляски и пѣнія достаточно для того, чтобы они чувствовали себя счастливыми. На зрителя они производятъ угнетающее впечатлѣніе, но сами смѣются, какъ дѣти. Представители же высшихъ слоевъ испытываютъ въ душѣ раздвоенность и тревогу. Они всю жизнь сознаютъ, что въ ихъ существованіи есть непримиримое противорѣчіе. Они чувствуютъ, что имъ не дано принимать непосредственнаго участія въ работѣ, что они всегда должны сами смотрѣть на себя глазами другихъ и, такимъ образомъ, какъ бы вести двойственное существованіе; они, по мѣткому выраженію одного изъ выдающихся негровъ, всегда сознаютъ, что представляютъ собою нѣкоторый вопросъ.

Не они сами избрали себѣ такую участь: не по своей волѣ негры покинули Африку, не по своей волѣ они пошли въ рабство и не своими собственными усиліями они освободились отъ него. Всѣ перемѣны въ ихъ судьбѣ совершались безъ ихъ участія, и вотъ теперь они хотятъ начать дѣлать свое собственное дѣло, хотятъ дать лучшее, на что они способны, но это возможно для нихъ только путемъ взаимодѣйствія съ такой средою, къ которой они совсѣмъ не приспособлены, которая существуетъ на совсѣмъ иныхъ культурныхъ основаніяхъ. Не ихъ народъ создалъ и добылъ эту цивилизацію, исторически они не принадлежатъ къ ней и остаются подражателями по внѣшности; и чѣмъ болѣе имъ удается быть такими, какъ другіе, тѣмъ менѣе они становятся похожими на самихъ себя.

Отъ этого чувства раздвоенности переходъ къ чувству горечи очень легокъ. Въ широкихъ же массахъ чувство своей неспособности къ успѣшной борьбѣ за существованіе неизбѣжно переходитъ въ ожесточенную ненависть къ бѣлымъ. Чѣмъ болѣе безпорядочность и лѣность черныхъ заставляетъ бѣлыхъ сторониться отъ нихъ, тѣмъ сильнѣе разгорается эта ненависть; но

всѣ знатоки Юга согласны въ томъ, что она явилась лишь послѣдствіемъ свободы. Невольникъ былъ вѣренъ, былъ привязанъ къ своему господину, который заботился о немъ. Онъ ненавидѣлъ работу, но не бѣлыхъ; онъ примирялся со своей участью раба, какъ съ чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, какъ съ тѣмъ фактомъ, что онъ не въ состояніи летать. Что бы ни говорили тенденціозные политическіе писатели, въ дѣйствительности на Югѣ до войны господствовали патріархальныя отношенія. Иногда трудно бываетъ даже отдѣлаться отъ сомнѣнія, дѣйствительно ли необходимо было разрѣшить вопросъ о невольничествѣ такими рѣзкими, насильственными средствами? Не сохранилось ли бы много благородныхъ чувствъ и не было ли бы избѣгнуто безконечно много ненависти и ожесточенія, нищеты и одичанія, если бы сѣверные штаты предоставили Югу мирно и постепенно разрѣшить негритянскій вопросъ органическимъ, а не механическимъ путемъ, если бы рабство понемногу могло перейти въ состояніе патріархальной зависимости.

Теперь разсуждать объ этомъ уже поздно. Доктринерство не допустило этого пути. Оружіе въ годы великой войны рѣшило вопросъ въ пользу взглядовъ Сѣвера; но надо сказать, какъ это ни печально, что событія послѣдующихъ долгихъ мирныхъ лѣтъ рѣшили его въ пользу взглядовъ Юга. Чтобы понять этотъ фактъ во всемъ его объемѣ, надо спросить не только о томъ, что чувствуютъ негры, какъ мы дѣлали до сихъ поръ, но прежде всего о томъ, что думаютъ въ настоящее время американцы.

Каково въ настоящее время отношеніе бѣлыхъ къ неграмъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо отдѣлять сѣверъ отъ юга, но одно можно сказать безъ оговорокъ, — именно, что для американца пропасть между бѣлымъ и чернымъ теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было ранѣе. Что касается сѣвера, то здѣсь точка зрѣнія партійной политики на данный вопросъ, пожалуй, мало измѣнилась. Особенно это надо сказать о штатахъ Новой Англіи, этическіе мотивы которыхъ въ войнѣ противъ рабовладѣнія не подвергаются сомнѣнію—а этого нельзя такъ же категорически сказать о центральныхъ штатахъ—и населеніе которыхъ и въ настоящее время относится съ симпатіей къ негру, какъ носителю человѣческихъ правъ. Но, къ сожалѣнію, вѣря въ отвлеченнаго негра, люди питаютъ отвращеніе къ запаху конкретнаго негра. Личная антипатія къ чернымъ — можно почти назвать ее эстетической антипатіей, на сѣверѣ гораздо болѣе распространена и гораздо болѣе интенсивна, чѣмъ на югѣ. Къ югу отъ Вашингтона можно, собственно, побриться только у негра; къ сѣверу отъ Филадельфіи бѣлый отказался бы воспользоваться услугами чернаго парикмахера. Южанинъ

не останавливается передъ тѣмъ, чтобы взять черную кормилицу; въ сѣверныхъ штатахъ это было бы абсолютно немыслимо. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо отстаивать принципъ, негръ въ сѣверныхъ штатахъ встрѣчаетъ самый привѣтливый пріемъ. Ему даютъ нѣкоторыя незначительныя мѣста на службѣ, предоставляютъ ему произносить рѣчи и допускаютъ его въ общественныя собранія; его привлекаютъ къ участію въ парадахъ ветерановъ, а нѣсколькимъ единичнымъ неграмъ позволяютъ поступать въ университеты,—но о соціальномъ сближеніи нѣтъ и рѣчи. Ни въ одномъ клубѣ, ни въ одномъ частномъ домѣ, ни въ одномъ обществѣ нельзя встрѣтить негра. При этомъ европеецъ долженъ еще всегда имѣть въ виду, что подъ понятіе негра здѣсь подводятся мужчины и женщины, лицо которыхъ такъ же бѣло, какъ лицо любого янки, и у которыхъ, быть можетъ, только кончики пальцевъ свидѣтельствуютъ о происхожденіи отъ африканской расы.

Въ лучшемъ случаѣ сѣверянинъ играетъ по отношенію къ негру роль филантропа, заботится объ устройствѣ школъ и церквей, помогаетъ ему развиться и достигнуть экономической независимости; но и здѣсь, особенно за послѣдніе годы, все сильнѣе начинаетъ укореняться чувство, что въ сущности дѣло поставлено ложно, что Сѣверъ дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно и неразумно, когда сразу превратилъ освобожденнаго негра въ полноправнаго гражданина. Чувство неудовлетворенія на Сѣверѣ все усиливается, и не случайностью объясняется тотъ фактъ, что негритянское населеніе сѣверныхъ штатовъ такъ мало возрастаетъ; негры вообще склонны къ передвиженіямъ, и они толпами хлынули бъ на сѣверъ, если бы могли надѣяться тамъ на дѣйствительное улучшеніе своей участи. Черные живо чувствуютъ, что экономическая борьба съ энергичными сѣверянами имъ еще менѣе по силамъ, чѣмъ борьба съ бѣлымъ населеніемъ Юга, и что иногда, быть можетъ, легче переносить ненависть южанъ, чѣмъ теоретическое уваженіе сѣверныхъ жителей, сопровождаемое столь сильнымъ личнымъ отвращеніемъ.

На Югѣ положеніе дѣла совершенно иное. Да и какъ могло бы здѣсь развиться эстетическое отвращеніе между расами, если въ теченіе цѣлыхъ поколѣній черные и бѣлые жили вмѣстѣ, если вся прислуга въ домахъ всегда состояла изъ негровъ, и если дѣти черныхъ и бѣлыхъ постоянно сообща играли на плантаціяхъ. Многія черты въ добродушномъ негрѣ всегда вызывали симпатію южанина, и за вѣрность и преданность невольника бѣлый платилъ ему искреннимъ расположеніемъ; быть можетъ, это расположеніе часто не отличалось отъ того, какое питается къ вѣрной собакѣ или послушной лошади, но во вся-

комъ случаѣ въ немъ не было и слѣда того отвращенія, которое обнаруживаютъ сѣверяне. Въ сущности, и теперь въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось, и если южане въ патетическихъ рѣчахъ теоретически подчеркиваютъ чисто-физическое чувство расовыхъ различій, то здѣсь, безспорно, много притворства. Правда, въ настоящее время самый жалкій бѣлый считалъ бы ниже своего достоинства жениться на черной женщинѣ; но это—дѣйствіе чисто-соціальныхъ принциповъ, а вовсе не инстинктивныхъ расовыхъ чувствъ, какъ хотятъ увѣрить политическіе дѣятели; покуда невольничество существовало и не подвергалось сомнѣнію, бѣлые нисколько вѣдь не останавливались передъ смѣшеніемъ расъ.

Крупное противорѣчіе, которое существуетъ въ дѣйствительности, носитъ, съ одной стороны, политическій, съ другой—соціальный характеръ. Въ политическомъ развитіи Юга за послѣднія сорокъ лѣтъ самую главную роль игралъ негритянскій вопросъ; при этомъ можно ясно различить отдѣльные періоды. Первый періодъ обнимаетъ время отъ окончанія войны до 1875 года: негръ получилъ право голоса и сдѣлался политической силою. Это было для Юга самое печальное время: разоренный въ экономическомъ смыслѣ, онъ сдѣлался политической добычею террористовъ, безсовѣстныхъ политиковъ, которые пользовались невѣжественной негритянской массою для самыхъ низкихъ политическихъ цѣлей. Побѣдившая партія Сѣвера командировала отъ себя посланныхъ, которые организовали черный «голосующій скотъ» и благодаря одной лишь численности послѣдняго могли подавить всякое самостоятельное движеніе бѣлыхъ.

По словамъ историка южныхъ штатовъ,—и слова эти намъ вполнѣ понятны,—Югъ безъ горечи вспоминаетъ о годахъ войны, когда храбрые люди въ борьбѣ сталкивались съ храбрыми же; но житель Юга приходитъ въ неистовство при воспоминаніи о годахъ, послѣдовавшихъ за войною, когда побѣдители часто изъ ложно понимаемаго человѣколюбія, частью по недомыслію и изъ равнодушія, частью же изъ сознательнаго коварства сразу предоставили бразды правленія расѣ, едва лишь вышедшей изъ состоянія африканской дикости, когда этой расѣ позволено было уничтожать людей, мужчинъ и женщинъ, создавшихъ великолѣпную культуру старыхъ южныхъ штатовъ. Пожалуй, ни одинъ періодъ американской исторіи не исполненъ поэзіи и романтической прелести въ такой степени, какъ исторія Юга въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій до войны, и, безспорно, ни одинъ періодъ не былъ такъ полонъ заблужденій, ошибокъ и преступленій, какъ десятилѣтіе, прожитое Югомъ послѣ войны. Реакція неизбѣжно должна была наступить, и она на-

полняетъ собою періодъ отъ 1875 до 1895 года. На югѣ при выборахъ стали прибѣгать къ обману; люди понимали, что подлоги при голосованіи—зло, но они чувствовали, что еще большее зло заключается въ томъ, чтобы отдать южную часть отечества на жертву грубымъ и невѣжественнымъ неграмъ. Политическое могущество негровъ было такимъ образомъ сломлено. Подлоги все повторялись, и общественное мнѣніе Юга это одобряло; люди, совершавшіе эти подлоги, постоянно избавлялись отъ законной кары, потому что все общественное мнѣніе стояло за нихъ.

Но болѣе важно было другое обстоятельство: всѣ партійныя противорѣчія среди бѣлыхъ исчезли, и расовый вопросъ сдѣлался единственнымъ пунктомъ политическаго разногласія. Разумѣется, и на югѣ были сторонники покровительственныхъ пошлинъ, сторонники свободы торговли и всѣхъ прочихъ партійно-политическихъ программъ; но вся партійная жизнь пріостанавливалась, всѣ внутреннія противорѣчія исчезали во время выборовъ; бѣлые объединялись противъ черныхъ, которые шли объ руку со своими освободителями-республиканцами, и такимъ образомъ все бѣлое населеніе Юга единодушно примыкало къ демократической партіи. Этимъ политическимъ объединеніемъ господство черныхъ еще болѣе ослаблялось.

Но постепенно люди все же стали сознавать, что политическая жизнь разрушается, когда цѣлые штаты, какъ загипнотизированные, видятъ одинъ только расовый вопросъ. Снова воскресла потребность участвовать въ разрѣшеніи великихъ вопросовъ, которые волновали націю и вызывали расколъ между партіями. Прошло уже то время, когда Югъ давалъ націи самыхъ блестящихъ государственныхъ дѣятелей; но болѣе важно было другое обстоятельство. Люди начали сознавать, что разъ общественное мнѣніе оставляетъ безнаказанными систематическіе подлоги при голосованіи, то вскорѣ выборы могутъ превратиться въ орудіе всякихъ себя любивыхъ и преступныхъ замысловъ.

Если одинъ разъ подлогъ при выборахъ совершается для того, чтобы уничтожить негритянское большинство, то въ другой разъ подлогъ можетъ быть совершенъ и ради обмана въ области экономическихъ вопросовъ Люди почувствовали, что катятся по наклонной плоскости,—и здѣсь начался третій періодъ. Вмѣсто того, чтобы парализовать избирательное право негровъ съ помощью незаконныхъ пріемовъ, созданы были законныя средства, которыя позволяли, по крайней мѣрѣ, ограничить это право и ослабить его вліяніе. Конституція гласитъ только, что никто не можетъ быть лишенъ права голоса изъ-за цвѣта своей кожи, устанавливать же всѣ остальныя условія для пользованія

избирательнымъ правомъ предоставлено отдѣльнымъ штатамъ. Такъ, напримѣръ, ни одному штату не возбраняется требовать извѣстнаго имущественнаго или образовательнаго ценза въ качествѣ условія для пользованія правомъ голоса; условія должны быть только одинаковы для всѣхъ жителей штата. Въ четырехъ штатахъ, напримѣръ, избирательнымъ правомъ пользуются женщины, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ штатахъ онѣ его лишены. И вотъ южные штаты стали широко пользоваться этой возможностью установленія особыхъ условій. Негра, какъ таковаго, они не могли исключать съ тѣхъ поръ, какъ сѣверные штаты провели пятнадцатую поправку къ конституціи, а на измѣненіе конституціи не было никакой надежды. Но пока обученіе негровъ еще такъ далеко отстаетъ отъ обученія бѣлыхъ, пока число неграмотныхъ среди бывшаго невольничьяго населенія еще очень велико, политическому значенію негровъ можетъ быть нанесенъ сильный ударъ посредствомъ постановленія, что правомъ голоса пользуются только лица, умѣющія прочитать конституцію и понимающія ее; это постановленіе тѣмъ болѣе удобно, что при необходимыхъ въ такомъ случаѣ испытаніяхъ опять-таки открывается широкій просторъ для произвола бѣлыхъ.

И дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ это новое движеніе сильно развилось. Теперь политическое могущество негровъ уничтожено, и прежніе незаконные пріемы устранены. И нельзя отрицать, что въ двухъ отношеніяхъ этотъ оборотъ оказываетъ непосредственно-благотворное культурное вліяніе. Съ одной стороны, негритянское неселеніе усиленно заботится объ обученіи черной молодежи для того, чтобы съ помощью школы негры добились полученія избирательнаго права; съ другой стороны, политика южныхъ штатовъ освобождается такимъ образомъ отъ кошмарнаго расоваго вопроса, и бѣлые на Югѣ получаютъ возможность вести борьбу между собою по поводу дѣйствительныхъ партійныхъ вопросовъ. Политическія противорѣчія, безспорно, нѣсколько смягчились этимъ путемъ, хотя обѣ партіи скорѣе видятъ въ этомъ лишь нѣкоторое перемиріе. Дѣло въ томъ, что нельзя еще съ увѣренностью сказать, не устранитъ ли сѣверная политика въ Вашингтонѣ снова эти ограниченія правъ черныхъ американцевъ, и не окажутся ли негры въ случаѣ дѣйствительнаго раскола среди бѣлыхъ опять господами положенія. Если бы сѣверному доктринерству удалось еще разъ одержать побѣду и добиться законодательной отмѣны этихъ предвыборныхъ испытаній, какъ противныхъ конституціи, то этимъ было бы задержано важнѣйшее движеніе, ведущее къ политическому миру. Когда доктринеры послѣ междоусобной войны надѣляли негра избирательнымъ правомъ,

они могли привести въ пользу этой мѣры по крайней мѣрѣ одинъ доводъ,—именно, что южные штаты введутъ невольничество въ новой формѣ, если негровъ не будетъ охранять либо военная сила, либо право голоса; и такъ какъ войско желательно было отозвать, то негру, для охраны, было дано избирательное право. Въ настоящее время для подобныхъ опасеній нѣтъ никакого основанія, и теперь устраненіе негровъ законодательнымъ путемъ отъ участія въ выборахъ можетъ разсматриваться только какъ прогрессивная мѣра.

Однако, еще болѣе важнымъ, чѣмъ политическій вопросъ, является въ настоящее время вопросъ соціальный; и въ этой области не только не можетъ быть рѣчи о смягченіи, но, наоборотъ, положеніе съ каждымъ днемъ обостряется. Мы уже сказали, что южане совсѣмъ не питаютъ инстинктивнаго отвращенія къ черной расѣ, что у нихъ потребность въ сохраненіи своей антропологической чистоты является продуктомъ не инстинкта, а разсужденія, совершенно неизвѣстнаго отцамъ нынѣшнихъ бѣлыхъ. Разумѣется, всего дѣла нельзя объяснить какой нибудь одной причиной, но ближе всѣхъ къ истинѣ, безспорно, подойдетъ тотъ, кто откровенно скажетъ, что соціальная ненависть бѣлыхъ къ чернымъ на Югѣ имѣетъ своимъ источникомъ унаслѣдованный инстинктъ рабовладѣльцевъ. Въ основѣ всѣхъ соціальныхъ чувствъ южанина лежитъ привычное ощущеніе, нѣкогда казавшееся вполнѣ естественнымъ, что черный обязанъ ему безпрекословно подчиняться. Въ этомъ нѣтъ никакихъ элементовъ жестокости: онъ хотѣлъ бы благодѣтельствовать негру, охранять его, но только у негра не должно быть собственной воли. Южанинъ привыкъ къ рабскому подчиненію черныхъ, какъ морфинистъ привыкаетъ къ морфію, и отсутствіе разрушительнаго яда представляется нестерпимымъ для его нервной системы.

Непрестанно раздающійся крикъ о томъ, что чистота расы подвергнется опасности, если будетъ сдѣлана попытка установить соціальное равенство,—это только уловка. На самомъ дѣлѣ именно соціальное равенство и вызываетъ эту истерическую возбужденность. Напримѣръ, ни одинъ бѣлый не войдетъ въ столовую гостиницы, если тамъ за какимъ нибудь столикомъ сидитъ негритянка,—и не потому, что быть съ нею вмѣстѣ ему непріятно, какъ непріятно это было бы сѣверянину, а потому только, что такое проявленіе равноправія его оскорбляетъ. Если около негритянки сидитъ бѣлый ребенокъ, и она, такимъ образомъ, оказывается нянькой или прислугой, а ея соціальная зависимость—ясно выраженною, тогда ея присутствіе уже никого не стѣсняетъ.

Въ этой борьбѣ противъ соціальнаго равенства Югъ при-

бѣгаетъ къ все болѣе сильнымъ средствамъ, и если бѣлые благодаря интенсивности этой борьбы приходятъ все въ большее неистовство, то у черныхъ должно отъ униженій постоянно возрастать ожесточеніе. Что ни въ одну гостиницу для бѣлыхъ, ни въ одинъ ресторанъ, или театръ, или спальный вагонъ нѣтъ доступа чернымъ,—это само собою разумѣется, и это, въ сущности, наблюдается даже на Сѣверѣ. Но если раздѣленіе по цвѣту кожи вводится и въ обыкновенныхъ вагонахъ желѣзной дороги, и въ вагонахъ городского трамвая, то отъ этого положеніе обостряется еще гораздо сильнѣе.

Югъ устанавливаетъ особыя преміи за каждый рѣзкій шагъ, умаляющій соціальное значеніе черныхъ, и наоборотъ—всякая соціальная уступка безпощадно наказывается. Когда въ гостиницѣ одного изъ сѣверныхъ штатовъ остановился президентъ негритянскаго колледжа, горничная отказалась приготовить для него постель и была за это уволена владѣльцемъ гостиницы; но на югѣ съ большимъ успѣхомъ былъ организованъ сборъ въ пользу этой героини. Именно съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть на вещи, чтобы понять сильнѣйшее возбужденіе, охватившее весь Югъ, когда президентъ Рузвельтъ имѣлъ смѣлость пригласить къ своему столу Букера Вашингтона, самаго знаменитаго негра во всей странѣ. Историкъ, профессоръ Бассетъ заявилъ, при неистовомъ воплѣ Юга, что Букеръ Вашингтонъ—величайшій послѣ генерала Ли человѣкъ, родившійся за послѣдніе сто лѣтъ въ южныхъ штатахъ. Но величіемъ отдѣльной личности не интересуются, когда опасность грозитъ принципу соціальнаго неравенства. Если бы президентъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ съ утра до ночи совѣщался съ Букеромъ Вашингтономъ въ своемъ кабинетѣ, то съ этимъ могли бы примириться; но если онъ пригласилъ его къ завтраку въ качествѣ гостя,—это рѣшительно не можетъ быть прощено. Даже благоразумные люди качали головой и говорили, что это покушеніе на соціальныя преимущества бѣлыхъ должно повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ благодаря усиленію обоюднаго ожесточенія.

Нельзя, конечно, не принять во вниманіе, что эти пережитки рабовладѣльческаго инстинкта подкрѣпляются многими побочными обстоятельствами. Прежде всего, созданію настоящаго ужасающаго положенія чрезвычайно сильно способствовала безудержная чувственность негровъ, постоянно побуждающая ихъ покушаться на насиліе надъ бѣлыми женщинами. Конечно, надо признать преувеличенными заявленія южныхъ демагоговъ, что въ южныхъ штатахъ ни одинъ человѣкъ не можетъ считать свою жену, сестру или дочь обезпеченной отъ звѣрскихъ инстинктовъ черныхъ; но, съ другой стороны, нель-

зя отрицать и того, что преступленія этого рода сдѣлались ужасающе часты. Значеніе же ихъ тѣмъ болѣе велико, что страхомъ передъ этой опасностью задерживается развитіе сельскаго хозяйства, сосредоточеннаго въ одинокихъ фермахъ. Именно здѣсь возникъ варварскій судъ Линча, и о томъ, какъ быстро усиливается ненависть, можно судить по все учащающимся за послѣдніе годы случаямъ расправы при помощи этого суда. Въ свою очередь, каждый случай суда Линча оказываетъ обратное дѣйствіе, укрѣпляя въ народномъ организмѣ злобу и ненависть, распущенность и звѣрство. Такимъ образомъ звѣрскія наклонности и внѣ-законное наказаніе преступниковъ ведутъ къ одному и тому же результату,—къ огрубѣнію массы населенія въ южныхъ штатахъ.

Но дѣло не только въ распущенности негровъ и въ судѣ Линча со стороны бѣлыхъ; негры вообще оказываются очень склонны къ преступленіямъ, а бѣлые охотно поощряютъ всякое беззаконіе по отношенію къ негру. Въ тюрьмахъ негры составляютъ несообразно большой процентъ, но, вѣроятно, много правды и въ ихъ утвержденіи, что даже небольшой проступокъ, совершенный чернымъ, карается очень сурово, между тѣмъ какъ къ бѣлымъ суды относятся снисходительно. И дѣйствительно, на Югѣ трудно найти такой составъ присяжныхъ, который въ процессѣ бѣлаго съ негромъ призналъ бы виновнымъ перваго. Такая двоякая мѣра приводитъ быстро къ всеобщему господству произвола, но и это вѣдь вполнѣ соотвѣтствуетъ капризному инстинкту рабовладѣльцевъ. Произвольно установленныя преимущества вмѣсто равнаго для всѣхъ права—это всегда было главной основою ихъ существованія, и въ южныхъ судахъ часто выносятся такіе вердикты присяжныхъ,—даже по дѣламъ, гдѣ не замѣшаны негры,—отъ которыхъ вся страна приходитъ въ негодованіе. Не можетъ подвергаться сомнѣнію тотъ фактъ, что дѣлались попытки даже возстановить рабство, правда, попытки робкія и прикрытыя разными обманчивыми формами. Случалось, напримѣръ, что негръ за небольшой проступокъ присуждался къ высокой денежной пенѣ, и для того, чтобы выплатить ее, онъ обязывался исполнить для бѣлаго полевую работу на такихъ условіяхъ, которыя представляли собою фактическое возстановленіе рабства. Вся страна приходила въ ужасъ, когда случалось, что подобныя явленія предавались гласности. Но средства еще не найдено для того, чтобы смягчить эти соціальныя противорѣчія, а пока они останутся такъ остры, ихъ результатомъ всегда будетъ обходъ и нарушеніе законовъ, какъ единственный путь для разряда накопляющейся ненависти и ожесточенія.

Что должно совершиться для того, чтобы былъ положенъ

конецъ этимъ гибельнымъ формамъ историческаго процесса? И у африканцевъ были свои сіонисты, хотѣвшіе вернуть ихъ въ лѣса чернаго материка, и еще недавно многіе фантазировали о разрѣшеніи негритянскаго вопроса путемъ принудительнаго выселенія черныхъ на Филиппинскіе острова. Но подобныя мечты не имѣютъ никакой цѣны. Девять милліоновъ человѣкъ не могутъ быть переправлены за океанъ, не могутъ быть оторваны отъ своихъ насиженныхъ мѣстъ, и ужъ меньше всего они могутъ смѣшаться съ совершенно инымъ по типу населеніемъ Филиппинъ. Но главное—Югъ самъ возсталъ бы противъ этого всѣми силами, чтобы не лишиться черныхъ работниковъ. Экономическая жизнь Юга, колоссальные урожаи хлопка и табаку, словомъ, все, чѣмъ кормится Югъ, всецѣло зависитъ отъ работы негровъ; и Югъ былъ бы совершенно разоренъ, его положеніе было бы болѣе тяжело, чѣмъ послѣ ужасной войны, если бы какое нибудь волшебное судно могло теперь перенести всякаго чернаго на африканскій берегъ, въ негритянскую республику Либерію. Поэтому не можетъ быть рѣчи и о томъ, чтобы сконцентрировать всѣхъ негровъ въ одномъ или двухъ южныхъ штатахъ и отдать эти штаты всецѣло въ ихъ распоряженіе. Прежде всего, ни одинъ штатъ не согласился бы на такую черную участь; но главное—отъ этого должно было бы пострадать бѣлое населеніе остальныхъ южныхъ штатовъ. Для соціальнаго же политика не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уровень негритянской массы повышается только тамъ, гдѣ она находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ бѣлыми, и что она съ поражающей быстротой возвращается въ первобытное состояніе, будучи предоставлена самой себѣ.

Среди тѣхъ негровъ, которые призваны быть вождями своего народа и которые самостоятельно составляютъ свое сужденіе о положеніи вещей, можно, кажется, различить сторонниковъ двухъ принципіально-противоположныхъ воззрѣній: одни желаютъ въ извѣстномъ смыслѣ проводить реформы сверху, другіе хотятъ начинать созидательную работу снизу. Типичнымъ выраженіемъ перваго направленія является дѣятельность Дюбуа, представителемъ второго является Букеръ Вашингтонъ. Дюбуа, а вмѣстѣ съ нимъ многіе изъ наиболѣе образованыхъ и оригинальныхъ негровъ вѣрятъ въ особое назначеніе негритянскаго народа. Негры, по ихъ мнѣнію, не хотятъ и не должны быть лишь американцами второго разряда; Америка предназначена провидѣніемъ къ тому, чтобы въ ней рядомъ развились два великихъ различныхъ народа—американцы и негры. Поэтому и задача африканцевъ не заключается просто въ томъ, чтобы перенимать внѣшнимъ образомъ культуру бѣлыхъ; они должны, черпая изъ собственнаго національнаго сознанія,

создать свою особую цѣнную культуру. Они инстинктивно чувствуютъ, что нѣсколько великихъ людей съ своеобразно выраженной индивидуальностью, нѣсколько негритянскихъ геніевъ принесутъ больше чести ихъ народу, вызовутъ больше вѣры въ возможное для него будущее, чѣмъ медленный подъемъ всей негритянской массы. Они постоянно подчеркиваютъ, что негръ въ своей музыкѣ, въ своей религіи и въ своемъ юморѣ развилъ совершенно своеобразныя національныя черты, и что народъ, всего сорокъ лѣтъ тому назадъ находившійся въ рабствѣ, выставилъ въ теченіе одного поколѣнія, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, цѣлый рядъ блестящихъ ораторовъ, политическихъ дѣятелей и писателей. Поэтому ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы пролагать пути самымъ лучшимъ и самымъ сильнымъ представителямъ своего народа, поощрять и побуждать ихъ къ самымъ крупнымъ дѣламъ и, такимъ образомъ, трудами наиболѣе одаренныхъ своихъ вождей подарить міру новую негритянскую культуру, которая обезпечила бы всей черной націи въ Америкѣ право на самостоятельное существованіе.

Приверженцы Букера Вашингтона избираютъ болѣе скромный путь, и на ихъ сторонѣ симпатіи лучшихъ бѣлыхъ во всей странѣ. Они ожидаютъ блага не отъ нѣсколькихъ исключительныхъ, блестящихъ негровъ, а отъ постепеннаго подъема массъ, и дѣйствительными вождями считаютъ не тѣхъ, кто отличается своими личными дарованіями, а людей, которые оказываютъ наиболѣе цѣнныя услуги народу при медленномъ его возвышеніи. Они вполнѣ сознаютъ, что истинно-великихъ дѣлъ и самостоятельныхъ культурныхъ пріобрѣтеній въ настоящее время у негровъ рѣшительно нѣтъ, и что этого въ близкомъ будущемъ едва ли можно и ожидать.

Въ лучшемъ случаѣ мы видимъ болѣе сильную, чѣмъ обыкновенно, способность къ подражанію чужой культурѣ. Но если, такимъ образомъ, не можетъ быть рѣчи о блестящихъ людяхъ въ роли вождей народа—а надо сказать, что и Букеръ Вашингтонъ, въ сущности, совсѣмъ не есть дѣйствительно крупная, самостоятельная личность,—то, съ другой стороны, еще менѣе правильно было бы судить о неграхъ вообще по самому низшему ихъ слою, по людямъ, погрязшимъ въ лѣни, по озвѣрѣвшимъ и преступникамъ. Негритянская масса невѣжественна, не пріучена ни къ какой опредѣленной работѣ, но она состоитъ изъ честныхъ, здоровыхъ и разумныхъ людей, которые нуждаются только въ воспитаніи для того, чтобы сдѣлаться полезными элементами общества. Негръ долженъ прежде всего снова научиться тому, чему онъ научился во время рабства, именно—технической работѣ, онъ долженъ сдѣлаться

умѣлымъ ремесленникомъ и сельскимъ хозяиномъ; такимъ образомъ, ему слѣдуетъ не создавать какую-то особую культуру, а честно, скромно и прилежно работать и связать посредствомъ дѣйствительныхъ услугъ и труда участь своего народа съ участью бѣлой націи. Для него требуются не блестящіе писатели, а хорошіе ремесленники и школьные учителя, не такія дѣла единичныхъ личностей, которыя надѣлали бы много шуму, а распространеніе техническихъ знаній, устройство ремесленныхъ школъ и заведеній для подготовки учителей-техниковъ.

Институтъ самого Вашингтона въ Тескеги послужилъ блестящимъ образцомъ, и самые благоразумные люди какъ Юга, такъ и Сѣвера отъ всей души готовы оказать поддержку всѣмъ проектамъ этого рода. Они высказываютъ мысль, что негры должны подготовиться къ роли полезныхъ членовъ общества—ремесленниковъ, опытныхъ рабочихъ и крестьянъ, и что по мѣрѣ того, какъ эта цѣль будетъ достигаться, будетъ ослабѣвать и взаимная ненависть, и такимъ образомъ постепенно сама собою прекратится борьба за соціальное равенство. Вѣдь разумные люди не могутъ не видѣть, что соціальное равенство есть только пустой звукъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между милліонами людей съ одной стороны и милліонами съ другой. Вѣдь и среди бѣлыхъ никто не мечтаетъ о дѣйствительномъ соціальномъ равенствѣ. Владѣлецъ плантаціи одинаково не приглашаетъ къ столу какъ своихъ черныхъ, такъ и бѣлыхъ работниковъ, и когда бѣлый южанинъ насмѣшливо спрашиваетъ у всякаго, возстающаго противъ его предразсудковъ: «а выдали ли бы вы свою сестру замужъ за негра?»—то онъ забываетъ, что тотъ, къ кому обращенъ вопросъ, вѣроятно, не выдалъ бы свою сестру и за огромное большинство бѣлыхъ. Соціальное равенство можетъ существовать только въ небольшихъ группахъ, собственно—даже только между отдѣльными людьми.

Такимъ образомъ можно, пожалуй, сказать, что благодаря увеличивающимся въ настоящее время заботамъ о технической и профессіональной подготовкѣ черныхъ работниковъ будущій соціальный міръ сталъ ближе, но не слѣдуетъ забывать, что негры и вмѣстѣ съ ними филантропы сѣверныхъ штатовъ смотрятъ на этотъ процессъ совсѣмъ иначе, чѣмъ сторонники этого же процесса въ южныхъ штатахъ. Южане довольны новыми измѣненіями, потому что въ политической сферѣ избирательное право негровъ ограничено, а въ соціальной подчеркивается принадлежность ихъ къ рабочему и ремесленному классу. Между тѣмъ, сами негры могутъ, конечно, видѣть въ этомъ только переходную стадію, только средство къ постепенному достиженію лучшаго будущаго. Они довольны, что пре-

кратились подлоги при ихъ голосованіи, что пользованіе избирательнымъ правомъ для нихъ урегулировано опредѣленными законодательными нормами, но они, конечно, должны надѣяться, что когда нибудь перерастутъ эти нормы и будутъ пользоваться правомъ голоса на одинаковыхъ основаніяхъ съ бѣлыми.

То же самое и въ соціальной области. Негръ можетъ удовлетвориться тѣмъ, что покамѣстъ на первую очередь поставленъ вопросъ о ремесленномъ и сельско-хозяйственномъ трудѣ, но въ его глазахъ это должно служить только средствомъ къ тому, чтобы поднять народъ и вести его со ступеньки на ступеньку, пока этотъ рабочій классъ не достигнетъ полнаго соціальнаго равенства съ остальными классами. То положеніе, съ которымъ негръ готовъ примириться на время, бѣлые въ южныхъ штатахъ хотѣли бы закрѣпить за нимъ навсегда, и отсюда ясно, что и этотъ путь не ведетъ къ дѣйствительному внутреннему разрѣшенію вопроса; все это носитъ только характеръ перемирія. Важнѣе же всего то, что всѣ эти старанія вождей и филантроповъ, всѣ эти соображенія лучшихъ людей Сѣвера и Юга еще слишкомъ мало соотвѣтствуютъ чувствамъ массъ; и какъ бы ни были прекрасны попытки къ улучшеніямъ на этомъ пути, все же надо признать, что въ общемъ положеніе теперь хуже, чѣмъ было когда либо раньше.

Кто способенъ отрѣшиться отъ всякаго доктринерства, тотъ едва ли будетъ сомнѣваться, что и теперь болѣе правы бѣлые, играющіе руководящую роль въ южныхъ штатахъ, такъ какъ они лучше знаютъ негра, чѣмъ сѣверяне. Они требуютъ, чтобы ограниченіе политическихъ правъ негровъ и ограниченіе сферы для приложенія ихъ труда сдѣлано было постояннымъ, чтобы этимъ путемъ создались такія органическія отношенія, при которыхъ негръ, избавленный отъ незаслуженнаго рабства, но и не пользующійся вполнѣ высокою культурою, недоступной его народу, находился бы въ положеніи политической, экономической и соціальной зависимости. Если бы дѣло было поставлено такимъ образомъ съ самаго начала, то ненависть съ обѣихъ сторонъ не могла бы такъ дико разростись. И если неграмъ при этомъ будетъ хорошо, то они едва ли будутъ чувствовать такую дифференцировку, бѣлые же получатъ возможность удовлетворить чувство своего превосходства.

Условія жизни на островѣ Ямайкѣ представляютъ собою хорошій примѣръ. Они блестящимъ образомъ отличаются отъ ужаснаго состоянія негритянской республики Гаити. Но, съ другой стороны, нельзя забывать, что исторіей уже достаточно доказана невозможность для свободнаго народа имѣть среди себя другой народъ, насчитывающій милліоны душъ и ограниченный

въ правахъ; ограниченія всегда ведутъ къ притѣсненіямъ и несправедливостямъ, а послѣдними всегда вызываются возмущенія и преступленія. И тотъ часъ, когда американскій народъ лишитъ правъ десять милліоновъ негровъ, живущихъ на его территоріи, — этотъ часъ можетъ положить начало ужасной борьбѣ. Такимъ образомъ, дѣйствительное разрѣшеніе вопроса еще никѣмъ не найдено, и негритянскій вопросъ есть единственная настоящая черная туча на общественномъ горизонтѣ американскаго народа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вопросы внутренней политики.

Вопросы политики народонаселенія—особенно переселенческій и негритянскій—надолго остановили на себѣ наше вниманіе. Обзоръ вопросовъ внутренней правительственной политики мы можемъ сдѣлать скорѣе, такъ какъ съ большинствомъ этихъ вопросовъ уже ознакомились при разсмотрѣніи самой формы правленія. Безсмысленная теорія тѣхъ, кто совсѣмъ не желаетъ никакого правительства, т. е. анархизмъ, для американца только тогда входитъ въ число политическихъ вопросовъ, когда страна напугана покушеніемъ какого нибудь иностранца. Тогда возникаетъ множество проектовъ для радикальнаго искорененія анархизма, но вскорѣ все это опять затихаетъ. Люди знаютъ, какъ трудно установить границы въ этой области, а мысль о томъ, чтобы стѣснить въ политикѣ свободное слово, рѣшительно противорѣчитъ духу американской демократіи. Главное же, основныя идеи анархизма или, вѣрнѣе, его основныя туманности имѣютъ такъ мало шансовъ повліять на консервативныя воззрѣнія американца, что о распространеніи анархизма въ народномъ сознаніи американцевъ, собственно, не можетъ быть и рѣчи. Вопросъ объ анархистахъ, въ сущности, есть лишь придатокъ къ вопросу объ иммигрантахъ. Поэтому до сихъ поръ Америка ограничивалась тѣмъ, что не допускала переселенія убѣжденныхъ анархистовъ, но и это ведетъ къ столь противной американцамъ опекѣ надъ «убѣжденіями», что новое постановленіе, вѣроятно, недолго сохранитъ свою силу. Во всякомъ случаѣ, настоящій американецъ вѣритъ въ государственный порядокъ и любитъ свой правительственный механизмъ.

Въ самомъ этомъ механизмѣ также есть не мало частей, возбуждающихъ споры. Нѣкоторыя части включены лишь недавно, при президентѣ Рузвельтѣ. Усиліями послѣдняго, глав-

нымъ образомъ, создано министерство торговли и труда. Этотъ новый отдѣлъ правительства съ болѣе чѣмъ десятью тысячами чиновниковъ включаетъ въ себя также корпораціонное бюро, назначеніе котораго — собирать свѣдѣнія о трестахъ и бороться противъ приносимаго ими вреда; но борьба эта, повидимому, должна будетъ вестись на два фронта. Нынѣшней администраціи принадлежитъ также созданіе генеральнаго штаба арміи, и вся страна, кажется, согласна съ тѣмъ, что благодаря этому значительно улучшилось состояніе войска. Военное управленіе и въ другихъ отношеніяхъ приблизилось къ великимъ европейскимъ образцамъ; устроены новыя военныя училища, а главное — введены большіе маневры. Слабою стороною американской военной системы является производство по старшинству. Что въ военной службѣ недопустимо механическое повышеніе въ чинахъ, это ясно для всѣхъ, но въ то же время всѣ опасаются, что разъ будетъ устраненъ единообразный принципъ и будетъ введено личное повышеніе,—всевозможные нечистые пріемы политическаго и соціальнаго воздѣйствія начнутъ играть роль и въ этой сферѣ. Очень многіе видятъ въ этомъ чрезвычайно трудный вопросъ, такъ какъ въ настоящее время у молодого офицера нѣтъ вѣдь почти никакихъ внѣшнихъ побужденій къ тому, чтобы особенно ревностно исполнять свою службу.

Еще болѣе разнообразны желанія правительства относительно флота. И здѣсь, повидимому, необходимо созданіе учрежденія, аналогичнаго генеральному штабу арміи. Непрерывное увеличеніе самого флота вполнѣ обезпечено, такъ какъ всѣ признаютъ, что Америка не можетъ продолжать своей нынѣшней политики, не обладая сильнымъ флотомъ. Флотъ, зародившійся, собственно, только въ 1882 году, привлекъ къ себѣ сердца имперіалистской массы своими побѣдами у Маниллы и Сантъ-Яго, и увеличеніе его ни съ какой стороны не встрѣчаетъ серьезныхъ препятствій. Въ настоящее время и во флотѣ введены большіе маневры. Главное затрудненіе заключается въ недостаткѣ людей для укомплектованія экипажей; все труднѣе и труднѣе становится вербовать для флота офицеровъ и матросовъ, и въ этомъ дѣлѣ неизбѣжный негритянскій вопросъ также оказываетъ свое вредное вліяніе. Много открытыхъ вопросовъ имѣется и въ области дипломатической и консульской службы. Соединенные Штаты содержатъ необычайно большое число консуловъ, энергія которыхъ никѣмъ не отрицается, но которые очень часто не обладаютъ достаточной подготовкою, тактичностью и личнымъ достоинствомъ. Вознагражденіе ихъ посредствомъ побочныхъ доходовъ способствуетъ тому, что ими слишкомъ часто создаются непріятныя положенія.

Еще болѣе различенъ составъ лицъ, служащихъ по дипло-

матической части. Соединенные Штаты издавна съ большимъ тактомъ посылали въ качествѣ своихъ представителей въ наиболѣе важныя мѣста нѣкоторыхъ лучшихъ своихъ людей. Въ тѣ времена, когда международныя связи страны были еще незначительны, эти должности нерѣдко предлагались выдающимся писателямъ и поэтамъ, которые служили блестящими представителями своего отечества при чужихъ дворахъ и всюду доставляли ему почетъ. Въ настоящее время этотъ пріемъ болѣе не примѣнимъ, но Америкѣ все же постоянно удавалось замѣщать важнѣйшіе дипломатическіе посты выдающимися людьми—учеными, какъ, напримѣръ, Андрью Уайтъ, или государственными дѣятелями, какъ Гэй, или геніальными юристами, какъ Шаотъ. Наряду съ этимъ существуетъ, однако, опасность, что люди, отличающіеся только богатствомъ, могутъ оказывать мелкія политическія услуги сенаторамъ, а послѣдніе, въ благодарность за это, могутъ проводить ихъ на дипломатическія должности съ цѣлью удовлетворить соціальное честолюбіе своихъ друзей. Все громче раздаются требованія, чтобы дипломатическая дѣятельность обратилась въ постоянную служебную карьеру, которую каждый дипломатъ проходилъ бы путемъ ряда постепенныхъ повышеній.

Въ почтовомъ вѣдомствѣ на первомъ планѣ стоитъ теперь вопросъ о безплатной доставкѣ почтовыхъ отправленій въ сельскіе округа. Благодаря колоссальнымъ размѣрамъ страны и разбросанности населенія вначалѣ казалось вполнѣ естественнымъ, что крестьянинъ долженъ самъ отправляться въ ближайшее мѣстечко за своею корреспонденціей; сельскихъ разносчиковъ писемъ не существовало, какъ не существуетъ и теперь почтальоновъ въ маленькихъ мѣстечкахъ. Въ деревнѣ каждый самъ отправляется на почту, чтобы получить свои письма и газеты. Но Соединенные Штаты, какъ и всѣ страны въ настоящее время, стараются остановить непрерывный притокъ населенія изъ деревни въ города. Въ то же время ясно, что именно при духовномъ складѣ американцевъ главныя усилія должны быть направлены къ тому, чтобы сдѣлать сельскую жизнь менѣе однообразной и скучной, и что для этого прежде всего необходимо облегчить живыя духовныя сношенія между уединеннымъ крестьянскимъ домомъ и окружающимъ міромъ.

Чѣмъ чаще и удобнѣе сельскій житель сможетъ получать свои письма, газеты и журналы, тѣмъ менѣе у него будетъ искушенія покинуть свой клочекъ земли. И ради этого чрезвычайно дорогая организація почты въ деревнѣ въ настоящее время быстро развивается. Въ теченіе послѣдняго года въ этой отрасли учреждено девять тысячъ новыхъ должностей. Есть еще другой вопросъ, привлекающій къ себѣ вниманіе широкихъ

круговъ. Почта не окупаетъ себя, потому что пересылка печатныхъ произведеній производится за непомѣрно низкую плату, и благодаря этому разсылка всевозможныхъ каталоговъ приняла такіе огромные размѣры, что ложится очень тяжелымъ бременемъ на почтовый бюджетъ. Чтобы дать объ этомъ нѣкоторое представленіе достаточно сказать, что недавно одна только фабрика медицинскихъ принадлежностей разослала для рекламы небольшія книжечки съ отзывами объ изготовляемой ею цѣлебной водѣ въ такомъ количествѣ, что для доставки ихъ въ ближайшее почтовое учрежденіе потребовался желѣзнодорожный поѣздъ изъ восьми большихъ товарныхъ вагоновъ. Правда, затрудненія почтоваго бюджета отчасти вытекаютъ и изъ того, что желѣзныя дороги составляютъ собственность частныхъ компаній, которыя при заключеніи съ правительствомъ контрактовъ на пересылку почтовыхъ отправленій, конечно, дѣйствуютъ не въ ущербъ своимъ акціонерамъ.

Такимъ образомъ, у каждой отрасли управленія есть свои крупные и мелкіе вопросы, и главнѣйшими изъ нихъ мы займемся при разсмотрѣніи экономическихъ условій. Но есть и одинъ вопросъ, общій для всѣхъ отраслей управленія; онъ занимаетъ самое важное мѣсто среди вопросовъ внутренней политики, и если внѣшнимъ образомъ онъ, пожалуй, теперь обсуждается менѣе оживленно, чѣмъ въ прежніе годы, то онъ все же никогда не переставалъ въ постоянно измѣняющихся формахъ занимать партіи, правительство и, прежде всего, общественное мнѣніе. Это — вопросъ о реформѣ гражданской службы.

Мы уже неоднократно сталкивались съ вопросомъ о гражданской службѣ, когда говорили о борьбѣ партій и о тѣхъ мотивахъ, которые побуждаютъ людей участвовать въ партійной политической дѣятельности. Необходимо, однако, прибавить еще нѣсколько указаній для того, чтобы вполнѣ ясно поставить одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ американской общественной жизни. Если для начала мы оставимъ въ сторонѣ службу въ отдѣльныхъ штатахъ и въ городахъ — хотя тамъ настоящій вопросъ находится въ томъ же положеніи — и если, слѣдовательно, станемъ говорить только о чиновникахъ Союза, то вопросъ будетъ касаться нѣсколькихъ сотъ тысячъ должностей, и формулируется онъ слѣдующимъ образомъ: должны ли эти должности съ ихъ окладами даваться членамъ господствующей партіи соотвѣтственно ихъ заслугамъ передъ партіей, или же они должны замѣщаться, независимо отъ всякихъ партійныхъ соображеній, лучшими и наиболѣе дѣльными изъ имѣющихся кандидатовъ? Очевидно, что вопросъ этотъ легко представить въ такомъ

видѣ, какъ будто назначеніе лучшихъ и наиболѣе дѣльныхъ людей, независимо отъ всякихъ партійныхъ соображеній, отвѣчаетъ простому нравственному требованію, которое совсѣмъ не можетъ подлежать спору, и какъ будто противники этого рѣшенія явно руководствуются только эгоистическими мотивами. Но въ дѣйствительности дѣло не такъ просто.

Во-первыхъ, всякому ясно, что замѣщеніе высшихъ административныхъ должностей всецѣло обусловлено довѣріемъ къ опредѣленнымъ лицамъ, что здѣсь прежде всего необходимо, чтобы чиновники въ основныхъ своихъ взглядахъ были солидарны съ высшимъ руководителемъ исполнительной власти; и это конечно съ особеннымъ правомъ можно сказать о демократическомъ государствѣ съ двумя партіями. Разъ большинство народа выбираетъ опредѣленнаго президента, чтобы осуществить въ политикѣ взгляды одной партіи въ противовѣсъ взглядамъ другой, то воля народа не могла бы быть исполнена, если бы и высшіе представители государственной власти не слѣдовали данному партійному направленію, которое избрано народомъ. Республиканецъ-президентъ не могъ бы работать сообща съ министрами-демократами, или все правительство оказалось бы безсильнымъ и вынуждено было бы прибѣгать къ такимъ компромиссамъ, ради которыхъ незачѣмъ организовывать весь народъ въ двѣ партіи. Для того же, чтобы не происходило треніе, министры-республиканцы должны имѣть въ качествѣ своихъ товарищей политическихъ единомышленниковъ, и такъ далѣе.

Если начинать не сверху, а снизу, то картина, разумѣется, получается иная. Бухгалтеръ въ министерствѣ, мелкій почтовый чиновникъ, кассиръ въ казначействѣ—всѣ они не могутъ проводить никакихъ личныхъ взглядовъ; они должны исполнять свое опредѣленное дѣло, и будетъ ли общая политика государства вестись въ республиканскомъ или демократическомъ направленіи, будетъ ли она направлена къ свободѣ торговли или къ покровительственнымъ пошлинамъ, будетъ ли въ ней господствовать имперіализмъ или анти-имперіализмъ,—это вообще ихъ рѣшительно не касается. Итакъ, прежде всего возникаетъ вопросъ, гдѣ находится граница между должностями перваго рода, т. е. высшими, для которыхъ важное значеніе имѣютъ личныя воззрѣнія кандидатовъ и низшими, при замѣщеніи которыхъ партійные вопросы не могутъ играть никакой роли?

По поводу этой границы возможны очень различныя мнѣнія. Нѣкоторые помѣщаютъ ее довольно низко и утверждаютъ, что у американцевъ, благодаря всему ихъ политическому воспитанію насквозь проникнутыхъ партійнымъ духомъ, государственныя учрежденія только тогда могутъ быть стройны, когда всѣ служащіе въ нихъ, начиная отъ высшихъ и кончая самыми

низшими, принадлежатъ къ господствующей партіи. Противъ этого взгляда можно привести много вѣскихъ доводовъ, но нельзя утверждать, что въ основѣ его лежитъ безсмысленная или безчестная точка зрѣнія. Въ Германіи населеніе въ настоящее время фактически распадается на два партійныхъ лагеря —на буржуазный и соціалъ-демократическій, и буржуазной партіи, располагающей большинствомъ, совсѣмъ не кажется чѣмъ-то неестественнымъ по мѣрѣ силъ устранять соціалъ-демократовъ отъ государственной службы.

Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство. Прежде всего, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что каждая изъ обѣихъ партій не располагаетъ надлежащими силами для замѣщенія важнѣйшихъ должностей. А покуда подходящіе люди находятся и, получивъ должность, свое дѣло дѣлаютъ,— нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить объ эгоизмѣ и корыстолюбіи, какъ будто жалованье дается просто въ подарокъ и какъ будто поэтому недостойно разсчитывать на полученіе должности въ награду за партійныя заслуги. Мы уже раньше подчеркивали, что именно въ этомъ пунктѣ нѣмецкіе взгляды существенно разнятся отъ американскихъ, и рѣзкія отрицательныя сужденія, заимствованныя у горячихъ американскихъ поборниковъ реформы, ведутъ на совершенно ложный путь. Какъ извѣстно, и въ Германіи вѣдь система назначенія профессоровъ въ университеты основана исключительно на личныхъ рекомендаціяхъ, чѣмъ она рѣзко отличается отъ англійской системы, гдѣ кандидаты должны вступать въ соисканіе для занятія всякой освобождающейся каѳедры, и гдѣ не можетъ быть приглашенъ человѣкъ, не вступившій активно въ соисканіе; отличается она и отъ французской системы, по которой замѣщеніе каѳедръ производится на основаніи особаго экзамена.

Эти разсужденія не должны, однако, вызывать такого впечатлѣнія, какъ будто мы высказываемся противъ отстаиваемыхъ въ Америкѣ реформъ. Они должны только съ самаго начала показать, что здѣсь рѣчь идетъ объ очень сложномъ вопросѣ, въ которомъ многое можно привести и за, и противъ. И дѣйствительно, доводы въ пользу возможно болѣе широкаго безпартійнаго замѣщенія должностей также очень многочисленны и важны. Прежде всего, этого требуютъ интересы службы. Партійное назначеніе означаетъ, въ сущности, назначеніе по рекомендаціи и сообразно желаніямъ политическихъ вожаковъ. Напримѣръ, сенаторы какого нибудь опредѣленнаго штата предлагаютъ президенту кандидатовъ на важнѣйшія должности въ почтовомъ вѣдомствѣ этого штата, а при выборѣ лицъ для замѣщенія мелкихъ должностей въ этомъ вѣдомствѣ они, въ

свою очередь, руководствуются рекомендаціями болѣе мелкихъ политическихъ дѣятелей своего штата.

О настоящей, правильной оцѣнкѣ кандидатовъ съ точки зрѣнія ихъ работоспособности и подготовленности здѣсь можетъ быть рѣчь, конечно, лишь въ малой степени. Правда общественное мнѣніе всегда стоитъ на стражѣ, и всякій политическій дѣятель знаетъ, что ему нельзя проводить такихъ кандидатовъ, которые не одобряются общественнымъ мнѣніемъ или которые окажутся не пригодными для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей; въ противномъ случаѣ этотъ дѣятель неизбѣжно самъ потеряетъ политическій кредитъ и нанесетъ ущербъ своей политической будущности. Правда и то, что именно политическія партіи довели до высшей степени совершенства искусство выбирать людей, находить среди массы именно тѣхъ, кого надо, и что, съ другой стороны, американецъ благодаря своей необычайной способности приспособляться и благодаря своему организаторскому таланту легко освоивается со всякой должностью; онъ вездѣ оказывается работоспособнымъ, и потому здѣсь не проявляются отрицательныя стороны бюрократизма. И тѣмъ не менѣе надо признать, что при такой системѣ даже добрая воля часто блуждаетъ ощупью въ темнотѣ, что строгій экзаменъ техническаго характера позволилъ бы съ гораздо большею увѣренностью выбирать наиболѣе пригоднаго изъ имѣющихся кандидатовъ.

Прежде всего, при такой системѣ назначенія, основанной на политическихъ вліяніяхъ, гдѣ важную роль играютъ петиціи мѣстныхъ гражданъ, рекомендательныя письма выдающихся людей и всевозможные секретные способы воздѣйствія — при такой системѣ очень ослабляется съ каждой стороны чувство личной отвѣтственности. Глава исполнительной власти долженъ положиться на мѣстныхъ представителей, политическіе же дѣятели, съ другой стороны, знаютъ, что не отъ нихъ самихъ зависитъ рѣшеніе, и такимъ образомъ кандидатъ безъ собственныхъ усилій, почти пассивно проводится въ должность.

Нельзя отрицать, что этимъ путемъ проникало на государственную службу не мало недостойныхъ людей, что часто въ награду за политическія услуги именно самаго низкаго рода давались самыя лучшія мѣста. Случалось, что политическіе кандидаты передъ выборами должны были обѣщать нѣкоторымъ людямъ такія должности, которыя совсѣмъ не соотвѣтствовали способностямъ этихъ людей, и что послѣдніе затѣмъ не только нерадиво относились къ своимъ обязанностямъ, но иногда и злоупотребляли своимъ положеніемъ для совершенія растратъ, для заключенія отъ имени правительства фальшивыхъ контрактовъ и такихъ сдѣлокъ, которыя приносили какую ни-

будь выгоду имъ самимъ, для проведенія на низшія должности своихъ родственниковъ и друзей. Случалось даже, что политическіе дѣятели продавали свое вліяніе за деньги и просто торговали должностями, а съ другой стороны старались изъ личныхъ или политическихъ соображеній прикрывать всѣ безчестные поступки своихъ ставленниковъ. Благодаря ихъ манипуляціямъ создавались все новыя совершенно безполезныя должности, предназначенныя для прокормленія на государственный счетъ ихъ политическихъ друзей, и борьба изъ-за этихъ личныхъ назначеній отнимала невѣроятно много времени и силъ у законодательныхъ собраній. Всего этого невозможно отрицать, и нельзя не видѣть, что подобные наросты постоянно будутъ развиваться на политическомъ организмѣ, пока принципіально будетъ признаваться, что основою назначенія людей на государственныя должности должны служить партійно-политическія соображенія.

Безспорно, и здѣсь преступныя злоупотребленія остаются исключеніемъ, а общимъ правиломъ является честное стремленіе найти лучшаго кандидата и честное исполненіе принятыхъ обязанностей; но и самую возможность подобныхъ исключеній всякій разумный другъ страны долженъ стараться свести до минимума.

Ко всему этому присоединяется еще неблагопріятное вліяніе, которое такая система должна оказывать на самую партійную жизнь. Если человѣкъ, проведенный въ должность политическими дѣльцами, слабъ, то онъ будетъ согласовывать свою служебную дѣятельность съ интересами своихъ благодѣтелей, онъ будетъ вести партійную политику даже тамъ, гдѣ ей не должно быть мѣста, и охотно согласится, чтобы партія облагала его извѣстнымъ налогомъ; въ худшіе періоды обычнымъ явленіемъ былъ вычетъ опредѣленнаго процента изъ жалованья, который въ качествѣ партійнаго взноса непосредственно направлялся въ избирательный фондъ. Оклады намѣренно повышались для того, чтобы значительная часть ихъ притекала въ партійную кассу и чтобы такимъ образомъ накоплялись средства на успѣшное веденіе слѣдующей предвыборной кампаніи; этимъ путемъ всякій чиновникъ косвенно могъ содѣйствовать тому, чтобы его мѣсто, или лучшее, оставалось за нимъ и на будущее время. Все это повторяется въ партійной жизни отдѣльныхъ штатовъ, а всего отвратительнѣе, пожалуй, въ городахъ, гдѣ налогъ на городскихъ служащихъ игралъ значительную роль въ составленіи партійнаго фонда, чтобы не сказать—фонда для подкуповъ. Такимъ образомъ, мотивовъ для общественнаго мнѣнія имѣется болѣе чѣмъ достаточно, если оно издавна съ все возрастающей энергіей требуетъ реформъ.

во всей этой сферѣ и настаиваетъ, чтобы за исключеніемъ важнѣйшихъ мѣстъ, которыя дѣйствительно могутъ быть даны только людямъ съ опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ, остальныя должности, требующія только простой исполнительности, были замѣщены безпартійнымъ чиновничествомъ.

Въ теченіе первыхъ сорока лѣтъ конституціонной жизни Америки этого вопроса почти не существовало. Назначеніе чиновниковъ совершалось исключительно въ соотвѣтствіи съ требованіями дѣла. Кто занималъ какую нибудь должность, тотъ и сохранялъ ее до тѣхъ поръ, пока хорошо исполнялъ свои обязанности, и партійныя перемѣны въ высшихъ должностяхъ мало отражались на низахъ чиновничьей іерархіи. Уволить дѣльнаго чиновника для того, чтобы на его мѣсто посадить приверженца другой партіи, — это считалось актомъ деспотизма. Статистика показываетъ, что въ тѣ времена на основаніи подобныхъ политическихъ соображеній увольнялось въ среднемъ не болѣе 42 чиновниковъ. Новое направленіе исходило изъ городовъ, и въ частности именно изъ города Нью-Іорка. Отсюда это направленіе распространилось первоначально на штатъ Нью-Іоркъ, гдѣ въ 1818 году Ванъ Буреномъ было оранизовано управленіе на строго-партійныхъ началахъ, а при президентѣ Джэксонѣ этотъ же принципъ былъ усвоенъ и союзнымъ правительствомъ. Около 1830 года было признано въ качествѣ неоффиціальнаго правила, что должности на государственной службѣ являются наградой и добычею партіи, одержавшей побѣду на выборахъ. При этомъ ясно понимали, что противъ нерадивости членовъ партіи ничѣмъ нельзя лучше бороться, чѣмъ обѣщаніемъ выгодныхъ мѣстъ для тѣхъ, кто будетъ способствовать политическимъ успѣхамъ партіи. Лишь около середины девятнадцатаго столѣтія началась реакція, причемъ очень важную роль сыгралъ примѣръ Англіи.

Когда власть англійскаго парламента возросла, народные представители потребовали себѣ участія въ раздачѣ должностей, и тогда началась самая грубая торговля окладами. Еще до середины прошедшаго столѣтія, когда дѣло стало принимать уже слишкомъ дурной оборотъ, въ Англіи были установлены извѣстныя испытанія, чтобы устранить хотя бы самыхъ непригодныхъ кандидатовъ. Здѣсь первоначально не было и рѣчи о конкурсѣ; кандидатовъ по прежнему избирали политическіе дѣятели, но экзаменъ обезпечивалъ нѣкоторую минимальную подготовку этихъ кандидатовъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ вашингтонскій конгрессъ послѣдовалъ этому примѣру. Были установлены группы опредѣленныхъ низшихъ должностей, которыя могли замѣщаться только лицами, выдержавшими испытаніе. Англія быстро пошла впе-

редъ по этому пути, и Америка послѣдовала за нею. По обѣ стороны океана отъ испытанія каждаго предложеннаго кандидата въ отдѣльности перешли къ совмѣстному испытанію всѣхъ кандидатовъ, такъ, чтобы вакантное мѣсто доставалось лучшему изъ нихъ. При президентѣ Грантѣ была учреждена комиссія по дѣламъ гражданской службы, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе тридцати лѣтъ, исходящее изъ этого центра благотворное вліяніе все возрастаетъ. Бывали и періоды возврата къ прежней системѣ. Рутинные политики не могли примириться съ тѣмъ, что имъ нельзя уже такъ щедро обѣщать мѣста въ награду за политическія услуги во время борьбы, и имъ неоднократно удавалось затормозить это движеніе. Въ 1875 году конгрессъ отказалъ въ какихъ бы то ни было ассигнованіяхъ на работы комиссіи; тогда отъ конкурсныхъ экзаменовъ пришлось отказаться, и снова были введены испытанія для каждаго предложеннаго кандидата въ отдѣльности.

Однако именно здѣсь общественное мнѣніе оказалось сильнѣе партійнаго духа. Уже при президентѣ Гэйесѣ, и затѣмъ при Гарфильдѣ и Артурѣ новая система была возстановлена, и не только было окончательно устранено предосудительное обложеніе чиновниковъ налогомъ на партійныя цѣли, но и непрерывно увеличивалась категорія тѣхъ должностей, которыя могли замѣщаться только на основаніи общественныхъ испытаній. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что сохраняется и небольшое сравнительно число такихъ должностей, для которыхъ имѣютъ значеніе убѣжденія и партійные взгляды кандидатовъ, и въ которыхъ, слѣдовательно, перемѣщенія неизбѣжны при всякомъ переходѣ побѣды отъ одной партіи къ другой. Такимъ образомъ создались два крупныхъ разряда чиновниковъ; въ первый входятъ чиновники-политики, назначаемые президентомъ по соглашенію съ сенатомъ, второй состоитъ изъ такъ называемыхъ «классифицированныхъ» чиновниковъ, которые получаютъ свои мѣста на основаніи публичныхъ испытаній. Общественное мнѣніе и честные сторонники реформъ въ области гражданской службы — а во главѣ ихъ стоитъ самъ президентъ Рузвельтъ — неустанно ратуютъ за расширеніе разряда классифицированныхъ чиновниковъ и за соотвѣтственное уменьшеніе политическаго круга.

Открытые противники этого движенія, которыхъ имѣется не мало въ обоихъ партійныхъ лагеряхъ, дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи и при этомъ часто получаютъ поддержку отъ дряблыхъ, лишь на-половину честныхъ сторонниковъ реформы, которые теоретически, правда, признаютъ ея преимущества, но на практикѣ хотѣли бы извлечь возможно большую выгоду изъ существующей дурной системы. Безспорно,

и въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ сдѣланъ не одинъ шагъ назадъ, и подъ самыми разнообразными предлогами не одна должность была исключена изъ разряда классифицированныхъ и опять поставлена подъ вліяніе сенаторовъ.

Всего на службѣ Союза состоятъ 114000 «не классифицированныхъ» чиновниковъ съ общимъ окладомъ въ 45 милліоновъ долларовъ и 121000 «классифицированныхъ» съ окладомъ въ 85 милліоновъ долларовъ. Изъ первыхъ 114000, которые не подлежатъ конкурсному испытанію, свыше 77000 занимаютъ мѣста почтмейстеровъ; затѣмъ сюда входятъ служащіе въ консульствахъ и по дипломатической части, высшіе чиновники и, съ другой стороны, большое число низшихъ рабочихъ. Среди классифицированныхъ чиновниковъ около 17000 служатъ въ министерствахъ въ самомъ Вашингтонѣ, изъ нихъ 5000 въ казначействѣ. Для чиновниковъ, подвѣдомственныхъ комиссіи, существуетъ около 400 типовъ различныхъ испытаній. Въ теченіе послѣдняго года испытанію для полученія классифицированныхъ должностей подвергалось 47075 человѣкъ; изъ нихъ 21000 искали административныхъ должностей, 3000 желали получить мѣста въ таможенномъ и 21000 въ почтовомъ вѣдомствѣ. Около 1000 человѣкъ сдавали экзамены ради повышенія по службѣ или съ цѣлью перехода изъ одного вѣдомства въ другое. 439 человѣкъ подвергались испытанію для полученія должностей на Филиппинахъ. Всего выдержало испытанія 33739 человѣкъ, и изъ нихъ назначены были на должности 11764, а такое назначеніе обезпечиваетъ службу на всю жизнь, независимо отъ того, переходитъ ли власть отъ одной партіи къ другой. Что именно эта обезпеченность службы на всю жизнь является самымъ сильнымъ стимуломъ къ честному исполненію обязанностей, къ добросовѣстности и усердію въ работѣ,—это очевидно само собой.

Послѣдній крупный скандалъ, сильно взволновавшій союзные правительственные круги, очень ясно показалъ разницу между обоими разрядами чиновниковъ. Почтовое министерство заключило рядъ контрактовъ на поставку различныхъ принадлежностей такимъ образомъ, что контракты эти приносили матеріальную выгоду нѣкоторымъ чиновникамъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ родственникамъ. Все было настолько искусно замаскировано, что для раскрытія подкупа потребовалось слѣдствіе, продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ. Когда же разоблаченіе совершилось, то оказалось, что серьезно замѣшанные въ дѣло чиновники принадлежатъ къ разряду не классифицированныхъ, между тѣмъ какъ классифицированные являются самыми добросовѣстными и честными работниками. Если безспорно, что подобныя преступныя злоупотребленія представляютъ собою исклю-

чительные случаи и въ средѣ чиновниковъ, назначаемыхъ по личному усмотрѣнію, то все же нельзя отрицать, что для нихъ искушеніе гораздо больше. Кто получаетъ должность не потому, что доказалъ свою подготовленность къ ней, а за политическія услуги общаго характера, кто знаетъ, что вмѣстѣ съ ближайшею смѣной партій у власти исчезнетъ и его служебное великолѣпіе, тотъ въ своей должности легко будетъ склоненъ работать больше въ интересахъ партіи, чѣмъ въ интересахъ страны, а можетъ быть даже больше въ интересахъ собственнаго кармана, чѣмъ въ интересахъ партіи.

Для того же, чтобы реформа гражданской службы подвигалась впередъ или, по крайней мѣрѣ, не шла назадъ, общественное мнѣніе постоянно должно быть готово къ борьбѣ съ партійными политиками. Было бы оскорбленіемъ для страны, если бы мы хотѣли вызвать такое представленіе, какое часто стараются вызвать, именно — будто на сторонѣ противниковъ реформы стоитъ сознательное взяточничество. Трудность вопроса и заключается именно въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ могутъ господствовать самые честные мотивы, и это можетъ признать даже тотъ, кто самъ убѣжденъ, что болѣе вѣскіе доводы находятся на сторонѣ поборниковъ реформы. Что предоставленіе должностей членамъ партій, въ награду за партійныя заслуги, привлекаетъ на службу партій огромное количество политическихъ силъ, — это несомнѣнно, и точно также несомнѣнно то, что партійная система необходима для Америки, и что партійная жизнь требуетъ огромной массы труда. Для американскаго партійнаго политика не классифицированныя должности являются въ извѣстномъ смыслѣ тѣмъ же, чѣмъ ордена и титулы для европейскихъ монарховъ, и какой нибудь завзятый вождь партіи охотно похерилъ бы всю эту «чепуху»—реформу гражданской службы, потому что побѣда его партіи и возможность наложить тогда печать своихъ партійныхъ принциповъ на всю государственную службу занимаетъ его больше, чѣмъ организація самой этой службы такимъ образомъ, чтобы она выполнялась какъ можно лучше и добросовѣстнѣе, съ возможно большимъ безкорыстіемъ и знаніемъ дѣла. Настоящій партійный дѣятель даже привыкъ разсматривать частую смѣну лицъ въ должности, какъ идеальное положеніе. Подобно тому какъ президентъ не долженъ быть избираемъ больше, чѣмъ на два срока, такъ и съ остальными должностями: слишкомъ долгое замѣщеніе ихъ однимъ и тѣмъ же лицомъ представляется такому политику чѣмъ-то нездоровымъ, не американскимъ.

Вся важность этого вопроса станетъ понятной лишь тогда, если принять во вниманіе, что тѣ же явленія повторяются и въ отдѣльныхъ штатахъ и въ сферѣ городского управленія.

Штаты и города также имѣютъ свои классифицированныя должности, замѣщеніе которыхъ совершенно не зависитъ отъ того, къ какой партіи принадлежитъ губернаторъ штата или мэръ города, и рядомъ съ этимъ существуютъ должности, замѣщеніе которыхъ основано на довѣріи къ извѣстнымъ лицамъ; отвѣтственность за выборъ этихъ лицъ несутъ губернаторъ совмѣстно съ законодательнымъ собраніемъ штата и мэръ совмѣстно съ городскими уполномоченными. Городская служба за послѣдніе годы особенно часто привлекала къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія чрезвычайнымъ расширеніемъ сферы возможныхъ злоупотребленій.

Не совсѣмъ чистые контракты, предоставленіе монополіи разнымъ обществамъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ, газовымъ, телефоннымъ и пароходнымъ компаніямъ, пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ и поставка матеріаловъ для общественныхъ сооруженій, проложеніе новыхъ улицъ—все это, благодаря чрезвычайно быстрому росту крупныхъ американскихъ городовъ, открываетъ столько соблазнительныхъ возможностей и такъ легко можетъ быть скрыто отъ прокурора, что именно здѣсь притокъ безчестныхъ элементовъ былъ ужасающе великъ. И такъ какъ именно городская политика требуетъ такихъ партійныхъ услугъ, которыя мало интересны для приличнаго человѣка и претятъ ему, то сюда нахлынули люди другого рода; они пріобрѣли власть надъ городскимъ избирательнымъ стадомъ не для того, чтобы проводить какіе нибудь принципы, а для того, чтобы послѣ побѣды своей партіи получить должности, оклады которыхъ чего нибудь стоятъ, безчестное же эксплуатированіе которыхъ стоитъ, пожалуй, еще больше. И здѣсь нельзя, конечно, сказать, что всякая служба исполняется плохо, и здѣсь перечень злоупотребленій сильно раздувается падкой на скандалы печатью противной партіи, и здѣсь большинство служащихъ, безспорно, приличные люди, довольствующіе скромнымъ почетомъ и небольшимъ жалованьемъ; но что сюда проникло много нечистоплотныхъ элементовъ, что городская служба выполнялась бы лучше, если бы можно было поставить ее въ болѣе независимое положеніе отъ партійнаго механизма, — въ этомъ общественное мнѣніе не сомнѣвается.

Разумѣется, каждая партія убѣждена, что вина падаетъ по преимуществу на противную сторону. Логически нѣтъ основанія предполагать больше возможности взяточничества для одной партіи, чѣмъ для другой. Правда, республиканская партія въ извѣстномъ смыслѣ сильнѣе возбуждаетъ общую жадность, чѣмъ демократическая, и потому она является «матерью взяточничества», какъ любятъ ее называть противники. Въ символъ вѣры республиканской партіи входитъ положеніе—и въ этомъ

проявляется ея духъ централизма,—что государство не должно предоставлять всего свободной борьбѣ силъ, что оно должно активно помогать одной изъ борющихся сторонъ. Поэтому республиканецъ стоитъ за покровительственныя пошлины. Поэтому онъ находитъ вполнѣ правильнымъ, если какая нибудь отрасль промышленности, или ремесла, или торговли, дѣла которой идутъ плохо, или которая считаетъ, что ея дѣла идутъ плохо, или которая по какимъ либо мотивамъ желаетъ получать больше,—если такая отрасль обращается къ государству съ тѣмъ, чтобы ей было оказано покровительство за счетъ другихъ и чтобы она, такимъ образомъ, получила выгоду. Но этимъ разрушается принципъ полнаго равенства и дается признаніе духу предпочтенія, признаются преимущества немногихъ передъ многими, допускается употребленіе общественныхъ средствъ на пользу жадныхъ людямъ; и если этотъ духъ проникнетъ дальше, если онъ пріобрѣтетъ господство въ партійной жизни, то отсюда недалеко уже до такого состоянія, когда каждый захочетъ, чтобы общественныя средства употреблялись для его собственнаго обогащенія, и когда сильнѣйшіе въ экономическомъ отношеніи люди станутъ съ помощью всѣхъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи партіи, обезпечивать себѣ монополіи и воздѣйствовать на законодательныя собранія въ видахъ собственной выгоды.

Демократы, съ другой стороны, желаютъ равныхъ правъ для всѣхъ, свободы для проявленія экономическихъ силъ; они являются выразителями центробѣжныхъ, партикуляристскихъ тенденцій. Но если не будетъ регулирующаго вмѣшательства со стороны государства, то своей свободою станутъ злоупотреблять именно силы безнравственныя. Нечистоплотные элементы будутъ эксплуатировать свободу больше, чѣмъ тѣ, кто умѣетъ себя ограничивать, распущенность и безнравственность будутъ возрастать, а демократическая партія вынуждена будетъ уступать имъ, если захочетъ обезпечить себѣ господство надъ массами. Но кто дѣлаетъ уступки индивидуалистической безнравственности, тотъ неизбѣжно и самъ заражается. Такимъ образомъ, республиканская партія открываетъ путь для введенія подкупности сверху, демократическая же создаетъ возможность взяточничества снизу.

Если въ какомъ нибудь большомъ городѣ господствуетъ республиканская партія, то врагами общественнаго порядка являются крупныя акціонерныя компаніи съ ихъ колоссальными средствами и водянистою совѣстью; если же господство принадлежитъ демократической партіи, то врагами являются трактирщики, содержатели публичныхъ домовъ и игроки. Сообразно съ этимъ, въ первомъ случаѣ, быть можетъ, не устоитъ

передъ искушеніемъ честность какого нибудь члена управы, заключающаго милліонные контракты съ крупной акціонерной компаніей, во второмъ—честность полицейскаго, который стоитъ на углу и получаетъ извѣстную мзду, когда владѣлецъ какой-нибудь пивной желаетъ торговать послѣ положеннаго часа; и такъ какъ случаи для полученія такой маленькой мзды встрѣчаются во много разъ чаще, чѣмъ случаи получить крупную взятку за предоставленіе какой нибудь монополіи, то общая сумма безчестныхъ получекъ и вредъ для общественной нравственности приблизительно одинаково велики на той и на другой сторонѣ. Но надо опять-таки прибавить, что рѣчь все же идетъ только объ исключительныхъ явленіяхъ, которыя, къ счастію, въ большинствѣ случаевъ находятъ свое окончаніе за тюремною рѣшеткой.

Особенно же надо подчеркнуть, что противъ всѣхъ этихъ отрицательныхъ формъ партійной жизни и партійнаго вліянія неустанно борется общественное мнѣніе, что это общественное мнѣніе съ каждымъ годомъ добивается большихъ успѣховъ и очищаетъ общественную атмосферу. Условія вѣдь быстро мѣняются. Когда Франклинъ пріѣхалъ въ Англію, онъ былъ пораженъ ужасающимъ взяточничествомъ, которое царило среди англійскихъ чиновниковъ; въ его время въ Америкѣ подобныя явленія были неизвѣстны. Англія уже давно избавилась отъ этого безобразія, и Америка, которая лишь спустя полстолѣтія попала въ эту трясину партійнаго чиновничества, также скоро избавится отъ него, какъ окончательно избавилась отъ другихъ золъ. Каждый годъ приноситъ новые успѣхи на этомъ пути, и не надо только давать обманывать себя ложно понятыми признаками.

При поверхностномъ взглядѣ такимъ признакомъ обратнаго движенія можетъ показаться послѣднее избраніе мэра въ Нью-Іоркѣ, вызвавшее возбужденіе въ самыхъ широкихъ кругахъ. Два года тому назадъ Нью-Іоркъ уничтожилъ позорное владычество Таммани-Голля въ лицѣ Ванъ-Вика съ его грубымъ начальникомъ полиціи Девери, занимавшимся вымогательствомъ; это было совершено съ помощью безпартійныхъ голосовъ массы «порядочныхъ людей», и тогда же въ бургомистры былъ избранъ значительнымъ большинствомъ Сетъ-Лоу, президентъ Колумбійскаго университета; такимъ образомъ былъ признанъ принципъ, что самое лучшее городское управленіе должно быть независимо отъ политическихъ партій и вести дѣла исключительно въ соотвѣтствіи съ нуждами города Сетъ Лоу, поддерживаемый сторонниками реформъ въ обѣихъ партіяхъ, блестящимъ образомъ поднялъ уровень всего городского управленія. Школьное и санитарное дѣло, дѣло устрой-

ства улицъ, полиція—все было освобождено отъ нечистоплотныхъ элементовъ и реформировано сообразно самымъ честнымъ принципамъ управленія.

И вотъ наступилъ день новыхъ выборовъ. Независимые, къ которымъ принадлежали лучшіе люди изъ обѣихъ партій, духовные вожди города, наиболѣе сильныя въ общественномъ смыслѣ личности,—независимые снова соединились, чтобы не отдавать трехмилліоннаго города въ жертву политической борьбѣ и чтобы обезпечить ему безпартійное дѣловое управленіе путемъ сотрудничества всѣхъ; снова они выставили Сетъ-Лоу въ качествѣ своего кандидата. Противъ него стоялъ Макъ Клелланъ, кандидатъ Таммани-Голля, кандидатъ той партіи, которая громко заявляла, что добыча принадлежитъ побѣдителю, что тысячи городскихъ должностей должны служить наградою за побѣду для сторонниковъ партіи; эта партія безстыдно допускала, чтобы съ надеждою на ея побѣду связывались всѣ надежды нищихъ, проститутокъ и бродягъ; эта партія во всеуслышаніе обѣщала, что красные фонари снова повсюду будутъ зажжены и что ненавистные законы о питейной торговлѣ не будутъ проводиться, словомъ, что городъ будетъ «широко открытъ». И когда наступилъ день выборовъ, за Сетъ-Лоу было подано 251000 голосовъ, за полковника же Макъ Клелана 313000.

Но значитъ ли это дѣйствительно, что большинство населенія Нью-Іорка состоитъ изъ игроковъ и мошенниковъ, укрывателей и погибшихъ людей? Кто передъ выборами читалъ боевую литературу республиканской партіи, у того могло сложиться такое ложное представленіе, и кто на каждомъ заборѣ и на гигантскихъ флагахъ читалъ боевой кличъ «Голосуй за Лоу и дай отпоръ грабителямъ,» тотъ можетъ, пожалуй, думать что 300000 людей, желающихъ загребать деньги, соединились для того, чтобы уничтожить честное управленіе и доставить торжество взяточничеству. Кто же нѣсколько ближе присматривался къ положенію дѣла, тотъ не сомнѣвался, что обо всемъ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Сетъ Лоу далъ управленіе чистое, но не свободное отъ заблужденій, и его заблужденія во многихъ вызывали такое недовольство, что они предпочитали нѣкоторую загрязненность атмосферы тѣмъ нестроеніямъ и огорченіямъ, которыя угрожали съ его стороны.

Типичнымъ примѣромъ было ограниченіе нѣмецкаго преподаванія въ народной школѣ. Это ограниченіе было, съ педагогической точки зрѣнія, не совсѣмъ неправильно, и самые видные школьные дѣятели, даже друзья нѣмцевъ, высказывались въ пользу его; но среди нѣмецкихъ массъ оно вызвало сильнѣйшее неудовольствіе, а споры по этому поводу въ школьномъ совѣтѣ

такъ раздражали нѣмцевъ, что увлеченіе ихъ партіей реформъ должно было ослабѣть. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что новое городское управленіе стало съ чрезвычайной энергіей проводить въ жизнь ненавистныя нѣмецкимъ массамъ въ Нью-Іоркѣ постановленія о воскресномъ отдыхѣ. И здѣсь мэръ былъ безспорно правъ. Онъ дѣйствовалъ согласно закону, но двумя годами ранѣе, когда ему надо было привлечь на свою сторону нѣмецкихъ избирателей, онъ далъ между прочимъ и нѣсколько такихъ обѣщаній, которыя затѣмъ не были выполнены. И теперь наступило время, когда нѣмецкій избиратель могъ расквитаться съ мэромъ и дать ему урокъ.

Приблизительно то же, что о нѣмцахъ, можно сказать и о другихъ кругахъ. Такъ, напримѣръ, мэръ, поставленный у власти безпартійнымъ союзомъ, во время своего управленія слишкомъ часто выражалъ на практикѣ свою личную симпатію къ республиканской партіи. Иной демократъ, готовый голосовать за безпартійнаго кандидата, если послѣдній дѣйствительно безпартіенъ, не соглашался теперь голосовать такъ, разъ этимъ оказывалась тайная поддержка республиканской партіи. Главное же—Сетъ-Лоу былъ въ общественномъ смыслѣ аристократомъ, не входившимъ въ настоящее соприкосновеніе съ массами, и какъ ни часто онъ говорилъ въ большихъ избирательныхъ собраніяхъ, онъ все же не умѣлъ ихъ наэлектризовать. Ясно чувствовалось, что онъ спускается до нихъ и говоритъ къ нимъ изъ другого міра.

На другой сторонѣ стояли люди Тамманни-Голля, за которыми, по крайней мѣрѣ, одно качество безусловно должно быть признано: они знаютъ толпу и понимаютъ ея потребности; они вышли изъ ея рядовъ, и если иной республиканецъ-карьеристъ, подражая европейскимъ образцамъ, бываетъ угодливъ по отношенію къ высшимъ и грубъ по отношенію къ низшимъ, то объ этихъ людяхъ можно сказать обратное: они, пожалуй, грубы по отношенію къ высшимъ, т. е. оскорбляютъ нервы болѣе образованныхъ людей, но они угодливы по отношенію къ низшимъ, — они подчиняются желаніямъ толпы. Главное же, они—истинные друзья этой толпы, они искренно ей преданы и умѣютъ ей помочь. Кромѣ того, надо замѣтить, что именно массамъ приходится и при самомъ лучшемъ управленіи гораздо больше терпѣть, чѣмъ при безчестномъ, которое предоставляетъ каждому дѣлать, что угодно. Масса рѣшительно не замѣчаетъ, что благодаря проведенію строгихъ санитарныхъ мѣръ процентъ смертности уменьшается, несчастные случаи становятся рѣже, состояніе школъ улучшается; но она испытываетъ очень опредѣленныя чувства, когда приходится на всѣ эти улучшенія вносить новые налоги, устраивать въ домахъ

новыя лѣстницы, оплачивать проложеніе новыхъ канализаціонныхъ трубъ, устраивать въ противопожарныхъ цѣляхъ новые выходы, оставлять ветхіе дома, не торговать въ разносъ безъ надлежащаго разрѣшенія, не сваливать отбросовъ прямо на улицу. Словомъ, она чувствуетъ, что въ мелочахъ ей наносится ущербъ новыми расходами и запрещеніями, и совершенно не интересуется тѣмъ, что въ общемъ ей этимъ самымъ приносится неизмѣримо больше пользы. Когда же наступаетъ день расплаты и начинается избирательная борьба, когда сторонники реформъ произносятъ академическія рѣчи о преимуществахъ управленія, преслѣдующаго только интересы самаго дѣла,—люди изъ народа вызываютъ восторгъ толпы обѣщаніями, что всѣ тягостныя ограниченія будутъ устранены, и удивительно ли, что при такихъ условіяхъ на ближайшіе два года въ ратушѣ не оказывается мѣста для Сетъ-Лоу, и что бразды правленія переходятъ къ Макъ Клеллану, который, впрочемъ, самъ является элегантнымъ, тонко образованнымъ политическимъ дѣятелемъ.

Такимъ образомъ, эта перемѣна нисколько не означаетъ побѣды порока и безчестности. Черезъ два года побѣду, вѣроятно, снова одержатъ сторонники реформъ—именно потому, что при всякомъ управленіи совершаются ошибки и этимъ вызывается вражда. Но что общественное мнѣніе, домогающееся реформъ, побѣдило и здѣсь, несмотря на пораженіе оффиціальныхъ представителей реформаторскаго движенія,—это никѣмъ не можетъ оспариваться. Появленіе такихъ людей, какъ бывшій начальникъ полиціи Девери, на будущее время сдѣлано невозможнымъ. Общественное мнѣніе заботится о томъ, чтобы даже при столкновеніяхъ обѣихъ партій борьба носила все менѣе низменный характеръ, и нынѣшній Тамманни-Голль, если сравнить его съ Тамманни-Голлемъ прежнихъ лѣтъ, является самымъ лучшимъ показателемъ побѣдъ, одержанныхъ въ области реформы гражданской службы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вопросы внѣшней политики.

Отношеніе американца къ внѣшней политикѣ трудно объяснить какой нибудь одной душевною чертою. Даже тотъ, кто ищетъ какой нибудь простой формулы, долженъ былъ бы признать въ ней извѣстную раздвоенность настроенія,—раздвоенность, которую мы всюду встрѣчаемъ въ американскомъ народ-

номъ характерѣ, и которая, вѣроятно, въ конечномъ счетѣ объясняется тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ народомъ, создавшимъ совершенно новую культуру и въ то же время принявшимъ за основу всю культуру прежнихъ вѣковъ.

Когда мы будемъ говорить о духовной жизни американскаго народа, намъ всюду придется видѣть въ немъ удивительное сочетаніе свѣжести и въ то же время зрѣлости. Американскій народъ отличается большею свѣжестью, молодостью и непосредственностью, чѣмъ другіе зрѣлые народы, и большею зрѣлостью, болѣе установившимся характеромъ, чѣмъ другіе отличающіеся свѣжестью народы. Точно такъ же и здѣсь надо сказать, что въ темпераментѣ американца по отношенію къ внѣшней политикѣ сочетается чрезвычайно много миролюбія и стремленія къ борьбѣ. Миролюбіе у американскаго народа болѣе глубоко, болѣе искренно и честно, чѣмъ, быть можетъ, у всѣхъ другихъ народовъ, но къ этому миролюбію примѣшивается съ другой стороны юношеское сознаніе своей силы, стремленіе къ борьбѣ и, пожалуй, даже задоръ въ такой энергической и вызывающей формѣ, какая почти не встрѣчается ни у одного изъ остальныхъ народовъ. Что здѣсь какъ будто есть нѣкоторое противорѣчіе, этого мы не станемъ отрицать; но это противорѣчіе надо принимать какъ обусловленный историческими условіями характерный признакъ національнаго темперамента американцевъ. И противорѣчія этого нельзя разрѣшить предположеніемъ, будто оба отмѣченныхъ настроенія присущи различнымъ группамъ населенія, будто напримѣръ, одна изъ обѣихъ партій отличается воинственностью, другая миролюбіемъ, или будто агрессивныя склонности распространены среди легко возбуждающихся массъ, а склонность къ миру среди болѣе разумныхъ вождей народа, или, наоборотъ, будто массы желаютъ мирно заниматься своимъ дѣломъ, отдѣльные же честолюбивые вожди возбуждаютъ ее къ нападеніямъ.

Но въ дѣйствительности обо всемъ этомъ нѣтъ и рѣчи. Если въ настоящее время одна партія, напримѣръ, болѣе привержена къ имперіализму, чѣмъ другая, то это основывается по преимуществу на соображеніяхъ партійной тактики; политика, успѣшно проводимая одной партіей, въ избирательной борьбѣ должна сдѣлаться объектомъ нападеній для противной партіи. Не можетъ быть рѣчи также о противоположности массъ и верховъ. Разумѣется, и по поводу данныхъ вопросовъ личные взгляды очень разнообразны. У однихъ воинственное настроеніе сильнѣе, чѣмъ у другихъ, а стремленіе къ расширенію американскихъ владѣній, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно проявляется въ новѣйшее время, безспорно встрѣчаетъ рѣзкое осужденіе въ представителяхъ всѣхъ партій и всѣхъ профессій.

Но самымъ характернымъ остается все же, что именно тѣ группы, у которыхъ наиболѣе сильно обнаруживается воинственный пылъ,—что именно эти группы особенно усердно стараются о сохраненіи мира. Президентъ Рузвельтъ является самымъ яркимъ образцомъ того, какъ въ душѣ одного человѣка сочетаются оба эти противоположныхъ настроенія.

Дѣйствительно, всякое движеніе въ пользу мира, всякая интернаціональная попытка разъ навсегда устранить ужасы войны постоянно находили самыхъ ревностныхъ и даже самыхъ воодушевленныхъ приверженцевъ въ Новомъ Свѣтѣ, и если гдѣ либо все-таки возгоралась война между двумя народами, то симпатіи американцевъ всегда были на сторонѣ слабѣйшаго. Какъ бы ни ставился вопросъ права, вызвавшій войну,—уже одинъ фактъ, что для разрѣшенія его прибѣгли къ оружію, дѣлаетъ въ глазахъ американца болѣе сильную сторону неправой.

Въ мирной работѣ окрѣпла американская нація, ея главная сила заключалась въ мирной торговлѣ и промышленности; многіе изъ лучшихъ ея представителей переселились за океанъ для того, чтобы уйти отъ милитаризма воинственной Европы, и освященная традиціей политика основателей республики прежде всего состояла въ томъ, чтобы избѣгать столкновеній съ Европой, которая ищетъ раздоровъ. Въ теченіе короткаго періода своего существованія Соединенные Штаты сорокъ девять разъ разрѣшали международные конфликты съ помощью мирнаго третейскаго разбирательства, и нерѣдко при этомъ дѣло шло о чрезвычайно важныхъ вопросахъ. Болѣе чѣмъ въ половинѣ всѣхъ случаевъ интернаціональнаго третейскаго разбирательства, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, Америка являлась одною изъ тяжущихся сторонъ. Она же играла наиболѣе активную роль и на Гаагской конференціи. Когда работы этой конференціи грозили остановиться изъ-за сопротивленія различныхъ европейскихъ націй, американское правительство отправило своихъ посланныхъ въ главный центръ сопротивленія и добилось того, что и другіе стали слѣдовать его миролюбивому направленію.

Кажется чѣмъ-то, почти само собою разумѣющимся, что дворецъ для международнаго третейскаго суда въ Гаагѣ строится на милліоны, пожертвованые американцемъ. Пусть европейскіе народы стонутъ подъ бременемъ своихъ колоссальныхъ постоянныхъ армій, пусть они продолжаютъ истекать кровью въ своихъ войнахъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ и династическихъ интересовъ, — счастливой Америкѣ все это незнакомо: ея гордость заключается въ свободѣ гражданъ, ея битвы ведутся съ помощью избирательныхъ бюллетеней. Династіи и ре-

лигіозныя войны въ Новомъ Свѣтѣ неизвѣстны; сосѣдями здѣсь являются только океаны съ востока и запада и добрые друзья съ сѣвера и юга. Впереди еще безконечная культурная работа,— и такимъ образомъ все способствуетъ тому, чтобы подъ охраною американской конституціи весь Новый Свѣтъ служилъ великимъ убѣжищемъ для идей мира. Америка есть хранительница мира на земномъ шарѣ, и только отъ роста этого народа, избраннаго Богомъ для примѣра другимъ, будетъ зависѣть, одержитъ ли идея мира, наконецъ, и во всѣхъ остальныхъ частяхъ свѣта побѣду надъ безнравственнымъ способомъ — разрѣшать споры посредствомъ простой внѣшней силы.

Все это не представляетъ собою программы какой нибудь партіи или группы, это—вѣра, которую исповѣдуетъ всякій американецъ. Для американца здѣсь нѣтъ никакого вопроса, такъ какъ никто противъ всего этого не споритъ. Всѣ эти взгляды настолько проникли въ народное сознаніе американцевъ, что даютъ всей націи чувство нравственной высоты. Это не есть пафосъ торжественныхъ рѣчей, это — убѣжденіе, съ которымъ растетъ всякій школьникъ, съ которымъ всякій крестьянинъ за плугомъ, всякій рабочій у машины, всякій купецъ за конторкою, всякій президентъ за своимъ столомъ дѣлаетъ свою работу. Убѣжденіе это настолько честно, что оно всегда заражало другихъ, и Европа почти привыкла смотрѣть на заокеанскую республику, какъ на самую вѣрную хранительницу идеи мира. Она и была, дѣйствительно, такой хранительницею, она играетъ эту роль и теперь, она сохранитъ ее и въ будущемъ; непонятно только то, что она играла, играетъ и будетъ играть эту роль, хотя сама постоянно вела войны, возникла изъ вооруженнаго столкновенія, разрѣшала свои крупнѣйшіе вопросы съ помощью оружія, росла благодаря войнамъ, непрерывно угрожала войною, почти играла объявленіемъ войны, въ настоящее время ведетъ войну и, повидимому, никогда не кончитъ всѣхъ своихъ войнъ.

Разумѣется, война съ Испаніей ясно показала постороннимъ зрителямъ оборотную сторону медали, и многіе тотчасъ же составили себѣ ложное представленіе, будто знаменитое миролюбіе американцевъ всегда было однимъ только ханжествомъ или, по крайней мѣрѣ, будто въ управленіе Макъ Кинли Новый Свѣтъ былъ охваченъ совершенно новымъ духомъ. А между тѣмъ и предшественникъ Макъ Кинли, Клевелендъ, во время пограничныхъ споровъ Англіи съ Венецуэлой такъ усиленно бряцалъ оружіемъ, что война казалась неизбѣжной, и если она все же не была вызвана посланіемъ президента и агрессивными наклонностями націи, то объясняется это совсѣмъ не миролюбіемъ Америки, а тѣмъ, что Англія тогда уже пред-

видѣла наступленіе трансваальскихъ затрудненій. И послѣ Мак'ъ Кинли уже много времени въ Бѣломъ домѣ живетъ другой, а война все еще не окончена, — потому что, какъ бы ни называлась на оффиціальномъ языкѣ борьба на Филиппинахъ, сколько бы ни указывалось на то, что тамъ никогда не было объявлено войны,—фактически это все же война.

Здѣсь мы, дѣйствительно, наталкиваемся на сложный политическій вопросъ. Что Америка должна служить дѣлу мира, сказали мы, это не составляетъ вопроса: съ этимъ всѣ согласны. Что Америка должна положить конецъ дурному управленію испанцевъ на Кубѣ, это, по крайней мѣрѣ для подавляющаго большинства народа, было глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ. Но къ борьбѣ на Филиппинахъ все это непримѣнимо,— въ настоящее время еще менѣе, чѣмъ немного времени тому назадъ. Энтузіасты—сторонники войны исчезли, массы сдѣлались равнодушны, политическіе же дѣятели ведутъ борьбу, и такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о такихъ мотивахъ, которые, повидимому, не могутъ уже быть уничтожены, которые способны ежеминутно вызвать во всемъ народѣ сильнѣйшее возбужденіе и сдѣлаться центромъ всей политической борьбы, то стоитъ, пожалуй, освѣтить нѣсколько полнѣе эти противорѣчія.

Имперіалисты говорятъ, что все происшедшее въ Великомъ океанѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ историческимъ традиціямъ страны. Расширеніе территоріи, по ихъ словамъ, всегда было основнымъ мотивомъ Соединенныхъ Штатовъ; вся исторія показываетъ, что съ того дня, когда образовался Союзъ, нація непрерывно расширяла свои владѣнія. За колоссальнымъ увеличеніемъ земельной площади, совершившимся благодаря покупкѣ Луизіаны, вскорѣ послѣдовало присоединеніе Флориды, а затѣмъ и необъятной области Техаса. Во время войны съ Мексикою были пріобрѣтены обширныя пространства отъ границы Техаса до Калифорніи. Присвоена была и Аляска. Въ теченіе одного столѣтія изъ узкой полосы земли, принадлежавшей первымъ тринадцати штатамъ, образовалось огромное государство. Такимъ образомъ, не остается ли народъ вѣренъ своимъ традиціямъ, если онъ переходитъ за океанъ и водружаетъ въ Азіи свой флагъ изъ звѣздъ и полосъ?

Анти-имперіалисты возражаютъ: наоборотъ, народъ отказывается отъ своей честной исторіи и попираетъ ногами все, что въ теченіе почетнаго столѣтія было для него святыней. Ибо если существовалъ какой нибудь основной принципъ, которымъ руководствовались Соединенные Штаты во всѣхъ запутанныхъ обстоятельствахъ, то этимъ принципомъ была искренняя вѣра въ право народовъ на самоопредѣленіе. Никогда Соединенные Штаты не пріобрѣли клочка земли—путемъ ли завоеванія или

обмѣна, не считаясь съ національнымъ желаніемъ населенія. Гдѣ существовали только разбросанныя поселенія отдѣльныхъ колонистовъ, тамъ, конечно, не могло быть рѣчи о національномъ желаніи; тамъ не было народа и не могло возникать вопроса о національномъ самоопредѣленіи. Ни область Луизіаны, ни Калифорнія, ни Аляска не были населены какимъ либо народомъ, а Техасъ согласно собственному свободному рѣшенію отдѣлился отъ Мексики. Филиппины же населены десятимилліоннымъ народомъ, который имѣетъ ясно выраженный національный характеръ и опредѣленныя желанія, — и впервые въ міровой исторіи Соединенные Штаты злоупотребляютъ своей силою для того, чтобы подавить волю другого народа и навязать ему, поверженному въ прахъ, свою собственную волю.

Имперіалисты оправдываются: менѣе всего намѣрены мы нарушать право самоопредѣленія,—право, изъ котораго выросло все великое въ исторіи нашей націи; но было бы низкимъ и недостойнымъ пониманіемъ права самоопредѣленія, если бы на него смотрѣть какъ на нѣчто внѣшнее, какъ на подарокъ случая, который принадлежитъ всякому, даже несовершеннолѣтнему и неспособному, и которымъ всякій можетъ злоупотреблять по своему усмотрѣнію. Право на самоопредѣленіе надо заслужить; оно представляетъ собою высшее достояніе культурной націи, которая добилась его трудомъ и внутренней дисциплиною. Американцы основываютъ свое право самоопредѣленія на культурной работѣ тридцати поколѣній; филиппинцы же требуютъ еще долгаго воспитанія, чтобы достигнуть этой высоты. Антиимперіалисты возражаютъ: развѣ вы воспитываете, когда разстрѣливаете, какъ мятежниковъ, племена, домогающіяся свободы? Развѣ вы приносите имъ помощь, когда съ помощью солдатъ устанавливаете надъ ними верховную власть?

И снова говорятъ имперіалисты: мы показали на примѣрѣ Кубы достаточно убѣдительно, какъ серьезно мы понимаемъ свои нравственныя обязательства по отношенію къ слабѣйшимъ народамъ. Когда мы вооруженною силою сломили могущество Испаніи въ Америкѣ и крѣпко держали Кубу въ своихъ рукахъ, вся Европа была убѣждена, что мы никогда не выпустимъ ея и что война окончится обыкновеннымъ присоединеніемъ богатаго острова къ нашимъ владѣніямъ, — словомъ, что мы будемъ вести политику по европейскому образцу. Мы же показали міру, что Америка не ради выгоды посылаетъ своихъ сыновъ на поле битвы, а только ради нравственныхъ идей. Какъ отъ побѣжденныхъ испанцевъ мы не потребовали никакого военнаго вознагражденія, такъ и для Кубы мы приносили только безкорыстныя жертвы. Съ неутомимою энергіей мы

улучшили санитарное состояніе и школьное дѣло въ странѣ, оживили торговлю, пробудили опустошенный испанскими порядками островъ къ новой жизни, и когда работа была окончена, мы возвратили ему свободу и право на самоопредѣленіе. Точно такія же нравственныя обязательства связываютъ насъ и съ Филиппинами. Мы не искали ихъ. Когда начиналась война, ни одинъ американецъ не предвидѣлъ, что тропическое островное государство, лежащее за десять тысячъ миль отъ насъ, попадетъ въ наши руки; но разъ теченіе войны привело къ этому, слѣдовало ли намъ уклониться отъ своей обязанности? Слѣдовало ли намъ снова отдать повстанческое населеніе Филиппинъ въ жертву испанскимъ порядкамъ и испанской жестокости, или мы должны были, вытѣснивъ испанцевъ, предоставить дикія племена острововъ ихъ собственной анархіи и такимъ образомъ вызвать борьбу, въ которой погибли бы всѣ зачатки культуры? Не было ли нашей обязанностью защитить тѣхъ, кто держалъ нашу сторону, отъ мести враговъ и прежде всего во всякомъ случаѣ возстановить порядокъ и спокойствіе? Но противники возражаютъ: «Да, спокойствіе кладбища». Если политика Америки дѣйствительно была вполнѣ безкорыстна, то слѣдовало съ самаго начала все готовить къ тому, чтобы поступить съ Филиппинами такъ же, какъ поступили съ Кубою. Вмѣсто того, чтобы усмирять филиппинцевъ, надо было тотчасъ же начать дѣйствовать сообща съ Агвинальдо и ввести не военное, а гражданское управленіе; вѣдь на этотъ счетъ никто не обманывается, и всѣ понимаютъ, что ваше прославленное гражданское управленіе на Филиппинахъ служитъ только вывѣскою для успокоенія сантиментальныхъ людей въ штатахъ Новой Англіи; всѣ понимаютъ, что въ сущности тамъ господствуетъ войско, и что мелкіе успѣхи добросовѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ только отвлекаютъ вниманіе отъ непрерывныхъ вооруженныхъ столкновеній. Вы думали не о Филиппинахъ, а о Соединенныхъ Штатахъ.

Имперіалисты говорятъ: если мы, проникнутые патріотическимъ духомъ, думаемъ о своемъ отечествѣ, то въ этомъ нѣтъ никакого стыда. Честь націи дѣйствительно требовала, чтобы мы въ данное время остались на Филиппинахъ и не спускали трусливо того флага, который такъ торжественно тамъ подняли; мы не могли обратиться въ бѣгство передъ нѣсколькими мятежными племенами. Но противники возражаютъ: вы не честь націи тамъ охраняли, а добивались позора для націи. Честь Америки заключалась въ нравственной чистотѣ ея арміи, честь Америки заключалась въ томъ, что ея войско никогда не теряло уваженія къ противнику и съ негодованіемъ отвергало всякую безполезную жестокость. На Филиппинахъ же Америк

получила новый урокъ, потому что все произошло такъ, какъ должно было произойти и какъ предвидѣли благоразумные люди. Если нація, привыкшая къ умѣренному климату, отправляется подъ тропики, чтобы вести войну съ дикими племенами, воспитанными въ жестокости и жаждѣ мести, то нравы должны огрубѣть, инстинкты должны сдѣлаться разнузданными и въ концѣ-концовъ въ человѣкѣ должны получить господство самыя низкія стороны его натуры. Американскія войска научились тамъ, къ стыду своему, побѣждать посредствомъ коварныхъ пріемовъ, быть мстительными и жестокими и платить пытками за пытки.

На это имперіалисты говорятъ: дѣло совсѣмъ не въ одномъ только войскѣ, которое отправилось подъ тропики; дѣло касается всего американскаго народа, который вмѣстѣ съ заботою объ этихъ островахъ принялъ на себя новыя обязательства, который долженъ испытать свои силы на новыхъ задачахъ—не только военныхъ, но прежде всего на политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ. И народъ долженъ расти по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ ставятся все болѣе высокія цѣли. Юношескій возрастъ американской націи уже миновалъ, наступилъ періодъ зрѣлости, когда приходится брать на себя новую отвѣтственность за обширныя и опасныя предпріятія. Антиимперіалисты возражаютъ: нельзя, конечно, видѣть нравственный ростъ въ томъ, что нація отрекается отъ принциповъ, служащихъ источникомъ ея нравственной силы. Если Америка перестаетъ вѣрить въ свободу народовъ, если она ведетъ войны съ завоевательными цѣлями, то это значитъ, что она пожертвовала нравственностью ради выгоды, что въ ней совершается уже не внутренній ростъ, а начинается внутреннее разложеніе. Но можно ли отрицать, говорятъ имперіалисты, по крайней мѣрѣ нашъ внѣшній ростъ? Можно ли отрицать, что уваженіе къ намъ среди другихъ народовъ непрерывно увеличивается благодаря нашему военному развитію, что мы сдѣлались могучимъ факторомъ въ дѣлахъ всего міра, и не показываетъ ли именно наша филиппинская политика, что даже самыя отдаленныя области земного шара доступны для нашей морской силы и что въ будущемъ Америкѣ всюду предстоитъ сказать и свое слово? Наоборотъ, отвѣчаютъ противники, положеніе нашей націи было сильно до тѣхъ поръ, пока мы, основываясь на доктринѣ Монроэ, могли охранять весь американскій материкъ отъ всякаго вмѣшательства со стороны Европы, а доктрина Монроэ, въ свою очередь, основывается на томъ, что мы принимали право народовъ на самоопредѣленіе за высшій принципъ международной политики; если же мы сами начинаемъ вести завоевательную политику и присвоиваемъ себѣ право по-

рабощать низшія народности потому, что наше войско болѣе сильно, то наша доктрина Монроэ получаетъ характеръ пустой фразы или даже дерзкаго притязанія. Мы поступаемъ точно такъ же, какъ другіе, мы не можемъ помѣшать другимъ дѣйствовать такъ, какъ мы, а съ этимъ исчезаетъ вся наша сила и увѣренность. Мы должны будемъ переходить отъ одной войны къ другой, военное же счастье всегда измѣнчиво.

Тогда имперіалисты уже нѣсколько скромнѣе прибавляютъ: Новые острова принесутъ пользу и всей нашей торговлѣ; овладѣніе ими знаменуетъ начало такой экономической политики, которая отдастъ весь Тихій океанъ въ руки американскаго купца. Кто въ состояніи предвидѣть, какого колоссальнаго развитія могутъ достигнуть эти неиспользованныя области при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ? Въ 1803 году, когда конгрессу предстояло купить у Франціи обширныя территоріи Луизіаны, въ мелочныхъ возраженіяхъ также не было недостатка. И тогда анти-имперіалисты и доктринеры ворчали, что деньги выбрасываются напрасно, что страна никогда не будетъ заселена. А спустя сто лѣтъ весь міръ принялъ участіе въ всемірной выставкѣ, устроенной въ С. Луи въ память пріобрѣтенія Луизіаны, — пріобрѣтенія, которое дало странѣ такой огромный прогрессъ, и богатство, и культурный подъемъ. Америка предназначена быть владычицею Тихаго океана, и какъ только перешеекъ будетъ прорытъ, экономическое значеніе Филиппинъ начнетъ обнаруживаться съ каждымъ днемъ яснѣе. Но антиимперіалисты отвергаютъ и этотъ доводъ: экономическій итогъ всей этой борьбы съ Испаніей, говорятъ они, въ настоящее время сводится къ тому, что на военныя издержки безполезно израсходовано свыше шестисотъ милліоновъ долларовъ и погублено съ американской стороны десять тысячъ цвѣтущихъ человѣческихъ жизней, выгоды же до сихъ поръ ни малѣйшей не предвидится. Здѣсь имперіалисты снова замѣчаютъ: существуютъ и выгоды иного рода: война — это школа. Самое лучшее, что можетъ пріобрѣсти нація,—не богатство, а сила. При долгомъ мирѣ народъ становится дряблымъ и слабымъ, а при огромномъ благостояніи Америки приходится особенно опасаться разслабляющаго дѣйствія роскоши. Въ суровой школѣ войны закаляются нервы націи и укрѣпляются ея мышцы. Но противники возражаютъ: наша культура постоянно требуетъ въ самыхъ различныхъ сферахъ болѣе героическихъ поступковъ, чѣмъ военные подвиги, и для того, чтобы укрѣплять нравственную смѣлость, чтобы побуждать всѣ силы къ проявленію наибольшей энергіи, американская мирная культура болѣе пригодна, чѣмъ современная война, въ которой все сводится теперь, въ сущности, къ вопросу о денежныхъ средствахъ и

техникѣ. Если намъ что необходимо, такъ это серьезная нравственная добродѣтель республиканцевъ. Игра же въ великія державы и случайности войны разрушаютъ нашу демократію, возбуждая не-американскія, самодержавныя наклонности. Война укрѣпляетъ слѣпую вѣру въ диктаторское чувство и тѣмъ самымъ ослабляетъ чувство самостоятельности и сознаніе отвѣтственности въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, а именно вмѣстѣ съ этимъ разрушается и подлинная нервная сила нашей націи. Истинный патріотизмъ, который должна усвоить наша молодежь, обнаруживается не въ громкихъ шовинистскихъ крикахъ, а въ молчаливой преданности завѣту нашихъ отцовъ, выраженному въ декларації независимости.

Такъ идетъ борьба мнѣній, и такъ она будетъ итти дальше. Но надо опять-таки подчеркнуть, что и большинство, стоящее теперь на сторонѣ имперіалистовъ, горячо вѣритъ въ успѣхъ интернаціональныхъ движеній въ пользу мира и по мѣрѣ силъ, безъ какихъ бы то ни было безчестныхъ расчетовъ, поддерживаетъ идею третейскаго суда. Исторія Кубы служитъ самымъ достойнымъ доказательствомъ мирныхъ стремленій, которыми проникнута господствующая партія. Надо удивляться тому, что сдѣлано тамъ за время управленія Вуда для оздоровленія зараженной желтою лихорадкою страны, для воспитанія и школьнаго обученія дѣтей и взрослыхъ, для упорядоченія суда среди захудалаго населенія. А затѣмъ какъ просто, и спокойно была признана новая республика, и населенію ея, которое поневолѣ становилось покупателями американскихъ товаровъ, путемъ спеціальныхъ договоровъ были предоставлены значительныя таможенныя льготы. Все это составляетъ почетную страницу въ американской исторіи; и все это сдѣлано по иниціативѣ тѣхъ самыхъ людей, чью политику по отношенію къ Филиппинамъ нѣкоторые сенаторы рѣшились заклеймить названіемъ «наполеоновской». Въ конечномъ счетѣ мы можемъ только повторить: въ характерѣ американца почти непостижимымъ образомъ сочетаются справедливость и высокомѣріе, добросовѣстность и легкомысліе, миролюбіе и склонность къ нападенію.

Экспансивная политика въ послѣднемъ своемъ фазисѣ была направлена на югъ: Америка взяла на себя контроль надъ Панамой. Правда, съ конституціонной точки зрѣнія дѣло носитъ нѣсколько иной характеръ. Панама принадлежала республикѣ Колумбіи, и когда опереточное правительство этой республики, надѣясь добиться въ Вашингтонѣ болѣе выгодныхъ для себя условій, отказалось принять договоръ, которымъ права на сооруженіе Панамскаго канала предоставлялись Соединеннымъ Штатамъ, то въ самой Панамѣ терпѣвшей отъ этого ущербъ, вспыхнула революція. Панама отдѣлилась въ качествѣ самост...

тельнаго государства, Соединенные Штаты признали ея правительство и заключили договоръ о постройкѣ канала уже съ этимъ правительствомъ, а не съ республикой Колумбіей. Фактически все это, собственно, надо разсматривать какъ проявленіе экспансивной имперіалистической политики. Дѣло не въ томъ, побуждало ли само американское правительство къ отпаденію. Открыто оно, конечно, этого не дѣлало, но само собою очевидно и то, что небольшая кучка панамцевъ не могла бы питать никакой надежды на безнаказанное отдѣленіе отъ Колумбіи, если бы она не была увѣрена въ американскомъ покровительствѣ и если бы твердо не разсчитывала, что Соединенные Штаты окажутъ на Колумбію воздѣйствіе своимъ угрожающимъ положеніемъ. И такимъ образомъ маленькая республика была признана такъ быстро, какъ только допускаютъ телеграфныя сношенія; договоръ былъ подписанъ еще прежде, чѣмъ Панама какъ слѣдуетъ поняла свое новое положеніе въ качествѣ самостоятельнаго государства, а попытка Колумбіи снова подчинить себѣ возставшую область была подавлена могучимъ сосѣдомъ, который пустилъ для этого въ ходъ всѣ свои средства.

Имперіалистамъ не слѣдовало бы отрицать, что этимъ фактомъ они установили совершенно новые принципы международной политики; имъ не слѣдовало бы ссылаться и на то, что и раньше они охотно соглашались признавать новыя правительства. Никогда еще никакое возстаніе не было санкціонировано Америкой, покуда существовало старое правительство, а новое могло оказаться сильнѣе стараго только благодаря вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ. Надо признать, что здѣсь имперіалистами создано нѣчто новое точно такъ же, какъ и при покореніи Филиппинъ; но не слѣдуетъ быть чрезмѣрными доктринерами и осуждать новое только потому, что оно ново. Расширеніе американскаго вліянія есть продуктъ исторической необходимости; силы, сдѣлавшія государство великимъ, продолжаютъ дѣйствовать въ теченіе всей его исторіи. Америка должна продолжать расширяться, и если нынѣшняя міровая держава, по необходимости, расширяется иными способами, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ расширялся въ пустой части свѣта маленькій союзъ нѣсколькихъ штатовъ, то въ двадцатомъ столѣтіи это расширеніе опять-таки должно принять иныя формы, чѣмъ въ девятнадцатомъ. Самое же расширеніе не можетъ остановиться, и простыми ссылками на декларацію независимости и на традиціи прошлаго съ его болѣе скромными и мелкими задачами здѣсь ничего нельзя измѣнить. Борьба, которую ведутъ анти-имперіалисты, вполнѣ законна, поскольку она ведется противъ такихъ отрицательныхъ сторонъ политики расширенія, какія обнаружились именно на

Филиппинахъ; борьба эта еще болѣе законна, когда ведущіе ее возстаютъ противъ того, что изъ-за территоріальнаго расширенія забываются нравственные принципы республики, а благодаря опьяненію властью наносится ущербъ болѣе глубокому чувству; но борьба становится безнадежной, если она ведется съ цѣлью пріостановить самое расширеніе. Пути Соединенныхъ Штатовъ предначертаны.

Не требуется особеннаго дара пророчества для того, чтобы предвидѣть, что въ ближайшемъ будущемъ расширеніе будетъ происходить по направленію къ сѣверу. Подобно тому, какъ панамскія событія довольно ясно можно было предвидѣть приблизительно за полгода до ихъ наступленія, такъ и теперь уже нельзя отвергать предположенія, что спустя не особенно много времени звѣздный флагъ будетъ развѣваться въ сѣверо-западной части Канады, и что Соединенные Штаты и тамъ не будутъ склонны снова спустить его.

Въ Бостонѣ есть газета, которая ежедневно на первомъ мѣстѣ печатаетъ крупнымъ шрифтомъ заявленіе, что важнѣйшая задача Соединенныхъ Штатовъ заключается въ томъ, чтобы позаботиться о политическомъ присоединеніи Канады. Съ другой стороны раздаются голоса, что для Соединенныхъ Штатовъ было бы самымъ большимъ несчастіемъ, если бы имъ была подарена эта огромная слабо населенная территорія. По ту сторону границы можно встрѣтить такія же противоположныя мнѣнія. По словамъ однихъ—канадцы рады тому, что они избавлены отъ американскихъ вопросовъ, отъ американской городской политики, отъ американскаго владычества партійныхъ вожаковъ, отъ американскихъ хлопотъ съ неграми и отъ американскихъ дѣлъ на Филиппинахъ; утверждающіе это въ то же время заявляютъ, что преданность канадцевъ англійской коронѣ не можетъ подвергаться никакому сомнѣнію. Другіе же открыто говорятъ о томъ, что присоединеніе къ Соединеннымъ Штатамъ должно служить единственной исторической цѣлью для Канады. Событія ближайшаго будущаго, вѣроятно, представятъ собою нѣчто среднее. Чтобы восточная Канада, съ ея древними англійскими традиціями, измѣнила своему старому отечеству,—это надо признать совершенно невѣроятнымъ. Западная же Канада находится въ иныхъ экономическихъ условіяхъ, ея исторія настолько отличается отъ исторіи восточной части страны, и въ настоящее время она настолько ближе къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Англіи, что политическую границу здѣсь еще не долго можно будетъ сохранить. Сотни тысячъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, чтобы населить пустынную сѣверо-западную часть Канады, вскорѣ подадутъ первый сигналъ, а экономическая

и политическая логика принудитъ къ отпаденію весь западъ Канады за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ участковъ. Къ Америкѣ присоединится тогда новая область, обнимающая 250 милліоновъ акровъ прекрасной земли, пригодной для посѣва пшеницы и изъ которой въ настоящее время находятся подъ обработкой всего около двухъ милліоновъ акровъ.

Канадскій вопросъ возникъ, разумѣется, не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня. Первымъ прочнымъ поселеніемъ въ Канадѣ была французская колонія, основавшаяся въ 1604 году. Французы основали въ 1608 году Квебекъ, и вдоль рѣки св. Лаврентія возникло много французскихъ поселеній. Въ 1759 году генералъ Вольфъ завоевалъ Квебекъ для Англіи, а въ слѣдующемъ году вся Канада уже находилась подъ англійскимъ владычествомъ. Переселенцы изъ Англіи и Шотландіи стали все въ большемъ количествѣ заселять верхнюю Канаду. Въ 1791 году Канада была раздѣлена на двѣ провинціи, которыя впослѣдствіи получили названія Онтаріо и Квебека, а въ 1867 году, по постановленію британскаго парламента, Онтаріо и Квебекъ вмѣстѣ съ Новымъ Брауншвейгомъ и Новою Шотландіей были соединены въ одно цѣлое. Спустя короткое время правительство новой объединенной страны пріобрѣло посредствомъ покупки обширныя территоріи, принадлежавшія обществу Гудзонова залива. Вскорѣ еще одна обширная западная область, Манитоба, была организована въ качествѣ отдѣльной провинціи. Въ 1871 году была присоединена Британская Колумбія, и въ восьмидесятыхъ годахъ огромныя пространства на западѣ были подѣлены на четыре провинціи. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ происходило много возстаній, войнъ съ индѣйцами и пограничныхъ споровъ, но между Соединенными Штатами и Канадой никогда не возникало открытой борьбы. Многочисленныя столкновенія улаживались посредствомъ договоровъ, и недавно еще лондонскій третейскій судъ постановилъ рѣшеніе по спорному вопросу, который волновалъ умы въ теченіе многихъ лѣтъ. Должна ли пограничная линія на сѣверо-западѣ быть проведена такъ, чтобы канадцы владѣли дорогою къ морю, или такъ, чтобы они принуждены были пересѣкать для этого американскія владѣнія? Согласно договорамъ, граница должна была проходить на опредѣленномъ разстояніи отъ берега. Но имѣлся ли при этомъ въ виду берегъ материка, или разстояніе должно было измѣряться отъ островныхъ группъ, расположенныхъ передъ материкомъ? Для одной части Канады этотъ вопросъ имѣлъ большое экономическое значеніе. Третейскій судъ вынесъ рѣшеніе въ пользу Америки, но этотъ судъ не составитъ почетной страницы въ американской исторіи. Было условлено назначить въ качествѣ судей выдающихся юри-

стовъ, Соединенные же Штаты послали полититическихъ дѣятелей, имѣвшихъ предвзятыя мнѣнія. Это оставило у Канады горькій осадокъ, и въ настоящее время настроеніе ея не дружественно, но великій экономическій процессъ, дѣлающій необходимымъ присоединеніе къ Америкѣ, не будетъ задержанъ этимъ мелкимъ чувствомъ неудовольствія.

Гораздо большимъ препятствіемъ для присоединенія служатъ дружественныя отношенія между Соединенными Штатами и Англіей. Въ тѣ времена, когда отношенія между этими двумя государствами были явно враждебными, иногда казалось неизбѣжнымъ, что Америка воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отнять у Англіи ея канадскія владѣнія. Еще до отпаденія штатовъ прилагались старанія къ тому, чтобы вызвать революцію и въ сѣверныхъ провинціяхъ, а когда затѣмъ былъ основанъ Союзъ, то казалось вполнѣ естественнымъ, что къ нему должно примкнуть все населеніе американскаго материка, говорящее по-англійски. Конечно, не дружбой къ Англіи объясняется тотъ фактъ, что юная страна стала расширяться въ южномъ, а не въ сѣверномъ направленіи. Это объясняется вліяніемъ южныхъ штатовъ, которые рады были всякому пріобрѣтенію на югѣ, такъ какъ благодаря этому расширялась область рабовладѣнія и, слѣдовательно, могло увеличиваться число рабовладѣльческихъ штатовъ, посылающихъ представителей въ конгрессъ; а такимъ образомъ рабовладѣніе получало большую защиту противъ оппозиціи сѣверныхъ штатовъ. Англія въ теченіе цѣлаго столѣтія была вѣчнымъ врагомъ, и всякій школьникъ черпалъ изъ своихъ учебниковъ исторіи озлобленіе и ненависть къ ней. Но за послѣдніе годы это отношеніе рѣшительно измѣнилось благодаря симпатіи, обнаруженной англичанами къ Америкѣ во время испанской войны, и благодаря дальновидной уступчивости, которую Англія проявила во многихъ мелкихъ спорныхъ вопросахъ. Въ настоящее время готовится уже учрежденіе особаго третейскаго суда для англо-американскихъ недоразумѣній, и народное чувство въ Америкѣ, безспорно, постаралось бы теперь избѣжать всего, что можетъ напрасно раздражить Англію; поэтому и политическіе дѣятели, конечно, не рѣшились бы на такой рискованный шагъ, какимъ представляется присоединеніе Канады. Поэтому же канадскій вопросъ не фигурируетъ ни въ одной изъ партійныхъ программъ, но здѣсь, вѣроятно, играетъ нѣкоторую роль и другое обстоятельство,—именно, что ни одна партія не увѣрена въ томъ, какая сторона въ случаѣ присоединенія оказалась бы въ выигрышѣ, т. е. нашлось ли бы среди десятимилліоннаго населенія Канады больше республиканцевъ или демократовъ. Такимъ образомъ, вопросъ о Канадѣ не служитъ предметомъ

обсужденія въ партіяхъ. Но для общественнаго мнѣнія вопросъ этотъ принимаетъ все большіе размѣры, и хотя конгрессъ никогда не рѣшится искусственно вызвать отпаденіе Канады, хотя онъ постарается всѣми силами предотвратить столкновеніе съ Англіей,—разъ движеніе въ пользу присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ будетъ начато американскими крестьянами и золотоискателями въ сѣверо-западной Канадѣ, настроеніе поразительно быстро измѣнится, и тогда будутъ очень слабо звучать резолюціи, принимаемыя сенаторами въ Вашингтонѣ и выражающія дружественныя чувства къ Англіи.

Самой естественною потребностью, повидимому сознаваемою въ широкихъ кругахъ, является потребность въ пониженіи съ обѣихъ сторонъ таможенныхъ ставокъ. Обѣ страны силою вещей являются другъ для друга самыми лучшими покупателями, и въ то же время каждая изъ нихъ затрудняетъ другой ввозъ ея продуктовъ. Американскіе промышленники затратили уже свыше ста милліоновъ долларовъ на устройство отдѣленій своихъ фабрикъ въ Канадѣ для того, чтобы избѣжать уплаты пошлинъ, а промышленность Новой Англіи оказалась бы въ огромномъ выигрышѣ, если бы канадскій уголь могъ безпошлинно ввозиться въ порты Атлантическаго океана. Но главнымъ образомъ терпѣть приходится на Канадѣ. Въ 1854 году былъ заключенъ договоръ, который обезпечивалъ всѣмъ естественнымъ продуктамъ Канады свободный доступъ на рынки Соединенныхъ Штатовъ, и за двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ договоръ этотъ сохранялъ свою силу, вывозъ Канады увеличился въ четыре раза. Затѣмъ, однако, были введены американскія покровительственныя пошлины, и о результатахъ ихъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: еще въ 1866 году стоимость земледѣльческихъ продуктовъ, проданныхъ Канадою Соединеннымъ Штатамъ, превышала 25 милліоновъ долларовъ, въ началѣ же двадцатаго столѣтія она опредѣлялась въ 7367000 долларовъ; общая сумма вывоза за исключеніемъ монеты и благородныхъ металловъ, несмотря на колоссальный ростъ обѣихъ сторонъ, увеличилась всего на 5%. Канада, наоборотъ, довольствовалась умѣренными пошлинами, и потому вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Канаду непрерывно возрасталъ: въ 1866 году онъ оцѣнивался въ 28 милліоновъ долларовъ, въ 1900 году—въ 117 милліоновъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой политики со стороны Соединенныхъ Штатовъ было экономическое сближеніе Канады съ ея метрополіей—Англіей. Вывозъ изъ Канады въ Великобританію непрерывно увеличивался, и смѣлые планы тѣхъ, кто теперь агитируетъ за созданіе великаго британскаго таможеннаго союза, оказались бы, конечно, наиболѣе выгодными для канадской торговли.

Но Америка знаетъ это и не идетъ безпечно навстрѣчу будущему. Теперь все сильнѣе разростается агитація въ пользу новыхъ торговыхъ договоровъ съ Канадой, и агитація эта совсѣмъ не ведется подъ флагомъ свободной торговли; наоборотъ, ее поддерживаютъ разумные сторонники покровительственныхъ пошлинъ, которые съ полнымъ основаніемъ могутъ ссылаться на такихъ людей, какъ Макъ Кинли и Дингли. Съ другой стороны, и въ различныхъ частяхъ Канады великобританскіе планы встрѣчаютъ далеко неодинаковое сочувствіе. Промышленныя области восточной Канады смотрятъ на вещи совсѣмъ иными глазами, чѣмъ земледѣльческій западъ. Въ Канадѣ взгляды такъ же различны, какъ и въ Англіи. Экономическія потребности востока и запада по существу своему неодинаковы, и отсюда вытекаетъ, что именно тамъ, на западѣ, гдѣ восторженно встрѣчаютъ идею таможеннаго союза, подготовляется съ каждымъ днемъ и другое рѣшеніе—взять съ помощью присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ то, чего Англія не хочетъ дать. Канадское правительство, въ которомъ участвуютъ выдающіяся по уму и энергіи личности, старается парализовать сепаратистскія стремленія запада главнымъ образомъ посредствомъ искусной желѣзнодорожной политики. Рельсовые пути въ настоящее время гораздо тѣснѣе связываютъ западную Канаду съ восточною, чѣмъ съ Соединенными Штатами.

Экономическое развитіе Канады можетъ быть почти безгранично. Здѣсь могло бы свободно существовать стомилліонное населеніе. Лѣсныя богатства въ Канадѣ больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, области добычи золота обширнѣе, запасы угля и желѣза неисчерпаемы, залежи никеля—богатѣйшія въ мірѣ, рыбныя богатства вдвое больше, чѣмъ у Соединенныхъ Штатовъ, а земля, пригодная для обработки, могла бы прокормить населеніе всей Америки и Европы. Все дѣло только въ томъ, чтобы использовать существующія возможности, и житель западной Канады съ понятною завистью видитъ, какими гигантскими шагами идутъ впередъ совершенно сходныя области Соединенныхъ Штатовъ; онъ невольно думаетъ о томъ, насколько иначе обстояло бы дѣло и у него, если бы уничтожена была пограничная черта.

Но прежде всего житель западной Канады сознаетъ, что для того, чтобы использовать эти огромныя естественныя богатства, необходимъ такой духъ предпріимчивости, такая энергія и сила, какихъ никогда не проявляютъ жители зависимыхъ колоній. Если даже такая колонія, какъ Канада, и пользуется извѣстною самостоятельностью въ устройствѣ собственныхъ дѣлъ, то это все же не настоящее самоопредѣленіе, а только

нѣкоторое подобіе его. Безцвѣтность и вялость духовной жизни Канады, ея глубокое различіе отъ Англіи съ одной стороны и отъ Соединенныхъ Штатовъ съ другой достаточно ясно показываетъ, какъ всѣ силы связываются и ослабляются колоніальнымъ духомъ. Населеніе отъ этого не страдаетъ, оно совсѣмъ и не чувствуетъ недостатка свѣжаго воздуха, но оно получаетъ подавленный, не свободный характеръ, благодаря которому руководствуется чужими мѣрками, не рѣшается громко говорить, и эта подавленность обнаруживается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Такому характеру не справиться съ задачами, которыя стоятъ передъ западной Канадою. Свѣжія же силы, которыхъ привлекаетъ піонерская работа въ этой необъятной странѣ,—это люди, приходящіе изъ-за канадской границы и изъ-за океана: толпами переселяются сюда шотландцы, нѣмцы, шведы, а больше всего американцы. Фермеры западной Америки охотно продаютъ въ настоящее время за высокую цѣну свои маленькіе участки съ тѣмъ, чтобы на эти деньги пріобрѣсти въ Канадѣ, гдѣ еще нѣтъ земельной тѣсноты, обширныя площади свѣжей земли. Они становятся вожаками въ этомъ новомъ процессѣ развитія западной Канады, но если они, съ одной стороны, въ изобиліи приносятъ съ собою любовь къ труду, энергію и предпріимчивость, то, съ другой, у нихъ, конечно, совершенно отсутствуютъ канадскія традиціи; у нихъ нѣтъ чувства любви и преданности странѣ, а самыя завѣтныя ихъ убѣжденія связаны съ представленіями объ американской свободѣ. Удастся ли Англіи еще отвоевать здѣсь что либо обратно, покажетъ будущее. Болѣе вѣроятно, что Соединенные Штаты, распространивъ благодаря присоединенію Филиппинъ свое вліяніе до тропическаго юга, вскорѣ возстановятъ свое климатическое равновѣсіе, расширившись и къ сѣверу посредствомъ присоединенія западной Канады.

* *
*

Отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ Кубѣ и Филиппинамъ, къ Панамѣ и Канадѣ опредѣлялись непосредственными потребностями страны, и при этомъ не дѣлалось ссылокъ ни на какіе особые принципы. Въ качествѣ руководящихъ моментовъ здѣсь достаточно было экономическихъ интересовъ и общей морали, и лишь изрѣдка привлекались на помощь великія доктрины декларація независимости; но въ большинствѣ случаевъ и эти доктрины были не совсѣмъ удобны для оправданія намѣченной политики. Иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ Южной Америкѣ. Южно-американская политика Соединенныхъ Штатовъ въ настоящее время не опредѣляется ни экономическими интересами, ни нравственными принципами.

Наоборотъ, она является насмѣшкою надъ всякою нравственностью и причиняетъ въ экономическомъ отношеніи величайшій вредъ Америкѣ. Единственное, чѣмъ держится эта политика, это отвлеченная политическая доктрина, нѣкогда очень полезная и въ экономическомъ, и въ моральномъ отношеніи, но теперь потерявшая всякую цѣну, именно—доктрина Монроэ. Вѣрность этой знаменитой доктринѣ является однимъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ того, какъ сохраняются старые, пережившіе себя политическіе принципы, а слѣпая вѣра, съ которою толпа и теперь еще держится за этотъ предразсудокъ—такъ, что даже самые видные политическіе дѣятели не рѣшились бы выступить противъ нея въ защиту истинныхъ интересовъ Америки,—эта вѣра ясно показываетъ, какъ поддерживаются демократіей шаблонныя сужденія и до чего консервативенъ американскій народъ въ своемъ мышленіи. Доктрина Монроэ приносила пользу Америкѣ, когда была выгодна для страны и дѣлала ей честь. И эту доктрину не рѣшаются поколебать, хотя ясно, что она давно уже не приноситъ ничего кромѣ вреда и безчестія. Лучшіе люди знаютъ все это, но гдѣ царемъ является народъ, тамъ больше всего оправдывается истина, согласно которой несчастіе царей въ томъ, что они не желаютъ слышать истины.

Безразсудство американцевъ, которые судорожно держатся за доктрину Монроэ, можетъ быть превзойдено только безразсудствомъ тѣхъ европейцевъ, которые хотятъ силою бороться противъ этой доктрины. Всѣ патетическія заявленія Стараго Свѣта о томъ, что доктрина Монроэ—неслыханная дерзость, что американцы не имѣли никакого права выставить ее, что пора подвергнуть ее рѣшительному испытанію, — всѣ эти заявленія не выдерживаютъ исторической критики и при томъ опасны. Они не выдерживаютъ исторической критики, потому что было время, когда доктрина эта была необходима для существованія Америки, когда страна, слѣдовательно, имѣла право выставить ее, а разъ она молчаливо признавалась въ теченіе цѣлаго столѣтія, то протестъ оказывается запоздалымъ. Въ настоящее время эта доктрина вошла въ составъ международнаго права, хотя ни одною изъ европейскихъ націй она формально не была признана, а американскимъ законодательствомъ никогда не была формулирована. Но сопротивленіе, прежде всего, было бы опасно, такъ какъ ни для одной изъ европейскихъ странъ не является вопросомъ дѣйствительныхъ жизненныхъ интересовъ—подвергнуть испытанію доктрину Монроэ, а между тѣмъ борьба возникла бы на жизнь и на смерть, если бы Европа попыталась уничтожить доктрину Монроэ, пока масса американскаго народа еще почитаетъ ее, какъ святыню. Доктрина должна пасть и падетъ, но она должна пасть по волѣ

американскаго народа. Она никогда не падетъ отъ натиска какой нибудь европейской націи. Но въ концѣ-концовъ логика исторіи все же сильнѣе, нежели простая инерція историческихъ доктринъ. Повидимому, близко уже время, когда несправедливость и неразумность доктрины Монроэ начнетъ сознаваться и въ широкихъ кругахъ. Среди противниковъ ея уже есть блестящія личности, а разъ въ американскомъ народѣ начинается встрѣчное движеніе, оно обыкновенно разростается съ подавляющей быстротою. Мы видѣли, какъ быстро массы были захвачены имперіалистскою идеей. Отказъ отъ доктрины Монроэ произойдетъ такъ же быстро, потому что нація не можетъ въ теченіе продолжительнаго времени жертвовать своими лучшими интересами ради пустого призрака. Надо, чтобы только была разъ нарушена сила сопротивленія привычки.

Духъ доктрины Монроэ былъ живъ задолго до Монроэ. Съ первыхъ же дней существованія союзнаго правительства считалось рѣшеннымъ вопросомъ, что новая нація должна держаться въ сторонѣ отъ политическихъ дрязгъ Европы, что она не будетъ вмѣшиваться въ дѣла европейскихъ народовъ, но что, съ другой стороны, она ожидаетъ того же и отъ европейскихъ народовъ, т.-е. ожидаетъ, что эти народы не станутъ распространяться на американскомъ материкѣ за предѣлами своихъ владѣній. Когда президентъ Вашингтонъ въ 1796 году обращался къ націи съ прощальнымъ словомъ, онъ рекомендовалъ расширеніе экономическихъ сношеній съ европейскими народами, но совѣтовалъ свести до возможнаго минимума сношенія политическія. «У европейскихъ націй»,—говорилъ онъ,—«преобладаютъ такіе интересы, которые насъ, въ качествѣ свободнаго народа, нисколько не касаются; причины ихъ частныхъ раздоровъ не имѣютъ ничего общаго съ нашими задачами. Съ другой стороны, отдаленностью Америки будетъ облегчено для нея политическое обособленіе, и воинствующіе народы едва ли бросятъ ей вызовъ, такъ какъ ясно, что тамъ имъ ничего не удастся пріобрѣсти».

Это чувство, что у Америки нѣтъ ничего общаго съ европейскою политикой и что европейскія націи ни въ какомъ случаѣ не должны расширять сферы своего владѣнія на американскомъ материкѣ, — это чувство все болѣе упрочивалось. Убѣжденіе націи при этомъ основывалось, главнымъ образомъ, на двухъ мотивахъ. Во-первыхъ, Америка желала быть увѣрена въ своей національной безопасности. Она инстинктивно чувствовала, что разъ она начнетъ вмѣшиваться въ европейскіе споры, великія европейскія державы получатъ возможность вмѣшиваться въ судьбы слабой, еще только созидающейся націи, а опасность подобныхъ осложненій должна въ огромной

степени возрасти, если великія націи захотятъ пріобрѣсти владѣнія по сосѣдству съ юной республикой, по эту сторону океана. Къ этому присоединялось, въ качествѣ второго мотива, чувство извѣстной нравственной миссіи. Европейскія страны стонали подъ гнетомъ деспотизма; американцы свергли съ себя иго англійской тираніи и желали сохранить новую часть свѣта въ чистотѣ, чтобы здѣсь произвести опытъ организаціи современной демократіи. Здѣсь, въ Новомъ Свѣтѣ, не должны были снова появляться абсолютные монархи, здѣсь рѣшающій голосъ долженъ былъ принадлежать самоопредѣленію народовъ, и каждая республика должна была имѣть здѣсь возможность свободно жить сообразно собственнымъ желаніямъ.

Такимъ образомъ, и эгоистическіе интересы собственной безопасности, и нравственные интересы борьбы противъ абсолютизма требовали, чтобы въ основу американской политики была положена идея невмѣшательства въ европейскія дѣла и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, идея недопустимости территоріальнаго распространенія европейскихъ державъ на американскомъ материкѣ. Вскорѣ представился случай къ тому, чтобы громогласно заявить эту точку зрѣнія въ международной политикѣ. Священный союзъ, состоявшій изъ Австріи, Россіи и Пруссіи, съ 1822 года, по мнѣнію Америки, питалъ намѣреніе возвратить Испаніи бывшія испанскія колоніи въ Южной Америкѣ. Англія желала вступить въ союзъ съ Соединенными Штатами, но послѣдніе, руководствуясь правильнымъ чутьемъ, шли самостоятельно своимъ путемъ. Въ 1822 году они признали независимость испанско-американскихъ республикъ, а въ 1823 году президентъ Монроэ въ посланіи къ конгрессу, написанномъ, вѣроятно, статсъ-секретаремъ Джономъ Квинси Адамсомъ, установилъ точку зрѣнія Соединенныхъ Штатовъ на этотъ предметъ. Предварительно Монроэ обратился къ бывшему президенту Джефферсону съ просьбою высказать свое мнѣніе, и Джефферсонъ написалъ: «Первымъ и основнымъ нашимъ правиломъ должно было бы быть—никогда не вмѣшиваться въ европейскія дрязги; вторымъ — никогда не допускать, чтобы Европа вмѣшивалась въ дѣла по эту сторону океана. У Сѣверной и Южной Америки есть свои интересы, совершенно отличные отъ интересовъ Европы. Поэтому у нихъ должна быть и своя система, обособленная отъ европейской».

Въ посланіи президента Монроэ говорится: «Ради честности и ради дружественныхъ отношеній, существующихъ между Соединенными Штатами и европейскими державами, мы считаемъ долгомъ заявить, что всякую попытку съ ихъ стороны распространить свою систему на какую либо часть этого полушарія мы стали бы разсматривать какъ угрозу для нашего мира и для нашей безопасности». «Въ дѣла колоній, принадле-

жащихъ европейскимъ державамъ, мы рѣшительно не намѣрены вмѣшиваться, что же касается до правительствъ, которыя провозгласили и осуществили свою независимость, и независимость которыхъ послѣ долгаго обсужденія и на основаніи справедливыхъ принциповъ нами признана, то всякое стремленіе европейскихъ державъ къ подавленію этихъ правительствъ мы стали бы разсматривать, какъ актъ недружелюбія по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ. Невозможно, чтобы названный европейскій союзъ распространилъ свою политическую систему на какую либо часть американскаго материка, не угрожая тѣмъ самымъ нашему миру и нашему счастью, и никто не можетъ повѣрить, чтобы наши южные братья приняли подобную систему по собственному побужденію». «Наконецъ, мотивы, которые побуждаютъ европейскія правительства къ вмѣшательству въ борьбу партій, происходящую въ сосѣднихъ съ нами государствахъ,—эти мотивы могли бы съ такимъ же правомъ быть примѣнены и къ нашимъ спорамъ».

Такимъ образомъ появилась на свѣтъ извѣстная доктрина Монроэ, и она сдѣлалась настолько сильнымъ международнымъ факторомъ, что могла остановить Наполеона въ осуществленіи его плановъ относительно Мексики и еще въ наши дни могла предохранить Венецуэлу отъ послѣдствій ея дурныхъ дѣйствій. Правда, во время венецуэльскихъ осложненій старая доктрина Монроэ какъ будто была смягчена, такъ какъ посланіе президента предоставляло европейскимъ державамъ право добиваться уплаты долговъ даже при помощи вооруженной силы, но только съ тѣмъ, чтобы онѣ не занимали страны на продолжительное время, однако, съ другой стороны, именно въ преніяхъ этого времени американцы дошли до самаго крайняго требованія, согласно которому иностранныя державы должны удовлетвориться тѣмъ, что какое нибудь южно-американское государство обѣщаетъ уплатить долгъ, хотя бы оно ничѣмъ не обезпечивало этой уплаты и хотя Соединенные Штаты не берутъ на себя поручительства за него. Въ сущности, теперь, спустя восемьдесятъ лѣтъ, доктрина стоитъ все на томъ же мѣстѣ, несмотря на то, что условія во всѣхъ отношеніяхъ рѣшительно измѣнились. Здѣсь приходится удовольствоваться указаніемъ хотя бы на нѣкоторыя изъ этихъ перемѣнъ.

Прежде всего, оба основныхъ мотива, которые вызвали къ существованію доктрину и которые такъ ясно обнаруживаются во всѣхъ, заслуживающихъ уваженія, документахъ отъ эпохи Вашингтона до эпохи Монроэ и еще позднѣе,—оба эти мотива давно отпали. Противорѣчіе между Европою, какъ страною деспотизма, и Америкой—страной демократической свободы, разумѣется, давно уже не существуетъ, и даже для политическихъ

цѣлей на этихъ струнахъ уже невозможно ничего разыгрывать. Всѣмъ извѣстно, что у западно-европейскихъ народовъ есть теперь народное представительство, и всѣмъ не менѣе извѣстно, что латинскія республики, если оставить въ сторонѣ Мексику, Чили и Аргентину, представляютъ собою самую отвратительную насмѣшку надъ свободой и демократіей. Теперь всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны условія жизни въ какой нибудь Венецуэлѣ или Колумбіи. Извѣстно, что около десятой части населенія составляютъ деликатные по натурѣ испанцы, которые принципіально не вмѣшиваются въ политику и страдаютъ отъ безстыдной дѣятельности правительства; слѣдующія восемь десятыхъ состоятъ изъ безобиднаго, невѣжественнаго пролетаріата полуиспанскаго и полу-индѣйскаго происхожденія; эта масса также нисколько не интересуется политикой и трепещетъ передъ властелинами; наконецъ, послѣдняя десятая, представляющая собою помѣсь испанцевъ, индѣйцевъ и негровъ, держитъ въ своихъ рукахъ республиканское правленіе, сохраняетъ свое господствующее положеніе при помощи всевозможныхъ обмановъ и вымогательствъ и распадается на партіи, которыя разоряютъ страну ради личнаго обогащенія партійныхъ вожаковъ.

Что подобные люди могутъ составлять республику въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали отцы Соединенныхъ Штатовъ, этого въ настоящее время и въ Америкѣ не думаетъ ни одинъ человѣкъ, даже совсѣмъ несвѣдущій въ политикѣ, и если, несмотря на то, при всякомъ обсужденіи этого, какъ и негритянскаго, вопроса всегда находился какой нибудь человѣкъ, который начиналъ потрясать деклараціей независимости, то постепенно этотъ пріемъ пересталъ быть дѣйствительнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ американцы отправились на Филиппины, уже не можетъ приниматься за аксіому, что для каждаго правительства источникомъ его правъ служитъ согласіе управляемыхъ. Въ Америкѣ начинаютъ понимать, что право на самоопредѣленіе должно быть сперва заслужено, что оно можетъ быть лишь наградою за тяжелый трудъ; что для націй, еще не доросшихъ до порядка и спокойствія, требуется воспитаніе, какъ для несовершеннолѣтнихъ дѣтей, которыя также не могутъ сами рѣшать, что имъ полезно. Безсмысленно было бы утверждать, будто достойные сожалѣнія граждане южно-американскихъ грабительскихъ республикъ болѣе свободны, чѣмъ жители Англіи, Франціи или Германіи. Поэтому охраненіе анархическаго строя этихъ странъ отъ вторженія европейской политической системы, безспорно, уже не входитъ теперь въ составъ тѣхъ нравственныхъ обязанностей, къ выполненію которыхъ американская республика съ полнымъ правомъ считала себя призванной. Демократическая идея, осуществленная въ американской жизни, оказала безконечно большее влія-

ніе на Европу, чѣмъ на Южную Америку, хотя прекрасныя конституціи послѣдней, которыми никто не руководствуется, и полны самыхъ цвѣтистыхъ фразъ, содержащихъ великія истины нравственной философіи.

Но и другой мотивъ—забота о безопасности и мирѣ Соединенныхъ Штатовъ—въ настоящее время не имѣетъ никакой цѣнности, какъ доказательство необходимости доктрины Монроэ. Напротивъ, суевѣрное охраненіе этой доктрины является однимъ изъ главныхъ факторовъ, которые могутъ подвергнуть опасности миръ для Соединенныхъ Штатовъ. Разумѣется, говоря все это, надо имѣть въ виду только Южную, а не Центральную Америку. Если бы, напримѣръ, Куба перешла изъ-подъ власти Испаніи во владѣніе какой нибудь другой европейской націи, то этого Соединенные Штаты, дѣйствительно, не могли бы потерпѣть. И ни одна часть Центральной Америки не могла бы сдѣлаться ареною новыхъ колоніальныхъ захватовъ для европейскихъ державъ, не превратившись неизбѣжно и очень скоро въ арену военныхъ дѣйствій. Постройкою Панамскаго канала завершается морально-политическое преобладаніе Соединенныхъ Штатовъ на Антильскихъ островахъ и въ Центральной Америкѣ. Относительно же Южной Америки вопросъ стоитъ совсѣмъ иначе. Слишкомъ легко забывается, что при переѣздѣ изъ Нью-Іорка въ Аргентину выгоднѣе всего для сокращенія времени ѣхать черезъ Европу; Соединенные Штаты даже въ экономическомъ отношеніи не имѣютъ связи съ латинскими республиками. Европейская держава имѣетъ общую съ Соединенными Штатами границу отъ Атлантическаго до Тихаго океана, и никогда для безопасности Соединенныхъ Штатовъ не былъ угрозою тотъ фактъ, что эту общую границу на протяженіи трехъ тысячъ миль дѣлитъ съ ними наиболѣе враждебная для нихъ держава — Англія. И вдругъ угрозою для ихъ мира оказались бы дѣйствія Италіи, или Англіи, или Голландіи, если бы какая нибудь изъ этихъ державъ заняла далеко въ Южной Америкѣ клочекъ земли при взысканіи долговъ или въ цѣляхъ охраны своихъ подданныхъ, подвергающихся насилію.

До тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты были малы и слабы, понятенъ былъ даже преувеличенный страхъ передъ невѣдомыми осложненіями; теперь же, когда они велики и сильны, когда искусственная противоположность между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ уже совсѣмъ не существуетъ, когда Соединенные Штаты гораздо ближе къ европейскимъ странамъ, нежели къ южно-американскимъ республикамъ,—теперь всякая попытка оправдать доктрину Монроэ страхомъ носила бы буквально истерическій характеръ. Въ нашъ вѣкъ телеграфовъ пространство не имѣетъ уже прежняго значенія; американецъ

трактуетъ о Филиппинахъ такъ, какъ будто они находятся въ самой непосредственной близости, а между тѣмъ разстояніе отъ Вашингтона до нихъ гораздо больше, чѣмъ отъ Европы до какой либо части Южной Америки. Съ другой стороны, поводы для столкновеній съ европейскими странами могутъ найтись въ любой моментъ и безъ всякаго отношенія къ Южной Америкѣ; для этого достаточно какого нибудь обиднаго запрещенія ввоза, или дипломатическаго недоразумѣнія, или самаго ничтожнаго ограниченія въ таможенной сферѣ.

Если бы, наоборотъ, у европейскихъ странъ въ Южной Америкѣ были свои колоніи, какія есть у нихъ, напримѣръ, въ Африкѣ, то отсюда для Соединенныхъ Штатовъ могло бы возникнуть такъ же мало непріятностей и неудобствъ, какъ и отъ африканскихъ колоній. Если бы образованіе русской, или французской, или итальянской колоніи въ Южной Америкѣ послужило поводомъ къ конфликту съ Соединенными Штатами, то это ни въ какомъ случаѣ не объяснялось бы дѣйствительнымъ столкновеніемъ интересовъ, а было бы только результатомъ того факта, что нѣкогда, при совершенно иныхъ условіяхъ, создалась доктрина, запрещающая подобныя явленія, и что доктрина эта искусственнымъ образомъ поддерживается еще до настоящаго времени. Если бы сфера дѣйствія доктрины Монроэ была теперь ограничена Центральною Америкой, а Южная Америка была изъята отъ ея дѣйствія, то возможность столкновенія Соединенныхъ Штатовъ съ европейскими державами значительно сократилась бы. То, что первоначально должно было служить обезпеченіемъ мира, теперь, при совершенно измѣнившихся условіяхъ, является самой опасной угрозою для мира.

Но дѣло и не только въ томъ, что мотивы, вызвавшіе созданіе доктрины Монроэ, въ настоящее время не выдерживаютъ критики; высшіе интересы Соединенныхъ Штатовъ требуютъ положительнаго отказа отъ этой устарѣвшей доктрины. Прежде всего, никогда не оспаривалось, что ограниченіе доступа не-американскихъ державъ на американскій материкъ есть лишь выводъ изъ посылки, согласно которой американцы ограничатъ свои политическіе интересы однимъ своимъ материкомъ. И это была мудрая политика въ эпоху Вашингтона и въ эпоху Монроэ. Но было ли это мудро или не мудро въ эпоху Макъ Кинли,—отъ этой политики во всякомъ случаѣ давно отказались. Американцы сражались сообща съ европейскими державами въ Китаѣ; американцы распространили свое господство на Азію, американскія военныя суда посылались съ политической миссіей въ Европу,—словомъ, американцы давно уже включили въ сферу своей политики весь земной шаръ, и въ концертѣ евро-

пейскихъ державъ американскому статсъ-секретарю принадлежитъ очень важный голосъ. Соединенные Штаты такъ часто оправдывали требованіе Монроэ собственной воздержностью, что они едва ли могутъ чувствовать себя въ правѣ настаивать на этомъ требованіи и послѣ того, какъ сами отъ воздержности отрѣшились.

Болѣе важно, однако, другое соображеніе: въ интересахъ самихъ Соединенныхъ Штатовъ необходимо, чтобы Южная Америка блестяще развилась, чтобы ея скрытыя богатства увидѣли свѣтъ и чтобы благодаря цвѣтущему экономическому положенію у нея создались прочныя торговыя сношенія съ Сѣверной Америкой. Но все это будетъ возможно лишь тогда, когда въ странѣ водворится нормальный порядокъ и будетъ положенъ конецъ анархіи. До тѣхъ же поръ, покуда искусственно поддерживается существованіе доктрины Монроэ, положеніе разоренной страны должно оставаться все такимъ же жалкимъ и безпорядочнымъ, такъ какъ къ этому ведутъ всѣ слѣдствія доктрины. Достаточно твердо извѣстно, что прогресса можно ожидать отъ притока свѣжихъ, здоровыхъ, предпріимчивыхъ силъ. Но какъ только англичане, или нѣмцы, или другіе европейцы принимаются здѣсь за какое нибудь дѣло, они становятся жертвою безстыднаго вымогательства и произвола такъ называемыхъ правительствъ; и если европейскіе капиталы хотятъ помочь развитію страны, то они ничѣмъ не могутъ обезпечить себя отъ всяческихъ обмановъ. Все это обстоитъ такъ только благодаря увѣренности властителей, что они могутъ безнаказано заниматься грабежомъ, покуда священная доктрина Монроэ служитъ имъ надежною защитою противъ тѣхъ государствъ, къ которымъ принадлежатъ ихъ жертвы. Они слишкомъ хорошо знаютъ, что съ ними не можетъ приключиться ничего дурного, такъ какъ вашингтонскіе дѣятели вынуждены считаться съ предразсудкомъ и заботиться о томъ, чтобы имъ не было нанесено ни малѣйшаго ущерба. А всѣмъ этимъ, въ свою очередь, рѣшительно тормозится притокъ свѣжихъ силъ, и страна, такимъ образомъ, въ слишкомъ большой мѣрѣ предоставляется своимъ бездѣятельнымъ обитателямъ. Почти всюду условія были бы болѣе нормальны и въ экономическомъ отношеніи болѣе устойчивы, если бы переселеніе совершалось интенсивнѣе и если бы, что важнѣе всего, переселенцы могли принимать большее участіе въ политическомъ управленіи.

Совсѣмъ другое дѣло было бы, если бы Соединенные Штаты, принимая выводы изъ доктрины Монроэ, брали на себя отвѣтственность за общественное управленіе, за долги и преступленія, — иными словами, если бы они въ принципѣ присвоили себѣ власть надъ Южной Америкой; но обо всемъ

этомъ вѣдь нѣтъ и рѣчи. Соединенные Штаты еще не давно, въ венецуэльскомъ вопросѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ сняли съ себя всякую отвѣтственность. И если они тѣмъ не менѣе продолжаютъ поддерживать доктрину Монроэ, то не могутъ не признать правильности упрека въ томъ, что они способствуютъ анархіи, искусственно задерживаютъ прогрессъ одной изъ богатѣйшихъ, но наименѣе развитыхъ частей свѣта и тѣмъ наносятъ себѣ же гораздо большій экономическій ущербъ, чѣмъ могли бы имъ нанести самыя высокія покровительственныя пошлины въ какой нибудь изъ европейскихъ странъ. Чѣмъ больше Европа будетъ проникать въ Южную Америку, тѣмъ сильнѣе въ ней разовьется торговля и промышленность, а для первыхъ шаговъ въ этой работѣ, какъ показываетъ исторія, самымъ лучшимъ работникомъ является терпѣливый нѣмецъ. Почти во всѣхъ экономическихъ сношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ съ южно-американскими республиками посредниками являются европейскія и въ особенности нѣмецкія торговыя фирмы. Торговля Соединенныхъ Штатовъ съ Южной Америкой въ настоящее время еще поразительно мала. Разъ падетъ доктрина Монроэ, торговля эта колоссально разовьется.

При этомъ политика, которую Америка вела до сихъ поръ не доставила ей даже маленькой выгоды, и за свое недружелюбіе по отношенію къ европейцамъ она не пріобрѣла даже симпатіи, южно-американцевъ. Наоборотъ, бряцаніе оружіемъ, являющееся результатомъ доктрины Монроэ, очень непріятно для южно-американцевъ. Оно слишкомъ живо напоминаетъ имъ, что Соединенные Штаты, хотя и владѣютъ, собственно, лишь извѣстной частью материка, смотрятъ на себя, какъ на властителей всей американской части свѣта, а естественнымъ послѣдствіемъ этого является тотъ фактъ, что всѣ маленькія и слабыя государства соединяются противъ одного большого, и что извѣстное недовѣріе все сильнѣе развивается. Попытки Соединенныхъ Штатовъ вести политику панамериканскихъ симпатій не увѣнчались сколько нибудь замѣтнымъ успѣхомъ, потому что къ симпатіи въ Сѣверной Америкѣ примѣшивалось презрѣніе, а въ Южной Америкѣ—страхъ. Словомъ, американецъ, свободный отъ предразсудковъ, долженъ постоянно приходить къ одному и тому же выводу—что доктрина Монроэ должна, наконецъ, пасть.

Надо, однако еще и еще разъ повторить, что всѣ приведенные доводы могутъ принести пользу лишь въ томъ случаѣ, если окажутъ воздѣйствіе на душу американскаго народа и разрушатъ въ ней гибельную для экономическаго развитія доктрину Монроэ. Напротивъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы

Европа начала насильственно разрушать эту доктрину. Ни у одного европейскаго государства нѣтъ такихъ интересовъ въ Южной Америкѣ, которые могли бы вознаградить его за вражду съ Соединенными Штатами, а до тѣхъ поръ, пока подавляющее большинство американцевъ держится своей безразсудной идеи, вражда была бы очень ожесточенная. Можно даже сказать, что нѣтъ болѣе вѣрнаго способа задержать постепенное уничтоженіе доктрины Монроэ, чѣмъ если бы Европа стала оспаривать ея дѣйствительность.

Процессъ разложенія долженъ совершаться на американской сторонѣ; но естественные интересы и потребности страны такъ настоятельно требуютъ его совершенія, что вѣра въ предстоящія перемѣны представляется вполнѣ законною. Наступили новыя времена; духъ провинціализма, которымъ проникнута доктрина Монроэ, не присталлъ уже нынѣшней Америкѣ —міровой державѣ, и если положеніе дальше будетъ правильно развиваться, то не далеко уже то время, когда къ Соединеннымъ Штатамъ будетъ присоединена вся западная Канада вплоть до Аляски и вся Центральная Америка, латинскія же республики Южной Америки наполнятся англійскими, итальянскими, французскими и нѣмецкими колоніями; но прежде всего сами эти республики, благодаря устраненію доктрины Монроэ встанутъ на путь порядка, прогресса и экономическаго оздоровленія. Соединенные Штаты слишкомъ здоровы и слишкомъ проникнуты идеализмомъ для того, чтобы ради какого-то фетиша долго противиться требованіямъ прогресса.

Такимъ образомъ будутъ расширяться границы этой міровой державы. Міровое вліяніе американской націи будетъ непрерывно возрастать, и въ этомъ ростѣ, по необходимости, будетъ принимать участіе армія и флотъ, особенно послѣдній,— хотя, быть можетъ, и не всѣ мечты Гобсона найдутъ себѣ осуществленіе въ дѣйствительности. Разумѣется, вмѣстѣ съ этимъ будутъ возрастать и опасности; разъ будетъ на-лицо большой флотъ, явится и желаніе использовать его. Но при всемъ этомъ надо, съ другой стороны, не упускать изъ виду, что внѣшняя политика въ Америкѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ Европѣ, служитъ предметомъ общественнаго вниманія. Для американцевъ на первомъ планѣ стоитъ внутренняя политика, на второмъ— также внутренняя политика, и на третьемъ — опять-таки внутренняя политика, и лишь затѣмъ, на почтительномъ разстояніи, являются на сцену вопросы внѣшней политики. Если въ распредѣленіи общественныхъ интересовъ не произойдетъ существенныхъ перемѣнъ, то уже однимъ этимъ фактомъ создается препятствіе для чрезмѣрнаго роста завоевательныхъ идей.

Къ этому присоединятся еще чрезвычайное недовѣріе ко

всякому милитаризму, инстинктивная боязнь, что милитаризмомъ разрушается демократія и оказывается содѣйствіе возникновенію деспотизма. Безъ сомнѣнія, усложняющіяся отношенія къ иностраннымъ націямъ даютъ въ руки президенту и сенатской олигархіи гораздо большую власть, чѣмъ того желала бы народная масса. Всякія дѣйствія президента и его кабинета, если только они окружены какою нибудь тайною, оскорбляютъ чувства націи, а именно эти чувства едва ли измѣнятся, такъ какъ корни ихъ лежатъ въ самой сущности американскаго характера. Далѣе, съ этимъ соединяется и положительная вѣра въ нравственное призваніе Соединенныхъ Штатовъ, которые должны пріобрѣсти свое міровое вліяніе не при помощи военнаго могущества, а посредствомъ силы совершенства, служащаго образцомъ, посредствомъ высшей свободы, посредствомъ самаго прочнаго порядка и самой серьезной работы. Кто пойметъ глубину этой вѣры, тотъ едва ли въ состояніи будетъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что всѣ противоположныя чувства, всѣ поползновенія къ власти и имперіалистскія стремленія являются въ душѣ народа только мимолетнымъ угаромъ. По своей сокровеннѣйшей сущности Америка есть держава мира и нравственнаго идеала.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Экономическая жизнь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Духъ самодѣятельности.

«Вдругъ выходъ вижу, и пишу я смѣло: вначалѣ было дѣло». Другіе, быть можетъ, написали бы: вначалѣ было неисчерпаемое богатство почвы. Третьи, обладающіе болѣе короткою памятью, пожалуй, готовы были бы сказать: вначалѣ были тресты. Но кто хочетъ понять экономическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ, имѣющее почти сказочный характеръ, тотъ не долженъ такъ упрощать свою задачу и довольствоваться указаніемъ на залежи желѣза и золота, на обиліе угля и минеральныхъ маслъ, на почву, пригодную для обработки пшеницы и хлопка, на лѣсныя богатства и избытокъ водяной силы. На богатой почвѣ живутъ и южно-американцы, и даже китайцы. Въ южной Африкѣ условія были такія же, какъ и на американскомъ материкѣ, а между тѣмъ развитіе страны здѣсь совершалось совсѣмъ иначе. Наконецъ, и ссылкою на своеобразныя формы американской экономической жизни, какъ, напримѣръ, на тресты, указываются только внѣшніе симптомы, а не самая сущность дѣла.

Колоссальные экономическіе успѣхи, безспорно имѣющіе и свои вредныя и опасныя стороны, могутъ быть поняты лишь въ томъ случаѣ, если за точку отправленія принять натуру американца. Подобно тому какъ политическую жизнь Америки мы объясняли однимъ великимъ стремленіемъ — стремленіемъ къ самоопредѣленію, такъ здѣсь мы должны признать, что огромное маховое колесо экономической жизни приводится въ движеніе стремленіемъ къ самодѣятельности. Благодаря этой потребности въ дѣятельности использована почва, обработаны

поля, создана промышленность и возникла такая экономическая культура, которая въ настоящее время можетъ мечтать о міровомъ господствѣ.

Но и тѣ, кто признаютъ, что существенные элементы подобныхъ движеній заключаются не въ случайныхъ внѣшнихъ условіяхъ, а въ душевныхъ силахъ націй,—и тѣ въ этомъ случаѣ часто бываютъ склонны принимать здѣсь за центръ совсѣмъ иную душевную силу. Пресыщенный культурою средній европеецъ искренно убѣжденъ, что эта интенсивность экономическаго движенія является просто результатомъ безмѣрной жадности. Часто приходится слышать мнѣніе, будто страсть къ золоту, погоня за долларомъ убили въ душѣ американца всякое болѣе возвышенное стремленіе, и такъ какъ у него нѣтъ высшихъ культурныхъ потребностей, то онъ можетъ съ откровенною и безстыдною алчностью служитъ маммонѣ; обладая душою варвара, онъ, пожалуй, можетъ достигать въ дѣлахъ большихъ выгодъ, нежели тѣ, у кого есть и сердце, а не только бумажникъ, и чей умъ направленъ въ сторону истинной культуры.

Подобныя слова глумленія печатаются для утѣшенія экономически слабѣйшей стороны въ сотняхъ газетъ Стараго Свѣта, но могутъ ли они служить дѣйствительнымъ оружіемъ въ экономической борьбѣ, этотъ вопросъ мы оставимъ открытымъ. Кто желаетъ понять реальное историческое значеніе процессовъ, совершающихся въ новомъ великомъ государствѣ, тотъ во всемъ этомъ можетъ видѣть только смѣшную карикатуру, а иной, пожалуй, даже подумаетъ, что передъ Европою открывались бы лучшія экономическія перспективы, если бы она спокойно и справедливо оцѣнивала силы своего великаго противника и искренно задалась бы вопросомъ, нельзя ли у него кое-чему поучиться.

Внѣшнимъ подражаніемъ здѣсь ничего нельзя достигнуть. Что вытекаетъ изъ опредѣленныхъ душевныхъ силъ, то можетъ быть успѣшно перенято другими лишь при наличности у нихъ тѣхъ же душевныхъ силъ. Копировать фабрики или тресты — это не имѣетъ никакой цѣны, надо, если требуется, копировать людей; а требуется ли, — это знаетъ только тотъ, кто понимаетъ лучшія стороны другого, а не тотъ, кто удовлетворяется, приписывая ему все дурное. Нѣчто великое, какъ американская экономическая жизнь, никогда не можетъ возникнуть изъ нравственно-предосудительныхъ мотивовъ. Только совершенно наивные люди думаютъ иногда, что какое нибудь крупное дѣло развилось исключительно благодаря мошеннической рекламѣ. Купецъ знаетъ, что и реклама приноситъ пользу только хорошему дѣлу, дурное же дѣло она губитъ. Но еще наивнѣе было бы думать, что экономическое могущество Аме-

рики развилось до извѣстной степени благодаря недобросовѣстной конкурренціи, нечистымъ путямъ и сомнительнымъ пріемамъ, что оно создано однимъ лишь корыстолюбіемъ, противнымъ всякой культурѣ и падкимъ на наслажденія. Скорѣе можно было бы подумать, что колоссальныя, двадцати-этажныя зданія Бродвея поставлены прямо на глинистой почвѣ этой улицы. Прохожій, не видѣвшій никогда укладки фундамента такихъ зданій, дѣйствительно, и не подозрѣваетъ, какъ глубоко, часто до ста футовъ подъ землею, заложены въ камнѣ ихъ фундаменты. Точно такъ же и гигантскія зданія американской экономической жизни могутъ выситься лишь потому, что прочное, подобно скалѣ, правосознаніе служитъ для нихъ фундаментомъ, а камни въ нихъ сложены нравственными силами.

Прежде всего, что можно сказать въ дѣйствительности о жадности американцевъ къ деньгамъ? Иностранцу бросается тотчасъ же въ глаза одно обстоятельство—именно, что американецъ не цѣнитъ выигрыша денегъ, если выигрышъ этотъ не является результатомъ собственнаго труда. Не трудно привести какое угодно количество примѣровъ въ доказательство этого факта. Однимъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ служитъ отсутствіе приданнаго. Въ Германіи или Франціи обогащеніе посредствомъ женитьбы является для очень многихъ мужчинъ самымъ надежнымъ способомъ обезпечить себѣ постоянный доходъ. Цѣлыя категоріи людей вынуждены, вслѣдствіе несоотвѣтствія между получаемымъ содержаніемъ и общественными требованіями, разсчитывать только на состояніе, полученное по наслѣдству или путемъ женитьбы, и американца постоянно поражаетъ эта погоня за приданнымъ, какъ и вообще коммерческій характеръ, который браки имѣютъ въ широкихъ кругахъ на европейскомъ материкѣ. У себя на родинѣ онъ не видитъ ничего подобнаго. Здѣсь совершенно необычно, чтобы молодая чета проживала больше, чѣмъ позволяютъ средства мужа, хотя бы родители жены и были состоятельными людьми. Дочери богатыхъ родителей часто переходятъ при замужествѣ въ скромную обстановку мужа, и мужъ самъ считалъ бы унизительнымъ жить на средства тестя. Полученіе приданнаго при жизни родителей въ Америкѣ почти совершенно неизвѣстно.

Приведемъ еще другой примѣръ, который также интересенъ потому, что представляетъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ на европейскомъ материкѣ. Американецъ съ презрѣніемъ смотритъ на всякую лоттерею. Если бы онъ дѣйствительно былъ поглощенъ только погоней за деньгами, то приданное и лоттерея были бы для него самыми удобными путями. На дѣлѣ же лоттерея не только запрещена закономъ,—и при томъ во всякой формѣ,—но нравственное чувство американца

возмущается вообще противъ всякой игры, разсчитанной на случай. Недавно еще президентъ Гарвардскаго университета, говоря передъ большимъ собраніемъ о перемѣнѣ нравственныхъ воззрѣній, могъ указать въ качествѣ одного изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ этой перемѣны на тотъ фактъ, что всего лишь двумя поколѣніями ранѣе городъ Бостонъ устроилъ лотерею съ цѣлью собрать такимъ путемъ средства для отстройки сгорѣвшаго университетскаго зданія. Онъ съ живостью указывалъ, что этотъ путь въ настоящее время представляется намъ совершенно немыслимымъ, что наше чувство теперь возстаетъ противъ того, чтобы нравственная цѣль—сборъ денегъ на постройку зданія для учебнаго заведенія—достигалась съ помощью безусловно безнравственнаго средства—общественной лотереи. Вся аудиторія, казалось, считала его точку зрѣнія вполнѣ естественною и не подозрѣвала даже, какое количество дешевыхъ лотерейныхъ билетовъ распродается въ Германіи для сбора денегъ на постройку церквей. Забавно было слѣдить за тѣмъ, какъ палъ въ общественномъ мнѣніи находящійся подъ покровительствомъ Карнегги руководитель сталелитейныхъ предпріятій, Швабъ, когда съ Ривьеры получено было извѣстіе, что его видѣли въ Монако за игорнымъ столомъ. Добывать деньги, ничего при этомъ самому не дѣлая, представляется американцу достойнымъ презрѣнія. Сила для него, очевидно, не въ деньгахъ, а въ самой дѣятельности; ея только онъ ищетъ, ее цѣнитъ и ради нея только придаетъ цѣну деньгамъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ это отвращеніе къ игрѣ нельзя, собственно, вѣрить. И при этомъ важно не то, что полиціи отъ времени до времени удается обнаружить гдѣ нибудь тайный игорный домъ: преступники вѣдь есть вездѣ. Болѣе важна страсть къ спекуляціи, распространенная въ широкихъ кругахъ. Иной биржевикъ, улыбаясь, говоритъ: «Ну, что-жъ, вѣдь мы—нація игроковъ», и съ своей точки зрѣнія онъ правъ. Онъ видитъ, какъ и высшіе, и средніе, и низшіе слои населенія постоянно помѣщаютъ свои деньги въ сомнительныя процентныя бумаги, какъ публика набрасывается именно на такія бумаги, которыя подвергаются наибольшимъ колебаніямъ курса, какъ извозчикъ и лакей въ ресторанѣ волнуются по поводу биржевыхъ извѣстій, какъ новыя акціи какого нибудь горно-заводскаго или промышленнаго предпріятія жадно покупаются учителемъ и приказчикомъ. Биржевой дѣятель видитъ въ этомъ проявленіе натуры игроковъ, такъ какъ онъ-то вполнѣ сознаетъ громадность риска и отлично знаетъ, что покупатели не въ состояніи судить даже о малой части всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые вліяютъ на цѣны бумагъ.

Но въ сознаніи публики все это носитъ совсѣмъ иной

характеръ. Человѣкъ, помѣщающій свои нѣсколько долларовъ въ подобныя невѣрныя бумаги, нисколько не считаетъ себя за игрока; наоборотъ,ему кажется, что онъ отлично понимаетъ положеніе рынка. Онъ не покупаетъ на удачу, а долго слѣдитъ передъ покупкою за биржевыми извѣстіями, совѣтуется съ друзьями и наводитъ справки, такъ что выигрышъ, по его убѣжденію, явится только результатомъ его собственной разсчетливости и проницательности. Если бы онъ видѣлъ здѣсь игру случая, какую видитъ въ этомъ настоящій биржевой дѣятель, то онъ не только поостерегся бы бросать такимъ образомъ свои деньги, но и чувствовалъ бы ко всему этому дѣлу внутреннее отвращеніе; и сколько бы разъ онъ ни проигрывалъ, ему постоянно кажется, что вотъ теперь онъ можетъ дѣйствительно опредѣлить напередъ положеніе рынка.

То же самое надо сказать даже о пари, къ которымъ постоянно побуждаетъ англо-саксонцевъ ихъ потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ: для нихъ пари не представляетъ настоящаго интереса, если дѣло зависитъ только отъ случая. У каждой стороны есть свои расчеты и свои соображенія, и выигрышъ представляется результатомъ собственной умственной работы. Настоящій выигрышъ игрока не привлекаетъ американца, и это обнаруживается даже въ его грубоватой игрѣ въ покеръ. Сюда же до извѣстной степени надо отнести и отвращеніе американца ко всякимъ подачкамъ «на чай». Разумѣется, въ вопросѣ о «чаяхъ» главную роль играетъ соціальное приниженіе, которое идетъ въ разрѣзъ съ самостоятельностью личности, но на ряду съ этимъ играетъ роль и нежеланіе получать плату, которая не заслужена собственнымъ трудомъ.

Отрицательнымъ явленіямъ соотвѣтствуютъ и положительныя, прежде всего—употребленіе заработанныхъ, а подчасъ прямо-таки завоеванныхъ денегъ. Если бы американецъ былъ дѣйствительно корыстолюбивъ, то онъ не раздавалъ бы такъ щедро своего достоянія. Добывать деньги — это ему нравится; обладаніе же ими его мало привлекаетъ. И мы постоянно видимъ, какъ самые богатые люди стараются, чтобы къ ихъ дѣтямъ не перешла слишкомъ большая часть ихъ состоянія; они не считаютъ, что богатство, не добытое собственными силами, самое по себѣ является счастьемъ или благомъ. Этими мотивами прежде всего объясняется царская щедрость, съ которою отдаются средства на общеполезныя цѣли.

Дѣла благотворительности плохо поддаются статистическому учету. Именно въ Америкѣ больше всего жертвуется безъ огласки, и наибольшія суммы составляются, конечно, изъ тѣхъ маленькихъ пожертвованій, о которыхъ не доводится до общаго свѣдѣнія. Однако, есть о чемъ поразсказать, если го-

ворить даже только о крупныхъ пожертвованіяхъ, доказывающихъ готовность американцевъ приходить на помощь всякому общеполезному дѣлу. Если принимать во вниманіе только пожертвованія деньгами, превышающія тысячу долларовъ и предназначенныя общественнымъ учрежденіямъ, то оказывается, что въ 1903 году они составили сумму въ 76.935.000 долларовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пожертвованія, не достигающія тысячи долларовъ, въ общей сложности составляютъ не меньшую сумму, а если бы присоединить сюда частную благотворительность, то сумма увеличилась бы еще въ нѣсколько разъ.

Изъ приведенной суммы пожертвованій на одни лишь учебныя заведенія приходится 40.700.000 долларовъ. Такъ, Гарвардскій университетъ въ Бостонѣ получилъ въ 1903 году въ общей сложности пять милліоновъ долларовъ, Колумбійскій университетъ въ Нью-Іоркѣ — три милліона, а Чикагскій университетъ — цѣлыхъ десять милліоновъ. Іэльскій университетъ получилъ 600.000 долларовъ, и такая же сумма принесена въ даръ негритянскому институту въ Тескеги. Институтъ Джонса Гопкинса и университетъ въ Пенсильваніи получили около полумилліона. Въ пользу больницъ и однородныхъ съ ними учрежденій пожертвовано 21.726.000 долларовъ, въ пользу общественныхъ библіотекъ 7.583.000, на религіозныя цѣли 3.996.000, на музеи и собранія художественныхъ произведеній 2.927.000. Кто видитъ американскую жизнь вблизи, тотъ знаетъ что эта готовность жертвовать распространена во всѣхъ кругахъ, начиная отъ Карнегги и Рокфеллера и кончая послѣднимъ рабочимъ; онъ знаетъ, что на всякое хорошее дѣло можно безъ труда собрать необходимыя средства у частныхъ лицъ. О народѣ, который такъ щедро даетъ, можно, пожалуй, сказать, что онъ стремится къ золоту, но нельзя сказать, что онъ за золото цѣпляется.

Что интересъ добыванія денегъ заключается, собственно, для американца не въ обладаніи деньгами, а въ самомъ процессѣ добыванія, это видно и изъ того, какъ спокойно онъ относится къ денежнымъ потерямъ; это спокойствіе приводитъ европейца почти въ недоумѣніе. Разумѣется, на помощь американцу въ этомъ случаѣ является его неистребимый оптимизмъ; онъ никогда не теряетъ надежды и вѣритъ, что потерянное снова скоро будетъ пріобрѣтено. Но непосредственнымъ источникомъ его равновѣсія, конечно, служитъ то, что для него гораздо менѣе важно самое обладаніе, чѣмъ борьба за обладаніе. Американецъ гоняется за деньгами точно такъ же, какъ при игрѣ въ теннисъ изо всѣхъ силъ гонятся за мячомъ; но удовольствіе ему доставляетъ игра, а не награда за борьбу. И когда ему случается потерять, то не чувствуетъ себя такъ, какъ

будто вмѣстѣ со своимъ достояніемъ лишился до извѣстной степени части своего «я»; онъ только какъ бы проигралъ въ спортѣ послѣднюю партію. Недавно, когда на нью-іоркской биржѣ наступило рѣзкое паденіе курсовъ и при этомъ потеряны были сотни милліоновъ, одна изъ самыхъ видныхъ парижскихъ газетъ вполнѣ правильно писала: «Если бы подобный финансовый кризисъ произошелъ у насъ во Франціи, то у насъ въ одинъ день оказалась бы паника, катастрофы, паденіе государственной ренты, множество самоубійствъ, уличные безпорядки, министерскій кризисъ и насилія надъ иностранцами. Америка же, наоборотъ, спокойна, и жертвы борьбы стараются только снова притти въ себя. Франція и Соединенные Штаты, очевидно, представляютъ собою два совершенно различныхъ міра по своей цивилизаціи и по своему способу мышленія».

По своимъ взглядамъ на деньги и на пріобрѣтеніе денегъ Соединенные Штаты и Франція, дѣйствительно, представляютъ собою до извѣстной степени противоположныя крайности; Германія занимаетъ приблизительно середину между ними. Для француза цѣнно само золото. Если онъ можетъ получить его безъ труда, по наслѣдству, посредствомъ игры, или въ видѣ приданаго, то онъ тѣмъ болѣе доволенъ; теряя его, онъ теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ часть своего «я», а если онъ пріобрѣлъ достаточно для того, чтобы считать себя обезпеченнымъ, то возможно скорѣе устраняется отъ дѣятельности, направленной на добываніе денегъ. Извѣстно, что всякій средній французъ видитъ свою цѣль въ томъ, чтобы достигнуть положенія человѣка, живущаго на проценты съ капитала. Объ американцѣ во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать обратное. Дѣло не только въ томъ, что онъ относится къ потерѣ съ душевнымъ спокойствіемъ, а къ выигрышу — съ презрѣніемъ; важнѣе всего, что онъ ни за какія блага не отказался бы отъ удовольствія, связаннаго съ работою добыванія. Добылъ ли онъ много или мало, онъ во всякомъ случаѣ будетъ терпѣливо продолжать свою работу, и подобно тому какъ ни одинъ ученый или художникъ не вздумаетъ заявить, что онъ уже достаточно поработалъ и теперь хочетъ быть рантье въ области науки или литературы, такъ и ни одинъ американецъ не подумаетъ, находясь въ цвѣтѣ силъ, уйти съ арены дѣловой работы. Положеніе рантье въ Америкѣ почти неизвѣстно. И молодые люди, не выбирающіе себѣ никакой профессіи потому, что «не нуждаются», могутъ заслужить общественное уваженіе только въ томъ случаѣ, если отдаютъ свои силы на служеніе общему благу. Кто только владѣетъ, но не работаетъ, тотъ не можетъ никакимъ внѣшнимъ великолѣпіемъ завоевать себѣ положеніе въ обществѣ.

Отсюда уже ясно, что американецъ не домогается денегъ прежде всего какъ средства, доставляющаго матеріальныя блага. Но этого взгляда, конечно, не слѣдуетъ понимать слишкомъ широко. Безспорно, богатый американецъ позволяетъ себѣ, а еще больше своей женѣ и дочерямъ, всевозможную роскошь. Нигдѣ въ мірѣ частные дома не содержатъ большихъ драгоцѣнностей, нигдѣ не тратится такъ много на туалеты и бриллианты, на экипажи и прислугу, на загородные дома и яхты, на произведенія искусства и домашнія библіотеки, и многимъ, безъ сомнѣнія, приходится усиленно работать въ дѣлѣ для того, чтобы покрывать ежегодные расходы своего дорогого домашняго хозяйства. То же самое, безъ сомнѣнія, повторяется и въ низшихъ сферахъ; по европейскимъ понятіямъ, и рабочій живетъ роскошно. Тѣмъ не менѣе ни одинъ человѣкъ, дѣйствительно знающій страну, не станетъ отрицать, что собственно матеріальныя блага въ Новомъ Свѣтѣ играютъ меньшую роль, чѣмъ въ Старомъ. Европейцамъ всегда бросалось въ глаза, какое большое мѣсто въ жизни американцевъ принадлежитъ работѣ и какъ мало его отводится для удовольствій. Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что американцы еще не научились пользоваться жизнью, что они умѣютъ добывать деньги, но не умѣютъ съ помощью денегъ доставлять себѣ наслажденіе. И это мнѣніе совершенно вѣрно. Только при этомъ упускается изъ виду главное,—именно, что для американца, благодаря его особой душевной организаціи, самое добываніе денегъ и является высшимъ наслажденіемъ, что самодѣятельность, связанная съ этимъ добываніемъ, доставляетъ ему больше удовольствія, чѣмъ могла бы доставить трата денегъ въ какой бы то ни было формѣ.

Поэтому совершенно неправильно клеймятъ американцевъ названіемъ матеріалистовъ и отрицаютъ въ нихъ идеалистическія черты. Предполагается, что народъ состоитъ сплошь изъ матеріалистовъ, если интересы его вращаются главнымъ образомъ вокругъ вопросовъ изъ міра матеріи, народъ же, который интересуется преимущественно не матеріальными предметами, охотно считаетъ себя народомъ идеалистовъ. Но здѣсь мы имѣемъ предъ собою совершенно произвольное смѣшеніе понятій. Конечно, въ философіи можно сводить противоположность матеріалистическаго и идеалистическаго міровоззрѣнія къ противоположности матеріальныхъ и не-матеріальныхъ объектовъ. При этомъ матеріалистической должна быть названа та псевдо-философская теорія, которая объясняетъ все существующее присутствіемъ реальныхъ матеріальныхъ объектовъ, идеалистическимъ же должно быть названо такое міросозерцаніе, которое предполагаетъ, что существованіе матеріальныхъ

вещей зависитъ отъ реальности духовныхъ явленій. Когда же мы говоримъ о народѣ матеріалистовъ или идеалистовъ, то должны имѣть въ виду не метафизическія понятія — что было бы простою игрой словъ, — а должны понимать эти слова въ ихъ соціально-психологическомъ и этическомъ значеніи. Въ области же нравственности подъ матеріалистическими взглядами понимаются взгляды, направленные главнымъ образомъ на наслажденіе, а подъ идеалистическими — такія воззрѣнія, при которыхъ мотивомъ являются не пріятныя послѣдствія какого нибудь дѣла, а цѣнность самого этого дѣла.

Когда же понятія матеріализма и идеализма принимаются въ этомъ этическомъ значеніи, то очевидно, что совершенно не важно, воплощаются ли названныя два міровоззрѣнія въ жизни при выполненіи матеріальныхъ или не-матеріальныхъ задачъ. Кто матеріалистически относится къ жизни, для кого мотивомъ служитъ не нравственная цѣнность, а пріятное дѣйствіе вещей, тотъ можетъ одинаково получать эгоистическое наслажденіе съ помощью матеріальныхъ и не-матеріальныхъ объектовъ. Получаемъ ли мы наслажденіе отъ ѣды и чувственности, отъ своего имущества или денегъ, отъ политики, науки или искусства,—мы будемъ матеріалистами, покуда намъ недостаетъ вѣры, покуда искусство служитъ для насъ только средствомъ наслажденія, научная работа—путемъ къ славѣ, политическая дѣятельность — орудіемъ власти, а умственная дѣятельность—только способомъ для достиженія успѣха. Для того же, кто идеалистически относится къ жизни, кто совершаетъ извѣстное дѣло потому, что вѣритъ въ цѣнность этого дѣла, для того безразлично, проводитъ ли онъ свое идеалистическое міровоззрѣніе въ жизни при помощи физическихъ или духовныхъ процессовъ, произноситъ ли онъ рѣчи, пишетъ ли стихи или рисуетъ картины, является ли правителемъ или судьей, или онъ строитъ мосты, прокладываетъ рельсы, осушаетъ болота и дѣлаетъ плодородными пустыни, извлекаетъ сокровища изъ нѣдръ земли и покоряетъ силы природы. Въ этомъ смыслѣ культура Стараго Свѣта грозитъ во многихъ мѣстахъ принять вполнѣ матеріалистическій характеръ,—особенно тамъ, гдѣ она наиболѣе громко говоритъ о духовныхъ благахъ и съ презрѣніемъ смотритъ на все матеріальное; и въ этомъ смыслѣ культура Новаго Свѣта все возвышается до самаго чистаго идеализма, — особенно тамъ, гдѣ она упорно занята вопросами физической природы и созданіемъ матеріальныхъ благъ.

Въ этомъ заключается суть дѣла: экономическая жизнь означаетъ для американца созданіе такихъ реальныхъ величинъ, которыя сами по себѣ имѣютъ цѣнность. Эта жизнь для него не средство, ведущее къ извѣстной цѣли, а сама — цѣль. Если

два колоса выростаютъ тамъ, гдѣ раньше выросталъ одинъ, если два рельсовыхъ пути проходятъ тамъ, гдѣ раньше проходилъ одинъ, если производство, обмѣнъ и оживленность сношеній увеличиваются и предпріятія процвѣтаютъ, то этимъ создается жизнь и, слѣдовательно, нѣчто само по себѣ цѣнное. Жителю европейскаго континента экономическая дѣятельность представляется вполнѣ почтенною, но она не представляется ему благородной. Онъ смотритъ на эту дѣятельность, какъ на средство содержать себя и свою семью, а свою задачу видитъ въ томъ, чтобы удовлетворять потребности, которыя уже существуютъ.

Купецъ въ Европѣ не чувствуетъ, что онъ творитъ свободно, подобно художнику или ученому. Онъ — не изобрѣтатель, не завоеватель, не производитель, и потому кажется, будто затрачиваемая имъ духовная энергія отдана на служеніе низменной цѣли, которой служатъ только въ силу жизненной необходимости. Что созданіе экономическихъ цѣнностей само является культурною работой въ высшемъ смыслѣ, работою, которая цѣнна независимо отъ того, приноситъ ли она пользу создающему или нѣтъ, что усиливать и развивать жизнь національнаго экономическаго организма есть дѣло великое само по себѣ,—это чувствовали иные царственные купцы въ прошломъ Европы, это знаютъ и теперь многіе ганзейцы; но народному сознанію чуждъ этотъ взглядъ, между тѣмъ какъ вся американская атмосфера проникнута именно этимъ чувствомъ. Подобно тому, какъ Гуттенъ нѣкогда воскликнулъ: «Жить въ настоящемъ вѣкѣ — наслажденіе: науки и искусства процвѣтаютъ», такъ и американецъ готовъ воскликнуть: «Жить въ наше время—наслажденіе; торговля, обмѣнъ, промышленность процвѣтаютъ». Каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя выше отъ того, что можетъ быть частью этого огромнаго цѣлаго, а соціальныя душевныя вліянія этого основного настроенія должны, конечно, проявляться во всей національной жизни.

Ни одна нація не можетъ прилагать всѣхъ своихъ силъ къ такой сферѣ дѣятельности, которой она, по глубочайшему своему убѣжденію, не придаетъ самостоятельной цѣны. Что дѣлается только по необходимости, къ тому никогда не привлекаются самыя значительныя силы націи. Люди же второго ранга не создаютъ нигдѣ чего нибудь великаго. Если лучшія силы какой нибудь націи смотрятъ на экономическую дѣятельность сверху внизъ если у нея нѣтъ настоящей вѣры въ культурную цѣнность этой области, и творческіе умы держатся въ сторонѣ отъ нея, то такая нація въ экономическомъ отношеніи по необходимости останется позади другихъ, у которыхъ самыя геніальныя силы съ идеалистической страстностью отдаются служенію національнымъ экономическимъ задачамъ. Ихъ дѣятельность тамъ

цѣнится, какъ культурная работа, и слава вмѣстѣ съ любовью къ дѣлу служитъ для нихъ болѣе сильнымъ стимуломъ, чѣмъ выгода, которую они получаютъ. Да и самая выгода служитъ для нихъ прежде всего мѣриломъ того, что они сдѣлали на пользу культурѣ.

Американскій купецъ творитъ ради денегъ точно такъ же, какъ истинный художникъ пишетъ ради денегъ. Высокая плата, которая предлагается за его картину, служитъ для него желаннымъ доказательствамъ того, насколько цѣнится его искусство; но онъ никогда не найдетъ такой оцѣнки, если будетъ работать кистью только ради денегъ, а не ради воплощенія художественнаго идеала. Использовать экономическія силы огромной страны, сдѣлать лѣса и поля, горы и рѣки достояніемъ экономической культуры, возбуждать въ милліонномъ населеніи все новыя потребности и удовлетворять эти потребности собственными средствами, увеличивать богатство націи и, въ концѣ-концовъ, экономически господствовать надъ всѣмъ міромъ, а внутри собственнаго народа повысить экономическую силу каждой отдѣльной личности до неслыханнаго уровня,—такова цѣль, которая загипнотизировала американца, а идеалистическая вѣра въ культурную цѣнность этой цѣли облагородила работу всякаго, кто содѣйствуетъ ея достиженію.

Испытать свои силы въ служеніи этой культурной задачѣ представляется соблазнительнымъ даже для маленькихъ мальчиковъ. Подобно тому, какъ нѣкоторые мальчики рано начинаютъ писать стихи или рисовать, такъ въ Америкѣ всякій деревенскій парень, всякій городской мальчуганъ стремится какимъ нибудь образомъ принять участіе въ этой лихорадочной экономической работѣ націи; продаетъ ли онъ газеты на улицѣ или помогаетъ доить коровъ на сосѣдней фермѣ,—онъ гордится тѣми нѣсколькими центами, которые приноситъ домой, но гордится не потому, что у него есть теперь деньги, а потому, что самъ ихъ заработалъ, собственный же заработокъ является единственнымъ возможнымъ доказательствомъ того, что его работа была полезна для экономической жизни страны. Только это служитъ для него стимуломъ и наполняетъ его гордостью, и если изъ маленькаго разносчика газетъ затѣмъ сдѣлался президентъ большой желѣзно-дорожной компаніи, а изъ деревенскаго парня—крупный фабрикантъ, то оба, располагая уже милліонами, все же постоянно заняты одною только мыслью о томъ, какъ они могли бы расширить и углубить экономическую жизнь націи, въ какихъ новыхъ предпріятіяхъ могли бы найти приложеніе своимъ творческимъ силамъ. И при этомъ отъ начала до конца содержаніемъ ихъ жизни служитъ не награда

за ихъ трудъ, а самый трудъ—экономическая культурная дѣятельность.

Люди, чувствовавшіе именно такъ, сдѣлали націю великой, и ни одинъ американецъ не согласился бы признать, что человѣкъ, посвящающій свою жизнь административной или судебной дѣятельности, или искусству, или наукѣ, можетъ создать нѣчто болѣе высокое въ культурномъ отношеніи или нѣчто вообще болѣе цѣнное. О матеріалистическомъ образѣ мыслей при всемъ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что наиболѣе одаренные молодые люди, самыя лучшія въ соціальномъ смыслѣ силы посвящаютъ себя экономической дѣятельности, и что молодые люди изъ лучшихъ семействъ послѣ посѣщенія университета съ воодушевленіемъ поступаютъ въ контору. Какую цѣнность имѣетъ экономическая жизнь въ народномъ сознаніи, объ этомъ можно судить по обычнымъ разговорамъ. Въ Америкѣ объ экономическихъ движеніяхъ говорятъ съ такимъ всеобщимъ интересомъ, съ какимъ въ Европѣ относятся къ политикѣ, искусству и наукѣ, но рѣдко—къ коммерческимъ вопросамъ. Люди, совсѣмъ не собирающіеся покупать или продавать биржевыя бумаги, бесѣдуютъ о повышеніи и паденіи курса различныхъ бумагъ такъ же оживленно, какъ въ Европѣ бесѣдуютъ о парламентскихъ дебатахъ. А новыя предпріятія, возникающія въ какомъ нибудь городѣ, наполняютъ сердца мѣстныхъ жителей особой гордостью, которая постоянно обнаруживается въ разговорахъ.

Итакъ, центральною силою во всей этой сферѣ жизни является не корыстолюбіе и вообще не мысль о деньгахъ, а одинъ лишь духъ самодѣятельности. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что духъ этотъ такъ сильно развился. Если духъ самоопредѣленія былъ историческимъ продуктомъ колоніальной эпохи, то духъ самодѣятельности является необходимымъ результатомъ періода піонерской работы. Люди, переселявшіеся въ Новый Свѣтъ, должны были бороться съ природой. Даже тамъ, гдѣ природа изобиловала богатствами, богатства эти приходилось завоевывать. Лѣса надо было свести, болота осушить. Всемірная выставка въ память столѣтія со дня пріобрѣтенія Луизіаны устроена была въ С. Луи—городѣ съ 8000 фабриками, а всего только три поколѣнія тому назадъ вся эта мѣстность еще была совершенно дикой.

Начиная съ тѣхъ дней, когда первые піонеры проникли изъ береговой полосы внутрь страны, и кончая тѣми днями, наступившими двумя столѣтіями позднѣе, когда рельсовый путь былъ проложенъ черезъ Скалистыя горы отъ Атлантическаго до Великаго океана, исторія націи была исторіей борьбы противъ природы, исторіей упорныхъ завоеваній. И въ теченіе

цѣлыхъ столѣтій эта борьба велась, такъ сказать, единичнымъ человѣкомъ, одновременно въ сотняхъ тысячъ мѣстъ благодаря изолированной работѣ піонеровъ. Кто не умѣлъ настойчиво работать, тотъ долженъ былъ погибнуть. Но огромность задачи увеличивала силы и заставляла духъ самодѣятельности обнаруживаться самымъ энергичнымъ образомъ. При этомъ и историческія условія переселенія сами оказывали здѣсь вліяніе въ смыслѣ отбора: только наиболѣе энергичные люди находили въ себѣ достаточно мужества, чтобы оторваться отъ родныхъ очаговъ; только самые смѣлые отваживались въ тѣ времена на переѣздъ черезъ океанъ. И ихъ потребность создавать находила себѣ полное удовлетвореніе въ Новомъ Свѣтѣ, потому что, какъ говоритъ Эмерсонъ, «Америка — это, въ сущности, только другое названіе для безграничныхъ возможностей».

Но это наслѣдство отъ эпохи піонеровъ не можетъ исчезнуть и при измѣнившихся условіяхъ настоящаго времени. И нѣкоторыя побочныя обстоятельства должны еще способствовать развитію въ людяхъ этой потребности — сознать самихъ себя путемъ экономической работы. Какъ политическая, такъ и соціальная жизнь демократіи требуетъ равенства, и въ ней поэтому рѣшительно не должно быть мѣста для классовыхъ различій, для титуловъ и орденовъ.

Но единообразіе общества, въ которомъ дѣйствительно отсутствуютъ всякія различія, было бы, конечно, нестерпимо, и вотъ неизбѣжно получаютъ все большее значеніе тѣ элементы различія, которые не могутъ быть устранены. Въ монархическихъ странахъ имущественныя различія могутъ гораздо болѣе ослабляться титулами, орденами, дворянскимъ достоинствомъ, чѣмъ въ демократическихъ государствахъ, и отсюда естественно вытекаетъ тотъ фактъ, что въ странахъ, гдѣ принципіально не допускается оффиціальная классификація, люди домогаются богатства, которое само по себѣ является средствомъ къ возвышенію. Однако не можетъ быть сомнѣнія, что богатство въ Соединенныхъ Штатахъ обладаетъ этой способностью— возвышать людей, собственно, только потому, что въ немъ видятъ подлинное мѣрило самодѣятельности, а связь между благосостояніемъ и личными способностями, нѣкогда дѣйствительно бывшая очень простою, и теперь еще признается народнымъ сознаніемъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это было бы допустимо съ объективной точки зрѣнія. Слѣдствіемъ этого является, что всякій американецъ старается обставить свою жизнь возможно лучше съ внѣшней стороны. Онъ видитъ въ этомъ только выраженіе того факта, что онъ хорошо выдержалъ экзаменъ существованія, что онъ обнаруживаетъ самодѣятельность и за эту самодѣятельность желаетъ пользоваться по-

четомъ со стороны окружающихъ. Это, вытекающее изъ интенсивности экономической жизни, стремленіе къ хорошей внѣшней обстановкѣ, въ свою очередь, является источникомъ чрезвычайнаго усиленія экономической жизни. Высокія жизненныя потребности рабочаго, ремесленника, крестьянина больше всего способствуютъ увеличенію экономическихъ силъ націи.

Этотъ духъ самодѣятельности прежде всего вліяетъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что всякая работа — дѣйствительная, а не кажущаяся только, требуетъ уваженія и никогда не унижаетъ того, кто ее дѣлаетъ. И дѣйствительно, въ Америкѣ можно часто видѣть людей, которые переходятъ отъ одной профессіи къ другой, по европейскимъ понятіямъ менѣе почетной, но чувство американцевъ этимъ не оскорбляется. Американцы особенно охотно берутъ побочныя работы, помимо своего главнаго занятія, и здѣсь также встрѣчаются часто поразительные контрасты. Разумѣется, для всего этого существуютъ извѣстныя границы, и соціальный этикетъ играетъ значительную роль, хотя американцы это и отрицаютъ. Если, напримѣръ, священникъ мѣняетъ свой санъ на званіе редактора или на мѣсто руководителя какой нибудь фабрики, то этому никто не удивляется. Если онъ дѣлается агентомъ страхового общества, то это кажется страннымъ. Если же — и это не выдуманный примѣръ — онъ становится распространителемъ патентованнаго медицинскаго средства противъ накожныхъ болѣзней, то это вызываетъ ужасъ.

То же самое надо сказать и о побочныхъ занятіяхъ. Когда, напримѣръ, студентъ университета репетируетъ съ другими студентами, то это представляется вполнѣ естественнымъ; если онъ въ теченіе каникулъ служитъ швейцаромъ въ какой нибудь лѣтней гостиницѣ или во время семестра добываетъ себѣ средства къ существованію въ качествѣ кочегара при станціи центральнаго отопленія, то общество, пожалуй, сожалѣетъ, что онъ вынужденъ прибѣгать къ такому занятію, но находитъ его вполнѣ почтеннымъ и корректнымъ. Если же онъ во время каникулъ поступаетъ въ парикмахеры или во время семестра служитъ въ художественномъ училищѣ нагою моделью, то къ нему относятся безъ уваженія, такъ какъ роль модели пассивна и, слѣдовательно, не требуетъ самодѣятельности, а бритье есть форма личнаго услуженія, несовмѣстимая съ духовнымъ достоинствомъ студенческой работы. Такимъ образомъ, соціальное чувство вноситъ на практикѣ и въ Новомъ Свѣтѣ рѣшительную поправку къ теоретическому положенію о равноцѣнности всякой работы; однако не подлежитъ сомнѣнію, что область, въ которой примѣняется это положеніе, здѣсь неизмѣримо шире, чѣмъ

въ Старомъ Свѣтѣ, и рѣшающимъ принципомъ всюду остается вопросъ о самодѣятельности.

Соціальное равенство, которое существуетъ въ Америкѣ въ очень широкихъ предѣлахъ и которымъ мы подробнѣе займемся въ другомъ мѣстѣ, было бы практически невозможно, если бы въ народномъ сознаніи не господствовала вѣра въ равную цѣнность всякой дѣйствительной работы. Приноситъ ли работа большій или меньшій доходъ, требуетъ ли она значительной или незначительной подготовки, это считается не существеннымъ при оцѣнкѣ человѣка. Рѣшающее значеніе принадлежитъ тому факту, наполнена ли его жизнь самодѣятельностью, или онъ пассивно принимаетъ тѣ условія существованія, въ которыя поставленъ.

Народъ, который такъ высоко ставитъ экономическую самодѣятельность, долженъ быть прилеженъ. И дѣйствительно, одно изъ самыхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя получаешь въ Америкѣ,—это, что населеніе ея прилежно работаетъ, что удовольствіе и все прочее, требующее свободнаго времени, существуетъ только ради того, чтобы сохранялась бодрость для работы. Но тотъ, кто желаетъ быть прилеженъ не временами, а постоянно, тотъ долженъ умѣть использовать свои силы самымъ вѣрнымъ способомъ. И именно въ этомъ искусствѣ американскій народъ достигъ такой высоты, какая недоступна ни одной изъ другихъ націй. Прежде всего сюда надо отнести уже трезвость. Невозможно быть приверженнымъ къ утренней выпивкѣ и въ то же время выполнять максимальное количество работы. Американецъ, который работаетъ, допускаетъ употребленіе спиртныхъ напитковъ только по окончаніи рабочаго времени, и это одинаково надо сказать о милліонерѣ, ведущемъ фабрику, и объ его рабочемъ, о президентѣ желѣзнодорожной компаніи и о кондукторѣ. Съ другой стороны, американскій работникъ—безразлично, работаетъ ли онъ руками или головою,—знаетъ, что только при хорошемъ питаніи возможна вполнѣ продуктивная работа. И то, что сберегается рабочимъ на пивѣ и водкѣ, добросовѣстно употребляется имъ на ростбифъ. Часто замѣчали, что американецъ, несмотря на свое чрезвычайное напряженіе, никогда не переутомляется, Напримѣръ, рабочіе на фабрикахъ никогда не работаютъ въ поту. И здѣсь дѣло заключается въ томъ умѣньѣ распоряжаться своими силами, которое обезпечиваетъ наибольшую продуктивность работы на возможно большій срокъ.

Это умѣнье особенно сказывается въ изумительномъ, буквально виртуозномъ распредѣленіи временъ. Поверхностные наблюдатели иногда дѣлали ложное заключеніе, будто американцы всегда торопятся; въ дѣйствительности надо сказать

прямо противоположное. Кто постоянно долженъ спѣшить, тотъ плохо распорядился своимъ временемъ, у того, слѣдовательно, нѣтъ ни для какого дѣла достаточно времени, чтобы сдѣлать это дѣло вполнѣ хорошо. Американецъ совсѣмъ не спѣшитъ; но онъ располагаетъ свое время такимъ образомъ, чтобы нигдѣ этотъ драгоцѣнный матеріалъ не тратился понапрасну. Онъ не любитъ ожиданія и бездѣлья. Одна работа слѣдуетъ непосредственно за другой, и каждая съ дѣловой точностью выполняется, когда до нея доходитъ очередь. Время свиданія назначается съ точностью до одной минуты, и условіе всегда соблюдается; результатомъ является то, что американцу не только нигдѣ не приходится спѣшить, но у него еще остается время для всевозможныхъ вещей. Надо удивляться, какъ извѣстные дѣятели, подвизающіеся въ политической, или экономической, или умственной сферѣ, имѣющіе тысячи отвѣтственныхъ дѣлъ и какъ будто непомѣрно обремененные работою, находятъ, благодаря этой изумительной организаціи всего окружающаго и благодаря распредѣленію собственныхъ рабочихъ часовъ, время заниматься еще всѣмъ, чѣмъ угодно.

Среди многочисленныхъ вещей, для которыхъ у американца находится время благодаря его мастерскому распредѣленію дня, есть и такія, которыя, собственно, кажутся совершенно излишними для занятого человѣка. Онъ тратитъ, напримѣръ, очень значительную часть своего времени на туалетъ, или на спортъ, или на чтеніе газетъ, такъ что распространенное въ Европѣ представленіе, будто американецъ не только постоянно спѣшитъ, но и ни для чего кромѣ своей работы не имѣетъ времени,—это представленіе во всѣхъ отношеніяхъ оказывается не вѣрнымъ.

Этой утилизаціи силъ посредствомъ распредѣленія времени вполнѣ соотвѣтствуетъ и строгая дѣловитость во всякой работѣ. Дѣло выполняется дѣловымъ образомъ. Банкиръ, роскошный домъ котораго наполненъ самыми великолѣпными произведеніями искусства, не переноситъ, чтобы его рабочія помѣщенія были украшены чѣмъ нибудь, не имѣющимъ отношенія къ дѣлу. Каждое рабочее помѣщеніе какъ бы носитъ печать строгаго исполненія долга, и если иностранецъ легко можетъ принять это за сухость, то американецъ, наоборотъ, чувствуетъ въ каждомъ уклоненіи отъ этого принципа недостатокъ серьезности и дѣловитости. Типична и та полнѣйшая аккуратность, съ которою американецъ ведетъ свою переписку. Статистика показываетъ, что ни въ одной изъ остальныхъ странъ всего міра не приходится такого количества писемъ на каждаго жителя; на каждое дѣловое письмо въ тотъ же день пишется съ дѣловою краткостью отвѣтъ. Мы видимъ здѣсь передъ со-

бою огромный аппаратъ, который достигаетъ максимальной продуктивности при минимальномъ треніи благодаря величайшей точности въ работѣ всѣхъ его частей.

Народъ, который ищетъ самодѣятельности, долженъ пробуждать въ каждомъ изъ своихъ работниковъ духъ иниціативы. Натура этого экономическаго организма ничѣмъ не характеризуется лучше, чѣмъ той интенсивностью, съ какой самостоятельно мыслитъ и дѣйствуетъ всякій работникъ—на какомъ бы то ни было поприщѣ. И здѣсь также люди, смотрящіе со стороны, часто ложно понимаютъ дѣйствительное положеніе вещей. Отъ лицъ, путешествовавшихъ по Америкѣ, часто приходится слышать, что въ этой странѣ благодаря развитію техники должно пострадать умственное развитіе рабочихъ; успѣхи американской техники, по ихъ словамъ, обусловлены, главнымъ образомъ, чрезмѣрнымъ раздѣленіемъ труда, а такая спеціализація, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что каждый отдѣльный рабочій въ какой нибудь фабрикѣ видитъ только самую маленькую часть всего производства, что онъ, такъ сказать, всю жизнь долженъ продѣлывать одинъ и тотъ же затверженный пріемъ, долженъ постоянно обработывать одну и ту же частицу нѣкоторой части производимаго продукта. Этотъ взглядъ совершенно неправиленъ. Кто такъ думаетъ, тотъ и не подозрѣваетъ, что именно въ самомъ мельчайшемъ царитъ величайшее разнообразіе, что, такимъ образомъ, о притупляющей монотонности работы, какъ слѣдствіи спеціализаціи, не можетъ быть и рѣчи. Именно спеціализація, съ одной стороны, приводитъ къ величайшему мастерству, а съ другой—даетъ такое знакомство съ многообразіемъ совершающихся процессовъ, что рабочій начинаетъ стремиться самостоятельно понять ихъ и способствовать разрѣшенію стоящихъ еще на очереди вопросовъ.

Кто занимается сложнымъ дѣломъ во всей его совокупности или постоянно переходитъ отъ одного дѣла къ другому, тотъ никогда не можетъ настолько углубиться въ свой предметъ, чтобы начать замѣчать даже самыя мелкія различія. Только тотъ, кто спеціализируется и сосредоточивается на чемъ нибудь одномъ, получаетъ способность направлять свое вниманіе на мелкія различія. Только благодаря этому онъ дѣлается въ своей узкой сферѣ такимъ знатокомъ, что никто не можетъ вмѣшиваться въ его работу безъ ущерба для нея, и что самъ онъ ничему не можетъ научиться отъ другого, а долженъ въ своей спеціальной области самъ до всего доходить. Къ техникѣ это относится въ такой же мѣрѣ, какъ, напримѣръ, и къ наукѣ. Человѣку, который стоитъ въ сторонѣ отъ науки, кажется безконечно однообразною работа ученаго, всю жизнь занимающагося жуками или ассирійскими надписями. Но кто знакомъ

съ научнымъ методомъ, тотъ знаетъ, что чѣмъ болѣе узка избранная для работы область, тѣмъ яснѣе сознается работающимъ разнообразіе явленій. Торжество технической спеціализаціи въ Америкѣ и заключается именно въ томъ, что отдѣльный работникъ въ своей тѣсной области подмѣчаетъ такое многообразіе, которое совершенно ускользаетъ отъ вниманія лицъ, вѣдающихъ дѣло въ цѣломъ. А только тотъ, кто видитъ это многообразіе, можетъ найти новые пути для того, чтобы съ нимъ совладать. Такимъ образомъ, именно спеціалистъ-работникъ двигаетъ впередъ технику, предлагаетъ различныя усовершенствованія, работаетъ головою и этимъ путемъ самъ достигаетъ повышенія по службѣ. Подобно тому какъ въ самоопредѣленіи на периферіи заключается подлинная сила политической жизни въ Америкѣ, такъ и въ этой самодѣятельности на периферіи, въ этихъ экономическихъ стремленіяхъ самаго узкаго спеціалиста-работника заключается подлинная сила всей экономической жизни страны.

Духу самодѣятельности чужда всякая мелочность. Кто посвящаетъ себя экономической дѣятельности только ради барыша, тотъ склоненъ считать себя умнымъ, если ему удается нажить или съэкономить что-нибудь по мелочамъ. Тотъ же, кто изъ идеализма стремится къ экономической культурѣ и въ ея сферѣ желаетъ работать, тотъ интересуется цѣлымъ и видитъ экономическую выгоду лишь тамъ, гдѣ выигрываютъ обѣ стороны—и дающій, и получающій; такимъ образомъ самое мелкое занятіе получаетъ характеръ чего-то крупнаго. Американцы постоянно жалуются на европейскую мелочность въ торговыхъ дѣлахъ, и даже самые разсудительные американскіе коммерсанты утверждаютъ, что преимущества американской экономической культуры на самомъ дѣлѣ заключаются не въ богатствѣ страны, а въ свободномъ экономическомъ розмахѣ американской націи, которой претитъ всякая мелочность. Континентальные европейцы—такъ говорятъ постоянно въ Америкѣ—лишаются экономическихъ успѣховъ изъ-за своей мелочной придирчивости, изъ-за склонности сберегать гроши и изъ-за недостатка смѣлости, который не позволяетъ имъ рѣшаться на крупные расходы. Безъ сомнѣнія, такое направленіе духу самодѣятельности было дано прежде всего величіемъ самой природы. Безконечныя пространства и огромныя богатства, лежавшія передъ піонеромъ, придавали его духу такую предпріимчивость, которая не останавливается передъ мелочами и не въ мелочахъ ищетъ себѣ награды. Отъ представителей американской промышленности часто приходится слышать, что они намѣренно отказываются вести дѣла съ нѣкоторыми европейскими фирмами, такъ какъ педантическіе ра-

счеты и мелочная придирчивость имъ слишкомъ непріятны и отнимаютъ слишкомъ много времени.

Эта черта отражается всюду и не въ коммерческой жизни. Во время путешествія, напримѣръ, американецъ вмѣсто того, чтобы производить точные расчеты, предпочитаетъ платить круглыя суммы, хотя бы въ общемъ расходы отъ этого значительно увеличились; и больше всего его раздражаетъ при расчетахъ, если не сразу выставляютъ ему высокія цѣны, а желаютъ соблазнить его мелкими уступками. Въ крупныхъ же сферахъ экономической жизни это презрѣніе къ мелочнымъ расчетамъ проявляется такъ сильно, что европеецъ можетъ только поражаться. Машины, стоящія сотни тысячъ и вчера еще бывшія новыми, сегодня выбрасываются, потому что появились новыя, болѣе усовершенствованныя; въ этихъ крупныхъ областяхъ экономической жизни находятъ возможнымъ довольствоваться только самымъ лучшимъ, а въ расходахъ, которые обѣщаютъ окупиться, вообще не признается экономіи.

Съ этимъ связывается по необходимости опредѣленное отношеніе къ ближнему. Только тотъ, кто мелоченъ, можетъ испытывать зависть. Зависть, это—слово, котораго никогда не было въ лексиконѣ американца. Разъ за цѣль принимается не собственный заработокъ, а экономическая культура, то наряду съ собственнымъ успѣхомъ долженъ давать удовлетвореніе и успѣхъ другого. Американецъ испытываетъ буквально эстетическое наслажденіе, наблюдая, какъ въ сотняхъ мѣстъ совершается это экономическое движеніе впередъ, и самъ участвуя въ этомъ движеніи; и чѣмъ большаго достигаютъ другіе, тѣмъ сильнѣе каждымъ сознается все величіе задачи. Люди борются между собою — въ этомъ сущность свободной конкурренціи, которая служитъ первымъ и самымъ важнымъ условіемъ экономическаго прогресса; люди борются между собою всякими средствами, но когда одинъ побѣждаетъ, то другой не приходитъ въ уныніе и ужъ конечно не испытываетъ зависти, а начинаетъ собираться съ силами для слѣдующей попытки. И эта экономическая борьба ведется такъ же, какъ игра и спортъ: удовольствіе въ самой борьбѣ. Человѣкъ, играющій въ шахматы и получившій матъ въ интересной партіи, не жалѣетъ о томъ, что игралъ и не завидуетъ противнику.

Вся сфера экономической дѣятельности получаетъ болѣе благородный характеръ благодаря этому твердому сознанію, что здѣсь нѣтъ зависти и что, въ сущности, при всей борьбѣ конкурентовъ ихъ все же связываетъ извѣстное чувство солидарности. Самымъ непосредственнымъ результатомъ этого является чувство взаимнаго довѣрія. Континентальнымъ европейцамъ

почти незнакомо экономическое довѣріе въ такой мѣрѣ, въ какой оно существуетъ между американцами. Послѣдніе полагаются взаимно на чувство чести такъ, что въ Европѣ это было бы принято почти за непростительное легкомысліе; и все же именно въ этомъ—залогъ крѣпости и устойчивости экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ.

Забавно читать въ недавно появившейся статьѣ, направленной противъ общества Standard Oil Company, какую насильственную экономическую политику могъ проводить человѣкъ, подобный Рокфеллеру,—и вдругъ среди самыхъ жестокихъ нападокъ наткнуться на заявленіе, что эти соглашенія, гдѣ рѣчь шла о милліонахъ и гдѣ, такимъ образомъ, рѣшалась экономическая участь многихъ тысячъ людей,—что эти соглашенія часто бывали заключены только устно. Слово Рокфеллера имѣло для всѣхъ такое же значеніе, какъ и подписанный контрактъ. Но касается ли дѣло какого нибудь милліардера, который долженъ выплатить милліоны, или уличнаго мальчугана, который долженъ вернуть нѣсколько центовъ,—взаимное довѣріе въ томъ и другомъ случаѣ одинаково подразумѣвается само собою. На общественныхъ путяхъ сообщенія нѣтъ почти никакого контроля. Всякій, такъ сказать, принимаетъ расписку всякаго другого, какъ наличныя деньги. Вся экономическая жизнь строится на этомъ взаимномъ довѣріи, и нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ психическихъ моментахъ заключалось самое важное условіе для развитія и процвѣтанія всѣхъ крупныхъ экономическихъ организацій.

Духъ самодѣятельности ведетъ еще и къ другимъ послѣдствіямъ. Онъ долженъ быть проникнутъ оптимизмомъ, онъ долженъ вѣрить въ успѣхъ, и никакія превратности судьбы не должны лишать его бодрости; а этотъ оптимизмъ, въ свою очередь, является источникомъ предпріимчивости, съ одной стороны, и изобрѣтательности—съ другой. Труднымъ предпріятіемъ было отправиться за океанъ; труднымъ предпріятіемъ было проникнуть изъ береговой полосы внутрь не населенной страны; труднымъ предпріятіемъ было подчинить себѣ здѣшнюю природу, создать культуру на этой почвѣ, побѣдить окружающихъ со всѣхъ сторонъ враговъ,—и все это, тѣмъ не менѣе, удалось. А вмѣстѣ съ расширеніемъ страны увеличивался розмахъ отдѣльной личности, увеличивалась охота къ новымъ предпріятіямъ, росло желаніе не только сохранять, но и вновь создавать, смѣло ставить на карту свое достояніе, свою честь и свою личность для того, чтобы вызвать къ жизни нѣчто еще невиданное. Мысль о новомъ предпріятіи опьяняетъ всякаго янки. Уже на школьной скамьѣ онъ думаетъ о предпріятіяхъ, и чѣмъ они рискованнѣе, тѣмъ болѣе они привлекательны для него.

Духъ предпріимчивости лучше всего характеризуетея той ролью, которую играло въ Америкѣ желѣзно-дорожное строительство. Въ другихъ странахъ желѣзныя дороги строились для того, чтобы связать между собою существующія поселенія и чтобы обслуживать готовые уже культурные центры. Въ Америкѣ же строитель желѣзныхъ дорогъ былъ прежде всего созидателемъ новой культуры. Онъ прокладывалъ рельсы не только тамъ, гдѣ земля эксплуатировалась, но повсюду, гдѣ его проницательный умъ предвидѣлъ возможность будущей эксплуатаціи. Сперва появлялась желѣзная дорога, а затѣмъ являлись люди, которые ею пользовались. Сперва появлялись товарные вагоны, а затѣмъ изъ земли извлекались богатства, которыя должны были служить грузомъ для желѣзной дороги. Сперва возникали желѣзно-дорожныя станціи, а затѣмъ вокругъ нихъ развивались поселенія. Конечно, каждая желѣзно-дорожная компанія имѣла при этомъ въ виду свою собственную выгоду, но въ результатѣ все же являлось созданіе новой культуры.

Далѣе, кто вѣритъ въ своемъ оптимизмѣ, что всякій вопросъ, разъ онъ опредѣленно поставленъ, можетъ быть и разрѣшенъ, и что разрѣшенія его надо ожидать отъ самого себя,— въ томъ непремѣнно разовьется душевная сила, всегда бывшая отличительной чертою американцевъ, именно — изобрѣтательность. Ни въ какой другой странѣ міра не дѣлается такъ много изобрѣтеній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только то, что нигдѣ число ежегодно представляемыхъ прошеній о выдачѣ патентовъ не достигаетъ такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ Америкѣ. Даже тамъ, гдѣ не на что взять патента, постоянно обнаруживается неутомимая изобрѣтательность американца. Начиная съ простѣйшаго орудія и кончая самой сложною машиною,—всюду американская изобрѣтательность что нибудь улучшила, усовершенствовала и вездѣ сдѣлала теоретически вѣрное практически полезнымъ. Разумѣется, дороговизна человѣческаго труда въ слабо населенной странѣ играла во всемъ этомъ большую роль, но здѣсь всегда обнаруживался совершенно исключительный талантъ, помогавшій бороться съ этимъ затрудненіемъ, геніальный инстинктъ, указывавшій новые пути для разрѣшенія практическихъ вопросовъ.

Всѣмъ извѣстно, сколько усовершенствованій внесли американцы въ устройство телеграфа и телефона, газо-калильныхъ горѣлокъ и фонографовъ, швейныхъ машинъ и машинъ для изготовленія часовъ, въ устройство паровыхъ судовъ и желѣзныхъ дорогъ, въ горнозаводское и строительное дѣло, въ производство типографскихъ и пишущихъ машинъ, сельско-хозяйственныхъ орудій и всякихъ механизмовъ, употребляемыхъ въ фабричной промышленности. Соединеніе духа предпріим-

чивости и духа изобрѣтательности проявляется прежде всего въ томъ, что всякая машина со всѣми своими усовершенствованіями тотчасъ же проникаетъ во всѣ уголки страны. Всякій фермеръ на самомъ крайнемъ Западѣ желаетъ получить новыя сельско-хозяйственныя машины, всякій ремесленникъ вводитъ у себя новѣйшія усовершенствованія, во всякой конторѣ примѣняются самые послѣдніе и самые совершенные способы телеграфированія и фонографированія, словомъ — каждый человѣкъ стремится использовать въ своемъ маленькомъ предпріятіи самыя послѣднія и самыя смѣлыя усовершенствованія. Благодаря этому сбытъ всякихъ новинокъ, конечно, достигаетъ очень большихъ размѣровъ, а отсюда, въ свою очередь, возникаетъ сильнѣйшій стимулъ для изобрѣтательныхъ умовъ. Въ силу всего этого на попытки къ разрѣшенію какого нибудь вопроса съ легкимъ сердцемъ затрачиваются такія суммы, о какихъ европейцы не смѣютъ и думать. Если какая нибудь компанія убѣдилась, что принципъ, на которомъ основывается изобрѣтатель, правиленъ, то она спокойно даетъ милліоны на все новые и новые опыты, — до тѣхъ поръ, пока машина не будетъ представлена въ законченномъ видѣ.

Если, съ одной стороны, всякое изобрѣтеніе получаетъ очень широкое распространеніе, то, съ другой, и духъ изобрѣтательности не сосредоточенъ только въ такихъ людяхъ, какъ Эдиссонъ, Белль и имъ подобные; всякій рабочій на фабрикѣ и всякій ремесленникъ въ своей мастерской старается изобрѣсти какое нибудь мелкое усовершенствованіе, и иной изъ нихъ по окончаніи работы проводитъ свое свободное время въ общественной библіотекѣ, изучая сочиненія по вопросамъ техники и журналы, посвященные патентамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одинъ американскій фабрикантъ услыхавъ о недавно изобрѣтенной въ Европѣ машинѣ, съ увѣренностью заявилъ, что съ машиной этой еще не знакомъ, но знаетъ о ней только одно,—именно, что въ Америкѣ она будетъ усовершенствована.

Отмѣтимъ только еще одно послѣдствіе духа самодѣятельности: безусловную потребность въ свободной конкурренціи. Кто хочетъ работать, тотъ долженъ требовать себѣ простора, а кто вѣритъ въ самостоятельную цѣнность экономической культуры, тому просторъ для проявленія экономическихъ силъ долженъ казаться желательнымъ безъ всякихъ ограниченій. Этимъ не отвергается поддержка экономически слабыхъ элементовъ, не отрицается необходимость таможеннаго покровительства для извѣстныхъ группъ, если только внутри этихъ группъ всѣмъ членамъ предоставлена возможность свободнаго соревнованія. Только монополія, убивающая соревнованіе, про-

тивна экономическому инстинкту американца. И въ этомъ случаѣ американское законодательство заходитъ дальше, чѣмъ могъ бы ожидать европеецъ. Казалось бы, что тотъ, кто желаетъ простора для своей дѣятельности, долженъ требовать себѣ права вступать съ кѣмъ угодно и въ какія угодно соглашенія. Если, напримѣръ, владѣльцы нѣсколькихъ желѣзно-дорожныхъ линій, проходящихъ параллельно черезъ нѣсколько штатовъ и конкуррирующихъ между собою, рѣшаютъ соединиться и вести дѣло сообща, то на первый взглядъ можно предположить, что это—ихъ полное право.

Съ устраненіемъ конкурренціи и объединеніемъ всего дѣла расходы по эксплуатаціи должны уменьшиться, и какъ владѣльцы дорогъ, такъ и публика, которая по этимъ дорогамъ ѣздитъ, должны оказаться въ выигрышѣ; но американское законодательство держится иного взгляда на этотъ предметъ. Даже если самъ штатъ или община получаетъ монополію, то у средняго американца прежде всего возникаетъ подозрѣніе. Онъ напередъ убѣжденъ, что дѣло въ какомъ нибудь отношеніи будетъ вестись хуже, чѣмъ при свободной конкурренціи, главное же—его чувство оскорбляется тѣмъ, что извѣстная экономическая область какъ бы огораживается, и въ нее уже нѣтъ доступа всякому, кто пожелалъ бы въ ней работать. И если американецъ часто преувеличенно негодуетъ противъ трестовъ, то именно потому, что они приближаются къ монопольнымъ организаціямъ.

Этотъ духъ самодѣятельности при условіи свободной конкурренціи, разумѣется, существуетъ не только у отдѣльныхъ личностей. Совершенно тѣ же наклонности мы видимъ у общинъ, городовъ, округовъ и у цѣлыхъ штатовъ. Тотъ же оптимизмъ, тотъ же духъ предпріимчивости, то же стремленіе изобрѣтать, та же смѣлость піонеровъ владѣетъ общею волей какого нибудь города или штата. Особенно на Западѣ стремленіе городовъ и округовъ къ самодѣятельности носитъ почти спортивный характеръ. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто города и штаты играютъ въ мячъ другъ съ другомъ и стараются воспользоваться каждымъ случаемъ для того, чтобы оказаться побѣдителями. И здѣсь также, какъ и у отдѣльныхъ личностей, нѣтъ мелочности и нѣтъ зависти. Именно такимъ оптимистически-предпріимчивымъ настроеніемъ надо объяснить тотъ фактъ, что городъ подобный С.-Луи вдругъ рѣшается пригласить къ себѣ въ гости весь міръ, и что весь штатъ Миссури съ искреннимъ восторгомъ поддерживаетъ свою столицу въ этой мысли. Здѣсь нѣтъ мелочнаго расчета тѣхъ суммъ, которыя будутъ поглощены этой смѣлою затѣей, здѣсь не задаются робкими вопросами о томъ, достаточна ли для этой

затѣи собственная внутренняя подготовка; здѣсь люди загипнотизированы мыслью о будущемъ и представляютъ себѣ, какъ должна усилиться вся экономическая жизнь въ долинѣ Миссисипи благодаря этому сосредоточенію экономической культуры вокругъ водопадовъ Лѣсного парка, передъ воротами С.-Луи; въ ихъ умѣ уже рисуется картина, какъ Миссури становится Пенсильваніей Запада, а сокровища, скрытыя еще въ нѣдрахъ земли, претворяются въ могучую промышленность.

Нельзя, конечно, допускать мысли, будто такой духъ самодѣятельности не имѣетъ и нѣкоторыхъ опасныхъ сторонъ, нельзя отрицать, что вредъ отъ него слѣдуетъ непосредственно за приносимой имъ пользою. Не трудно предвидѣть, что духъ самодѣятельности именно благодаря той энергіи, которая составляетъ его сущность, долженъ выходить за предѣлы гармоничности явленій. Самодѣятельность превращается тогда въ грубость,—въ грубость по отношенію къ природѣ, въ грубость по отношенію къ другимъ людямъ, въ грубость по отношенію къ собственной личности.

Правда, грубость по отношенію къ природѣ всегда составляла отличительную черту американскаго піонера. Естественныя богатства казались такъ неисчерпаемы, что люди какъ бы позволяли себѣ тратить капиталъ природы вмѣсто того, чтобы жить на проценты съ него. Всюду бралось только самое лучшее, великолѣпнѣйшіе лѣса сводились, и на лѣсопильняхъ обрабатывалось самое крѣпкое дерево. Въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ довольствовались самой поверхностной обработкою лучшихъ участковъ земли. Земледѣліе велось такимъ хищническимъ способомъ, который кажется прямо-таки грѣховнымъ европейцу, привыкшему бережливо обращаться съ дарами природы. Разумѣется, прошли уже тѣ времена, когда все это могло совершаться безнаказанно. Хорошей, пригодной для обработки земли нигдѣ уже нельзя достать даромъ. Уничтоженіе огромныхъ лѣсовъ уже теперь неблагопріятно отражается на количествѣ атмосферныхъ осадковъ и на многоводности рѣкъ, и въ настоящее время тысячами способовъ стараются исправить то, въ чемъ раньше погрѣшили; теперь охраняются лѣса и насаждаются новые, хозяйство ведется интенсивно и въ немъ вводятся всевозможныя улучшенія. Но благоразумнымъ людямъ все еще приходится выдерживать трудную борьбу съ грубостью массы, которая, разъ дѣло касается природы, слишкомъ мало думаетъ о внукахъ и правнукахъ, а желаетъ только быстро видѣть плоды своихъ успѣховъ.

Но человѣкъ, страстно стремящійся къ экономической самодѣятельности, прежде всего слишкомъ легко становится грубъ по отношенію къ другимъ людямъ. Мы уже отмѣтили,

что онъ дѣйствуетъ открыто и того же ожидаетъ отъ другихъ, что и другимъ онъ онъ предоставляетъ свободу самодѣятельности; но разъ онъ вступилъ въ борьбу, онъ желаетъ побѣдить какою бы то ни было цѣною. Покуда соблюдаются правила борьбы, здѣсь нѣтъ мѣста для состраданія, и экономическое предпріятіе не должно тормозиться сантиментальностями. Нѣтъ сомнѣнія, что величайшія изъ американскихъ экономическихъ предпріятій погубили много жизней, и что люди, щедро отдающіе милліоны на общеполезныя дѣла, въ своемъ побѣдномъ шествіи шагали и черезъ трупы болѣе слабыхъ предпріятій. Американецъ, отъ природы столь любезный и предупредительный, благородный и сострадательный, самъ любитъ говорить о себѣ, что въ качествѣ дѣлового человѣка онъ рѣзокъ. Духъ американской экономической жизни требуетъ какъ бы извѣстной военной дисциплины, а дисциплина всегда должна быть жестока. При добродушномъ веденіи дѣлъ этотъ экономическій подъемъ не былъ бы достигнутъ, подобно тому какъ добродушное войско не могло бы разсчитывать на побѣду.

Но духъ самодѣятельности по отношенію къ самому себѣ еще болѣе грубъ, чѣмъ по отношенію къ другимъ. Мы уже говорили, что американецъ и во время работы вполнѣ владѣетъ своими силами и экономно ими пользуется; но душевному напряженію, интенсивности своей первной дѣятельности онъ не ставитъ никакихъ предѣловъ и очень часто разрушаетъ свое здоровье чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ, направленныхъ къ тому, чтобы достигнуть успѣха. Эта огромная культурно-экономическая работа требуетъ въ качествѣ удобренія тысячъ человѣческихъ жизней, погубленныхъ чрезмѣрнымъ честолюбіемъ въ экономической сферѣ. Секретъ успѣха Америки заключается въ томъ, что здѣсь работаютъ главнымъ образомъ молодые люди. Молодые люди занимаютъ самые важные посты, на которыхъ требуется наибольшее напряженіе всѣхъ душевныхъ силъ.

Но въ другихъ направленіяхъ цѣнныя стороны духа самодѣятельности легко переходятъ въ слабыя и опасныя стороны. Довѣріе, съ которымъ американецъ относится въ экономической жизни къ другимъ, слишкомъ часто переходитъ въ непростительное легкомысліе. Надо прочитать, напримѣръ, разоблаченія по поводу образованія судостроительнаго треста, чтобы увидѣть, какъ безъ всякаго злого умысла могли совершаться преступныя дѣла только благодаря легкомысленному довѣрію, какъ каждый изъ крупныхъ капиталистовъ просто полагался на другого, ничего самъ не провѣряя.

Еще болѣе очевидно другое дурное послѣдствіе этого духа, правда, относящееся больше къ прошедшему времени, чѣмъ

къ настоящему, именно—хвастливое обнаруженіе своего богатства. Если экономическая самодѣятельность становится сама по себѣ цѣлью, а мѣриломъ успѣха этой дѣятельности, по необходимости, служатъ деньги, то вполнѣ естественно, что при примитивныхъ общественныхъ условіяхъ каждый, выставляя на видъ свое богатство, желаетъ показать тѣмъ самымъ, что онъ дѣльный человѣкъ. Огромные брилліанты выполняютъ тогда до извѣстной степени тѣ же функціи, что и титулы и ордена. Они становятся символами успѣшной дѣятельности. Хвастовство въ болѣе грубыхъ своихъ формахъ въ настоящее время, кажется, встрѣчается только въ сравнительно мало-культурныхъ частяхъ страны. Въ тѣхъ же частяхъ, гдѣ культура болѣе стара и гдѣ есть семьи, владѣющія своимъ богатствомъ уже во второмъ или третьемъ поколѣніи, люди высшаго круга прекрасно знаютъ, что богатство лучше выполняетъ свое нравственное назначеніе, когда лежитъ въ денежномъ шкафу, чѣмъ тогда, когда оно заключено въ ящикѣ съ брилліантами.

Тѣмъ не менѣе и теперь еще вся нація тратитъ несоразмѣрно большую часть своихъ доходовъ на предметы личнаго тщеславія, на роскошные туалеты, блестящіе экипажи, великолѣпныя виллы. Американецъ всегда желаетъ имѣть все самое лучшее. Онъ испытываетъ чувство униженія, если ему приходится довольствоваться вещами второго сорта. Самыя дорогія мѣста всегда бываютъ прежде всего заняты. Большой оперный театръ только тогда бываетъ пустъ, когда дается представленіе по удешевленнымъ цѣнамъ. Именно въ самыхъ дорогихъ гостиницахъ надо заказывать себѣ комнату задолго впередъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда расходъ производится на виду, американецъ предпочтетъ скорѣе отказаться отъ какого нибудь удовольствія, чѣмъ взять вещь второго сорта. Онъ всюду хочетъ показать, что успѣшно работаетъ въ экономической области, и потому у него безспорная тенденція жить въ обществѣ выше своихъ средствъ. Благодаря этому весь экономическій строй страны носитъ отпечатокъ расточительности.

Въ малыхъ, какъ и въ большихъ дѣлахъ все ставится на широкую ногу. На кухнѣ какого нибудь американца, занимающаго очень скромное положеніе, выбрасывается много такихъ вещей, которыя бережливый европеецъ охотно употребилъ бы въ пищу, а въ правительственной кухнѣ работаютъ сотни тысячъ поваровъ, какъ будто каждый день надо ѣсть праздничныя блюда. Даже тогда, когда американецъ экономитъ, онъ, въ сущности, расточителенъ. Такъ, главнымъ и самымъ распространеннымъ способомъ дѣлать сбереженія въ Америкѣ является страхованіе жизни. Но кто видитъ, сколько милліоновъ тратятъ страховыя общества для привлеченія къ себѣ кліентовъ

и на борьбу другъ съ другомъ, кто знаетъ, какіе огромные доходы получаютъ эти общества, тотъ не можетъ сомнѣваться, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ бережливостью богатыхъ людей, для которыхъ сбереженія не важны.

Когда вся внѣшняя жизнь проникнута этимъ піонерскимъ духомъ самодѣятельности, то неизбѣжнымъ является, наконецъ, еще одно побочное слѣдствіе: страдаетъ эстетическая сторона жизни. Кто стремится къ эстетическому, тотъ желаетъ, чтобы его идеалъ осуществился въ настоящемъ, а настоящее дѣлается для него выраженіемъ прошлаго. Кто же проникнутъ духомъ самодѣятельности, тотъ стремится только къ будущему. Настоящее для него почти не имѣетъ цѣны, оно—то, что должно быть преодолѣно, матеріалъ, изъ котораго предпріимчивый духъ долженъ создать нѣчто новое. Настоящее, какъ пережитокъ прошлаго, не можетъ привязывать къ себѣ піонера. Оно показываетъ ему только, что̀ еще надо сдѣлать, и наполняетъ его душу предчувствіемъ грядущихъ великихъ дѣлъ. Если кто нибудь путешествуетъ, напримѣръ, по Италіи, то его взоръ оскорбляется всякимъ впечатлѣніемъ, которое не гармонируетъ со всей картиною. Настоящее, въ которомъ живо прошлое, наполняетъ собою сознаніе; на первомъ планѣ стоитъ спокойное чувство эстетическаго наслажденія. Тотъ же, кто стремится отъ одного предпріятія къ другому, совсѣмъ и не требуетъ отъ настоящаго никакого единства, никакой гармоніи; его сѣтчатка нечувствительна къ безобразнымъ явленіямъ, не соотвѣтствующимъ общей картинѣ, потому что его взоръ всецѣло обращенъ на будущее. И если бы настоящее уже было совершенно, то духъ самодѣятельности былъ бы этимъ угнетенъ: вѣдь оно было бы только наслажденіемъ и не представляло бы собою задачи. Въ этомъ смыслѣ американецъ изъ чистѣйшаго идеализма любитъ говорить о томъ, что «прекрасно несовершенное».

Нельзя упрекать итальянца за то, что онъ не американецъ, за то, что его взоръ покоится на прекрасныхъ линіяхъ, а въ умѣ у него не возникаетъ вопроса о томъ, что̀ здѣсь можно было бы измѣнить, чтобы въ новыхъ предпріятіяхъ воплотить духъ самодѣятельности. Но нельзя упрекать и американца, если онъ не глядитъ на вещи глазами жителя Флоренціи, если его не оскорбляютъ безобразные пережитки, не эстетичныя явленія, сохранившіяся отъ трудового прошлаго его народа, если, наоборотъ, они заставляютъ его гордиться тѣмъ, какъ неутомимо работаетъ его нація, чтобы изъ прошедшаго создать будущее. И дѣйствительно, въ Новомъ Свѣтѣ нельзя шагу ступить, не наталкиваясь всюду на этотъ рѣжущій контрастъ между тѣмъ могучимъ, что создается, и безобразными остатками прош-

лаго. Спускаясь, напримѣръ, въ нью-іоркскомъ паркѣ по великолѣпной лѣстницѣ изъ музея, гдѣ собраны произведенія искусства, представляющія огромную цѣнность, видишь передъ собою жалкій деревянный заборъ вокругъ заброшенной стройки и грязную лавченку съ освѣжающими напитками, которая какъ будто перенесена изъ самаго захолустнаго городка на богатѣйшую во всемъ мірѣ улицу.

Само собою разумѣется, что это производитъ отталкивающее, отвратительное впечатлѣніе. Но кому это въ самомъ дѣлѣ непріятно, тотъ, очевидно, не можетъ глядѣть на міръ глазами американца, для того совсѣмъ непонятна и подлинная американская культура, носящая чисто-этическій характеръ и основанная на дѣятельномъ стремленіи къ будущему. Американецъ именно и желаетъ чувствовать, какъ преодолѣвается прошлое. Если бы въ его сознаніе уже не проникало это прошлое — бѣдное, безобразное, мелкое, то этимъ былъ бы убитъ его жизненный нервъ. Готовое для него не интересно; его возбуждаетъ и привлекаетъ то, надъ чѣмъ еще надо работать. Здѣсь можно сказать то же, что и обо всей американской жизни,— что внѣшняя гладкость была бы только кажущимся успѣхомъ. Треніе,— то, что опасно для эстетики, но что именно потому цѣнно въ этическомъ отношеніи,—придаетъ смыслъ этой жизни и оно же создало ея ни съ чѣмъ несравнимый экономическій расцвѣтъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Экóномическій расцвѣтъ.

Introite, nam et hic dii sunt — и здѣсь дѣйствуютъ боги: обработка земли и горные промыслы, фабричная работа и желѣзныя дороги, добываніе, торговля, обмѣнъ — все это здѣсь надо разсматривать не только какъ способы полученія средствъ къ существованію, а какъ свободную, творческую культурную работу, которую дѣлаютъ ради нея самой. Въ исповѣданіи этой вѣры мы видѣли смыслъ американской экономической жизни, въ духѣ самодѣятельности мы видѣли ея главную силу, а позади, какъ безплотныя тѣни, лежали скупость, зависть и жадность. Только такіе люди, которые хотятъ работать въ области экономическаго творчества, которые относятся къ ближнему съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью, для которыхъ свято данное слово, люди, которые вѣрятъ въ самостоятельную цѣнность экономической дѣятельности, — только такіе люди

могли построить изумительное зданіе экономической жизни Новаго Свѣта. Люди, которые торгуютъ только для того, чтобы прокормиться, у которыхъ экономическая дѣятельность не проникнута идеализмомъ, никогда не произвели бы столько цѣнностей, не достигли бы такого могущества, даже здѣсь, въ этой странѣ, наполненной богатствами.

Однако изъ-за человѣка все же нельзя забывать и о самой странѣ. Если человѣкъ такъ прилежно работалъ лопатою, то это—его заслуга. Если же земля всюду, гдѣ ея касалась лопата, давала въ изобиліи золото и серебро, уголь и желѣзо; если пшеница и маисъ произрастали такъ великолѣпно; если озера и рѣки, заливы и горы такъ выгодно расчленяли страну и создавали всюду удобные пути сообщенія; если водяная сила и источники минеральныхъ маслъ оказались неисчерпаемыми; если количество дичи и рыбы, хлопка и тропическихъ плодовъ было такъ велико, что его хватило бы для цѣлаго свѣта, — то все это было заботливо припасено природою еще до того, какъ приступилъ къ работѣ первый американецъ.

Сюда надо присоединить еще многое другое. Безспорно, первымъ условіемъ, создавшимъ благосостояніе населенія, было богатство природы, но это благосостояніе, въ свою очередь, сдѣлалось источникомъ новой, болѣе усиленной экономической эксплуатаціи страны. Благосостояніе давало средства для все новыхъ и новыхъ предпріятій; въ то же время оно вызывало чрезвычайно быстрый ростъ потребностей и дѣлало крестьянина и рабочаго самымъ лучшимъ покупателемъ для продуктовъ процвѣтающей промышленности. Это—экономическій круговоротъ, который все болѣе энергично совершается въ національномъ организмѣ.

Но къ чисто-экономическимъ условіямъ присоединяются еще условія политическія и условія административной техники. Укажемъ прежде всего условія отрицательнаго характера. Экономическая жизнь въ Америкѣ развивалась при наличности такого простора, какой странамъ съ болѣе старою культурою былъ недоступенъ и какой съ каждымъ днемъ болѣе исчезаетъ и въ Новомъ Свѣтѣ, по крайней мѣрѣ въ восточной части страны. Никто не станетъ утверждать, что этотъ просторъ имѣетъ только благія послѣдствія. Онъ требуетъ и жертвъ, но жертвами являлись отдѣльныя личности, а всему населенію въ цѣломъ шло на пользу свободное экономическое развитіе. Напримѣръ, такія желѣзныя дороги, какія строились во всей западной части страны въ первые годы американской культуры, не были бы, конечно, допущены ни однимъ нѣмецкимъ правительствомъ. Такіе легкіе мосты, такія на-спѣхъ сдѣланныя земляныя работы, такой недостаточный надзоръ въ мѣстахъ пе-

ресѣченія дорогъ — все это должно было создавать большія опасности. Но если люди погибали при несчастныхъ случаяхъ, то ихъ скоро забывали, экономическія же выгоды отъ новыхъ желѣзно-дорожныхъ линій, которыя перевозили сотни тысячъ людей въ незаселенныя мѣста и давали возможность использовать богатства страны,—эти выгоды оставались и продолжали оказывать свое вліяніе. Желѣзныя дороги никогда не были бы здѣсь проведены, если бы люди стали дожидаться того времени, когда возможно будетъ съ большими затратами построить ихъ по всѣмъ правиламъ техники. Лишь послѣ того, какъ дешевыя піонерскія желѣзныя дороги выполнили свое назначеніе, ихъ можно было замѣнить лучшими, болѣе прочно построенными дорогами и придать движенію по нимъ такую безопасность, какою оно отличается въ настоящее время. Вѣдь духъ самодѣятельности требуетъ, между прочимъ, и того, чтобы всякому предоставлено было право рисковать не только своимъ имуществомъ, но и всѣмъ своимъ существованіемъ ради новыхъ предпріятій: начальство не должно вмѣшиваться, если американецъ желаетъ слишкомъ близко подойти къ пропасти.

Этотъ видъ свободы, представляющій угрозу для жизни, теперь все болѣе исчезаетъ; все большее число шлагбаумовъ устанавливается тамъ, гдѣ пересѣкаются опасные рельсовые пути, власти все больше вмѣшиваются въ дѣло огражденія безопасности на фабрикахъ и въ строительное дѣло въ городахъ, а санитарныя правила во многихъ восточныхъ городахъ теперь уже гораздо болѣе стѣснительны, чѣмъ въ Германіи; но въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ нѣтъ рѣчи объ опасности, а есть только традиціи и произволъ,—въ этихъ сферахъ и теперь еще въ Новомъ Свѣтѣ сохранилось достаточно демократической свободы. Здѣсь нѣтъ совсѣмъ водруженныхъ начальствомъ столбовъ съ надписями, гласящими въ преріи, что итти надо съ правой стороны и что запрещается топтать траву. И самъ американецъ видитъ вѣдь въ своей родинѣ прежде всего страну неограниченныхъ возможностей, а въ европейскомъ континентѣ прежде всего страну невозможныхъ ограниченій. Бюрократизмъ представляется ему злѣйшимъ врагомъ экономической жизни, потому что отвагѣ, стремящейся впередъ и направленной на великія дѣла, этотъ бюрократизмъ постоянно ставитъ мелкія препятствія, которыя мѣшаютъ и въ концѣ концовъ ведутъ къ полной неудачѣ. Рѣшающимъ моментомъ для этой свободы является то обстоятельство, что вся экономическая жизнь находится въ вѣдѣніи законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ, а среди членовъ этихъ собраній всѣ отрасли экономической жизни даннаго штата такъ хорошо представлены, что всякая попытка ввести какое нибудь искусственное стѣсненіе

была бы рѣшительно отвергнута, а всѣ особыя экономическія потребности штата могутъ самымъ тщательнымъ образомъ быть приняты во вниманіе.

Но къ отрицательнымъ сторонамъ присоединяются и положительныя. Вѣдь всякій знаетъ, что могучее развитіе американской промышленности и всей экономической жизни было бы немыслимо безъ планомѣрной покровительственной политики, какая проводилась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Если тарифы Макъ-Кинли и Дингли не создали этого расцвѣта, то они все же очень сильно ему способствовали. Въ то же время огромныя суммы были затрачены на улучшеніе за счетъ государства водныхъ путей и гаваней. Колоссальныя средства были употреблены государствомъ для распространенія сельскаго хозяйства, цѣною величайшихъ усилій устраивалось искусственное орошеніе въ безводныхъ частяхъ страны; словомъ, экономическіе интересы играютъ главную роль какъ въ Вашингтонѣ, такъ и въ капитоліи каждаго отдѣльнаго штата. И къ этой политической дѣятельности въ большомъ масштабѣ присоединяется мелкая политическая поддержка, оказываемая всюду экономической сторонѣ жизни. Такъ, все сельское хозяйство получаетъ чрезвычайно важную помощь отъ научныхъ работъ, руководимыхъ министерствомъ земледѣлія, а армія американскихъ консуловъ съ поразительной неутомимостью ищетъ заграницею путей для американской торговли, и донесенія консуловъ съ поразительной быстротою даромъ разсылаются изъ Вашингтона во всѣ концы страны.

Но политическій духъ націи и еще въ одномъ отношеніи оказывается благопріятнымъ условіемъ для ея экономическаго процвѣтанія. Прежде всего, этотъ духъ придаетъ всей странѣ такое единство и такую замкнутость, благодаря которымъ облегчается всякая экономическая организація. Государство, по размѣрамъ въ семнадцать разъ превышающее Германію, представляетъ собою въ экономическомъ отношеніи одно цѣлое: въ немъ нѣтъ внутреннихъ таможенъ, нѣтъ недовѣрія между частями, но есть одно общее право, потому что всюду, гдѣ экономическія сношенія ведутся между различными штатами, въ дѣйствіе вступаетъ общее союзное право.

Но, быть можетъ, еще болѣе важную роль, чѣмъ національное единство, играетъ демократическое равенство въ этой политической организаціи. Какъ бы ни были различны эти восемьдесятъ милліоновъ человѣкъ,—въ качествѣ покупателей и потребителей всѣ они живутъ по одному и тому же шаблону. Каждая новая мода распространяется отъ Нью-Іорка до С. Франциско, и несмотря на обиліе премежуточныхъ ступеней между милліардеромъ и поденнымъ рабочимъ—у всѣхъ можно подмѣтить такую однородность основныхъ потребностей, что

промышленнику и торговцу, конечно, не трудно производить и держать на складѣ именно то, что отвѣчаетъ спросу. Въ противоположность капризнымъ вкусамъ, которые создаютъ столько трудностей для европейской промышленности, здѣсь господствуетъ, главнымъ образомъ, желаніе имѣть то же, что имѣетъ сосѣдъ,—быть можетъ, въ болѣе роскошной и болѣе красивой формѣ, но по существу то же самое; а отсюда, конечно, слѣдуетъ, что промышленность можетъ разсчитывать на массовый сбытъ. Въ свою очередь, это массовое производство и энергія, съ которою продукты его выбрасываются на рынокъ, создаетъ извѣстную однородность и косвенно воспитываетъ въ людяхъ любовь къ однообразію и подражательность.

Однако, вмѣсто того, чтобы разсказывать объ условіяхъ, при которыхъ совершилась исторія, мы должны разсказать самую исторію. Нѣмецъ можетъ съ легкимъ сердцемъ разсказывать и выслушивать ее, потому что это—исторія одного изъ лучшихъ покупателей Германіи, который тѣмъ больше покупаетъ, чѣмъ лучше его собственныя дѣла; ухудшеніе его дѣлъ было бы опасно для Германіи. Но короче всего эту исторію можно разсказать при помощи цифръ—по американскому образцу, потому что, если существуетъ какая нибудь спеціально американская манія, такъ это—манія статическаго изложенія фактовъ.

Обзоръ движеній, выражающихся въ числахъ и взятыхъ за большіе промежутки времени, скорѣе всего освободитъ насъ и отъ тѣхъ сомнѣній, которыя вызываются случайными, преходящими явленіями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ Германіи начался промышленный и биржевой кризисъ, когда Англія страдала отъ войны съ бурами, въ Америкѣ же гигантскія предпріятія трестовъ обѣщали создать нѣчто невиданное, Соединенные Штаты вдругъ были признаны въ экономическомъ отношеніи господами всего міра, и удивленіе при взглядѣ на нихъ смѣшивалось со страхомъ. Вскорѣ послѣ того нѣмецкая промышленность и торговля стали снова оживать, Англія оправилась, въ Америкѣ же начали сказываться неизбѣжныя послѣдствія чрезмѣрныхъ промышленныхъ увлеченій и финансовыхъ затѣй. Общественное мнѣніе заграницей тотчасъ же перешло къ другой крайности и стало смотрѣть на весь успѣхъ Америки, только какъ на успѣхъ кажущійся. Злорадствуя по поводу слабостей противника, почти презирая его за дерзость и негодуя на его вожаковъ, люди сразу пришли къ убѣжденію, что блестящій періодъ для Америки миновалъ. Именно заграницей такіе люди, какъ Швабъ, руководитель стального треста, были провозглашены экономическими Наполеонами, а когда Швабъ не оправдалъ ожиданій и долженъ былъ сойти со сцены, загра-

ничныя газеты приняли такой тонъ, какъ будто разбита и уничтожена наполеоновская армія. Частное злободневное явленіе мѣшаетъ въ этомъ случаѣ правильно судить объ основномъ движеніи. Мелкія интересныя подробности выдвигаются на передній планъ и вызываютъ такое впечатлѣніе, какъ будто онѣ—символы великихъ дѣйствій.

Дѣйствительный подъемъ въ экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ никогда не былъ такимъ внезапнымъ и стремительнымъ, какъ иногда казалось оробѣвшей Европѣ, и никогда здѣсь не было такихъ паденій, о какихъ съ торжествомъ возвѣщали европейскія газеты. Безспорно, Америкѣ приходилось переживать тяжелые кризисы, но тѣмъ не менѣе экономическая жизнь всей страны обнаруживаетъ неуклонное, равномѣрное и здоровое развитіе. Сами американцы склонны думать, что въ будущемъ уже нечего ожидать дѣйствительно тяжелыхъ кризисовъ. Правы ли они или нѣтъ, но фактъ тотъ, что давно уже предсказываемаго кризиса сейчасъ нѣтъ и въ близкомъ будущемъ не будетъ. Всесторонній расцвѣтъ продолжается, а паденіе нѣкоторыхъ биржевыхъ бумагъ, въ которомъ иные видятъ заграницей первые тревожные признаки, само является только продуктомъ нормальнаго развитія. Кто окидываетъ взоромъ всю совокупность американской жизни, тотъ чувствуетъ, что въ этомъ развитіи силъ юной націи—развитіи, подобнаго которому не знаетъ культурная исторія,—лежитъ нѣчто великое и возвышенное. Но съ помощью прилагательныхъ здѣсь нельзя ничего описать; здѣсь должны говорить цифры.

Что производятъ Соединенные Штаты? Пшеница, произраставшая въ странѣ, составляла въ 1850 году всего 100 милл. бушелей, въ 1870 г. 235 милл., въ 1900 г. 522 милл., въ 1903 г. 637 милл. Урожай маиса далъ въ 1850 г. 592 милл., въ 1870 г. 1094 милл., въ 1900 году 2105 милл., въ 1903 году 2244 милл. Шерсти въ 1850 году было 52 милл. фунтовъ, въ 1870 году 162 милл., въ 1900 году 288 милл., въ 1902 году 316 милл. Но главное мѣсто занимаетъ хлопокъ. Урожай его въ 1850 году далъ 2,3 милл. тюковъ, въ 1870 году 3,1 милл., въ 1900 году 9,4 милл., въ 1903 году 10,7 милл. Сахару—110000 тоннъ въ 1850 году и 310000 тоннъ въ 1903 году. Вызывающій столько страховъ американскій керосинъ въ 1850 году совсѣмъ еще не появлялся. Лишь въ 1859 году онъ впервые фигурируетъ въ статистическихъ таблицахъ и представленъ скромнымъ числомъ въ 8400 галлоновъ. Въ 1870 году оказывается 220 милл. галлоновъ, въ 1900 году 2661 милл. и въ 1903 году 3707 милл. Добыча угля, начавшаяся въ 1820 году и выразившаяся тогда въ 365 тоннахъ, въ 1850 году составляла 3 милл. тоннъ, въ 1870 году 33 милл. тоннъ,

въ 1900 году 240 милл., въ 1902 году 269 милл. Желѣза въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія добывалось 563000 тоннъ, въ 1870 году 1,6 милл. тоннъ, въ 1900 году 13,7 милл., въ 1903 году 18 милл. Производство стали начинается въ 1867 году—19000 тоннъ, въ 1870 году оно составляетъ 68000 тоннъ и доходитъ въ 1900 году до 10,1 милл., въ 1902 году до 14,9 милл. Мѣди въ 1850 году было 650 тоннъ, въ 1870 году 12000 тоннъ, въ 1900 году 270000 тоннъ, въ 1902 году 294000 тоннъ. Добыча серебра оцѣнивается въ серединѣ столѣтія въ 50000 долларовъ, въ 1870 году въ 16 милл., въ 1900 году въ 74 милл. За послѣдніе годы она понизилась до 71 милл. Высшій предѣлъ былъ достигнутъ въ 1892 году, когда серебра было добыто на 82 милл. долларовъ. Наоборотъ, добыча золота въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ непрерывно возростала, достигнувъ перваго наивысшаго своего предѣла въ пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Въ 1853 году золота было добыто на 65 милл. долларовъ; число это постепенно опускалось до 30 милл. въ 1883 году, и затѣмъ стало снова подниматься съ небольшими колебаніями; въ 1900 году оно составляло 79 милл. долларовъ, въ 1903 году 74 милл. Вся сумма добытыхъ минераловъ въ 1870 году представляла цѣнность въ 218 милл. долларовъ, а въ 1900 году 1063 милл.

Такое же неуклонное возрастаніе экономическихъ цѣнностей мы видимъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности. Число крестьянскихъ владѣній въ серединѣ прошлаго столѣтія опредѣляется въ 1,4 милл.; ихъ общая цѣнность 3967 милл. долларовъ; въ 1870 году ихъ насчитывается 2,6 милл. съ общею цѣнностью въ 8944 милл. долларовъ, а въ 1900 году 5,7 милл., общая цѣнность 20514 милл. доларовъ. Занято было въ сельскомъ хозяйствѣ въ 1870 году 5,9 милл. человѣкъ, въ 1900 году 10,4 милл. Цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ 1870 году равнялась 1958 милл. доларовъ, въ 1900 году 3764 милл. долларовъ. Стоимость всего живого инвентаря въ сельскомъ хозяйствѣ — рогатаго скота, лошадей, муловъ, овецъ, свиней—въ 1850 году составляла 544 милл. долларовъ, въ 1870 году 1822 милл., въ 1900 году 2228 милл., въ 1903 году 3102 милл.

Но самый важный ростъ обнаруживается въ промышленности. Въ 1850 году существовало 123000 промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ было занято 957000 человѣкъ. Заработная плата ихъ составляла 236 милл. долларовъ, а цѣнность продуктовъ 1019 милл. долларовъ. Въ 1870 году предпріятій было 252000, людей въ нихъ 2 милліона, заработная плата составляла 775 милл. долларовъ, цѣнность продуктовъ 4232 милл. долларовъ. Въ 1890 году предпріятій 355000, людей въ нихъ 4,7 милл.,

заработная плата 2283 милл. долларовъ, цѣнность продуктовъ 9372 милл. долларовъ. Въ 1900 году предпріятій 512000, людей въ нихъ 5,7, заработная плата 2735 милл. долларовъ, цѣнность продуктовъ 13039 милл. долларовъ. Здѣсь нельзя привести статистическихъ данныхъ за новѣйшее время, такъ какъ точныя свѣдѣнія о положеніи промышленности собираются только черезъ каждыя десять лѣтъ. Но этотъ обзоръ значительныхъ промежутковъ времени ясно показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно неуклоннымъ ростомъ и что не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто расцвѣтъ промышленности въ Новомъ Свѣтѣ начался лишь въ послѣдніе годы съ введеніемъ покровительственныхъ тарифовъ.

Чтобы прослѣдить развитіе промышленности хотя бы нѣсколько подробнѣе, укажемъ на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ ея отраслей. Заводы для выдѣлки желѣза и стали отдавали въ качествѣ заработной платы въ 1870 году 40 милл. долларовъ, въ 1890 году 95 милл., въ 1900 году 134 милл.; въ соотвѣтствіи съ этимъ цѣнность ихъ продуктовъ составляла въ 1870 году 207 милл. долларовъ, въ 1890 году 478 милл., въ 1900 году 835 милл. Въ хлопчатобумажной промышленности заработная плата составляла въ 1870 году 39 милл. долларовъ, въ 1890 году 69 милл., въ 1900 году 94 милл., а цѣнность готовыхъ товаровъ равнялась въ 1870 году 177 милл., въ 1890 году 267 милл., въ 1900 году 339 милл. Въ фабрикахъ шерстяныхъ издѣлій заработной платы выплачивалось въ 1870 году 35 милл. долларовъ, въ 1890 году 58 милл. въ 1900 году 64 милл.; ихъ товары оцѣнивались въ 1870 году въ 199 милл. долларовъ, въ 1890 г. въ 270 милл., въ 1900 году въ 296 милл. Наконецъ, фабрики шелковыхъ товаровъ отдавали въ качествѣ заработной платы въ 1870 году всего 1,9 милл. долларовъ, въ 1880 году 9,1 милл., въ 1890 году 17,7 милл., въ 1900 году 20,9 милл., а цѣнность ихъ издѣлій составляла въ 1870 году 12 милл. долларовъ, въ 1880 году 41 милл., въ 1890 году 87 милл., въ 1900 году 107 милл.

Чтобы показать ростъ производительности хотя бы въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ промышленности, приведемъ еще нѣсколько чиселъ изъ объемистыхъ статистическихъ изданій, а для того, чтобы числа эти не производили однообразнаго впечатлѣнія таблицъ, мы не станемъ располагать ихъ въ строгомъ порядкѣ. Сельско-хозяйственныхъ орудій въ 1880 году изготовлено на 68 милл. долларовъ, а въ 1900 году на 101 милл.; палатокъ и парусовъ въ 1880 году на 1,9 милл. долларовъ, въ 1900 году на 11,7 милл.; мѣшковъ въ 1880 году на 13 милл., въ 1900 году на 20 милл.; муки и крупы въ тѣ же годы на 4 и 14 милл. долларовъ, кожаныхъ ремней на 6 и 10 милл.

Производство велосипедовъ даже въ теченіе одного лишь десятилѣтія съ 1890 по 1900 годъ возросло съ 2,5 милл. до 31,9 милл. долларовъ: производство подковъ и колесъ за тотъ же промежутокъ времени поднялось съ 54 милл. на 85 милл. Переплетъ книгъ въ 1880 году стоитъ 12 милл., въ 1900 году 20,7 милл. долларовъ. Изготовленные на фабрикахъ сапоги и башмаки въ 1880 году представляли собою цѣнность въ 166 мил. долларовъ, въ 1900 году 261 милл. Стоимость коробокъ, изготовленныхъ въ тѣ же годы, опредѣляется въ 7,6 и 27,3 милл. долларовъ, стоимость ящиковъ въ 12,6 и 38,2 милл.

Мосты, сооруженные въ 1880 году, представляли цѣнность въ 8,9 милл. долларовъ, въ 1900 году цѣнность въ 30,1 милл. Плотничьи работы повысились съ 94 милл. въ 1880 году до 316 милл. въ 1900 году. Выдѣлка ковровъ за тотъ же промежутокъ времени возросла съ 31 милл. до 48 милл. Производство экипажей съ 64 милл. до 121 милл. Производство желѣзныхъ товаровъ въ теченіе одного лишь десятилѣтія, съ 1890 по 1900 годъ, увеличилось съ 205 милл. до 325 милл. Цѣнность масла и сыра, приготовленнаго въ 1880 году, составляла всего 25 милл. долларовъ, въ 1900 году 131 милл.; шоколаду въ тѣ же годы изготовлено на 1,3 милл. и 9,6 милл. долларовъ. Стоимость производства и починки часовъ въ 1880 году составляла 14 милл. долларовъ, въ 1900 году 40 милл., стоимость готоваго мужского платья въ 1880 году 209 милл., въ 1900 году 415 милл. Стоимость дамскаго платья въ тѣ же годы 32 милл. и 159 милл. долларовъ; при этомъ здѣсь имѣется въ виду только платье, изготовленное фабричнымъ способомъ. Кондитерскіе товары съ 25 милл. поднялись до 81 милл.. Электрическіе аппараты въ 1880 году представляли цѣнность всего въ 2,6 милл. долларовъ, въ 1890 году уже 19 милл., а въ 1900 году 91 милл.; къ послѣдней суммѣ надо прибавить еще 15 милл. за электрическія установки. Производство взрывчатыхъ веществъ возросло съ 5 милл. до 17 милл., изготовленіе же оружія нѣсколько уменьшилось, именно съ 5,7 милл. до 5,4 милл. Стоимость мельничныхъ продуктовъ повысилась съ 505 милл. до 560 милл. Производство литейныхъ и машиностроительныхъ заводовъ оцѣнивалось въ 1880 году въ 215 милл. долларовъ, въ 1890 году въ 413, а въ 1900 году въ 644 милл. Производство мебели возросло съ 85 милл до 153 милл., фабрикація стекла съ 21 милл. до 56 милл.; производство перчатокъ съ 7 милл. до 16 милл.; производство желѣзныхъ товаровъ съ 22 милл., до 35 милл.; производство шляпъ съ 25 милл. до 49 милл.; производство чулочныхъ товаровъ съ 29 милл. до 95 милл.; выдѣлка желѣзныхъ орнаментовъ съ 3 милл. до 53 милл.; ювелирныя работы съ 22 милл.

до 46 милл.; изготовленіе досокъ и столбовъ съ 233 милл. до 566 милл.

Производство издѣлій изъ мрамора увеличилось за двадцать лѣтъ съ 31 милл. до 85 милл. На каменныя и кирпичныя постройки въ 1880 году употреблено 20 милл. долларовъ, въ 1900 году 203 милл.; это увеличеніе суммы въ десять разъ ясно показываетъ, какъ скоро исчезаетъ распространенное въ прежнія времена возведеніе деревянныхъ зданій и какъ усиливается строительство огромныхъ каменныхъ дворцовъ. Эта перемѣна, собственно, совершилась еще въ теченіе десятилѣтія съ 1880 по 1890 годъ, такъ какъ уже въ 1890 году на каменныя постройки употреблено свыше 200 милл. Производство хлопковаго масла увеличилось съ 7 милл. въ 1880 году до 19 милліоновъ въ 1890 году и до 58 милл. въ 1900 году, производство минеральныхъ водъ съ 4 до 23 милл., фортепіанное производство съ 12 милл. до 35 милл. Работа портнихъ оцѣнивалась въ 1890 году въ 54 милл. долларовъ, въ 1900 году въ 100 милл. Красокъ въ 1880 году изготовлено на 23 милл.; въ 1900 году на 50 милл. Производство бумажныхъ фабрикъ за тотъ же періодъ времени увеличилось съ 54 милл. до 127 милл., производство парфюмерныхъ фабрикъ съ 2 до 7 милл. Работа фотографовъ оцѣнивалась въ крайніе годы этого періода въ 5 милл. и 23 милл. долларовъ. Типографскія заведенія произвели въ 1880 году цѣнностей на 90 милл., въ 1890 году на 275 милл., въ 1900 году на 347 милл.; гончарное производство увеличилось съ 8 милл. до 44 милл. На проведеніе въ дома газа и воды употреблено въ 1880 году 18 милл. долларовъ, въ 1890 году 80 милл., въ 1900 году 131 милл. Производство сѣделъ и упряжи возросло съ 38 до 62 милл., судостроеніе съ 36 до 74 милл.

Бойни и колбасныя заведенія произвели въ 1880 году цѣнностей на 303 милл. долларовъ, въ 1890 году на 564 милл., въ 1900 году на 790 милл. Производство мыла увеличилось съ 26 милл. до 53 милл., производство сахару съ 155 милл. до 240 милл. Табаку и сигаръ въ 1880 году произведено было на 115 милл., въ 1890 году на 195 милл., въ 1900 году на 264 милл. Производство сундуковъ увеличилось съ 7 милл. до 12 милл. долларовъ, производство зонтовъ съ 6 до 13 милл., производство проволочныхъ канатовъ и кабелей съ 9 милл. до 19 милл.

Незначительный подъемъ мы видимъ только въ области спиртныхъ напитковъ. Американскаго вина было потреблено въ 1880 г. 23 милл. галлоновъ, въ 1890 году 23 милл., въ 1900 году 26 милл. Правда, въ 1902 году потребленіе поднялось до 44 милл. Водки въ 1880 году произведено 61 милл. галлоновъ, въ 1890 году 84 милл., въ 1900 году 94 милл., въ 1902 году 104 милл. Болѣе быстрый ростъ обнаруживаетъ пивоваренное

производство: въ 1880 году потреблено 413 милл. галлоновъ мѣстнаго пива, въ 1890 году 853 милл., въ 1900 году 1218 милл. въ 1902 году 1378 милл. Здѣсь же надо прибавить, что если къ производимымъ въ самой странѣ напиткамъ присоединить ввозимые изъ за границы, то потребленіе выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: дестиллированныхъ спиртныхъ напитковъ на душу населенія приходится въ 1890 году 1,4 галлона, въ 1900 году всего 1,2 галлона, вина въ 1890 году 0, 46 галлона, въ 1900 году 0,4 галлона. Такимъ образомъ, это—единственная область, гдѣ не приходится отмѣтить никакого «расцвѣта».

Ростъ производительности страны,—какъ ея естественныхъ продуктовъ, такъ и продуктовъ ея промышленности,—требуетъ, чтобы въ соотвѣтствіи и постоянномъ воздѣйствіи съ нимъ увеличивалась и интенсивность внутренней экономической жизни. И здѣсь также мы должны удовольствоваться указаніемъ на нѣсколько чиселъ, которыя могутъ считаться типичными. Въ 1850 году общая длина желѣзныхъ дорогъ составляло 9000 миль, т. е. около 14400 километровъ. Въ 1880 году она составляла 93000 миль, въ 1890 году 166000, въ 1902 году 203000 миль. Статистики пассажирскаго движенія до 1882 года не существуетъ; въ этомъ году число пассажировъ равнялось 375 милл., а въ 1902 году 655 милл. Гораздо скорѣе возрастало товарное движеніе: въ 1882 году на одну милю приходится 39302 милл. тоннъ груза, въ 1902 году 156624 милл. тоннъ. Городскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1901 году существовало 1062 съ общимъ протяженіемъ въ 23000 миль и съ 68000 вагоновъ.

Общественныхъ почтовыхъ учрежденій въ 1870 году было 28000, въ 1903 году 74000. Доходъ почты въ 1870 году составлялъ всего 19 милл. долларовъ, въ 1903 году 134 милл. За тотъ же періодъ времени число телеграммъ удесятерилось, поднявшись съ 9 милл. до 90 милл., а число газетъ возросло съ 5000 до 20.000. Всему этому соотвѣтствуетъ интенсивность денежнаго обращенія. Въ 1870 году въ обращеніи находилось золота и серебра на 25 милл. долларовъ, на 314 милл. кредитныхъ билетовъ Соединенныхъ Штатовъ, на 291 милл. кредитныхъ билетовъ національнаго банка и на 33 милл. другихъ бумагъ—всего около 675 милл. долларовъ, что составляло на душу населенія 17,5 долларовъ. Въ 1903 году въ обращеніи находилось уже одного золота на 617 милл. долларовъ, серебра на 165 милл., бумагъ, обезпеченныхъ золотомъ, на 377 милл., бумагъ, обезпеченныхъ серебромъ, на 454 милл., государственныхъ кредитныхъ билетовъ на 334 милл., кредитныхъ билетовъ національныхъ банковъ на 399 милл., другихъ бумагъ на 19 милл., всего 2367 милл., а на душу населенія 29,4 долларовъ. Самое число національныхъ банковъ возросло съ 1612 въ 1870 году до 4939 въ 1903 году. Банковъ-

скіе депозиты въ національныхъ банкахъ за тотъ же промежутокъ времени увеличились съ 574 милл. долларовъ до 3200 милл., а въ сберегательныхъ кассахъ—что можетъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ показателей—съ 549 милл. до 2815 милл. долларовъ. Къ этому надо присоединить въ 1903 году еще депозиты въ государственныхъ банкахъ на сумму 1814 милл. долларовъ, въ кредитныхъ обществахъ на 1589 милл. и въ частныхъ банкахъ на 133 милл. Общая сумма депозитовъ въ банкахъ въ 1903 году составляла 9553 милл. долларовъ. Взаимные банковскіе расчеты въ Нью-Іоркѣ выразились въ 1870 году въ суммѣ 27000 милл., въ 1903 году 70833 милл., въ Соединенныхъ Штатахъ вообще 114068 милл. долларовъ.

Общая сумма доходовъ государства, слагающаяся преимущественно изъ пошлинъ и внутреннихъ налоговъ, составляла въ 1850 году 43 милл., въ 1870 году 395 милл., изъ нихъ 194 милл. пошлинъ и 184 милл. внутреннихъ налоговъ. Въ 1903 году доходы равнялись 560 милл., изъ нихъ 284 милл. пошлинъ и 330 милл. внутреннихъ налоговъ. Расходы государства въ 1870 году выражались суммою 164 милл. долларовъ, изъ которыхъ 57 милл. употреблены на армію, 21 милл. на флотъ и 28 милл. на пенсіи; кромѣ того, 129 милл. на погашеніе государственнаго долга. Въ 1903 году расходы государства составляли 477 милл. долларовъ. Армія обходилась въ 118 милл., флотъ въ 82 милл., на погашеніе долга уже всего 28 милл., на пенсіи же 138 милл., такъ какъ число такъ называемыхъ военныхъ пенсіонеровъ постепенно возрасло до 996545. Истинные размѣры расходовъ на государственныя нужды, конечно, опредѣляются этими числами очень не точно, такъ какъ бо́льшая часть затратъ на культурныя цѣли производится отдѣльными штатами. Такъ, напримѣръ, на однѣ лишь народныя школы въ Америкѣ израсходовано въ 1870 году 63 милл. долларовъ, въ 1902 году 235 милл., но эти расходы подаютъ на отдѣльные штаты и совершенно не входятъ въ государственный бюджетъ.

Общая сумма богатства населенія, которую можно, конечно, лишь приблизительно указать, опредѣлялась въ 1850 году въ 7135 милл. долларовъ, въ 1860 году въ 16159 милл., въ 1870 г. въ 36068 милл., въ 1880 году въ 42642 милл., въ 1890 году въ 65037 милл., въ 1900 году въ 94300 милл. При этомъ на душу населенія приходилось въ 1850 году 307 долларовъ, въ 1860 г. 513, въ 1870 году 779, въ 1880 году 850, въ 1890 году 1038, въ 1900 году 1235. Государственный же долгъ страны въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій неуклонно уменьшался. Положеніе этого долга опредѣлялось преимущественно междоусобной войною. Поэтому наивысшаго размѣра онъ достигъ въ 1866 г., когда составлялъ 2636 милл., на душу населенія 74 доллара.

Но уже въ 1880 году долгъ сократился до 1919 милл., при чемъ на душу населенія приходилось уже 38 долларовъ. Наименьшихъ размѣровъ долгъ достигъ въ 1893 году, когда онъ равнялся 838 милл., а на душу населенія падало 12 долларовъ; затѣмъ послѣ войны долгъ снова нѣсколько увеличился, но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ уменьшается, и въ 1903 году составлялъ всего 925 милл., на душу населенія 11 долларовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ расчетѣ изъ суммы займовъ вычиталась сумма, имѣющаяся въ наличности въ государственномъ казначействѣ.

* * *

До сихъ поръ мы говорили только о внутренней жизни Соединенныхъ Штатовъ, оставляя въ сторонѣ ихъ экономическія сношенія съ иностранными государствами. Между тѣмъ именно здѣсь сосредоточивается значительная часть экономическихъ интересовъ, и именно въ тѣхъ цифрахъ, которыя касаются внѣшней торговли Соединенныхъ Штатовъ, отражается стремленіе націи къ экономическому подъему. Если оставить въ сторонѣ ввозъ и вывозъ благородныхъ металловъ и имѣть въ виду только товары въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то международное торговое положеніе Соединенныхъ Штатовъ въ 1903 году характеризуется слѣдующими цифрами: общая сумма ввоза составляла 1.025,719,237 долларовъ, а общая сумма вывоза 1.420.141.679 долларовъ. Оба эти числа необходимо проанализировать въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и сравнить съ числами за прошлые годы. Для политика представляютъ, быть можетъ, наибольшую важность, для насъ же здѣсь совершенно несущественны колебанія самыхъ послѣднихъ лѣтъ происшедшія въ 1902 и 1903 году. Въ одномъ отношеніи какъ будто наблюдается шагъ назадъ: хотя въ 1903 году превышеніе вывоза надъ ввозомъ выразилось суммою въ 394 милл., однако число это на 83 милл. меньше соотвѣтствующаго числа за предшествующій годъ. Но эта перемѣна, неблагопріятная для страны, вызвана не паденіемъ экспорта, а только чрезвычайнымъ увеличеніемъ ввоза. Вывозъ увеличился по сравненію съ предшествующимъ годомъ на 38 милл., ввозъ же на 122 милл.

Если, такимъ образомъ, вся внѣшняя торговля Соединенныхъ Штатовъ въ 1903 году выразилась суммою въ 2445 милл. долларовъ, то этимъ достигнута высота никогда ранѣе небывалая. Еще до 1900 года весь оборотъ не достигалъ двухъ милліардовъ, а первый милліардъ былъ достигнутъ въ 1872 г. Ввозъ и вывозъ, взятые вмѣстѣ, составляли въ 1830 году 134 милл., въ 1850 году 317 милл., въ 1860 году 687, въ 1870 г. 828, въ 1880 году 1503, въ 1890 году 1647, въ 1900 году 2244

милл. При этомъ балансъ ввоза и вывоза подвергается колебаніямъ. Въ 1800 году, напримѣръ, ввезено товаровъ на 91 милл., вывезено на 70 милл.; точно такъ же въ теченіе слѣдующихъ трехъ десятилѣтій ввозъ преобладалъ надъ вывозомъ. Напротивъ, въ теченіе десятилѣтія, оканчивающагося 1840 годомъ, ежегодный ввозъ составлялъ въ среднемъ всего 98 милл., а вывозъ 123 милл. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи снова наступаетъ перемѣна: ввозъ равняется 173 милл., вывозъ 144 милл.; и въ 1860 году ввозъ равняется 353 милл., вывозъ 333 милл. Еще больше эта разница въ 1870 году: ввозъ 435 милл., вывозъ 392 милл. Затѣмъ, однако, вывозъ внезапно сильно повышается и въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ сохраняетъ рѣшительное преобладаніе. Въ 1880 году ввозится товара на 667 милл., вывозится же на 835 милл.; въ 1890 году ввозъ и вывозъ выражаются суммами 789 и 857 милл., въ 1900 году 849 и 1394 милл., въ 1901 году 823 и 1487 милл., въ 1902 году 903 и 1381 милл.; въ 1903 году, какъ уже сказано, ввозъ равнялся 1025 милл., вывозъ 1420 милл.

Попытаемся прежде всего разложить американскій ввозъ на его составные элементы. Изъ общей суммы ввоза, выразившейся въ 1903 году въ милліардѣ долларовъ, 212 милл. приходятся на пищевые продукты и живой скотъ, 383 милл. на сырые матеріалы, 97 милл. на полуобработанные, 169 милл. на вполнѣ обработанные, готовые къ употребленію продукты промышленности и 145 милл. на предметы роскоши. Первая группа, пищевые продукты, въ настоящее время составляющая 21% всего ввоза, еще въ 1880 году составляла 31%, а необходимые предметы потребленія, которые ввозятся въ готовомъ видѣ, въ 1880 году также составляли большую часть, чѣмъ теперь,—20% вмѣсто нынѣшнихъ 16%. Наоборотъ, сырые матеріалы, составлявшіе тогда 25% всего ввоза, въ настоящее время составляютъ 38%; процентъ предметовъ роскоши также повысился постепенно съ 10 до 14. Среди полуобработанныхъ продуктовъ первое по цѣнности мѣсто занимаютъ химическіе товары, которыхъ ввезено на 38 милл. Затѣмъ слѣдуютъ: деревянныя издѣлія на 11 милл., масла на 10 милл., желѣзныя издѣлія на 8 милл., мѣха на 5 милл. и кожаныя издѣлія также на 5 милл. Среди сырыхъ матеріаловъ первое по цѣнности мѣсто занимаютъ кожи и шкуры; ихъ въ 1903 году ввезено на 58 милл. Затѣмъ слѣдуютъ: шелкъ на 50 милл., растительныя волокна, напримѣръ, льняныя, на 30 милл., резина на 32 милл., желѣзо и сталь на 30 милл.; но въ послѣднемъ числѣ выражается ненормальное явленіе, такъ какъ въ этомъ исключительномъ году производству стали въ Америкѣ пришлось достигнуть необычайныхъ размѣровъ. Въ 1902 году ввозъ желѣза и стали составлялъ всего 9 милл., въ

1901 году всего 3 милл. Ввозъ необработанныхъ химическихъ продуктовъ оцѣнивался въ 23 милл., и во столько же оцѣнивалось ввезенное олово. На 21 милл. ввезено шерсти, на 20 милл. мѣди, на 11 милл. дерева и на такую же сумму хлопчатой бумаги.

При распредѣленіи вывоза по источникамъ производства 873 милл. приходятся на сельско-хозяйственные продукты, 407 милл. на продукты фабричной промышленности, 57 милл. на лѣсные продукты, 39 милл. на продукты горнозаводской промышленности и 7 милл. на продукты рыболовства. 6 милл. приходились на другіе мѣстные товары, 27 милл. на товары заграничнаго происхожденія. Наивысшихъ размѣровъ вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ достигъ въ 1901 году, когда онъ оцѣнивался въ 943 милл.; вывозъ продуктовъ фабричной промышленности въ 1903 году также уменьшился по сравненію съ 1901 годомъ на 3, 4 милл., а по сравненію съ 1900 годомъ на 26 милл. Но статистика производства вполнѣ ясно показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ уменьшеніемъ производства, а съ быстрымъ ростомъ спроса на собственномъ рынкѣ. Если оставить въ сторонѣ эти мелкія, почти случайныя колебанія послѣднихъ трехъ лѣтъ, то надо признать, что вывозъ непрерывно возрастаетъ. Въ 1800 году вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и продуктовъ фабричной промышленности составлялъ 25 милл. и 2 милл., въ 1850 году 108 милл. и 17 милл., въ 1880 году 685 и 102 милл., въ 1900 году 835 и 433 милл.

Среди странъ, съ которыми Соединенные Штаты ведутъ торговлю, первое мѣсто какъ въ отношеніи ввоза, такъ и въ отношеніи вывоза занимаетъ Европа. Въ 1903 году ввезено товаровъ изъ Европы въ Соединенные Штаты на 547 милл., вывезено изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу на 1029 милл. Ввозъ изъ другихъ американскихъ странъ, т. е. изъ Канады и Мексики, составлялъ 189 милл., вывозъ къ нимъ 215 милл.; ввозъ изъ Южной Америки составлялъ 107 милл., вывозъ въ Южную Америку 41 милл., ввозъ изъ Азіи 147 милл., вывозъ въ Азію 58 милл., ввозъ изъ Австраліи 21 милл., вывозъ 37 милл., ввозъ изъ Африки 12 милл., вывозъ 38 милл.

Торговые обороты Соединенныхъ Штатовъ съ отдѣльными европейскими странами выражаются въ слѣдующихъ числахъ. Англія купила у Соединенныхъ Штатовъ товаровъ на 523 милл. долларовъ и продала имъ на 180 милл. Затѣмъ слѣдуетъ Германія, купившая на 174 милл. и продавшая на 111 милл. Франція купила товаровъ всего на 70 милл., продала же на 87 милл. Австрія купила на 6, продала на 10 милл. Россія купила на 7 милл. и продала на 7 милл. Самыя оживленныя торговыя сношенія Соединенные Штаты ведутъ, послѣ Англіи

и Германіи, съ Канадою; ввозъ ихъ въ Канаду составлялъ 123 милл., вывозъ изъ Канады 54 милл. Ни одна страна не поставляетъ Германіи больше товаровъ, чѣмъ Соединенные Штаты. На второмъ мѣстѣ, но далеко позади, стоитъ Россія, на третьемъ Австрія, на четвертомъ Великобританія. Однако среди государствъ, куда Германія вывозитъ свои товары, Соединенные Штаты занимаютъ лишь третье мѣсто; на первомъ стоитъ Англія, на второмъ Австрія. Изъ товаровъ, которые Америка покупаетъ у Германіи, главную роль играютъ москательные товары и краски; затѣмъ слѣдуютъ хлопчатобумажные товары, шелковыя издѣлія, желѣзныя издѣлія, затѣмъ книги и произведенія художественной промышленности, далѣе глиняныя издѣлія, мануфактурные товары, посуда, хлопчато-бумажныя ткани, литографскія издѣлія, картины, игрушки и т. д. Ни одна изъ остальныхъ категорій товаровъ не представлена суммою свыше 10 милл. марокъ. Почти во всѣхъ отрасляхъ наблюдается неуклонное повышеніе, а въ общей суммѣ ввозъ 1903 года оказался на 17% больше ввоза предшествующаго года, на 71% больше, чѣмъ въ 1898 году, на 138% больше, чѣмъ въ 1880 году, на 198% больше, чѣмъ въ 1875 году и на 343% больше, чѣмъ въ 1870 году.

Среди предметовъ, вывозимыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Германію, первое мѣсто занимаетъ хлопчатая бумага. Десять лѣтъ тому назадъ цѣнность ея уже опредѣлялась въ 34 милл. долларовъ; въ 1901 году она достигла 76 милл., въ слѣдующемъ году понизилась до 70 милл., но въ 1903 году опять поднялась до 84 милл., при чемъ вѣсъ вывезеннаго хлопка равнялся 957 милл. фунтовъ. Вывозъ пшеницы въ Германію оцѣнивался въ 1896 году всего въ 608000 долларовъ, въ слѣдующемъ году уже въ 1,9 милл. долларовъ, затѣмъ въ послѣдующіе два года въ 3,1 и 7,6 милл., въ 1902 году въ 14,9 милл.; въ 1903 году онъ составилъ всего 11,1 милл. На ряду съ пшеницей вывозится и маисъ, но вывозъ его подвергался болѣе значительнымъ колебаніямъ. Въ 1901 году Германія купила маиса на 17 милл., въ 1903 году всего на 6,6 милл. Вывозъ керосина достигъ наивысшихъ размѣровъ въ 1900 году, когда онъ оцѣнивался въ 8 милл. долларовъ; въ 1903 году онъ составилъ 6,3 милл.

Однако, довольно уже сухихъ чиселъ. Значеніе ихъ было бы еще болѣе ясно, если бы сравнить ихъ съ данными о производительности другихъ странъ. На американской почвѣ произрастаетъ больше пшеницы, чѣмъ въ любой изъ остальныхъ странъ во всемъ мірѣ, и больше маиса, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ вмѣстѣ взятыхъ. Тамъ убивается больше рогатаго скота и свиней, чѣмъ въ любой изъ остальныхъ странъ,

а что касается до главнаго средства, которое служитъ для выдѣлки одежды людей,—до хлопка, то $^3/_4$ всего мірового урожая его получается въ Соединенныхъ Штатахъ. Ни одна страна въ мірѣ не добываетъ столько угля, керосина, желѣза и стали, мѣди и олова,—словомъ, ни въ одной странѣ не имѣются въ такомъ количествѣ и не эксплуатируются такъ энергично всѣ важнѣйшія средства производства. Но человѣкъ, имѣющій передъ глазами даже всѣ числа, касающіяся мірового рынка, все же не можетъ получить такого полнаго представленія объ интенсивности американской экономической жизни, какъ тотъ, кто—будучи спеціалистомъ или профаномъ, безразлично—видитъ собственными глазами колеса этой машины во время ихъ движенія. Надо видѣть силовыя станціи на Ніагарѣ или сталелитейные заводы въ Питтсбургѣ, бойни въ Чикаго и ткацкія фабрики въ Новой Англіи, газетныя типографіи въ Нью-Іоркѣ и часовыя фабрики близъ Бостона, зернохранилища въ Буффало и мельницы въ С.-Полѣ, паровозостроительные заводы въ Филадельфіи, корабельныя верфи въ Пенсильваніи, жизнь порта въ Нью-Іоркѣ,—чтобы почувствовать эту гигантскую силу, которая здѣсь творитъ и творитъ.

На одномъ заводѣ ежегодно строятся 1500 паровозовъ. Одна фабрика жатвенныхъ машинъ въ Чикаго занимаетъ 140 акровъ земли, въ ней работаютъ 24.000 человѣкъ, и два милліона выдѣланныхъ ею машинъ уже находятся въ употребленіи. Пятьдесятъ судовъ заняты подвозомъ ей дерева и желѣза, и ежедневно она отправляетъ сто товарныхъ вагоновъ съ готовыми своими продуктами.

И эта тенденція устраивать все въ грандіозныхъ размѣрахъ сказывается не только тамъ, гдѣ дѣло касается товаровъ, имѣющихъ массовый сбытъ; эта же тенденція отражается на мелкихъ и даже на личныхъ дѣлахъ. Всѣмъ извѣстно, какъ медленно въ Германіи большимъ магазинамъ-базарамъ удавалось побѣдить конкурренцію маленькихъ лавокъ; въ Америкѣ же именно эти огромные магазины тотчасъ привлекли симпатіи публики. Выставкамъ и витринамъ этихъ магазиновъ соотвѣтствуютъ ихъ объявленія въ газетахъ и журналахъ. Теперь уже совсѣмъ не представляется необычнымъ, что фабрикантъ, изготовляющій какую нибудь закуску или какой нибудь химическій препаратъ, тратитъ болѣе милліона долларовъ въ годъ на рекламу. Въ «Ladies'Home Journal» строка объявленій въ столбцѣ занимающемъ шестую долю страницы, стоитъ при однократномъ помѣщеніи объявленія 12 рублей; недавно одинъ мыловаренный заводъ заплатилъ за пользованіе цѣлой страницей этого журнала въ теченіе извѣстнаго періода времени 300.000 рублей.

Но во всемъ, что можетъ теперь видѣть путешественникъ, самое сильно впечатлѣніе получается при сравненіи съ тѣмъ, что было раньше. Приведенныя нами числа уже ясно показали, что во всѣхъ областяхъ развитіе совершалось чрезвычайно быстро и что нерѣдко производство внезапнымъ скачкомъ увеличивалось въ нѣсколько разъ. Типичнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить сельско-хозяйственныя машины. Обработка земли посредствомъ плуга радикально измѣнилась начиная съ 1870 года, когда американскому земледѣльцу былъ впервые предложенъ паровой плугъ. Съ тѣхъ поръ люди неутомимо работали надъ усовершенствованіями, и теперь всюду можно видѣть крестьянина, сидящаго верхомъ на своей машинѣ. Нынѣшній паровой плугъ въ соединеніи съ сѣялкою и бороною сократилъ время, потребное для пахоты, сѣва пшеницы и боронъбы, въ пятнадцать разъ по сравненію съ тѣмъ, сколько требовалось его при отсутствіи машинъ; расходы же на каждую мѣру пшеницы сократились въ четыре раза. Нынѣшнія машины одновременно сѣютъ и унаваживаютъ почву, при чемъ сѣмена всюду оказываются на такой глубинѣ подъ землею, какая желательна лицу, управляющему машиною. Другія машины, освобождающія зерна маиса отъ ихъ оболочки и въ то же время разрѣзающія стебель на мелкія части, обрабатываютъ мѣру маиса въ одну минуту, между тѣмъ какъ прежде хорошій работникъ продѣлывалъ ту же работу въ два часа.

Само собою разумѣется, что цѣпы для молотьбы давно уже не существуютъ. Верхомъ совершенства въ этой области является скомбинированная жатка съ молотилкою, которая срѣзаетъ колосья со стеблей, молотитъ ихъ, очищаетъ пшеницу и ссыпаетъ ее въ мѣшки; все это продѣлывается съ такой быстротою, съ какой могутъ бѣжать запряженныя въ машину лошади. Машины, служащія для сбора сѣмянъ хлопка, являются въ настоящее время совершенно необходимыми, такъ какъ безъ нихъ немыслимо было бы собрать нынѣшній урожай хлопка, достигающій 10 милліоновъ тюковъ. Въ прежнее время одинъ человѣкъ употреблялъ около десяти часовъ для того, чтобы собрать сѣмена съ полутора фунтовъ хлопка; въ настоящее время машина можетъ за такой промежутокъ обработать до 7000 фунтовъ.

Точно такимъ же образомъ изобрѣтательность американца увеличила и производительность фабрикъ въ десятки и сотни разъ; всюду приходилось экономно обращаться съ человѣческой силой, а для этого надо было изыскивать средства къ тому, чтобы автоматически или съ помощью какого нибудь простого движенія руки выполнялись такія работы, на которыя ранѣе требовался тяжелый трудъ. Благодаря этимъ-то безконечнымъ

изобрѣтеніямъ и улучшеніямъ, благодаря этому развитію духа изобрѣтательности не только въ каждомъ руководителѣ какого нибудь предпріятія, но и въ каждомъ рабочемъ, благодаря готовности, съ которою всюду, не взирая на издержки, тотчасъ же вводилось всякое улучшеніе и усовершенствованіе,—благодаря всему этому производительность страны увеличилась въ гораздо большей степени, чѣмъ могла бы увеличиться благодаря какимъ угодно покровительственнымъ пошлинамъ и въ силу одного только обилія естественныхъ богатствъ.

Джингоисты-фантазеры и въ этой колоссальной производительности видятъ только зародышъ того, что́ еще будетъ, и въ ихъ мечтахъ уже рисуется тотъ день, когда весь міръ будетъ находиться въ зависимости отъ американскаго рынка. Такіе безбрежные планы не должны вводить насъ въ заблужденіе. Благоразумный американецъ знаетъ, что и могучій расцвѣтъ заморской торговли еще совсѣмъ не устраняетъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ американская промышленность при вывозѣ своихъ продуктовъ въ Европу. Онъ знаетъ, какъ высока заработная плата въ Америкѣ, и знаетъ, что расцвѣтъ и вліяетъ именно въ смыслѣ увеличенія платы, такъ какъ американскій рабочій въ большей мѣрѣ, нежели европейскій, располагаетъ силою для того, чтобы потребовать себѣ своей доли прибыли. Благоразумный американецъ не соглашается и съ соблазнительнымъ планомъ—завоевать европейскій рынокъ съ помощью неслыханно низкихъ цѣнъ. Угнетенный плохими временами, онъ, быть можетъ, когда нибудь и прибѣгнетъ къ этому выходу, чтобы быстро освободиться отъ скопившихся товаровъ, которыхъ не желаетъ брать собственный рынокъ. Но въ обычное время промышленность не желаетъ и слышать объ этомъ, потому что знаетъ, какъ деморализующе вліяетъ на родную страну сознаніе, что фабриканты продаютъ свои товары за границей дешевле, чѣмъ дома. А американецъ больше всего боится деморализаціи своего національнаго рынка, такъ какъ благодаря сильной склонности къ экономическому подражанію всякое неудовольствіе по поводу экономическаго положенія именно въ Соединенныхъ Штатахъ очень скоро распространяется, а такое неудовольствіе слишкомъ легко можетъ повести къ всеобщему паденію цѣнъ. Даже доведенное до высшихъ предѣловъ экономизированіе человѣческаго труда еще очень часто уравновѣшивается легкомысленнымъ уничтоженіемъ побочныхъ продуктовъ производства и роскошною постановкою промышленныхъ предпріятій.

Если Америка имѣетъ огромную выгоду отъ того, что ея уголь легко можетъ доставляться въ промышленные округа, а товары могутъ дешево перевозиться въ странѣ по воднымъ

путямъ, то, съ другой стороны, наибольшая часть грузовъ, идущихъ заграницу, приноситъ доходъ въ видѣ платы за провозъ не американцамъ, а иностранцамъ, такъ какъ американскій торговый флотъ далеко не удовлетворяетъ потребностямъ американской торговли. Если Америка сильна своими покровительственными пошлинами, то даже Англія уже собирается ей напомнить, что эти пошлины совсѣмъ не составляютъ только американской привилегіи. Если богатство естественныхъ продуктовъ въ странѣ неисчерпаемо, то американецъ все же знаетъ, что наибольшую выгоду получаетъ тотъ, кто эти продукты обрабатываетъ. Если американецъ обнаруживаетъ много ума и энергіи при завоеваніи иностранныхъ рынковъ, то онъ все же ясно чувствуетъ, что другіе народы кладутъ на чашу вѣсовъ другія добродѣтели, которыхъ онъ не усвоилъ и которыхъ не хочетъ усвоить,—именно, прежде всего, терпѣніе, умѣнье приспособляться къ чужимъ потребностямъ и способность считаться съ мелочами.

Одно обстоятельство, какъ мы видѣли, стоитъ на сторонѣ американца и даетъ ему огромную силу: это—его вѣра въ цѣнность экономической культуры, его экономическій идеализмъ, его стремленіе къ экономическому творчеству, какъ наиболѣе полному выраженію духа самодѣятельности; но и это обстоятельство имѣетъ отрицательныя въ экономическомъ смыслѣ стороны: духъ индивидуалистической иниціативы пробуждаетъ и въ рабочемъ желаніе пользоваться всѣми правами, а благодаря этому борьба между капиталомъ и трудомъ получаетъ такую интенсивность, какой не видѣла ни одна изъ остальныхъ странъ, промышленность же сковывается такими цѣпями, какихъ почти нѣтъ на конкуррентахъ по міровому рынку. Словомъ, благоразумный американецъ прекрасно знаетъ, что завоевать рынокъ великихъ культурныхъ націй его промышленность можетъ лишь постепенно, что и въ экзотическихъ странахъ онъ постоянно будетъ встрѣчаться съ равными соперниками, что на его пути еще будетъ много трудностей, что собственный рынокъ еще будетъ отъ времени до времени требовать усиленія ввоза, и что, такимъ образомъ, о подавленіи всей экономической жизни Европы и о диктатурѣ промышленныхъ вождей Новаго Свѣта еще долго не можетъ быть и рѣчи.

Въ одномъ отношеніи, однако, его ожиданія не будутъ обмануты: увеличеніе американской производительности будетъ неуклонно продолжаться. Не всегда урожай во всѣхъ штатахъ будетъ хорошъ, не всегда спекулянты будутъ довольны урожаемъ, собираемымъ на биржѣ, но экономической жизни націи,

взятой въ цѣломъ, насколько можно судить по всѣмъ признакамъ, не грозитъ возможности серьезнаго упадка или паники.

Соединенные Штаты шесть разъ переживали тяжелый кризисъ: въ 1814, 1819, 1837, 1857, 1873 и 1893 году. Слишкомъ многое говоритъ за то, что сшитое бѣлыми нитками ученіе о ритмическомъ повтореніи кризисовъ не оправдается на будущности Америки, и если именно въ наши дни, послѣ годовъ невиданнаго расцвѣта, наступитъ заминка, то этого времени все же нельзя сравнивать съ періодами, которые предшествовали прежнимъ кризисамъ, въ особенности бѣдствіямъ 1893 года. Припомнимъ движеніе, совершавшееся въ то время. Жестокій опытъ начала девятидесятыхъ годовъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ неестественнаго напряженія кредита. Пять-шесть лѣтъ всеобщаго благополучія протекли передъ тѣмъ, и тотчасъ же все, что служитъ для улучшенія личной жизни, было предложено въ изобиліи; безумная строительная горячка прошла по странѣ, цѣны на землю возрастали неуклонно. Но внутреннее экономическое развитіе страны не совершалось такъ же быстро. Среди возникшихъ предпріятій было слишкомъ много излишнихъ, недвижимая собственность — дома и земля — была сверхъ всякой мѣры обременена долгами. Уже въ 1890 году началось потрясеніе, а спустя еще три года это зданіе, построенное на недостаточно прочномъ фундаментѣ, рухнуло. Въ теченіе одного года послѣдовало другъ за другомъ свыше 15.000 банкротствъ съ общимъ пассивомъ въ 350 милліоновъ долларовъ, а въ слѣдующіе два-три года картина была едва ли многимъ лучше. Все находилось въ упадкѣ. Крестьянинъ былъ кругомъ въ долгахъ, фабричный рабочій сидѣлъ безъ дѣла, горнозаводскій рабочій работалъ за нищенскую плату, и такъ какъ покупательная сила милліоновъ людей была, такимъ образомъ, разрушена, то у промышленности и торговли не оказывалось сбыта, и въ результатѣ—экономическое крушеніе со всѣми его угрожающими признаками. Однако, не врачи вылѣчили больного: организмъ самъ справился съ болѣзнью. И при этомъ выздоровленіе совершилось такимъ образомъ, что повтореніе подобной болѣзни, повидимому, навсегда сдѣлалось невозможнымъ.

Прежде всего упадокъ подготовилъ оздоровленіе уже однимъ тѣмъ, что здѣсь, какъ и всегда, сохраниться могли только самые сильные и что только самыя здоровыя предпріятія могли спокойно продолжать свое существованіе, между тѣмъ какъ всѣ слабыя, не имѣвшія права на существованіе и возникшія въ періодъ чрезмѣрной смѣлости, были уничтожены. Но этотъ результатъ, конечно, не долговѣченъ, такъ какъ благопріятные годы всего будутъ имѣть одни и тѣ же послѣдствія, всегда будутъ вызывать экономически безполезную про-

изводительность. Если же что имѣло здѣсь прочную цѣнность, такъ это та необычайная энергія, съ которою промышленность въ эти тяжелые годы впервые стала учиться бережливости. И теперь еще ей въ этомъ отношеніи многому надо учиться, но тогда все же были достигнуты изумительные результаты. Такъ, напримѣръ, чикагскія бойни въ эти годы открыли, что изъ тѣхъ частей животныхъ, которыя до того времени выбрасывались, возможно за одинъ только годъ и на одной только бойнѣ изготовить 6 милл. фунтовъ клея, 30 милл. фунтовъ жиру и 105 милл. фунтовъ удобрительныхъ веществъ; спустя нѣсколько лѣтъ весь дивидендъ компаніи, владѣвшей бойнями, началъ получаться отъ продажи побочныхъ продуктовъ, матеріалъ для которыхъ еще незадолго передъ тѣмъ просто выбрасывался. То же самое произошло на горныхъ заводахъ и на нефтяныхъ источникахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ и въ лѣсахъ.

Сообразно съ особымъ дарованіемъ американцевъ, въ это время появилось множество изобрѣтеній, имѣвшихъ цѣлью сбереженіе труда и улучшеніе его качества. На желѣзодѣлательныхъ заводахъ, въ угольныхъ копяхъ—во всѣхъ сферахъ приложенія промышленнаго труда приходилось въ это тяжелое время достигать прибыли путемъ сокращенія издержекъ производства и увеличенія его продуктивности. Изобрѣтательность сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, была направлена на созданіе машинъ, сберегающихъ трудъ; всѣ усилія сосредоточивались на томъ, чтобы сдѣлать производство автоматическимъ, чтобы всецѣло предоставить машинѣ работу молотка и рубанка, прялки и ткацкаго станка. Отъ этого чрезвычайнаго напряженія національнаго духа изобрѣтательности, направленнаго на сокращеніе труда, американская промышленность получила такую выгоду, которая уже не можетъ быть уничтожена.

Однако, это увеличеніе бережливости могло только помочь въ тяжелыя времена, но не могло само по себѣ вызвать великаго подъема. Гдѣ начался этотъ подъемъ и какимъ образомъ онъ начался, это, пожалуй, трудно сказать, такъ какъ очень быстро должны были вступить во взаимодѣйствіе самые разнообразные факторы; но, безспорно, мы приняли бы за сущность дѣла его внѣшніе признаки, если бы стали смотрѣть на организацію трестовъ, какъ на ту силу, которая вызвала подъемъ. Источникомъ его, конечно, послужилъ прежде всего колоссальный урожай 1897 года. Въ этомъ году, когда въ Россіи и Индіи, а, слѣдовательно, и во всемъ Старомъ Свѣтѣ, чувствовался недостатокъ пшеницы, Америка собрала такой урожай, какого не было у нея уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Несмотря на огромные запасы, цѣна на хлѣбъ, благодаря европейскому

спросу, увеличивалась съ каждой недѣлей. Фермеръ, который въ 1894 году, при небольшомъ урожаѣ, получалъ всего 49 центовъ за бушель пшеницы, теперь, при полныхъ амбарахъ, получилъ по 81 центу. Результаты были вполнѣ естественны. Крестьянинъ въ теченіе предыдущихъ лѣтъ мучился и получалъ самое необходимое почти только путемъ строгой экономіи. Теперь его дѣла были хороши, и онъ сталъ пріобрѣтать все то, чего ему недоставало, — лучшее платье и лучшую пищу, лучшія орудія и лучшія повозки. А въ странѣ, гдѣ сельское хозяйство имѣетъ огромные размѣры, это означаетъ расцвѣтъ для всѣхъ отраслей промышленности.

Лавки въ маленькихъ городахъ снова оживились. Это отразилось, конечно, на большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, и такимъ образомъ все снова пришло въ движеніе. Еще важнѣе было, однако, вліяніе, оказанное этимъ расцвѣтомъ на желѣзныя дороги. Благодаря свободной конкурренціи частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній въ Америкѣ въ хорошіе годы возникло множество рельсовыхъ путей, которые были очень полезны для страны, но убыточны для своихъ владѣльцевъ; на нихъ то плохіе годы отразились особенно тяжело. Одна желѣзная дорога за другою переходила въ руки конкурсныхъ управленій, эксплуатація ихъ пришла въ разстройство; всюду соблюдалась самая крайняя экономія, вагонами и рельсами пользовались до самой послѣдней возможности. И вотъ теперь началась усиленная перевозка продуктовъ огромнаго урожая и товаровъ, создаваемыхъ вновь ожившею промышленностью. Желѣзныя дороги быстро оправились. Отовсюду притекали къ нимъ доходы, а ихъ положеніе, въ свою очередь, отразилось на положеніи желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ. Въ новыхъ рельсахъ и новыхъ вагонахъ оказалась настоятельная необходимость, стальное производство начало развиваться въ грандіозныхъ размѣрахъ, а разъ наступилъ этотъ моментъ, то уже должно было сохраниться взаимодѣйствіе всѣхъ элементовъ. Новая промышленность оживила желѣзнодорожное дѣло и принесла заработокъ рабочему; рабочій въ свою очередь сдѣлался покупателемъ для продуктовъ промышленности, промышленность и желѣзныя дороги требовали угля, и это послужило источникомъ новой жизни для копей.

Затѣмъ началась испанская война, которая неожиданно увеличила довѣріе націи къ собственнымъ силамъ, а это довѣріе, въ свою очередь, придало новыя силы экономической жизни страны. Такимъ образомъ, на лицо были всѣ внутреннія условія для роста, но къ нимъ присоединились и внѣшнія условія. За однимъ хорошимъ урожаемъ послѣдовалъ другой. Въ 1898 году въ Америкѣ собрано 675 милл. бушелей пшеницы,

а сборъ хлопка достигъ неслыханныхъ размѣровъ—11 милл. тюковъ. Благодаря случайности въ томъ же году добыча золота возросла до 64 милл. долларовъ, а огромныя суммы, полученныя Америкой изъ-заграницы за ея хлѣбъ, сильно увеличили количество денегъ, находившихся въ обращеніи. Теперь наступило время, когда и биржа могла принять участіе въ общемъ подъемѣ. Она было испуганно устранилась отъ дѣлъ, и именно на Западъ и Югъ, гдѣ теперь были большіе урожаи, она смотрѣла съ недовѣріемъ. Тамъ все казалось задолженнымъ, и отчаяніе западнаго фермера послужило источникомъ безбрежныхъ проектовъ серебряной валюты, которые на Востокѣ вызывали сильнѣйшія опасенія. Однако избраніе въ президенты Макъ-Кинли обезпечило побѣду сторонникамъ золотой валюты, страхи передъ серебромъ были разсѣяны, и спустя немного лѣтъ въ западныхъ земледѣльческихъ штатахъ вмѣсто всеобщей задолженности наступило общее оздоровленіе. Теперь и биржа стала снова обнаруживать довѣріе. На фондовой биржѣ въ Нью-Іоркѣ въ 1894 году куплено и продано акцій всего на 49 милл., въ 1897 году биржа начала оправляться, и оборотъ акцій достигъ 77 милл.; въ 1898 году онъ повысился до 112, а въ 1899 году на 175 милліоновъ.

Зимою 1898—99 года началось во всей силѣ образованіе трестовъ. Биржа почувствовала, что наступаютъ блестящія времена. Больше капиталы, которые прежде ради осторожности не выпускались изъ рукъ, теперь искали приложенія, а такъ какъ биржевыя цѣнности могутъ расти скорѣе, чѣмъ промышленныя предпріятія, то являлся соблазнъ создать съ помощью финансовыхъ операцій такіе гигантскіе союзы, акціонерный капиталъ которыхъ въ значительной части былъ бы въ силу довѣрія внесенъ для оплаты лишь идеальныхъ цѣнностей. Въ одномъ лишь штатѣ Нью-Джерси, законодательство котораго особенно благопріятствовало подобнымъ предпріятіямъ, образовались сотни такихъ союзовъ съ общимъ капиталомъ, оцѣниваемымъ свыше 4000 милл. долларовъ. Въ этой ограниченной области, конечно, скоро началась реакція. Уже въ декабрѣ 1899 года лопнула масса этихъ дутыхъ цѣнностей, но самая промышленность осталась совершенно незатронутой. Несмотря на всѣ колебанія биржевыхъ цѣнностей, дѣятельность биржи все время приносила только пользу промышленной жизни.

Между тѣмъ, благодаря взаимодѣйствію всѣхъ факторовъ, богатство возрастало въ каждомъ большомъ городѣ и въ каждой деревнѣ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ удвоилось число вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ. Желѣзнымъ дорогамъ приходилось плохо только въ томъ отношеніи, что у нихъ не хватало вагоновъ; хотя онѣ увеличивали свой подвижной составъ такъ

быстро, какъ только было возможно, его все же оказывалось недостаточно для перевозки всего этого количества маиса и пшеницы, дерева и желѣза, хлопка и скота, угля и фабричныхъ продуктовъ. За два года число почтовыхъ переводовъ увеличилось на 7 милліоновъ. Число почтовыхъ отправленій за одинъ только 1899 годъ увеличилось по сравненію съ предшествующимъ годомъ на 361 милліонъ. Теперь наступило и время крупныхъ пожертвованій: въ теченіе одного года на учебныя и художественныя заведенія частными лицами пожертвовано свыше 50 долларовъ.

Въ непосредственной связи со всѣмъ этимъ стоитъ и возрастаніе внѣшней торговли. И здѣсь также въ тяжелые годы выполнена была полезная предварительная работа. Когда внутренній рынокъ находился въ упадкѣ, промышленность съ упорною энергіей направляла свои усилія на иностранные рынки. Съ помощью низкихъ цѣнъ и тщательнаго изученія чужихъ условій, а также благодаря прекраснымъ качествамъ своихъ продуктовъ, она медленно завоевывала одно небольшое поле за другимъ, и теперь, когда наступили хорошія времена, фундаментъ внѣшней торговли оказался уже заложеннымъ. Америка стала продавать свои велосипеды и сельско-хозяйственныя машины, сапоги и хлопчатобумажныя издѣлія, бумажные товары и часы, а, наконецъ, и рельсы, мосты и паровозы въ такомъ количествѣ, въ какомъ это было бы немыслимо въ предшествовавшіе паникѣ годы. Главное же, страна при этомъ становилась все болѣе независимой отъ европейской промышленности. Въ 1890 году Америка купила чужихъ товаровъ, продуктовъ фабричной промышленности, на 357 милл., а своихъ продала всего на 151 милл. Въ 1899 году ввозъ уже оказался на 100 милл. меньше, а вывозъ увеличился почти на 200 милл.

Въ то же время, благодаря огромному урожаю, общая стоимость всѣхъ проданныхъ товаровъ собственнаго производства достигла 1233 милл., и такимъ образомъ Соединенные Штаты впервые заняли первое мѣсто въ ряду экспортирующихъ великихъ державъ — мѣсто, которое до того времени принадлежало Великобританіи. Торговый балансъ Соединенныхъ Штатовъ уже въ первый годъ подъема, т. е. въ 1898 году, оказался благопріятнымъ для Америки и далъ въ ея пользу 615 милл. долларовъ. Такимъ образомъ, въ томъ же году, когда американскій флотъ посредствомъ ряда побѣдъ доставилъ націи въ политическомъ отношеніи положеніе великой державы, она заняла прочную позицію міровой державы и въ экономическомъ отношеніи. Теперь уже на Великой Сибирской дорогѣ употреблялись американскіе рельсы, американскіе заводы строили новые гигантскіе мосты для Индіи, американскіе

хлопчато-бумажные товары начали вытѣснять англійскихъ конкуррентовъ въ Китаѣ, американскіе паровозы оказывались передъ поѣздами на лондонскомъ вокзалѣ, и все это продолжалось и дальше въ томъ же родѣ. Одинъ огромный урожай слѣдовалъ за другимъ.

Урожай пшеницы достигъ въ 1901 году никогда ранѣе не виданныхъ размѣровъ — 736 милл. бушелей, а въ 1902 году онъ еще увеличился до 987 милл. бушелей. Въ томъ же году собрано было 670 милл. бушелей ячменя, а сборъ маиса выразился въ колоссальной цифрѣ 2523 милл. бушелей. Между тѣмъ надо сказать, что огромный урожай маиса есть самый вѣрный путь къ богатству. Маисъ не скоро портится и можетъ безъ труда быть сохраняемъ до того времени, когда продажа его будетъ наиболѣе выгодна; кромѣ того, крестьянинъ охотно превращаетъ свои запасы маиса въ мясо, цѣна котораго непрерывно возрастаетъ. Маисъ обогатилъ Западъ въ большей мѣрѣ, неужели всѣ остальные урожаи. Сборъ хлопка остался на прежней высотѣ—10 милліоновъ. Керосину теперь добывалось ежегодно около 70 милл. бочекъ. Требованія, предъявленныя къ желѣзнымъ дорогамъ, увеличивались съ каждымъ мѣсяцемъ, такъ что въ 1903 году бывали уже такія недѣли, когда оказывалось невозможнымъ принимать товары къ перевозкѣ, потому что пути на протяженіи цѣлыхъ миль были заняты не разгруженными вагонами. Но впереди всего шла желѣзодѣлательная и стальная промышленность. Чѣмъ больше урожаи, чѣмъ сильнѣе фабричная дѣятельность въ странѣ, чѣмъ больше работы желѣзнымъ дорогамъ, чѣмъ оживленнѣе обороты въ городахъ, тѣмъ больше дѣла доменнымъ печамъ. Производство желѣза и стали непрерывно возрастало. Въ 1898 году изготовлено 11,9 милл. метровъ-тоннъ желѣза и 9 милл. метровъ-тоннъ стали, въ 1900 году 14 милл. желѣза и 10 милл. стали, въ 1902 году 18 милл. желѣза и 15 милл. стали, между тѣмъ какъ производство на всемъ земномъ шарѣ составляло всего 44 милл. метровъ-тоннъ желѣза и 36 милл. метровъ-тоннъ стали.

И несмотря на этотъ колоссальный ростъ и цѣны все время повышались. Желѣзныя дороги, заключившія весною контракты на поставку новыхъ рельсовъ, могли спустя нѣсколько мѣсяцевъ продать старые рельсы по такой цѣнѣ, которая на четвертую часть превышала цѣну, выговоренную въ контрактѣ: за это время цѣны на сталь настолько возросли, что даже старые рельсы, которые должны были вернуться въ доменную печь, стоили дороже, чѣмъ новые рельсы нѣсколькими мѣсяцами раньше. Если желѣзодѣлательная промышленность дѣйствительно можетъ служить барометромъ національнаго благосостоянія, то она не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что всюду дѣла идутъ

очень хорошо. Ни въ одномъ городѣ банковая дѣятельность не возросла такъ сильно, какъ въ Питтсбургѣ, знаменитомъ центрѣ стальной промышленности. Въ 1899 году обороты банковъ въ Питтсбургѣ достигли суммы въ $1^1/_2$ милліарда долларовъ.

Безспорно, это стремительное движеніе впередъ, совершавшееся съ 1897 по 1903 годъ, въ настоящее время прервано, и началось обратное движеніе. И теперь опять во взаимодѣйствіи находится столько фактовъ, что трудно сказать, гдѣ именно началось это обратное движеніе. Въ значительной мѣрѣ вина падаетъ на большія забастовки въ строительномъ дѣлѣ. Лихорадочное строительство, царившее въ странѣ, пріостановилось, а остановка въ строительномъ дѣлѣ не могла не отразиться на стальной промышленности. Однако, еще важнѣе, быть можетъ, была реакція биржи противъ финансовыхъ операцій желѣзныхъ дорогъ. Въ хорошіе годы желѣзныя дороги пользовались такимъ широкимъ кредитомъ, что въ общей постановкѣ этого дѣла водворился слишкомъ большой комфортъ; особенно большія суммы были затрачены на то, чтобы превратить желѣзнодорожныя акціи въ облигаціи. Но затѣмъ биржа вдругъ стала испытывать сомнѣніе и съ поражающей быстротою взяла обратно свои капиталы. Непосредственнымъ результатомъ было то, что желѣзныя дороги, главные покупатели стальной промышленности, должны были отказаться отъ сдѣланныхъ заказовъ и начали сокращать свои расходы. Это оказало угнетающее вліяніе на стальную промышленность, а сокращеніе промышленной дѣятельности въ быстромъ круговоротѣ отразилось опять на количествѣ грузовъ, предлагаемыхъ желѣзнымъ дорогамъ. Но разъ ухудшилось положеніе въ строительномъ дѣлѣ и въ стальной промышленности, то послѣдствія этого должны были распространяться и дальше. Покупательная способность рабочихъ нѣсколько уменьшилась. Вся промышленность начала обнаруживать нѣкоторую нерѣшительность. Это отразилось на биржѣ, а нервозность финансовыхъ круговъ еще усилилась благодаря неудачамъ и благодаря легкомыслію извѣстныхъ вожаковъ. Настроеніе биржи, въ свою очередь, оказало вліяніе на самыя разнообразныя сферы дѣятельности, а отсюда уже естественно вытекало, что пессимисты внутри страны и добрые друзья заграницей стали предсказывать наступленіе паники.

Но она не наступитъ. Слишкомъ многое уже измѣнилось, слишкомъ многому страна научилась, слишкомъ много она сдѣлала прочныхъ пріобрѣтеній. Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, когда послѣ періода общаго благополучія и чрезмѣрнаго напряженія предпріимчивости во всѣхъ ея видахъ наступилъ крахъ, положеніе націи во всѣхъ отношеніяхъ было

совершенно иное; тогда укоренились было дѣйствительно вредныя явленія, и въ странѣ существовало множество дѣйствительно безполезныхъ или, по меньшей мѣрѣ, преждевременныхъ предпріятій. Уже въ одномъ этомъ отношеніи дѣло теперь обстоитъ совсѣмъ иначе. Кредитъ, который желѣзныя дороги, напримѣръ, довели тогда до чрезвычайнаго напряженія, послужилъ для устройства многихъ тысячъ миль новыхъ рельсовыхъ путей и для проведенія ихъ въ такія мѣста, гдѣ это еще не требовалось экономическими условіями. За послѣдніе же годы благополучія длина рельсовыхъ путей лишь немного увеличилась, и всѣ усилія были направлены на улучшеніе эксплуатаціи, усовершенствованіе всей внутренней постановки дѣла. Дороги стали прочнѣе, ихъ провозоспособность больше; ихъ долги уменьшились, и даже значительное сокращеніе работы не можетъ принести имъ серьезнаго вреда. Иные думаютъ даже, что чрезмѣрныя требованія, предъявлявшіяся къ желѣзнымъ дорогамъ въ годы послѣдняго большого подъема, въ сущности нанесли имъ экономическій ущербъ. Благодаря усиленной работѣ возникли всевозможныя неправильности, расшаталось все желѣзнодорожное дѣло. Опасности, сопряженныя съ движеніемъ поѣздовъ, благодаря этому непрерывно увеличивались, а суммы, требуемыя въ возмѣщеніе убытковъ, начали достигать внушительныхъ размѣровъ. Желѣзно-дорожный міръ, въ сущности, предпочитаетъ нормальную работу работѣ, превышающей всякую норму.

То же самое надо сказать и о промышленности. Такое чрезмѣрное напряженіе, какое она выдержала въ теченіе нѣсколькихъ наиболѣе блестящихъ лѣтъ, не можетъ долго продолжаться, не принося внутренняго вреда. И дѣйствительно, заводы были уже принуждены принимать такихъ рабочихъ, которые стояли ниже средняго уровня, и небольшое сокращеніе спроса на произведенія промышленности дало возможность снова удалить эти неудовлетворительные элементы и оставить только самыхъ лучшихъ рабочихъ. Сама промышленность, какъ и желѣзныя дороги, въ настоящее время вполнѣ здорова и сильна, и маленькимъ колебаніямъ ея производительности не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія, основываясь на быстромъ паденіи биржевыхъ бумагъ, принадлежащихъ промышленнымъ предпріятіямъ.

Финансовыя операціи и промышленная дѣятельность въ очень значительной степени независимы другъ отъ друга. Цѣна продуктовъ производства можетъ оставаться неизмѣнной въ то время, какъ акціи на биржѣ стремительно понижаются въ цѣнѣ. Акціи вѣдь, въ сущности, и не имѣютъ отношенія къ реальной цѣнности тѣхъ предпріятій, которыя вошли, напримѣръ,

въ составъ какого нибудь треста; ихъ цѣна опредѣляется предполагаемыми выгодами, которыя должны явиться результатомъ объединенія нѣсколькихъ предпріятій и доброй воли нѣсколькихъ финансовыхъ воротилъ. Поэтому дѣйствительной экономической жизни страны не наносится никакого ущерба, когда подобныя акціи, сохраняющіяся по большей части въ шкапахъ самыхъ богатыхъ людей, падаютъ со своей воображаемой высоты. Такія колебанія всегда происходили и происходятъ даже въ періодъ полнѣйшаго благополучія, нисколько не затрогивая дѣйствительнаго положенія промышленности. Такъ, напримѣръ, въ 1898 году чрезвычайно повысились въ цѣнѣ акціи заводовъ, занятыхъ выдѣлкою мѣди. Цѣна этихъ акцій искусственно все повышалась до тѣхъ поръ, пока лѣтомъ 1899 года не наступилъ сильнѣйшій крахъ. Но на цѣнѣ самой мѣди все это нисколько не отразилось. Фунтъ мѣди, который въ 1897 году стоилъ въ среднемъ 11 центовъ, сохранилъ въ 1899 году свою среднюю цѣну—17 центовъ, хотя биржа въ этой сферѣ поглощала все новыя и новыя жертвы. Сама промышленность не только здорова теперь, улучшенія, введенныя въ ней въ тяжелые годы послѣдней паники, не только продолжаютъ оказывать свое дѣйствіе, но она теперь разъ навсегда приняла на себя удовлетвореніе и такихъ потребностей, которыя ранѣе могли удовлетворяться только заграничною промышленностью; въ то же время торговля съ иностранными государствами была ею поведена такъ энергично, что здѣсь теперь въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, можетъ быть найденъ исходъ въ случаѣ пониженія покупательной способности собственной страны.

Однако, здѣсь надо принять во вниманіе еще другіе, гораздо болѣе важные факторы. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ вновь достигнутая, почти полная независимость страны отъ европейскихъ капиталовъ. Когда вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу въ теченіе ряда лѣтъ превышалъ ввозъ оттуда на сотни милліоновъ, то избытокъ прежде всего былъ употребленъ на уплату долга Европѣ. Кризисъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, собственно, обострился благодаря тому, что Европа потребовала возвращенія своихъ капиталовъ. Въ 1892 году Соединенные Штаты были должны европейскимъ капиталистамъ 500 милл. долларовъ. Этого долга въ настоящее время осталось очень немного. Въ 1893 году Соединенные Штаты вывезли золота на 108 милл. долларовъ, а ввезли всего на 22 милл. Въ 1898 году ввозъ золота въ Соединенные Штаты былъ болѣе вывоза на 105 милл. долларовъ. Въ 1903 году балансъ былъ также благопріятенъ для Соединенныхъ Штатовъ, и теперь уже рѣшительно не приходится опасаться, что стѣсненіе денежнаго рынка, вслѣдствіе отлива европейскихъ капиталовъ, можетъ когда нибудь вызвать панику въ странѣ.

Кромѣ того, здѣсь играло роль еще одно обстоятельство: послѣдней паникѣ предшествовалъ періодъ неувѣренности въ политическомъ положеніи. Проекты серебряной валюты приводили въ безпокойство всю страну. Въ настоящее же время нѣтъ мѣста для серьезныхъ политическихъ опасеній. Каковъ бы ни былъ исходъ президентскихъ выборовъ, всѣ увѣрены, что во всякомъ случаѣ рискованные эксперименты производиться не будутъ. И если обѣ партіи робко возстаютъ противъ трестовъ, то нація все же знаетъ, что именно образованіе трестовъ способствовало неуклонному и прочному подъему экономическаго благосостоянія, что благодаря трестамъ устранены безполезные соперники, а производство лучше организовано и объединено, и что, такимъ образомъ, если покупатели акцій разныхъ трестовъ и могутъ потерпѣть убытки, то покупатели продуктовъ, производимыхъ трестами, въ сущности, остаются въ выигрышѣ.

Далѣе, надо принять во вниманіе еще два фактора, значеніе которыхъ для неуклонности и прочности экономическаго прогресса чрезвычайно велико: первый изъ этихъ факторовъ—все увеличивающаяся независимость земледѣльческаго Запада, второй—развитіе промышленности Юга. Въ финансовыхъ операціяхъ нью-іоркской биржи теперь уже не отражается, какъ отражалась десять лѣтъ тому назадъ, экономическая жизнь всей націи. Западъ, который передъ паникой девятидесятыхъ годовъ былъ кругомъ въ долгу у Востока, достигъ, благодаря шести колоссальнымъ урожаямъ, прочнаго благосостоянія, и его покупательная способность и предпріимчивость теперь вышли изъ-подъ вліянія колеблющихся курсовъ нью-іоркской биржи. Акціи нью-джерсейскихъ трестовъ на этой биржѣ могутъ вдругъ обезцѣниться, а нація при этомъ будетъ спокойно покупать и продавать товары, производить, обрабатывать и перевозить ихъ, потому что у милліоновъ людей въ западныхъ земледѣльческихъ штатахъ дѣла идутъ хорошо. Они выплатили свои долги по закладнымъ, скопили кое-что въ сберегательныхъ кассахъ, затѣмъ купили піанино для своихъ дочерей, а сыновей отправили въ колледжи и приложили всѣ силы къ тому, чтобы изъ своего Запада сдѣлать въ экономическомъ смыслѣ рай. Снова направляется изъ восточныхъ штатовъ въ западные широкій потокъ переселенцевъ, изсякшій было въ теченіе тяжелыхъ годовъ, и экономическая сила все въ большей степени начинаетъ переходить въ политическую. Экономическая эмансипація Запада въ настоящее время закончена, и хотя тамъ еще находится очень много восточныхъ капиталовъ, однако потрясеніе экономической жизни на берегу Атлантическаго океана теперь уже не могло бы, какъ десять лѣтъ тому назадъ,

почувствоваться въ домѣ каждаго фермера Канзаса и Небраски.

Почти не въ меньшей степени можно то же самое сказать о Югѣ. Въ прежнее время, когда каждый урожай хлопка приносилъ большіе избытки, жители Юга еще не заботились о томъ, чтобы использовать и другіе обильные источники богатства помимо хлопчатобумажныхъ плантацій, чтобы добывать изъ земли имѣющійся здѣсь уголь и желѣзо, чтобы эксплуатировать лѣса, сѣять пшеницу и маисъ, обрабатывать на фабрикахъ хлопокъ или изъ сѣмянъ хлопка добывать масло. Все это было предоставлено Сѣверу. Но затѣмъ, когда наступили тяжелыя времена, и Югъ также получилъ хорошій урокъ, такъ что въ періодъ послѣдняго большого подъема здѣсь развилась такая экономическая дѣятельность, о какой раньше едва ли можно было и мечтать. Эксплуатація лѣсовъ, угольныхъ копей и желѣзныхъ рудниковъ дѣлала огромные успѣхи, а фабрики Юга производили товаровъ на 2000 милл. долларовъ. И теперь еще хлопокъ является главнымъ продуктомъ Юга, но теперь уже не приходится отправлять тюки на сѣверъ для того, чтобы изъ сырого матеріала создавались хлопчатобумажные товары. Уже въ 1899 году на Югѣ было въ ходу 5 милліоновъ веретенъ, и обработка хлопка на собственныхъ фабрикахъ даетъ теперь Югу большую независимость, чѣмъ могъ дать колоссальный вывозъ хлопка въ тюкахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ теперь экономическую независимость большихъ частей страны другъ отъ друга, видимъ независимость всей страны отъ европейскаго капитала, видимъ въ то же время огромное увеличеніе обмѣна между нею и всѣмъ остальнымъ міромъ, улучшеніе въ устройствѣ экономическихъ предпріятій, поразительно быстрый ростъ техническихъ знаній, какъ въ области науки, такъ и въ дѣлѣ преподаванія,—и благодаря всему этому экономическое положеніе націи настолько несравнимо съ положеніемъ ея въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, что мрачныхъ опасеній относительно паники нельзя, конечно, основывать на аналогіяхъ. Тогда все должно было совершиться такъ, какъ совершилось. Экономическая армія, дѣйствительно, потерпѣла пораженіе и должна была прежде всего отступить въ укрѣпленный лагерь, чтобы снова собраться съ силами. Но съ тѣхъ поръ она непрерывно идетъ впередъ, и если кое-гдѣ, чтобы избѣжать какого нибудь препятствія, она идетъ въ обходъ и не можетъ итти по прямой линіи, то все же она и теперь, какъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, бодро и неудержимо маршируетъ впередъ, а барабаннымъ боемъ, регулирующимъ быстроту шага, служитъ новая политика націи—политика новой міровой державы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вопросъ о серебряной валютѣ.

Мы имѣли намѣреніе показать, какимъ является американецъ въ сферѣ экономической жизни. Нашъ интересъ былъ направленъ на живого человѣка, на его экономическія дѣла и стремленія, а не на обмѣнъ мертвыхъ товаровъ. Поэтому необходимо для насъ было только одно: мы должны были уяснить себѣ тѣ душевныя силы, которыя управляютъ жителемъ Новаго Свѣта въ его экономической работѣ. Мы попытались это сдѣлать; и если мы все-таки зашли дальше и прослѣдили экономическій подъемъ послѣднихъ десятилѣтій, то и здѣсь нашей цѣлью было, прежде всего, показать вліяніе этихъ душевныхъ силъ. Насъ привлекала не исторія экономической жизни американцевъ, а сами американцы, поскольку они проявляютъ себя въ исторіи экономической жизни.

Если оставаться на этой точкѣ зрѣнія, то всѣ вопросы, вокругъ которыхъ главнымъ образомъ ведется борьба въ сферѣ экономической политики, получаютъ для насъ второстепенное значеніе. Вопросы, которые вызываютъ раздоры партій, которые сегодня рѣшаются такъ, а завтра иначе, которые свидѣтельствуютъ прежде всего о противорѣчіи въ интересахъ отдѣльныхъ группъ общества, отдѣльныхъ профессій и различныхъ частей страны, которые имѣютъ своею основою различіе имущественнаго положенія и различіе политическихъ взглядовъ—всѣ эти вопросы мало способствуютъ уясненію тѣхъ чертъ, которыя общи всѣмъ и которыя потому являются существеннымъ элементомъ въ характерѣ типичнаго американца. Если злободневные политическіе вопросы имѣли для насъ лишь небольшое значеніе по сравненію съ великими основными принципами демократіи, то насъ можетъ еще менѣе занимать повседневная борьба, ведущаяся вокругъ экономическихъ вопросовъ. Такіе вопросы, какъ вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ, объ образованіи трестовъ, о биметаллизмѣ или о рабочихъ союзахъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые намъ можно было бы или должно было бы попытаться здѣсь разрѣшить.

И все же мы не можемъ пройти мимо этихъ вопросовъ, ничего не сказавъ о тѣхъ разногласіяхъ, которыя ими вызываются. Въ качествѣ проблемъ американской экономической жизни эти вопросы могли быть нами оставлены въ сторонѣ, и дѣйствительно, мы не станемъ касаться чисто техническихъ вопросовъ экономики, каковы, напримѣръ, вопросы о необходи-

мыхъ реформахъ банковскаго дѣла или объ искусственномъ орошеніи. Но въ качествѣ вопросовъ, надъ которыми бьется американскій національный духъ, на которыхъ онъ упражняетъ свои силы и развиваетъ свои специфически-американскія черты,—вопросы о серебряной валютѣ и трестахъ, о рабочихъ союзахъ и о пошлинахъ требуютъ болѣе или менѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Жизнь и стремленія американцевъ не будутъ ясны, если не будетъ принятъ во вниманіе ихъ страстный интересъ къ подобнаго рода спорнымъ экономическимъ вопросамъ. Мы и станемъ разсматривать эти вопросы не какъ факторы, которые объективно вліяютъ на развитіе американской націи, а какъ элементы, субъективно занимающіе и возбуждающіе духъ американца. Объ исчерпывающемъ разсмотрѣніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи; оно исказило бы ту перспективу, которая дана вмѣстѣ съ нашей точкой зрѣнія. А если бы мы и задались цѣлью объективнаго выясненія этихъ вопросовъ, то вскорѣ, пожалуй, возникло бы сомнѣніе въ томъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло, собственно, съ вопросами или передъ нами вполнѣ понятные факты, которымъ можно радоваться или о которыхъ можно сокрушаться, но дальнѣйшее теченіе которыхъ ясно предопредѣлено.

Это—проблемы, въ которыхъ нѣтъ рѣшительно ничего проблематическаго. Серебряная валюта не будетъ снова введена, тресты не будутъ уничтожены, покровительственныя пошлины не будутъ отмѣнены, отъ рабочихъ союзовъ уже не удастся освободиться. Это — не вопросы, а естественные процессы. Но благодаря тому, что эти процессы по необходимости оказываютъ на умы различное вліяніе, что они въ однихъ мѣстахъ вызываютъ ликованіе, а въ другихъ—страхъ и такимъ образомъ создаютъ столкновеніе радости и горя, — благодаря всему этому получается такое впечатлѣніе, какъ будто здѣсь мы имѣемъ дѣло съ еще не рѣшенными вопросами. И это впечатлѣніе у самого американца настолько сильно, что его душевная реакція, въ свою очередь, становится объективнымъ факторомъ въ исторіи; потому что нельзя отрицать, что на фактическій ходъ событій въ этихъ спорныхъ областяхъ экономической жизни не малое вліяніе оказываютъ предразсудки, чувства и доктринерская принципіальность.

Власть однѣхъ лишь идей,—отчетливыхъ, а въ еще большей мѣрѣ, пожалуй, идей смутныхъ,—кажется, ни въ одномъ изъ этихъ такъ называемыхъ вопросовъ не обнаружилась сильнѣе, чѣмъ въ вопросѣ о серебряной валютѣ. Если существуютъ объективно разрѣшенные вопросы, то этотъ, безспорно, принадлежитъ къ ихъ числу, и все же никто не имѣетъ права сказать, что этотъ вопросъ субъективно исчерпанъ, хотя полити-

ческіе дѣятели изъ тактическихъ соображеній его игнорируютъ. Подъ пепломъ еще тлѣютъ искры, оставшіяся отъ пожара великой борьбы при двухъ послѣднихъ президентскихъ выборахъ. Идея серебряной валюты вызвала къ жизни слишкомъ сильныя страсти, для того, чтобы она могла быть такъ скоро забыта. Онѣ каждый день могутъ вспыхнуть снова. Именно здѣсь былъ особенно большой просторъ для предразсудковъ, не желающихъ считаться ни съ какими показаніями опыта, такъ какъ въ вопросъ о валютѣ входятъ чрезвычайно сложныя понятія, и потому здѣсь очень трудно разбить призрачные аргументы. Но именно при этомъ условіи обыкновенно и процвѣтаетъ въ наибольшей степени борьба мнѣній; такимъ образомъ, вопросъ о серебряной валютѣ взволновалъ душу націи, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ любой изъ остальныхъ экономическихъ вопросовъ, возникавшихъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что заблуждавшаяся сторона приводила не одинъ вѣрный аргументъ, а правая сторона выставляла не одно ошибочное утвержденіе.

Исходнымъ пунктомъ великаго американскаго вопроса о серебряной валютѣ является законодательство 1873 года, которое впервые оффиціально исключило серебро изъ монетной системы Соединенныхъ Штатовъ. Но и движенія, происходившія до этого момента, кажутся очень различными, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія той и другой партіи. Сторонники серебра говорятъ намъ, что до 1792 года Соединенные Штаты допускали въ неограниченномъ количествѣ чеканку серебра и золота и принимали серебро за основу своей денежной системы. И если первоначальное отношеніе цѣнности, установленное сообразно цѣнамъ мірового рынка какъ 15 къ 1, затѣмъ подъ вліяніемъ новыхъ условій добыванія благородныхъ металловъ превратилось въ отношеніе 16 къ 1, то равноправность обоихъ металловъ все же оставалась въ полной силѣ, пока въ 1873 году не было совершено великое тайное преступленіе. Оно было тайно, потому что законъ обсуждался и былъ доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія въ такое время, когда нація совсѣмъ не могла имѣть яснаго представленія о его значеніи. Благодаря междоусобной войнѣ звонкая монета исчезла изъ страны. Всѣ пользовались бумажными деньгами и не интересовались тѣмъ, будутъ ли эти деньги обмѣниваться на серебро или золото. Люди отвыкли держать въ рукахъ звонкую монету.

Генералъ Грантъ, бывшій въ то время президентомъ, подписалъ законъ, не подозрѣвая даже, что это—не просто технической вопросъ, а преступное обираніе націи въ пользу богатыхъ. А между тѣмъ преступленіе было ужасно, такъ какъ оно

должно было всюду повести къ обезцѣненію серебра, вызвать затрудненія на денежномъ рынкѣ и общее паденіе цѣнъ, понизить уровень жизненныхъ потребностей всей націи, пустить фермеровъ по міру.

Противники биметаллизма, однако, почти отказываются признать эту картину сколько нибудь соотвѣтствующей дѣйствительности. Совершенно вѣрно, что въ теченіе первой трети девятнадцатаго столѣтія серебряный и золотой долларъ были равноправны; но такъ какъ отношеніе 15 къ 1 вскорѣ перестало соотвѣтствовать цѣнамъ мірового рынка, и золото благодаря этому, естественно, уходило въ Европу, то уже въ 1834 году было установлено отношеніе 16 къ 1; при этомъ отношеніи золото цѣнилось ниже своей настоящей стоимости, и такимъ образомъ фактически уже тогда въ Америкѣ была введена золотая валюта. Владѣльцы серебра избѣгали отдавать свое серебро для чеканки, разъ оно заграницей, въ формѣ слитковъ, могло быть продано за болѣе высокую цѣну. И дѣйствительно, въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій чеканка серебра достигала всего восьми милліоновъ долларовъ, и серебряный долларъ постепенно совсѣмъ исчезалъ изъ обращенія. Только мелкія серебряныя деньги могли быть искусственно сохранены въ странѣ съ помощью плохой чеканки, такъ какъ два полудоллара вмѣстѣ имѣли меньшій вѣсъ, чѣмъ тотъ, какой былъ установленъ закономъ для цѣлаго доллара.

На практикѣ, такимъ образомъ, была введена золотая валюта, и никто не обнаруживалъ неудовольствія по этому поводу, такъ какъ это было время, когда, напримѣръ, съ 1851 по 1855 годъ, средняя добыча серебра въ Соединенныхъ Штатахъ составляла всего 375.000 долларовъ, а средняя добыча золота 62.000.000 долларовъ. Затѣмъ наступили тяжелые годы возстанія. Правительство уже осенью 1861 года сдѣлало у банковъ заемъ въ размѣрѣ 100 милліоновъ долларовъ золотомъ, а въ слѣдующемъ году были выпущены на 150 милліоновъ не гарантированныя бумаги, такъ называемые „зеленые билеты“; тогда, согласно основному закону обмѣна, полноцѣнное золото ушло заграницу. Вскорѣ послѣдовали новые 150 милліоновъ долларовъ. Премія на золото все возвышалась и въ іюлѣ 1864 года достигла наивысшаго предѣла—185%. Послѣ окончанія войны вернулось довѣріе. Бумажный долларъ поднялся съ 43 центовъ до 80 центовъ, но количество бумажныхъ денегъ, находившихся въ обращеніи, было такъ чрезмѣрно велико, что металлическихъ денегъ совсѣмъ нигдѣ не было видно; лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ положеніе снова стало настолько устойчиво, что государственное казначейство получило возмож-

ность начать подготовительныя работы къ обмѣну долговыхъ обязательствъ на наличныя деньги.

Но именно въ это время наиболѣе цивилизованныя націи совершали у себя переходъ къ золотой валютѣ. Это было время, когда добыча золота достигла неслыханныхъ размѣровъ. Два десятилѣтія, съ 1850 по 1870 годъ, дали міру въ пять разъ больше золота, чѣмъ два предшествующихъ десятилѣтія, и самые видные ученые финансисты всѣхъ странъ все больше приходили къ убѣжденію, что настало время, когда міровой экономическій обмѣнъ долженъ регулироваться при помощи золота. Германія шла впереди всѣхъ, и Соединенные Штаты послѣдовали въ 1873 году этому общему міровому движенію, начало котораго было положено парижской конференціей 1867 года. Золотой долларъ, фактически служившій съ середины столѣтія основою американской валюты, получилъ значеніе оффиціальной монеты, а чеканка серебра была прекращена. О какой нибудь тайнѣ или нападеніи врасплохъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ пренія по этому вопросу велись въ теченіе нѣсколькихъ сессій конгресса.

Если же такъ называемое преступленіе, дѣйствительно, осталось незамѣченнымъ, и многіе сенаторы, дѣйствительно, не понимали, что дѣлаютъ, то причина этого заключалась не въ тайнѣ, которою будто бы было облечено все дѣло, и даже не въ томъ обстоятельствѣ, что благодаря обращенію бумажныхъ денегъ вопросъ о благородныхъ металлахъ былъ вытѣсненъ изъ поля зрѣнія націи, а дѣло было просто въ томъ, что въ то время никто не считалъ бы себя въ убыткѣ, если бы даже общее вниманіе было всецѣло направлено на настоящій вопросъ. Даже для самихъ владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ не представляло интереса, чтобы ихъ металлъ превращался въ монету. Устраненіе серебряной валюты ни въ комъ не могло вызвать безпокойства. Всѣ жалобы вмѣстѣ со всѣмъ негодованіемъ по поводу таинственности совершившагося процесса возникли лишь нѣсколько лѣтъ спустя, когда обстоятельства, въ силу причинъ совсѣмъ иного порядка, значительно измѣнились. Но шагъ уже былъ сдѣланъ, и принципіально никогда не было сдѣлано обратнаго шага. Неограниченная свобода чеканки серебра въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1873 года болѣе не существуетъ.

Несмотря на это серебру все же предстояло очень скоро снова сдѣлаться оффиціальною монетою. За 1873 годомъ послѣдовали тяжелыя времена. Цѣны на продукты труда пали, цѣнность серебра также понизилась, и двойная валюта исчезла. Биметаллисты привели въ связь эти факты. Цѣна серебра, говорили они, пала, потому что въ культурномъ мірѣ прекра-

тилась чеканка серебра. Благодаря этому единственныя оставшіяся деньги—золото—сдѣлались дороги, а это значитъ, конечно, что товары, продаваемые за деньги, стали дешевы; крестьянинъ за продукты своего труда получалъ плохую плату, и такимъ образомъ благодаря извѣстной связи экономическихъ явленій, народъ былъ поставленъ на путь, ведущій къ паникѣ.

Отсюда вытекало, что цѣлебнаго средства не приходится далеко искать. Стоитъ только допустить снова чеканку серебра, и сейчасъ же потребность въ серебрѣ возрастетъ, само серебро повысится въ цѣнѣ, а благодаря увеличившемуся денежному обращенію деньги станутъ дешевле, т. е. продукты труда—дороже, и время благоденствія снова вернется. Таковъ основной аргументъ, сложившійся около 1876 года, съ перемѣнною политической удачею проповѣдуемый все громче и громче, а спустя двадцать лѣтъ не только проповѣдуемый, но и истерически выкликаемый на всѣхъ перекресткахъ; еще въ 1900 году этотъ аргументъ ввелъ въ соблазнъ демократическую партію, а теперь онъ хотя и слабѣе, но все же продолжаетъ явственно раздаваться на Западѣ. При этомъ потребность въ большемъ количествѣ денежныхъ знаковъ нисколько не связана съ этой тоскою по серебрѣ. Послѣ войны точно такъ же требовали все новыхъ «зеленыхъ билетовъ». И тогда такъ же народъ былъ убѣжденъ, что если только есть на-лицо много денегъ, то экономическія цѣнности будутъ снова возрастать независимо отъ того, какую цѣнность имѣетъ само орудіе обмѣна.

Что же касается до крупныхъ, основныхъ фактовъ, ошибочно приводившихся въ связь между собою, то прежде всего не подлежало сомнѣнію, что обезцѣненіе серебра лишь въ малой степени было обусловлено мѣропріятіями въ области монетной политики. Конечно, прекращеніе чеканки серебра въ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ странахъ оказало здѣсь небольшое вліяніе; но Индія, Китай и другія страны продолжали требовать огромнаго количества серебряной монеты, и фактически потребленіе серебра въ теченіе долгаго времени возрастало. Если что дѣйствительно имѣло рѣшающее значеніе, такъ это огромное увеличеніе добычи серебра и одновременное уменьшеніе добычи золота. Съ 1851 по 1875 годъ въ среднемъ ежегодно добывалось золота на 127 милл. долларовъ, а съ 1876 по 1890 годъ—всего на 108 милл. долларовъ. Наоборотъ, средняя добыча серебра въ теченіе перваго двадцатипятилѣтія оцѣнивалась всего въ 51 милл. долларовъ, а въ теченіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ въ 116 милл. долларовъ. Добыча золота слѣдовательно, уменьшилась на 15%, добыча же серебра увеличилась на 127%, а отсюда неизбѣжно вытекало обезцѣненіе серебра. И ближайшему будущему предстояло показать, что отъ болѣе

свободнаго доступа серебра къ чеканкѣ рѣшительно нельзя ожидать увеличенія цѣнъ на серебро. Но прежде всего произвольнымъ допущеніемъ было сводить причины тяжелаго времени къ недостатку денегъ, имѣющихся въ обращеніи. И здѣсь также послѣдующіе періоды ясно показали, что при сложности условій кредита въ нынѣшней экономической жизни цѣны совсѣмъ не зависятъ отъ количества наличныхъ денегъ, находящихся въ распоряженіи какой либо экономической общины. Не менѣе важнымъ факторомъ является быстрота обращенія и особенно—сумма кредита, которая не можетъ измѣряться запасами наличности. Когда количество денегъ было увеличено, то на первыхъ порахъ они оставались безъ употребленія, и лишь когда экономическая жизнь начала усиливаться, а угнетенное состояніе стало проходить,—лишь тогда понадобилось и больше денегъ.

Такимъ образомъ, тяжелый періодъ семидесятыхъ годовъ почти не стоялъ ни въ какой связи съ монетною политикой; но агитація была начата, и уже въ 1878 году она имѣла блестящій успѣхъ. Въ 1878 году, несмотря на veto президента Гэйеса, получилъ силу законъ такъ называемый «смягчающій проектъ», согласно которому казначейство Соединенныхъ Штатовъ обязано было ежемѣсячно покупать серебра въ слиткахъ на сумму не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ милліоновъ долларовъ и чеканить изъ него серебряные доллары. Ни сторонники серебра, ни сторонники золота не могли быть этимъ вполнѣ удовлетворены. Первые желали полной свободы чеканки, такъ какъ разъ чеканка золота неограничена, для чеканки же серебра поставленъ опредѣленный предѣлъ, то цѣны на серебро, правда, могутъ подняться, но главная роль все же остается за золотомъ. Сторонники золота, наоборотъ, видѣли здѣсь только одинъ фактъ, что монетная система страны обременяется малоцѣннымъ металломъ, т.-е. неполноцѣннымъ платежнымъ средствомъ и, значитъ, въ сущности нечестными денежными знаками. Они знали, что благодаря чеканкѣ серебряный долларъ получаетъ большую стоимость, чѣмъ та, которая соотвѣтствуетъ рыночной цѣнѣ серебра, и въ умѣ они уже видѣли, какъ все полноцѣнное золото уходитъ заграницу, а въ странѣ остаются только малоцѣнныя серебряныя деньги. Всѣмъ было прекрасно извѣстно, что благодаря измѣнившимся условіямъ производства самая добыча серебра можетъ быть искусственно увеличена, разъ только оно начнетъ дѣйствительно повышаться въ цѣнѣ.

Такимъ образомъ, новый законъ въ извѣстномъ смыслѣ оказался плохимъ компромиссомъ между двумя партіями. Но многимъ онъ, однако, казался правильнымъ среднимъ путемъ

между двумя опасностями. Такъ, нѣкоторые люди, ясно понимавшіе, что неограниченная чеканка серебра грозитъ обезцѣнить валюту, видѣли не меньшую опасность и въ чистой золотой валютѣ, которая можетъ уменьшить количество денегъ, находящихся въ обращеніи, и такимъ образомъ оказать стѣснительное, угнетающее дѣйствіе на экономическую жизнь страны. Говорили, что неограниченная чеканка серебра является для соціально-экономическаго организма отравленіемъ, а чистая золотая валюта — удушеніемъ; отсюда выводили, что правильною будетъ ограниченная серебряная валюта при неограниченной золотой.

Но вскорѣ уже обнаружилось, что о возвышеніи нелюбимаго серебра благодаря подобнымъ законодательнымъ мѣропріятіямъ не можетъ быть рѣчи. Несмотря на то, что правительство всѣми способами облегчало распространеніе вновь созданныхъ серебряныхъ денегъ, онѣ неизмѣнно возвращались въ казначейство; сколько бы серебряныхъ долларовъ ни выдавалось въ качествѣ заработной платы,—эта плата быстро обмѣнивалась въ лавкахъ на товаръ, лавочникъ отдавалъ свою серебряную выручку въ ближайшій банкъ, а банкъ отсылалъ причинявшую мною неудобствъ массу серебра обратно въ казначейство въ Вашингтонъ. Впечатлѣніе получается такое, что нація можетъ имѣть въ обращеніи серебра не болѣе, чѣмъ на 60—70 милліоновъ долларовъ. Свыше 400 милл. долларовъ въ серебрѣ лежатъ въ казначействѣ, не поступая въ обращеніе. Первоначально серебро подвергалось настоящему бойкоту со стороны банковъ. Но главное было то, что цѣна серебра не повышалась, а непрерывно падала. Рыночная цѣна серебра опредѣлялась не монетною политикой, а положеніемъ добычи благородныхъ металловъ. Въ 1889 году истинное отношеніе цѣнности серебра къ цѣнности золота было какъ 22 къ 1, и настоящая стоимость серебрянаго доллара, созданнаго «смягчающимъ» закономъ, равнялась всего 72 центамъ. И теперь конгрессъ желалъ принять еще болѣе энергичныя мѣры для того, чтобы искусственно снова повысить цѣну серебра.

Въ іюлѣ 1890 года былъ изданъ законъ, согласно которому казначейство обязано было ежемѣсячно покупать четыре съ половиною милліона унцій серебра по рыночной цѣнѣ и взамѣнъ выпускать кредитные билеты, подлежащіе обмѣну какъ на золото, такъ и на серебро, потому что Соединенные Штаты, какъ заявлялось въ этомъ законѣ, продолжаютъ признавать оба металла равноправными. Новый законъ оставлялъ открытымъ вопросъ о числѣ подлежащихъ выпуску кредитныхъ билетовъ; онъ указывалъ только по вѣсу количество серебра, которое должно было пріобрѣтаться, а стоимость этого

количества зависѣла отъ рыночныхъ цѣнъ. Но, спустя уже немного мѣсяцевъ, стало ясно, что и эта болѣе энергичная мѣра не могла насильственно повысить цѣну серебра. Истинное равенство въ цѣнности золотого и серебрянаго доллара было бы достигнуто при томъ условіи, если бы унція серебра на рынкѣ стоила 1,29 доллара. Въ августѣ 1890 года цѣна унціи серебра, дѣйствительно, достигла 1,21 доллара, но уже въ 1891 году она пала до 1 доллара, въ 1892 году до 85 центовъ. А въ то время, какъ цѣна серебра неуклонно понижалась, золото уходило изъ страны.

Въ апрѣлѣ 1893 года золотой запасъ казначейства впервые сократился и палъ ниже традиціоннаго уровня въ 100 милліоновъ. Это было время наиболѣе сильнаго экономическаго упадка. Сторонники серебра все еще продолжали вѣрить, что подъемъ цѣнъ на серебро не наступилъ только потому, что реализація серебра въ видѣ монеты была стѣснена опредѣленными мѣсячными сроками. Единственное спасеніе видѣли въ томъ, чтобы для покупки серебра была предоставлена полная свобода. Но нація энергично перешла къ противоположной политикѣ. Президентъ Клевелендъ созвалъ конгрессъ въ экстренную сессію, и послѣ ожесточенной борьбы въ сенатѣ въ ноябрѣ 1893 года законъ о покупкѣ серебра былъ совершенно отмѣненъ. Во время борьбы изъ-за этого закона раскололась демократическая партія, одержавшая годомъ ранѣе національную побѣду на президентскихъ выборахъ, и этотъ расколъ — на демократовъ-сторонниковъ золота, послѣдовавшихъ за Клевелендомъ, и демократовъ-сторонниковъ серебра, сдѣлавшихъ, спустя нѣсколько лѣтъ, Брайана своимъ вождемъ, — этотъ расколъ оказалъ рѣшающее вліяніе на развитіе демократической партіи въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія.

Если смотрѣть безъ предвзятыхъ мнѣній на экономическую исторію Америки отъ начала семидесятыхъ до середины девятидесятыхъ годовъ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти перипетіи монетной политики, какъ мы видѣли, не только очень мало вліяли на цѣну серебра и золота, что цѣна серебра неуклонно падала несмотря на огромныя закупки его, но что и общее экономическое положеніе страны, колебанія цѣнъ и интенсивность національнаго труда, лишь въ очень малой степени подвергались вліянію финансовыхъ законовъ.

Если монетная политика имѣла какое нибудь сильное вліяніе, то это было вліяніе моральное. Торговыя дѣла оживлялись, международная торговля укрѣплялась, когда возростало довѣріе къ американской валютѣ. Но этотъ факторъ, конечно, находился въ рѣшительномъ противорѣчіи съ желаніями апо-

столовъ серебра. Международное довѣріе должно было уменьшаться по мѣрѣ того, какъ насильственно увеличивалось въ монетной системѣ количество неполноцѣнныхъ денегъ. Не масса серебра, а интернаціональный страхъ передъ массою серебра прежде всего вредилъ американской торговлѣ, и именно въ укрѣпленіи довѣрія заключалось главное значеніе того дѣйствія, которое было предпринято Клевелендомъ.

Въ остальномъ же экономическія колебанія зависѣли отъ такихъ движеній, которыя имѣли лишь косвенную связь съ денежнымъ запасомъ. Если въ нѣкоторые годы увеличивалось обращеніе, то это было слѣдствіемъ, а не причиною болѣе оживленной экономической дѣятельности; и если въ другіе годы неумѣренная спекуляція вела къ краху, то въ эти годы и требовалось меньше денегъ, а не наоборотъ—недостатокъ денегъ не былъ причиною краховъ. Къ этому присоединялась смѣна хорошихъ и плохихъ урожаевъ, а прежде всего — увеличеніе или уменьшеніе международнаго обмѣна, который, въ свою очередь, въ значительной степени зависѣлъ отъ самостоятельныхъ движеній, совершавшихся въ Европѣ. На первомъ же мѣстѣ надо поставить техническое облегченіе и расширеніе производства въ сельскомъ хозяйствѣ и въ промышленности; этотъ факторъ долженъ былъ быстро понизить всѣ цѣны, но и онъ опять-таки въ разные годы дѣйствовалъ съ различною силой.

Время, когда сразу началъ дѣйствовать цѣлый рядъ подобныхъ факторовъ, наступило въ 1893 году. За чрезмѣрнымъ напряженіемъ въ желѣзнодорожномъ строительствѣ и желѣзодѣлательной промышленности послѣдовала ужасная реакція. Переполненіе международнаго рынка повело къ паденію цѣнъ, а международное недовѣріе къ американскому законодательству о серебрѣ еще увеличивало тягость положенія. Европейскіе капиталы, которыми поддерживались всѣ предпріятія, были рѣшительно потребованы обратно, тысячи дѣлъ должны были уничтожиться, и люди, обладавшіе малымъ достаткомъ, все болѣе запутывались въ долгахъ. Паника въ настоящемъ смыслѣ слова продолжалась недолго, и законодательство конгресса послужило къ укрѣпленію довѣрія въ высшихъ коммерческихъ кругахъ. Но бѣдственное положеніе массъ не могло быть такъ скоро устранено. Это и былъ тотъ соціально-психологическій моментъ, благодаря которому вопросъ о серебрѣ, до того времени серьезно занимавшій лишь сравнительно тѣсные круги, внезапно привлекъ къ себѣ вниманіе всего народа,—привлекъ настолько сильно, что въ 1896 году вопросъ о серебряной или золотой валютѣ впервые сдѣлался центральнымъ пунктомъ въ предвыборной борьбѣ за президентское мѣсто. Быстрѣе

всего идеи въ пользу серебра распространялись среди крестьянъ. Паденіе цѣнъ благодаря расширенію производства причинило больше убытковъ сельскому хозяйству, чѣмъ обрабатывающей промышленности. Какъ продукты, производимые землевладѣльцемъ, такъ и продукты, производимые фабрикантомъ, стали дешевле вслѣдствіе увеличенія производства, но фабрикантъ видѣлъ, что цѣны падаютъ благодаря тому, что онъ самъ можетъ лучшими способами производить гораздо больше; онъ продавалъ свои товары дешевле, но продавалъ ихъ больше. Паденіе же цѣнъ пшеницы, маиса и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ лишь въ малой мѣрѣ было результатомъ интенсивной обработки; оно было, прежде всего, слѣдствіемъ огромнаго расширенія площади обрабатываемой земли. Фермеръ одного штата не получалъ никакой выгоды отъ того, что въ какомъ нибудь другомъ штатѣ новыя большія территоріи дѣлались пригодными для культуры пшеницы и маиса. Онъ видѣлъ, что цѣны падаютъ, и не могъ при этомъ производить больше, чѣмъ производилъ, и потому ущербъ для сельскаго хозяйства былъ гораздо сильнѣе, нежели для промышленности. Если фермеръ за двѣ мѣры пшеницы могъ теперь получить столько же сколько раньше получалъ за одну мѣру, то причину этого онъ видѣлъ въ недостаткѣ денегъ у своихъ покупателей; и у него скоро складывалось убѣжденіе, что стоитъ только чеканить больше денегъ, и всюду снова обнаружится подъемъ.

Къ этому присоединялась еще и аргументація совсѣмъ иного рода, еще болѣе пріятная для уха несвѣдущихъ людей и обращавшаяся не только къ крестьянину, но и ко всѣмъ бѣднымъ и задолженнымъ классамъ. Серебро было дешевле золота. Если бы долги можно было выплачивать серебромъ, то въ убыткѣ были бы кредиторы, а должники оказались бы въ выигрышѣ. Это было время, когда противорѣчіе интересовъ крупныхъ капиталистовъ, съ одной стороны, и массы производителей—съ другой, начало оказывать возбуждающее дѣйствіе на народное сознаніе. Въ широкихъ кругахъ укоренялось недовѣріе, а затѣмъ и ненависть къ капиталистамъ, монополистамъ и, прежде всего, къ биржѣ.

Эта ненависть разрядилась въ формѣ требованія серебра. Если бы конгрессъ ввелъ неограниченную серебряную валюту при отношеніи 16 къ 1, между тѣмъ, какъ сообразно рыночнымъ цѣнамъ отношеніе уже равнялось 33 къ 1, и серебряный долларъ, такимъ образомъ, почти не стоилъ и половины доллара, если бы, благодаря этому, фермеръ могъ получить серебряный долларъ за такое количество пшеницы или маиса, которое по рыночнымъ цѣнамъ стоило полдоллара,—тогда, нако-

нецъ, дѣятельность кровопійцъ-биржевиковъ была бы рѣшительно парализована. Конечно, на самомъ дѣлѣ оба эти аргумента противорѣчили другъ другу, потому что большее количество денегъ только въ томъ случаѣ оказалось бы полезно для фермера, если бы рыночная цѣна серебра поднялась и сравнялась съ цѣною золота. Въ цѣляхъ же облегченія долгового бремени это можетъ послужить только при томъ условіи, если цѣна золота понизится до уровня рыночной цѣны серебра. Но когда наступаютъ тяжелыя времена и когда какой нибудь призракъ, благодаря искусственному освѣщенію, представляется источникомъ облегченія, тогда нѣтъ ужъ мѣста логикѣ. Тогда возникаетъ новая вѣра, и значеніе ея зависитъ отъ ея способности оказывать внушеніе. Требованіе свободной чеканки серебра при старомъ отношеніи 16 къ 1 стало просто гипнотизировать массу сельскаго населенія и низшіе слои городского, какъ представленіе о будущемъ соціалистическомъ государствѣ гипнотизируетъ тысячи нѣмецкихъ рабочихъ.

Подобно тому, какъ невозможно понять нѣмецкую народную жизнь, если не принимать во вниманіе дѣйствія основной соціалистической иллюзіи, такъ нельзя и теперь еще понять американскія массы, если не прослѣдить вліяніе этихъ идей о серебрѣ. Идеи эти превратились въ боевой кличъ, который, именно благодаря своей организующей силѣ, получилъ историческое значеніе; въ немъ, кажется, впервые въ Америкѣ объединился антагонизмъ противъ богатства и, благодаря этому, вопросъ, какъ и соціалистическое движеніе въ Германіи, вышелъ далеко за предѣлы тѣхъ круговъ, для которыхъ представляетъ почему-либо интересъ самый источникъ спора.

Тѣмъ не менѣе и масса едва ли была бы въ состояніи вызвать такую могущественную агитацію, если бы эта агитація питалась только подобными призрачными аргументами невѣжественныхъ фанатиковъ и матеріальною поддержкою задолжавшихъ фермеровъ. Литература по вопросу о серебрѣ въ серединѣ девятидесятыхъ годовъ разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ. Простого аппелированія къ страстямъ людей, ненавидящихъ капиталистовъ, здѣсь было бы недостаточно, а доводъ о томъ, что цѣна товаровъ опредѣляется исключительно количествомъ золота, могъ бы быть окончательно опровергнутъ съ меньшими усиліями. Для такой могучей агитаціи требовалось много духовныхъ силъ и финансовыхъ средствъ, но въ тѣхъ и другихъ не было недостатка. Выдающіеся политико-экономы ясно видѣли извѣстные недостатки чистой золотой валюты и приводили не одинъ доводъ въ пользу биметаллизма; этимъ доводамъ массы, правда, не склонны были слѣдовать, но они служили матеріаломъ для обсужденія въ литературѣ.

Что же касается финансовой поддержки, то здѣсь для агитаціи въ пользу серебра постояннымъ источникомъ служили карманы владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ. Разумѣется, не требуется доказательствъ того, что владѣльцы серебряныхъ рудниковъ могли ожидать величайшихъ выгодъ отъ всякаго законодательства, которое было благопріятно для серебра. Въ эпоху «смягчающаго» закона даже самые бѣдные рудники усиленно разрабатывались, а теперь всюду наблюдалось паденіе. Конечно, при обсужденіи, когда въ качествѣ главнаго мотива выдвигалось право бѣдныхъ противъ богатыхъ, очень мало говорилось о томъ, что именно богатые владѣльцы серебряныхъ рудниковъ наиболѣе заинтересованы во всемъ этомъ движеніи. Сами они не приводили никакихъ доводовъ въ свою пользу; они только платили и вели свою игру мастерски.

Что боевой кличъ въ пользу серебра, какъ защита правъ неимущихъ противъ власти капитала, долженъ былъ быть оффиціально принятъ демократическою партіей и долженъ былъ встрѣтить противодѣйствіе со стороны республиканской,—это вытекало изъ противорѣчія между обѣими партіями, которое нами уже въ полной мѣрѣ выяснено. Дважды нація страстно вела эту огромную борьбу, и въ 1896, какъ и въ 1900 году побѣдителями выходили сторонники золота. Законодательство конгресса по поводу монетной системы сохранило и при республиканскомъ контролѣ свою консервативную тенденцію. Въ мартѣ 1900 года казначейству было предписано обмѣнивать, по требованію предъявителей, всѣ кредитные билеты Соединенныхъ Штатовъ на золото, такъ что всѣ деньги, выпущенныя государствомъ въ обращеніе, оказывались со всякой точки зрѣнія абсолютно равноцѣнными. Старые билеты, выпущенные подъ обезпеченіе серебра, которыхъ и теперь еще находится въ обращеніи на 450 милл. долларовъ, могутъ, такимъ образомъ, въ любой моментъ быть обмѣнены на золото, и статсъ-секретарь казначейства имѣлъ полное право указать въ предпослѣднемъ своемъ годовомъ отчетѣ, что именно благодаря этому мудрому мѣропріятію въ 1903 году, когда внезапно пали всѣ биржевыя цѣнности, былъ устраненъ какой бы то ни было кризисъ.

Статсъ-секретарь говоритъ: «Необычайное благосостояніе усилило природный оптимизмъ нашего народа въ такой мѣрѣ, что на собственность всякаго рода находились покупатели, охотно предлагавшіе неслыханныя цѣны, и такое состояніе, естественнымъ образомъ, не могло долго продолжаться. Въ теченіе одного лишь года рыночная цѣна акцій упала настолько, что потеря значительно перевысила общую сумму расходовъ, произведенныхъ за четыре года нашей междоусобной войны; но несмотря на это почти непостижимое паденіе, остальные виды

собственности очень мало были имъ затронуты: банки не обнаружили никакого признака слабости, лишь немногіе торговые дома пришли къ банкротству, коммерческія предпріятія нигдѣ не были сокращены, и нигдѣ не было замѣтно признаковъ нужды». Такимъ образомъ, финансовая система твердо покоится на своей золотой основѣ.

Но объективное положеніе валюты, какъ сказано было въ началѣ, насъ здѣсь нисколько не интересуетъ, и въ нашу задачу поэтому еще менѣе входитъ обстоятельное обсужденіе вопроса о биметаллизмѣ, который и въ настоящее время еще продолжаетъ вызывать споры въ ученыхъ кругахъ. О значеніи ограниченной двойной валюты, особенно для торговыхъ сношеній съ Востокомъ и въ цѣляхъ желательнаго сокращенія борьбы между народами изъ-за золота, много говорится въ серьезныхъ кругахъ, и существуетъ еще теперь американская комиссія, странствующая по свѣту, съ цѣлью убѣдить разные народы въ необходимости интернаціональныхъ соглашеній по вопросу о серебрѣ.

Все это насъ не занимаетъ. Единственное, что имѣло значеніе для насъ, это борьба за серебро, какъ идея массъ о своемъ освобожденіи. Никакая идея не вызывала столь глубокаго внутренняго возбужденія націи. Даже вопросъ о расширеніи владѣній и вопросъ объ имперіализмѣ не отливались въ такую рѣзкую форму. Не перейдетъ ли, если снова наступятъ плохія времена, воспоминаніе о былomъ воодушевленіи въ новый фанатизмъ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Дурманъ, вызванный серебромъ, и теперь еще не забытъ, но въ настоящее время Западъ слишкомъ занятъ—ему надо доставить на рынокъ продукты блестящаго урожая и обмѣнить ихъ на доброе золото.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ.

Въ вопросѣ о серебрѣ, самомъ важномъ экономическомъ вопросѣ вчерашняго дня, приходится имѣть дѣло съ очень сложными понятіями, и лишь очень немногіе изъ тѣхъ, кто обсуждаетъ его, отдаютъ себѣ отчетъ во всѣхъ его трудностяхъ. Обратное надо сказать относительно вопроса о покровительственныхъ пошлинахъ, который, быть можетъ, сдѣлается главнымъ вопросомъ завтрашняго дня. Въ той формѣ, въ какой обыкновенно велось обсужденіе тарифнаго вопроса, оно вращалось, въ сущности, вокругъ очень простыхъ понятій.

Разногласія вытекали изъ противоположности общихъ принциповъ, но рѣдко источникомъ ихъ было различіе мнѣній по поводу вліянія, которое окажутъ покровительственныя пошлины. Кое-гдѣ, конечно, выплывало утвержденіе, раздающееся и въ другихъ мѣстахъ, будто пошлины падутъ на заграничныя страны, и это служило темою для остроумныхъ и сложныхъ объясненій. Но въ общемъ здѣсь рѣчь шла не объ академическихъ вопросахъ, а о такихъ дѣлахъ, которыя всѣмъ представлялись совершенно ясными и въ которыхъ различныя позиціи были обусловлены различіемъ профессіональныхъ интересовъ, различіемъ интересовъ отдѣльныхъ частей страны и, прежде всего, различіемъ политическихъ воззрѣній. При этомъ, однако, не слѣдуетъ понимать спора въ томъ смыслѣ, какъ будто на одной сторонѣ — покровительственныя пошлины, на другой — свобода торговли; споръ идетъ только о большихъ или меньшихъ покровительственныхъ пошлинахъ, такъ какъ, несмотря на всѣ колебанія, съ момента возникновенія Соединенныхъ Штатовъ и до нынѣшняго дня не переставали существовать пошлины, служившія не только источникомъ государственныхъ доходовъ, но и предназначенныя для защиты мѣстнаго труда отъ иностранной конкурренціи.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже сказать, что покровительственныя пошлины явились еще въ доисторическій періодъ Соединенныхъ Штатовъ, и что потребность въ такомъ покровительствѣ сыграла не малую роль въ самомъ образованіи Соединенныхъ Штатовъ. До тѣхъ поръ, пока Америка была англійскою колоніей, англичане старались подавлять американскую промышленность; колонистамъ они согласны были предоставить только земледѣліе и торговлю. Война за освобожденіе измѣнила и въ этомъ отношеніи положеніе страны: мѣстная промышленность начала развиваться. Къ тому времени, когда война окончилась, промышленность въ нѣкоторыхъ штатахъ уже значительно окрѣпла. Но теперь, когда зависимость отъ Англіи была уничтожена, отдѣльные штаты стояли другъ противъ друга, каждый со своими особыми желаніями, и таможенныя ограниченія затрудняли сношенія ихъ между собою. Казалось, что первымъ результатомъ освобожденія отъ общаго притѣснителя будетъ таможенная война въ предѣлахъ самой Америки. Недоставало такой центральной власти, которая являлась бы выразительницей общихъ интересовъ, собирала бы подати въ общую пользу и единообразно защищала бы трудъ всей страны. И если затѣмъ одинъ штатъ за другимъ соглашался поступиться своими особыми правами ради объединеннаго союза, то однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ при этомъ, безспорно, было сознаніе, что подобный таможенный хаосъ наноситъ ущербъ

экономическому развитію страны и что необходима единообразная экономическая защита для всѣхъ.

Въ законодательныхъ актахъ 1789 года, посвященныхъ таможеннымъ дѣламъ, на первомъ планѣ стояло, конечно, все то, что имѣло цѣлью исключительно государственные доходы: пошлина на товары, въ изготовленіи которыхъ американцы сами не могли являться конкуррентами. Но къ нимъ явно присоединяются и такія пошлины, назначеніе которыхъ заключалось въ охранѣ мѣстной промышленности.

Такимъ образомъ, съ самаго начала принципъ покровительственныхъ пошлинъ былъ признанъ за оффиціальный политическій принципъ Соединенныхъ Штатовъ. И если на протяженіи одиннадцати десятилѣтій своей, богатой перемѣнами, исторіи нація, по существу, инстиктивно продолжала держаться этой политики, то отсюда съ полною очевидностью явствуетъ, что какъ внѣшнія, такъ и внутреннія условія, при которыхъ совершался ростъ государства, находились въ соотвѣтствіи только съ такой политикой. Огромныя естественныя богатства, прежде всего обиліе желѣза и мѣди, хлопка и мѣховъ, дерева и благородныхъ металловъ, шерсти и другого сырья, а наряду съ этимъ избытокъ источниковъ силовой энергіи, въ видѣ неисчерпаемыхъ залежей угля, въ видѣ минеральныхъ маслъ и газа, въ видѣ рѣкъ и водопадовъ,—таковы были тѣ внѣшнія условія, безъ которыхъ не была бы возможна никакая экономическая независимость. И внутри этого міра, гдѣ царилъ избытокъ, стоялъ американецъ со своимъ оптимизмомъ, со своей энергіей, со своимъ изобрѣтательскимъ талантомъ и духомъ самодѣятельности. Здѣсь самою исторіей было предуказано, что нація не должна ограничиваться одной только обработкою земли, добываніемъ сырья и торговлей, но что она должна направить всѣ свои силы прежде всего на развитіе собственной промышленности. Отсюда казалось вполнѣ естественнымъ, что и законодательство должно служить выполненію этой исторической задачи, хотя бы отъ этого, благодаря повышенію цѣнъ, временно терпѣли ущербъ тѣ части страны, въ которыхъ нѣтъ промышленности, и тѣ круги, интересы которыхъ расходятся съ интересами промышленности.

Такимъ образомъ, движеніе по пути покровительственныхъ пошлинъ пошло быстро. Въ 1804 году установлены были на желѣзо и стеклянные товары пошлины, имѣвшія явно покровительственный характеръ. Конечно, въ началѣ столѣтія увеличеніе главныхъ пошлинъ проектировались въ общемъ только ради увеличенія доходовъ, и главную роль здѣсь сыграла война 1812 года, когда ради покрытія издержекъ потребовалось удвоеніе этихъ пошлинъ. Но именно эта война вызвала взрывъ

патріотизма и, какъ слѣдствіе его, вѣру въ силы и способности націи. Поддержкою для родной промышленности служило теперь патріотическое воодушевленіе. Поэтому въ 1816 году были повышены въ покровительственныхъ цѣляхъ пошлины на хлопокъ, шерстяные товары, желѣзныя издѣлія и др., и это движеніе продолжалось до начала тридцатыхъ годовъ, создавая все новыя ставки и пріобрѣтая все новыхъ сторонниковъ, къ интересамъ которыхъ можно было апеллировать. Реакція началась на Югѣ, гдѣ высокія пошлины меньше всего приносили выгоды. Соглашеніе было достигнуто путемъ компромиссовъ, въ силу которыхъ былъ пониженъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ пошлинъ, и въ началѣ сороковыхъ годовъ онѣ достигли наинизшаго уровня; всѣ пошлины были установлены въ размѣрѣ 20 %.

Въ это время борьба за повышеніе и пониженіе пошлинъ начала входить въ сферу главныхъ политическихъ вопросовъ. Покровительственныя пошлины, съ одной стороны, уменьшеніе пошлинъ — съ другой, сдѣлались лозунгами партій. Въ 1842 году законодательная власть находилась въ рукахъ сторонниковъ покровительственныхъ пошлинъ, и непосредственнымъ результатомъ этого явились высокія пошлины на желѣзо, бумагу, стекло, шерстяные и хлопчатобумажные товары и т. д. Въ 1846 году тарифы были нѣсколько понижены. Новый законъ носилъ демократическій отпечатокъ, но основная протекціонистская идея оставалась въ силѣ. Что пошлины здѣсь устанавливались не только въ цѣляхъ полученія государственныхъ доходовъ, это видно уже изъ того, что кофе и чай, не воздѣлываемые въ странѣ, остались свободными отъ обложенія, между тѣмъ какъ пошлина на продукты промышленности въ среднемъ составляла 30 %. Такъ какъ господство демократовъ продолжалось, то постепенно были устранены нѣкоторыя другія ставки. Такъ, въ 1857 году былъ допущенъ свободный ввозъ шерсти. Но затѣмъ наступили плохія времена. Послѣ тяжелаго торговаго кризиса сократился ввозъ и еще болѣе сократились таможенные доходы. Потребность въ покровительственныхъ пошлинахъ возростала; контроль конгресса перешелъ въ руки республиканцевъ. Такимъ образомъ, въ 1861 году возникъ тарифъ Моррилля, носившій ясно-выраженный покровительственный характеръ и еще болѣе ясно отражавшій на себѣ соображенія партійной тактики: его цѣлью была искусственная охрана промышленности тѣхъ штатовъ, которые желательно было привлечь на сторону республиканской партіи. Затѣмъ наступила война, которая своими колоссальными расходами вызвала общее повышеніе всѣхъ пошлинъ и налоговъ.

Тарифъ 1864 года, введенный вслѣдствіе войны, имѣлъ

цѣлью не охрану промышленности, а увеличеніе государственныхъ доходовъ, но на практикѣ онъ сыгралъ огромную роль именно въ смыслѣ покровительства. И когда война была окончена, когда, слѣдовательно, въ увеличенныхъ доходахъ не представлялось необходимости, — промышленность оказалась настолько пріученною къ искусственной охранѣ, что никто не хотѣлъ согласиться на пониженіе таможенныхъ ставокъ. Нѣкоторыя пошлины, напримѣръ, на шерсть и мѣдь, въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ даже были еще значительно увеличены, между тѣмъ какъ пошлины, установленныя исключительно въ интересахъ казны, напримѣръ, пошлины на кофе и чай, совершенно исчезли.

Въ общемъ это было время неустойчивыхъ, колеблющихся тарифовъ, и оно продолжалось до 1883 года, когда предпринятъ былъ коренной пересмотръ всего таможеннаго законодательства. Въ нѣкоторыхъ частяхъ покровительственныя пошлины были понижены, въ другихъ—увеличены. Особенно высокими пошлинами были обложены высшіе сорта продуктовъ промышленности, между тѣмъ какъ дешевые товары, разсчитанные на потребленіе массъ, облагались слабѣе. Спустя немного времени президентъ Клевелендъ, въ качествѣ вождя демократовъ—сторонниковъ свободы торговли, открылъ своимъ знаменитымъ посланіемъ кампанію противъ покровительственнаго тарифа.

Однако, неожиданнымъ результатомъ этой кампаніи было то, что въ вопросѣ о тарифахъ, выдвинувшемся снова на передній планъ, республиканцы одержали полную побѣду, защищая покровительственныя пошлины, и провели такой тарифъ, который больше всѣхъ предшествующихъ носилъ покровительственный характеръ, который долженъ былъ не только охранять существующія отрасли промышленности, но и вызвать къ жизни новыя, еще не возникшія. Даже сахаръ былъ теперь включенъ въ число свободныхъ отъ пошлины товаровъ, такъ какъ при обложеніи его имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, интересы казны, а не охрана мѣстнаго производства. Напротивъ, почти всѣ отрасли промышленности, существовавшія въ странѣ, получили поддержку при помощи высокихъ пошлинъ. Особенно высоко были обложены пряжа, бархатъ и шелкъ, шерстяные товары и металлическія издѣлія. Таковъ былъ извѣстный тарифъ Макъ-Кинли.

Ближайшая партійная побѣда досталась демократамъ не на почвѣ экономическаго законодательства; но какъ только власть перешла въ ихъ руки, ихъ первымъ дѣломъ было уничтожить высокія покровительственныя пошлины. Проведенный ими въ 1894 году, послѣ долгой борьбы, тарифъ Уильсона не отли-

чался внутренней послѣдовательностью. Здѣсь понадобилось слишкомъ много компромиссовъ съ частными интересами, не имѣвшими отношенія къ политикѣ, а для привлеченія голосовъ пришлось сдѣлать слишкомъ много уступокъ. Но въ общемъ все же было достигнуто значительное пониженіе пошлинъ, и особенно важно было то, что теперь снова, впервые за долгій промежутокъ времени, въ числѣ свободныхъ отъ обложенія товаровъ оказались нѣкоторые сырые матеріалы, какъ напримѣръ сырая шерсть. Но это благополучіе продолжалось не долго. Въ 1896 году побѣдилъ Макъ-Кинли, а въ 1897 году тарифомъ Дингли, сохраняющимъ силу и понынѣ, снова были введены, согласно желаніямъ республиканцевъ, покровительственныя пошлины.

Общая сумма пошлинъ, полученныхъ на основаніи этого тарифа въ 1902 году, составляла 251 милл. долларовъ, въ 1903 гоу—280 милл. Разсмотримъ болѣе подробно первое число. Значеніе его въ ряду всѣхъ доходовъ государства видно изъ того, что кромѣ этихъ 251 милл., полученныхъ въ видѣ пошлинъ, въ государственную кассу поступило еще 121 милл. почтовыхъ доходовъ и 271 милл. отъ акциза на табакъ, спиртные напитки и т. п. Ввозныя пошлины, давшія 251 милл., оффиціально распадаются на пять классовъ. Въ первый входятъ пищевые продукты и живой скотъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ сахаръ, давшій 52 милл. Еще въ 1893 году пошлины на сахаръ не существовало, но тарифъ Уильсона никогда не удалось бы провести, еслибы сенаторы-сахарозаводчики изъ Луизіаны не получили въ немъ своей доли. Уже въ 1895 года пошлина съ сахара даетъ 15 милл., а въ 1901 году она достигаетъ наивысшаго предѣла—62 милл. Пошлина на фрукты и орѣхи дала 5 милл., на овощи 3 милл., на рисъ, мясо и рыбу всего по 1 милл. Второй классъ образуютъ пошлины съ сырыхъ матеріаловъ. Наибольшую часть ихъ даетъ шерсть—10,9 милл., затѣмъ шкуры 2,6 милл., и уголь—1 милл.; ни одинъ изъ остальныхъ видовъ сырья не даетъ пошлины въ размѣрѣ милліона долларовъ. Въ третій классъ входятъ обработанные и полуобработанные матеріалы. На первомъ мѣстѣ—химическіе товары, ввозная пошлина съ которыхъ составила 5,4 милл., далѣе оловяныя плиты—2,9 милл., обработанное дерево—1,8 милл., шелкъ—1,1 милл., и мѣха—1 милл. Четвертый классъ образуютъ готовые продукты. Наибольшую сумму пошлинъ, 14 милл., здѣсь даютъ полотняные товары; шерстяные товары дали 13 милл., хлопчатобумажные товары—10 милл., металлическія издѣлія—6 милл., фарфоръ—5,6 милл., кожаныя издѣлія—3,1 милл., деревянныя издѣлія—1 милл. и бумажныя 1—милл. Наконецъ, послѣдній классъ составляютъ предметы роскоши и тому подобное. Больше

всего въ этомъ классѣ даетъ табакъ—18,7 милл., затѣмъ шелковые товары—16 милл., кружева—13 милл., спиртные напитки—10 милл., ювелирныя издѣлія — 2,4 милл., перья — 1,4 милл., игрушки—1,3 милл. и т. д. Весь ввозъ 1902 года оцѣнивался въ 903 милл. долларовъ; на 396 милл. было безпошлинныхъ товаровъ, но изъ нихъ всего 10% составляли полуобработанные матеріалы и готовые продукты, и 90% пищевые продукты и сырье. Вся пошлина легла на товары, представлявшіе цѣнность въ 503 милл., и изъ нихъ 64% были продуктами промышленности. Такимъ образомъ, благодаря тарифу Дингли покровительственнымъ пошлинамъ принадлежала побѣда по всей линіи.

Дальнѣйшаго повышенія пошлинъ никто не требуетъ. На значительномъ пониженіи ихъ неуклонно настаиваетъ демократическая партія. Такимъ образомъ, доводы въ спорѣ приводятся въ пользу сохраненія или уменьшенія существующихъ теперь таможенныхъ ставокъ. Разумѣется, республиканцы могутъ въ свою пользу приводить блестящій доводъ, которымъ какъ будто побивается всякое возраженіе, именно—успѣхъ.

Исторія американскихъ покровительственныхъ пошлинъ, говорятъ они, была исторіей экономическаго расцвѣта Америки. Періоды, когда конкурренты отечественнаго труда встрѣчали отпоръ благодаря энергичной таможенной политикѣ, были періодами грандіознаго развитія; когда же доктринеры—сторонники свободы торговли—понижали ставки, то за этимъ постоянно наступали годы упадка, кризисовъ, паники. Никогда ставки не были выше, чѣмъ въ тарифѣ Макъ-Кинли и въ тарифѣ Дингли, и никогда экономическій подъемъ не былъ болѣе быстрымъ и болѣе могучимъ, чѣмъ во время дѣйствія этихъ тарифовъ. Какую цѣну, говорятъ они, имѣетъ утвержденіе, преподносимое рабочимъ, что стоитъ только уничтожить пошлину на шерсть, и тогда они получатъ возможность покупать свое платье по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. Въ дѣйствительности, если бы пошлины были уничтожены и побѣду одержали сторонники свободы торговли, рабочему пришлось бы скитаться безъ работы, онъ былъ бы съ женой и дѣтьми выброшенъ на улицу и не имѣлъ бы возможности купить себѣ даже самый дешевый костюмъ, между тѣмъ какъ теперь высокая заработная плата позволяетъ ему пріобрѣсть и дорогую одежду. Избытокъ фантазіи, съ которою доводы именно этого рода безконечно разнообразятся и, выраженные въ словѣ или картинѣ, приспособляются ко всякимъ вкусамъ,—этотъ избытокъ фантазіи прямо поразителенъ. И альтернатива между высокою заработной платой, при которой можно покупать дорогой костюмъ, и дешевымъ платьемъ—при низкой заработной платѣ становится еще болѣе забавной, когда фанатическіе сторонники покровитель-

ственныхъ пошлинъ вполнѣ точно доказываютъ, что при такихъ пошлинахъ заработная плата, конечно, повышается, одежда же совсѣмъ не становится дороже; а крайніе поборники свободы торговли съ такою же увѣренностью доказываютъ, что при свободѣ торговли одежда, безусловно, станетъ гораздо дешевле, заработная же плата, въ концѣ-концовъ установившись окончательно, все же сдѣлается выше.

Что цѣлый рядъ отраслей промышленности не достигъ бы своего нынѣшняго уровня, если бы въ теченіе столѣтія ихъ не охраняли покровительственныя пошлины, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Этого и не отрицаетъ ни одинъ демократъ; но демократы сомнѣваются только въ томъ, былъ ли дѣйствительнымъ благомъ для всей націи тепличный ростъ этихъ отраслей промышленности, и не приноситъ ли съ собою больше опасностей, чѣмъ выгодъ, искусственная поддержка большихъ промышленныхъ союзовъ, которые благодаря покровительственнымъ пошлинамъ получали возможность произвольно повышать цѣны на жизненные припасы и на такіе продукты, которые являются предметами первой необходимости въ обиходѣ массъ.

Безспорно, что нѣкоторые виды промышленности благодаря покровительственнымъ пошлинамъ не только получали поддержку, но буквально были созданы изъ ничего. Самымъ извѣстнымъ примѣромъ этого рода является, пожалуй, производство оловяныхъ плитъ. Америка получала оловяныя плиты, которыя требуются преимущественно для кораблестроенія, изъ Уэльса, а Уэльсъ поставлялъ ихъ въ Америку по непомѣрно высокимъ цѣнамъ. Американцы дважды дѣлали робкія попытки ввести эту отрасль промышленности въ своей странѣ; но англичане тотчасъ же понижали цѣны, и оба раза зачатки новой промышленности были совершенно уничтожены. Тарифъ Макъ-Кинли наложилъ на оловяныя плиты пошлину, составлявшую около 70% ихъ стоимости, и теперь американская промышленность получила возможность развиться. Въ 1891 году было ввезено 1036 милл. фунтовъ оловяныхъ плитъ, собственнаго же производства ихъ въ странѣ совсѣмъ не было. Двумя годами позднѣе было уже ввезено 628 милл. фунтовъ, а 100 милл. фунтовъ произведено внутри страны. А десять лѣтъ спустя ввезено только 117 милл. фунтовъ, произведено же въ странѣ 894 милл. фунтовъ. Немногимъ разнится отъ этого исторія производства часовъ. Еще недавно карманные часы совершенно не производились въ Соединенныхъ Штатахъ, а всѣ ввозились изъ-заграницы. Такъ какъ они причислялись къ предметамъ роскоши, то пошлина на нихъ, въ размѣрѣ 10%, служила только источникомъ государственныхъ доходовъ и не

носила покровительственнаго характера; при этомъ условіи Америкѣ не удавалось организовать собственнаго производства часовъ. Но затѣмъ конгрессъ повысилъ пошлину до 25%, и теперь возможность для этого была дана. Первоначально часы изготовлялись по европейскимъ образцамъ, но вскорѣ американскій духъ изобрѣтательности направился и въ эту сторону. Американцы стали придумывать все лучшія машины для производства отдѣльныхъ частей, и въ настоящее время огромныя часовыя фабрики снабжаютъ каждаго мальчугана въ Америкѣ часами, которые выше по достоинству и дешевле, нежели любые продукты европейской часовой промышленности. Можно утверждать, что даже шелковая промышленность въ Америкѣ, въ сущности, обязана пошлинамъ своимъ происхожденіемъ.

Сторонники свободы торговли отвѣчаютъ, что все это было, пожалуй, очень хорошо для переходнаго времени, но что теперь превращеніе земледѣльческаго государства въ промышленное уже совершилось, и обременительныя пошлины, вызывающія повышеніе цѣнъ, могутъ быть устранены, такъ какъ различныя отрасли промышленности уже настолько сильны, что успѣшно конкуррируютъ съ соперниками заграницею.

Но здѣсь-то именно республиканцы налагаютъ узду на подобный оптимизмъ. Конечно, говорятъ они, американская промышленность развилась со сказочною быстротой, и если вывозъ продуктовъ промышленности въ настоящее время составляетъ уже 30% всего вывоза, то это—побѣда, которою, безспорно, можно гордиться; но значенія этого факта, какъ показателя общаго состоянія, не слѣдуетъ переоцѣнивать. Когда цѣны во всемъ остальномъ мірѣ возросли, и Англія временно была ослаблена, спросъ же на внутреннемъ рынкѣ далеко еще не достигъ своей полной высоты, тогда обстоятельства случайно сложились благопріятно для того, чтобы вызвать быстрое увеличеніе промышленнаго вывоза Америки; но само по себѣ это явленіе не имѣетъ постояннаго характера. Промышленность еще далеко не въ состояніи удовлетворить потребности собственнаго рынка. Напротивъ, хотя американская желѣзодѣлательная и стальная промышленность, казалось, готова была приступить къ завоеванію иностранныхъ рынковъ, но при увеличеніи спроса внутри страны тотчасъ же обнаружилась потребность въ огромномъ ввозѣ. Вывозъ желѣза и стали за промежутокъ времени отъ 1900 до 1903 года сократился на 25 милл. долларовъ, ввозъ же за этотъ періодъ увеличился на 31 милл. долларовъ; при этомъ перемѣны коснулись, главнымъ образомъ, полуобработанныхъ продуктовъ.

Такимъ образомъ, даже наиболѣе сильныя, наиболѣе крупныя отрасли промышленности еще настоятельно требуютъ для

себя охраны противъ иностранныхъ конкуррентовъ, которая дала бы имъ возможность внутренно окрѣпнуть. Вообще ошибочно, какъ сказалъ Томасъ Ридъ, видѣть въ покровительственныхъ пошлинахъ какое-то лекарство, которое при первой возможности должно быть оставлено. Покровительственныя пошлины—не лекарство, а здоровая пища; покровительственныя пошлины должны не только охранять зарождающіяся отрасли промышленности, но должны служить постояннымъ условіемъ американской промышленности, потому что покровительственныя пошлины являются не снисхожденіемъ, а системою, которая оправдывается своими результатами, и въ основѣ этой системы лежитъ та мысль, что американскій рынокъ долженъ принадлежать американскому народу. Покровительственныя пошлины должны служить валомъ, за которымъ американская нація можетъ сама дѣлать всѣ необходимыя для нея работы, и при томъ такъ, чтобы заработная плата была не только абсолютно, но и относительно гораздо выше, нежели во всѣхъ странахъ Европы.

Республиканскій конвентъ штата Огіо въ 1903 году торжественно заявилъ: «Благодаря покровительственной политикѣ республиканской партіи, Соединенные Штаты сдѣлались величайшей промышленной націей и удивили міръ колоссальнымъ развитіемъ своихъ безграничныхъ средствъ; эта политика оказала могущественную поддержку иностранной торговлѣ страны, увеличила благосостояніе сельскаго хозяина и создала для американскаго рабочаго такія жизненныя условія, какія не достигнуты ни въ одной изъ остальныхъ странъ; и потому мы протестуемъ противъ всякихъ покушеній на эту политику, подъ какимъ бы предлогомъ они ни производились, такъ какъ они вернули бы намъ тяжелыя времена демократическаго господства съ его пересмотромъ тарифовъ и свободой торговли». Этому заявленію вторилъ конвентъ штата Родъ Айлэндъ: «Республиканцы штата Родъ Айлэндъ вѣрятъ въ благотворность и разумность покровительственной политики, которая охраняетъ промышленность и трудъ Соединенныхъ Штатовъ отъ гибельной конкурренціи другихъ странъ, гдѣ условія труда и заработная плата такъ рѣзко отличаются отъ нашихъ». Небраска въ свою очередь, заявляла: «Мы остаемся вѣрны покровительственной политикѣ американской республиканской партіи, такъ какъ эта политика увеличила доходы и энергически способствовала развитію торговли, открыла двери фабрикъ и заводовъ для милліоновъ американскихъ рабочихъ и обезпечиваетъ имъ высокую заработную плату, которая является справедливымъ вознагражденіемъ за ихъ трудъ».

Въ такое время, когда дѣла у всѣхъ идутъ блестяще, какъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ общаго подъема, очень трудно бываетъ спорить противъ самаго краснорѣчиваго довода — успѣха. Каждый опасается, что измѣненіе тарифа можетъ помѣшать дальнѣйшему подъему, и если въ теченіе послѣднихъ лѣтъ бывали кое-гдѣ и случаи паденія, то они вѣдь отражались прежде всего на богатыхъ биржевикахъ, на воротилахъ различныхъ трестовъ, которые меньше всего склонны ратовать за уничтоженіе пошлинъ.

Въ виду всего этого время для сторонниковъ свободы торговли, которыхъ насчитывается не мало, было довольно неблагопріятно, и борьба демократовъ противъ тарифа Дингли велась не особенно энергично. Опытъ съ тарифомъ Уильсона доставилъ имъ не одно только удовольствіе, и хотя демократическая партія и могла съ полнымъ правомъ утверждать, что прошедшій въ концѣ-концовъ законъ совсѣмъ не отвѣчалъ ея демократическому проекту, такъ какъ въ сенатѣ къ нему было сдѣлано 640 поправокъ, однако партія ясно чувствовала, что этотъ законодательный экспериментъ, произведенный во время послѣдняго господства демократовъ, никого вполнѣ не удовлетворилъ и значительно посодѣйствовалъ послѣдующей побѣдѣ республиканцевъ.

Но тѣмъ не менѣе демократы ясно чувствуютъ также, что приведенные доводы республиканцевъ не вѣрны. Не покровительственныя пошлины, говорятъ они, вызвали могучій подъемъ Америки. Естественныя богатства страны вмѣстѣ съ интеллигентною энергіей націи, высокій уровень народнаго образованія и свободная форма правленія, піонерскій духъ народа и прекрасныя средства для скораго и дешеваго сообщенія—вотъ что сдѣлало Америку великой и богатой. И если законодательныя мѣропріятія вообще играли при этомъ рѣшающую роль, то именно мѣропріятія, вытекающія изъ идеи свободы торговли, такъ какъ республиканцы совершенно забываютъ, что самымъ важнымъ, давшимъ наибольшіе результаты условіемъ для подъема была полная свобода торговли между сорока пятью штатами Союза. Что сталось бы съ американской промышленностью, если бы американскіе штаты ограждались другъ отъ друга таможенными стѣнами, какъ они ограждаются отъ другихъ частей свѣта и какъ ограждаются другъ отъ друга государства европейскаго континента? Полная свобода торговли въ предѣлахъ огромной страны, отъ Мэна до Калифорніи и отъ Канады до Мексики, полное отсутствіе законодательныхъ ограниченій, возможность путемъ свободнаго взаимнаго обмѣна использовать естественныя богатства и продукты труда всѣхъ сорока пяти штатовъ въ любомъ пунктѣ страны безъ всякихъ пошлинъ—

вотъ что сдѣлало американскую промышленность великой и сильной, и идеаломъ было бы распространить эту свободу на весь земной шаръ и доставить Америкѣ тѣ выгоды, которыя Англія извлекала изъ своей свободы торговли.

Въ дѣло пускаются всѣ извѣстные аргументы въ пользу свободы торговли, аргументы этическаго, политическаго и экономическаго характера, и все снова и снова доказывается, что каждая нація, въ сущности, пользуется наибольшимъ благополучіемъ въ томъ случаѣ, когда ограничивается, главнымъ образомъ, той работою, которую она, безъ искусственныхъ таможенныхъ огражденій, въ состояніи производить съ пользою при свободной конкурренціи на міровомъ рынкѣ. Конечно, говорятъ сторонники этого взгляда, если бы сейчасъ были отмѣнены пошлины, то многимъ фабрикамъ пришлось бы теперь закрыться, и ихъ рабочіе остались бы въ настоящую минуту безъ хлѣба. Но эта же печальная перемѣна наступаетъ всякій разъ, когда въ какой нибудь отрасли промышленности изобрѣтаются новыя машины или когда устраиваются новыя средства для перевозки. Всякій разъ на первыхъ порахъ лишается работы множество рукъ, но спустя короткое время происходитъ новое приспособленіе, и благодаря автоматической регулировкѣ новый порядокъ даетъ затѣмъ гораздо большему числу рабочихъ возможность приличнаго существованія. Америка потеряла бы часть своего внутренняго рынка, но для нея при всемірной свободѣ торговли открылось бы много дверей въ другихъ странахъ. Общая сумма ея сбыта, въ концѣ-концовъ, сдѣлалась бы еще больше, а всѣ пищевые продукты и предметы потребленія стали бы дешевле, такъ что рабочій могъ бы и при низшей заработной платѣ покупать то, что покупаетъ теперь, а это новое урегулированіе заработной платы сдѣлало бы американца болѣе способнымъ къ конкурренціи съ рабочимъ другихъ странъ.

Несомнѣнно, однако, что настоящее время неблагопріятно для подобныхъ разсужденій. Американецъ слишкомъ охотно вѣритъ слову Гаррисона, что человѣкъ, который носитъ дешевый сюртукъ, и самъ есть дешевый человѣкъ; кромѣ того, сторонники покровительственныхъ пошлинъ могутъ на всѣ доводы о необходимости допущенія чужихъ товаровъ отвѣчать совершенно правильнымъ указаніемъ на то, что несмотря на высокія пошлины ввозъ изъ-заграницы все же непрерывно возростаетъ. Количество товаровъ, ввезенныхъ въ 1903 году, при тарифѣ Дингли—какъ сырыхъ матеріаловъ, такъ и полуобработанныхъ продуктовъ, такъ и готовыхъ продуктовъ, такъ и предметовъ роскоши—достигло такихъ размѣровъ, какихъ оно никогда не достигало въ годы, когда дѣйствовалъ тарифъ Уильсона. Такъ, напримѣръ, ввозъ сырья при демократическомъ та-

рифѣ достигъ наивысшаго предѣла въ 1897 году, когда онъ выразился въ суммѣ 207 милл. долларовъ. Съ введеніемъ тарифа Дингли онъ сократился до 188 милл., но затѣмъ сталъ быстро возрастать и въ 1902 году составлялъ уже 328 милл., въ 1903 году 383 милл. Ввозъ готовыхъ продуктовъ при введеніи тарифа Дингли сократился съ 165 милл. до 94 милл., но въ 1903 году составлялъ уже снова 169 милл. Ввозъ предметовъ роскоши сократился съ 92 милл. до 74 милл., но затѣмъ непрерывно повышался и въ 1903 году достигъ небывалыхъ раньше размѣровъ—145 милл.

Несмотря на все это, виды на успѣхъ у сторонниковъ свободы торговли въ настоящее время увеличиваются. Нельзя сказать, чтобы кто нибудь думалъ о свободѣ торговли. Но все болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что нынѣшній тарифъ вскорѣ долженъ будетъ снова подвергнуться пересмотру и что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ пошлинъ должны быть понижены, другія совсѣмъ отмѣнены по взаимному соглашенію съ извѣстными государствами. Слишкомъ хорошо извѣстно, что въ балансѣ иностранной торговли за послѣдніе годы обнаруживается такое движеніе, которое не можетъ быть долговѣчно.

Америка не въ состояніи будетъ долго продавать тамъ, гдѣ она не желаетъ покупать. Ея интересъ не можетъ заключаться въ томъ, чтобы сдѣлаться только кредиторомъ другихъ націй. Америка инстинктивно чувствуетъ, что болѣе мудрою политикой было бы заключеніе съ другими націями торговыхъ договоровъ, которые должны приносить выгоду обѣимъ сторонамъ. Что потребность въ такой взаимности не выражается одними лишь демократами, какъ партійное требованіе, а дѣйствительно чувствуется безсознательно всею націей за исключеніемъ отдѣльныхъ заинтересованныхъ группъ,—это лучше всего доказывается тѣмъ, что въ послѣдней большой рѣчи Макъ-Кинли новое требованіе было открыто высказано.

Макъ-Кинли въ большей мѣрѣ, чѣмъ кто либо другой, обладалъ чутьемъ для приближающихся движеній. Его величіе всегда заключалось въ томъ, что уже сегодня онъ выражалъ желанія, которыя у народа должны проявиться завтра. На выставкѣ въ Буффало 5 сентября 1901 года онъ произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой говорилось: «Съ помощью разумныхъ постановленій о торговлѣ, не нарушающихъ нашего отечественнаго производства, мы должны найти каналы для своего возростающаго перепроизводства; система, создающая взаимный обмѣнъ средствами существованія, безспорно, необходима для здороваго роста нашей внѣшней торговли. Мы не должны успокаиваться на неосновательной увѣренности, что всегда будемъ въ состояніи все продавать и при этомъ мало

или ничего не покупать. Если бы даже это было возможно, это не являлось бы лучшимъ положеніемъ для насъ или для тѣхъ, съ кѣмъ мы ведемъ сношенія. Намъ слѣдовало бы охотно принимать отъ нашихъ покупателей всѣ тѣ продукты труда, которые мы безъ ущерба для нашей промышленности и нашего труда можемъ использовать. Взаимность является естественнымъ результатомъ нашего изумительнаго промышленнаго развитія. Избытокъ нашего производства, превышающій наши собственныя потребности, долженъ находить себѣ выходъ заграницу. Намъ слѣдовало бы продавать всюду, гдѣ возможно, но и покупать вездѣ, гдѣ покупка можетъ увеличить нашу продажу. Періодъ обособленности уже миновалъ. Расширеніе нашей торговли и нашихъ сношеній является самымъ настоятельнымъ вопросомъ. Торговыя войны никому не приносятъ пользы. Политика доброй воли и дружественныхъ торговыхъ отношеній будетъ для насъ самой лучшею охраной. Торговые договоры соотвѣтствуютъ духу нашего времени. Таможенныя войны ему не соотвѣтствуютъ. Если нѣкоторыя изъ нашихъ ставокъ больше не нужны для поддержки и охраны отечественной промышленности, то почему намъ не воспользоваться ими для расширенія и укрѣпленія нашихъ иностранныхъ рынковъ?"

Это говорилъ тотъ самый Макъ-Кинли, имя котораго десятью годами ранѣе сдѣлалось угрозою для Европы, и на котораго, дѣйствительно, въ наибольшей степени падаетъ нравственная отвѣтственность за политику чрезмѣрно высокихъ поправительственныхъ пошлинъ, усвоенную Соединенными Штатами. Единственное въ своемъ родѣ положеніе, которое Макъ-Кинли занималъ въ партіи благодаря своимъ заслугамъ въ дѣлѣ проведенія покровительственныхъ пошлинъ, быть можетъ, сдѣлало бы именно его способнымъ повести, силою огромнаго авторитета, республиканскую партію отъ покровительственной политики къ системѣ взаимности. Но спустя немного дней онъ погибъ отъ пули анархиста, и не было человѣка, который могъ бы принять на себя продолженіе его роли.

Его преемнику недоставало прежде всего настойчиваго интереса къ торговымъ вопросамъ; главнымъ же образомъ ему, естественно, недоставало того авторитета въ средѣ собственной партіи, который позволилъ бы навязать новую политику и возстающимъ противъ нея, заинтересованнымъ группамъ. Молодого президента уже слишкомъ сильно подозрѣвали въ томъ, что онъ питаетъ недовѣріе къ большимъ промышленнымъ компаніямъ. Если бы онъ сталъ продолжать новую противопокровительственную политику, то его заклеймили бы, какъ сторонника свободы торговли, и не признавали бы, что онъ дѣйствительно принимаетъ близко къ сердцу охрану отечественной

промышленности, между тѣмъ какъ въ отношеніи Макъ-Кинли это не требовало никакихъ доказательствъ. Главное же, новаго президента и всѣхъ, кто хотѣлъ итти по стопамъ Макъ-Кинли, запугивали—какъ запугивали бы, быть можетъ, и самого Макъ-Кинли—призракомъ плохого времени, которое будто бы постоянно наступаетъ, когда торговымъ міромъ овладѣваетъ чувство неувѣренности.

Извѣстно было, что разъ тарифный вопросъ снова будетъ поднятъ, это вызоветъ безконечную борьбу. Тогда каждая отрасль промышленности пускаетъ въ ходъ всѣ пружины для того, чтобы отстоять свои собственные интересы, а какъ длиненъ путь отъ первоначальнаго законопроекта до окончательно утвержденнаго закона, это достаточно показала трагикомическая борьба изъ-за тарифа Уильсона. Слѣдуетъ ли, говорили повсюду, снова подвергать страну этому безпокойству для того, чтобы на долгіе годы поставить всякую отрасль промышленности въ неизвѣстность относительно того, въ какомъ положеніи она очутится черезъ нѣсколько лѣтъ, и не лишится ли она внезапно охраны благодаря какому нибудь случайному постановленію конгресса. На долгіе годы всѣ новыя предпріятія окажутся парализованными, и каковы бы ни были конечные результаты самого закона,—уже благодаря одному лишь страху передъ перемѣною, благодаря чувству неувѣренности долженъ надвинуться кризисъ и должно окончиться время благополучія. Всѣ эти разговоры о взаимности для Америки вѣдь имѣютъ только значеніе филантропіи. Опыты въ отношеніи взаимности, произведенные, напримѣръ, съ Канадою или Гаваи, достаточно показали, что дѣло сводится только къ подаркамъ со стороны Америки.

Если Америка желаетъ показать себя въ роли благотворительницы, то для этого существуетъ достаточно другихъ путей. Если же Америка хочетъ оградить свои торговые интересы и процвѣтаніе своей промышленности, то все дѣло сводится къ тому, чтобы не вызывать возбужденія тамъ, гдѣ царитъ спокойствіе, чтобы не повергать страну еще разъ въ борьбу изъ-за тарифовъ, чтобы не создавать еще разъ для промышленности положенія томительной неизвѣстности. И этотъ призракъ оказалъ свое дѣйствіе: слова Макъ-Кинли нашли лишь слабый откликъ въ партіи. Но потребность, которую онъ инстинктивно чувствовалъ, осталась, и общественное мнѣніе ее знаетъ; вопросъ только въ томъ, когда общественное мнѣніе снова окажется сильнѣе партіи.

Но сюда присоединяется еще одно обстоятельство, которое даетъ въ руки противникамъ покровительственныхъ пошлинъ болѣе сильное оружіе. Покровительственная политика, говорятъ демократы, была матерью трестовъ. Быть можетъ, это

вѣрно, быть можетъ, и нѣтъ. Статистическія доказательства могутъ быть приведены въ пользу обоихъ взглядовъ. Но во всякомъ случаѣ этимъ данъ такой лозунгъ, который вызываетъ чрезвычайно сильное чувство. Тресты ненавистны народу. И это, быть можетъ, правильно, быть можетъ, нѣтъ. Доказательства здѣсь еще легче привести и за, и противъ. Но самый фактъ остается, и соблазнительная мысль, что уничтоженіе высокихъ покровительственныхъ пошлинъ нанесетъ смертельный ударъ ненавистнымъ трестамъ, выжимающимъ соки изъ народа, деморализующимъ его и тиранически надъ нимъ господствующимъ,— эта мысль съ каждымъ днемъ сильнѣе укореняется въ массахъ. Напрасно сторонники покровительственныхъ пошлинъ говорятъ, что въ дѣйствительности въ странѣ не существуетъ вѣдь никакой монополіи, что, слѣдовательно, всякое чрезмѣрное повышеніе цѣнъ тотчасъ же должно вызвать конкурренцію и уничтожить тресты, что покровительственныя пошлины служатъ защитою для маленькихъ и слабыхъ компаній въ такой же мѣрѣ, какъ и для большихъ, что если нанести ударъ большимъ компаніямъ посредствомъ введенія свободы торговли, то въ первую очередь будутъ уничтожены всѣ маленькія и слабыя, что не слѣдуетъ вести политику при помощи чувства ненависти.

Но озлобленіе существуетъ, и доводы здѣсь мало помогаютъ. И нельзя отрицать, что изъ всѣхъ мотивовъ, которые въ настоящее время выдвигаются противъ покровительственныхъ пошлинъ, среди массъ самымъ дѣйствительнымъ является, въ сущности, обращеніе къ чувству ненависти противъ трестовъ. Такимъ образомъ, вопросъ о тарифахъ самъ собою переходитъ въ вопросъ о трестахъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вопросъ о трестахъ.

Окруженный дымкою партійной ненависти и партійныхъ симпатій, вопросъ о трестахъ занимаетъ видное мѣсто въ современной американской исторіи, но замѣчательно при этомъ то, что здѣсь ненависть и симпатія не распредѣляются обычнымъ образомъ между партіями, и нельзя сказать чтобы одна партія питала къ трестамъ ненависть, другая — симпатію; обѣ большихъ партіи внѣшнимъ образомъ обнаруживаютъ къ нимъ ненависть, и обѣ проявляютъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что воздерживаются отъ рѣшительныхъ дѣйствій, свое внутреннее благосклонное къ нимъ отношеніе. И это противорѣчіе нисколько не свидѣтельствуетъ о сознательной безчестности.

Безспорно, не малую роль въ этомъ вопросѣ играетъ партійная политика. Вредныя и опасныя стороны нѣкоторыхъ трестовъ настолько очевидны, что ни одна изъ партій не можетъ открыто имъ славословить и ни одна не хочетъ отказаться отъ дешевой славы борца за право свободнаго соперничества и борца противъ всякихъ монополій. Но, съ другой стороны, могущество трестовъ такъ велико, что ни одна изъ партій не желаетъ съ ними порывать, и у каждой партіи есть свои связи съ опредѣленными трестами, — связи, которыхъ нельзя нарушать хотя бы изъ-за одной денежной помощи, получаемой отсюда во время предвыборныхъ кампаній. Однако, болѣе глубокія причины заключаются не въ тактическихъ соображеніяхъ, а въ томъ, что никѣмъ еще не предложено такого средства, которое обѣщало бы дать дѣйствительное удовлетвореніе. Одни желаютъ бороться со зломъ посредствомъ мелкихъ палліативовъ, которые въ лучшемъ случаѣ устранятъ нѣсколько внѣшнихъ симптомовъ его, другіе, какъ выразился президентъ Рузвельтъ, хотятъ побѣдить болѣзнь, убивъ больного. Но если эта изобрѣтательная нація еще не нашла разрѣшенія для своего крупнѣйшаго экономическаго вопроса, то объясняется это, конечно, тѣмъ, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ движеніемъ, которое является внутренно необходимымъ результатомъ органическихъ условій американской экономической жизни, которое продолжало бы развиваться даже въ томъ случаѣ, если бы законодатели захотѣли ставить ему и болѣе сильныя преграды.

Когда англійская королева Елизавета въ теченіе ряда лѣтъ роздала, вопреки духу англосаксонскаго права, около пятидесяти экономическихъ монополій, и когда цѣна жизненныхъ припасовъ благодаря этому увеличилась вдвое, то палата общинъ въ 1601 году подняла протестъ, и королева торжественно заявила, что посредствомъ указовъ возьметъ обратно всѣ привилегіи, угрожающія свободѣ; и съ тѣхъ поръ монополіи были устранены. Американскій народъ самъ является сувереномъ, а вліяніе монополій и теперь подобно тому, какимъ оно было въ Англіи 300 лѣтъ тому назадъ. Но суверенъ Новаго Свѣта не можетъ посредствомъ указа взять обратно розданныя имъ монополіи, или, по крайней мѣрѣ, онъ знаетъ, что отнятое имъ у однихъ возьмутъ себѣ другіе.

Конечно, есть способы уничтожить какую нибудь одну форму образованія трестовъ и сдѣлать ее на будущее время невозможной; но тогда тотчасъ же были бы изобрѣтены другія формы, въ которыхъ достигались бы тѣ же результаты; и если бы нѣкоторыя области экономической жизни оказались закрытыми для трестовъ благодаря перестройкѣ трифовъ на началахъ сво-

боды торговли, то тѣ же силы вскорѣ снова сконцентрировались бы въ другихъ областяхъ. Необходимо только понять сущность этого дѣла и не придавать слишкомъ большого значенія внѣшнимъ формамъ.

Сущность же дѣла, безусловно, не заключается въ томъ, какъ любятъ утверждать противники трестовъ, будто немногіе обогащаются на счетъ массъ, будто народъ подвергается эксплуатаціи ради того, чтобы богатства нѣсколькихъ кучекъ людей искусственно увеличивались до баснословныхъ размѣровъ. Сущность всего движенія вообще заключается не въ распредѣленіи богатства, а въ распредѣленіи власти.

Великое движеніе получаетъ свой смыслъ отъ того, что въ новѣйшее время становится необходимымъ большее сосредоточеніе контроля надъ экономическими силами. Что крупные финансисты при образованіи трестовъ получаютъ несоразмѣрно большія выгоды и что главнѣйшіе руководители трестовъ принадлежатъ къ числу самыхъ богатыхъ людей страны, это, съ принципіальной точки зрѣнія, явленія побочныя. Для ихъ положенія важно, собственно, то довѣріе, съ которымъ къ нимъ относятся. Экономическія стремленія здѣсь направлены, въ сущности, на то, чтобы объединить управленіе все большими и большими экономическими предпріятіями. И совершенно второстепеннымъ факторомъ является то обстоятельство, что объединеніе болѣе мелкихъ частей въ крупное новое цѣлое естественнѣе всего достигается благодаря вліянію такихъ людей, которые сами достаточно богаты, чтобы держать въ своихъ рукахъ значительную часть всего достоянія компаніи. Та же цѣль была бы достигнута, если бы на мѣстахъ, гдѣ сосредоточивается контроль, находились служащіе, не обладающіе средствами, но пользующіеся довѣріемъ владѣльцевъ.

Почти то же движеніе совершается и во всѣхъ остальныхъ сферахъ экономической жизни, помимо промышленности. Такъ, все больше объединяются между собою различныя желѣзнодорожныя компаніи, а различныя соединившіяся группы все больше подпадаютъ подъ вліяніе болѣе тѣсныхъ группъ,—и такъ до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ нѣсколькихъ людей, какъ Морганъ, Вандербильтъ, Роккефеллеръ, Гарриманъ, Гульдъ, Гилль, Кассатъ не сосредоточится контроль надъ громаднѣйшими сѣтями желѣзныхъ дорогъ. Но это экономическое движеніе въ желѣзнодорожномъ мірѣ не измѣнило бы своего направленія, если бы въ концѣ-концовъ государство приняло желѣзныя дороги въ свое вѣдѣніе, и скудно вознаграждаемый министръ путей сообщенія, не имѣющій собственнаго состоянія, занялъ мѣсто группы милліонеровъ. Важно здѣсь вѣдь только то, что экономическія предпріятія націи, въ которыя

вложены сбереженія труда всего народа, должны приносить возможно большую пользу, а эта наибольшая польза можетъ быть получена только въ томъ случаѣ, если управленіе предпріятіями объединено, если, слѣдовательно, контроль надъ экономическими силами концентрируется.

Разумѣется, бросающееся въ глаза богатство вожаковъ прежде всего возбуждаетъ къ рѣзкой критикѣ, но уже много разъ было доказано, что хотя богатство богатыхъ людей абсолютно и увеличилось, однако въ отношеніи къ общему благосостоянію націи оно возросло не болѣе, чѣмъ благосостояніе другихъ слоевъ населенія; и именно крупныя организаціи дѣлаютъ возможнымъ распредѣленіе среди широкихъ круговъ все увеличивающихся прибылей отъ объединенныхъ предпріятій. Прославленное общество для производства стали въ 1903 году насчитывало 69.000 акціонеровъ. Акціи американскихъ желѣзныхъ дорогъ находятся въ рукахъ болѣе чѣмъ милліона владѣльцевъ. Такъ, у одной лишь Пенсильванской желѣзной дороги 34.000 владѣльцевъ, но эти 34.000 акціонеровъ довѣряютъ управленіе своимъ имуществомъ нѣсколькимъ капиталистамъ. И всѣ желѣзныя дороги, принадлежащія милліону акціонеровъ, находятся подъ управленіемъ какого-нибудь десятка людей, а въ названномъ выше обществѣ для производства стали, съ его 69.000 акціонеровъ, властвуютъ 24 директора, которыми, въ свою очередь, руководятъ предсѣдатели административнаго и финансоваго комитетовъ. Такимъ образомъ, рѣшающую роль здѣсь играетъ не сосредоточеніе богатства, а сосредоточеніе власти.

То же движеніе въ сторону концентраціи наблюдается поэтому и въ банковскомъ дѣлѣ. И здѣсь сила вовсе не въ томъ, что одинъ или нѣсколько человѣкъ являются главными владѣльцами банковъ; важно только то, что немногіе люди играютъ одновременно руководящую роль въ цѣломъ рядѣ финансовыхъ институтовъ, и что, такимъ образомъ, создается при помощи этихъ лицъ объединеніе, дѣлающее возможною взаимную поддержку самыхъ разнообразныхъ предпріятій, а отсюда— полное единство дѣйствія.

Въ числѣ директоровъ «Коммерческаго банка», напримѣръ, находятся директора двухъ обществъ страхованія жизни, располагающихъ капиталомъ въ $^{3}/_{4}$ милліарда долларовъ, и восьми финансовыхъ трестовъ; директора этихъ разнообразныхъ союзныхъ компаній, въ свою очередь, являются руководителями и разныхъ другихъ банковъ, такъ что въ результатѣ является цѣлый рядъ финансовыхъ институтовъ, которые всѣ связаны между собою и всѣ находятся подъ вліяніемъ Моргана. Точно такъ же существуетъ рядъ финансовыхъ учрежденій, съ На-

ціональнымъ городскимъ банкомъ во главѣ, находящихся въ рукахъ Роккефеллера. Посредствомъ личныхъ связей эти ряды банковъ связываются съ рядами промышленныхъ предпріятій, а послѣднія, далѣе, съ желѣзнодорожными компаніями. Такъ, напримѣръ, вліяніе Роккефеллера распространяется не только на рядъ банковъ и трестовъ съ общимъ капиталомъ свыше 400 милл. долларовъ, не только на знаменитую Standard Oil Company, обладающую почти 100 милліонами, и на Lackawanna Steel, обладающую 60 милліонами, и на нью-іоркскія газовыя компаніи, капиталъ которыхъ равняется 147 милл., но и на желѣзную дорогу св. Павла съ капиталомъ въ 230 милл., на миссурійскую, канзасскую и техасскую желѣзныя дороги съ капиталомъ въ 148 милл. и на миссурійско-тихоокеанскую желѣзную дорогу съ капиталомъ въ 212 милл.

Если такое громадное вліяніе при существующихъ условіяхъ можетъ быть достигнуто только людьми, которые сами владѣютъ огромными капиталами, то въ этомъ нельзя видѣть ничего предосудительнаго; но главнымъ моментомъ въ экономическомъ смыслѣ здѣсь все же является единство вліянія, котораго требуютъ экономическія условія во всѣхъ областяхъ, и по сравненію съ которымъ вопросъ о владѣніи имѣетъ ничтожное значеніе. Вычислено, что 24 директора компаніи United States Steel Corporation имѣютъ рѣшающее вліяніе на дѣла двухсотъ другихъ компаній, и что за ними стоятъ крупнѣйшіе банки во всей странѣ, почти половина всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, величайшія компаніи для добыванія угля, минеральнаго масла и электрической энергіи, главнѣйшія телеграфныя и транспортныя компаніи, общества страхованія жизни, издательскія и т. д. Въ рукахъ этихъ директоровъ находится контроль надъ компаніями, общій капиталъ которыхъ равенъ 9 милліардамъ долларовъ, а этимъ достигается такое объединеніе, котораго нельзя уничтожить искусственными средствами.

Но если экономическая жизнь, благодаря размѣрамъ, которые она приняла въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, требуетъ такого слѣнія интересовъ для цѣлыхъ областей, то образованіе синдикатовъ, картелей и трестовъ является только частнымъ случаемъ въ неизбѣжномъ процессѣ развитія, и препятствія къ образованію трестовъ могутъ быть направлены только на ту или другую форму ихъ, но не на существо дѣла. И форму, дѣйствительно, уже нѣсколько разъ приходилось мѣнять. Первоначально тресты образовывались такимъ путемъ, что нѣсколько акціонерныхъ обществъ соединялись и поручали веденіе своего дѣла новому обществу, именно — тресту. Этотъ путь оказалось возможнымъ преградить. Самые тресты представлялись неуязвимыми, но у акціонерныхъ компаній государ-

ство могло отнять право на существованіе, такъ какъ, согласно законамъ большинства штатовъ, эти компаніи могли существовать только до тѣхъ поръ, пока выполняли свои функціи, т.-е. пока сами вели свои дѣла. Акціонерное общество не пользуется принадлежащимъ отдѣльной личности правомъ довѣрять свое имущество кому нибудь другому. А разъ уничтожены были компаніи, входившія въ составъ треста, то этимъ самымъ разрушался и трестъ. Такимъ способомъ штатъ Нью-Іоркъ могъ бороться противъ сахарнаго треста, штатъ Огіо противъ Standard Oil Company, Иллинойсъ противъ чикагскаго газоваго треста.

Но дальнѣйшая эволюція скоро показала, что этимъ путемъ ничего не достигается. Компаніи не могутъ соединяться въ тресты,—это было признано за законное постановленіе; но акціонеры, владѣющіе акціями отдѣльныхъ компаній, могутъ въ качествѣ частныхъ лицъ соединиться и вложить принадлежащія имъ акціи, какъ свою личную собственность, въ новую компанію, въ трестъ; въ этой формѣ разрушенные тресты скоро и были возстановлены. Кромѣ того, любое число акціонерныхъ компаній можетъ, конечно, просто ликвидироваться и затѣмъ образовать одну новую большую компанію; или же общества могутъ вступить между собою въ соглашеніе по очень многимъ пунктамъ и, такимъ образомъ, косвенно достигать тѣхъ же цѣлей, что и трестъ. Словомъ, всегда остается множество путей для того, чтобы подчинить конкуррирующія промышленныя компаніи одной волѣ и этимъ путемъ установить въ извѣстной отрасли фактическую монополію.

Чтобы ускорить этотъ процессъ развитія, требовалось всего одно условіе: успѣхъ вначалѣ. Если оказалось, что первые тресты приносятъ прибыль, то эта форма должна была вызывать подражаніе, пока оставалась хотя бы малѣйшая надежда на прибыль. А подражаніе должно было перейти въ манію, которая сохраняла свою силу и тамъ еще, гдѣ правильный расчетъ не позволялъ уже надѣяться на прибыль. Такимъ образомъ, тресты стали быстро возникать одинъ за другимъ, и въ спискѣ 1903 года однихъ лишь чисто-промышленныхъ трестовъ значится 233, изъ которыхъ 31 располагали капиталомъ свыше 50 милліоновъ долларовъ, а общій капиталъ которыхъ оцѣнивается въ 9 милліардовъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что процессъ такого развитія, собственно, долженъ бы привлекать къ себѣ всѣ симпатіи американской націи. Благодаря своей любви ко всему великому, любви, которая развилась подъ вліяніемъ окружающей природы, американская нація должна бы привѣтствовать такое соединеніе интересовъ, а сильный духъ самодѣятельности, тре-

бующій свободы для личныхъ соглашеній и для совмѣстной работы съ кѣмъ угодно, долженъ бы, конечно, и здѣсь требовать свободы, разъ рѣчь идетъ о полюбовномъ соглашеніи между соперниками. Но въ дѣйствительности здѣсь оказываетъ вліяніе противоположная тенденція, которая, въ сущности, также вытекаетъ изъ духа самодѣятельности. Кто желаетъ работать, тотъ долженъ имѣть право требовать, чтобы никакая подавляющая власть не мѣшала ему прилагать свои собственныя силы. Все, что дѣлаетъ невозможнымъ свободное соперничество и что ставитъ отдѣльную личность въ положеніе экономическаго безсилія, — все это представляется американцу безнравственнымъ. Таково древнее англосаксонское право.

Обычное право Англіи всегда принципіально осуждало всякія соглашенія, направленныя къ установленію какой либо монополіи, и это правовое воззрѣніе проникаетъ собою американское народное сознаніе съ такою силой, которая европейцу, больше всего пріученному къ государственнымъ монополіямъ, кажется странною. Законодательства почти всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ считаютъ соглашенія, которыми создаются монополіи, незаконными, и союзное законодательство 1887 и 1890 года, направленное противъ трестовъ, находится съ ними въ полномъ соотвѣтствіи, формулируя только то, что отвѣчаетъ общему нравственному сознанію страны. Такъ, напримѣръ, законъ запрещаетъ въ настоящее время всякія соглашенія, цѣль которыхъ—стѣснить промыслы и торговлю между отдѣльными штатами или между всей націей и чужими народами. Общественное недовольство было вызвано законопроектомъ, который внесъ въ февралѣ 1904 года сенаторъ Форакеръ и согласно которому соглашенія, направленныя къ стѣсненію торговли, не должны считаться наказуемыми, если ограниченія „разумны". Тотчасъ же возникли опасенія, что судъ получитъ возможность посредствомъ толкованія этого закона оправдывать всякое стѣсненіе, а между тѣмъ несомнѣнно, что и до сихъ поръ съ помощью не менѣе произвольныхъ толкованій опредѣлялось, когда именно начинается стѣсненіе торговли. Вѣдь даже экономическій союзъ конкуррирующихъ предпріятій совсѣмъ не исключаетъ возможности полезной для общества конкурренціи. Такъ, напримѣръ, когда общество Northern Securities Company соединило въ одинъхъ рукахъ различныя параллельныя желѣзнодорожныя линіи, оно могло съ полнымъ основаніемъ утверждать, что между дорогами, которыя останутся въ вѣдѣніи совершенно изолированныхъ другъ отъ друга штатовъ служащихъ, будетъ продолжаться техническое соперничество; но судъ и публика были объ этомъ другого мнѣнія

Въ этомъ недовѣріи ко всему, что искусственно стѣсняетъ свободную, ничѣмъ не ограниченную конкурренцію, заключалось единственное серьезное препятствіе для развитія трестовъ.

Но ясно и то, что многое благопріятствовало ихъ образованію. Прежде всего, трестъ можетъ работать дешевле, чѣмъ каждая изъ компаній, входящихъ въ его составъ, — во-первыхъ потому, что управленіе дѣлами упрощается, во-вторыхъ потому, что расходы на борьбу съ конкуррентами теперь отпадаютъ. Далѣе, онъ можетъ работать съ большей пользой, такъ какъ, разъ устранена конкурренція, установленіе цѣнъ зависитъ отъ самого треста. Разумѣется, этому есть предѣлъ въ видѣ заграничной конкурренціи; но здѣсь сыграли свою роль высокія покровительственныя пошлины, благодаря которымъ тресты имѣли возможность повышать цѣны до тѣхъ, пока онѣ не сравнялись съ заграничными цѣнами, взятыми вмѣстѣ съ пошлиной.

Благоденствіе, которымъ пользовалась Америка въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, оказывало при этомъ поощряющее вліяніе; когда жатва хороша и у фабрикъ много работы, тогда высокія цѣны легко переносятся. Но тресты даютъ и лучшіе продукты, нежели отдѣльныя компаніи,—уже по одному тому, что они могутъ тотчасъ же остановить непроизводительныя или нецѣлесообразно устроенныя предпріятія, могутъ закрыть фабрики и приспособить отдѣльныя части въ цѣляхъ экономическаго взаимодѣйствія; съ другой стороны, ихъ колоссальныя средства позволяютъ имъ привлечь на свою службу людей съ наиболѣе крупными экономическими дарованіями. Далѣе, надо указать на рядъ внѣшнихъ благопріятныхъ условій, и среди нихъ, прежде всего, на быстрый ростъ американскаго капитала, ищущаго приложенія. Въ семидесятыхъ годахъ лучшія желѣзнодорожныя компаніи должны были платить 7% на занятый капиталъ; въ настоящее время онѣ платятъ 3,5%. Капиталъ имѣется въ изобиліи, и онъ все время возрасталъ быстрѣе, чѣмъ могъ находить приложеніе; а это, конечно, являлось козыремъ для всякаго вновь нарождавшагося треста. Ко всему этому присоединяется еще характерное для Америки единообразіе требованій рынка. Склонность къ подражанію, съ одной стороны, и терпѣніе и добродушіе — съ другой, создаютъ такую равномѣрность въ огромной области сбыта, простирающейся отъ Атлантическаго до Тихаго океана, что массовое производство какъ бы напрашивается само собою, представляя рѣзкій контрастъ съ разнообразіемъ требованій Европы.

Извѣстное значеніе имѣетъ еще и то обстоятельство, что американецъ сравнительно мало привязанъ къ своему дѣлу. Подобно тому какъ свое отечество онъ любитъ, собственно, въ качествѣ нѣкотораго понятія, въ качествѣ извѣстной системы,

но не чувствуетъ себя привязаннымъ къ какому нибудь клочку земли (крестьянинъ, напримѣръ, охотно покидаетъ свою собственную ферму и отправляется на Западъ искать лучшей земли),—такъ американецъ страстно любитъ и дѣло въ качествѣ опредѣленнаго метода, но не въ качествѣ своего частнаго предпріятія. Если представляется удобный случай, то онъ охотно бросаетъ одно дѣло, чтобы вступить въ другое,—подобно тому какъ онъ быстро освобождается отъ устарѣвшей машины, чтобы пріобрѣсти новѣйшую.

Этотъ душевный складъ настолько отличенъ отъ нѣмецкаго, что образованіе трестовъ въ Германіи именно въ этомъ встрѣтило бы самое серьезное препятствіе. Нѣмецъ какъ бы сростается со своимъ частнымъ, часто унаслѣдованнымъ дѣломъ, онъ любитъ его, какъ крестьянинъ любитъ свой клочекъ земли, и не хотѣлъ бы превратиться въ простого служащаго, поставленнаго большимъ трестомъ. Другимъ психическимъ факторомъ, игравшимъ здѣсь роль, является чуждое всякой зависти, полное довѣріе, съ которымъ дѣловой американецъ относится къ окружающимъ. Названіе «трестовъ» (Trust) вполнѣ правильно: они дѣйствительно въ наибольшей степени построены на довѣріи, и тамъ, гдѣ въ торговомъ мірѣ царитъ взаимное недовѣріе, а тѣмъ болѣе зависть, тамъ американскіе тресты никогда не могли бы развиться. Благопріятнымъ условіемъ были, наконецъ, и законы, которые разрѣшали, напримѣръ, выпускъ акцій, пользующихся преимуществомъ, въ такой формѣ, какая для развитія трестовъ была очень выгодна, но въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ не была бы допущена. Особенно же важнымъ условіемъ было разнообразіе законодательства отдѣльныхъ штатовъ, — разнообразіе, которое тресты использовали въ полной мѣрѣ.

Разумѣется, не было недостатка и въ задерживающихъ факторахъ. О наиболѣе важномъ изъ нихъ мы уже упоминали, именно—о непризнаніи закономъ всѣхъ соглашеній, ведущихъ къ созданію какой либо монополіи или къ стѣсненію торговли. Но къ этому неблагопріятному условію присоединялись еще нѣкоторыя другія. Трестъ желаетъ получать доходъ посредствомъ повышенія цѣнъ. Жизненные припасы становятся дороже. Высокія цѣны приходится платить народу, но тотъ же самый народъ избираетъ членовъ конгресса, опредѣляетъ пошлины и издаетъ законы. Поэтому каждый трестъ долженъ сознавать, что повышеніе цѣнъ ведетъ непосредственно къ возможности обезцѣненія всего его капитала посредствомъ пересмотра таможенныхъ тарифовъ и изданія законовъ противъ трестовъ.

Далѣе, если трестъ могъ разсчитывать на большіе барыши, то именно благодаря возможности ограничить промышленность.

Слѣдовательно, увеличенія барышей можно было ожидать всюду, гдѣ дѣло шло о добываніи естественныхъ продуктовъ, добыча которыхъ имѣетъ свой предѣлъ, напримѣръ, о маслахъ, о табакѣ, о сахарѣ, или же гдѣ можно было использовать технические патенты. Тамъ же, гдѣ нѣтъ подобнаго ограниченія, тамъ и самая могущественная организація не въ состояніи будетъ помѣшать возникновенію конкурренціи, а если она захочетъ освободиться отъ конкурренціи путемъ покупки новыхъ фабрикъ и путемъ присоединенія ихъ къ тресту, то вскорѣ станутъ возникать еще все новыя и новыя, не преслѣдующія никакой иной цѣли, кромѣ полученія отъ треста отступныхъ денегъ. А разъ пойдетъ въ ходъ такая система вымогательства, она скоро должна привести къ разоренію. Въ нѣкоторыхъ областяхъ объединеніе совсѣмъ не можетъ дать значительнаго удешевленія производства. Именно поэтому, какъ говорятъ, потерпѣлъ крушеніе корабельный трестъ Моргана. Словомъ, во многихъ отрасляхъ промышленности условія для образованія трестовъ неблагопріятны, и ослѣпляющіе барыши нѣсколькихъ знаменитыхъ трестовъ должны были многихъ сбить съ толку въ погонѣ за счастьемъ, должны были повести къ тому, что люди не стали обращать вниманія на различія между разными группами производствъ, и начали создавать тресты даже тамъ, гдѣ ихъ приходилось строить на краю пропасти. Точнѣе, пожалуй, было бы сказать, что настоящіе основатели трестовъ отлично понимали эти различія, но разсчитывали на то, что падкая на барыши публика не сразу разберется въ нихъ, а тѣмъ временемъ паи будутъ съ большой выгодой разсованы по рукамъ.

Но въ дѣйствительности именно сопротивленіе большой публики, покупающей паи трестовъ, играло роль задерживающаго фактора. Создавались биржевыя цѣнности, но онѣ увядали раньше, чѣмъ рынокъ успѣвалъ ихъ поглотить. Постоянно раздавались жалобы на количество «непереваренныхъ бумагъ». Публика рано стала подозрѣвать, что барыши получаются не отъ прибылей объединенной въ трестъ промышленности, а отъ самаго образованія трестовъ, что создалась неслыханная, чрезмѣрная капитализація, и что основатели трестовъ получаютъ въ награду огромное количество акцій.

Неблагопріятно вліяло на настроеніе еще одно обстоятельство. Главную прибыль трестъ, охраняемый покровительственными пошлинами, получаетъ отъ того, что онъ продаетъ свои товары дороже, чѣмъ заграничныя фирмы, конкурренціи которыхъ ему не приходится опасаться. Если же представленная трестомъ отрасль промышленности сама желаетъ выступить въ качествѣ продавца заграницею, то она должна понизить цѣны

до уровня, господствующаго на міровомъ рынкѣ. Она должна тогда продавать свои товары заграницу гораздо дешевле, чѣмъ дома, а этимъ вызывается сильное недовольство. Американецъ вообще охотно готовъ платить высокія цѣны. Но если онъ платитъ высокія цѣны какой нибудь фабрикѣ, которая продаетъ тотъ же товаръ въ Европу за половинную цѣну, то противоестественность всей этой системы становится для него слишкомъ очевидной, и на слѣдующихъ выборахъ онъ будетъ противъ нея протестовать. Такимъ образомъ, въ факторахъ, противодѣйствовавшихъ благопріятнымъ для трестовъ условіямъ, совсѣмъ не было недостатка, и исторія трестовъ, безспорно, не была просто исторіей легко достававшихся барышей.

Если мы оставимъ въ сторонѣ вопросы о томъ, какія условія были благопріятны или не благопріятны для трестовъ, что дѣлало образованіе ихъ для учредителей выгоднымъ или опаснымъ, и если постараемся уяснить себѣ, какъ они вліяли и должны вліять на націю, то и здѣсь нельзя будетъ не признать нѣкоторыхъ положительныхъ моментовъ. Сколько бы денегъ здѣсь ни пропадало, или, вѣрнѣе, сколько бы фиктивныхъ цѣнностей ни погибало въ биржевой борьбѣ за существованіе,—гигантскія предпріятія все же увеличиваютъ, въ концѣ-концовъ, производительную силу націи и ея способность къ соперничеству въ международной борьбѣ. Они создаютъ для экономической жизни большой масштабъ, создаютъ такія соединенія и сплетенія, которыя никогда не могли бы возникнуть при хаотической борьбѣ однѣхъ лишь мелкихъ единицъ. Но въ то же время они создаютъ путемъ сосредоточенія экономическаго контроля такую внутреннюю связь между различными частями экономическаго организма, что въ случаѣ затруднительнаго положенія или разстройства одной части другая тотчасъ же приходитъ къ ней на помощь, а это, безспорно, является огромною выгодою для всего общества. Какое нибудь разстройство, которое при прежнихъ условіяхъ оказалось бы гибельнымъ, теперь можетъ пройти благополучно благодаря взаимной поддержкѣ частей. Такъ, напримѣръ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что именно такая совмѣстная дѣятельность банковъ, соотвѣтствующая духу новѣйшаго времени, помѣшала возникновенію паники въ 1903 году, въ періодъ паденія курсовъ.

Но экономическія цѣнности могутъ теперь создаваться болѣе цѣлесообразно и для націи. Устраненіе издержекъ, связанныхъ съ конкурренціей, есть дѣйствительный выигрышъ для всего общества, и тресты постоянно утверждали, что они совсѣмъ и не повышаютъ цѣнъ, а получаютъ достаточно прибыли уже благодаря одному тому, что сберегаютъ всѣ затраты, произ-

водившіяся раньше на борьбу между конкурентами. Не подлежитъ сомнѣнію также и то, что лишь съ образованіемъ трестовъ становится возможнымъ устранить безполезныя фабрики и потерявшія смыслъ предпріятія безъ ущерба для ихъ владѣльцевъ, а благодаря этому національное хозяйство съ такой увѣренностью приспособляется къ измѣняющимся обстоятельствамъ, что проистекающая отсюда выгода приноситъ пользу всѣмъ. Духъ предпріимчивости возбуждается до высшей мѣры, и индивидуальныя способности получаютъ самую высшую оцѣнку. Въ гигантскихъ предпріятіяхъ стального треста, напримѣръ, почти всѣ главныя мѣста заняты людьми, которые, подобно Карнегги, начинали службу съ самыхъ низшихъ должностей и достигли положенія милліонеровъ только благодаря тому, что выполняли свою работу въ какомъ нибудь отношеніи лучше, чѣмъ другіе.

Однако, изъ-за всего этого нельзя не видѣть и глубоко-отрицательныхъ сторонъ даннаго явленія. На американца здѣсь наиболѣе непріятно дѣйствуетъ не высота цѣнъ, а исключительно этическій моментъ. Прежде всего въ немъ возбуждаетъ подозрѣнія чрезмѣрное сосредоточеніе капитала и власти. Отсюда путь ведетъ къ аристократіи, къ олигархіи, къ тираніи. Съ другой стороны, масса деморализуется, умерщвляется личная иниціатива. Остаются, такъ сказать, только служащіе, которые исполняютъ приказанія, а не люди, которые разсуждаютъ и дѣйствуютъ на собственный рискъ и страхъ; а этимъ убивается радость труда. Все становится шаблоннымъ. Трестъ вытѣсняетъ свободнаго купца и фабриканта точно такъ же, какъ нѣкогда машина вытѣснила свободнаго ремесленника.

Образованіе трестовъ дѣйствуетъ деморализующе еще и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Ихъ колоссальныя средства дѣлаютъ продолжительное сопротивленіе имъ невозможнымъ. Свободный человѣкъ, желающій бороться противъ этого сильнаго противника, слишкомъ легко можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, когда ему придется выбирать между сумою и недостойнымъ отреченіемъ отъ своихъ принциповъ. Всѣмъ извѣстна позорная исторія общества Standard Oil Company, которое погубило не столько маленькихъ состояній, сколько сильныхъ душъ. Безнравственна и вся эта система чрезмѣрной капитализаціи, почти неразрывно связанная съ образованіемъ трестовъ, эта покупка имуществъ, имѣющихъ малую стоимость, за баснословную цѣну и созданіе акцій ради выгоды учредителей. И вся эта система общности интересовъ, отдающая тысячи компаній въ руки нѣсколькихъ людей, такъ что всѣ дѣла совершаются между друзьями,—вся эта система неизбѣжно создаетъ у воротилъ такое легкомысленное и поверхностное от-

ношеніе къ разнымъ неправильнымъ дѣйствіямъ товарищей, которое рѣзко противорѣчитъ старымъ обычаямъ американскаго дѣлового міра. Такъ, вся страна пришла въ ужасъ и негодованіе, когда скандалъ въ кораблестроительномъ трестѣ обнаружилъ, съ какимъ преступнымъ легкомысліемъ совершалось среди друзей учрежденіе подобныхъ предпріятій и какъ пріемы карточной игры здѣсь примѣнялись къ цѣнностямъ, выражавшимся милліонами. Но главнымъ соображеніемъ все же остается всегда то, что безнравственно съ помощью соглашеній создавать монополію или убивать конкуренцію.

Что можетъ быть сдѣлано для устраненія этого зла? Самымъ легкимъ средствомъ представляется, конечно, пересмотръ таможенныхъ тарифовъ. Однако, и противники трестовъ должны признать, что между покровительственными пошлинами и трестами существуетъ лишь косвенная связь. Не можетъ быть спора, что благодаря покровительственнымъ пошлинамъ создались крупныя промышленныя предпріятія, соединившіяся затѣмъ въ тресты, и что если бы уничтожить эти промышленныя предпріятія, то некому было бы составлять тресты. Но что именно образованіе трестовъ есть слѣдствіе пошлинъ, это безусловно невѣрно, и чѣмъ болѣе пересмотръ тарифовъ станетъ открывать возможность для иностранной конкуренціи и понижать прибыль отечественной промышленности, тѣмъ болѣе необходимо будетъ единство въ управленіи мѣстными предпріятіями и, слѣдовательно, соединеніе ихъ въ тресты. Вся коммерческая выгода и все моральное зло трестовъ сохранились бы и при пониженіи дивидендовъ, и только въ томъ случаѣ тресты потеряли бы способность къ существованію, если бы какая либо отрасль промышленности оказалась вообще неспособною бороться съ иностранною конкуренціей—ни въ объединенномъ, ни въ раздробленномъ видѣ.

Но прежде всего приходится сказать, что ухудшеніе условій производства и сбыта въ первую очередь отразилось бы именно на слабыхъ конкурентахъ трестовъ. Абсолютной монополіи вѣдь не существуетъ ни въ одной отрасли американской промышленности. Даже среди сахаро-рафинадныхъ заводовъ, которые въ наибольшей степени объединены, есть нѣкоторое число независимыхъ, а рядомъ съ могущественнымъ стальнымъ трестомъ существуетъ множество отдѣльныхъ предпріятій, отчасти, въ свою очередь, соединившихся въ различныя группы. Во многихъ отрасляхъ промышленности тресты не охватываютъ и половины всѣхъ существующихъ заводовъ. И если бы ограда покровительственныхъ пошлинъ была вдругъ уничтожена, если бы въ страну хлынулъ потокъ дешевыхъ заграничныхъ товаровъ, то имъ прежде всего были бы, конечно,

разрушены слабыя отдѣльныя компаніи, а сильные тресты дольше всего могли бы оказывать сопротивленіе. Мало того, устраненіе слабыхъ мѣстныхъ конкурентовъ уже само по себѣ было бы большимъ выигрышемъ для трестовъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе сильныхъ едва ли даже могутъ вообще быть затронуты посредствомъ пониженія пошлинъ; самый могущественный, керосиновый трестъ, совсѣмъ и не пользуется охраною покровительственныхъ пошлинъ. И развѣ тресты не процвѣтаютъ точно такъ же въ англійскихъ территоріяхъ, гдѣ господствуетъ свобода торговли? Разъ вода изъ акцій выжата—а это въ новѣйшее время сдѣлано самымъ основательнымъ образомъ,—то на долю трестовъ доставались бы большіе барыши и при устраненіи покровительственныхъ пошлинъ; и въ то время какъ неизбѣжное при этомъ пониженіе заработной платы могло бы представить опасность для всей промышленной жизни страны, вредныя въ соціально-этическомъ отношеніи стороны трестовъ все же продолжали бы существовать. Поэтому партія, которой въ настоящее время принадлежитъ власть въ странѣ, рѣшительно не желаетъ слышать о такомъ разрѣшеніи вопроса.

Противники трестовъ въ республиканскомъ лагерѣ гораздо охотнѣе разсчитываютъ улучшить положеніе съ помощью законодательства, и именно союзнаго законодательства. Президентъ Рузвельтъ въ цѣломъ рядѣ великолѣпныхъ рѣчей, принадлежащихъ къ лучшимъ работамъ по вопросу о трестахъ, постоянно указывалъ на этотъ путь. Положеніе дѣла здѣсь очень сложно, и съ теченіемъ времени оно много разъ измѣнялось.

Главная трудность заключается здѣсь въ той двойственности законодательной власти, о которой мы уже подробно говорили. Мы знаемъ, что вся законодательная власть, не предоставленная конституціей Союзу, принадлежитъ отдѣльнымъ штатамъ. Законодательство о торговыхъ компаніяхъ, находящихся въ отдѣльныхъ штатахъ, находится всецѣло въ рукахъ этихъ штатовъ. Но если дѣятельность компаніи протекаетъ въ нѣсколькихъ штатахъ, напримѣръ, если она занимается перевозкою товаровъ, то для нея вступаетъ въ силу союзное законодательство.

Конгрессъ уже въ 1890 году издалъ, съ помощью такъ называемаго «закона Шермана», по истинѣ драконовскія постановленія относительно трестовъ, работающихъ въ различныхъ штатахъ. Этотъ законъ грозилъ денежнымъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ за всякій договоръ, направленный къ стѣсненію торговли между различными штатами. Можно сказать, что этимъ закономъ были совершенно уничтожены тресты въ ихъ первоначальной формѣ, т. е. въ формѣ союзовъ, со-

ставившихся изъ соединенія самостоятельныхъ обществъ; при томъ дѣятельность прокуроровъ Союза находила энергичную поддержку и со стороны судовъ отдѣльныхъ штатовъ, какъ уже упомянуто было выше. Но результатомъ этого было только то, что промышленность создала новыя формы, которыя были изъяты изъ подъ дѣйствія союзнаго законодательства и полностью входили въ кругъ вѣдѣнія отдѣльныхъ штатовъ. Основаны были компаніи, которыя устраивались въ какомъ нибудь одномъ штатѣ и благодаря колоссальнымъ средствамъ, вложеннымъ въ нихъ отдѣльными членами, могли покупать разбросанные по всей странѣ заводы. Съ тѣхъ поръ, собственно говоря, нѣтъ ужъ болѣе трестовъ, но такъ какъ эти новыя компаніи являлись наслѣдниками трестовъ и фактически исполняли совершенно тѣ же функціи, то образовалась привычка называть и ихъ именемъ трестовъ.

Само собою разумѣется, что компаніи отъ этой перемѣны ничего не выиграли бы, если бы тотъ же строгій духъ, который царитъ въ законодательствѣ конгресса, царилъ и въ законодательствѣ всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ, если бы, слѣдовательно, каждый штатъ запрещалъ все то, что запрещаетъ союзъ. До тѣхъ же поръ, покуда хотя бы одинъ изъ сорока пяти штатовъ предоставляетъ большій просторъ для торговли, вновь образующіяся компаніи, руководствуясь вѣрнымъ инстинктомъ, всегда отыщутъ этотъ болѣе удобный штатъ, осядутся въ немъ и ему будутъ платить налоги. А покуда налоги съ такихъ огромныхъ предпріятій поступаютъ въ казну какого-либо штата, онъ едва ли будетъ склоненъ устанавливать болѣе строгіе законы.

Но рѣчь не идетъ, конечно, о противоположности между какимъ-нибудь однимъ штатомъ и сорока четырьмя остальными; наоборотъ, рѣчь идетъ о разнообразіи всѣхъ сорока пяти. Почти у каждаго штата есть свои постановленія, и если законы какого-нибудь штата благопріятны для трестовъ, то на сцену является слѣдующее разсужденіе: начавъ вдругъ играть роль строгихъ поборниковъ нравственности, мы только нанесемъ ущербъ самимъ себѣ безъ всякой пользы для всего народа, такъ какъ тресты, дающіе доходъ, хотя и выселятся изъ нашихъ предѣловъ, но навѣрное найдутъ убѣжище въ какомъ-нибудь другомъ штатѣ. И дѣйствительно, слабые, неразвитые въ экономическомъ отношеніи западные штаты всегда готовы будутъ дать пріютъ большимъ компаніямъ и приспособить свои законы къ ихъ потребностямъ, чтобы этимъ путемъ дать окрѣпнуть экономической жизни на своей территоріи. Такимъ образомъ, рѣшительно нельзя ожидать, что тресты будутъ уничтожены законодательствами отдѣльныхъ штатовъ. Если бы во всѣхъ сорока пяти штатахъ существовали такіе законы, какимъ

подчинены акціонерныя общества, напримѣръ, въ Массачузетсѣ, то не возникало бы вообще потребности въ какихъ-либо законодательныхъ измѣненіяхъ. Разумѣется, не случайностью объясняется и то, что въ штатѣ Нью-Іоркъ имѣется очень мало трестовъ. Всѣ гигантскіе тресты, руководители которыхъ фактически живутъ въ метрополіи, официально имѣютъ мѣстопребываніе по ту сторону рѣки Гудзона, въ штатѣ Нью-Джерсей, который чрезвычайно охотно идетъ навстрѣчу ихъ потребностямъ.

Для того, чтобы законъ все-таки оказался сильнѣе компаній, самымъ вѣрнымъ средствомъ представляется принципіальная перемѣна въ томъ смыслѣ, что надзоръ за большими акціонерными обществами долженъ быть отнятъ у отдѣльныхъ штатовъ и переданъ Союзу. Это—тотъ путь, на который неоднократно указывалъ президентъ Рузвельтъ. Но мы уже показали обстоятельно въ главахъ, посвященныхъ политической жизни Америки, почему такая перемѣна не можетъ быть осуществлена съ помощью простого постановленія конгресса. Она заключала бы въ себѣ измѣненіе конституціи, которое не можетъ быть совершено конгрессомъ, такъ какъ конгрессъ самъ есть продуктъ конституціи. Конгрессу могла бы только принадлежать иниціатива, и для этого требовалось бы, чтобы въ каждой изъ обѣихъ палатъ двѣ трети членовъ высказались за предложеніе объ измѣненіи конституціи. Принято же это измѣненіе конституціи можетъ быть только законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ,—именно, если его одобрятъ три четверти всѣхъ сорока пяти собраній. Составить противъ трестовъ большинство изъ двухъ третей въ обѣихъ палатахъ конгресса было бы трудно; что же касается отдѣльныхъ штатовъ, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы три четверти изъ нихъ согласились урѣзать свои права въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ законодательство объ акціонерныхъ компаніяхъ. Именно въ экономическихъ вопросахъ партикуляризмъ является необходимымъ условіемъ для мѣстнаго оптимизма, и слабые въ экономическомъ отношеніи штаты никогда не согласились бы отказаться отъ своего права, такъ какъ они безусловно были бы ослаблены, если бы ихъ экономическое законодательство стало по шаблону перекраиваться соотвѣтственно потребностямъ высшихъ по развитію штатовъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: велъ ли президентъ дѣйствительно донкихотскую борьбу съ вѣтряными мельницами? Или, быть можетъ, правы его противники, инсинуировавшіе въ томъ смыслѣ, что онъ будто бы намѣренно предлагаетъ невозможныя рѣшенія, чтобы отвлечь вниманіе отъ возможныхъ, и что, такимъ образомъ, онъ передъ публикой

обрушивается въ своихъ рѣчахъ на тресты, въ дѣйствительности же помогаетъ капиталистамъ изъ собственной партіи?

Но, быть можетъ, возможно установить и другую точку зрѣнія. Нельзя ли предположить, что президентъ Рузвельтъ бросилъ въ массу мысль объ измѣненіи конституціи только для того, чтобы этимъ направить обсужденіе вопроса на желательный путь, чтобы имѣть случай вполнѣ ясно показать, насколько необходимъ контроль со стороны Союза надъ этими чрезмѣрно большими экономическими предпріятіями и какъ опасно предоставленіе такого надзора отдѣльнымъ штатамъ. Правда, можетъ показаться, что подобное обсужденіе вопроса совершенно безполезно, что оно даже носитъ почти демагогическій характеръ, разъ напередъ извѣстно, что единственное средство заключается въ измѣненіи конституціи, которое практически неосуществимо.

Но въ дѣйствительности это не такъ. Есть еще и другой путь, которымъ та же цѣль можетъ быть достигнута безъ затрудненій, сопряженныхъ съ измѣненіемъ конституціи; но президентъ не можетъ говорить объ этомъ пути, не можетъ даже назвать его настоящимъ именемъ. Этотъ другой путь, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, чтобы верховный судъ отвергъ свои прежнія рѣшенія и, устанавливая опредѣленіе «торговли между штатами», больше принялъ во вниманіе новѣйшія явленія въ жизни трестовъ. Мы видѣли, что по вопросу о торговлѣ между штатами существуютъ рѣшительные законы, которыми были разрушены тресты всѣхъ прежнихъ формацій. Какая-нибудь компанія, числящаяся, напримѣръ, въ штатѣ Нью-Джерсей, но владѣющая фабриками въ различныхъ другихъ штатахъ и зависящая въ своемъ производствѣ отъ совокупнаго дѣйствія различныхъ факторовъ въ нѣсколькихъ штатахъ,— такая компанія въ настоящее время считается, согласно постановленіямъ верховнаго суда, подвѣдомственной одному штату. Если бы теперь верховный судъ призналъ, что такая компанія ведетъ торговлю между нѣсколькими штатами, то къ ней были бы примѣнимы союзные законы, во всей ихъ строгости, и все, что могло бы быть достигнуто посредствомъ измѣненія конституціи, было бы достигнуто этимъ рѣшеніемъ. Разумѣется, президентъ не можетъ этого сказать, такъ какъ верховный судъ является независимою величиной наряду съ исполнительной властью. Но если народное сознаніе пробудится благодаря такимъ разсужденіямъ, то и высшіе суды въ Вашингтонѣ не въ состояніи будутъ долго оказывать сопротивленіе.

Разумѣется, вмѣстѣ съ этимъ было бы необходимо, чтобы верховный судъ сталъ менѣе рѣшительно истолковывать изданные противъ трестовъ законы, такъ какъ въ противномъ слу-

чаѣ, разъ тресты будутъ подчинены союзнымъ законамъ, эти законы одинаково могли бы разрушить существованіе какъ старыхъ, такъ и новыхъ трестовъ. Благодаря недавно опубликованнымъ мемуарамъ сенатора Гора, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что высшій судъ истолковывалъ постановленія о запрещенныхъ стѣсненіяхъ торговли гораздо шире, чѣмъ это имѣлось въ виду въ самомъ законѣ, первоначальный проектъ котораго былъ составленъ Горомъ. Конгрессъ говорилъ о стѣсненіяхъ торговли въ узкомъ, техническомъ смыслѣ этого слова, а судъ истолковывалъ это такъ, какъ будто караться должно всякое соглашеніе, ограничивающее, въ цѣляхъ урегулированія, производство или продажу въ извѣстныхъ мѣстахъ. Но это безполезное обостреніе закона, вызванное не преднамѣреннымъ судебнымъ постановленіемъ, можетъ быть, конечно, устранено самимъ конгрессомъ и, слѣдовательно, не представляетъ никакихъ затрудненій.

Администрація могла бы еще другимъ путемъ достигнуть извѣстныхъ результатовъ. Высказывались требованія большей публичности, и въ этомъ смыслѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, дѣйствительно, были приняты подъ вліяніемъ президента энергичныя мѣры. Извѣстно было, что при созданіи трестовъ много грѣховъ избѣгали преслѣдованія благодаря тайнѣ, которою облекалось дѣло. Въ настоящее время новому министерству торговли принадлежитъ право дѣлать офиціальные запросы по поводу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ и требовать показаній, подкрѣпляемыхъ присягою. Правда, многіе сомнѣваются въ томъ, можетъ ли что-нибудь этимъ путемъ быть радикально исправлено. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что благодаря секретамъ современной бухгалтеріи совершенно невозможно разобраться по книгамъ въ общемъ положеніи какой-нибудь крупной промышленной компаніи, если руководители ея не желаютъ обнаружить истину. Или же откровенность должна дойти до такого предѣла, когда всѣ дѣловыя тайны будутъ обнародованы, и вся торговая жизнь сдѣлается благодаря этому невозможной. Важнѣе же всего то, что это новое постановленіе еще не имѣетъ за собою судебной санкціи. Одинъ могущественный трестъ уже отказался сообщить затребованныя отъ него свѣдѣнія, такъ какъ его адвокаты считаютъ требованіе конгресса противнымъ конституціи. И здѣсь, слѣдовательно, также все будетъ зависѣть отъ рѣшенія верховнаго суда.

Однако, среди наиболѣе разсудительныхъ людей, кажется, все же начинаетъ понемногу все болѣе укрѣпляться сознаніе, что здѣсь не требуется ни пересмотра тарифовъ, ни новыхъ законодательныхъ мѣропріятій, что, наоборотъ, именно въ этихъ дѣлахъ все регулируется само собою. Рѣзкое паденіе курса

бумагъ, выпущенныхъ трестами, многимъ открыло глаза, и въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, разумѣется, и медленное пониженіе цѣнъ на многочисленные продукты трестовъ. Люди начинаютъ все болѣе понимать, что явно зловредныя стороны были только неизбѣжными явленіями въ первый періодъ существованія трестовъ. И у желѣзныхъ дорогъ капитализація первоначально была чрезмѣрна, но благодаря процессу необходимаго внутренняго развитія затѣмъ постепенно установилось равновѣсіе. Избытокъ былъ употребленъ на усовершенствованіе постановки дѣла, и въ настоящее время цѣна желѣзнодорожныхъ акцій вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительной стоимости. Надо сказать, что и въ отношеніи трестовъ такая перемѣна уже началась. Начальственная регулировка, предписывающая свыше, какъ должна развиваться экономическая жизнь, все же остается, въ сущности, не симпатичной для американца. Онъ знаетъ, что границы не могутъ наперед быть установлены начальствомъ. Вѣдь полагалъ же самъ Адамъ Смитъ, что, напримѣръ, форма акціонерныхъ компаній окажется пригодною лишь для нѣкоторыхъ областей.

Американецъ желаетъ, чтобы отвѣтъ на подобные вопросы былъ данъ посредствомъ опыта. Практика, по его мнѣнію, сама произведетъ сравнительную оцѣнку новымъ предпріятіямъ и устранитъ все нездоровое и безполезное. Безспорно, многіе при этомъ потеряютъ свое состояніе, но здѣсь возможно только одно—предостерегать людей противъ преступнаго легкомыслія и скороспѣлыхъ заключеній, подсказываемыхъ жадностью, будто то, что выгодно въ одной области, должно приносить прибыль и во всѣхъ другихъ областяхъ. Безспорно и то, что нѣкоторымъ при этомъ удастся легко пріобрѣсти большія богатства. Но и здѣсь совершенно правъ Рузвельтъ, который говоритъ, что лучше, чтобы нѣсколько человѣкъ разбогатѣли, чѣмъ чтобы никому не было хорошо.

Дѣйствительность показываетъ, что цѣны на короткое время могутъ, правда, быть искусственно подняты, но что затѣмъ онѣ снова постепенно понижаются до болѣе или менѣе нормальнаго уровня, такъ какъ, въ сущности, настоящая монополія нигдѣ не въ состояніи удержаться. И рѣшающимъ моментомъ, какъ показываетъ исторія послѣднихъ десяти лѣтъ, въ Америкѣ при этомъ является не стремленіе къ наживѣ со стороны капиталистовъ, а ихъ стремленіе къ самостоятельности; они все же не могутъ оставаться въ роли людей, подчиненныхъ руководителямъ трестовъ, и духъ самодѣятельности все снова и снова побуждаетъ ихъ отдѣлиться отъ треста и вступить съ нимъ въ самостоятельное соперничество.

Если сравнить положеніе дѣлъ въ 1904 году съ положе-

ніемъ дѣлъ въ 1900 году, то нельзя не видѣть, что, несмотря на кажущееся развитіе идеи трестовъ, сами тресты сдѣлались болѣе солидными, благодаря устраненію большого числа фиктивныхъ цѣнностей, что тресты стали скромнѣе, такъ какъ они довольствуются меньшею прибылью, что они, прежде всего, стали гораздо менѣе опасны, такъ какъ всюду они встрѣчаютъ все увеличивающуюся конкурренцію. Тресты, первоначально господствовавшіе надъ цѣлой отраслью промышленности во всей странѣ, теперь довольны, если держатъ въ своихъ рукахъ двѣ трети этой промышленности. Основная мысль о томъ, что развитіе экономической жизни требуетъ централизаціи контроля,—эта мысль сохраняетъ силу; она принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы и пробилась бы на практикѣ даже въ томъ случаѣ, если бы были придуманы для нея искусственныя препятствія. Но и противоположныя тенденціи слишкомъ глубоко заложены въ человѣческой природѣ, а главное — онѣ очень соотвѣтствуютъ англосаксонскому правосознанію и индивидуальному духу самодѣятельности; и благодаря имъ развитіе централизаціи все болѣе должно ограничиваться нормальными предѣлами.

Для тѣхъ же, кто не хочетъ вѣрить, что этимъ путемъ можетъ быть наложена узда на тресты съ ихъ огромнымъ скопленіемъ богатствъ,—для тѣхъ можетъ служить успокоеніемъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, который показываетъ, что здѣсь есть еще одинъ факторъ, играющій болѣе важную роль, чѣмъ та, которую можетъ играть конгрессъ: этотъ факторъ—интересы рабочихъ. Вопросъ капитализма въ Америкѣ регулируется, въ конечномъ счетѣ, рабочимъ вопросомъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Рабочій вопросъ.

Подобно тому, какъ негритянскій вопросъ является самымъ важнымъ вопросомъ внутренней политики, такъ рабочій вопросъ является важнѣйшимъ въ экономической жизни Америки; и кто слѣдилъ за огромными стачками послѣднихъ лѣтъ, кто принимаетъ во вниманіе огромные убытки, причиненные этой борьбою между капиталомъ и трудомъ, тотъ склоненъ думать, что и рабочій вопросъ, подобно негритянскому, въ настоящее время болѣе далекъ отъ своего разрѣшенія, чѣмъ когда либо раньше. Въ дѣйствительности, однако, это не такъ. Въ негритянскомъ вопросѣ пессимизмъ имѣетъ полное основаніе; здѣсь трудности представляются не только не разрѣшенными еще, но и неразрѣшимыми.

Рабочій же вопросъ вступилъ въ такую стадію, когда органическое разрѣшеніе его уже не кажется невозможнымъ. Дѣлать предсказанія здѣсь рискованно. Но все же многое говоритъ за то, что Соединенные Штаты, несмотря на всѣ рѣзкія слова, въ настоящее время болѣе близки къ такому состоянію, когда и капиталисты, и рабочіе получатъ наибольшее возможное удовлетвореніе, чѣмъ любая изъ остальныхъ крупныхъ промышленныхъ странъ. Быть можетъ, однако, правильнѣе было бы сказать, что американцы болѣе, чѣмъ какая либо другая нація, приближаются къ тому состоянію, которое американскому капиталисту и американскому рабочему представлялось бы идеальнымъ. Этимъ, конечно, еще не разрѣшается вопросъ о томъ, не отдали ли бы экономическія силы другихъ націй предпочтеніе совершенно инымъ путямъ.

И дѣйствительно, въ американскомъ вопросѣ невозможно разобраться, если не принимать постоянно во вниманіе національную окраску входящихъ въ него элементовъ. Именно потому, что нѣкоторые основные факторы промышленной жизни—капиталъ, машины, цѣнность земли, трудъ, рынокъ, заработная плата—встрѣчаются во всѣхъ странахъ неизбѣжно въ одинаковой формѣ, соціальный политикъ слишкомъ легко бываетъ склоненъ оставлять безъ вниманія различія постановки вопроса въ различныхъ культурныхъ странахъ. Различія же эти вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ различія человѣческой природы, изъ различія формъ жизни и воззрѣній.

Американскій рабочій вопросъ отличается отъ, напримѣръ, германскаго именно психологическимъ моментомъ, который нѣмецкіе теоретики и практическіе дѣятели въ своихъ разсужденіяхъ постоянно оставляютъ въ сторонѣ. Такъ, отъ нѣмцевъ почти всегда приходится слышать разсужденія о томъ, что въ Америкѣ государствомъ не сдѣлано рѣшительно ничего для введенія страхованія рабочихъ на случай старости, несчастія и инвалидности, и что Америка въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ Германіи. И нѣкоторые уже предвидятъ, какъ ослаблены будутъ американскіе фабриканты на міровомъ рынкѣ, когда культурный прогрессъ принудитъ ихъ уступить въ этомъ требованіи рабочимъ.

На самомъ дѣлѣ въ этомъ упрекѣ сказывается только непониманіе природы американца. Довольство нѣмцевъ законами о страхованіи рабочихъ имѣетъ въ Германіи полное основаніе, такъ какъ въ нѣмецкихъ условіяхъ эти законы, безспорно, знаменуютъ собою значительный прогрессъ. Но на американца, т.-е. на средняго американца и средняго американскаго рабочаго, они совсѣмъ не производятъ такого сильнаго впечатлѣнія. Онъ смотритъ на нихъ, какъ на интересный экономическій

экспериментъ, но знаетъ напередъ, что этотъ путь, пожалуй, хорошъ для плохо оплачиваемаго, несамостоятельнаго нѣмецкаго рабочаго, для американскаго же совсѣмъ не желателенъ. А упрекъ въ томъ, будто въ Америкѣ государство не сознаетъ своей обязанности позаботиться о людяхъ, которые служили обществу, — этотъ упрекъ тѣмъ болѣе несправедливъ, что въ Америкѣ ежегодно выдается около 140 милліоновъ долларовъ въ видѣ пенсій военнымъ инвалидамъ и вдовамъ инвалидовъ, и государство съ такою же щедростью помогаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые, согласно основнымъ американскимъ воззрѣніямъ, представляютъ общественный интересъ.

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что американскій рабочій въ соціальномъ отношеніи является совершенно инымъ существомъ, чѣмъ рабочій европейскаго континента. Прежде всего, совершенно иными являются уже матеріальныя основы его существованія: его образъ жизни, его хозяйство, жилище, одежда, пища — какъ тѣлесная, такъ и духовная, его развлеченія,—все это показалось бы роскошью европейскому рабочему. Число рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, въ 1880 году составляло 2,7 милл. человѣкъ, заработная плата ихъ—947 милл долларовъ, а къ 1900 году число рабочихъ возросло до 5,3 милл. заработная плата до 2320 милл. долларовъ. Такимъ образомъ, по даннымъ послѣдняго ценза средній годовой доходъ рабочаго равенъ 437 долларамъ. Но это—среднее число для всѣхъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ; если же взять заработную плату только взрослыхъ мужчинъ, то среднее будетъ равняться 500 долларамъ, т.-е. приблиз. 2100 маркамъ. Однако, и это число не можетъ дать яснаго представленія объ экономическомъ положеніи рабочихъ, покуда мы будемъ считать, что существуетъ опредѣленное единообразное отношеніе между нѣмецкими и американскими цѣнами.

Часто приходится читать, будто въ Америкѣ все вдвое дороже, чѣмъ въ Германіи; нѣкоторые смѣло утверждаютъ, что долларъ въ Соединенныхъ Штатахъ стоитъ не больше, чѣмъ въ Германіи марка, т.-е. что цѣны тамъ въ четыре раза выше; другіе, наоборотъ, дѣлаютъ открытіе, что въ Германіи цѣны совсѣмъ не ниже, чѣмъ въ Америкѣ. Дѣйствительно, для каждаго изъ этихъ утвержденій возможно привести убѣдительные примѣры. Когда большіе пароходы, поддерживающіе сообщеніе между Германіей и Америкой, запасаются провіантомъ, то огромное количество мяса для путешествія въ оба конца они пріобрѣтаютъ въ Нью-Іоркѣ, а не въ Гамбургѣ или Бременѣ; они покупаютъ его тамъ, гдѣ цѣны на этотъ товаръ ниже. Но если кто нибудь желаетъ прибѣгнуть въ Америкѣ къ услугамъ врача, или адвоката, или даже парикмахера, сло-

вомъ — къ лицу, отъ котораго требуются личныя услуги, тотъ, пожалуй, дѣйствительно найдетъ, что платить ему приходится вчетверо дороже, чѣмъ въ Германіи. То же самое надо сказать обо всѣхъ предметахъ роскоши: покупая букеты цвѣтовъ или билеты въ концертъ, можно смѣло долларъ въ Америкѣ приравнять къ маркѣ въ Германіи. И точно такъ же дѣло обстоитъ и съ прислугою: въ большомъ городѣ кухарка, удовлетворяющая скромнымъ требованіямъ, получаетъ жалованья 21 марку въ недѣлю, а если возрастаютъ требованія, то жалованье возрастаетъ въ квадратѣ. Отсюда вполнѣ ясно, что установить опредѣленное отношеніе между цѣнами въ Соединенныхъ Штатахъ и на европейскомъ континентѣ вообще невозможно. На одинъ долларъ мяса покупается столько, сколько на пять марокъ, но розъ—столько, сколько на одну марку.

Въ общемъ можно сказать, что при сравненіи американецъ оказывается въ тѣмъ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ болѣе его потребности могутъ быть удовлетворены продуктами массоваго производства, и наоборотъ — его положеніе тѣмъ болѣе невыгодно, чѣмъ большую роль въ его бюджетѣ играютъ расходы на предметы роскоши и на личныя услуги. Изготовленный на фабрикѣ костюмъ въ Америкѣ стоитъ не дороже, чѣмъ въ Германіи; быть можетъ, онъ за ту же цѣну будетъ даже лучше. Но изобрѣтенный лучшимъ портнымъ фракъ стоитъ раза въ четыре больше того, что было бы за подобную же работу отдано въ Германіи.

Итакъ, въ общемъ можно, пожалуй, сказать, что тотъ, кто въ Америкѣ проживаетъ 50 тысячъ долларовъ въ годъ, т.-е. держитъ экипажи и много прислуги,—что тотъ не можетъ доставить себѣ больше матеріальныхъ благъ, чѣмъ человѣкъ, проживающій въ Германіи 70 тыс. марокъ, т.-е. ровно въ три раза меньшую сумму. Если же жить на 5000 долларовъ въ годъ, т.-е. въ среднемъ достаткѣ и безъ особой роскоши, то жить можно такъ, какъ въ Германіи на 10 тысячъ марокъ, т.-е. на половинную сумму. И наконецъ тотъ, чей бюджетъ, какъ у средняго американскаго работника, равенъ 500 долларамъ въ годъ, можетъ считать себя обезпеченнымъ такъ же, какъ съ равной суммою, т.-е. 2100 марками, въ Германіи.

Но промышленный рабочій высшаго разряда имѣетъ гораздо большій доходъ, долларовъ 800 или 900, т.-е. въ среднемъ почти въ три раза больше, чѣмъ нѣмецкій рабочій. Такимъ образомъ, по сравненію съ лучше оплачиваемыми классами рабочій въ Америкѣ получаетъ гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ. Средній рабочій въ Америкѣ живетъ приблизительно такъ, какъ нѣмецкій мастеръ-ремесленникъ, и если онъ бываетъ недово ленъ обстановкой своего жилища, то не потому, что сто

ловъ и стульевъ у него не хватаетъ, а потому, что коверъ или ванна для него недостаточно хороши. Но только, разумѣется, при всемъ этомъ надо имѣть въ виду настоящаго американца, а не пролетаріевъ изъ южной и восточной Европы, которые скучиваются въ самыхъ худшихъ участкахъ большихъ городовъ и предлагаютъ свой трудъ за самую нищенскую плату. Коренной американскій рабочій и. лучшаго типа переселенцы-нѣмцы и ирландцы всегда бываютъ чисто одѣты, читаютъ большія газеты и питаются здоровою мясной пищею; лишь небольшая часть ихъ заработка оставляется въ питейныхъ заведеніяхъ.

Но болѣе важнымъ, чѣмъ экономическое благосостояніе американскаго рабочаго, хотя и не вполнѣ отъ этого независимымъ, является соціальное самосознаніе, которымъ онъ преисполненъ. Американскій рабочій чувствуетъ себя равноправнымъ всякому другому честному гражданину Штатовъ, и при томъ равноправнымъ не только въ отвлеченномъ юридическомъ смыслѣ. Это чувство въ большой степени обусловлено интенсивностью политической жизни страны, ея демократическимъ строемъ, который не признаетъ никакихъ преимуществъ и всѣмъ предоставляетъ равную власть. Далѣе, оно обусловлено отсутствіемъ соціальныхъ сословныхъ перегородокъ. Разумѣется, сословныя представленія существуютъ, но нѣтъ искусственныхъ границъ, которыя мѣшали бы человѣку занять любое положеніе. Даже самый скромный человѣкъ знаетъ, что только отъ него самого зависитъ, займетъ ли онъ выдающееся положеніе въ соціальномъ цѣломъ или нѣтъ.

Однако, важнѣе всего, кажется, все-же непосредственная высокая оцѣнка, даваемая самой экономической работѣ. Мы говорили уже объ этомъ, когда старались обрисовать духъ самодѣятельности. И дѣйствительно, важнѣйшимъ факторомъ, опредѣляющимъ соціальное положеніе рабочаго, должны быть основныя воззрѣнія націи на цѣнность труда. Если, напримѣръ, какимъ нибудь народомъ усвоенъ тотъ взглядъ, что только созданіе духовныхъ цѣнностей есть настоящая культурная работа, а экономическая дѣятельность имѣетъ цѣлью лишь обезпечить жизнь и внѣшнія удобства для націи, стремящейся къ культурѣ,—то у такого народа классы, занятые экономическою дѣятельностью, должны удовлетворяться подчиненнымъ положеніемъ, а въ предѣлахъ этихъ классовъ тѣ, кто выполняетъ физическую работу, должны довольствоваться минимальною степенью личнаго уваженія. Если же, наоборотъ, у націи вполнѣ развита вѣра въ самостоятельную цѣнность экономической культуры, то экономическая дѣятельность, дающая человѣку средства къ существованію, становится мѣриломъ нравственной цѣнности, и даже духовная работа получаетъ нравственное при-

знаніе прежде всего потому, что она служитъ къ удовлетворенію потребностей сложной общественной жизни и, слѣдовательно, имѣетъ экономическую цѣнность.

И именно таковъ взглядъ американца. Составляетъ ли человѣкъ законы, или дѣлаетъ открытія, или пишетъ стихи, производитъ ли онъ рельсы, или сапоги, или булавки, — его жизненному содержанію придаетъ нравственную цѣнность прежде всего то обстоятельство, что онъ дѣлаетъ полезную работу. Несмотря на всѣ интеллектуальныя и эстетическія различія эта главная черта обща всѣмъ, и потому человѣкъ, занимающійся ручнымъ трудомъ, если только онъ работаетъ какъ слѣдуетъ, равноправенъ человѣку, который работаетъ головой. При такомъ взглядѣ какой нибудь паразитъ общества, пользующійся, напримѣръ, унаслѣдованнымъ богатствомъ только ради собственнаго наслажденія, стоитъ для непосредственнаго чувства ниже, чѣмъ фабричный рабочій, исполняющій свои обязанности. Для американца все это—не искусственныя выкладки, а инстинктивное сознаніе; оно, правда, не уничтожаетъ совершенно безконечнаго разнообразія соціальныхъ положеній, но все же отводитъ имъ лишь второе мѣсто. Можно, конечно, отвергать такія общественныя воззрѣнія. Гораздо больше прелести въ извѣстномъ смыслѣ заключается, напримѣръ, въ эстетическомъ жизнепониманіи японца, который учитъ юношей красиво располагать цвѣты и съ презрѣніемъ относится къ дѣятельности купца. Но очевидно, что тамъ, гдѣ въ національномъ сознаніи господствуетъ первый взглядъ, рабочій съ несравненно большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и собственной независимости будетъ смотрѣть на окружающихъ, такъ какъ и милліардеръ здѣсь является только его сотрудникомъ.

Никто не сомнѣвается, что именно благодаря этому самосознанію американскій рабочій является болѣе значительной экономической силою. Американскій фабрикантъ платитъ рабочимъ больше, чѣмъ любой изъ его конкурентовъ на міровомъ рынкѣ, и онъ все же этого нисколько не опасается, такъ какъ знаетъ, что рабочій своей болѣе интенсивной и самостоятельной работою вполнѣ уравновѣситъ различіе цѣнъ. Разумѣется, значительную роль здѣсь играетъ и большее совершенство машинъ, сберегающихъ трудъ. Но въ концѣ-концовъ именно личнымъ опытомъ работника объясняется тотъ фактъ, что во многихъ отрасляхъ 10 американскихъ рабочихъ производятъ больше, чѣмъ 15 или, какъ намъ часто приходится слышать отъ спеціалистовъ, чѣмъ 20 нѣмецкихъ рабочихъ. Американскій фабрикантъ всегда предпочитаетъ работать съ помощью сотни головъ, чѣмъ съ помощью тысячи рукъ, если даже расходы въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы. И даже

наиболѣе падкій на наживу предприниматель предпочитаетъ рабочаго, который можетъ получить у него 30 долларовъ въ недѣлю тому, работа котораго стоитъ всего 20 долларовъ. Чѣмъ въ большей степени рабочій чувствуетъ себя свободнымъ участникомъ въ процессѣ созиданія, тѣмъ болѣе пользы приноситъ его умъ всему предпріятію. Мы постоянно слышимъ о томъ, что рабочіе придумываютъ какія-нибудь усовершенствованія въ производствѣ; но эта самостоятельная работа мысли, съ другой стороны, нисколько не ведетъ къ ослабленію дисциплины. Дѣло именно въ томъ, что американская дисциплина не есть слѣпое подчиненіе, отказывающееся отъ собственнаго сужденія, а есть самостоятельная готовность слѣдовать во время совмѣстной работы руководству другого. За этимъ другимъ какъ бы по собственной волѣ признается достоинство руководителя, такъ что, повинуясь старшему, подчиненный, собственно, исполняетъ собственную волю.

Именно поэтому онъ не можетъ допустить ничего такого, что носитъ хотя какой нибудь оттѣнокъ состраданія. Ему должно быть непріятно даже снисходительное благорасположеніе заставляющее милостиво признать, что рабочій все-таки тоже человѣкъ, побуждающее снабжать его хорошенькими домиками и возлагающее на государство заботу объ его близкихъ, какъ будто самъ онъ не думалъ о нихъ подобно всякому другому хорошему семьянину. Если ему что надо, то онъ самъ этого добьется или самъ себѣ это отвоюетъ. Онъ страхуется, какъ и всякій другой человѣкъ, въ частныхъ страховыхъ обществахъ. А главное, подобно тому какъ всякій другой человѣкъ имѣетъ въ виду собственную выгоду, такъ и онъ въ своихъ соглашеніяхъ съ работодателемъ, въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ товарищами, въ своемъ вліяніи на политику всегда будетъ стараться улучшить свое положеніе. И чего бы ему ни удалось добиться, оно имѣетъ для него цѣну именно потому, что достигнуто въ свободной борьбѣ силъ противъ враждебныхъ интересовъ. Объективное улучшеніе, купленное цѣною состраданія, которое надо переносить отъ работодателя,—такое объективное улучшеніе было бы для американскаго рабочаго субъективнымъ ухудшеніемъ.

Всѣмъ этимъ объясняется, почему настоящая соціаль-демократія не имѣетъ успѣха среди англо-американскихъ рабочихъ. Американскій рабочій не чувствуетъ, чтобы его участь была хуже участи другихъ людей. Онъ опредѣленно знаетъ, что ему принадлежатъ такія же права, какъ и всякому другому, и потому идеалъ равенства не можетъ его возбуждать; наоборотъ, этотъ идеалъ разрушилъ бы наиболѣе цѣнное для него жизненное содержаніе, онъ разрушилъ бы самодѣятельность,

которая стремится къ высшимъ общественнымъ наградамъ, какъ къ высшему признанію личной работы. Американскому обществу неизвѣстенъ неписанный законъ, по которому человѣкъ, являющійся сегодня рабочимъ, долженъ и завтра быть только рабочимъ, и именно это придаетъ рабочему вопросу въ Америкѣ ту своеобразную окраску, благодаря которой онъ такъ рѣшительно отличается отъ рабочаго вопроса въ европейскихъ классовыхъ государствахъ. Въ большинствѣ случаевъ надъ рабочимъ въ Америкѣ стоятъ старшіе, сами бывшіе когда-то рабочими. Милліонеры, которые въ настоящее время распоряжаются судьбою тысячъ рабочихъ, часто начинали свою дѣятельность съ лопатою или заступомъ въ рукахъ. Рабочій знаетъ, что великія цѣли, которыя ставятся честолюбіемъ, доступны и для него, и промѣнять равенство возможностей на равенство результатовъ труда—это значило бы для него вернуться къ тому соціальному состоянію, когда экономическая работа считается лишь вспомогательнымъ средствомъ для чего-то лучшаго, а не дѣятельностью, которая имѣетъ цѣнность сама по себѣ. И пускай Беллами уже мечтаетъ объ общественномъ зонтикѣ, — его родина, быть можетъ, болѣе далека отъ соціаль-демократіи, чѣмъ любая европейская страна, потому что нигдѣ духъ индивидуальной самодѣятельности не обладаетъ большею силой, потому что тамъ господствуетъ сознаніе, что никакія классовыя перегородки не отдѣляютъ массы отъ самыхъ высшихъ благъ, и все зависитъ только отъ трудолюбія, энергіи и способностей.

Это не мѣшаетъ, конечно, рабочимъ усвоивать, въ борьбѣ за лучшія условія труда, нѣкоторые изъ соціалистическихъ принциповъ. Правда, американецъ называетъ соціализмомъ уже требованія о томъ, чтобы желѣзныя дороги, телеграфы, транспортное дѣло и, пожалуй, добыча угля перешли въ руки государства, или чтобы городскія желѣзныя дороги, газовое и электрическое освѣщеніе находились въ вѣдѣніи города. Соціализмъ этого рода, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ успѣхи, хотя для болѣе крайнихъ идей все еще находится больше блестящихъ проповѣдниковъ, чѣмъ вѣрующихъ слушателей. Очень характерно также и то, что вожди рабочихъ совсѣмъ не дѣлаютъ борьбу за интересы послѣднихъ своимъ призваніемъ на всю жизнь, а очень часто переходятъ, спустя нѣсколько лѣтъ, къ какому нибудь другому роду дѣятельности. Дѣло въ томъ, что граница между рабочимъ и работодателемъ здѣсь всегда можетъ быть проведена только для даннаго, временнаго положенія. Кто вчера находился по одну сторону границы, сегодня находится по другую сторону. Это—не граница между опредѣленными группами людей, а только какъ бы временное подраздѣленіе, и этимъ американскіе рабочіе союзы отличаются даже

отъ англійскихъ, съ которыми у нихъ есть много сходныхъ чертъ.

Нѣкоторыя изъ другихъ условій, которыми жизнь американскаго рабочаго отличается напримѣръ, отъ жизни англійскаго, носятъ экономическій характеръ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, какой блестящій успѣхъ имѣли англійскіе рабочіе союзы своими огромными общественными магазинами; въ Америкѣ же эти магазины не могли привиться, такъ какъ торговыя фирмы большихъ городовъ оказались въ состояніи дешевле доставлять товары и были болѣе привлекательны торговому духу американцевъ. Однако, достаточно уже сравненій со Старымъ Свѣтомъ. Обратимся теперь къ фактическому положенію дѣла въ Новомъ.

Серьезное рабочее движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ началось въ двадцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Разумѣется, на первыхъ порахъ рѣчь могла итти только о Сѣверѣ, такъ какъ на Югѣ, благодаря существованію невольничества, не были возможны никакія соединенія, никакія самостоятельныя движенія въ цѣляхъ улучшить положеніе работниковъ. Забастовки для сокращенія рабочаго времени происходили уже въ восемнадцатомъ столѣтіи, но настоящее рабочее движеніе разрослось лишь съ развитіемъ фабрикъ въ девятнадцатомъ.

Съ самаго начала при этомъ на первомъ планѣ стояли требованія сокращенія рабочаго времени и повышенія заработной платы. Въ то же время въ мірѣ американскихъ идей господствовали болѣе или менѣе фантастическіе проекты кооперації, и эти проекты также оказывали вліяніе на развитіе рабочаго вопроса. Бостонъ и Нью-Іоркъ были центрами новаго движенія. Уже въ 1825 году въ Нью-Іоркѣ стала выходить первая самостоятельная рабочая газета «Адвокатъ рабочихъ», положившая начало особой литературѣ, которой суждено было вскорѣ разростись съ быстротою лавины. Въ 1830 году рабочіе начали въ качествѣ особой группы принимать участіе въ политикѣ; они хотѣли выставить собственнаго кандидата на постъ губернатора. Однако всѣ попытки рабочихъ въ области политики остались отдѣльными эпизодами; важнѣйшія рабочія движенія въ теченіе всего столѣтія происходили внѣ сферы политики, и главные союзы всегда старались обезпечить себѣ силу путемъ воздержанія отъ всякой политики. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось законодательныхъ мѣропріятій, направленныхъ въ пользу или же противъ рабочихъ, они стремились войти въ соприкосновеніе съ политическими факторами; но политическою партіей американскіе рабочіе никогда не были.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ впервые соединились рабочіе различныхъ отраслей промышленности; произошло сліяніе

рабочихъ союзовъ, которое потомъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Но тотчасъ же началось встрѣчное движеніе и со стороны работодателей. Такъ, въ 1832 году бостонскіе купцы и судовладѣльцы постановили въ торжественномъ собраніи, что ихъ долгъ — подавить противное законамъ соединеніе рабочихъ, такъ какъ оно образовано съ цѣлью стѣснить отдѣльныхъ лицъ въ ихъ свободномъ рѣшеніи относительно продолжительности рабочаго дня и съ цѣлью создать затрудненія для тѣхъ, кто давалъ имъ хорошую плату.

Съ тѣхъ поръ организація какъ рабочихъ, такъ и работодателей неуклонно развивалась, а нація играла, въ сущности, роль заинтересованнаго, но держащагося нейтрально зрителя. Въ случаяхъ прямого столкновенія симпатіи націи были почти всегда на сторонѣ рабочихъ, такъ какъ при конкретныхъ условіяхъ для сознанія выдвигается впередъ не противоположность между трудомъ и капиталомъ, а противоположность между живыми людьми, страдающими рабочими и богатыми владѣльцами; сантиментальность же американца побуждаетъ его всегда стать на сторону слабѣйшаго. Но въ такой же мѣрѣ симпатіи націи склонялись и въ пользу капитала, когда дѣло касалось не какого либо частнаго случая, а общихъ законодательныхъ мѣропріятій, т. е. когда вопросъ носилъ не личный, а отвлеченный характеръ. Здѣсь работодатель являлся какъ бы піонеромъ американской націи, бросающимся, благодаря своей отвагѣ, на все новыя и новыя предпріятія, отдающимъ свой капиталъ и свои духовныя способности на служеніе экономической жизни и потому заслуживающимъ охраны со стороны націи въ большей мѣрѣ, нежели рабочій, для котораго всегда найдется дешевая замѣна.

Такимъ образомъ, если взять среднее, то надо сказать, что нація соблюдала благожелательный нейтралитетъ и, въ сущности, предоставляла каждую сторону самой себѣ. Лишь въ самое послѣднее время началась нѣкоторая перемѣна. Люди начинаютъ съ каждымъ днемъ болѣе понимать, или, вѣрнѣе, благодаря новымъ условіямъ борьбы съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что въ этой борьбѣ есть не двѣ, а три стороны, что не только рабочіе и работодатели, но и публика, нуждающаяся въ продуктахъ труда, непосредственно заинтересована въ улаженіи споровъ и что она, слѣдовательно, должна имѣть право энергично высказать и свое мнѣніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Переломъ произошелъ, кажется, во время забастовки углекоповъ зимою 1902—1903 года, когда самъ президентъ выступилъ въ качествѣ повѣреннаго третьей стороны. Однако намъ необходимо въ подробностяхъ прослѣдить этотъ процессъ, и мы должны болѣе обстоятельно говорить о ны-

нѣшнихъ организаціяхъ рабочихъ, объ успѣхахъ законодательства, о средствахъ борьбы, употребляемыхъ рабочими, и о средствахъ, употребляемыхъ капиталомъ, о положительныхъ и отрицательныхъ явленіяхъ въ этой борьбѣ и о попыткахъ, которыя дѣлаются въ настоящее время для разрѣшенія вопроса.

Въ настоящее время возможно различать три формы рабочихъ оргонизацій: организацію рыцарей труда, независимые рабочіе союзы и объединенные рабочіе союзы.

Рыцари труда принципіально отличаются отъ обѣихъ остальныхъ группъ. Ихъ вліяніе въ настоящее время исчезаетъ, но нѣкогда оно было сильно. Ихъ основная мысль имѣетъ этическій характеръ, между тѣмъ какъ у ихъ соперниковъ основная мысль практическая. Это не значитъ, конечно, будто рабочіе союзы преслѣдуютъ безнравственныя цѣли или что рыцари труда непрактично ведутъ дѣло; это значитъ только, что центръ тяжести у тѣхъ и другихъ помѣщается въ разныхъ мѣстахъ. Рыцари труда начали свою дѣятельность въ 1869 году въ самомъ тѣсномъ кругу. Это былъ тайный союзъ, на манеръ масонскаго ордена, съ торжественными клятвами при вступленіи и странными обычаями. Ихъ основное положеніе начиналось словами: «Трудъ благороденъ и святъ», и ихъ старанія были прежде всего направлены на внутреннее возвышеніе рабочаго и на борьбу противъ всего, что унижаетъ трудъ и дѣлаетъ его недостойнымъ. Орденъ росъ непрерывно, но благодаря этому, по необходимости, на передній планъ стали больше выдвигаться осязательные интересы рабочихъ. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда союзъ пересталъ быть тайнымъ, онъ насчитывалъ во всей странѣ около милліона членовъ, и на его знамени все еще стояло только одно требованіе,—чтобы трудолюбіе и нравственная цѣнность, а не богатство, служили истиннымъ мѣриломъ личнаго и національнаго величія. Союзъ требовалъ для своихъ членовъ большей доли въ производимыхъ ими благахъ, чтобы у нихъ оставалось свободное время и для умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія. Въ соотвѣтствіи съ такой этической тенденціей, энергичныя усилія союза были направлены къ тому, чтобы подавлять стачки и добиваться мирнаго соглашенія.

Источникъ слабости союза, вѣроятно, главнымъ образомъ заключался въ томъ, что онъ, когда число членовъ его такъ сильно возросло, сталъ заниматься политикой. Рыцари труда требовали реформы законодательства о налогахъ, измѣненій въ условіяхъ валюты и въ системѣ кредита и выставляли много другихъ требованій въ духѣ государственнаго соціализма. Другимъ, еще болѣе важнымъ источникомъ ихъ слабости было то обстоятельство, что во всякомъ, даже самомъ маленькомъ

отдѣленіи союза они постоянно допускали участіе рабочихъ разнаго рода. Разумѣется, это вполнѣ отвѣчало ихъ этической идеѣ. Разъ рѣчь идетъ о рабочемъ и его особыхъ нравственныхъ вопросахъ, то потребности оказываются въ очень многомъ одинаковыми и у пекаря, и у портного, и у каменщика и у мѣдника, и у рабочаго съ электрическаго завода, и у рабочаго съ мельницы. Когда же дѣло касается практическихъ вопросовъ, тогда каждый изъ нихъ сравнительно мало заинтересованъ въ дѣлахъ другого, а нерѣдко между интересами окажется и рѣшительное противорѣчіе. Какъ только создаются союзы, объединяющіе отдѣльно пекарей и отдѣльно слесарей, смѣшанные союзы скоро приходятъ въ затруднительное положеніе. И дѣйствительно, одновременно съ ростомъ профессіональныхъ союзовъ за послѣднее время начался упадокъ организаціи рыцарей труда. Теперь она, какъ говорятъ, насчитываетъ всего 200.000 членовъ, и значеніе ея очень невелико. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что именно та идеалистическая формулировка, въ которой рыцари труда представили націи интересы рабочихъ, много способствовала пробужденію національной совѣсти въ отношеніи къ рабочему вопросу.

Такимъ образомъ, типичною для настоящаго времени формою является профессіональный рабочій союзъ, и различіе между независимыми и объединенными «трэдъ-юніонами» не имѣетъ принципіальнаго характера. Число рабочихъ, организованныхъ въ профессіональные союзы, превышаетъ теперь два милліона. Число это растетъ съ каждымъ днемъ, и рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ тотъ фактъ, что число это, обнимающее всего двѣ пятыхъ общаго количества рабочихъ, такъ мало не потому, что въ среднемъ организовано всего двѣ пятыхъ общаго числа рабочихъ въ каждой отрасли, а потому, что во многихъ отрасляхъ организація затруднительна. Въ важнѣйшихъ отрасляхъ союзы охватываютъ почти всѣхъ рабочихъ. Чѣмъ выше стоитъ работа, чѣмъ большія требованія она предъявляетъ, тѣмъ прочнѣе организованы представители. Такъ, напримѣръ, типографскіе рабочіе почти всѣ участвуютъ въ профессіональныхъ союзахъ. Въ строительномъ дѣлѣ и среди рабочихъ табачныхъ фабрикъ лишь очень немногіе стоятъ въ сторонѣ отъ союзовъ. Союзъ горнозаводскихъ рабочихъ насчитываетъ около 200.000 членовъ, что соотвѣтствуетъ населенію приблизительно въ милліонъ человѣкъ. Напротивъ, нецѣлесообразно и безполезно создавать строгую организацію тамъ, гдѣ каждый день можетъ быть неограниченное предложеніе труда, гдѣ можетъ конкурировать всякій переселенецъ, не имѣющій никакой подготовки; поэтому настоящіе поденные рабочіе меньше всего входятъ въ союзы. Такимъ образомъ, въ число двухъ

милліоновъ организованныхъ рабочихъ входятъ представители важнѣйшихъ отраслей промышленности, и при томъ лучшія рабочія силы.

Самымъ старымъ профессіональнымъ союзомъ въ Америкѣ является интернаціональный союзъ наборщиковъ, образовавшійся въ 1850 году. При этомъ надо тотчасъ же замѣтить, что дѣленіе союзовъ на интернаціональные и національные совершенно поверхностно, такъ какъ изъ сотенъ интернаціональныхъ союзовъ ни одинъ не имѣетъ въ виду распространить свое вліяніе за океанъ. Слово интернаціональный означаетъ только, что на ряду съ Соединенными Штатами допускается также участіе Канады и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Мексики. Что организація типографскихъ рабочихъ явилась первой, это вполнѣ отвѣчаетъ тому, что мы видимъ и въ другихъ странахъ. Въ 1854 году за типографскими рабочими послѣдовали шляпочники, въ 1859 году литейщики, а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ число отраслей, въ которыхъ рабочіе организовались, быстро возрастало. Но для настойчиваго отстаиванія интересовъ вскорѣ потребовалось, съ одной стороны, расчлененіе большихъ союзовъ на мѣстные отдѣлы, съ другой— объединеніе различныхъ союзовъ, преслѣдующихъ близкіе другъ къ другу интересы. Результатомъ было, съ одной стороны, то, что въ каждой мѣстности образовались свои мѣстные союзы, которые соединились въ организаціи по штатамъ съ цѣлью вліять на законодательство отдѣльныхъ штатовъ; завершеніемъ этихъ организацій служатъ національные или интернаціональные профессіональные союзы. Съ другой же стороны, различные союзы объединились какъ на мѣстахъ, такъ и на всемъ протяженіи государства, чтобы оказывать другъ другу взаимную поддержку. Здѣсь уже не было, какъ у рыцарей труда, безпорядочнаго смѣшенія различныхъ интересовъ, а была систематическая взаимная поддержка въ цѣляхъ проведенія опредѣленныхъ практическихъ мѣропріятій.

Самымъ колоссальнымъ союзомъ этого рода является «Американскій союзъ труда», возникшій въ Питсбургѣ въ 1881 году и организовавшій настоящую рабочую республику. Съ самаго начала эта федерація, наученная опытомъ другихъ организацій, объявила, что рѣшительно не станетъ вмѣшиваться въ политику и будетъ заниматься только вопросами промышленности. Она признавала промышленную автономію и особый характеръ каждаго изъ присоединявшихся къ ней профессіональныхъ союзовъ и все же надѣялась пріобрѣсти большое вліяніе благодаря ихъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Требованія, съ которыми выступила федерація, касались прежде всего установленія восьмичасоваго рабочаго дня; далѣе слѣдовали запре-

щеніе принимать на работу дѣтей моложе 14 лѣтъ, запрещеніе конкуренціи со стороны тюремнаго труда, ограниченіе иммиграціи контрактовыхъ рабочихъ, измѣненіе законовъ объ обязательствахъ фабрикантовъ и о недозволенныхъ союзахъ, устройство государственныхъ бюро для рабочей статистики и многое другое въ этомъ родѣ. Въ первое время существованія федераціи у нея происходила жестокая борьба съ рыцарями труда и, быть можетъ, еще болѣе жестокая въ собственной средѣ—съ утопистами-соціалистами. Но вскорѣ была создана здоровая, прочная основа, и такъ какъ федерація всѣми мѣрами способствовала образованію организацій на мѣстахъ и союзовъ по провинціямъ и штатамъ, то части росли благодаря усиленію цѣлаго, а цѣлое—благодаря увеличенію числа частей. Въ настоящее время федерація обнимаетъ 111 интернаціональныхъ рабочихъ организацій съ 29 союзами по штатамъ, 452 центральными городскими союзами и, сверхъ того, 1850 мѣстными союзами, не входящими въ какія либо національныя или интернаціональныя организаціи; 250 еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ отстаиваютъ интересы этой объединенной организаціи. Ея центръ находится, конечно, въ Вашингтонѣ, въ резиденціи союзнаго правительства. Ея неутомимымъ президентомъ является Гомперсъ. Изъ числа союзовъ, не входящихъ въ федерацію, надо прежде всего назвать союзы желѣзнодорожныхъ рабочихъ, а также нѣкоторые союзы каменщиковъ и каменотесовъ. Желѣзнодорожные рабочіе, въ сущности, всегда держались въ сторонѣ. Ихъ союзъ основанъ въ 1893 году и насчитываетъ около 200.000 членовъ.

Рабочіе союзы совсѣмъ не открыты для всѣхъ желающихъ. Каждый членъ обязанъ сдѣлать вступительный взносъ, а затѣмъ дѣлать регулярные взносы въ пользу мѣстнаго союза и, черезъ посредство послѣдняго, въ пользу организаціи высшаго порядка. Но многіе союзы требуютъ также еще серьезнаго испытанія при пріемѣ. Въ союзѣ рабочихъ электрическихъ заводовъ, напримѣръ, условія пріема такъ строги, что сами работодатели считаютъ принадлежность къ союзу за лучшую гарантію работоспособности даннаго лица. Далѣе, каждый членъ обязанъ присутствовать на регулярныхъ собраніяхъ мѣстнаго отдѣленія союза. Для того, чтобы эти мѣстныя отдѣленія не были слишкомъ тяжеловѣсны, они большей частью, въ свою очередь, группируются по частямъ города, если число членовъ настолько велико, что общія собранія всѣхъ ихъ оказываются невозможными. Такъ, напримѣръ, у рабочихъ табачныхъ фабрикъ въ Нью-Іоркѣ есть союзъ, который насчитываетъ 6000 членовъ и распадается на 10 болѣе мелкихъ союзовъ. Каждая организація въ странѣ имѣетъ своихъ собственныхъ служащихъ. Если ра-

бота служащаго поглощаетъ все его время, то онъ получаетъ вознагражденіе, равное заработной платѣ рабочихъ въ данномъ производствѣ. Въ рѣшающихъ собраніяхъ большихъ союзовъ всѣ меньшія организаціи представлены своими делегатами, а тамъ, гдѣ союзы, охватывающіе цѣлыя провинціи или все государство, включаютъ въ себя различныя отрасли труда, тамъ есть представители отъ каждой главной отрасли, и всѣ постановленія и рѣшенія принимаются съ самымъ строгимъ соблюденіемъ требованій парламентскной техники, которою американецъ владѣетъ въ такомъ изумительномъ совершенствѣ. Строгости этихъ парламентарныхъ формъ отвѣчаетъ и абсолютная обязательность безпрекословнаго подчиненія постановленіямъ со стороны всѣхъ членовъ, представленныхъ делегатами. Кто, напримѣръ, не подчинится постановленію о забастовкѣ, тотъ тѣмъ самымъ лишается всѣхъ своихъ правъ.

Права же, принадлежащія членамъ рабочихъ союзовъ, дѣйствительно, довольно значительны. Прежде всего, мѣстный союзъ является клубомъ и справочнымъ бюро для ищущихъ работы, а въ крупныхъ городахъ обѣ эти функціи имѣютъ для американскаго рабочаго особенно большую цѣну. Затѣмъ сюда присоединяются страховыя и благотворительныя учрежденія, принадлежащія союзамъ. Такъ, напримѣръ, союзъ рабочихъ табачныхъ фабрикъ всей страны, насчитывающій 414 мѣстныхъ отдѣленій съ 34.000 членовъ, выдалъ за послѣднія два десятилѣтія 838.000 долларовъ на поддержку забастовщиковъ, 1.453.000 долларовъ въ пособіе больнымъ, 794.000 долларовъ семьямъ умершихъ членовъ, 735.000 на путевые расходы и 917.000 долларовъ въ пользу безработныхъ; въ такомъ же родѣ данныя можно привести и относительно большинства другихъ крупныхъ союзовъ. И все же всѣ эти частныя выгоды представляютъ собою лишь менѣе важную сторону дѣла. Если что имѣетъ дѣйствительно рѣшающее значеніе, такъ это успѣхи, достигнутые въ экономической борьбѣ, — успѣхи, которые для изолированнаго рабочаго были бы недостижимы. Правда, надо здѣсь же сказать, что не мало лицъ уклоняются отъ вступленія въ союзы и отъ налагаемыхъ этимъ обязательствъ именно потому, что знаютъ, что все добытое организованнымъ трудомъ, въ общемъ, должно принести пользу и имъ, стоящимъ внѣ организаціи.

Самыми важными областями, гдѣ ведется эта борьба рабочихъ союзовъ, являются законодательство и вопросъ о заработной платѣ. Разумѣется, на ряду съ этимъ не малая часть ихъ труда уходитъ и на борьбу за собственное существованіе, т.-е. на борьбу за преимущественное положеніе организованныхъ рабочихъ по сравненію съ неорганизованными. Нельзя отри-

цать, что этотъ вопросъ все въ большей мѣрѣ становится однимъ изъ видныхъ факторовъ въ экономическихъ столкновеніяхъ. При многихъ стачкахъ совсѣмъ не возникаетъ вопроса о повышеніи заработной платы, или о сокращеніи рабочаго времени, или о другихъ требованіяхъ этого рода, а рѣчь идетъ только объ одномъ основномъ требованіи,—чтобы союзъ былъ официально признанъ работодателями, чтобы они обсуждали условія не съ отдѣльными рабочими, а съ делегатами союза, и чтобы не принимали рабочихъ, которые не принадлежатъ къ союзу.

Къ категоріи движеній, направленныхъ къ этой же цѣли, принадлежитъ борьба, которую рабочіе недавно съ фанатизмомъ вели изъ-за ярлыковъ рабочихъ союзовъ. Эти ярлыки впервые появились въ С.-Франциско, гдѣ необходимо было устранить конкуренцію китайскихъ рабочихъ, а теперь они распространены по всей странѣ. На каждой коробочкѣ папиросъ, на каждомъ кирпичѣ, на каждой шляпѣ и на каждомъ піанино, которые изготовлены заводами, гдѣ работаютъ принадлежащіе къ союзамъ рабочіе, имѣется клеймо, поддѣлка котораго преслѣдуется закономъ и которое служитъ для покупателей ручательствомъ, что данный товаръ изготовленъ при здоровыхъ соціально-политическихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, отсутствіе ярлыка имѣетъ первое значеніе въ качествѣ предостереженія. Но для десятимилліоннаго населенія, примыкающаго къ рабочимъ союзамъ, это—не только предостереженіе, но и приглашеніе къ бойкотированію опредѣленныхъ фабрикъ, и на владѣльцевъ этихъ фабрикъ такимъ способомъ оказывается, конечно, очень существенное давленіе. Но чѣмъ въ большей мѣрѣ фабрики вынуждены благодаря этому считаться съ рабочими союзами, тѣмъ больше становится притягательная сила союзовъ для рабочихъ, а чѣмъ большее количество рабочихъ силъ привлекается къ союзамъ, тѣмъ легче имъ добиваться успѣха. Такимъ образомъ, ярлыкъ въ настоящее время сдѣлался едва ли не самымъ страшнымъ оружіемъ въ рукахъ рабочихъ.

Однако все это—только средства, ведущія къ извѣстнымъ цѣлямъ. Обратимся теперь къ самимъ цѣлямъ, прежде всего къ рабочему законодательству. Больше всего здѣсь бросаются въ глаза необыкновенныя различія въ этомъ отношеніи между отдѣльными штатами,—различія, которыя объясняются историческою необходимостью и теперь начинаютъ постепенно сглаживаться, но которыя еще недавно представляли самые рѣзкіе контрасты. Движеніе открыли штаты Новой Англіи, особенно Массачузетсъ. Правда, и они шли впередъ не такъ быстро, какъ того часто требовало общественное мнѣніе. Напримѣръ, уже въ тридцатыхъ годахъ велась оживленная аги-

тація въ пользу законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ, но лишь спустя много лѣтъ закономъ былъ установленъ для женщинъ десятичасовой рабочій день. За то регулированіе фабричнаго труда малолѣтнихъ, дѣйствительно, началось въ тридцатыхъ годахъ, и на этомъ пути движеніе затѣмъ быстро продолжалось.

Важный шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ 1869 году, когда въ Массачузетсѣ на средства штата было учреждено первое въ мірѣ бюро рабочей статистики,—бюро, на обязанности котораго лежало составленіе ежегодныхъ отчетовъ по рабочему вопросу; отчеты эти разсматривали рабочій вопросъ всесторонне—съ экономической и промышленной точки зрѣнія, съ соціальной и гигіенической, педагогической и политической. Одинъ штатъ за другимъ сталъ слѣдовать этому примѣру, и главнымъ его результатомъ было учрежденіе отдѣленія рабочей статистики въ Вашингтонѣ, а вліяніе этого образцоваго бюро отразилось затѣмъ во всѣхъ культурныхъ странахъ. Въ семидесятыхъ годахъ изданы были строгіе законы о надзорѣ за фабриками, объ огражденіи безопасности на нихъ и о санитарныхъ мѣропріятіяхъ. Большинство отсталыхъ штатовъ дѣлали гораздо меньше въ этомъ направленіи, но ни одинъ изъ нихъ не остался свободнымъ отъ заразительнаго вліянія сосѣдей. Въ Массачузетсѣ же прежде всего началось и все большее сокращеніе рабочаго времени. Здѣсь главную помощь оказывалъ примѣръ союзнаго правительства. Безспорно, сокращеніе рабочаго дня въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ союзному правительству, должно было вначалѣ служить политическою приманкою для рабочихъ, но правительство сохранило въ силѣ эти постановленія, и за нимъ послѣдовали отдѣльные штаты. Въ 29 штатахъ для рабочихъ, состоящихъ на общественной службѣ, введенъ восьмичасовой рабочій день, и такая же продолжительность его установлена для всѣхъ рабочихъ, состоящихъ на службѣ у Союза.

Особенно большое значеніе для рабочихъ союзовъ получили законодательныя измѣненія въ юридической сферѣ. Согласно древнему англійскому праву, еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія признавалось преступнымъ заговоромъ соединеніе рабочихъ для такихъ цѣлей, какія въ настоящее время всюду ставятъ себѣ рабочіе союзы. Эта теорія заговора—правда, съ самаго начала въ значительной степени зависѣвшая отъ произвольнаго толкованія со стороны судей,—постепенно разрушалась въ теченіе всего столѣтія и уступала мѣсто другимъ правовымъ воззрѣніямъ, согласно которымъ мирное объединеніе рабочихъ въ цѣляхъ борьбы за улучшеніе условій труда не должно встрѣчать никакихъ препятствій, а самыя стачки счи-

таются вполнѣ дозволенными, покуда въ нихъ нѣтъ элементовъ насилія. Почти во всѣхъ штатахъ законы теперь настолько суживаютъ понятіе преступной организаціи, что оно уже нигдѣ не сталкивается съ постановленіями рабочихъ союзовъ. Другія законодательныя мѣропріятія касаются запрещенія фабричныхъ лавокъ. И теперь еще такія лавки не вполнѣ исчезли въ нѣкоторыхъ горнозаводскихъ округахъ, удаленныхъ отъ общественныхъ магазиновъ. Но въ общемъ почти каждый штатъ уничтожилъ посредствомъ законовъ фабричныя лавки, изъ которыхъ фабрика за собственный счетъ продавала рабочему продукты, навязывая ихъ ему по высокой цѣнѣ. Это было однимъ изъ самыхъ раннихъ требованій рабочихъ союзовъ.

Особенно важное значеніе имѣетъ прогрессъ въ области тѣхъ законовъ, которые касаются обязательствъ со стороны работодателя. Англосаксонское право возлагаетъ на работодателя отвѣтственность за вредъ или за несчастный случай, которому подвергся рабочій въ своей собственной работѣ. Напротивъ, оно не считаетъ работодателя отвѣтственнымъ за вредъ, причиненный рабочему благодаря небрежности кого нибудь изъ его товарищей. Требованіе вознагражденія въ этомъ случаѣ должно было обращаться къ тому, кто не выполнилъ своей обязанности. Говорилось, что рабочій, поступая на службу, долженъ былъ сознавать, какія опасности съ этимъ сопряжены. Но чѣмъ обширнѣе становилось современное производство, чѣмъ болѣе безопасность каждаго отдѣльнаго человѣка оказывалась зависимою отъ множества другихъ, неизвѣстныхъ ему людей, тѣмъ болѣе безсмысленнымъ становился старый законъ, и въ этой области, подъ вліяніемъ рабочихъ союзовъ, въ теченіе второй половины столѣтія производились постоянныя улучшенія, преобразовавшія указанное право. По существу въ настоящее время законы отдѣльныхъ штатовъ признаютъ обязательнымъ для работодателя вознаграждать рабочаго за всякій вредъ, причиненный ему дѣйствіями какого нибудь другого рабочаго.

Такимъ образомъ, въ общемъ былъ замѣтенъ прогрессъ по всей линіи. Безспорно, нѣкоторымъ штатамъ необходимо еще много сдѣлать для того, чтобы сравняться съ самыми передовыми штатами, а въ программахъ рабочихъ союзовъ есть еще такія требованія, которыя до настоящаго времени ни однимъ штатомъ не удовлетворены полностью, напримѣръ требованіе введенія референдума по образцу швейцарскаго и т. п. Но государственнаго страхованія нѣтъ въ этихъ программахъ. Въ этомъ вопросѣ американскій рабочій остается индивидуалистомъ; онъ желаетъ обезпечить свое будущее на случай несчастья или болѣзни, а въ случаѣ своей смерти будущее своей

семьи посредствомъ самостоятельнаго соглашенія, посредствомъ участія въ рабочихъ союзахъ, посредствомъ уплаты взносовъ въ страховыя общества,—словомъ, тѣми путями, которые открыты для всякаго. И дѣйствительно, болѣе половины всѣхъ рабочихъ застрахованы. Но важнѣе всего то, что постоянно увеличивается число промышленныхъ предпріятій, которыя изъ собственныхъ средствъ страхуютъ своихъ служащихъ на случай старости и инвалидности. Первый примѣръ въ этомъ дѣлѣ показали желѣзно-дорожныя компаніи, и самыя крупныя предпріятія все яснѣе сознаютъ, что въ ихъ собственныхъ интересахъ—обезпечивать себѣ постоянство состава рабочихъ посредствомъ включенія въ договоръ обязательствъ по вопросу о пенсіяхъ. Если рабочій отдаетъ предпочтеніе тѣмъ предпріятіямъ, которыя предоставляютъ ему такія преимущества, то въ этомъ онъ видитъ свободное соглашеніе обѣихъ договаривающихся сторонъ, государственнымъ же страхованіемъ умалялось бы его чувство самостоятельности.

Еще и въ другомъ отношеніи государству пришлось встать въ опредѣленное положеніе къ рабочему вопросу, именно—въ отношеніи къ стачкамъ и къ исключеніямъ рабочихъ, къ бойкоту и такъ называемымъ «чернымъ листамъ». Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій въ странѣ произошло 22.793 забастовки, которыя коснулись 117.509 предпріятій. При этомъ потеря заработной платы для рабочихъ составляла 257 милл. долларовъ, убытки работодателей 122 милл. долларовъ. Кромѣ того 16 милл. долларовъ было выдано въ помощь забастовщикамъ. Такимъ образомъ, матеріальныя потери въ общемъ составляли почти 400 милл. долларовъ. Но значеніе великихъ вопросовъ, которые выражаются этимъ движеніемъ, конечно, выходитъ далеко за предѣлы однѣхъ лишь денежныхъ потерь. При этомъ около 51% всѣхъ забастовокъ увѣнчались успѣхомъ для рабочихъ, 13% повели къ частичному удовлетворенію ихъ требованій, а въ 36% всѣхъ случаевъ побѣда осталась за предпринимателями.

Начиная съ 1741 года, когда булочники города Нью-Іорка прекратили работу и тотчасъ же были осуждены за заговоръ, въ странѣ никогда не было недостатка въ стачечныхъ движеніяхъ. Первая крупная забастовка была устроена матросами въ 1803 году, но дѣйствительно частымъ это явленіе сдѣлалось лишь въ тридцатыхъ годахъ. Первая грандіозная стачка, имѣвшая историческое значеніе, охватила желѣзныя дороги въ 1877 г. Прекращеніе работъ сопровождалось ужасными разрушеніями и уличной борьбой. Пришлось употребить въ дѣло милицію штатовъ для того, чтобы усмирить чернь въ Цинцинати и С. Луи, въ Чикаго и Питсбургѣ. Убытки были огромны—здѣсь

дѣйствовали порохомъ и огнемъ. Вся страна страдала отъ этихъ безпорядковъ, но рабочіе въ концѣ-концовъ ничего не выиграли. Точно такъ же и въ 1883 году, когда забастовали рабочіе телеграфа, требуя увеличенія вознагражденія за воскресную работу, терпѣть отъ этой забастовки пришлось, конечно, всей націи. И здѣсь также предприниматели, понеся милліонныя потери, одержали верхъ. Затѣмъ центральное мѣсто снова заняли желѣзныя дороги, когда въ 1886 году начались грандіозныя стачки на юго-западной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Но наивысшаго предѣла ожесточеніе достигло въ 1892 году, когда ареною борьбы сдѣлались сталелитейные заводы Карнегги въ Гомстедѣ. Началось съ борьбы изъ-за заработной платы. Компанія, не достигнувъ соглашенія съ рабочимъ союзомъ, хотѣла удалить организованныхъ рабочихъ и принять другихъ, не принадлежащихъ къ союзу. Послѣдній пытался силою не допустить къ работѣ чужихъ пришельцевъ. Компанія призвала на помощь государственную власть, но союзъ воспротивился и ей; дѣло доходило до настоящихъ сраженій, и только когда губернаторъ, послѣ потери многихъ человѣческихъ жизней, объявилъ военное положеніе, спокойствіе снова было водворено.

Еще болѣе обширные размѣры имѣла чикагская стачка 1891 года. Она началась съ забастовки на заводѣ пульмановскихъ вагоновъ близъ Чикаго и достигла высшаго предѣла съ прекращеніемъ движенія на четвертой части всей сѣти американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Рабочій союзъ, состоявшій изъ 150,000 членовъ, заявилъ, что не будетъ работать ни у одной желѣзно-дорожной компаніи, которая пользуется пульмановскими вагонами. Прекращеніе желѣзно-дорожнаго движенія принесло убытки всей странѣ,—убытки, которые исчисляются въ 80 милл. долларовъ. Вскорѣ появились самые опасные спутники крупныхъ забастовокъ—возмущенія, угрозы, нападенія, убійства—и снова потребовалась большая военная сила для того, чтобы водворить спокойствіе. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала жестокая борьба изъ-за заработной платы въ предпріятіяхъ, занимающихся выдѣлкою желѣза и стали; но по своему внутреннему значенію всѣ эти грандіозные случаи борьбы между капиталомъ и трудомъ отступаютъ передъ недавнею забастовкой углекоповъ.

Условія труда въ областяхъ Пенсильваніи, гдѣ добывается антрацитъ, были неблагопріятны для рабочихъ. Съ помощью забастовки въ 1900 году они нѣсколько повысили заработную плату, но сравнительно хорошая поденная плата давала за годъ въ общемъ чрезвычайно мало, такъ какъ работа въ теченіе года распредѣлялась очень неравномѣрно. Рабочіе чувствовали, что

отказъ угольныхъ трестовъ увеличить заработную плату основанъ на ложныхъ доводахъ. Капиталисты постоянно старались имъ доказать, что незначительность дохода отъ угля не допускаетъ выдачи болѣе высокой заработной платы. Но рабочіе слишкомъ хорошо знали, что кажущаяся небольшая прибыль объясняется чрезмѣрностью капиталовъ, которые вложены въ дѣло трестами и на которые они требуютъ себѣ дивиденда, а главное, что угольныя копи, собственно, представляютъ собою одно цѣлое съ желѣзными дорогами и большею частью принадлежатъ однимъ и тѣмъ же владѣльцамъ и потому при расчетахъ возможно всю прибыль показать по счету желѣзныхъ дорогъ горнозаводскаго района вмѣсто того, чтобы показать ее по угольнымъ копямъ. Рабочіе союзы признали своевременнымъ потребовать введенія восьмичасового рабочаго дня, повышенія заработной платы на десять процентовъ и прежде всего, на-ряду съ нѣкоторыми частностями техническаго характера, принципіальнаго признанія рабочихъ союзовъ. Организованные горнозаводскіе рабочіе, предводимые Митчеллемъ, предложили ждать въ теченіе мѣсяца для того, чтобы обѣ стороны могли обсудить спорные вопросы и притти къ какому нибудь соглашенію. Сенаторъ Ганна, со смертью котораго недавно ушелъ съ политической арены одинъ изъ самыхъ горячихъ друзей рабочихъ, предложилъ свои услуги въ качествѣ посредника, и его репутація не оставляла сомнѣнія въ томъ, что рабочіе согласятся и на какой нибудь компромиссъ.

Несмотря на такое сдержанное поведеніе рабочихъ, представители владѣльцевъ копей отказывались вступить въ какіе бы то ни было переговоры. Они стояли на той точкѣ зрѣнія, что если, начавъ переговоры съ рабочимъ союзомъ, они хотя сколько нибудь признаютъ его существованіе, то тѣмъ самымъ вступятъ на наклонную плоскость. Если сейчасъ выставляется требованіе восьмичасового рабочаго дня, то черезъ годъ рабочій союзъ съ помощью тѣхъ же средствъ можетъ потребовать шестичасовой работы. Они считали своевременнымъ разъ навсегда сломить силу рабочаго союза. Президентъ Бэръ заявилъ, что рабочіе союзы являются угрозою для всей американской промышленности. Забастовка началась. А надо замѣтить, что въ антрацитовыхъ копяхъ добывается ежемѣсячно около пяти милліоновъ тоннъ угля, которымъ обслуживаются, главнымъ образомъ, частные дома на всемъ Востокѣ. Наступила холодная зима, и благодаря недостатку угля создались такія условія, которыя напоминали собою бѣдствія осаднаго положенія. Во многихъ мѣстахъ вопросъ вскорѣ касался уже не денежныхъ потерь—цѣна угля увеличилась въ четыре раза,—а дѣло было въ томъ, что совершенно изсякли запасы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

пришлось закрыть школы и церкви. Теперь, собственно, въ первый разъ стало ясно, что власть рабочихъ союзовъ, если они захотятъ употребить всю свою силу, можетъ оказаться тираніей, передъ которой безсильна вся страна. Но ожесточеніе все же было больше направлено противъ работодателей, которые продолжали заявлять, что обсуждать здѣсь нечего и что рабочіе должны просто подчиниться.

Правда, вскорѣ отрицательныя явленія обнаружились и съ другой стороны. Рабочіе начали силою сопротивляться своимъ замѣстителямъ. Они дошли даже до такого варварства, что принуждали удалиться инженеровъ, которые должны были ограждать копи отъ затопленія. Снова оказалось необходимымъ вмѣшательство войска. Но теперь президентъ пригласилъ обѣ борющіяся стороны въ Вашингтонъ. Это былъ первый шагъ къ разрѣшенію конфликта. Была, наконецъ, учреждена комиссія изъ представителей обѣихъ сторонъ и выдающихся постороннихъ лицъ, и послѣ того, какъ Пирпонтъ Морганъ подалъ знакъ, чтобы партія капиталистовъ согласилась на переговоры, работы тотчасъ же были возобновлены. Въ 1903 году комиссія сдѣлала постановленія приблизительно по половинѣ спорныхъ пунктовъ въ пользу рабочихъ, по другой половинѣ—противъ нихъ. Это была совсѣмъ не послѣдняя стачка. Большія забастовки, при которыхъ центромъ борьбы служилъ Нью-Іоркъ, разразились въ 1903 году въ области строительнаго дѣла; 5000 человѣкъ забастовали противъ компаніи по постройкѣ мостовъ, и вскорѣ движеніе охватило большую часть страны. Наряду съ этимъ волненія происходили и въ ткацкихъ фабрикахъ Востока, и въ южныхъ горнопромышленныхъ округахъ, и еще теперь каждый день возникаютъ новыя маленькія стачки, а какая нибудь крупная забастовка можетъ возникнуть въ любой моментъ. Но именно огромная забастовка углекоповъ заставила націю задуматься надъ этимъ вопросомъ глубже, чѣмъ задумывались раньше, и показала его при полномъ свѣтѣ со всѣми его опасными сторонами.

Сторонникамъ рабочихъ союзовъ исходъ ея ясно показалъ, что въ единеніи сила и что съ помощью единенія можно добиться такихъ результатовъ, которые были бы совершенно недостижимы для отдѣльнаго рабочаго. Эти сторонники съ чувствомъ удовлетворенія видѣли, что именно рабочимъ союзамъ принадлежала консервативная роль, что они пытались отсрочить грандіозную забастовку, насколько это было возможно, и что прежде всего благодаря упорству работодателей сдѣлался немыслимымъ какой бы то ни было третейскій судъ. Но ходъ событій не только показалъ законность одной части требованій рабочихъ, онъ выставилъ въ благопріятномъ свѣтѣ вообще

политику рабочихъ союзовъ. Всей странѣ пришлось терпѣть лишенія, человѣческія жизни были принесены въ жертву, безполезныя денежныя потери выражались милліонами, и въ концѣ-концовъ сдѣлано было именно то, что рабочіе союзы рекомендовали съ самаго начала. Если бы владѣльцы копей осенью добровольно сдѣлали то, что зимою они вынуждены были сдѣлать, то были бы избѣгнуты невыразимыя страданія. Рабочіе же союзы могли съ полнымъ правомъ утверждать, что они только оставались вѣрны своей политикѣ, что они на дѣлѣ всегда предпочитали мирный путь боевому. Рѣшающіе голоса въ политикѣ рабочихъ союзовъ всегда подавались противъ легкомысленнаго объявленія забастовокъ. Объявлять забастовку они соглашались не ранѣе, чѣмъ были использованы всѣ остальныя средства. И люди стали ясно сознавать, что интересы націи, интересы нейтральной стороны, лучше охраняются благоразумными вождями рабочихъ союзовъ, чѣмъ капиталистами типа пенсильванскихъ угольныхъ королей.

Но, съ другой стороны, пришлось увидѣть, что даже при самой разумной стачкѣ невозможно долго сдерживать взрывы страсти и ожесточенія, что всякая стачка влечетъ за собою если и не насиліе, то во всякомъ случаѣ тираническое давленіе на рабочихъ, не принадлежащихъ къ организаціи. И здѣсь выступаетъ на сцену присущее всякому американцу чувство индивидуальной свободы. Каждый человѣкъ долженъ имѣть право самъ рѣшать, на какихъ условіяхъ онъ желаетъ работать. Нарушители забастовки и здѣсь окружались ореоломъ героизма, и тресты употребляли всѣ усилія для того, чтобы доказать міру, что вмѣшательство рабочихъ союзовъ въ свободныя рѣшенія работниковъ, не принадлежащихъ къ этимъ союзамъ, представляетъ собою издѣвательство надъ американской демократіей. Правда, союзы отрицаютъ, что дѣло здѣсь сводится только къ незаконному насилію; они приводятъ въ свою пользу нравственное право. Они говорятъ, что всякій рабочій, способствовавшій процвѣтанію фабрики, имѣетъ по отношенію къ этой фабрикѣ бо́льшія права, чѣмъ одно лишь право на еженедѣльное вознагражденіе. У него есть до нѣкоторой степени нравственная доля участія въ этой фабрикѣ,—доля, которая не даетъ дохода, но должна обезпечить ему его мѣсто; и если въ случаѣ конфликта какой нибудь посторонній человѣкъ займетъ его мѣсто, то это подобно грабежу или отнятію у него его собственности, и онъ имѣетъ право сопротивляться этому всѣми средствами самообороны.

Конечно, съ еще большимъ негодованіемъ возставали капиталисты противъ рабочихъ союзовъ потому, что эти союзы оказывали принудительное вліяніе не только на посторонних

имъ работниковъ, но и, что главное, на сами предпринимательскія компаніи. Они патетически заявляли всюду, что право свободнаго распоряженія своей собственностью уничтожено, разъ капиталистъ уже не является хозяиномъ на своей фабрикѣ, разъ онъ уже не можетъ вступать въ соглашеніе съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, а вынужденъ подчиняться представителямъ рабочихъ союзовъ; при этомъ, конечно, легко было доказывать, что на предпринимателя падаетъ весь рискъ, что предприниматели обнаруживаютъ и энергію, и трудолюбіе, между тѣмъ какъ въ рабочихъ говоритъ только себялюбіе и лѣность, которыя требуютъ все болѣе короткаго рабочаго дня и все же никогда не бываютъ удовлетворены. Предприниматели утверждали, что самые дѣльные рабочіе очень неохотно участвуютъ въ движеніи, что они гораздо болѣе интересуются своей работою, нежели политикой союзовъ, и предоставляютъ болтунамъ разыгрывать роль демагоговъ, рабочихъ вождей. Всякій, говорили они, у кого есть хоть немного сбереженій, долженъ сочувствовать прирожденному праву капиталистовъ.

Однако публика не довѣряла этимъ рѣчамъ. Забастовка углекоповъ выставила капиталистовъ въ слишкомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, и когда ихъ представители пошли даже на такую нелѣпость, что стали самымъ грубомъ образомъ разъяснять и президенту Соединенныхъ Штатовъ права собственности, тогда публика начала все больше и больше подвергать пересмотру свои обычныя представленія. Для общественнаго мнѣнія становилось все яснѣе, что эти огромныя компаніи, собственно, уже не являются частными компаніями въ обычномъ смыслѣ этого слова, что какой нибудь стальной или угольный трестъ не можетъ претендовать въ общемъ строѣ государственной жизни на такую свободу, на какую можетъ разсчитывать для своего дѣла владѣлецъ маленькой лавочки. Люди чувствовали, что колоссальный ростъ этихъ предпріятій является продуктомъ общественныхъ силъ и что отъ общества зависитъ ихъ право на существованіе, что, такимъ образомъ, эти предпріятія, оставаясь еще частною собственностью, получили все же на-половину общественный характеръ; а отсюда вытекало, что у общества не можетъ быть оспариваемо право на вмѣшательство въ ихъ управленіе. Безспорно въ эти дни сдѣлала огромные успѣхи вѣра въ государственный соціализмъ, очень усилилось убѣжденіе, что желѣзныя дороги и горнозаводскія предпріятія должны перейти въ собственность государства. Но еще болѣе усилилось убѣжденіе, что нельзя отрицать за рабочимъ права на рѣшающій голосъ въ управленіи предпріятіемъ.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе постепенно прониклось тѣмъ взглядомъ, что какъ насилія со стороны рабо-

чихъ, такъ и отказъ со стороны предпринимателей вступать въ переговоры съ рабочими союзами одинаково заслуживаютъ осужденія. Общество больше не желаетъ и больше не станетъ терпѣть, чтобы трудъ и капиталъ вели между собою публичную борьбу съ помощью насильственныхъ средствъ, и чтобы націи отъ этого приходилось страдать. Общественное мнѣніе требуетъ чтобы теперь, разъ исторически создалась организація рабочихъ, союзовъ, обѣ стороны старались при посредничествѣ своихъ делегатовъ устранить всѣ спорные пункты, тамъ же, гдѣ соглашеніе не состоится, долженъ вступить въ дѣйствіе третейскій судъ, которому обѣ стороны обязаны безусловно подчиняться.

Что подобные споры должны постоянно снова возникать, это разумѣется само собою. Такъ какъ положеніе рынка постоянно измѣняется, то при всякомъ упадкѣ какой нибудь отрасли производства работодатели будутъ стараться уменьшить заработную плату, а при всякомъ подъемѣ въ какой либо отрасли рабочіе будутъ требовать повышенія заработной платы Однако все заставляетъ думать, что именно вожди рабочихъ союзовъ способны принимать во вниманіе и взвѣсить всѣ условія даннаго момента и благоразумно воздѣйствовать какъ на надежды, такъ и на опасенія рабочихъ массъ. Предприниматели, правда, постоянно утверждаютъ, что разъ капиталисты будутъ отданы во власть рабочихъ союзовъ, предпринимательскій духъ окажется задушеннымъ и капиталъ вынужденъ будетъ уйти отъ предпріятій, такъ какъ всякая прибыль будетъ принесена въ жертву себялюбію рабочихъ массъ, которыя станутъ оказывать тираническое вліяніе. Но опытъ показываетъ противное. Рабочіе союзы убѣждены, что въ нашъ вѣкъ машиннаго производства рабочій не получаетъ справедливой доли въ прибыли, но они еще лучше знаютъ, что имъ самимъ можетъ житься хорошо только тогда, когда промышленность процвѣтаетъ, и что промышленность не можетъ процвѣтать, когда она обремененa чрезмѣрно высокой заработной платою. Точно такъ же рабочимъ союзамъ извѣстно, что, въ сущности, они могутъ побѣждать и пользоваться расположеніемъ третейскихъ судовъ лишь до тѣхъ поръ, пока на ихъ сторонѣ симпатіи общества, и что всякое неблагоразумное уничтоженіе прибыли на капиталъ и всякое устрашающее воздѣйствіе на предпринимательскій духъ скоро лишило бы ихъ симпатій американскаго народа. Имъ желаютъ добра, покуда они защищаются. Но если они сами сдѣлаются нападающею стороною, то настроеніе измѣнится. Они знаютъ это, и потому можно съ полнымъ правомъ быть увѣреннымъ, что ихъ требованія, въ сущности, никогда не станутъ угрозою для истинныхъ интересовъ капитала.

Предприниматели же знаютъ теперь, что имъ уже никогда не удастся избавиться отъ рабочихъ союзовъ и что благоразумнѣе съ ихъ стороны будетъ приспособиться къ новому положенію вещей. А нѣкоторые спокойные руководители промышленности прямо заявляютъ, что дисциплина рабочихъ союзовъ дала уже много превосходныхъ результатовъ и что ихъ предложенія—напримѣръ, введенная рабочими союзами перемѣнная таблица заработной платы—уже много способствовали подъему промышленности.

Итакъ, обѣ партіи готовы принципіально другъ друга признать. Онѣ инстиктивно чувствуютъ, что на той и другой сторонѣ создались совершенно одинаковыя условія,—съ одной стороны комбинированный капиталъ въ видѣ трестовъ, съ другой—организованный трудъ въ формѣ рабочихъ союзовъ. Тресты подавляютъ капиталистическую конкуренцію, рабочіе союзы борются противъ неорганизованныхъ рабочихъ. Одни борются при помощи высокихъ дивидендовъ, дешевой провозной платы и господства надъ источниками сырыхъ матеріаловъ, другіе посредствомъ страховыхъ учрежденій, посредствомъ благотворительности, посредствомъ ярлыковъ союзныхъ организацій, посредствомъ стачекъ и бойкота. И та, и другая сторона усиливаетъ свои позиціи, объединяя разрозненные интересы. Подобно тому какъ сталелитейные заводы соединяются съ крупными банками, желѣзными дорогами, пароходными компаніями, мѣдными рудниками и компаніей по добычѣ минеральныхъ маслъ, такъ и представители рабочихъ союзовъ строются, чтобы борьба, начавшаяся въ одной отрасли промышленности, тотчасъ же перешла на другія смежныя отрасли.

Обѣ стороны одинаково борются также—и это, быть можетъ, самый опасный факторъ—посредствомъ искусственнаго стѣсненія рынка. Если тресты постоянно закрываютъ или пріостанавливаютъ на время фабрики для того, чтобы господствовать надъ производствомъ, то и рабочіе союзы создаютъ для предложенія труда тѣсныя границы. Далеко не всякій, кто желаетъ изучить какой нибудь видъ труда, допускается къ нему въ качествѣ ученика. Рабочій союзъ не разрѣшаетъ вторженія новыхъ, молодыхъ силъ, если старые опытные работники сидятъ безъ работы. Регулированіе притока силъ къ тѣмъ отраслямъ труда, которыя требуютъ извѣстной подготовки, и отказъ организованныхъ рабочихъ работать въ одномъ предпріятіи съ рабочими, не принадлежащими къ организаціи,—это, безспорно, самыя тиранническія черты создавшагося теперь новаго положенія. Однако рабочіе союзы, конечно, не затрудняются приводить въ пользу всего этого такіе же благозвучные

аргументы, какіе трестами придуманы для защиты собственнаго, аналогичнаго образа дѣйствій.

Съ той и другой стороны дальнѣйшій ходъ развитія, безъ сомнѣнія, будетъ совершаться въ томъ же направленіи, и нація можетъ быть этимъ довольна, такъ какъ благодаря этой концентраціи и строгой дисциплинѣ разрѣшеніе споровъ для обѣихъ сторонъ значительно упрощается. Покуда интересы капиталистовъ раздроблены, а рабочія массы находятся въ хаотическомъ состояніи, переговоры затруднительны, и результаты ихъ не имѣютъ обязательной силы. Когда же другъ противъ друга стоятъ двѣ прочно организованныя партіи, которыя по существу другъ друга признаютъ, а пріобрѣтя нѣкоторую привычку, и уважаютъ, которыя относятся одна къ другой, какъ къ равному по достоинству и по положенію противнику,—тогда все подготовлено къ тому, чтобы вопросы получали скорое, чисто-дѣловое и дѣйствительное разрѣшеніе.

Если въ чемъ теперь представляется необходимость, такъ это въ возможно простой организаціи безпристрастнаго третейскаго суда, который тотчасъ же вступалъ бы въ дѣйствіе, разъ обѣ стороны не могутъ притти къ соглашенію. Именно въ этомъ смыслѣ энергично работаетъ общественное мнѣніе. Уже въ декабрѣ 1901 года по иниціативѣ Національнаго гражданскаго союза собралась конференція изъ главнѣйшихъ представителей капитала и труда, и эта конференція создала постоянное учрежденіе для примиренія работодателей и рабочихъ союзовъ въ случаѣ столкновенія между ними. Здѣсь, наконецъ, были представлены всѣ три стороны: капиталъ въ лицѣ президентовъ крупнѣйшихъ трестовъ, желѣзныхъ дорогъ, банковъ и промышленныхъ предпріятій, рабочіе союзы въ лицѣ вожаковъ рабочихъ организацій, и третья сторона, нація, въ лицѣ такихъ людей, какъ Гроверъ Клевеландъ, Чарльзъ Фрэнсисъ Адамъ, архіепископъ Айрлэндъ, президентъ Гарвардскаго университета Эліотъ и десятокъ другихъ, пользующихся уваженіемъ всей націи.

Иногда высказывалось неудовольствіе по поводу того, что здѣсь нѣтъ представительства отъ милліоновъ неорганизованныхъ рабочихъ. Но въ дѣйствительности указанные нейтральные представители націи являются въ то же время истинными представителями неорганизованныхъ рабочихъ. Если бы привлечь послѣднихъ къ участію желали въ другой формѣ, то пришлось бы требовать, чтобы эти милліоны прислали отъ себя делегатовъ, и такимъ образомъ они оказались бы вынужденными организоваться. Ихъ насильственно включили бы въ ряды организованныхъ рабочихъ, а между тѣмъ именно всего

что похоже на такое принужденіе, хотѣли избѣжать. Всѣ признаки указываютъ, что это прочное учрежденіе, пользующееся довѣріемъ націи и въ то же время совершенно свободно создавшееся, будетъ много способствовать тому, чтобы не возникало больше настоящей войны изъ-за заработной платы. Однако, не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что нація находится въ такомъ настроеніи, при которомъ она готова итти еще дальше Если бы, несмотря на существующую теперь прочную организацію той и другой стороны и на организацію института посредниковъ, пользующихся довѣріемъ обѣихъ сторонъ, оказалось, что и въ будущемъ опять невозможно взаимное соглашеніе или добровольное обращеніе къ третейскому суду, то нація будетъ требовать принудительнаго учрежденія третейскихъ судовъ.

Примѣръ Новой Зеландіи оказываетъ заразительное дѣйствіе. Конечно, въ Америкѣ сознаютъ, что опытъ маленькой страны не можетъ быть буквально повторенъ въ огромномъ государствѣ. Но желаніе послѣдовать этому примѣру широко распространено; теперь уже никого не пугаетъ негодованіе тѣхъ капиталистовъ, которые провозглашаютъ это полу-соціализмомъ и съ сокрушеніемъ предсказываютъ, что американская промышленность погибнетъ, разъ третейскіе судьи станутъ предписывать капиталисту, сколько онъ долженъ платить рабочимъ и какъ надо у него работать. Нація за послѣдніе двѣ-три года многому научилась.

Но мирное разрѣшеніе конфликтовъ одновременно подготовлялось и совершенно инымъ путемъ. Потрясающая борьба велась большею частью съ огромными компаніями, на службѣ у которыхъ находятся тысячи людей. Въ мелкихъ предпріятіяхъ то же самое повторялось въ болѣе скромной формѣ, и здѣсь противъ тысячъ рабочихъ стояли не могущественные тресты, а сотни мелкихъ предпринимателей, которые и въ соціальномъ отношеніи не отдѣлены пропастью отъ рабочихъ. Въ извѣстномъ смыслѣ борьба здѣсь часто была для работодателей гораздо болѣе разорительной, и ихъ безсиліе противъ рабочихъ организацій было очевидно. Поэтому вполнѣ естественно, что они сами стали понемногу слѣдовать примѣру рабочихъ, начали учреждать союзы и, такимъ образомъ, создали организаціи, благодаря которымъ сдѣлалось возможнымъ регулировать положеніе вещей.

Первый союзъ работодателей образовался въ 1890 году; его создали владѣльцы газетъ, для которыхъ внезапное прекращеніе работъ, конечно, особенно опасно. Въ теченіе десяти лѣтъ этотъ примѣръ находилъ подражаніе лишь въ немно-

гихъ отрасляхъ. Напротивъ, за послѣдніе два-три года подобные союзы предпринимателей, пока очень мало привлекающіе вниманіе публики, образовались почти во всѣхъ отрасляхъ, и здѣсь условія были гораздо болѣе благопріятны для того, чтобы съ самаго начала привести обѣ стороны къ взаимному соглашенію. Покуда и рабочіе, и работодатели были разъединены, соглашенія между ними были недостижимы: когда же съ той и другой стороны возникла организація, тогда оказалось возможнымъ заключеніе между ними такихъ договоровъ, которые должны были принести пользу обѣимъ сторонамъ. И однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ договора постоянно являлся тотъ, что споры должны разрѣшаться третейскимъ судомъ.

Послужитъ ли этотъ исходъ источникомъ радости и для публики, это представляется сомнительнымъ, такъ какъ, разъ работодатели и рабочіе какой нибудь мѣстности вполнѣ организовались и заключили между собою союзъ,—такъ называемая публика оказывается всецѣло въ ихъ рукахъ. Тогда мы имѣемъ дѣло съ абсолютной монополіей. Если, напримѣръ, въ какомъ нибудь большомъ городѣ всѣ владѣльцы электро-техническихъ предпріятій обязались принимать только рабочихъ, принадлежащихъ къ электро-техническому союзу, а всѣ рабочіе данной отрасли обязались работать только у тѣхъ предпринимателей, которые входятъ въ союзъ предпринимателей-электротехниковъ, то новому предпріятію здѣсь почти невозможно возникнуть и понизить цѣны въ цѣляхъ конкуренціи: для такого предпріятія не нашлось бы рабочихъ. Въ результатѣ всякій домовладѣлецъ во всемъ городѣ, желая устроить у себя электрическій звонокъ, вынужденъ будетъ платить тѣ цѣны, которыя установлены по своему усмотрѣнію союзами—рабочимъ и предпринимательскимъ. Для свободнаго соперничества, такимъ образомъ, не остается мѣста.

Вообще, вопросъ о такъ называемой экономической свободѣ получаетъ благодаря всѣмъ этимъ процессамъ новое, своеобразное освѣщеніе. Безспорно, рабочіе союзы являются продуктомъ самаго свободнаго соглашенія. Но одна изъ главныхъ ихъ функцій заключается въ томъ, что они обязуются въ любое время доставлять союзу работодателей потребное число рабочихъ, такъ чтобы предприниматель никогда не оказывался въ затруднительномъ положеніи. Это—одно изъ главныхъ условій, которыя они предлагаютъ для того, чтобы въ обмѣнъ взять съ работодателя обязательство, что онъ будетъ принимать только членовъ союза. Но результатомъ является то, что рабочій, собственно, превращается, по китайскому образцу, въ лишенный всякой свободы товаръ и поставляется такъ, какъ поставляются

кули. Не слѣдуетъ обманывать себя насчетъ того, что многое здѣсь измѣняется самымъ причудливымъ образомъ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти новые профессіональные союзы работодателей путемъ незамѣтныхъ переходовъ примыкаютъ къ трестамъ крупныхъ капиталистовъ и что они могутъ чрезвычайно сильно способствовать быстрому успѣху въ дѣлѣ примиренія капитала и труда или, по крайней мѣрѣ, быстрому росту сознанія общности интересовъ у капитала и труда. Рабочимъ организаціямъ все въ большей мѣрѣ предоставляется право вліять на порядокъ и условія работы, обезпечивать каждому отдѣльному рабочему его мѣсто, а, слѣдовательно, и давать ему возможность основать семью и получать внутреннее удовлетвореніе, столкновенія же все въ большей мѣрѣ разсматриваются какъ различіе мнѣній двухъ равноправныхъ сторонъ.

Безспорно, многое еще требуетъ улучшенія съ обѣихъ сторонъ. Прежде всего, рабочіе союзы должны гораздо серьезнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ въ отношеніи дисциплины. Они должны получить возможность принимать на себя отвѣтственность за то, что ихъ члены не станутъ прибѣгать ни къ какимъ насиліямъ во время борьбы изъ-за заработной платы и что не будетъ допущено никакого нарушенія закона, главнымъ образомъ въ отношеніи нарушителей забастовки. Конечно, рабочіе союзы всегда проповѣдывали благоразуміе, но не всегда они бывали недовольны, если отдѣльныя лица въ своемъ ожесточеніи доходили до преступленій. Здѣсь необходимы перемѣны. Именно по этой причинѣ рабочіе союзы до сихъ поръ большей частью отказывались отъ внесенія ихъ въ списокъ экономическихъ компаній. Они не желали нести юридическую отвѣтственность за своихъ членовъ. А между тѣмъ именно эта юридическая отвѣтственность безусловно необходима для того, чтобы договоры, заключаемые между союзами рабочими и предпринимательскими, могли получать все большее значеніе. Но еще важнѣе, быть можетъ, другое обстоятельство: и работодатели, и рабочіе одинаково должны сознать то, что, повидимому, отвыкло сознавать и общественное мнѣніе Америки,—именно, что третейскій судъ долженъ быть дѣйствительно третейскимъ судомъ, а не просто аппаратомъ для достиженія компромиссовъ.

Рабочій вопросъ и въ Америкѣ въ настоящее время еще не разрѣшенъ, но надо намѣренно закрывать глаза и не видѣть движенія, совершающагося въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, чтобы утверждать, что вопросъ этотъ неразрѣшимъ, или даже только, что онъ еще далекъ отъ разрѣшенія. Періодъ борьбы, повидимому, близокъ къ концу; и рабочая партія, и партія капита-